КІЕВЪ

СЪ

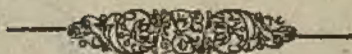
ДРЕВНѢЙШИМЪ ЕГО УЧИЛИЩЕМЪ

АКАДЕМІЕЮ.

Соч.

В. АСКОЧЕНСКАГО.

ЧАСТЬ II.

Кіевъ.

Въ Университетской типографіи.

1856.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. 1856 Апрѣля 30 дня.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ, *Ор. Новицкій.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ІОАСАФЪ КРОКОВСКІЙ.

Кроковскій представленъ въ коадъюторы. Неуспѣхъ этого. Дѣйствія уніатовъ. Кончина Варлаама. Избраніе Кроковскаго въ митрополиты. Приготовленія къ пріему его въ Москвѣ. Отъѣздъ Кроковскаго. Посвященіе его въ митрополиты. Грамата царская. Встрѣча новаго митрополита. Замѣчательная картина. Измѣна и проклятіе Мазепы. Петръ I въ Кіевѣ. Моровая язва. Мощи св. великомуч. Варвары. Акаѳистъ. Саранча. Буйство Орлика. Кіевъ въ опасности. Угнѣтеніе православныхъ. Постановленіе сейма. Грамата Скоропадскаго. Состояніе Академіи. Число воспитанниковъ въ 1715 г. Костюмъ тогдашняго студента. Ректоры Академіи. Вызовъ Кроковскаго въ Петербургъ и кончина его. Завѣщаніе. Администрація кіевской іерархіи. Пожаръ въ Лаврѣ. Моровая язва. Буйства уніатовъ. Повелѣніе избрать новаго митрополита. Неуспѣшность избранія.

1707—1718.

Престарѣлый архипастырь кіевской іерархіи Варлаамъ Ясинскій, еще въ пятомъ году своего правленія митрополіей, чувствуя немощь свою, представлялъ Государю просьбу о назначеніи ему коадъютора, и самъ указалъ достойнаго помощника себѣ въ ректорѣ Академіи и вмѣстѣ кіево-братскомъ игуменѣ Іоасафѣ Кроковскомъ. Снисходя къ ходатайству Варлаама, Государь повелѣлъ вызвать представляемаго кандидата въ Москву: но патріарху Адріану не понравилось требованіе другаго коадъютора, когда уже такимъ считался епископъ переяславскій, и подъ разными предлогами онъ отклонилъ посвященіе Іоасафа

въ епископы. Петру I некогда было обратить на сіе ближайшаго вниманія, ибо въ эту пору случился азовскій походъ, а потомъ отправленіе Державнаго путешественника за границу, и Кроковскій возвратился домой, гдѣ въ замѣнъ не состоявшагося коадъюторства ожидалъ его архимандритскій жезлъ Кіево-печерской Лавры.

Но и на этомъ посту онъ оставался ближайшимъ пособникомъ престарѣлаго іерарха. Не смотря на то, что Варлаамъ успѣлъ очистить Кіевъ отъ іезуитовъ и уніатовъ,—враги православія продолжали свирѣпствовать особенно въ той части Украйны, которая подлежала польскому владычеству. Объ этомъ еще въ первомъ году, по принятіи жезла архипастырскаго, писалъ онъ къ Царямъ, особенно жалуясь на львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, который съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, позволялъ себѣ всякія неистовства противъ православныхъ, а первый изъ нихъ, продолжая именоваться блюстителемъ кіевской митрополіи и архимандритомъ кіево-печерскимъ, всѣми силами старался стать дѣйствительнымъ и независимымъ митрополитомъ галицкимъ. Безпомощные жители Украйны обращались къ архипастырю кіевскому съ неотступными просьбами о защитѣ: но что могъ сдѣлать Варлаамъ, лишенный всякой возможности дѣйствовать въ пользу тѣхъ, которые политикою отодвинуты были за предѣлы епархіальной его власти? Россія тоже не могла тогда защищать ихъ, будучи занята войною шведскою, и дѣло обороны православія въ юго-западномъ краю Россіи легло всей своей тяжестью на крѣпкаго умомъ и волею архимандрита Іоасафа Кроковскаго. Утѣшая престарѣлаго первосвятителя, ободряя угнѣтенныхъ обѣщаніемъ скорой помощи, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ, онъ представлялъ собою такого человѣка на котораго устремлены были взоры всѣхъ ожидавшихъ тишины и спокойствія.

Въ августѣ 1707 года митрополитъ Варлаамъ видимо сталъ уже склоняться къ могилѣ. Прежде когда-то онъ и на слу-

женіе въ кіевскіе монастыри и церкви ходилъ пѣшкомъ, а въ послѣдніе годы жизни его уже носили въ церковь. Наконецъ 22 числа святитель Христовъ предалъ праведную душу свою въ руцѣ Божіи, а тѣломъ почилъ во святой Кіево-печерской Лаврѣ.

Внѣшній видъ Варлаама честенъ бѣ сѣдинами,
Внутрный же бѣ лучшими украшенъ дарами,
Любви яже ко ближнимъ и яже къ Богу
Красоту души его являше премногу,
Мудрость со Христовою смѣси простотою,
Мужъ старъ лѣты, купно же малъ отрокъ злобою.
Нравомъ и достоинствомъ великъ бывъ и славенъ,
Обаче и малѣйшимъ творяшеся равенъ.
Бдѣніемъ угаси свѣтъ очей вещественныхъ,
Но просія лучами видѣній мысленныхъ.
Труды скору сотвори смерть себѣ телѣсну,
Но тѣмижде лучшую сниска жизнь небесну.

Такъ гласитъ современная надпись на портретѣ Варлаама, одного изъ великихъ іерарховъ Кіева. »То написа на погребе»ніе въ св. Лаврѣ печерской честнаго тѣла сего въ Духу Свя»томъ отца своего и архипастира недостойный сынъ и архи»діяконъ Іляріонъ Микгура. 1707 г. октоврія 19«[1].

Октября 19 того же года состоялся соборъ изъ всего кіевскаго духовенства для избранія первосвятителя вольными голосами, по прежнимъ правамъ малороссійскимъ. Общее единодушное согласіе пало на Іоасафа Кроковскаго, и гетманъ Мазепа представилъ объ этомъ Государю.

Нареченный митрополитъ былъ потребованъ въ Москву, гдѣ къ пріѣзду его начали дѣлать приготовленія. Приказъ Монастырскій навелъ подробнѣйшія справки о стойности пріема прежнихъ митрополитовъ кіевскихъ Гедеона и Варлаама, и изчислилъ,

что въ настоящій разъ это будетъ стоить казнѣ три тысячи шестьсотъ тридцать семь рублей семь алтынъ и двѣ деньги[2]. Это была высшая смѣта, и Государь утвердилъ ее.

24 февраля 1708 года Іоасафъ выѣхалъ изъ Кіева, въ сопровожденіи осмидесяти девяти человѣкъ своей свиты для принятія сана митрополитскаго. Кромѣ этого, онъ имѣлъ еще въ виду исходатайствовать у Государя подтвердительную грамату на мѣстечко Стайки, вновь приписанное къ Академіи Мазепою. Въ гетманскомъ универсалѣ по этому случаю было сказано, что означенное селеніе дается »во уваженіе того, что коллегіатскій »монастырь есть всей Церкви православно-восточной благопо»требный и благополезный«.

Августа 15 того же года совершено было Стефаномъ Яворскимъ, блюстителемъ патріаршаго престола, рукоположеніе Іоасафа въ митрополиты. Сентября 20 онъ получилъ отъ Государя подтвердительную грамату на м. Стайки для Кіевской Академіи: но настольная грамата прислана была ему уже черезъ годъ[3]. Въ ней, кромѣ подтвержденія всѣхъ прежнихъ правъ на владѣніе имѣніями и угодьями, изъяты изъ подъ вѣдомства митрополитскаго архіепископъ черниговскій и архимандритъ кіевопечерскій; за то подчиненъ Нѣжинъ со всѣми находившимися тамъ греческими церквами и духовенствомъ. Кромѣ этого вмѣнялось въ обязанность митрополиту о »ставленикахъ изъ за»границъ польскихъ приходящихъ имѣти бодрое и прилѣжное »попеченіе, и которые будутъ ради посвященія въ Кіевъ при»ходить, тѣхъ принимать и посвящать и поступать съ оными »въ наказаніи духовныхъ правъ и въ наученіи по преданію свя»тыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и при посвященіи приводить »оныхъ ставлениковъ предъ св. Евангеліемъ къ вѣрѣ, дабы они »имѣли о Церквѣ православной восточной попеченіе, и отъ »уніатовъ и иныхъ вѣры нашей православной святаго грече»скаго благочестія противниковъ осторожность и опасеніе, да не

»вкрадутся оные, яко волцы, къ похищенію святыхъ церквей, »но должны тщиться въ размноженіи благочестія святаго и о »наученіи заграничнаго народа православныя нашея вѣры«[4].

Новопосвященный митрополитъ явился наконецъ въ предѣлахъ Малороссіи. Шествіе его было рядомъ торжествъ, щедро расточаемыхъ своему архипастырю и духовными властями и малороссійскими чинами. Въ октябрѣ 1708 года Іоасафъ прибылъ въ Борзну, гдѣ, встрѣченный придворнымъ штатомъ самаго гетмана, останавливался на нѣкоторое время, по случаю болѣзни Мазепы. Былъ ли онъ увѣренъ въ подложности страданій хитраго честолюбца, или и его, какъ всѣхъ прочихъ, обманулъ онъ своей болѣзненной неподвижностью на мнимострадальческомъ одрѣ, — остается неизвѣстнымъ. Послѣднее однакожъ имѣетъ болѣе вѣроятности, потому что Іоасафъ самъ изъявилъ желаніе соборовать его масломъ[5]. Но самая замѣчательная встрѣча ожидала Кроковскаго въ родномъ его Кіевѣ. Не смотря на неурочное время года, въ Академіи данъ былъ по случаю прибытія его торжественный диспутъ, на которомъ, кромѣ рѣчей на разныхъ языкахъ, поднесена была ему отъ лица всего училища великолѣпнѣйшая картина, отлично сочиненная и исполненная однимъ изъ воспитанниковъ Академіи *Максентіемъ Щирскимъ*, іеромонахомъ и учителемъ поэзіи. Картина эта раздѣляется на двѣ половины, имѣющія между собою тѣсную связь. На первомъ планѣ, съ лѣвой стороны изображены три дѣвы въ коронахъ изъ городковъ и башенъ, представляющія Великую, Малую и Бѣлую Россіи; Малая Россія, облеченная въ порфиру, стоитъ на колѣняхъ, и съ радостнымъ видомъ простираетъ руки къ Іоасафу; на лицѣ дѣвы, представляющей Бѣлую Россію, видно скорбное моленіе; Великая же Россія какъ будто поручаетъ единоплеменницъ своихъ попеченію іерарха, выражая движеніемъ своимъ, что она все сдѣлала и впредъ готова дѣлать для доставленія имъ тишины и счастія. На одной линіи съ этими дѣвами изображена Минерва съ кни-

гою въ правой и съ знаменемъ въ лѣвой рукѣ; лицо ея обращено къ студентамъ, сгруппированнымъ за богиней и одѣтымъ въ современный, присвоенный имъ костюмъ. На томъ же планѣ изображенъ гетманъ Иванъ Мазепа, сопровождаемый своими полковниками, асаулами и всей козацкой знатью. На второмъ планѣ, въ нѣсколько отдаленной перспективѣ, съ лѣвой стороны, изъ подъ великолѣпнаго шатра выходитъ въ сіяніи дѣва въ первосвященническомъ одѣяніи, изображающая Церковь, яко невѣсту, исходящую изъ чертога своего; ее сопровождаютъ семь юныхъ дѣвъ съ лиліями въ рукахъ, онѣ представляютъ или семь главныхъ добродѣтелей, или можетъ быть семь таинствъ Церкви православной. Отъ устъ Церкви исходитъ слѣдующее привѣтствіе: *возлюбленный мой, вниди въ виноградъ свой собирати крины.* Путь, по которому шествуетъ Церковь, усыпанъ цвѣтами, которые разсѣваютъ два порхающіе ангела, а внизу надпись: *цвѣти явишася на земли нашей.* Съ правой стороны изображенъ самъ Іоасафъ Кроковскій съ подъятыми къ небу руками, сопровождаемый святителями, сонмомъ служителей алтаря и безчисленной толпою народа, выходящими изъ великолѣпнаго шатра; отъ устъ іерарха паствы кіевской исходятъ слѣдующія слова: *да станетъ солнце прямо Гаваону, дондеже враги побѣдитъ.* На третьемъ планѣ, въ отдаленнѣйшей перспективѣ, представленъ городъ Кіевъ, раздѣленный на двѣ части высокими горами, по уступамъ которыхъ видно множество скачущихъ всадниковъ по направленію къ правой сторонѣ, гдѣ виднѣется Софійскій монастырь. Въ самомъ верху, представляющемъ небеса, по правую сторону въ сіяющихъ звѣздахъ помѣщены св. угодники печерскіе, а съ лѣвой тоже въ звѣздѣ, св. Іоаннъ Креститель (патронъ гетмана Мазепы) съ надписью на верху: *денница солнца Предтеча,* внизу же подъ звѣздой въ струѣ свѣта, простирающейся къ торжествующей невѣстѣ Церкви, слѣдующій стихъ: *се женихъ грядетъ, изыдите въ срѣтеніе его.* Въ самой вышинѣ, посреди картины, изображеніе знаменія пресв Богородицы съ надписаніемъ вокругъ: *жена оболчена въ солнце*

Внизу картины находится слѣдующая надпись: *Всенародное торжество отечества. и Церкви российской, радующейся о благополучномъ пришествіи входящаго на престолъ свой своего пастыря ясне въ Богу преосвященства, его милости господина отца Киръ Іоасафа Кроковскаго, милостію Божіею православнаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи, архимандрита святыя. чудотворныя лавры Печерскія Кіевскія отъ усерднаго слуги и богомольца своего іеромонаха учителя піитики Максентія Щирскаго* с. м... *міру явленная.* Въ тоже время другимъ изъ воспитанниковъ Академіи *Андреемъ Хмарнымъ* поднесено новому архипастырю сочиненіе, напечатанное въ томъ же 1708 году съ посвященіемъ митрополиту Рафаилу и озаглавленное такъ: Domus Sapientiae — *Домъ премудрости*(6).

А между тѣмъ Мазепа, возводя церкви и украшая ихъ своими гербами, краснорѣчиво повѣствуя о своемъ радѣніи въ пользу православія и просвѣщенія, готовилъ Малороссіи страшное несчастіе отпаденія отъ той имперіи, съ которою она начинала сливаться нераздѣльно. Прикрывая хитростію и заливая кровью невинныхъ(7) тайну своей измѣны, Мазепа вдругъ соединился съ врагомъ Россіи, и раздраженный Петръ I положилъ поразить клятвопреступника судомъ церковнымъ. Прибывъ въ Глуховъ 6 ноября 1708 года, онъ вызвалъ на соборъ Іоасафа Кроковскаго и другихъ окружныхъ первосвятителей, которые, по повелѣнію Императора, торжественно предали проклятію коварнаго измѣнника и ненасытнаго честолюбца(8). Болѣзненно отзывалась въ сердцѣ Іоасафа анаѳема тому, кого за нѣсколько дней предъ симъ почиталъ онъ охранителемъ православія и благодѣтелемъ просвѣщенія: но скорбя о человѣкѣ, онъ поражалъ клятвою измѣнника вѣрѣ, Царю благодѣтелю и родному краю. Немедленно по прибытіи въ Кіевъ, митрополитъ обнародовалъ актъ проклятія печатными листами съ увѣщаніемъ ко всему народу пребывать въ вѣрности къ Государю и новоизбранному гетману Ивану Скоропадскому(9).

Была великая полтавская битва. Побѣдитель дотолѣ непобѣдимаго Карла XII, Великій Петръ 22 іюля прибылъ въ Кіевъ для принесенія благодарственнаго моленія Господу Богу за дарованную ему побѣду. И снова передъ державнымъ Владыкою Россіи предсталъ тотъ, кто уже привѣтствовалъ его недавно блистательною рѣчью, кто теперь былъ только іеромонахомъ и префектомъ Академіи, но уже сдѣлалъ шагъ въ іерарха — министра. Въ храмѣ св. Софіи Прокоповичъ произнесъ знаменитый свой панегирикъ Государю, не забывъ и любимца его Меньшикова. »мы въ Александрѣ, говорилъ онъ, видимъ Петра, и »его священнѣйшему Величеству въ твоемъ лицѣ покланяемся«. Во всѣхъ кіевскихъ церквахъ совершено было торжественное молебствіе о побѣдѣ, дарованной Великому, и Кіевъ радовался тѣмъ болѣе, что въ эту минуту самъ Державный Побѣдитель былъ въ стѣнахъ его.

Замѣтимъ между прочимъ, что первая побѣда русскаго воинства надъ образованными европейскими полчищами была отпразднована самимъ Царемъ не въ новосозидаемой столицѣ, даже не въ первопрестольной Москв , а въ древнѣйшемъ стольномъ городѣ св. Владиміра и Ярослава, златоглавомъ Кіевѣ. За Царя и воинство его были ходатаями предъ престоломъ Божіимъ св. угодники печерскіе, и, по совершеніи великаго дѣла, они же привлекли въ святую обитель самодержавнаго повелителя вознести вмѣстѣ съ ними благодарственныя моленія Господу силъ въ русскомъ Іерусалимѣ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Петра, Кіевъ пораженъ былъ тяжкимъ бѣдствіемъ. Открылась моровая язва сначала въ окрестностяхъ Полтавы; устрашенные жители бѣжали кто куда могъ, и Кіевъ наполнился несчастными бѣглецами, принесшими съ собою нищету, отчаяніе и ужасную болѣзнь. Язва открылась здѣсь въ мартѣ 1710 и продолжалась до генваря 1711 года. Въ это »время, говоритъ очевидецъ, пустъ городъ Кіевъ остался, яко

»выгнанно всѣхъ обывателей изъ Кіева и странствоваху отъ »града во градъ, единъ другаго чуждаючися — отецъ дѣтей, »дѣти отца, и многихъ трупіе поядаху звѣріе, птицы, псы и »свинія. Церкви божественныя опустѣша, такожъ и монастыри, »и не бѣ ни жертвы, ни приношенія, и таково бяше время, яко »ни купити, ни продати, ибо города сталися позапираны, домы »позабиваны, жители изгнаны, и вся яже кто имѣяше, остав»ляше и бѣгаше по пустыняхъ и поляхъ, и тогда бяше тое, »яко двѣ мельницы въ жерновахъ, едина поемлется, а другая »оставляется; видѣхъ другъ друга смерть ходячи, ибо и сидячіи »умирали нечаянно, и живыи чуждахуся мертвыхъ своихъ[10].

Въ эту бѣдственную годину Кіевъ былъ свидѣтелемъ чуда, явленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ своихъ. »Егда вся »обители святыя толь веліею во многихъ людехъ нечаянною »казнени быша язвою, яко въ нѣкіихъ мало кому, во иныхъ »же ни единому судися быти живу; едина точію обитель свято»Михайловская Золотоверхая Кіевская, честно въ себѣ нетлѣн»ныя мощи святыя великомученицы Варвары хранящая, чу»деснѣ молитвами ея отъ тоя сохранися казни, яко всѣмъ жив»шимъ въ ней и въ другомъ приписномъ къ ней скитку, неда»лече отъ града отстоящемъ, изволеніемъ Божіимъ, здравымъ »и живымъ устроися быти«[11]. Желая увѣковѣчить сіе великое знаменіе молитвеннаго ходатайства св. Великомученицы, митрополитъ Іоасафъ сочинилъ ей акаѳистъ, который установилъ прочитывать еженедѣльно по вторникамъ, и православные кіевляне съ той поры и до нынѣ слышатъ »благодарственная пѣнія и хваленія« получившей отъ Бога благодать »хранити и соблю»дати отъ внезапныя болѣзни и наглыя смерти всякаго чело»вѣка, вѣрою, любовію и благоговѣніемъ воспоминающаго и по»читающаго честная страданія св. Великомученицы«[12].

Но не прошло еще совсѣмъ это страшное наказаніе Божіе, какъ на поля украинскія снова налетѣла саранча, за двадцать

лѣтъ предъ симъ истребившая всѣ произрастенія и запасы хлѣбные до зерна. Пораженный сими двумя бичами небесными, народъ, по сказанію лѣтописца, думалъ, что уже пришла кончина міра, и приготовлялся къ смерти, мало заботясь о своей нестерпимой жизни[13].

И этимъ еще не кончилось бѣдствія Кіева и всей юго-западной Россіи. Бѣглецы Мазепины, по смерти своего атамана, провозгласили со стороны Порты и короля шведскаго гетманомъ своимъ Орлика, который тотчасъ же началъ дѣлать на бумагѣ разныя распоряженія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ полновластный господинъ Украйны. Возмущая довѣрчивый народъ самыми несбыточными обѣщаніями, онъ разсылалъ свои универсалы по заднѣпрію и всей Малороссіи, приглашая всѣхъ къ повиновенію себѣ. Кіевъ, какъ столица древней Россіи, обращалъ на себя особенное вниманіе возмутителя. Тринадцатою статьею своего договора съ Запорожцами онъ обѣщалъ оставить какъ самый Кіевъ, такъ и всѣ украинскіе города при тѣхъ правахъ и привиллегіяхъ, которыя издавна были пожалованы имъ польскими королями[14]. Но сумазбродныя воззванія палача Кочубеева не произвели никакого дѣйствія на вѣрныхъ долгу и присягѣ Малороссіянъ; одни только буйные Запорожцы, имѣвшіе свои становища въ устьяхъ Днѣпра и Буга, почти посреди степей татарскихъ, пристали къ Орлику, и соединившись съ крымскими и бессарабскими татарами, дѣлали многіе набѣги и разоренія въ Малороссіи, и особенно въ заднѣпріи, »отомщевая, какъ говоритъ Ковисскій, народу за его къ нимъ недоброжелательство »и сопротивленіе«. Самый Кіевъ не разъ видѣлъ себя близкимъ къ опасности, и гетманъ Скоропадскій неустанно долженъ былъ бодрствовать на стражѣ общественнаго спокойствія. Прибытіе въ 1712 году великороссійскихъ войскъ въ знатнѣйшіе малороссійскіе города успокоило повсемственное волненіе, а въ самомъ Кіевѣ остался съ того времени безсмѣнный гарнизонъ изъ русскихъ солдатъ.

Но и силы Царя Русскаго не могли обуздать фанатическаго изуверства гонителей Православія. Къ несчастію, въ слѣдствіе прутскаго договора, Украйна правой стороны Днѣпра отошла къ коронѣ польской, и для ревнителей папизма и уніатства снова предстали заботы обращать въ свою вѣру тѣхъ, которые до сихъ поръ были внѣ предѣловъ ихъ фанатической власти. И безъ того уже вся Подолія и Волынія лишены были православныхъ храмовъ и свободы вѣроисповѣданія; въ 1712 году прибылъ съ Волыни въ Кіевъ и послѣдній православный епископъ тамошній Кириллъ Шумлянскій, опредѣленный потомъ черезъ три года въ Переяславль, съ званіемъ митрополитскаго коадъютора. Хотя въ 1717 году трактатомъ Россіи съ Польшею и было обѣщано православнымъ церквамъ и духовенству возвращеніе прежнихъ правъ и вольностей: но по случаю продолжавшейся еще тогда шведской войны польскій сеймъ не только не думалъ объ исполненіи своего обѣщанія, но даже постановилъ уничтожить всѣ храмы, недавно въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и въ самыхъ домахъ заведенные *диссидентами*, и запретилъ не только общенародныя, но и частныя въ нихъ собранія, молитвословія и пѣнія. Вмѣстѣ съ симъ отнято право чиновъ и гражданственныхъ должностей отъ всѣхъ диссидентовъ, и каждый изъ нихъ обложенъ былъ особымъ штрафомъ. Польша оскорбляла Петра I: но скоро дождалась Екатерины II.

Академія также не могла не раздѣлять бѣдствій своего края. Въ однихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіальному братству, произвели страшное опустошеніе моровая язва и саранча; а другія отошли за границу, подъ владычество Польши. Снисходя къ такому бѣдствію Академіи, гетманъ Иванъ Скоропадскій, въ 1714 году, безъ всякаго представленія и прошенія со стороны академическаго начальства, далъ обѣднѣвшему училищу новое село. »Съ особеннымъ вниманіемъ, писалъ онъ въ своемъ уни»версалѣ, взирая на обитель кіево-могилянскую, всему отечеству »нашему благопотребную, гдѣ сыны Малороссіи надлежащее

»имѣютъ въ наукахъ наставленіе, для совершенія всякихъ доб-»рыхъ дѣлъ и благонравныхъ поступковъ свою исправляютъ »юность, и оттуда на подпору Церкви православной и отчизны »просвѣщенные разумомъ исходятъ, и что потому особливо то »святое мѣсто требуетъ искусныхъ мужей и благоразумныхъ »учителей; для вспоможенія и довольствованія оныхъ нынѣ, »когда помянутой обители маетности на другомъ боку Днѣпра »отошли за границу въ польскую державу, отдаемъ симъ на »шимъ универсаломъ село, прозываемое Ядловкою, позволяя имъ »съ тамошнихъ посполитыхъ людей всякія повинности и ко »рысти отбирати«.

Но не смотря на житейскіе недостатки, внутреннее состо яніе училища не могло назваться бѣдственнымъ. Находясь подъ покровительствомъ просвѣщеннѣйшаго и дѣятельнѣйшаго іерарха, богатая отличными наставниками, Академія не оскудѣвала ни науками, ни воспитанниками. Довольно того, что въ 1715 году въ ней считалось *тысяча сто* учениковъ разныхъ сословій, между которыми однакожъ брало перевѣсъ малороссійское дворянство. Дѣти помѣщиковъ были въ этой ученой семьѣ аристократами и рѣзко отдѣлялись отъ сотоварищей своихъ и манерами и костюмомъ. Изъ уцѣлѣвшихъ рисунковъ и описей [15] можно видѣть, какъ вообще одѣвались тогдашніе студенты. Верхнюю одежду составляла такъ называемая *кирея*, родъ шинели безъ капишона, съ откидными рукавами, простиравшаяся до самыхъ пятъ. Лѣтомъ она бывала у богатыхъ изъ шелковой матеріи, а у бѣдныхъ изъ китайки, а зимой изъ сукна, и по краямъ обшивалась краснымъ или желтымъ снуркомъ въ узорахъ. Въ зимнюю пору подъ кирею надѣваемъ былъ кожухъ овчинный, подпоясываемый шелковымъ, камлотовымъ или просто шерстянымъ кушакомъ: а въ лѣтнюю короткій кафтанъ изъ какой нибудь цвѣтной матеріи, до верха застегиваемый металлическими пуговицами. Штаны у щеголей бывали красные или голубые замѣчательной ширины; шапка дѣлалась изъ смушекъ

съ какимъ нибудь цвѣтнымъ верхомъ, похожая на старинныя мурмолки. Сапоги бывали тоже разныхъ цвѣтовъ; щеголи носили красные и желтые съ отворотами, па высокихъ каблукахъ и съ звенящими подковами. Костюмъ этотъ былъ нормальнымъ для всякаго студента, особенно высшихъ классовъ, и перемѣны въ ономъ не допускалось никакой, ибо онъ почитался »шляхетскимъ«.

Митрополитъ Іоасафъ, самъ непосредственно наблюдавшій за чтеніемъ академическихъ уроковъ, всѣми силами старался освободить высшія науки отъ подчиненія давнопринятымъ аристотелевскимъ началамъ, и, къ удовольствію своему, нашелъ въ ректорахъ дѣятельныхъ и разумныхъ себѣ пособниковъ.

Выше было упомянуто о *Христофорѣ Чарнуцкомъ*, управлявшемъ Академіей съ 1706 по 1709 годъ: но ученая дѣятельность этого человѣка блѣдна передъ дѣятельностію знаменитаго сотрудника и потомъ преемника его *Ѳеофана Прокоповича II*. Принявъ въ 1708 году префектуру, онъ какбы не хотя велъ науку философіи по проложенной уже предшественниками его тропинкѣ[16], имѣя въ виду богословіе, котораго суждено было ему стать преобразователемъ. Въ 1709 году, по назначеніи Чарнуцкаго настоятелемъ Кіево-Николаевскаго монастыря, Прокоповичъ, оставаясь все тѣмъ же префектомъ, допущенъ къ исправленію и ректорской должности: но 1711 года, Государь Петръ I, отправляясь въ турецкій походъ, взялъ съ собою Прокоповича, и уже по возвращеніи своемъ, повелѣлъ произвести его въ игумены Братскаго монастыря и утвердить въ званіи ректора и профессора богословія. »Сію должность, замѣчаетъ митрополитъ Евгеній, проходилъ онъ по іюнь мѣсяцъ 1716 »года съ такою славою, какой предмѣстники его въ семъ зва»ніи еще не имѣли«[17]. Какъ профессоръ, Прокоповичъ старался въ своей наукѣ совмѣстить все, что имѣла тогда лучшаго Европа, и потому, не довольствуясь прежде принятыми образ-

цами, обращался къ руководствамъ Гергарда и другихъ нѣмецкихъ богослововъ. Не стѣсняя себя строгими условіями системы, Прокоповичъ обдѣлывалъ отдѣльные трактаты, которые въ такомъ видѣ и являлись въ печати, составляя предметъ удивленія самихъ ученѣйшихъ иностранцевъ. Но поспѣшность, съ какою Ѳеофанъ работалъ, была причиною того, что въ лекціи его вкрались нѣкоторыя ошибки, сильно опротестованныя потомъ Стефаномъ Яворскимъ[18]. Со временемъ онѣ были исправлены ректорами Академіи, которые, слѣдуя предначертаніямъ Прокоповича, изложеннымъ во Введеніи въ Богословіе, занимались приведеніемъ въ порядокъ его трактатовъ и образованіемъ изъ нихъ правильной системы. Изданная потомъ въ свѣтъ, она составила лучшее и первѣйшее руководство во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ православной Россіи. Кромѣ этого, Прокоповичъ имѣлъ благотворное вліяніе на Академію и другимъ образомъ. Высокое значеніе его, пріобрѣтенное милостивымъ вниманіемъ Государя и могущественнаго любимца его Меньшикова, связи съ другими вельможами Двора, не могли не быть благодѣтельными и для училища; въ аудиторіи его стали слышаться знатнѣйшія фамиліи, и всѣ лучшіе помѣщики малороссійскіе, зная о любви Монарха къ просвѣщенію, наперерывъ спѣшили отдавать дѣтей своихъ въ единственное тогда училище. Граждане, купцы и мѣщане кіевскіе за честь себѣ поставляли быть въ числѣ воспитанниковъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ родамъ того края, и слава объ Академіи загремѣла повсюду.

Сотрудникомъ Прокоповича въ профессорскомъ дѣлѣ былъ *Іоасафъ Томиловичъ*. Онъ во всемъ слѣдовалъ указаніямъ ректора, и составленная имъ реторика (1711 г.)[19], а потомъ система философіи (1715)[20] нимало не отступали отъ програмы, какой въ свое время слѣдовалъ самъ Ѳеофанъ.

Преемникъ Прокоповича *Сильвестръ Пиновскій*, бывшій только вице-ректоромъ и профессоромъ богословія съ 1716 по

1721 годъ, слѣдовалъ своему предшественнику до малѣйшей подробности; онъ даже не захотѣлъ составлять органически-правильной системы, а подобно Ѳеофану, разбилъ ее на отдѣльные трактаты[21]: но, къ сожалѣнію, то, что подъ силу было геніальному уму, другаго менѣе сильнаго вовлекло въ полемику и діалектическія тонкости, повредившія строгости богословскихъ изслѣдованій, не защищенныхъ никакими границами методологіи. Пиповскій памятенъ еще тѣмъ, что присутствовалъ при обсужденіи духовнаго регламента, подъ которымъ и подписался. Ему суждена была особенная честь in cathedra mori, и сомкнуть уста тамъ, гдѣ вѣщали онѣ не такъ давно умное слово ученія православнаго.

Мятежное возстаніе Алексія Петровича противъ Державнаго своего Родителя, обнаружившееся еще въ 1717 году, поразило небывалымъ ужасомъ всю Россію, тѣмъ болѣе, что этимъ необыкновеннымъ дѣломъ затронуты были живые интересы, волновавшіе душу каждаго: это былъ, такъ сказать, послѣдній вопль старины, изгоняемой мощною рукою преобразователя Россіи. Петръ I воротился изъ-за границы, и съ свойственной ему несокрушимою силою воли приступилъ къ строгому суду надъ своимъ кровнымъ сыномъ. Извѣстно, что для обсужденія поступковъ Алексія Петровича между прочимъ созванъ былъ и духовный соборъ, состоявшій изъ лицъ первенствующихъ въ іерархіи русской. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ этому дѣлу былъ вызываемъ и кіевскій митрополитъ: но его не было въ столицѣ, когда было произнесено осужденіе. Уклончивый отвѣтъ гетмана Скоропадскаго[22], при предложеніи подписать приговоръ, объясняетъ нѣкоторымъ образомъ ту тайную мысль, какой держалась тогда вся юго-западная Россія, а обстоятельство, что Іоасафъ не присутствовалъ при рѣшеніи этого дѣла, объясняетъ лучше и гнѣвъ Государя, падшій на кіевскаго іерарха. Въ этомъ отношеніи сказаніе Голикова о томъ, что Кроковскій былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненія по дѣлу

царевича Алексія Петровича, имѣетъ прочное основаніе[23]. Если припомнимъ встрѣчи, дѣланныя Іоасафу по всей Малороссіи, картину отъ Кіевской Академіи, гдѣ изображенъ былъ между прочимъ и измѣнникъ Мазепа, близкія отношенія къ нему кіевскаго іерарха и посѣщеніе гетмана въ Борзнѣ незадолго передъ открытіемъ заповѣдной его тайны: то не мудрено, что подозрѣніе Петра, думавшаго видѣть въ Кроковскомъ сообщника Мазепы, могло, при новомъ еще обстоятельствѣ, обратиться въ рѣшительную для него опалу. Но виноватъ ли былъ онъ въ этомъ, — это другой вопросъ. Г. Маркевичъ говоритъ, что митрополитъ Іоасафъ потребованъ былъ Государемъ для выслушанія духовнаго регламента и для изъявленія своего согласія, что передъ отправленіемъ своимъ онъ, по случаю пронесшихся будто бы слуховъ объ отобраніи у духовенства недвижимостей, созывалъ въ Кіевѣ соборъ, на которомъ рѣшено было не подписывать регламента, что объ этомъ соборѣ донесъ Государю чернецъ Свѣнскаго монастыряИриней[24]: но въ этомъ показаніи слишкомъ много невѣроятнаго. Во первыхъ, недоумѣніе подобнаго рода легко могло бы разрѣшиться при появленіи митрополита въ Петербургѣ и при первомъ чтеніи регламента: притомъ и дѣло объ имѣніяхъ монастырскихъ поднято уже въ 1724 году; во вторыхъ преступленіе это было совсѣмъ не такого рода, чтобъ могло раздражить правдолюбиваго Государя, и въ третьихъ — странно, какъ могъ знать о рѣшеніи кіевскаго собора, (если только Іоасафъ могъ позволить себѣ такое неблагоразуміе), какой нибудь чернецъ Свѣнскаго монастыря орловской губерніи и успѣть донести объ этомъ въ Петербургъ?

Какъ бы то ни было, но митрополитъ Іоасафъ, выѣхавшій изъ Кіева, былъ, по Высочайшему повелѣнію, остановленъ въ Твери, и между тѣмъ какъ свитѣ его приказано было слѣдовать въ обратный путь, Кроковскій сосланъ былъ въ тверскій архангельскій монастырь, гдѣ 1-го іюля 1718 года и скончался[25]. Но и на смертномъ одрѣ Іоасафъ, отъ дней юности до преклон-

ныхъ лѣтъ бывшій свѣтиломъ Академіи, не забылъ любимаго своего училища. Онъ завѣщалъ ему всю свою библіотеку и заповѣдалъ построить на его собственныя деньги для бѣдныхъ учениковъ новую деревянную бурсу, которая въ слѣдующихъ же годахъ и была воздвигнута по южную сторону Братскаго монастыря, и слыла въ послѣдствіи подъ именемъ *Студентскаго Дома.*

Какъ высоко цѣнила, какъ горячо любила Іоасафа кіевская паства, въ этомъ мы дальніе потомки удостовѣряемся изъ надписи къ современному его портрету[26]. Кіевляне видѣли въ немъ отца и добраго пастыря, а Академія руководителя, силою ума и воли своей поставившаго ее на высокую степень славы.

Училищъ братскихъ, въ нихже вертоградъ ученій
Изсохлъ бѣ тогда ради многихъ нестроеній,
Но онъ тамо излія ученія рѣки,
И напои оными многи человѣки.
Вѣтійскій риторомъ бѣ сладкій учитель,
Философовъ тщателенъ и мудръ умножитель.
Пречестнаго Эдема строитель вчинися,
И яко херувимъ въ немъ второй поставися,
Гдѣ мысленнаго рая небесной Царицы
Единонадесять лѣтъ яко зѣницы
Стрежаше[27].

И снова осиротѣла кіевская іерархія, четыре года послѣ сего не имѣвшая своего пастыря; вся епархіальная администрація перешла въ руки софійскаго намѣстника, иногда даже казначея и приказныхъ архіерейскаго дома. Въ послѣдствіи сю завѣдывали управители, а потомъ судьи кіевской духовной консисторіи, такъ что самый коадъюторъ кіевской митрополіи Кириллъ, епископъ переяславскій, оставался лишь номинальнымъ блюстителемъ митрополитскаго престола[28].

Съ неизобразимой горестью возвращалась въ Кіевъ духовная свита опальнаго архипастыря, и вдругъ она поражена была другимъ величайшимъ несчастіемъ. Увидѣли Лавру въ обгорѣлыхъ развалинахъ. Въ отсутствіи кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича произошелъ страшный пожаръ, обратившій въ пепелъ весь монастырь. При другихъ драгоцѣнностяхъ церковныхъ и монастырскихъ, цѣлыми вѣками собранныхъ, самая неоцѣненная и невознаградимая потеря была гибель первой въ Россіи, многочисленной и древнѣйшей библіотеки, начало которой положилъ еще великій князь Ярославъ Владиміровичъ, и которую умѣли сохранить въ пещерахъ отъ всѣхъ прежде бывшихъ нашествій и разореній непріятельскихъ, но утратили теперь среди тишины и спокойствія[29]. Въ ней содержались многія тысячи рукописей на различныхъ языкахъ, и нѣкоторыя между ними на такихъ, кои, по замѣчанію Конисскаго, и ученымъ тогдашнимъ мужамъ »свѣдомы не были«, а особенно всѣ записки, акты и документы, касавшіеся исторіи племенъ и царствъ славянскихъ, ихъ образа правленія, законовъ и внѣшнихъ отношеній. Самъ Государь Петръ Великій, узнавъ о такой потерѣ, не могъ удержаться отъ слезъ, и тогда же повелѣлъ отпустить изъ казны сумму на возобновленіе Лавры, подтвердивъ своими граматами какъ ставропигію, такъ и деревни, земли и угодья, ей принадлежащія, а въ 1720 году пожаловалъ большое евангеліе въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ[30].

Въ тоже самое время снова посѣтило Малороссію и Кіевъ несчастіе прежнихъ годовъ—моровая язва. Сообщеніе съ заднѣпріемъ было прервано, и благодаря старанію и дѣятельности миргородскаго полковника Даніила Апостола язва была остановлена въ самомъ началѣ, и черезъ мѣсяцъ прекратилась.

Уніаты, обрадованные сиротствомъ кіевской іерархіи и не опасаясь уже ближайшаго предстательства малороссійскихъ пер-

восвятителей, съ ожесточеніемъ приступилъ къ исполненію какъ будто на время пріостановленныхъ своихъ плановъ. Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка, дѣйствовавшій спачала не такими открытыми средствами ко вреду православія, въ это время началъ поступать смѣлѣй и рѣшительнѣй, и наконецъ въ 1720 году на соборѣ, созванномъ въ Замостьѣ, открыто утвердилъ унію, предложивъ навсегда уничтожить всѣ православныя епископства, занять уніатскимъ духовенствомъ всѣ русскіе монастыри и церкви, состоящія подъ владычествомъ Польши, утвердивъ все это сеймовой конституціей. Во всей этой части Украйны остался одинъ только православный епископъ могилевскій Сильвестръ, князь Четвертенскій, да нѣсколько церквей и монастырей, принадлежавшихъ кіевской митрополіи. Но и малая часть избранныхъ и вѣрныхъ православію подвергалась нестерпимому угнѣтенію. Духовенство и церковные обряды были поруганы; изувѣры попирали ногами св. тайны, расхищали утварь и сосуды, терзали и мучили защищавшихъ церковную собственность; закрыли благородному сословію входъ въ сенатъ и запретили допускать православныхъ къ какимъ бы то ни было общественнымъ должностямъ[31]. Напрасно Государь чрезъ посланниковъ своихъ вступался за гонимыхъ, представляя фанатикамъ, что и въ Москвѣ и по всей русской имперіи католики пользуются совершенною свободою, безопасностію и защитою правительства; напрасно требовалъ учрежденія коммиссіи на границахъ отъ Кіева, Смоленска и Пскова для разсмотрѣнія обидъ и гоненія православныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи, и по всѣмъ рубежамъ обѣихъ державъ: король Августъ II и находившійся тогда въ Варшавѣ папскій нунцій Сантини издали строгія запрещенія, которыя впрочемъ были строги только на бумагѣ, ибо опьянѣвшіе отъ крови и буйства фанатики не только не слушали ихъ, но даже начали вооруженною рукою отбирать и обращать къ своему исповѣданію и церкви и монастыри; въ одномъ пинскомъ уѣздѣ они совратили около двадцати тысячь человѣкъ. Въ 1722 году Государь писалъ объ этомъ и къ папѣ: но не по-

лучилъ никакого отвѣта, а между тѣмъ грабежи, насилія, лишенія свободы, мученія и кровавыя истязанія усиливаясь болѣе и болѣе, отторгали православныхъ отъ Церкви восточной къ уніи. Духъ возмущается отъ тѣхъ жестокостей, какими изувѣры вооружались противъ вѣры апостольской!...

А Кіевъ все еще не имѣлъ своего архипастыря. 1721 года 27 февраля повелѣно было Кириллу, епископу переяславскому, коадъютору кіевской митрополіи, совмѣстно съ членами консисторіи, на убылыя мѣста кіевской и архіепископіи черниговской избрать, съ вѣдома гетмана Скоропадскаго, достойныхъ архипастырей. Обрадованное симъ повелѣніемъ, духовенство кіевское избрало въ митрополиты межигорскаго архимандрита Иларіона Жураковскаго: но вмѣсто этого онъ посвященъ былъ въ Черниговъ, а на престолъ кіевскій Синодъ, или правильнѣе, президентъ его Ѳеофанъ Прокоповичъ, предоставилъ себѣ самому избрать и утвердить первосвятителя, и съ этихъ поръ избраніе митрополитовъ кіевскихъ вольными голосами прекратилось навсегда. Даже самое званіе митрополитовъ, по штату, сочиненному Прокоповичемъ, предположено было упразднить, а вмѣсто того установить пять главнѣйшихъ архіепископій: великороссійское, бѣлорусское, малороссійское, болгарское и сибирское[32], и подъ надзоромъ этихъ эксъ-митрополитовъ назначить тридцать восемъ епископовъ и сорокъ восемь архимандритовъ для вспомоществованія симъ послѣднимъ, по управленію училищами и богадѣльнями[33].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВАРЛААМЪ ВОНАТОВИЧЪ.

Посвящение Варлаама. Его біографія. Упраздненіе коадъютора. Лже - епископъ. Администрація Кіева. Магистраты. Кіевская губернская канцелярія. Малороссійская коллегія. Внѣшнее состояніе Академіи. Универсалъ Скоропадскаго. Кончина Петра Великаго. Екатерина I и Меньшиковъ. Петръ II и его распоряженія касательно Малороссіи. Анна Іоанновна. Гетманъ Даніилъ Апостолъ. Канцелярія гетманскаго уряду. Вонатовичъ лишенъ святительскаго сана. Мнѣніе объ этомъ митрополита Евгенія. Мнѣніе Георгія Конисскаго. Сужденіе о томъ и другомъ. Освобожденіе Варлаама. Управленіе кіевской іерархіей по удаленіи Вонатовича. Академія бѣдствуетъ. Указъ 1728 г. Универсалъ гетмана Апостола. Состояніе наукъ въ кіевскомъ училищѣ. Ректоръ Иларіонъ Левицкій. Воспитанники сей эпохи: Барскій Василій. Богдановичъ-Любимскій Досиѳей. Вишневскій Гедеонъ. Волчанскій Іеронимъ. Волчанскій Іосифъ. Дубневичъ Амвросій. Горка Лаврентій. Горленко Іоасафъ. Григоровичъ Иларіонъ. Зертысъ-Каменскій Амвросій. Калиновскій Стефанъ. Козачинскій Михаилъ. Кондратовичъ Киріакъ. Конюскевичъ Павелъ. Концевичъ Германъ. Кременецкій Гавріилъ. Кроликъ Ѳеофилъ. Кулябка Сильвестръ. Левитскій Платонъ. Ляскоронскій Сильвестръ. Лятошевичъ Серапіонъ. Малиновскій Платонъ. Мацѣевичъ Арсеній. Мигалевичъ Софроній. Могилянскій Арсеній. Неруновичъ Иннокентій. Петрункевичъ Платонъ. Святоша Іоанникій. Скамницкій Варлаамъ. Сребницкій Никодимъ. Флоринскій Кириллъ. Хотунцевскій Іоасафъ. Щербацкій Тимофей. Янковскій Ѳеодосій.

1722—1730.

Въ 1722 году послѣдовалъ Высочайшій указъ св. Синоду объ избраніи архимандрита Тихвинскаго монастыря Варлаама Вонатовича въ кіевскіе архіепископы. Мая 14 того же года Вонатовичъ посвященъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Варлаамъ Вонатовичъ родился въ польскомъ мѣстечкѣ Ярославлѣ. Гдѣ получилъ онъ воспитаніе, на то нѣтъ прямыхъ указаній: но судя по мѣсту его рожденія, со всей вѣроятностію можно предположить, что кіевское училище увидѣло въ новомъ архипастырѣ своего же воспитанника. Неизвѣстно также, какимъ образомъ уроженецъ юга явился въ одномъ изъ нашихъ сѣверныхъ монастырей, въ Тихвинѣ, въ области Великаго Новгорода; можетъ быть тамъ было монастырское училище, для котораго нуженъ былъ образованный преподаватель[34]. Какъ бы то ни было, но мы видимъ Вонатовича уже іеромонахомъ Тихвина монастыря, и потомъ духовникомъ Θеодосія, архіепископа новгородскаго. Какъ президентъ св Синода, сей архипастырь, проживая въ Петербургѣ, имѣлъ при себѣ и Вонатовича. Строгая жизнь и высокое образованіе сего послѣдняго обратили на него благосклонный взоръ Петра Великаго, который повелѣлъ ему быть іеромонахомъ флота, и за тѣмъ въ 1719 году произвести его въ архимандрита того же Тихвина монастыря.

Сентября того же года все почетнѣйшее духовенство и жители Кіева встрѣчали желаннаго своего архипастыря, но уже не въ санѣ митрополита, а только архіепископа. Такъ честолюбивыя интриги одного человѣка унизили высокій престолъ древнѣйшей въ Россіи іерархіи! По крайней мѣрѣ Варлаамъ на первый разъ не былъ лишенъ чести имѣть у себя коадъютора: но по кончинѣ Кирилла Шумлянскаго, новопосвященный 1727 года епископъ переяславскій Іоакимъ Струковъ уже вышелъ изъ подъ вѣдомства кіевской митрополіи. Когда Варлаамъ протестовалъ противъ этого, испрашивая себѣ, по прежнему примѣру, помощника въ управленіи епархіей, то Синодъ предписалъ только »о случающихся въ духовныхъ кіевской епархіи дѣлахъ ему »преосвященному Іоакиму епископу имѣть съ нимъ преосвященнымъ Варлаамомъ братолюбное согласіе по правиламъ святымъ«[35]. Тотчасъ видно, что рука, писавшая это, была та же самая, которая начертала указъ 11 мая 1725 года[36], и что

погубившій Өеодосія не хотѣлъ оставить въ покоѣ и Варлаама, которому несчастный архипастырь открывалъ нѣкогда всѣ тайны чистой души своей.

Такое униженіе древнѣйшей митрополіи въ лицѣ Варлаама Вонатовича, при самомъ вступленіи его на первосвятительскую каөедру, было причиною соблазна, произведшаго нѣкоторое смятеніе въ кіевской іерархіи. Монахъ козельскаго монастыря Епифаній, за свои пороки еще въ Кіевѣ лишенный священства, бѣжалъ за границу, и поддѣлавъ грамату отъ имени Вонатовича, явился къ молдавскому митрополиту Антонію съ просьбою посвятить его въ епископа чигиринскаго, представляя на то формальное, но тоже подложное, свидѣтельство козаковъ, обиженныхъ будто бы тѣмъ, что Синодъ унизилъ престолъ кіевской митрополіи, посадивъ на него архіепископа. Тоже самое подтверждалъ онъ и поддѣльной граматой Вонатовича. Обманутый Антоній особенно послѣднимъ обстоятельствомъ, посвятилъ Епифанія въ санъ епископа чигиринскаго. Прибывъ на Украйну, онъ началъ рукополагать священниковъ безъ всякаго разбора, чѣмъ особенно воспользовались находившіеся въ Черниговѣ и около Кіева раскольники. Узнавъ объ этомъ, Варлаамъ приказалъ схватить Епифанія, и по указу св. Синода, сослалъ его въ Соловецкій монастырь, въ званіи простаго монаха[37].

Не смотря на всѣ эти непріятности, встрѣтившія Варлаама на первомъ шагу, онъ, какъ вѣрный пастырь, нимало не медля занялся устройствомъ церковнаго чиноположенія, пришедшаго въ забвеніе послѣ Петра Могилы. Въ первый годъ вступленія своего на епархію кіевскую онъ представлялъ св. Синоду о повелѣніи ввести въ малороссійскія церкви уставъ, во всемъ сообразный съ великороссійскимъ: но желаемаго разрѣшенія не послѣдовало, и церковныя книги продолжали печататься по прежнему. Встрѣтивъ неудачу въ этомъ, Варлаамъ приступилъ хоть по крайней мѣрѣ къ украшенію того храма, въ которомъ мо-

лились веледушные Ярославы и Всеволоды. Софійскій соборъ, послѣ пожара, истребившаго въ 1697 году всѣ монастырскія его строенія, воздвигнутыя Гедеономъ, былъ обстроенъ потомъ преемниками его Ясинскимъ и Кроковскимъ: но это все были деревянныя зданія. Вонатовичъ началъ каменныя; построилъ двухъ-этажную трапезу съ запасною палатою на верху[38]; началъ большой архіерейскій домъ, оконченный уже преемникомъ его Рафаиломъ Заборовскимъ[39], и основалъ въ Шулявщинѣ митрополитскій дворецъ, обсадивъ его рощею[40].

Судебная администрація самаго Кіева, съ учрежденіемъ въ 1722 году малороссійской коллегіи, подверглась коренному преобразованію. До сихъ поръ дѣла гражданскія и уголовныя производились, какъ и вообще во всѣхъ привиллегированныхъ малороссійскихъ городахъ, непосредственно и окончательно чрезъ магистраты и главнѣйшихъ членовъ его[41], которые судили всѣхъ безъ различія состояній и безъ участія казацкихъ старшинъ. Въ послѣдствіи времени въ этихъ судахъ вмѣстѣ съ войтами и бургомистрами начали присутствовать въ полковыхъ городахъ[42] полковники или довѣренныя отъ нихъ особы, судьи полковые и другая старшина[43], а также сотники[44] и городовые начальники[45]. Самое дѣлопроизводство въ ратушахъ происходило по литовскому статуту, а въ магистратахъ по магдебургскому праву[46].

Но Кіевъ имѣлъ еще одно правительственное мѣсто, не зависѣвшее ни отъ гетмана, ни отъ уряда его: это кіевская губернская канцелярія. Съ той поры, когда Малороссія поступила въ подданство Россіи, въ Кіевѣ, съ согласія гетмана Богдана Хмельницкаго и ближайшихъ его преемниковъ, поставлены были царскіе бояре и воеводы, которые, учредивъ особую свою канцелярію, поставили ее въ полной независимости и отъ гетмана, и отъ полковника, и отъ всего магистрата. Когда же въ началѣ царствованія Петра Великаго бояре были переименованы

въ генералъ-губернаторовъ, а особая ихъ канцелярія въ губернскую, тогда и самый магистратъ кіевскій сталъ подчиненъ генералъ-губернаторамъ.

Учрежденіе малороссійской коллегіи положило конецъ вліянію польскаго законодательства въ Кіевѣ, и власть магистратовъ была ограничена во всѣхъ своихъ частяхъ. Хотя войты съ своими бургомистрами и райцами оставались по прежнему: но они уже подвергаемы были отвѣтственности предъ высшимъ судомъ, ибо коллегія, по силѣ данной ей инструкціи, обязывалась наблюдать за всѣми малороссійскими судами и чинами, защищать народъ отъ обидъ и притѣсненій, и принимать на нихъ въ томъ апелляціи. Особенно же эта коллегія наблюдала за денежными и хлѣбными сборами, находившимися прежде въ безотчетномъ распоряженіи войтовъ и бургомистровъ съ райцами.

Уравнивая такимъ образомъ малороссійскіе города въ правахъ и условіяхъ гражданственности, Державный преобразователь велъ ихъ къ совершенному сліянію съ той Россіей, которая, по его слову, сдѣлалась потомъ »особою, шестою частію свѣта«. И благодѣтельныя слѣдствія такихъ распоряженій скоро почувствованы были жителями, безотвѣтно прежде склонявшимися предъ непрерѣкаемымъ приговоромъ судей, рѣшавшихъ дѣла болѣе по преданію, чѣмъ по законамъ, недвижно почивавшимъ въ неприкосновенныхъ фоліантахъ. Академія тоже не опасалась уже притѣсненій отъ войтовъ и мѣщанъ, на которыхъ не такъ давно жаловалась Государю[17], и въ случаѣ обиды знала уже къ кому прибѣгнуть съ просьбой о защитѣ.

Внѣшнее состояніе училища въ эту эпоху не представляетъ ничего особенно отраднаго. Статьи оброчныя стали приносить очень мало дохода; жители имѣній кіево-братскихъ, въ ожиданіи находившаго отъ уніатовъ гоненія, думали болѣе о себѣ,

чѣмъ о выполненіи лежавшихъ на нихъ повинностей, и училищное братство нашло себя вынужденнымъ обратиться съ просьбою къ гетману Скоропадскому, предъявляя ему права свои на нѣкоторыя уже совершенно отходившія имѣнія. Въ слѣдствіе такого ходатайства гетманъ своимъ универсаломъ отъ 1 ноября 1720 года утвердилъ за училищнымъ братствомъ село Мотовиловку: но это ужъ было послѣднее пріобрѣтеніе.

1725 года 28 генваря скончался Державный благодѣтель ея, величайшій изъ царей земныхъ, Императоръ Петръ I, и одинъ изъ воспитанниковъ Академіи, нѣкогда въ санѣ іеромонаха привѣтствовавшій полтавскаго побѣдителя въ Кіевѣ, говорилъ теперь, въ званіи архіепископа, послѣднее прощальное слово надъ гробомъ Великаго, въ новой столицѣ его.

И Екатерина I сошла въ могилу.

И могущественный Меньшиковъ былъ уже въ снѣгахъ Сибири.

На престолѣ всероссійскомъ былъ Петръ II.

Монархъ-дитя онъ не могъ постигнуть мудрой политики своего Великаго Дѣда. Упразднивъ коллегію, онъ снова позволилъ избирать гетмановъ вольными голосами, и повелѣлъ составить сводъ правъ магдебургскихъ и статута литовскаго, противорѣчившихъ одинъ другому, и такимъ образомъ отсрочилъ сліяніе Украйны съ Россіей на нѣкоторое время.

Скончался и Петръ II.

На престолъ взошла Анна Іоанновна.

Малороссія уже имѣла своего гетмана Даніила Апостола:

но это былъ призракъ, которымъ утѣшались только недальновидные. Многія пошлины, лежавшія на Украйнѣ были сняты: но это потому, что мудрая Государыня не хотѣла сразу уничтожать распоряженій своего предшественника. По смерти же Апостола, вновь учреждено было въ Глуховѣ, по Высочайшему повелѣнію, главное для всѣхъ гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ административное мѣсто подъ названіемъ: *Канцелярія Гетманскаго Уряду,* которая именовалась также и *Генеральной Войсковой Канцеляріей,* и которая съ этого времени (1734 г.) сдѣлалась высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ Малороссіи, тогда какъ при гетманахъ она была не больше, какъ походною ихъ канцеляріей. Въ ней присутствовали трое изъ великороссіянъ и столько же изъ малороссійской генеральной старшины.

Въ самый годъ вступленія на престолъ Императрицы Анны, кіевская іерархія была поражена неожиданнымъ, горестнымъ и непонятнымъ происшествіемъ. 2 августа 1730 года состоялось Высочайшее повелѣніе о немедленномъ вытребованіи въ Москву архіепископа Варлаама Ванатовича со всѣми консисторскими членами и катедральнымъ писаремъ. Тамъ Ванатовичъ преданъ суду Тайной Канцеляріи, приговоренъ Сенатомъ къ лишенію сана, и по утвержденіи Императрицею, лишенъ Синодомъ архіерейства и священства, и въ званіи простаго монаха сосланъ на заключеніе въ бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, а все имѣніе его велѣно описать и взять въ казну. Бывшіе при архіепископѣ въ Москвѣ члены консисторіи, игумены: никольскій, михайловскій, выдубицкій, кирилловскій, софійскій намѣстникъ, архидіаконъ, катедральный писарь и экзаменаторъ отрѣшены отъ своихъ должностей »на время впредъ до указа«.

Что было причиною этого, остается непонятнымъ. Въ указахъ, присланныхъ за извѣстіе о лицахъ отрѣшенныхъ, отъ 30 ноября 1730 года, нѣтъ никакого объясненія; о Ванатовичѣ сказано только, что онъ лишенъ сана и сосланъ »за вину его, о которой явно по дѣлу, которое слѣдовалось о немъ«.

Митрополитъ Евгеній, основываясь на предшествовавшихъ указахъ и домовыхъ запискахъ, объясняетъ это дѣло непримиримою непріязнію городоваго кіевскаго войта Димитрія Полоцкаго. Этотъ градоправитель, издавна питая какую-то вражду къ кіевскому духовенству, отягощалъ архіерейскихъ и монастырскихъ людей разными поборами и подводами подъ проходившіе военные отряды, отнималъ у нихъ поля, лѣса и разныя угодья, взыскивалъ пошлины за переѣздъ по днѣпровскому мосту даже съ самаго архіепископа, хотя бы онъ ѣхалъ куда либо и по должности своей. Ванатовичъ жаловался на войта и Гетманскому суду и Коллегіи Иностранной, въ вѣдѣніи которой находились тогда малороссійскія дѣла. По этому въ 1722 году предписано было отъ Коллегіи гетману Даніилу Апостолу войти въ разбирательство этого дѣла. Но войтъ, поддѣлавъ ложныя граматы, данныя будто бы Кіеву отъ покойнаго гетмана Скоропадскаго на земли и угодья, принадлежавшія монастырямъ и духовенству, и подавъ съ нихъ копіи гетману и въ кіевскую Губернскую Канцелярію, самъ не захотѣлъ ни къ кому являться и уѣхалъ въ Москву, надѣясь исходатайствовать тамъ подтвержденіе своихъ граматъ. Ванатовичъ въ слѣдующемъ же году опротестовалъ ихъ, и о поступкѣ войта донесъ св. Синоду, обличивъ злоумышленную поддѣлку граматъ и другихъ крѣпостей на архіерейскія и монастырскія вотчины. Синодъ препроводилъ это дѣло для розыска въ Иностранную Коллегію. Это было еще въ царствованіе Петра II. По вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, мстительный войтъ, проживавшій въ Москвѣ, изыскивалъ всѣ случаи, чтобы повредить архіепископу Ванатовичу, и вдругъ получилъ изъ Кіева извѣстіе, что Варлаамъ съ членами консисторіи не присутствовалъ на молебнѣ въ одинъ высокоторжественный день. Войтъ донесъ объ этомъ по секрету, и »за сей-то случай, заключаетъ Евгеній, пострадали всѣ они« [48].

Георгій Конисскій находитъ, что причиной несчастія Ванатовича былъ іеромонахъ Арсеній Сухановъ, отправленный еще

царемъ Алексіемъ Михайловичемъ и патріархомъ Іосифомъ въ св. мѣста православнаго востока, для осмотра и замѣчанія церковныхъ уставовъ. Проживъ нѣсколько времени въ монастыряхъ Печерскомъ и Софійскомъ и возвратясь въ Москву, Сухановъ началъ порицать излишество обрядовъ въ Палестинѣ и Греціи и неблагочестіе въ тамошнихъ обителяхъ, а на малороссійское духовенство донесъ Синоду, что оно исказило старую русскую вѣру и заразилось проклятой латинщиной; что оно, безъ угрызенія совѣсти, креститъ младенцевъ не погружая, а обливая; что въ церквахъ малороссійскихъ, во время Великаго поста, отправляютъ четыре раза по пятницамъ страсти Христовы съ полнымъ трезвономъ и евангельскимъ чтеніемъ, напѣвая по нотамъ римскимъ или итальянскимъ »съ приступкою, какбы на игрищѣ«; что наконецъ всѣ архіереи, архимандриты и самъ митрополитъ имѣютъ водруженные кресты на митрахъ, на подобіе царскихъ коронъ и проч. Синодъ потребовалъ отвѣта. Вонатовичъ объяснился, что доносъ Суханова есть мужицкій бредъ, не стоющій опроверженія, что это есть порожденіе безтолковаго Мартына, мниха армянскаго, посѣявшаго въ Россіи расколы и сожженнаго въ Кіевѣ, что обряды греко-россійской вѣры остаются въ Малороссіи неповрежденными, что отсюда вѣра Христова разлилась на востокъ и на сѣверъ Россіи, что здѣсь были св. Апостолъ Андрей первозванный, св. Ольга и св. Владиміръ равноапостольный, что съ ними согласны всѣ архипастыри, кромѣ послѣдователей Сухановскихъ, кои »не вѣдятъ, что творятъ«. Отвѣтъ, заключаетъ историкъ Малороссіи[49], былъ представленъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и Вонатовичъ погибъ.

Разсказъ этотъ представляетъ весьма много историческихъ несообразностей[50]. Арсеній Сухановъ, если и былъ въ Кіевѣ, то никакъ не при Вонатовичѣ и не при Петрѣ II, ибо съ перваго своего путешествія по св. мѣстамъ онъ возвратился въ 1651 году, а со втораго въ 1655[51], и потому объясненіе, приписы-

ваемое Конисскому, не имѣетъ самаго главнаго историческаго основанія. Что же касается до показаній митрополита Евгенія, то ими едва ли не вполнѣ объясняется это печальное происшествіе. Протестъ Вонатовича противъ притязаній войта послѣдовалъ въ ту самую пору, когда только что состоялся указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, запрещающій всѣмъ монастырямъ умножать свои недвижимыя имѣнія и покупкою и пріемомъ вкладовъ[52]. Мстительный и злобный войтъ легко могъ воспользоваться этимъ и истолковать дѣйствія Вонатовича въ свою пользу и въ неблагопріятную для него сторону. Но не пришло еще удобное время погубить своего противника. Петръ II, развлекаемый представителями Малороссіи, старавшимися о возвращеніи старинныхъ своихъ правъ, не имѣлъ досуга обратить вниманіе на представленіе войта. Воцарилась Анна. Секретный доносъ о томъ, что Вонатовичъ не совершалъ молебствія, встревожилъ Государыню, очень естественно не довѣрявшую никому послѣ дерзкаго опредѣленія Верховнаго Совѣта. Къ этому присовокупилось представленіе о протестѣ Вонатовича, истолкованномъ сообразно цѣлямъ доносчика, и гнѣвъ за великолѣпно изданный Варлаамомъ въ Кіевѣ *Камень Вѣры*[53], — и Вонатовичъ, вытребованный для объясненія въ тотъ самый судъ, котораго онъ казался ослушникомъ, и которымъ управлялъ человѣкъ — врагъ Яворскаго и его почитателей, неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, и погибъ, подобно духовному сыну своему Ѳеодосію Яновскому, архіепископу новгородскому.

Одиннадцать лѣтъ томился въ заключеніи оскорбленный и уничиженный святитель, и освобожденъ уже по вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. Государыня повелѣла возвратить Варлааму и санъ архіерейскій: но онъ отказался отъ этого, и пожелалъ жить на покоѣ въ новгородскомъ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ прежде архимандритомъ. Тамъ онъ принялъ схиму подъ именемъ архисхимонаха *Василія*, и въ трудахъ подвижническихъ скончался 1751 года.

По отозваніи Варлаама Вонатовича въ Москву, кіевскою іерархіей управляла консисторія, составившаяся изъ новыхъ членовъ: межигорскаго архимандрита, ректора и префекта Академіи и батуринскаго игумена, а производство въ духовные чины, согласно избранію и удостоенію консисторіи, указомъ св. Синода поручено было коринѳскому митрополиту Митрофану, за два года предъ симъ прибывшему изъ Греціи въ Кіевъ.

Въ эту беспокойную эпоху состояніе Академіи не могло быть блестящимъ. Пастыри были поражаемы, и овцы расходились въ разныя стороны. Особенно это замѣтно стало послѣ паденія Іоасафа Кроковскаго; путешествія въ заграничныя училища становились чаще и чаще, и многіе, не оканчивая курса высшихъ наукъ, обращались къ обыкновеннымъ занятіямъ общественной жизни. Указъ 1728 года сильно встревожилъ все братство; оно поспѣшило обратиться къ гетману съ просьбой, чтобы онъ обезпечилъ по крайней мѣрѣ то, что кіево-богоявленское училище издавна считало своей собственностью; и Даніилъ Апостолъ универсаломъ своимъ отъ 14 генваря 1729 года подтвердилъ за монастыремъ и Академіей всѣ владѣнія, доставшіяся имъ отъ разныхъ лицъ и въ разныя времена. Такимъ образомъ, по надлежащемъ обревизованіи, у кіево-богоявленскаго братства на этотъ разъ оказалось: шесть небольшихъ населенныхъ деревень и одно пустое мѣстечко, имѣвшее однѣ пахатныя земли, два селенія, два хутора, двѣ мельницы и шестнадцать дворовыхъ мѣстъ на Подолѣ.

Самыя науки представляются въ эту эпоху въ какомъ-то броженіи. Послѣ Ѳеофана Прокоповича, распространившаго сферу богословствованія внѣ всякихъ предѣловъ и не положившаго ему границъ, указываемыхъ наукою, системы богословскія стали походить на сборники отдѣльныхъ и не имѣвшихъ между собой внутренней связи трактатовъ[54]. Нельзя даже съ точностію опредѣлить, которая изъ нихъ какому принадлежала

ректору; видно только, что каждый изъ нихъ вносилъ свою долю въ четырехгодичный богословскій курсъ, безъ отношенія къ тому, что уже изложено его предшественникомъ. Философія еще меньше осталась вѣрною прежде данному ей движенію; она остановилась въ своемъ стремленіи, и робко пошла назадъ, держась за стариннаго своего руководителя и объявляя это гласно[55]. За то реторика, какъ наука, меньше требующая спокойнаго углубленія, представляется въ болѣе цвѣтущемъ и даже совершеннѣйшемъ противъ прежняго видѣ. Кромѣ обыкновенныхъ задачъ о изобрѣтеніи, расположеніи мыслей и тому подобномъ, она уже рѣшала вопросы о разныхъ родахъ слога, и строго отдѣляла свѣтское краснорѣчіе отъ духовнаго. Интересно, по своей вычурности, заглавіе одного изъ учебниковъ реторики: *Корабль, построенный на Днѣпрѣ, везущій Россійскаго Язона къ благополучнымъ островамъ краснорѣчія, или лотъ для промѣра, снабженный всякимъ родомъ наставленій и реторическихъ правилъ, для избѣжанія подводныхъ камней, измышленный 1722 года, текущаго съ той эпохи, когда корабль, окриляемый Божественнымъ Духомъ, принесъ спасеніе міру, потерпѣвшему крушеніе.* Піитика, по прежнему, остается наукою стихотворства, съ той только разницей, что предувѣдомительныя ея разсужденія стали обширнѣе; въ нихъ нѣкоторымъ образомъ проводится постиженіе внутренняго значенія поэзіи[56].

Не смотря на такую скудость внѣшняго и внутренняго состоянія Академіи, направленіе, данное ей Кроковскимъ и поддержанное Прокоповичемъ, не осталось вовсе безплоднымъ. Къ счастію, и ректорами въ эту эпоху были люди, способные поддержать училище. Послѣ *Іосифа Волчанскаго,* управлявшаго Академіей съ 1721 по 1727 годъ, особенною ревностію отличился ректоръ *Иларіонъ Левицкій.* По окончаніи курса академическаго, онъ поступилъ учителемъ піитики, потомъ преподавалъ реторику и философію. По современному отзыву лѣтописца, это былъ »острый учитель, тщаливый проповѣдникъ, потомъ же

»премудрый богословскій учитель и ректоръ изрядный, дѣломъ »и словомъ тихостенъ, тихомиренъ, незлобивъ, всѣмъ зерцало »житія иноческаго«. Въ 1729 году Левицкій былъ посвященъ въ игумена Мгарскаго лубенскаго монастыря: но безотлучно оставался при ректорской должности, въ каковомъ званіи и скончался 14 іюня 1731 года. Прахъ его покоится въ великой Богоявленской церкви братскаго монастыря.

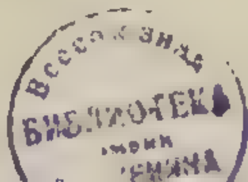
Выпускъ воспитанниковъ при архіепископѣ Вонатовичѣ почти весь состоялъ изъ такихъ людей, которые были слушателями Прокоповича, и находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ знаменитаго своимъ просвѣщеніемъ протектора митрополита Іоасафа. Въ теченіе почти четверти столѣтія (1707—1730) изъ Академіи вышли слѣдующія лица, ознаменовавшія себя на поприщѣ служенія Церкви и Отечеству.

Барскій-Григоровичъ Василій, знаменитый русскій путешественникъ XVIII вѣка. Онъ родился 1701 года въ Кіевѣ, и принадлежалъ къ сословію мѣщанъ. Отецъ его Григорій Григоровичъ, неблаговолившій къ ученымъ, самъ началъ давать сыну первоначальные уроки церковнаго пѣнія и чтенія: но юному и пылкому уму мало было такого образованія. Истощивъ всѣ просьбы и ходатайства своей матери, *Барскій* прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ, и явился прямо къ Ѳеофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ Академіи. Разсказавъ ему подробно о своемъ бѣгствѣ изъ родительскаго дома, онъ былъ записанъ въ кіевскія школы, гдѣ и началъ проходить науки съ необыкновенной ревностію. Достигнувъ философскаго класса, *Барскій* неожиданно долженъ былъ прекратить свои учебныя занятія и отправиться за границу для излеченія себя отъ раны, открывшейся на ногѣ. Онъ прибылъ во Львовъ, и при помощи искуснаго врача получивъ въ скоромъ времени выздоровленіе, рѣшился поступить въ тамошнюю іезуитскую коллегію. Но исповѣдуемая имъ православная вѣра была причиною того, что

прозелитъ науки выгнанъ былъ оттуда съ безчестіемъ, и положилъ не возвращаться домой, а начать путешествіе, такъ много прославившее его потомъ. Условившись объ этомъ съ товарищемъ своего изгнанія, воспитанникомъ Кіевской же Академіи, *Іустиномъ Леницкимъ*, *Барскій* въ апрѣлѣ 1724 года отправился въ путь чрезъ Венгрію и Австрію, потомъ прошелъ черезъ Лоретту, Баръ-градъ и Барлетту, а оттуда прибылъ въ Римъ. Пробывъ тамъ двадцать дней, онъ одинъ уже безъ товарища пошелъ на востокъ обратно чрезъ Флоренцію и Венецію въ Корфу, Кефалонію, Зантъ, Хіосъ, Солунь и въ Аѳонскую гору, а потомъ отплылъ въ Палестину. Посѣтивъ всѣ мѣста, освященныя стопами Искупителя міра и знаменитыя по библейскимъ воспоминаніямъ, онъ поѣхалъ на островъ Кипръ, а оттуда въ Рахитъ до Каира и Александріи; прошелъ черезъ Суэцъ и Раиѳу въ Каменистую Аравію до горы Синайской, и въ іюнѣ 1728 года возвратился въ Каиръ. Въ слѣдующемъ году вторично посѣтилъ онъ Іерусалимъ, обошелъ всю Сирію, и остался въ училищѣ Трипольскомъ до 1734 года. Желая еще совершеннѣе обучиться греческому языку, началъ онъ опять путешествовать по всѣмъ Архипелажскимъ островамъ и Анатольскимъ берегамъ. На о Хіосѣ застигла *Барскаго* чума, попрепятствовавшая ему продолжать свое странствованіе. Въ эту годину томительнаго бездѣйствія, *Барскій* принялъ на себя должность наставника съ цѣлію, какъ говоритъ онъ самъ, »пріобрѣсти себѣ нѣкій хлѣбецъ »и ино что нуждное«. Кромѣ того, »собравши отъ различныхъ »граматикъ латинскихъ, сочинилъ едину граматику латино-гре»ческую, съ расположеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ »сокращеніемъ, елико можно, по желанію и прошенію случив»шихся ему любомудрыхъ Грековъ, изъ нея же можетъ всякъ »Грекъ книженъ, аще и не совершенъ граматикъ, изучитися »совершенно граматики латинской; въ ней бо латинскаго худо»жества поученіе еллинское, примѣры же латинскіе обрѣтаются«. А между тѣмъ порою онъ и самъ становился ученикомъ; такимъ образомъ на о. Патмосѣ, »пройдохъ, говоритъ онъ, гра-

»матическое ученіе, логику и полъ-физики. риторику же оставихъ слабой ради памяти моей, и немогуще понести великихъ »трудовъ ради прискорбнаго житія. Благодарю же всемудраго »Бога за таковое просвѣщеніе, яко не допусти мя погубити всуе »толикое время, но сподоби мя потрудитися за душевное спа»сеніе, на пользу братіи и ближнихъ нашихъ, и на честь отечеству моему«. Такъ говорилъ благородный труженикъ, подвергавшій себя всѣмъ лишеніямъ — голоду и жаждѣ, холоду и зною и измѣрившій »ступаніемъ своимъ и пядію удолій глубину, »горъ знатныхъ высоту«(57). Въ бытность свою въ Дамаскѣ *Барскій* пріобрѣлъ такъ много любви и уваженія отъ всѣхъ окружавшихъ его, и особенно отъ Сильвестра, патріарха антіохійскаго, что сей послѣдній никакъ не соглашался отпустить его и уговаривалъ остаться навсегда при немъ, въ качествѣ друга и собесѣдника. Вѣжливо отклонилъ отъ себя нашъ путешественникъ такое обязательное приглашеніе святѣйшаго архипастыря: но на вѣчную память принялъ отъ него санъ монашескій. Въ 1733 году 27 декабря *Барскій* рукоположенъ былъ патріархомъ въ иподіакона съ переименованіемъ въ Стефана, въ честь и память св. первомученика, а въ первый день новаго 1734 года, по желанію своему, оставленъ съ прежнимъ именемъ Василія, »ради помощи и заступленія святителя Христова«. Въ честь и воспоминаніе этого событія, новопостриженный инокъ сложилъ на греческомъ языкѣ два похвальныя слова: одно св. Василію великому, а другое самому патріарху, которыя и произнесъ въ день постриженія своего въ монастырской трапезѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ рѣшился еще отблагодарить патріарха, и написалъ въ честь его слово на языкѣ еллинскомъ. Кромѣ этого, *Барскій* нарисовалъ для благодѣтеля своего большую картину, представлявшую патріаршій дворъ и городъ Антіохію, да выгравировалъ »со многимъ трудомъ и прилежаніемъ« двѣ доски для печатанія разрѣшительныхъ граматъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что патріархъ не желалъ разстаться съ такимъ образованнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ: »любяше мя,

6

»говоритъ *Барскій,* до зѣла, якоже отецъ своего сына, и не »хотяше мя отпустити отъ себе, но принуждаше мя жити съ »собою, обѣщая мя почтити высокою честію«. Но не для спокойнаго житья, не для почестей избралъ себѣ *Барскій* такой тяжкій и многотрудный путь. Не смотря на просьбы и убѣжденія патріарха, онъ остался непреклоннымъ, и снова пустился странствовать, напутствуемый благословеніями архипастыря и благожеланіями знавшихъ и уважавшихъ высокія его достоинства.

Въ 1743 году *Барскій* вызванъ былъ въ Константинополь пребывавшимъ тамъ россійскимъ резидентомъ А. А. Вѣшняковымъ, гдѣ и пробылъ цѣлый годъ, а потомъ отправился въ Аѳонскую гору, на которой находился тоже около года. Оттуда въ 1745 году ходилъ въ знатнѣйшія греческія области — Эпиръ, Критъ и Левадію, а въ половинѣ 1746 возвратился въ Константинополь, но засталъ тамъ россійскимъ резидентомъ уже не Вѣшнякова, а А. И. Неплюева, который не такъ былъ благосклоненъ къ *Барскому* и причинилъ ему много непріятностей, приказавъ было отправить его въ Петербургъ Чернымъ моремъ подъ строжайшимъ карауломъ. Выпутавшись кое-какъ изъ этой бѣды, *Барскій* пошелъ сухимъ путемъ черезъ Румелію, Болгарію, Валахію, Молдавію и Польшу.

Наконецъ пилигримъ нашъ въ своемъ отечествѣ. Двадцать четыре года ходилъ онъ по странамъ чужимъ; тысячи городовъ, селъ и весей улеглись въ его Дорожникѣ на вѣчныя времена, и будетъ о чемъ вспомнить и поразсказать *Барскому* на святой своей родинѣ. Въ 1747 году сентября 2 нашъ путешественникъ прибылъ въ Кіевъ: но не наглядѣлся онъ на родныхъ и близкихъ своихъ, на родимый свой Кіевъ и драгоцѣнную Академію. Распухшія ноги отъ долгаго и утомительнаго странствованія были только внѣшнимъ признакомъ болѣзни, сокрушившей эту мощную и энергическую натуру. Проживъ всего тридцать

пять дней въ родительскомъ домѣ, *Василій Барскій* скончался 7 октября 1747 года. Погребеніе надъ нимъ совершалъ Макарій, митрополитъ Өиваидскій, бывшій въ то время въ Кіевѣ, и ректоръ Академіи архимандритъ Сильвестръ Лясноронскій. Во время самаго обряда отличнѣйшіе ученики изъ осми латинскихъ классовъ говорили надгробныя рѣчи достойнѣйшему воспитаннику Академіи. Вмѣсто обыкновенной разрѣшительной молитвы, въ гробъ *Барскаго* положена прощальная грамата, напечатанная по славянски еще въ Іерусалимѣ съ собственноручной подписью тамошняго патріарха Хрисанөа.

Книга путешествій *Барскаго* долгое время оставалась въ рукописи у его матери, которая всякому желающему давала ее списывать. Изъ многочисленныхъ чертежей и рисунковъ одни были вклеены въ книгу, а другіе отданы Симону Тодорскому, тогда архіепископу псковскому, который самъ бывъ нѣкогда путешественникомъ, взялся ихъ разобрать и распредѣлить по своимъ мѣстамъ, и даже по исправленіи и надлежащемъ просмотрѣ, напечатать самую рукопись: но послѣдовавшая въ 1754 году кончина его помѣшала исполнить это благое намѣреніе. Графъ А. Г. Разумовскій также хотѣлъ заняться этимъ, для чего даже писалъ къ Амвросію, архіепископу московскому, прося его о присылкѣ исправнѣйшаго списка: но смерть, приключившаяся тому и другому, остановила это предпріятіе въ самомъ его началѣ. Наконецъ уже свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій взялся за это дѣло, и въ 1778 году вышла въ Петербургѣ книга, озаглавленная такъ: *Пѣшехода Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова*[58], *монаха антіохійскаго путешествіе къ св. мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723, и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное.*

Не смотря на всѣ недостатки, произшедшіе отъ редакторскаго вмѣшательства[59], книга *Барскаго* съ 1778 по 1800 годъ

имѣла пять изданій. И не удивительно: историческія и библейскія воспоминанія, преданія, обряды, обычаи, стеченіе народа, занятія богомольцевъ, внутренній порядокъ и устройство обителей и храмовъ, столкновеніе разновѣрныхъ блюстителей мѣстъ святыхъ, архитектура и внутреннее устройство домовъ, снабженіе городовъ водою и жизненными припасами, состояніе городскихъ улицъ, памятники и другія мѣстныя рѣдкости, своеобразность взгляда и наконецъ разсказъ, такъ родственный и понятный нашимъ грамотнымъ простолюдинамъ — все это невольно привлекало общее вниманіе къ книгѣ *Барскаго*. Правда, рѣчь нашего путешественника не совсѣмъ чиста и правильна; особенно примѣсь польскихъ и малороссійскихъ словъ, стараніе выразиться иногда повычурнѣй непріятно пестрятъ слогъ *Барскаго:* но за то искренность, прямодушіе, наивность и увлеченіе, виднѣющія на всякой страницѣ путевыхъ его замѣтокъ, противъ воли заставляютъ читателя забывать всѣ прочіе недостатки. Самъ просвѣщенный науками и обладавшій твердымъ разсудкомъ, онъ не слѣпо вѣрилъ всему, что ему разсказывали, и многіе предметы подвергалъ строгому критическому анализу [60]. Умный и проницательный наблюдатель противъ суевѣрныхъ преданій обыкновенно вооружался сначала свидѣтельствами свящ. писанія и церковной исторіи, потомъ логическими требованіями разсудка, и наконецъ всѣмъ, что можетъ подавать въ такихъ случаяхъ строгая наука. Въ этомъ отношеніи нашъ *Барскій* далеко выше многихъ западныхъ современныхъ ему путешественниковъ, пользующихся до нынѣ европейскою извѣстностью. Могилу *Барскаго* показываетъ надгробный памятникъ, почти вросшій въ землю, лежащій съ сѣверной стороны великой Богоявленской церкви Братскаго монастыря [61].

Богдановичъ-Любимскій Досиѳей. Въ 1731 году онъ былъ рукоположенъ изъ архимандритовъ Савинскаго звенигородскаго монастыря въ архіепископа курскаго: но въ томъ же году отлученъ, по имянному указу Императрицы Анны Іоан-

новны, и скончался въ курскомъ монастырѣ 23 марта 1736 года[62].

Вишневскій Гедеонъ. Достигнувъ философскаго класса въ Кіевской Академіи, онъ на свое иждивеніе отправился для окончанія образованія себя за границу, гдѣ и получилъ дипломъ доктора философіи. По возвращеніи въ Россію, *Вишневскій* поступилъ въ родное свое училище наставникомъ піитики, а послѣ реторики: но скоро оставилъ это мѣсто, по приглашенію черниговскаго губернатора, у котораго и занялъ должность домашняго учителя. Въ 1714 году, *Вишневскій* былъ вытребованъ въ московскую Академію и опредѣленъ преподавателемъ философіи, которую читалъ онъ и въ бытность префектомъ Гавріила Бужинскаго. Въ это время *Вишневскій* поступилъ въ монашество и занявъ мѣсто префекта, началъ преподавать Богословіе, а въ 1722 году принялъ званіе ректора Академіи. По должности главнаго цензора духовныхъ сочиненій и переводовъ, назначаемыхъ къ печати, *Гедеонъ* трудился со всей твердостію своего характера и независимостью убѣжденій, рискуя нажить себѣ этимъ сильнѣйшихъ враговъ. Довольно того, что на него негодовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, письменно называя его гордецомъ, завистникомъ и поставляя рядомъ съ человѣкомъ, котораго ненавидѣлъ отъ всей души — честнымъ и многострадальнымъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Гнѣвъ Прокоповича могъ быть очень опасенъ для *Гедеона:* но чистый и спокойный въ своей совѣсти, онъ не унывалъ и продолжалъ ревностно служить святому дѣлу, на которое призванъ. Промыслу однакожъ угодно было исторгнуть сего многополезнаго мужа изъ сѣтей, которыми въ скоромъ времени опутанъ былъ другъ и сотрудникъ его на ученомъ поприщѣ Лопатинскій. Въ 1727 году *Гедеонъ* былъ вызванъ въ Петербургъ и черезъ годъ хиротонисанъ въ епископа смоленскаго. Здѣсь-то онъ уже свободно могъ предаваться осуществленію тѣхъ плановъ, какіе питалъ въ твердой и благородной душѣ своей, и оставилъ по себѣ вѣчную па-

мять, какъ ревнитель просвѣщенія. Прибывъ на паству, *Гедеонъ* тотчасъ же приступилъ къ учрежденію славено-латинской школы, въ которой первоначально повелѣлъ обучать букварямъ, часослову, псалтири, нотному пѣнію и письму. Училище сдѣлалось любимѣйшимъ предметомъ его попеченій: объ немъ переписывался онъ потомъ съ митрополитомъ Рафаиломъ; для него выписывалъ изъ Академіи учителей, не жалѣя ни издержекъ, ни награжденій. За то еще при жизни своей мудрый и благочестивый пастырь узрѣлъ плоды трудовъ своихъ: въ 1744 году — всего черезъ шестнадцать лѣтъ — въ школѣ *Гедеоной* были уже классы: аналогіи, инфимы, граматики, синтаксимы, піитики, реторики и философіи. Но этого мало было для просвѣщенной ревности такого архипастыря; онъ позаводилъ особыя славено-россійскія школы въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Рыльскѣ и Бѣломъ; въ самый годъ кончины своей онъ открылъ еще Вяземское училище. Смоленская семинарія въ *Гедеонѣ* имѣетъ своего Петра Могилу и должна вѣчно памятовать 2-е февраля 1761-года — день кончины незабвеннаго своего благодѣтеля[63].

Волчанскій Іеронимъ, родной братъ Іосифа перваго архіепископа московскаго. Въ одно время учились они въ Кіевской Академіи, и только по окончаніи курса разошлись въ разныя стороны, *Іеронимъ* произведенъ былъ въ игумены виленскаго монастыря, и когда братъ его былъ переведенъ изъ могилевской епархіи въ Москву, *Іеронимъ* назначенъ на его мѣсто, и благополучно правивъ могилевскою паствою въ продолженіи десяти лѣтъ мирно, почилъ 14 октября 1754 года[64].

Волчанскій Іосифъ. Первые годы его службы были посвящены тому училищу, въ которомъ и самъ онъ получилъ образованіе. Перешедши учительскія должности въ низшихъ классахъ, *Волчанскій* въ 1721 году былъ уже префектомъ, а потомъ до 1727 ректоромъ Академіи. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего же года онъ былъ назначенъ архимандритомъ кіево-ни-

колаевскаго монастыря, а въ 1735 году посвященъ въ епископа могилевскаго. Когда же по указу Императрицы Елисаветы Петровны, учредилась московская епархія, съ наименованіемъ московской и владимірской, *Волчанскій* въ 1742 году переведенъ былъ туда первымъ архіепископомъ, и по трехлѣтнемъ управленіи епархіей, скончался 10 іюня 1745 года, и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ(65).

Горка Лаврентій сынъ простаго козака изъ мѣстечка Стаекъ. Съ отличнымъ успѣхомъ окончивъ ученіе въ Академіи, онъ принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ достигъ и званія іеромонаха и за тѣмъ 1679 года назначенъ былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря. Въ 1722 *Горка* переведенъ въ званіи архимандрита въ Воскресенскій московскій монастырь и по однолѣтнемъ управленіи сей обителью хиротонисанъ въ епископа астраханскаго, а черезъ три года вызванъ въ С. Петербургъ и назначенъ архіепископомъ въ устюжскую епархію. Въ 1731 году *Лаврентій* былъ переведенъ въ Рязань, а въ 1733 въ Вятку, гдѣ положилъ основаніе семинаріи. Увѣковѣчивъ такимъ образомъ имя свое, какъ распространитель просвѣщенія, *Лаврентій Горка* скончался 9 апрѣля 1739 года(66).

Горленко Іоасафъ родился 8 сентября 1705 года въ городѣ Прилукахъ полтавской губерніи. Отецъ его принадлежалъ къ той фамиліи *Горленковъ*, которые такъ славны въ исторіи Малороссіи, и самъ былъ полковникомъ полтавскимъ. Родившійся у него сынъ при крещеніи нареченъ былъ *Іоакимомъ*, и по осьмому году былъ отправленъ родителями своими въ Кіевскую Академію. Здѣсь, продолжая науки, *Горленко* рано почувствовалъ высокое призваніе къ иноческой жизни, и сталъ помышлять объ этомъ, будучи только одиннадцати лѣтъ отъ роду. Но до осмнадцатаго года своего возраста онъ не объявлялъ объ этомъ никому, даже своимъ родителямъ. Сильно изумленъ былъ потомъ просьбою сына вельможный полковникъ

и ни за что не хотѣлъ даже слышать о монашествѣ, готовя въ *Іоакимѣ* преемника своему достоинству; молодой человѣкъ опять отправился въ Кіевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что еще не окончилъ тамъ ученія. Немедленно, по прибытіи въ Академію, *Горленко* поступилъ въ кіево-межигорскій монастырь подъ иноческій искусъ, въ которомъ находился цѣлый годъ: но опасаясь, чтобъ родители не провѣдали объ этомъ и не взяли его изъ монастыря, онъ оставилъ довѣреннаго и преданнаго ему слугу въ самомъ Кіевѣ, строго наказавъ ему держать въ тайнѣ пребываніе свое въ монастырѣ, и получая чрезъ него родительскія письма, отвѣчалъ на нихъ, какъ будто изъ города. Въ 1725 году 27 октября *Горленко* постриженъ въ рясофоръ и наименованъ *Иларіономъ.* Тогда-то уже рѣшился онъ объявить объ этомъ своимъ родителямъ, испрашивая у нихъ благословенія. Съ горькими упреками встрѣтилъ отецъ сыновняго посланца, много плакала и мать, потерявшая въ инокѣ *Иларіонѣ* своего любимаго Іоакима: но дѣло уже было сдѣлано, и родители, благословивъ его, поручили промыслу Божію.

Проживъ два года въ межигорскомъ монастырѣ *Иларіонъ* былъ вызванъ въ Братскій, гдѣ окончательно принялъ санъ монашескій съ переименованіемъ въ *Іоасафа,* и за тѣмъ 1728 года опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую Академію, въ каковой должности и находился три года. Рафаилъ Заборовскій, вскорѣ по прибытіи своемъ на кіевскую іерархію, назначилъ *Іоасафа* экзаменаторомъ и экклезіархомъ Братскаго монастыря, а въ 1734 году посвятилъ въ іеромонахи и перевелъ въ Софійскій, назначивъ кромѣ того членомъ консисторіи. Черезъ два года *Горленко* произведенъ былъ въ игумены лубенскаго Преображенскаго монастыря. Обитель эта была совершенно разорена пожаромъ, и *Іоасафу* предстояло много трудовъ и заботъ по возобновленію ея. Мѣстныхъ средствъ для этого не доставало; нужно было прибѣгнуть къ испрошенію подаяній, и *Горленко,* не смотря на разстроенное здоровье, отправился самъ съ про-

сительною книгой въ Москву и Петербургъ, гдѣ и прожилъ полтора года. Богъ благословилъ труды его: начиная отъ Императрицы до послѣдняго обитателя обѣихъ столицъ—всѣ были вкладчиками обители *Іоасафовой*. Возвратившись въ монастырь, *Горленко* немедленно приступилъ къ возобновленію его: но не успѣлъ докончить начатаго, ибо Государыня Елисавета Петровна, на обратномъ пути изъ Кіева, словесно повелѣвъ митрополиту Рафаилу посвятить *Іоасафа* въ архимандриты, въ томъ же (1744) году вызвала его въ Москву. Здѣсь, по указу св. Синода, онъ принялъ въ управленіе Троицко-Сергіеву Лавру, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ лубенскаго монастыря. Въ 1748 году Іоасафъ самой Государыней былъ назначенъ въ епископа бѣлоградскаго, и прибывъ на паству, тотчасъ же озаботился исправленіемъ духовенства, находившагося тамъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Не смотря на слабость здоровья, онъ дѣйствовалъ неутомимо ко благу Церкви, и кроткій по природѣ, строго преслѣдовалъ грубые пороки своей паствы. Въ послѣдній годъ своей жизни *Іоасафъ* испросилъ у Синода позволеніе поѣхать въ Прилуки для свиданія съ своими родителями. Провидя кончину свою, онъ 29 мая 1754 года отслужилъ въ послѣдній разъ литургію въ Бѣлгородѣ, простился со всѣми, благословилъ народъ, и выѣхалъ изъ своей паствы съ тѣмъ, чтобъ возвратиться къ ней уже бездыханнымъ своимъ тѣломъ. Пробывъ у родителей довольное время, *Іоасафъ* на обратномъ пути въ Бѣлгородъ заболѣлъ, и остановился въ м. Грайворонѣ, принадлежавшемъ архіерейскому дому. Послѣ двухмѣсячной болѣзни, онъ скончался 10 декабря 1754 года на сорокъ девятомъ году своей жизни. Тѣло его, по отпѣтіи въ домовой церкви, отвезено было въ Бѣлгородъ, гдѣ 28 февраля 1755 года и поставлено открыто въ заранѣе приготовленномъ имъ самимъ каменномъ склепѣ. Память святителя Божія благочестно чествуется до нынѣ благочестивыми поклонниками, которые совершаютъ по немъ панихиды, испрашивая себѣ ходатайства его предъ Богомъ[67].

Григоровичъ Иларіонъ первый префектъ харьковскаго коллегіума. По увольненіи отъ училищной должности, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Святогорскаго Изюмскаго монастыря, а въ 1744 году переведенъ въ монастырь Воскресенскій. Въ это время, по указу св. Синода, ему повелѣно было заняться исправленіемъ библіи славянской, совмѣстно съ Іаковомъ Блонницкимъ. По окончаніи сего труда, *Григоровичъ* былъ посвященъ въ епископа Крутицкаго, и скончался 3 декабря 1760 года[68].

Дубневичъ Амвросій родился въ с. Подгурьѣ бывшей тогда польской украйны, и по окончаніи курса наукъ, былъ оставленъ при Академіи въ званіи учителя низшихъ школъ. Проходя постепенно наставническія должности, *Дубневичъ* въ 1727 году былъ уже префектомъ, а съ 1731 по 1737 годъ ректоромъ Кіевской Академіи. Когда повелѣно было Петромъ II составить Сводъ Статута Литовскаго и Магдебургскаго Права, *Дубневичъ* принималъ въ этомъ дѣятельное участіе, какъ опытный юрисконсультъ и членъ Высочайше назначенной коммиссіи. По прибытіи Рафаила Заборовскаго на митрополію, онъ первый изъ игуменовъ братскаго монастыря получилъ санъ архимандрита, въ каковомъ и переведенъ потомъ въ Михайловскій монастырь. Отсюда въ 1739 году *Дубневичъ* былъ назначенъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, и черезъ три года рукоположенъ въ епископа черниговскаго. По осмилѣтнемъ управленіи епархіей *Дубневичъ* 23 февраля 1750 года скончался *въ* Глуховѣ[69].

Зертысъ-Каменскій Амвросій сынъ Степана Константиновича Зертыса, бывшаго переводчикомъ языковъ молдавскаго, греческаго и турецкаго при гетманѣ Мазепѣ. Онъ родился въ Нѣжинѣ 1708 года и при св. крещеніи нареченъ былъ *Андреемъ*. Окончивъ курсъ наукъ въ Кіевской Академіи, онъ еще два года продолжалъ ученіе за границей въ славившейся тогда академіи львовской. Возвратясь въ отечество, *Андрей Зертысъ*

поѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ Ѳеофану Прокоповичу желаніе свое поступить въ монашество. Напрасно министръ-іерархъ истощалъ свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить молодаго человѣка отказаться отъ своего намѣренія, даже давалъ ему книгу: *Похвала супружеству,* совѣтуя прочесть ее со вниманіемъ. *Зертысъ Каменскій* остался непреклоннымъ и уѣхалъ въ Москву, чтобъ на досугѣ заняться слушаніемъ уроковъ богословскихъ во вновь открытой тогда академіи. Въ это время онъ получилъ приглашеніе отъ Стефана Калиновскаго занять учительское мѣсто при школѣ, заводимой имъ въ Александро-невскомъ монастырѣ. Здѣсь въ 1739 году *Зертысъ-Каменскій* исполнилъ давнее свое желаніе — постригся въ монахи и нареченъ *Амвросіемъ;* въ 1742 году былъ уже префектомъ академіи, а черезъ шесть лѣтъ архимандритомъ Воскресенскаго монастыря и членомъ св. Синода. Въ 1753 году онъ посвященъ въ епископа переславской и дмитровской епархіи съ сохраненіемъ званія синодальнаго члена и архимандрита Воскресенскаго монастыря, а въ 1761 переведенъ въ епархію крутицкую и можайскую съ пожалованіемъ въ архіепископы. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ іерархическаго достоинства, *Амвросій* все продолжалъ управлять означеннымъ монастыремъ, оканчивая тѣ великолѣпныя работы, которыя доселѣ составляютъ предметъ удивленія всѣхъ образованныхъ посѣтителей. Императрица Екатерина II перевела *Амвросія* 1768 года въ московскую епархію, поручивъ ему, какъ отличнѣйшему знатоку архитектуры, возобновленіе трехъ главныхъ московскихъ соборовъ — Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго. Вскорѣ заразительная болѣзнь, занесенная изъ Молдавіи и Валахіи, и уже распространившаяся въ Польшѣ и Малороссіи, 17 декабря 1770 года показалась и въ Москвѣ. Достойный пастырь, не смотря на то, что пораженная язвою столица оставлена была даже градоначальниками, не покинулъ своей паствы и употреблялъ всѣ мѣры къ уменьшенію смертности между народомъ: указалъ за городомъ кладбище для умершихъ, уничтожилъ сходбища безмѣстныхъ священниковъ на Крестцѣ, откуда

ихъ брали для богослуженія въ домовыхъ церквахъ; удерживалъ народъ отъ ходовъ и процессій; принялъ рѣшительныя мѣры къ удаленію многочисленнаго, пагубнаго стеченія москвичей у воротъ Варварскихъ, погрозился даже снять съ нихъ образъ Боголюбскія Богоматери, и за свою такую ревность, за свои отеческія попеченія сдѣлался жертвой безумно-ожесточившагося народа. Утромъ 16 сентября 1771 года буйная толпа съ воплемъ окружила Донской монастырь, гдѣ пребывалъ архипастырь, и начала ломать церковныя двери. »Господи! произнесъ тогда »*Амвросій*, воздѣвъ руки предъ престоломъ: остави имъ, не вѣ- »дятъ бо что творятъ! Не введи ихъ въ напасть, но отврати »стремленіе ихъ! И якоже смертію Іоны укротилось волненіе »моря, тако смертію моею да укротится нынѣ волненіе сего »свирѣпствующаго народа«! Приготовившись ко всему, что могло быть, *Амвросій* спокойно остался ожидать злодѣевъ: но два архимандрита, бывшіе при немъ, увлекли его силою на хоры, находившіеся въ алтарѣ, позади иконостаса. Въ торопяхъ они не скрылись, какъ должно, и *Амвросій* былъ вытащенъ изувѣрами за ограду Донскаго монастыря. Съ твердостію отвѣчалъ архипастырь на всѣ вопросы бунтовщиковъ, увѣщевалъ ихъ повиноваться предержащей власти, съ терпѣніемъ переносить настоящее бѣдствіе въ уповаліи на милосердіе Божіе. Онъ говорилъ съ такой силой и убѣжденіемъ, что самые злѣйшіе изъ изувѣровъ были тронуты, и въ смятеніи сами не знали что начать. Въ эту минуту выскочилъ изъ кабака дворовый человѣкъ, и бросившись къ *Амвросію*, закричалъ: »чего вы глядите? »Развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ«? Съ этимъ словомъ онъ ударилъ архипастыря коломъ въ щеку и повергъ на землю. Остервенившіеся изверги бросились на *Амвросія*, и болѣе четверти часа терзали его мучительнымъ образомъ: но до послѣдняго издыханія не переставалъ молиться страдалецъ за убійцъ своихъ[70]. Такъ окончилъ жизнь твердый блюститель благочестія христіанскаго, ревностный хранитель чистоты вѣры православной, покровитель просвѣщенія, нелицепріятный судія

и защитникъ угнѣтаемыхъ!. . Страдальческое тѣло его покоится въ Донскомъ монастырѣ. Памятникомъ ученыхъ занятій *Амвросія* осталось множество переводовъ съ греческаго языка[71]. Кромѣ этого онъ занимался составленіемъ церковной исторіи россійской. но этотъ трудъ *Амвросія* погибъ во время возмущенія, стоившаго ему самому жизни, вмѣстѣ съ драгоцѣнной библіотекой, подаренной ему Императрицей Елисаветой Петровной.

Калиновскій Стефанъ. Въ 1733 году изъ префектовъ Академіи Кіевской онъ былъ вызванъ на такую же должность въ Заиконоспасскую московскую школу, гдѣ черезъ годъ опредѣленъ былъ ректоромъ, а въ 1735 году переведенъ въ Александро-Невскую Лавру для устроенія тамъ училища. Долго и напрасно ожидая требованныхъ для сего изъ Кіевской Академіи наставниковъ, *Калиновскій* обратился къ Академіи московской и взялъ оттуда двухъ питомцевъ юга, доучивавшихся на сѣверѣ и родственно знакомыхъ ему по мѣсту первоначальнаго образованія. Это были Григорій Өедоровичъ Кременецкій и Андрей Степановичъ Зертысъ-Каменскій. При ихъ-то содѣйствіи началъ онъ дѣло устроенія училища, которому потомъ суждено было возвыситься до почетнаго наименованія Академіи. Въ 1739 году *Калиновскій* былъ хиротонисанъ въ епископа псковскаго, и по шестилѣтнемъ управленіи сей епархіей назначенъ архіепископомъ новгородскимъ; 1753 года 16 сентября было послѣднимъ днемъ его многотрудной и многополезной жизни. *Калиновскій* отличался даромъ проповѣдничества, и нѣсколько поученій его тогда же были напечатаны[72]. При немъ въ новгородской семинаріи открытъ классъ философскій, а 1748 года и классъ богословія, преподавателемъ котораго назначенъ *Іосифъ Ямницкій*, тоже воспитанникъ Кіевской Академіи: но поелику онъ скоро скончался, то уроки богословія велѣно прекратить, а учениковъ обратить опять въ среднее отдѣленіе. Это обстоятельство сильно занимало просвѣщеннаго архипастыря,

которому удалось наконецъ снова открыть въ 1750 году упраздненный классъ, и еще присовокупить къ тому преподаваніе языка еврейскаго[73].

Козачинскій Михаилъ родился 1699 года и при крещеніи нареченъ былъ Мануиломъ[74]. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Кіевской Академіи, онъ принялъ санъ іерейскій: но въ скоромъ времени лишившись супруги, поступилъ въ Выдубицкій монастырь. Будучи извѣстенъ Академіи, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ ея воспитанниковъ, *Козачинскій* былъ вызванъ на учительскую должность. Скоро на малыхъ, а потомъ и на большихъ инструкціяхъ онъ показалъ рѣдкій талантъ проповѣдничества и неутомимую дѣятельность. Все это обратило на него вниманіе Рафаила Заборовскаго, который отправилъ его вмѣстѣ съ другими воспитанниками, по просьбѣ сербскаго епископа Викентія Свядновича, за границу для заведенія тамъ училищъ. *Козачинскій*, пробывъ нѣсколько времени въ Сербіи, испросилъ себѣ увольненіе отъ заграничной службы, и объѣхавъ Славонію, Кроацію и большую часть Германіи, въ 1739 году воротился въ отечество, и снова поступилъ въ Академію въ званіи префекта и преподавателя философіи. Въ тоже время онъ вступилъ къ Рафаилу съ прошеніемъ о постриженіи его въ монашество, и въ 1740 году принялъ въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ санъ иноческій съ именемъ *Михаила*. Но чтобы сохранить его для Академіи, митрополитъ, въ поощреніе, назначилъ игуменомъ гадяцкаго Красногорскаго Николаевскаго монастыря, убѣдивъ его продолжать полезную училищную службу. Въ 1745 году *Козачинскій* былъ посыланъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Сильвестромъ Кулябкою для принесенія поздравленія Императрицѣ, по случаю вступленія въ бракъ Наслѣдника престола, а по прибытіи въ Кіевъ снова вступилъ въ отправленіе прежней своей должности. Въ это время *Козачинскому* поручено было чтеніе богословскихъ лекцій: но неудовольствія отъ сослуживцевъ и потеря зрѣнія были причиною увольненія его отъ профессорской должности. Поступивъ,

согласно своему обѣщанію въ Выдубицкій монастырь, онъ и скончался тамъ въ санѣ архимандрита[75]. Въ бытность свою наставникомъ Академіи, онъ написалъ стихами на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ панегирикъ графу Разумовскому, отличающійся необыкновенной находчивостью и умѣньемъ автора изъ ничего сдѣлать что нибудь[76]. Прибытіе въ Кіевъ Императрицы Елисаветы Петровны *Козачинскій* также ознаменовалъ поэмою на означенныхъ трехъ языкахъ[77]. Должно однакожъ признаться, что кромѣ необыкновенной охоты къ стихотворству, онъ мало имѣлъ истиннаго призванія быть поэтомъ, хоть стихъ его далеко лучше стиховъ Максимовича и Тредьяковскаго. Впрочемъ тогда отъ первой оды Ломоносова, которою подарилъ онъ Россію, прошло не болѣе пяти лѣтъ, и кіевскіе поэты писали ничѣмъ не хуже Сумароковыхъ и Костровыхъ. Примѣръ тому стихи *Козачинскаго:*

Славенъ, чуденъ,
Не оскуденъ
    Въ мудрости, о Боже!

Твою славу
И державу
    Кто изрещи може?

Ізумѣетъ,
Поблѣднѣетъ,
    Хотя бъ въ рѣчахъ силенъ,

И Виргилій
Въ такомъ дѣлѣ
    Самъ бы сталъ обмиленъ:

Якъ не можно
Всп не ложно
    Считать звѣзды въ горѣ;

Трудно знати

И поняти,
    Сколько воды въ морѣ;

Такъ подробно
Неудобно
    Изъявить предвѣчну,

Твою силу
Изобилну
    Мудрость безконечну.

Егда бо свѣтъ
Начнемъ смотрѣть,
    Что жь въ немъ есть не красно?

Се планета
Перва, свѣта
    Слава, солнце ясно.

Луна дружно
Съ нимъ окружно,
    С тѣми жъ звѣзды купно

Озаряютъ,
Украшаютъ
    Весь свѣтъ неотступно.

Небомъ земля,
Дождь пріемля
    И кропясь росою,

Человѣки
Чрезъ всѣ вѣки
    Питаетъ въ покою.

Единмъ кругомъ
Полночь съ югомъ
    И западъ съ востокомъ;

Рѣкъ быстрины
Безъ отмѣны,
Еднимъ бѣгутъ текомъ

И что далѣй
Въ словѣ малѣ
Хощу изъявити.

Воду ль въ морѣ?
Звѣзды ль въ горѣ
Дерзну изчислити?

Широкъ предѣлъ
Божіихъ дѣлъ,
А вси идуть стройни,

Вси согласни,
Вси прекрасни,
Вси похвалъ достойни(78).

Кондратовичъ Киріакъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ нашихъ писателей, признанный достойнымъ занимать почетное мѣсто между преобразователями русской словесности. Окончивъ курсъ наукъ въ Академіи, онъ 1726 г. вызванъ былъ Гавріиломъ Бужинскимъ въ Рязань для открытія тамъ славяно-латинскихъ духовныхъ школъ. Не долго однакожъ оставался *Кондратовичъ* въ учительской должности: 1730 года онъ поступилъ въ Академію Наукъ переводчикомъ, и тутъ-то началась литературная его дѣятельность. Отлично владѣя латинскимъ и греческимъ языкомъ, онъ началъ пробовать силы свои сперва въ переводахъ, которые ежегодно выпускалъ въ свѣтъ то въ печати, то въ рукописяхъ. Досуги свои отъ серьезныхъ занятій онъ посвящалъ поэзіи, и взявъ себѣ за образецъ Мурета, положилъ

непремѣнно сдѣлаться русскимъ антологистомъ. Переводя изъ древнихъ авторовъ антологическія стихотворенія, онъ въ тоже время писалъ и самъ сонеты, рондо и особенно епиграмы, которыхъ у него накопилось до десяти тысячъ; изъ нихъ три сотни *Кондратовичъ* напечаталъ въ трехъ книжкахъ, подъ заглавіемъ: *Старикъ молодый, доброхотному и недоброхотному читателю.* Многосторонния его свѣдѣнія особенно выказались въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя, по тогдашнему состоянію наукъ въ Россіи, справедливо могли почитаться драгоцѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ отечественной литературы. Довольно указать на одинъ *Россійскій Ботаническій Словарь*, изданный имъ въ 1780 году подъ названіемъ: »Диктіонеръ или реченіаръ по алфавиту россійскихъ »словъ о разныхъ произращеніяхъ, то есть, древахъ, травахъ, »цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ, кореньяхъ и о »прочихъ быліяхъ и минералахъ собранный и сочиненный«. Этому человѣку, какъ видно, не доставало только средствъ, чтобъ сдѣлаться знаменитымъ журналистомъ своего времени: ибо свѣдѣніями энциклопедическими онъ далеко превосходилъ всѣхъ тогдашнихъ издателей эфемерныхъ журналовъ, быстро появлявшихся и еще быстрѣе изчезавшихъ. *Кондратовичъ* скончался въ глубокой старости въ С. Петербургѣ, пользуясь до конца своей жизни Высочайше пожалованнымъ пенсіономъ [79].

Концевичъ Германъ происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ. Вызванный въ только что учрежденную тогда московскую славяно-греко-латинскую Академію, *Германъ* до 1726 года проходилъ разныя низшія училищныя должности, и потомъ занялъ мѣсто префекта, а съ сентября 1727 года опредѣленъ преподавателемъ богословія и черезъ годъ ректоромъ. Кромѣ училищныхъ обязанностей, *Германъ* принималъ на себя великій трудъ обращенія иновѣрцевъ, обыкновенно препровождаемыхъ для сего въ Академію правительствомъ. Въ 1731 году 3 мая *Концевичъ* рукоположенъ былъ въ епископа архангельскаго, и въ томъ же году пожалованъ званіемъ архіепископа. Немед-

ленно, по прибытіи на епархію, *Германъ* завелъ славяно-латинскую школу въ Холмогорахъ, положивъ такимъ образомъ основаніе архангельской семинаріи: но не успѣвъ насладиться плодами насажденія своего, скончался 25 іюля 1735 года[60].

Конюскевичъ Павелъ родился 1705 года въ польскомъ мѣстечкѣ Самборѣ и по происхожденію своему принадлежалъ къ сословію мѣщанъ. Поступивъ въ Академію, онъ въ самое короткое время обратилъ на себя вниманіе начальства отличными успѣхами въ наукахъ и замѣчательною кротостію нрава. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при училищѣ въ должности преподавателя піитики. Съ юныхъ лѣтъ склонный къ уединенію, *Конюскевичъ* на двадцать осьмомъ году своего возраста принялъ монашескій постригъ въ Кіево-печерской Лаврѣ отъ руки архимандрита Романа, и 5 декабря 1734 года рукоположенъ былъ въ іеродіакона архіепископомъ кіевскимъ и галицкимъ Рафаиломъ, а 1 генваря 1740 въ іеромонахи. Въ этомъ году Лавра, по принятому обыкновенію, отправляла въ С. Петербургъ для раздачи подарковъ книгами, съѣстными и питейными припасами высокимъ и знатнымъ особамъ[61], для чего командированъ былъ отъ обители архимандритъ Тимоѳей, а въ должность шафара или распорядителя по части економіи назначенъ къ нему іеромонахъ *Павелъ Конюскевичъ*. Обязанность довольно трудная и многосложная: ибо не только въ столицѣ, но и по пути слѣдованія шафаръ долженъ былъ вести строгую отчетность всякой копейкѣ, всякой книжкѣ, даруемой въ томъ или другомъ мѣстѣ, тому или другому лицу, а такихъ подарковъ бывало безчисленное множество. Шнуровая книга, данная по сему случаю отъ Духовнаго Собора *Конюскевичу*, вся исписана рукою его и заключаетъ въ себѣ множество прелюбопытныхъ статей, имѣющихъ интересъ историческій. Съ этого путешествія *Конюскевичъ* уже не воротился въ Кіевъ, но по указу св. Синода назначенъ былъ 1741 года въ Москву на должность проповѣдника

при тамошней славяно-греко-латинской Академіи. Два года трудился будущій святитель Церкви въ высокомъ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія; постоянство въ занятіяхъ, строгость жизни и замѣчательный даръ въ сказываніи поученій снискали ему благоволеніе св. Синода, который указомъ 25 іюня 1743 года предписалъ новгородскому архіепископу Амвросію Юшкевичу предоставить отправляемому къ нему іеромонаху *Павелу Конюскевичу* первое праздное архимандритское мѣсто, что и не замедлилось, ибо въ слѣдующемъ же году 18 февраля онъ произведенъ былъ въ архимандриты новогородскаго Юрьева монастыря. Памятникомъ его управленія сею одной изъ древнѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ обителей остались монастырскія постройки, начиная отъ восточныхъ воротъ по набережной линіи къ югу, а также южная ограда[62]. Въ 1758 году 23 марта *Конюскевичъ* хиротонисанъ былъ съ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго. Опытно зная, откуда идетъ религіозное просвѣщеніе народа, митрополитъ *Павелъ* обратилъ всю свою заботливость на усовершенствованіе семинаріи. Хотя она существовала въ Тобольскѣ уже двадцать лѣтъ: но классовъ въ ней было немного,— всего: русскій, инфимическій, синтаксическій и піитическій. Очевидно, что для полнаго образованія духовнаго юношества не доставало главнаго предмета —богословія. Просвѣщенный іерархъ не замедлилъ открыть этотъ классъ, самъ непосредственно наблюдая за преподаваніемъ уроковъ. Въ тоже время онъ началъ ходатайствовать о штатномъ положеніи для семинаріи, въ чемъ и успѣлъ, получивъ для нея въ 1765 году ежегоднаго оклада 490 р. 16½ коп.[63] А между тѣмъ въ ожиданіи сего, митрополитъ *Павелъ*, чрезъ архимандрита московскаго Высокопетровскаго монастыря Сильвестра просилъ изъ Кіево-печерской Лавры трехъ монашествующихъ къ учительской должности въ образуемую имъ семинарію; въ слѣдствіе чего высланы были туда въ генварѣ 1764 года два ученыхъ іеромонаха *Савватій Исаевичъ* и *Веніаминъ Бялковскій*. Не думалъ благочестивый архипастырь, чтобы одинъ изъ этихъ лю-

дей сдѣлался въ послѣдствіи его предателемъ... Ревнуя по вѣрѣ, онъ ходатайствовалъ чрезъ св. Синодъ о Высочайшемъ дозволеніи имѣть въ тобольской епархіи двухъ миссіонеровъ для обращенія отъ идолопоклонства разсѣянныхъ повсюду инородцевъ, а между тѣмъ собственная судьба святителя уже рѣшалась. Въ концѣ 1767 года митрополитъ *Павелъ* вытребованъ былъ въ Москву, по какимъ-то важнымъ дѣламъ. Архимандритъ Сильвестръ увѣдомлялъ намѣстника Кіево-печерской Лавры Зосиму отъ 18 марта 1768 года, что архипастырь уже выѣхалъ изъ Тобольска и просилъ вмѣстѣ съ этимъ озаботиться приготовленіемъ для него келліи въ Лаврѣ, ибо, писалъ онъ, »преосвященному *Павлу* въ Тобольскъ уже не возвращаться для многихъ »причинъ, а въ добавку еще нашъ отецъ Савватій постарался »оклеветать« [81]. Дѣйствительно, вскорѣ за тѣмъ, 4 іюня послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи *Конюскевича* отъ управленія епархіей съ отсылкою въ Кіево-печерскую Лавру, куда и прибылъ онъ изъ Москвы августа того же года. Святая обитель встрѣтила своего постриженца, а теперь знаменитаго архипастыря съ любовію и уваженіемъ, назначивъ для пребыванія его келліи, занимаемыя прежде намѣстникомъ и нарочно исправленныя для этого случая. Свободный отъ епархіальныхъ обязанностей, *Павелъ* вполнѣ предался иноческимъ подвигамъ, столько близкимъ и любезнымъ строгой и благочестивой душѣ его; часто совершалъ священнодѣйствіе какъ въ Лаврѣ, такъ и по другимъ церквамъ кіевскимъ и 1770 года 4 ноября скончалъ праведную жизнь свою. Тѣло его донынѣ почиваетъ нетлѣннымъ въ склепу въ придѣлѣ св. Стефана, что въ Великой лаврской церкви Успенія пресвятыя Богородицы. Тобольская епархія доселѣ хранитъ память о семъ архіереи Божіемъ, какъ о строгомъ и нелицепріятномъ судіи дѣлъ человѣческихъ, и блюстителѣ вѣры истинной. Бывшій въ Сибири 1762 года для астрономическихъ наблюденій надъ прохожденіемъ венеры предъ солнцемъ, французскій аббатъ Шопе-де-Трошъ называетъ митрополита *Павла* ревнителемъ Вѣры, весьма вѣжливымъ,

пріятнымъ въ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ ученымъ, хоть и не вѣрившимъ обращенію земли около солнца[85].

Кременецкій Гавріилъ родился въ городѣ Носовѣ кіевскаго полка, и при крещеніи нареченъ *Григоріемъ*. Отецъ его, бывшій въ томъ городѣ старшиною, немедленно, по достиженіи *Григоріемъ* отроческихъ лѣтъ, отдалъ его въ Кіевскую Академію, гдѣ онъ и началъ проходить первоначальныя науки. Въ это время Епифаній Тихорскій, епископъ бѣлградскій, заводилъ въ Харьковѣ училище, сдѣлавшееся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ Коллегіума. Узнавъ объ этомъ, отецъ *Григорія Кременецкаго*, находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ бывшимъ нѣжинскимъ архимандритомъ, перевелъ къ нему въ училище сына своего: но поелику въ заводимой школѣ высшія науки не были еще преподаваемы, а между тѣмъ событія въ кіевской іерархіи не представляли ничего отраднаго для отдаленныхъ жителей Украйны: то Епифаній отправилъ своего воспитанника въ московскую Академію, подъ непосредственное вѣдѣніе друга своего Стефана Калиновскаго, бывшаго въ то время тамъ префектомъ. *Кременецкій* кончилъ курсъ съ блистательнымъ успѣхомъ, и когда наставнику и руководителю его Калиновскому, бывшему уже архимандритомъ Александро-невской Лавры, поручено было завести въ своей обители училище, то *Григорій Кременецкій* вызванъ былъ имъ изъ Москвы къ должности наставника. Черезъ три года послѣ сего онъ принялъ вмѣстѣ съ монашествомъ имя *Гавріила*, и продолжалъ трудиться на ученомъ поприщѣ въ званіи ректора. Въ 1748 году онъ получилъ архимандритскій жезлъ въ Новоспасскомъ московскомъ монастырѣ и званіе члена св Синода, а въ слѣдующемъ году нареченъ епископомъ коломенскимъ; 1755 *Гавріилъ* переведенъ въ Казань въ томъ же санѣ, а 1762 въ С. Петербургъ съ переименованіемъ въ архіепископа[86]. Но не здѣсь конецъ его высокому служенію; явится онъ въ то святое мѣсто, которое

положило основаніе его просвѣщенію, и которое было свидѣтелемъ лѣтъ его юныхъ:

Кроликъ Ѳеофилъ. Служеніе его началось съ училища, которому онъ самъ обязанъ былъ окончательнымъ образованіемъ. Въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка *Кроликъ* былъ переведенъ въ московскую Академію, гдѣ съ 1712 года состоялъ въ званіи префекта, и потомъ назначенъ архимандритомъ Чудова монастыря, съ пожалованіемъ въ члены св. Синода. Отсюда его перевели въ монастырь Новоспасскій, гдѣ онъ и умеръ 22 декабря 1732 года(87).

Кулябка Сильвестръ родился 1704 года(88) въ г. Лубнахъ, и при крещеніи нареченъ былъ Симеономъ. Отецъ его Петръ Кулябка былъ бунчуковымъ товарищемъ, а дѣдъ (по матери) Даніилъ Апостолъ гетманомъ малороссійскимъ. Кромѣ того онъ состоялъ въ ближайшемъ родствѣ съ фамиліею Горленковъ, знаменитою сколько воинскими и гражданскими доблестями, столько же однимъ и изъ потомковъ своихъ, прославившимся святостію жизни и чудеснымъ нетлѣніемъ тѣла(89). Кончивъ курсъ наукъ въ Кіевской Академіи, *Симеонъ Кулябка* 1726 года поступилъ въ Кіево-Межигорскій монастырь, въ которомъ тогда проходилъ монашескій искусъ родственникъ его Іоакимъ Горленко; а между тѣмъ, принявъ твердое намѣреніе посвятить себя иноческой жизни, онъ началъ просить на то согласія у отца своего и дѣда. Благородные ревнители вѣры православной не захотѣли сопротивляться благочестивому преднамѣренію своего *Симеона,* и изъявили письменно соизволеніе на то, чтобы онъ, согласно желанію своему, посвященъ былъ въ санъ иноческій въ Кіево-печерской Лаврѣ(90). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1727 года *Кулябка* принялъ монашество и нареченъ былъ *Сильвестромъ.* Но Академія не могла разстаться съ однимъ изъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ. Новопостриженный инокъ опредѣленъ былъ къ учительской должности и постепенно пе-

реходя съ одного поста на другой, въ скоромъ времени достигъ префектства и сдѣланъ былъ профессоромъ философіи. Какъ дорожили своимъ наставникомъ студенты Академіи, какъ блистательно-ученъ былъ онъ, — это видно изъ того, что его называли неиначе, какъ »златоблагословенный учитель« (avreus benedicendus magister). Твердость разсудка, огромная начитанность и превосходное знаніе языка латинскаго, на которомъ обыкновенно были преподаваемы тогда высшія науки, поставляли *Кулябку* на одинаковой степени съ Кроковскимъ и Прокоповичемъ. Въ 1740 году онъ назначенъ былъ ректоромъ Академіи, и конечно послужилъ бы довольно воспитавшему его училищу, еслибъ Промыслу не угодно было поставить такой свѣтильникъ на высшее мѣсто. 1745 года митрополитъ Рафаилъ отправилъ *Кулябку* въ С.-Петербургъ съ принесеніемъ вѣрноподданническаго поздравленія Императрицѣ по случаю бракосочетанія Наслѣдника престола великаго князя Петра III. Проповѣдь, сказанная *Кулябкою* 16 мая, такъ понравилась Государынѣ, что она повелѣла не отпускать *Сильвестра* и въ томъ же году указала ему быть костромскимъ епископомъ. Черезъ пять лѣтъ *Кулябка* былъ переведенъ въ С.-Петербургъ архіепископомъ, а 1761 года 17 апрѣля скончался, оставивъ по себѣ память, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ богослововъ своего времени. »Поученія его, по свидѣтельству митрополита Евгенія, отлича»ются строгою нравственностію и разсудительностію«[91].

Латушевичъ Серапіонъ. Службу онъ началъ при Братскомъ монастырѣ въ должности ключника, и потомъ былъ вызванъ къ учительской должности въ московскую школу, откуда поступилъ іеромонахомъ въ Отрочъ монастырь, и въ 1741 году переведенъ архимандритомъ въ монастырь Колязинъ, а черезъ четыре года рукоположенъ въ викарія переславской епархіи, гдѣ потомъ и утвержденъ 1753 года мѣстнымъ епископомъ. Заботясь о просвѣщеніи своей паствы, *Латушевичъ* въ томъ же году открылъ училище, которое въ послѣдствіи времени послу-

жило главной основою семинаріи Владимірской. Въ томъ же 1753 году *Латушевичъ* былъ переведенъ въ Вологду, гдѣ 22 апрѣля 1762 года скончался[92].

Левитскій Платонъ. По окончаніи курса наукъ и по принятіи монашескаго сана, онъ проходилъ сначала училищныя должности при Академіи въ низшихъ классахъ; но вскорѣ за тѣмъ, оставивъ школу, поступилъ въ число братіи Кіево-печерской Лавры. Въ 1735 году *Левитскій* былъ возведенъ въ званіе намѣстника Кіево-софійскаго каѳедральнаго монастыря, а черезъ четыре года вызванъ въ Москву и опредѣленъ ректоромъ тамошней Академіи. Но стосковавшись по родинѣ, онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ училищной службы, и въ 1741 году возвратился въ Кіевъ и опять занялъ свое прежнее мѣсто при Софійскомъ монастырѣ. Когда скончался онъ — неизвѣстно[93].

Ляскоронскій Сильвестръ. По совершеніи академическаго курса, проходилъ разныя училищныя должности въ низшихъ классахъ Академіи, и потомъ получилъ архимандрію въ одномъ изъ нѣжинскихъ монастырей. Отсюда въ 1746 году былъ вытребованъ митрополитомъ Рафаиломъ въ ректоры Академіи и профессоры богословія: но въ 1751 году уволенъ на покой въ монастырь Выдубицкій, гдѣ и скончался 8 мая 1754 года[94].

Малиновскій Платонъ. Службу свою онъ началъ при томъ училищѣ, которому обязанъ былъ самъ и первоначальнымъ и окончательнымъ образованіемъ. Достигнувъ званія префекта, онъ 1724 года переведенъ былъ къ той же должности въ московскую славяно-греко-латинскую Академію: но черезъ три года испросилъ себѣ, за болѣзнію, увольненіе и удалился въ Кіево-печерскую Лавру. Здѣсь, предавшись подвигамъ иноческой жизни думалъ онъ навсегда остаться: но Промыслу угодно было снова вызвать его на чреду обширнѣйшаго служенія Церкви

и отечественному просвѣщенію. Въ 1729 году *Малиновскій* былъ назначенъ ректоромъ харьковскаго коллегіума и архимандритомъ бѣлоградскаго монастыря. По кончинѣ Іоанникія Сенютовича, архимандрита Кіево-печерской Лавры, *Платонъ* поставленъ былъ въ числѣ кандидатовъ на это мѣсто, и по докладу св. Синода, 21 марта 1730 года утвержденъ самою Императрицею Анной Іоанновной. Назначеніе это однакожъ не состоялось; имяннымъ указомъ 21 іюля *Малиновскій* опредѣленъ былъ присутствующимъ въ св. Синодѣ, а въ 1742 году хиротонисанъ въ епископа крутицкаго, съ пожалованіемъ черезъ два года въ санъ архіепископа. Въ 1748 переименованъ архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ, въ каковомъ званіи и скончался 14 іюля 1754 года. Тѣло его покоится въ Чудовѣ монастырѣ[95].

Мацѣевичъ Арсеній былъ родомъ изъ дворянъ польскихъ православнаго исповѣданія. По окончаніи курса наукъ въ Кіевской Академіи, онъ принялъ монашество, и въ числѣ другихъ поступилъ въ московское Заиконоспасское училище. Но вмѣсто наставнической должности, *Мацѣевичъ* былъ опредѣленъ іеромонахомъ синодальнаго дома и экзаменаторомъ московской епархіи. Въ 1734 году онъ былъ назначенъ флотскимъ іеромонахомъ въ камчатскую экспедицію по сѣверному океану: но за болѣзнію оттуда уволенъ, и по возвращеніи съ 1737 года находился въ Петербургѣ экзаменаторомъ при синодальномъ членѣ Амвросіѣ, епископѣ вологодскомъ; вскорѣ за тѣмъ онъ опредѣленъ былъ въ Академію наукъ преподавателемъ Закона Божія для гимназистовъ. Послѣ четырехлѣтняго исправленія сей должности, *Мацѣевичъ* посвященъ прямо въ митрополита сибирскаго, а черезъ годъ переведенъ въ Ростовъ въ томъ же санѣ и пожалованъ членомъ св. Синода, съ правомъ присутствующаго: но крутой характеръ и неуступчивость были причиною того, что его скоро уволили въ епархію. Первою заботою *Арсенія,* по прибытіи на паству, было преслѣдованіе тѣхъ зло-

вредныхъ толковъ, которые разсѣеваемы были въ то время поморскою сектою. *Мацѣевичъ* написалъ противъ нее свое *Обличеніе,* и въ тоже время исправилъ таковое же сочиненіе Ѳеофилакта Лопатинскаго. Св. Синодъ, одобривъ къ печатанію послѣднее, повелѣлъ издать оное съ предисловіемъ *Арсенія* и разослать по церквамъ[96]. Зная очень хорошо, что грубые толки раскольниковъ любятъ укрываться во тьмѣ и изчезаютъ при малѣйшемъ мерцаніи свѣта, *Мацѣевичъ* положилъ завести училище для образованія будущихъ пастырей церкви православной и въ 1747 году открылъ семинарію въ Ярославлѣ[97]. Въ трудахъ архипастырскихъ *Арсеній* прожилъ въ своей паствѣ до 1763 года, назидая оную примѣромъ строгой, безукоризненной своей жизни и словомъ отеческаго собесѣдованія. И по дару проповѣдничества это былъ знаменитый святитель: къ сожалѣнію, кромѣ семи поученій *Арсенія,* напечатанныхъ въ разныя времена, прочія донынѣ остаются въ рукописяхъ. Безтрепетный ревнитель чистоты православія, *Мацѣевичъ* не оставался безмолвнымъ свидѣтелемъ волненія, возбужденнаго знаменитымъ сочиненіемъ Яворскаго: *Камень Вѣры.* Когда вышелъ въ свѣтъ *Млатъ,* наполненный самыми непріязненными выходками противъ личности Стефана, *Мацѣевичъ* написалъ *Возраженіе,* смѣло возставая противъ клеветы и неблагонамѣренныхъ мыслей автора, постыдно скрывшаго свое имя[98]. На всероссійскомъ престолѣ уже была Екатерина II. Вскорѣ по возшествіи своемъ, она учредила коммиссію изъ двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ для опредѣленія содержанія духовенству. Въ 1762 году коммиссія получила инструкцію о пересмотрѣ церковныхъ имуществъ, а въ слѣдующемъ дана таковая же и коллегіи экономіи. Слухи объ отобраніи въ казну недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ и архіерейскимъ каѳедрамъ, распространялись болѣе и болѣе; наконецъ не оставалось уже никакого сомнѣнія, что духовенство будетъ получать по новымъ штатамъ только денежное жалованье. Пылкій и раздражительный *Арсеній* не захотѣлъ скрывать задушевныхъ своихъ мы-

слей, и въ 1763 году, еще до приведенія доклада коммиссіи въ исполненіе, подалъ открытый и жаркій протестъ противъ ся распоряженій. За это, какъ явный ослушникъ Высочайшей воли, онъ лишенъ былъ сана святительскаго и даже иноческаго, и подъ именемъ *Андрея* заточенъ былъ сначала въ корельскій монастырь. Но и здѣсь не остался онъ долго въ покоѣ; по доносу какого-то солдата, онъ взятъ былъ въ Архангельскъ и по снятіи показаній препровожденъ 1766 года въ Москву подъ крѣпкимъ карауломъ. Здѣсь подвергли его новому допросу и наконецъ заключили въ ревельскую крѣпость, гдѣ онъ и оставался цѣлые шесть лѣтъ. Мысль, утѣшавшая *Мацѣевича* въ такомъ злополучіи, высказана была имъ самимъ, когда на окошкѣ тѣсной тюрьмы своей вырѣзалъ онъ слова праведнаго Давида: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси.* Эксъ-митрополитъ *Арсеній* скончался 1772 года въ своемъ заключеніи и погребенъ, какъ простецъ, въ ревельской приходской церкви[99].

Мигалевичъ Софроній. Вызванный 1726 года въ московскую Академію на каѳедру учителя реторики, онъ въ слѣдующемъ же году вступилъ въ отправленіе должности префекта, а въ 1730 назначенъ наставникомъ богословія и ректоромъ Академіи. Но неудовольствія, происшедшія между имъ и архимандритомъ Варѳоломеемъ Филевскимъ, останавливавшимся въ Заиконоспасскомъ училищѣ передъ отправленіемъ своимъ въ камчатскую миссію, были поводомъ къ тому, что *Мигалевичъ* указомъ синодальнымъ 16 августа 1732 года лишенъ былъ должности ректора и настоятеля Заиконоспасскаго монастыря. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна[100].

Могилянскій Арсеній родился въ Рѣшетиловкѣ, мѣстечкѣ полтавскаго полка, 1704 года марта 17 и при крещеніи былъ нареченъ Алексіемъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома, и потомъ на семнадцатомъ году своего возраста поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ шесть лѣтъ продолжалъ науки.

Движимый любовію къ просвѣщенію, онъ вознамѣрился побывать во всѣхъ существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеніяхъ, и поѣхалъ во вновь открытый харьковскій коллегіумъ, гдѣ пробылъ до 1741 года, а отсюда отправился въ московскую славено-греко-латинскую Академію, гдѣ однакожъ не нашелъ ничего особеннаго противъ того, что уже слышалъ въ двухъ первыхъ училищахъ. Здѣсь, въ самой порѣ зрѣлаго мужества, *Могилянскій* вступилъ въ монашество, подъ именемъ *Арсенія;* вскорѣ за тѣмъ опредѣленъ въ московскую Академію учителемъ граматики и катихизаторомъ. Отличный даръ въ сказываніи поученій обратилъ на него всеобщее вниманіе, и *Арсеній* былъ вызванъ въ Петербургъ къ должности придворнаго проповѣдника. Около трехъ лѣтъ состоялъ онъ въ семъ званіи, заслуживъ отличное уваженіе всего Двора и жителей столицы. Въ 1744 году *Арсеній*, по Высочайшему повелѣнію, былъ посвященъ въ архимандриты Троицко-Сергіева монастыря, въ томъ же году наименованнаго Лаврою; вслѣдъ за симъ опредѣленъ въ члены св. Синода и посвященъ на возобновленную тогда древнюю епархію Переславля-Залѣсскаго прямо въ архіепископы, съ предоставленіемъ ему титла архимандрита Троицко-Сергіевой Лавры и съ подчиненіемъ оной его управленію; а въ 1745 году данъ ему викарій и коадъюторъ переславской епархіи. Во все это время *Арсеній* не оставлялъ Петербурга, и постоянно присутствовалъ въ св. Синодѣ. Императрица Елисавета Петровна, въ знакъ особеннаго монаршаго своего благоволенія, пожаловала ему въ эту пору бриліантовую панагію въ шестьдесятъ тысячъ рублей съ своимъ портретомъ, и бриліантовый же, перемѣшанный рубинами, крестъ, составленный изъ вензеловыхъ буквъ Ея имени[101]. Но въ 1752 году *Могилянскій*, по разстроенному здоровью, принужденъ былъ проситься на покой, для чего и данъ былъ ему въ управленіе новгородъ-сѣверскій Спасскій монастырь, куда онъ и удалился[102].

Перуновичъ Иннокентій родился въ Кіевѣ, и по окон-

ченія курса наукъ, принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ потомъ былъ нѣкоторое время шафаромъ. Отсюда въ 1728 году онъ былъ вызванъ въ московскую Академію къ должности учителя, а черезъ два года назначенъ тамъ префектомъ. Но Промыслъ готовилъ *Иннокентію* обширнѣйшее поле для его христіански-просвѣщенной дѣятельности. Въ 1732 году онъ избранъ былъ св. Синодомъ въ епископа иркутскаго, и принявъ рукоположеніе, немедленно отправился къ мѣсту новаго своего служенія. Не много радостнаго встрѣтилъ онъ въ своей паствѣ. Хотя въ городахъ обширной Сибири и стояло ученіе Христово, хотя ревность архипастырей и не оскудѣвала въ распространеніи православія въ этомъ отдаленнѣйшемъ краю Россіи: но окрестности Енисейска, Иркутска и Якутской области полны были бродячими племенами, погруженными въ глубокое невѣжество и придерживавшимися шаманства. Ближе всѣхъ къ іерархической каѳедрѣ *Иннокентія* были Тунгусы, кочевавшіе въ нерчинскомъ округѣ иркутской губерніи; на нихъ-то прежде всего обратилась благочестивая ревность пастыря Церкви. Онъ увидѣлъ, что Тунгусъ вообще кротокъ, тихъ и послушенъ, что пороки, столь обыкновенные въ большихъ городахъ, ему неизвѣстны, что шаманы только потому держатъ этихъ дѣтей природы въ своей власти, что успѣваютъ морочить недоступными ихъ понятію фокусами, и потому рѣшился, обнаруживъ ложь и обманъ жрецовъ шаманства, воспользоваться тѣмъ, что было хорошаго въ характерѣ Тунгуса. Ученіе христіанское не могло быть для этого народа неожиданною новостью: св. Стефанъ Пермскій и митрополитъ Филоѳей Лещинскій уже проложили путь къ проповѣданію слова Божія. *Неруновичу*, при его ревности къ святому дѣлу, оставалось только найти пособниковъ, которые могли бы передавать народу истины Евангелія понятнымъ ему языкомъ. Такимъ сотрудникомъ ревнителю православія явился старшина Мальцовъ. Болѣе или менѣе знакомый со всѣми кочующими племенами, онъ нашелъ между Тунгусами нѣсколько уже просвѣщенныхъ вѣрою Христовою и представилъ

ихъ архипастырю. Благодаря торговымъ и домашнимъ сдѣлкамъ съ коренными русскими и козаками, содержавшими пограничную стражу, нѣкоторые изъ Тунгусовъ хорошо понимали языкъ русскій. Такимъ образомъ одна изъ важнѣйшихъ трудностей въ дѣлѣ обращенія къ христіанству идолопоклонническаго племени нѣсколько устранялась. *Иннокентій*, укрѣпивъ въ вѣрѣ представленныхъ ему христіанъ, началъ, при пособіи ихъ, проповѣданіе слова евангельскаго, неотразимо обличая и выводя наружу обманы и призрачныя чудодѣйствія жрецовъ шаманства. Успѣхъ превзошелъ ожиданія; чистыя, неиспорченныя души дѣтей природы, при помощи Вышней благодати, скоро приняли сѣмя слова Божія, и ревностный пастырь имѣлъ радость въ самое непродолжительное время увидѣть ближайшихъ къ Иркутску Тунгусовъ болѣе нежели на половину обращенныхъ отъ идолопоклонства къ вѣрѣ истинной. Благодарныя чада Церкви, въ честь своего просвѣтителя, тогда же назвались *Неруновцами*, увѣковѣчивъ такимъ образомъ память своего апостола. *Иннокентій* скончался 26 іюля 1741 года: но имя его до нынѣ святится сибирскими христіанами[103].

Петрункевичъ Платонъ. Гдѣ началъ и проходилъ онъ первоначальную службу—неизвѣстно: но въ 1742 году онъ былъ уже архимандритомъ Спасскаго сѣвскаго монастыря и потомъ Рождественскаго владимірскаго. Въ 1748 *Петрункевичъ* былъ рукоположенъ въ епископа владимірскаго и яропольскаго, и ознаменовалъ свое управленіе учрежденіемъ семинаріи въ Владимірѣ, что на Клязьмѣ. По десятилѣтнемъ многополезномъ служеніи своемъ Церкви, *Платонъ Петрункевичъ* скончался въ Москвѣ 16 апрѣля 1757 года[104].

Святоша или Святицкій Іоанникій, по окончаніи курса наукъ, назначенъ былъ учителемъ въ Александро-невскую семинарію, гдѣ потомъ продолжалъ училищную службу въ званіи префекта. Въ 1758 году онъ пожалованъ архимандритомъ нов-

городскаго Вяжицкаго монастыря, а через годъ былъ переведенъ въ Юрьевъ, гдѣ умеръ 3 іюня 1768 года[105].

Скамницкій Варлаамъ въ 1740 году былъ архимандритомъ Чудова монастыря и членомъ св. Синода, а въ 1743 посвященъ въ епископа вятскаго и черезъ пять лѣтъ назначенъ въ Устюгъ, гдѣ и почилъ 20 февраля 1761 года[106].

Сребницкій Никодимъ былъ одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ Академіи, которые 1701 года вызваны были въ Москву Стефаномъ Яворскимъ. Въ 1738 году *Сребницкій* былъ рукоположенъ въ черниговскаго архіепископа, а черезъ два года, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ въ Тобольскъ, съ переименованіемъ въ митрополиты: но 31 марта 1742 года назначенъ въ Петербургъ на епископскую каѳедру, съ предоставленіемъ ему архимандріи Александро-невской; въ 1745 переведенъ въ Переяславль, гдѣ по шестилѣтнемъ управленія епархіей скончался 12 іюня 1751 года[107].

Флоринскій Кириллъ началъ прохожденіе училищной службы въ харьковскомъ коллегіумѣ, гдѣ достигъ званія префекта. Указомъ св. Синода отъ 6 іюля 1736 года онъ былъ переведенъ съ той же степенью въ московскую Академію, гдѣ при ректорахъ Антоніѣ, Митрофанѣ и Платонѣ читалъ богословіе, управляя по смерти перваго изъ нихъ нѣкоторое время Заиконоспасскимъ монастыремъ. Въ 1737 году ввѣрено ему начальствованіе монастыремъ Симоновскимъ и въ тоже время послѣдовало утвержденіе его въ званіи ректора. Пять лѣтъ трудился онъ на этомъ поприщѣ; назначенный потомъ архимандритомъ Свято-троицкой Сергіевой Лавры, *Флоринскій* открылъ здѣсь семинарію: но черезъ годъ послѣ этого скончался[108].

Хотунцевскій Іоасафъ. Отличившись даромъ слова еще въ бытность свою студентомъ, онъ вскорѣ по окон-

чаніи курса принялъ монашество, и въ санѣ іеродіакона отправленъ былъ 1739 г. въ московскую Академію проповѣдникомъ. Черезъ два года онъ былъ уже іеромонахомъ и экзаменаторомъ крутицкой епархіи, а въ концѣ 1742 года избранъ въ начальники миссіи, отправлявшейся въ Камчатку, возведенъ въ санъ архимандрита, и въ продолженіи семи лѣтъ трудился въ подвигахъ апостольства съ успѣхомъ, сочинивъ даже для обращаемыхъ нѣчто въ родѣ катихизиса подъ названіемъ: *Сила Божественнаго ученія вкратцѣ начертанная*. Въ 1754 году *Хотунцевскій* опредѣленъ былъ ректоромъ московской академіи и наставникомъ богословія: но въ слѣдующемъ же году, согласно прошенію, уволенъ отъ занятій профессорскихъ »за немаловременные труды въ Камчаткѣ«, съ оставленіемъ при должности только ректора. Въ 1757 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ московскаго Высокопетровскаго монастыря, откуда посвященъ въ викаріи къ нижегородскому архіепископу. Въ томъ же году, по собственному желанію, переведенъ въ Юрьевъ монастырь, въ которомъ и почилъ 29 апрѣля 1759 года[109].

Щербацкій Тимоѳей родился въ м. Трипольѣ при Днѣпрѣ 1698 года и при крещеніи нареченъ *Тихономъ*. Родитель его былъ мѣщанинъ, по имени Иванъ Щербакъ. По достиженіи отроческихъ лѣтъ, *Тихонъ* отданъ былъ отцемъ своимъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и началъ проходить первоначальные классы. Обладая отличнымъ голосомъ, *Щербацкій* поступилъ въ академическій пѣвческій хоръ. Въ первое посѣщеніе Кіева Петромъ Великимъ, онъ имѣлъ счастіе присутствовать при встрѣчѣ Державнаго Гостя и обратить на себя Его Монаршее вниманіе. Государь приказалъ взять *Щербацкаго* ко Двору и записать въ свою капеллу. Казалось бы, тутъ и конецъ образованію юнаго пѣвца: но благодаря доброму началу, положенному школою, *Щербацкій* едва лишь спалъ съ голоса, тотчасъ испросилъ себѣ увольненіе, и воротился въ Кіевскую Академію для продолже-

нія наукъ. По окончаніи курса, онъ принялъ монашество съ именемъ *Тимоѳея,* и получилъ мѣсто каѳедральнаго писаря при Софійскомъ монастырѣ. Быстро послѣ этого пошелъ онъ по степенямъ іерархическимъ: ибо въ три года (съ 1737 по 1740) перешелъ должности игумена лубенскаго Мгарскаго монастыря, потомъ Выдубицкаго, послѣ Кіево-михайловскаго, и наконецъ избранъ и утвержденъ архимандритомъ Кіево-печерской Лавры[110].

Янковскій Ѳеодосій. послѣ прохожденія разныхъ учи лищныхъ и другихъ должностей, опредѣленъ былъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевой Лавры, откуда въ 1745 году хиротонисанъ въ епархію С.-Петербургскую съ пожалованіемъ въ званіе архіепископа и съ подчиненіемъ ему Александро-невской Лавры, въ которой онъ 22 апрѣля 1750 года и скончался[111].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РАФАИЛЪ ЗАБОРОВСКІЙ.

Нареченіе Рафаила архіепископомъ кіевскимъ. Пріѣздъ его въ Кіевъ. Состояніе Украйны. Академія, какъ предметъ его попеченій. Приходо-расходный отчетъ Академіи. Постройка бурсы. Обновленіе обветшалыхъ академическихъ зданій. Второй этажъ Мазепина корпуса. Картина, поднесенная отъ Академіи Рафаилу. Пріемъ заграничныхъ воспитанниковъ. Ломоносовъ въ Академіи. Причина скораго выбытія его отсюда. Правительство требуетъ переводчиковъ. Высылка студентовъ въ Смоленскъ. Письма Гедеона. Рафаилъ посылаетъ студентовъ за границу. Свидѣтельства. Паспорты. Нерасположенность войтовъ и магистрата кіевскаго къ Академіи. Причины этого. Кончина Императрицы Анны. Императрица Елисавета Петровна. Малороссійскіе депутаты. Грамата Елисаветы, пожалованная Академіи. Возвышеніе жалованья. Льготы Кіеву. Приготовленія къ прибытію Государыни въ Кіевъ. Распоряженія мѣстнаго начальства и письмо архимандрита Щербацкаго. Заготовленіе запасовъ и подводъ. Прибытіе Государыни въ Украйну. Императрица въ Кіевѣ. Встрѣча отъ Академіи. Встрѣча у тріумфальныхъ воротъ. Достопамятное слово Императрицы. Пребываніе ея въ Лаврѣ. Посѣщеніе китаевской пустыни. Схимникъ Досиѳей. Диспутъ въ Академіи въ Высочайшемъ присутствіи. Привѣтствіе отъ Академіи. Царскіе Дары. Приношенія отъ Лавры. Пожертвованія Императрицы. Заложеніе Андреевской церкви. Просьба чиновъ и войска малороссійскаго. Проэктъ Рафаила о греческомъ училищѣ. Кончина Рафаила. Признательность Академіи. Инструкція Рафаила. Духовный регламентъ. Наставники Академіи 1740, 1743 и 1746 г. Системы богословія и философіи. Учебники реторики и поэзіи. Преподаваніе языковъ. Число воспитанниковъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Андріевскій Геннадій. Аскаронскій Дамаскинъ. Блонницкій Іаковъ. Бродскій Константинъ. Вольховскій Аѳанасій. Игнатовичъ Ѳеофилъ. Илляшевичъ Антоній. Карпинскій Іакинѳъ. Козловичъ Іоаннъ. Комаровскій Ираклій. Конисскій Георгій. Ляшевецкій Кириллъ. Лящевскій Варлаамъ. Любарскій Варѳоломей. Миткевичъ Іоасафъ. Могилянскій Евстафій. Нащинскій Давидъ. Огинскій Га-

вріилъ. Сковорода Григорій. Сломинскій Гедеонъ. Слотвинскій Митрофанъ. Совковскій Парѳеній. Тодорскій Симонъ. Топольскій Аѳанасій. Фальковскій Веніаминъ. Чарнуцкій Ѳеофанъ. Щепинъ Константинъ. Ямницкій Іосифъ.

1731—1747.

Исполнилась наконецъ мѣра бѣдствій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ кіевской іерархіей. Отнынѣ уже не оставятъ ее пастыри, и древній престолъ первосвятителей русскихъ возвеличится прежнею своею славою.

Вдали отъ столичнаго шума, въ одномъ изъ достопамятныхъ городовъ Россіи, проводилъ дни свои будущій святитель кіевскій, устроивая псковскую паству и распространяя между пасомыми свѣтъ христіанскаго ученія. Такому свѣтильнику вѣры, какимъ былъ Рафаилъ, невозможно было долго оставаться подъ спудомъ. Послѣ шестилѣтняго управленія псковскою епархіей, Заборовскій 1731 года получилъ Высочайшее повелѣніе быть епископомъ кіевскимъ, и вмѣстѣ съ симъ предписано было ему явиться въ Москву, гдѣ тогда находился Дворъ и Синодъ. Къ этому времени прибылъ туда же и гетманъ Даніилъ Апостолъ(112). Такимъ образомъ предъ Государыней были два правительственныхъ представителя Малороссіи: одинъ духовный, другой военно-гражданскій. Анна Іоанновна обласкала того и другаго: гетманъ получилъ орденъ Александра Невскаго, а Рафаилъ санъ архіепископа. Октября 10 того же года святитель узрѣлъ святыя горы Кіева, и радостно вступилъ въ священную сѣнь храма Ярославова.

Не могъ не радоваться народъ, опечаленный несчастіемъ прежнихъ своихъ архипастырей: ибо онъ видѣлъ снова ближайшаго своего заступника; не могла не радоваться и Академія, остававшаяся безъ покровителя: ибо въ лицѣ новаго іерарха она

узрѣла своего же питомца, и по справедливости чаяла отъ него архипастырской благостыни.

Въ Кіевѣ и вообще во всей русской Украйнѣ все было спокойно: но за то православные, жившіе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и состоявшіе подъ польскимъ владычествомъ, испытывали отъ католиковъ и уніатовъ нестерпимыя притѣсненія. Лишенные всякой защиты правительства, они, какъ братья единокровные, устремились съ жалобами своими къ новому отцу и пастырю церкви православной; особенно литовское духовенство, остававшееся еще подъ вѣдѣніемъ кіевскихъ архіереевъ, неотступными просьбами своими смущало великую душу Рафаила. Получая отовсюду жалобныя граматы, онъ пересылалъ ихъ въ Синодъ, умоляя о защитѣ страждущихъ единовѣрцевъ и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Императрица неоднократно предписывала россійскому резиденту въ Варшавѣ ходатайствовать за нихъ: но что могъ сдѣлать безсильный король и вѣроломный сенатъ съ изувѣрствомъ фанатиковъ, обезумѣвшихъ отъ крови и буйства? Гоненія, насилія, мученія продолжались по прежнему... Дыбомъ встаютъ волосы отъ тѣхъ ужасовъ, пытокъ и казней, отъ которыхъ обливалась кровію польская половина несчастной Украйны[113]!... Но заря спасенія ея уже занималась.

Академія прежде всѣхъ ощутила на себѣ благодѣянія новаго архипастыря. Рафаилъ Заборовскій, тотчасъ по прибытіи своемъ, исходатайствовалъ у св. Синода, въ отличіе и для большаго уваженія, ректорамъ оной званіе и санъ архимандритовъ. Испросилъ онъ въ послѣдствіи тоже для настоятелей и другихъ монастырей[114]: но Братскій былъ ближе его сердцу, ибо тамъ прошли лучшіе дни его молодости, тамъ онъ просвѣтился свѣтомъ ученія, тамъ указанъ ему путь чести и истинной славы. Счастливъ питомецъ, надѣленный такими благами отъ воспитавшаго его училища: но счастливо и учили-

ще, возраствшее такого питомца, какъ счастлива бываетъ мать знатнымъ и благодарнымъ своимъ сыномъ!..

Обветшавшія зданія академическія требовали поддержки и перестройки. Заборовскій немедленно потребовалъ отчетовъ въ приходныхъ суммахъ, поступающихъ въ училищный монастырь, и Братство 1733 года представило архипастырю »экстрактъ«, въ которомъ значилось, что въ теченіи трехъ лѣтъ поступило въ академическую кассу: 1) »изъ губернской канце»ляріи государеваго жалованья денежного и хлѣбного *двѣстѣ »тридцать восемь* рублей *двадцать* копѣекъ; 2) архіерейского »жалованья за два года *двѣстѣ* рублей; 3) съ пляцовъ купи»чныхъ (съ оброчныхъ мѣстъ), въ Кіевѣ имѣющихся, *шестде»сятъ восемь* рублей; 4) зъ шинковъ всѣхъ маетностей (имѣ»ній) *триста девяносто два* рубля *пятдесятъ* копѣекъ; 5) зъ »перевозу Карпиловскаго[115] половиной части пришло *трид»цать шесть* рублей; 6) зъ гуты[116] (стекольнаго завода) *пят»десятъ два* рубля; 7) чиншовыхъ денегъ зъ разныхъ угодій »монастырскихъ війшло *сто четыре* рубля; 8) мостовыхъ де»негъ въ Мостищахъ собралось *сорокъ три* рубля; 9) валюш»ныхъ (сукновальныхъ)[117] денегъ зъ млиновъ *пятнадцать* ру»блей; и того всѣхъ *тысяча сто сорокъ восемь* рублей *семде»сятъ* копѣекъ«. За тѣмъ въ расходѣ показано *тысяча девяносто восемь* рублей *семдесятъ* копѣекъ[118].

Въ остаткѣ, значитъ, очень мало: но это не останавливаетъ просвѣщенной ревности архипастыря. Рафаилъ Заборовскій вноситъ своихъ *тысячу шестьсотъ сорокъ* рублей, и начинаетъ перестройку академическихъ зданій. Въ короткое время, вмѣсто старыхъ и обветшалыхъ, являются новыя помѣщенія для учениковъ, изъ которыхъ бѣднѣйшихъ онъ принимаетъ на свое собственное иждивеніе. На мѣстѣ бывшей сначала гостинницы, обращенной потомъ Петромъ Могилою въ пристанище для сиротъ и другихъ странниковъ, Рафаилъ воз-

водитъ *Великую Бурсу,* такъ названную въ отличіе отъ бурсъ, находившихся при церквахъ приходскихъ. Кіевляне, изъ уваженія къ огромности зданія, тогдаже прозвали ее *Студентскимъ домомъ.* Кромѣ этого надъ каменнымъ корпусомъ, построеннымъ еще Мазепою, Рафаилъ возводитъ второй этажъ, по плану архитектора Шейдена, съ огромною колоннадою тосканскаго ордена, и созидаетъ тамъ же Благовѣщенскую академическую церковь. Въ 1740 году 1 Ноября церковь эта освящена самимъ архипастыремъ, и отъ того времени донынѣ остается по преимуществу училищнымъ храмомъ. Нынѣшнія аудиторіи и конгрегаціонная зала — все это дѣло рукъ Рафаила Заборовскаго. Кіевляне, по справедливости, могутъ гордиться этимъ зданіемъ: ибо предки ихъ вкладами своими ревностно содѣйствовали архипастырю, возводившему оное. И не одни кіевляне, но и отдаленные отъ святаго города жители могутъ съ радостію припоминать, что благородные прародители ихъ, каждый по мѣрѣ силъ и усердія, несли кто что могъ въ даръ уважаемому ими училищу. *Андрей Горленко,* magnificus dominus, какъ сказано въ надписи, пожертвовалъ для конгрегаціонной церкви два серебряныхъ подсвѣчника; генеральный обозный *Яковъ Лизогубъ* 1729 г. подарилъ богатыя ризы; *Іеремія Родзянка* 1732 г. ризы бархатныя рытыя на золототканномъ глазетѣ; *Михаилъ Козачинскій* 1733 г. также ризы штофныя, и много другихъ притекало приношеній въ новосозидаемый храмъ societatis Marianae.

17-го іюля 1739 года въ первый разъ происходило торжественное собраніе во вновь устроенной залѣ. Чтобъ увѣковѣчить это событіе и доказать глубочайшую свою признательность архипастырю-благодѣтелю, академисты на публичномъ диспутѣ поднесли Рафаилу отличнѣйшую картину, сочиненную и исполненную однимъ изъ воспитанниковъ сего училища *Левицкимъ Григоріемъ.* На верху этой картины, посреди сіяющаго треугольника, изображены седмь очей, а подъ облаками, окру-

жающими оные, слѣдующая надпись: septem isti oculi sunt Domini, qui discurrunt in universam terram. Zachar. IV. Въ лучѣ, простирающемся къ самому изображенію Рафаила, читаются слова: suscitabo mihi sacerdotem fidelem, qui iuxta cor meum et animam meam faciet. Reg. Lib. I. cap. II. По сторонамъ того луча помѣщены на облакахъ два ангела, изъ коихъ одинъ держитъ митру, а другой жезлъ и курильницу; пониже ихъ св. Андрей Первозванный съ омофоромъ въ рукахъ и св. Михаилъ митрополитъ съ крестомъ; еще ниже св. великомученица Варвара съ палицей и св. Владиміръ равноапостольный съ крестомъ и панагіею. Лица всѣхъ этихъ фигуръ наклонены къ святителю кіевскому; подъ ними слѣдующія двѣ надписи: veniat dilectus meus in hortum suum. Cantic. IV. Trahe me, post te curremus in odorem unguentorum tuorum. Cantic. I. Въ центрѣ картины помѣщенъ портретъ самаго Рафаила, поддерживаемый въ облакахъ двумя фигурами, изъ коихъ у одной въ рукѣ рогъ изобилія, а у другой пламенѣющее сердце; повыше ихъ еще двѣ такія же фигуры, облокотившіяся на раму портрета; одна изъ нихъ держитъ въ правой рукѣ змію, а другая зеркало; на рамѣ стихъ: Ut perfectus sit homo Dei ad omne opus bonum instructus. Timoth. III. Подъ портретомъ гербъ Заборовскаго, увѣнчанный княжеской короной, и надпись: Pium ac debitum Musarum Kiioviensium Patri Mecenati, perque novennium Nutritori Illustris. Celsis. Domino Domino Raphaëli Zaborowski archiepiscopo Kiioviensi, Halicensi et Parvae Russiae, ea qua par est submissione, cultu et reverentia monumentum. anno 1739. Iulii 17 die. Въ отдаленной перспективѣ, простирающейся чрезъ всю картину разбросаны между горами городскія строенія. Внизу четыре фигуры, подобныя выше упомянутымъ, всѣ съ книгами, съ тою только отмѣною, что одна изъ нихъ указываетъ рукою на землю, другая, имѣющая на головѣ конусообразную шапочку съ шарикомъ на верху, стоитъ въ созерцательномъ положеніи, при-

ставивъ палецъ ко лбу; у третьей въ рукѣ шаръ земной, а у четвертой зрительная трубка, обращенная къ портрету Рафаила. Головные уборы и вообще костюмировка фигуръ въ древнемъ вкусѣ, и въ высшей степени легка и изящна. Вся картина обрамлена слѣдующими изображеніями:—съ правой стороны: 1) въ дальней перспективѣ видъ Кіева, какъ христіанскаго города, украшеннаго церквами, а вверху два ангела, изъ коихъ одинъ какбы устанавливаетъ солнце, а другой за нимъ разсыпаетъ цвѣты. Въ соотвѣтствіе этому, съ противоположной стороны: 2) Видъ языческаго Кіева съ башнями и теремами, и два летящіе ангела, изъ которыхъ одинъ прогоняетъ тьму ночную, а другой держитъ цвѣты, готовясь сыпать ихъ на землю. 3) Корабль, смѣло плывущій по волнамъ днѣпровскимъ, окрыляемый дуновеніемъ Духа Св. въ видѣ голубя; надпись: satius quam ventis. 4) Видъ Кіево-печерской Лавры и окружающихъ ее храмовъ, съ надписью: Firmabo super te oculos meos. Psal. 31. 5) Седмистолпный храмъ Премудрости; надпись: septenario perfectis. 6) Великая соборная лаврская церковь съ надписью: et aedificabo ei domum fidelem. 7) Сѣятель, засѣвающій поле при ясномъ солнцѣ; надпись: Te splendente, levabor. 8) Большой академическій корпусъ (что нынѣ старый), только что надстроенный Рафаиломъ съ надписью: Muri tui coram oculis meis semper. Съ лѣвой стороны: 9) Рука изъ облаковъ, держащая вѣсы; надписано: impar meritis. 10) Видъ Кіево-печерской цитадели съ башнями и церквами; надпись: si oblitus fuero tui, oblivioni detur dextra mea. Psal. CXXXVI. 10. 11) Облако, изливающее дождь; надписано: nisi pluat. 12) Большой корпусъ, построенный Рафаиломъ въ Софійскомъ монастырѣ; надпись: sicut ablactatus est super Matre sua. 13) Двѣ разгнутыя книги на покрытомъ столѣ, съ надписью choro et foro. 14) Три студента въ современныхъ костюмахъ и съ хартіями въ рукахъ; надъ ними надпись: accipite disciplinam meam ac scientiam. Вся картина въ длину 1 аршинъ

и $1\frac{1}{2}$ вершка, а въ ширину 3 четверти и 2 вершка безъ малаго[119].

Число воспитанниковъ, ежегодно прибывавшихъ въ Академію, было такъ велико, что при скудныхъ средствахъ къ содержанію, она по неволѣ должна была отказывать многимъ въ пріемѣ. Въ слѣдствіе сего произошли жалобы, и въ 1736 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о допущеніи всѣхъ къ слушанію академическихъ уроковъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы поступающіе были непремѣнно православнаго исповѣданія. Но и до сего указа Академія, по мѣрѣ силъ и возможности, принимала и обучала дѣтей не только туземныхъ жителей, но и *заграничныхъ*[120]. Такъ еще въ 1734 году сербскій митрополитъ Викентій Сеадновичъ въ письмѣ своемъ отъ 30 іюля благодарилъ Рафаила за принятіе въ Кіевскую Академію »многихъ« Сербовъ для усовершенствованія въ наукахъ. Въ 1743 году прибылъ изъ Венеціи нѣкто *Секуръ Константинъ*, получившій воспитаніе на островѣ Закинѳѣ и, какъ пишетъ онъ въ своемъ прошеніи, »изученъ въ томъ же островѣ еллино-греческаго и »италіанскаго языковъ совершенно, прочіихъ же языковъ по »мѣрѣ. Извѣстившись, продолжаетъ онъ, что разнымъ ученіемъ »процвѣтаетъ Академія, оставилъ ученіе римское и забывъ трудъ, »на пути бываемый, пустился на гласъ Академіи; таже до »стигъ до Константинополя, гдѣ отъ его превосходительства »Алексѣя Вѣшнякова ея Императорскаго Величества резидента »болѣе о томъ извѣстился«. Въ 1747 году митрополитъ Рафаилъ позволилъ одному сербскому іеромонаху *Арсенію Сергіеву* окончить курсъ въ Кіевской Академіи, накупить здѣсь для Сербіи книгъ, какъ церковныхъ, такъ и »ко ученію отроковъ способныхъ«. Изъ великой Россіи также прибывали многіе изъ воспитанниковъ тамошнихъ училищъ, заводимыхъ кіевскими академистами[121]. Такимъ образомъ Академія служила какбы звеномъ, соединявшимъ всѣхъ православныхъ одною благородною потребностію образованія, и бывъ центромъ, отъ котораго всегда

распространялись лучи истиннаго просвѣщенія, въ настоящую пору увидѣла, что къ ней же, какъ къ фокусу отъ своей периферіи, возвращались радіусы для заимствованія большаго свѣта, возжигаемаго отъ того же невечерняго солнца Евангелія Христова.

Въ 1733 году въ обители Братской появился знаменитый пришлецъ, которому суждено было потомъ сдѣлаться преобразователемъ русскаго слова. Къ ректору Академіи Амвросію Дубнѣвичу препровожденъ былъ, при отношеніи кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева, Михайло Ломоносовъ, которому Высочайше повелѣно было здѣсь продолжать науки, начатыя имъ въ Московскомъ заиконоспасскомъ училищѣ. Въ короткое время этотъ человѣкъ, полный геніальнаго ума, успѣлъ присмотрѣться къ порядку, существовавшему въ кіевскихъ школахъ: но повинуясь высшему призванію, оставилъ училище, мало соотвѣтствовавшее его планамъ и надеждамъ. Не диспуты испугали его, какъ увѣряютъ нѣкоторые, не схоластическая ученость, обыкновенно ставимая въ упрекъ Академіи[122], а отсутствіе того, къ чему стремилась творческая душа великаго человѣка. Ломоносовъ имѣлъ въ виду изучить собственно русскій говоръ: но въ Кіевѣ онъ не могъ его услышать, ибо народъ говорилъ нарѣчіемъ малороссійскимъ съ примѣсью польскаго, а въ академическихъ аудиторіяхъ слышался малопонятный ему языкъ латинскій. Ломоносову хотѣлось изучить естественныя науки — Физику, Химію, Минералогію, а ихъ тогда не было въ Академіи, точно также какъ не было во всей Россіи. Впрочемъ нельзя положительно говорить, чтобъ пребываніе его въ Академіи Кіевской осталось рѣшительно безъ всякой пользы. Какъ ни несовершенъ былъ складъ рѣчи тогдашнихъ ораторовъ юга; но все же они были первыми витіями и проповѣдниками въ Россіи, все же изъ Кіева призывала ихъ Москва и Петербургъ, а не обратно. Слѣдовательно, Ломоносову, какъ будущему преобразовательно Русска-

го слога, было кого послушать, было чему поучиться. Здѣсь онъ глубже и ближе могъ вникнуть въ красоты того языка, изъ котораго почерпали силу и богатство св. Димитрій Ростовскій, Яворскій, Прокоповичъ, Конисскій и подобные имъ. Самый латинизмъ, господствовавшій въ училищѣ, былъ полезенъ Ломоносову, ибо онъ тверже познакомилъ его съ тѣмъ нарѣчіемъ, которому онъ учился въ славяно-греко-латинской школѣ, которымъ говорила тогда вся ученая Европа и который долженъ былъ въ послѣдствіи послужить ему въ далекомъ странствованіи по чужимъ землямъ. При всемъ томъ, конечно, Кіевская Академія не могла показаться ему верхомъ совершенства, точно также какъ не удовольствовала его Академія Наукъ, въ сознаніи своей немощи отправившая своего геніальнаго питомца за границу.

Но пока просвѣщеніе въ Россіи получитъ обширнѣйшіе размѣры, Кіевская Академія все будетъ оставаться тѣмъ же музеумомъ высшихъ наукъ и разсадникомъ народнаго образованія. Къ ней обращается и правительство съ требованіемъ ученыхъ переводчиковъ. »По силѣ имяннаго указа, писалъ къ Рафаилу »26 іюня 1737 года кіевскій генералъ-губернаторъ Семенъ Сукинъ, слѣдующіе изъ Санктъ-Питербурга на конгресъ чрезвычайные и полномочные господа послы для заграничной въ »Польшѣ бытности необходимо требуютъ искусного и латынскихъ и польскихъ писемъ переводчика. А понеже, какъ я »известенъ, въ Кіевской Академіи таковыхъ студентовъ немалое число находитца, ис которыхъ надеюсь и саможелательные найдутца, а при дворѣ оныхъ господъ пословъ в томъ »крайняя состоитъ необходимость, и того для Ваше преосвящество прошу приказать съ оной Академіи выбравъ изъ »студентовъ к таковымъ переводамъ искусного, кому бы »безъ сомнѣнія вѣрить было можно, съ отестаціей прислать »ко мнѣ«. Въ слѣдствіе сего избраны и представлены были Сукину для выбора два студента: *Григорій Андріевскій* и

Кириллъ Бродскій, изъ которыхъ первый и поступилъ въ посольство

Что же касается до требованій о молодыхъ людяхъ, способныхъ къ наставническимъ должностямъ: то требованія эти поступали отовсюду, гдѣ только заводимы были училища святителями, нѣкогда воспитывавшимися въ сей же Академіи. »Съ 1704 »года, пишетъ г. *Смирновъ,* до времени Платона митрополита, »Московская Академія большею частію имѣла наставниковъ изъ »Кіева. Есть основаніе думать, что для ускоренія образованія, »кіевскіе наставники привозили съ собою въ Москву даже под- »готовленныхъ учениковъ изъ Кіева. Въ дошедшемъ до насъ »спискѣ учениковъ Философіи 1704 года, въ числѣ тридцати »четырехъ человѣкъ, только трое великороссіянъ, а всѣ прочіе »имѣютъ фамиліи бѣлорусскія и польскія[172]«. Изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ академическаго архива видно, что требованія о наставникахъ повторяемы были ежегодно. Такъ въ 1737 году 6 іюля отправленъ былъ во Псковъ, по просьбѣ архіепископа Варлаама Леницкаго, *Григорій Андреевскій,* тотъ самый, который былъ при посольствѣ; въ 1739 году Гедеонъ Вишневскій, епископъ смоленскій, просительнымъ письмомъ своимъ отъ 17 іюля прибѣгалъ къ митрополиту Рафаилу о присылкѣ наставниковъ для заведеннаго имъ училища. »Изобиловала всегда, »писалъ онъ, учеными людьми діэцезія вашего преосвящен- »ства и Академія Кіевская, и имѣла въ себѣ честь сицевую, »что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Афинъ, вся Россія »источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведен- »ныя училищныя колоніи напоила и ізрастила. Умножитъ же »и еще себѣ славу, егда и въ смоленскую, отъ неяжъ насаж- »денную колонію и уже довольными одѣянную классами, изве- »детъ на жатву дѣлателей і вспоможетъ собирать плоды бо- »гоугодныя и душеспасительныя«. Такъ отзывался просвѣщенный архипастырь объ Академіи Кіевской, ближе другихъ *нѣкоторыхъ* усмотрѣвшій ея высокое достоинство! Въ томъ же

году отправленъ былъ въ Смоленскъ іеромонахъ *Мелхиседекъ Богдановичъ* съ тремя другими своими сотоварищами, и ревнитель просвѣщенія Гедеонъ писалъ къ Рафаилу письмо, »по премногу благодаря его за присылку ученыхъ четырехъ персонъ духовныхъ, со всеусерднымъ желаніемъ долголѣтняго »во благополучномъ состояніи здравія, мирнаго и благоуспѣшнаго паствы правленія и душеспасительныхъ ко блаженному воздаянію заслугъ умноженія«. Мало этого: воспитанниковъ Кіевской Академіи требовали и за границу. Такъ въ 1732 году сербскій митрополитъ Викентій Сеядновичъ просилъ Рафаила Заборовскаго выслать къ нему »изъ своей славной »Академіи въ Сербію въ ученіи книжномъ искусныхъ числомъ »десять человѣкъ«, а черезъ два года послѣ сего онъ же писалъ къ кіевскому іерарху· »можемъ сказати о пришедшихъ къ намъ учителей, да »такожде суть въ наученіи искусни, такожде и нравію доброжительни, и въ наставленіи учениковъ »прилѣжни, тщатливи и охотни«[124].

Но Академія, разсылая своихъ воспитанниковъ по разнымъ мѣстамъ, никогда не выпускала ихъ изъ виду, и способнѣйшихъ изъ нихъ отзывала къ себѣ потомъ обратно на профессорскія должности. Въ замѣну ихъ на открывавшіяся такимъ образомъ вакансіи она посылала другихъ младшихъ, приготовляя ихъ чрезъ это къ высшему служенію, на пользу церкви и отечественнаго просвѣщенія.

Радѣя всячески объ успѣхѣ и процвѣтаніи роднаго своего училища, митрополитъ Рафаилъ положилъ перенести въ него все, что было лучшаго въ тогдашнихъ европейскихъ университетахъ. Для этого, избравъ способнѣйшихъ воспитанниковъ, онъ отправилъ ихъ за границу, снабдивъ собственно отъ себя всемъ нужнымъ. Въ продолженіи всего ученаго своего путешествія они пользовались благодѣяніями архипастыря, и

съ лихвою потомъ возвратили училищу то, чего желалъ и ожидалъ отъ нихъ просвѣщенный его протекторъ.

Митрополитъ Рафаилъ, устроява такимъ образомъ внѣшнее благосостояніе Академіи, самъ наблюдалъ и за ходомъ преподаванія наукъ и за успѣхами воспитанниковъ, заботясь въ тоже время и о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Предъ началомъ каждаго учебнаго года онъ требовалъ къ себѣ отъ Академіи свѣдѣній о лицахъ, имѣющихъ занимать ту или другую каѳедру, и утверждалъ или измѣнялъ этотъ списокъ по собственному усмотрѣнію. Всякій воспитанникъ, окончившій курсъ ученія, былъ снабжаемъ свидѣтельствомъ по особенной формѣ, съ приложеніемъ академической печати, на которой было изображено Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Въ этомъ свидѣтельствѣ прописывались успѣхи воспитанника и его поведеніе, наконецъ выполненіе присяги на вѣрноподданство Всероссійскому Престолу[125]. Туземные воспитанники, получивъ такое свидѣтельство, расходились по своимъ мѣстамъ, съ сохраненіемъ правъ членовъ Академическаго Братства, а иногородные кромѣ сего были снабжаемы отъ архипастыря и законнымъ паспортомъ. Безъ этого всякая отлучка изъ училища считалась нарушеніемъ училищныхъ и гражданскихъ законовъ, за которое строго взыскивалось. Академическое начальство въ такомъ случаѣ немедленно увѣдомляло или мѣстнаго архіерея, если отлучившійся воспитанникъ былъ изъ духовнаго сословія, или гражданское управленіе, если онъ принадлежалъ къ званію разночинцевъ, а тѣ съ своей стороны дѣлали распоряженія о поимкѣ бѣглеца.

Замѣчательно, что войты съ своимъ магистратомъ по большой части дѣйствовали непріязненно противъ училища и распоряжались самоуправно въ дѣлахъ, касавшихся какъ самой Академіи, такъ и ея воспитанниковъ. Жалобы на это часто были заносимы генералъ-губернаторамъ, и академическое на-

чальство всегда имѣло много хлопотъ съ магистратомъ, то изъявлявшимъ незаконныя притязанія къ имѣніямъ училищнымъ, то дѣйствовавшимъ пристрастно даже въ дѣлахъ особенной важности, какъ напримѣръ, убіеніе мѣщанами ученика *Григорія Маковецкаго*[126]. Почетнѣйшіе изъ тогдашнихъ гражданъ, по свидѣтельству Григоровича-Барскаго, видѣли въ ученыхъ »излишнее прѣніе, гордость, упрямство, славолюбіе, завистъ и прочіе обыкновенные ихъ пороки«[127]. Изъ вычисленія этихъ пороковъ нѣкоторымъ образомъ открывается причина ненависти магистратскаго начальства. Руководствуясь статутомъ и магдебурскимъ правомъ, и содержа чрезъ это въ своихъ рукахъ безъапелляціонное рѣшеніе дѣлъ, и слѣдовательно корыстно пользуясь невѣжествомъ толпы, члены магистрата не могли равнодушно видѣть, какъ распространеніемъ просвѣщенія подрывалась ихъ власть, какъ имъ самимъ эти ученые показывали на статьи статута, прежде безнаказанно нарушаемыя, какъ апеллевали они противъ магистратскихъ рѣшеній, открывая вопіющія несправедливости войтовъ и ихъ райцевъ[128]. Очевидно, что въ глазахъ ихъ это могло показаться посягательствомъ на ихъ административныя права; отъ того-то и видѣли они въ ученыхъ »излишнее прѣніе, гордость, упрямство, славолюбіе и завистъ« — именно то, въ чемъ никогда не упрекало ихъ высшее правительство, установленное отъ Императорскаго Всероссійскаго Двора. Кромѣ этого, всякій воспитанникъ, окончившій курсъ ученія съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ, навсегда освобождался отъ непосредственнаго вліянія войтовъ и магистрата, и находя постоянную и вѣрную себѣ защиту въ академическомъ начальствѣ, подлежалъ уже вѣдомству генеральной войсковой канцеляріи.

Съ кончиною Императрицы Анны (1740 г.) въ Россіи совершился важный государственный переворотъ. Биронъ сдѣлался регентомъ и опекуномъ Наслѣдника Всероссійскаго престола, Іоанна Антоновича. Въ упоеніи своей власти Биронъ

не предчувствовалъ паденія, и за то черезъ три недѣли, послѣ смерти своей державной благодѣтельницы, очутился изгнанникомъ въ Пелымѣ. Анна Леопольдовна приняла бразды правленія, но и она недолго пользовалась своею властію.

Въ 1741 году скипетръ и державу Россіи приняла Императрица Елисавета Петровна.

Малороссія немедленно отправила своихъ депутатовъ для принесенія вѣрноподданническаго поздравленія Государынѣ, и осчастливленные милостивымъ ея вниманіемъ, возвратились они на родину съ радостными надеждами на благополучіе своего края.

Въ слѣдующемъ же году архіепископъ Рафаилъ обратился къ Императрицѣ со всеподданническимъ ходатайствомъ объ Академіи, и благодушная Государыня въ томъ же году пожаловала училищу грамату, которою подтверждались всѣ прежнія права и привиллегіи, наданныя оному отъ вѣнчанныхъ ея предшественниковъ. И въ этой граматѣ предписывалось »принимать для ученія всякихъ чиновъ россійскихъ и изъ иныхъ »странъ приходящихъ дѣтей, остерегаясь того накрепко, чтобъ »ученіе было благочестивое, христіанское восточнаго исповѣ»данія, а отступниковъ и противниковъ вѣрѣ грекороссійской »также и еретиковъ въ помянутые школы не допускать и пре»лесть противнаго исповѣданія и всѣ еретическія обученія весь»ма отсѣкать и искоренять«. Но эти правила были уже не новы для Кіевской Академіи, которая искони слѣдовала высокимъ началамъ просвѣщенія, основаннаго на незыблемомъ камени православія. Радостною для нея новостью была щедрота Монархини, которая сею граматою повелѣла на содержаніе ректора, наставниковъ и учениковъ отпускать ежегоднаго жалованья, вмѣсто прежнихъ *пятидесяти* рублей и столькихъ же четвертей хлѣба, по *двѣсти* рублей изъ малороссійскаго вой-

сковаго казначейства. Здѣсь же снова подтверждено было всѣмъ воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, равно кіевскому войту и мѣщанамъ, »никакихъ обидъ Академіи и утѣсненія не чинить[129]«.

Въ тоже время, именно въ 1743 году, кіевскій войтъ, Павелъ Войничъ, бурмистры, райцы, лавники[130], и всѣ мѣщане города Кіева били въ свою очередь челомъ Государынѣ о подтвержденіи городскихъ привиллегій, данныхъ Петромъ Великимъ. Императрица, исполняя ихъ прошеніе, указомъ 10 октября того же года утвердила права, сборы, доходы и недвижимость мѣщанъ, разрѣшила вольную торговлю и владѣніе угодьями, сѣнокосами, выгонами, рыболовлями; допущенъ былъ невозбранный въѣздъ въ строевые и дровяные лѣса кіевскіе, дана гражданамъ свобода торговать въ Кіевѣ разнымъ товаромъ, съѣстными припасами, виномъ, пивомъ, медомъ, укрѣплено право имѣть воскобойню, пивоварню, гостиный дворъ и свои вѣсы; повелѣно собирать и отправлять въ ратушу сборъ съ днѣпровскаго перевоза. За всѣ эти преимущества приказано взыскивать съ города ежегодно въ казну по шестисотъ рублей[131].

Кіевъ, по прежнему, остался въ вѣдѣніи генералъ-губернаторовъ. Но хотя они и назывались кіевскими и были первоприсутствующими въ кіевской губернской канцеляріи, за всемъ тѣмъ были сами подчинены генеральной войсковой канцеляріи. Изъятые отъ гетманскаго уряду, они были блюстителями границъ, простиравшихся отъ смоленской губерніи до тогдашнихъ турецкихъ владѣній. Въ ихъ завѣдываніи были раскольники, поселившіеся въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ, а также и Коммиссія, учрежденная для разбора споровъ, возникавшихъ между русскими и польскими пограничными жителями[132].

Въ семъ же году указомъ отъ 11 іюня Государыня повелѣла, по прежнему, быть въ Кіевѣ митрополиту, пожаловавъ въ этотъ санъ Рафаила Заборовскаго. Такъ осыпала Монархиня благодѣяніями своими страну, искушенную горемъ и бѣдствіями, и непреклонно пребывшую вѣрною великому слову, данному передъ крестомъ и Евангеліемъ!

Облагодѣтельствованный Кіевъ вскорѣ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ и державную благотворительницу и августѣйшаго ея Наслѣдника Петра Ѳеодоровича съ обрученною его Невѣстою Екатериною Алексѣевной. Еще задолго предъ симъ начались приготовленія къ такому торжеству. Въ сентябрѣ 1743 года кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-аншефъ Леонтьевъ отношеніемъ своимъ далъ знать печерской Лаврѣ, чтобъ она немедленно озаботилась устройствомъ дорогъ и мостовъ, лежащихъ на большомъ трактѣ въ ея владѣніяхъ за Днѣпромъ. Для сего въ послѣдствіи назначены были отъ правительства особые офицеры, а Лавра въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ высылала на работы ежедневно болѣе тысячи крестьянъ своихъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ заботился объ устройствѣ дома для помѣщенія державной гостьи: но архимандритъ лаврскій Тимоѳей Щербацкій, замѣтивъ невыгоды распоряженій по сему предмету, писалъ въ апрѣлѣ 1744 года въ С. Петербургъ къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, что для пребыванія Императрицы мѣстное начальство хоть и назначило домъ, въ которомъ прежде жили губернаторы, но поелику онъ стоитъ на скучномъ мѣстѣ и даже не имѣетъ при себѣ сада, то Щербацкій просилъ графа доложить Государынѣ: не благоугодно ли будетъ Ея Величеству остановиться въ Лаврѣ въ архимандритскихъ кельяхъ, которыя имѣютъ для сего всѣ удобства, съ садомъ и виноградникомъ для прогулокъ и съ прекраснымъ видомъ на Днѣпръ и на все заднѣпріе; притомъ, прибавлялъ архимандритъ, для Государыни будетъ пріятнѣе это помѣщеніе и потому еще, что родитель ея Импера-

торъ Петръ I во время посѣщенія Кіева всегда жилъ въ сихъ келліяхъ. Письмо это имѣло успѣхъ. Графъ Разумовскій увѣдомилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Щербацкаго, что Государыня соизволила назначить свое пребываніе въ лаврскихъ архимандритскихъ покояхъ, и что для описанія ихъ и устройства иллюминаціи назначенъ особый офицеръ[133].

За тѣмъ начались приготовленія разныхъ припасовъ для Императрицы и для Двора[134]. Сверхъ того, по указу сенатскому, сдѣлано было распоряженіе объ удаленіи изъ селеній, лежащихъ по тракту слѣдованія Государыни, всѣхъ одержимыхъ прилипчивыми болѣзнями и о заготовленіи на станціяхъ, по числу экипажей, на каждой по 1467 лошадей[135].

Въ концѣ августа 1744 года Государыня съ своимъ Наслѣдникомъ и Невѣстою его изволила вступить въ предѣлы Украйны[136]. Для встрѣчи и сопровожденія Высокихъ Гостей отъ самаго Глухова расположены были по обѣимъ сторонамъ дороги козацкіе полки, составившіе изъ себя непрерывную цѣпь. Это сдѣлано было такъ: первый полкъ, отсалютовавъ Царицѣ знаменами и саблями, и обскакавъ сзади слѣдующій полкъ, выстраивался за нимъ; тоже дѣлалъ второй, потомъ опять первый, и такъ — до самаго Кіева[137]. Въ началѣ сентября Государыня узрѣла святыя горы древлепрестольнаго града князей россійскихъ. Здѣсь Академія Кіевская приготовила своей благодѣтельницѣ преоригинальную встрѣчу. Студентъ въ коронѣ съ жезломъ въ видѣ древняго старца, въ сопровожденіи всѣхъ академистовъ отъ мала до велика и безчисленной толпы народа, выѣхалъ за Днѣпръ въ колесницѣ, названной »божественный фаэтонъ«, на двухъ крылатыхъ коняхъ или пегасахъ, должность которыхъ исправляли тоже студенты. Старикъ этотъ, представлявшій кіевскаго князя Владиміра Великаго, встрѣтилъ Государыню у оконечности днѣпровскаго моста и произнесъ длинную рѣчь, въ которой себя называлъ княземъ кіевскимъ, приглашалъ

ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ милостивому ея покровительству. У тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ при самомъ въѣздѣ въ Кіевъ, ожидала Государыню другая торжественнѣйшая встрѣча. Два архипастыря—митрополитъ Рафаилъ и бѣлоградскій митрополитъ Антоній, нарочно прибывшій для сего, окруженные многочисленнымъ духовенствомъ всего города и его окрестностей, привѣтствовали Державную Гостью съ благополучнымъ прибытіемъ. Толпы ликовствовавшаго народа, шумно выражавшаго радость свою, усыпали всѣ возвышенности и затопили улицы. Звонъ кіевскихъ колоколовъ сливался съ неумолкаемыми кликами восторженныхъ кіевлянъ. Государыня тронута была до слезъ такимъ искреннимъ и радушнымъ пріемомъ своихъ вѣрноподданныхъ. »Возлюби меня, Боже, ска»зала она, во царствіи твоемъ небесномъ такъ, какъ я люблю »народъ сей благонравный и незлобивый«[138].

Согласно сдѣланному уже распоряженію, Императрица отправилась прямо въ Печерскую Лавру, гдѣ вознесено было благодарственное моленіе »о благоденственномъ и мирномъ житіи, здравіи же и спасеніи и во всемъ благомъ поспѣшеніи« желанной Гостьи древняго Кіева. Окруженная святыней, плѣненная чуднымъ мѣстоположеніемъ Лавры, Государыня отъ богоугоднаго поклоненія нетлѣннымъ останкамъ угодниковъ Печерскихъ переходила къ путешествіямъ по окрестностямъ ни съ чѣмъ несравненнаго въ семъ отношеніи Кіева. Посѣщеніе ею китаевской пустыни навсегда останется памятнымъ въ исторіи здѣшняго края. Поклонившись святому мѣсту, гдѣ жилъ нѣкогда предокъ Державной Посѣтительницы великій князь Андрей Боголюбскій, Государыня пожелала видѣть отшельниковъ, подвизавшихся въ пещерахъ, донынѣ еще существующихъ при той пустыни. Въ то время жили тамъ монахъ *Досиоей* и бѣлецъ *Гавріилъ*. Государыня, повелѣвъ постричь послѣдняго изъ нихъ въ монашество, сама изволила присутствовать при семъ обрядѣ, а разставаясь съ Досиѳеемъ, вру-

чила ему кошелекъ, наполненный золотомъ. Старецъ, проводя Императрицу и не внося золота въ свою пещеру, положилъ полученный имъ кошелекъ съ деньгами у входа въ глиняномъ черепкѣ. Спустя немного, крестьянинъ села Пирогова принесъ Досиѳею какую-то пищу въ подаяніе; Досиѳей, благословивъ его, сказалъ: »а у меня була Самодержавна и щось дала мини«. Крестьянинъ поднялъ кошелекъ, и увидѣвъ въ немъ золото, доложилъ объ этомъ Досиѳею: но старецъ отказался принять его. Тогда крестьянинъ отнесъ кошелекъ въ Лавру и представилъ духовному собору. Съ общаго совѣта соборной братіи и съ согласія монаха Досиѳея, тогда же выстроена была на эти деньги, въ селѣ Пироговѣ, вмѣсто малой, обветшалой деревянной церкви, новая, большая, деревянная же съ приличнымъ иконостасомъ и пріобрѣтенъ для оной серебряный потиръ[139]. Въ тоже время Государыня пожаловала братіи Китаевской пустыни тысячу рублей.

Богу угодно было, чтобъ Елисавета Петровна отпраздновала въ Кіевѣ и день своего тезоименитства. Какъ провели этотъ всерадостный день жители Кіева,— на это нѣтъ документальныхъ извѣстій: но по вѣрноподданническому радушію ихъ при встрѣчѣ Государыни можно судить, каково было торжество Высочайшихъ имянинъ той, которую Кіевляне считали своей благодѣтельницей. Помолившись въ св. Лаврѣ вмѣстѣ съ подданными о своемъ драгоцѣнномъ здравіи и долголѣтіи[140], Императрица въ тотъ же день осчастливила своимъ посѣщеніемъ Кіевскую Академію, а черезъ три дня изволила присутствовать на торжественномъ диспутѣ, нарочно устроенномъ для Ея Величества. Здѣсь ректоръ Академіи архимандритъ *Сильвестръ Думницкій* произнесъ рѣчь о томъ, *коликое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель Государь*[141], а профессоръ греческой словесности іеромонахъ *Варлаамъ Лящевскій* поднесъ Наслѣднику Престола Петру III переведенную имъ книгу: *Зерцало должности Государей* Въ тоже время одинъ

изъ учениковъ піитики, между диспутами, произнесъ Государынѣ слѣдующее привѣтствіе:

Златыми устнѣ наши да возшумятъ рѣки:
Златыя весна нова раждаетъ намъ вѣки.
Красніи цвѣти вѣнцы да прорастутъ сквозѣ:
Дѣва порфироносна грядетъ въ славѣ мнозѣ.
Солнцу лице явившу, облачныя стѣны
Бѣгаютъ, уступаютъ зъ горъ высокихъ сѣни.
Бѣжить убо и отъ горъ кіевскихъ золъ мраки,
Уступайте отъ очесъ печальніи зраки:
Елисаветъ, новое солнце, возсіяла,
Свѣтлый намъ день, и радость многу даровала.
Носится, въ Аѳинъ древле звычай таковъ быти,
Чтобъ, солнцу восходящу, во вѣнцахъ ходити.
(142)Трема грады, Кіевъ, аки маргариты
На западѣ сіяющъ, граде знаменитый,
Возложи аки звѣзды вѣнцы всѣмъ на выи:
Се грядетъ твоя слава, солнце всей Россіи.
Что вѣтвь древу, класъ нивѣ, утренній свѣтъ міру,
То Россомъ Елисаветъ есть всѣмъ безъ примѣру.
Не медлимъ же, хотяще благодарни быти,
Таковъ отъ сердецъ привѣтъ потщимся сложити:
Здравствуй Августо, Петровъ образе дражайшій,
Здравствуй единъ по многихъ день нашъ пресладчайшій.
Аки весна, гдѣ явишь зракъ твой августѣйшій,
Твориши воздухъ здравый, и день тотъ свѣтлѣйшій.
Вижль, колико предстоятъ въ сѣдинахъ цвѣтуще,
Старѣйшинства чиномъ вси почтенни суще.
Вижль тя окрестъ разными красящихся лѣты,
Заматерѣлыхъ кріны съ юностными цвѣты.
Вѣчное стремленіе, средостѣнъ сломляя,
Не такъ спѣшитъ, какъ грады съ веси тя срѣтая.
Юже прежде слышаху, ту днесь привѣтствуютъ,

Аки вѣтвь масличную зряще, торжествуютъ.
О ащебъ не естество было воспящая,
Подвигнула бъ и горы радость сицевая!
Чтожъ убо за привѣты, или кій даръ дати
Аѳины твои тебѣ возмогутъ о Мати?
Пусть краснорѣчивая уста восхваляютъ:
Но что капли дождевны морю помогаютъ?
Злато ль тебѣ принесутъ? Злата есть дражайша,
Бисерей честнѣйша, дщерь Петра величайша.
Аще сихъ, иже въ малѣ честію сіяютъ,
Славу достойно воспѣть не мнози дерзаютъ:
Како тебе на весь свѣтъ преславну, едина
Хвалами провозгласитъ Парнасска дружина?
Сами порфvроносцы тебе ублажаютъ,
Князи и вожди имя твое прославляютъ.
Вѣнецъ твоей державы весь свѣтъ возвышаетъ,
Россія же скипетръ твой сладцѣ лобызаетъ.
О красото! о славы нашея деннице!
Власть твоя и держава, о Императрице!
Буди долгоденственна, мирна: и самая
Зима свою да будетъ лютость умягчая.
Весна красенъ цвѣтъ, лѣто жатвы необычны,
Есень же да приноситъ плодъ тебѣ различный.
Всякъ чинъ и возрастъ, любящъ россійскую славу,
Утро и вечеръ твою да славитъ державу.
Есѳиръ, пріими краткія, молимъ, сія слогы:
Злакъ бо малъ часто поля украшаетъ многи[143].

Императрица все время пребыванія своего въ Кіевѣ изволила провести въ Лаврѣ и при отъѣздѣ пожаловала архимандриту оной 3,000 р. прочей братіи лаврской 10,000 руб. и въ Голосѣевскую пустынь для шести человѣкъ тамошней братіи 600 р., а Лавра имѣла счастіе поднести Государынѣ книгъ въ лучшемъ переплетѣ: Евангеліе, Апостолъ, Трифологіонъ, Окто-

ихъ, Тріоди постную и цвѣтную, два Часослова, Псалтирь съ толкованіемъ, Камень Вѣры, два Новыхъ Завѣта, два Акаѳистника, два Правильника, два Повечерника, два полустава Рягилева, два Алфавита, три Полуставца, четыре Канонника, четыре малыхъ Псалтыри, три Новыхъ Завѣта малыхъ, четыре тройныхъ Молитвословов, два Акаѳиста св. Николаю, два Акаѳиста св. великомученицѣ Варварѣ — всего *пятдесятъ четыре* книги. Великому Князю *двадцать четыре* книги и Великой Княжнѣ — Невѣстѣ столько же[144].

Ревнуя о украшеніи храмовъ Божіихъ, Государыня пожаловала въ это время Лаврѣ ризы на темнофіолетовомъ гарнитурѣ, вышитыя серебромъ, унизанныя жемчугомъ, бриліантами и другими драгоцѣнными камнями. Кромѣ сего, въ знакъ особеннаго монаршаго памятованія своего о времени, проведенномъ ею во святой обители печерской, разно-временно принесла въ даръ богатую алмазную панагію съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія, а на другой Императрицы Екатерины I; а также двое ризъ богатой серебряной парчи и такой же діаконскій стихарь. Она же обложила серебряными вызолоченными досками престолъ и жертвенникъ великой соборной лаврской церкви, и принесла въ даръ св. великомученицѣ Варварѣ свой драгоцѣнный бриліантовый перстень. Древнѣйшій храмъ св. Софіи также получилъ отъ щедротъ Императрицы золотые сосуды, какъ-то: потиръ, дискосъ и проч.; а находившаяся въ едва примѣтныхъ развалинахъ церковь св. Георгія возсоздана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда »столовались«[145] православные архіереи и подвизался невольный затворникъ и схимникъ князь Судиславъ Владиміровичъ.

Но вѣчнымъ памятникомъ своего немаловременнаго пребыванія въ Кіевѣ[146] Государыня оставила Андреевскую церковь, въ основу которой сама положила первый камень. Двадцать два года созидался этотъ храмъ — диво и украшеніе Кіева. Необыкновенно-возвышенная мѣстность[147], заключающая

въ нѣдрахъ своихъ тысячи источниковъ, конусообразная вершина горы, состоящая изъ глинистаго песчаника, требовали особеннаго вниманія опытнѣйшаго архитектора; но графъ Растрелли побѣдилъ всѣ трудности. Онъ положилъ фундаментъ въ глубину, если не превосходящій, то по крайней мѣрѣ равняющійся высотѣ самаго храма. Наконецъ 19 августа 1767 года это чудное произведеніе геніальнаго зодчаго было торжественно освящено митрополитомъ Арсеніемъ. При заложеніи сего храма Императрица пожаловала Рафаилу двѣ золотыя съ бриліантами панагіи и *полторы тысячи* червонныхъ, которые онъ тогда же отдалъ на обновленіе Кіевософійскаго Собора[116].

Обласканные и осыпанные щедротами Монархини чины и войска малороссійскіе осмѣлились подать своей державной благодѣтельницѣ просьбу о позволеніи избрать себѣ вольными голосами гетмана. Государыня благосклонно приняла это ходатайство: но депутатамъ приказала явиться въ Петербургъ, куда и сама она поспѣшала ко дню бракосочетанія Наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича. Депутаты во все время пребыванія своего въ столицѣ вездѣ занимали почетныя мѣста: но дѣло о гетманѣ Государыня отложила до пріѣзда изъ за границы того, кого она сама хотѣла почтить гетманскою булавою.

Между тѣмъ іерархъ кіевскій продолжалъ трудиться на пользу церкви и отечественнаго просвѣщенія. Еще въ началѣ своего пастырства Рафаилъ хотѣлъ завести особое греческое училище въ бывшемъ доминиканскомъ, но тогда уже православномъ Петропавловскомъ монастырѣ на Подолѣ, и объ отдачѣ онаго для этой цѣли Грекамъ, жительствовавшимъ въ Кіевѣ, представлялъ 1733 года св. Синоду. Дѣло объ этомъ тогда же препровождено было на разсмотрѣніе Иностранной Коллегіи: но рѣшенія на тотъ разъ не послѣдовало. Ободрен-

ный милостями Императрицы. Рафаилъ, по отбытіи ея изъ Кіева, возобновилъ свое ходатайство: но не дождался желаемаго исполненія своего плана, который, по кончинѣ его, хоть и осуществился, но не въ томъ видѣ, какъ былъ представляемъ: ибо Грекамъ разрѣшено было только построить на дворѣ Астамаѳея Николаева Екатерининскую церковь, при которой потомъ въ 1748 году устроенъ греческій монастырь Синайской горы.

Наконецъ пришло время Кіеву разстаться навѣки съ незабвеннымъ пастыремъ своимъ. 22 октября 1747 года было послѣднимъ днемъ, въ который угасъ сей великій свѣтильникъ Церкви. Тридцать девять дней кіевляне и питомцы прііскреннѣ любимой имъ Академіи приходили покланяться бреннымъ останкамъ своего архипастыря. На послѣдней литургіи, совершенной 30 ноября бывшимъ тогда въ Кіевѣ Макаріемъ, митрополитомъ Ѳиваидскимъ, знаменитый нашъ витія Георгій Конисскій произнесъ слово, въ которомъ, изчисливъ всѣ его благодѣянія, пророчески предвозвѣстилъ то, что нынѣ видимъ мы въ очію совершившимся. Болѣе ста лѣтъ протекло со времени кончины митрополита Рафаила: но тѣло его доселѣ почиваетъ нетлѣннымъ въ общей софійской усыпальницѣ кіевскихъ архипастырей. Бывъ при жизни своей, по слову Конисскаго, свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ, онъ по смерти возсіялъ еще большимъ свѣтомъ отъ свѣта лица Божія...

Проводила Академія одного изъ величайшихъ своихъ благодѣтелей: но чтобы навсегда запечатлѣть въ памяти потомства имя Рафаила, она назвалась *Кіево-Могило-Заборовскою*, и оставалась съ этимъ наименованіемъ до конца существованія своего въ прежнемъ видѣ. Какбы въ замѣну завѣщанія, она получила отъ незабвеннаго своего протектора и отца инструкцію, которая вполнѣ обнимала всѣ священныя обязанности, лежавшія какъ на воспитателяхъ, такъ и на питомцахъ училища, бывшаго предметовъ нѣжнѣйшей его заботливости.

Оно долженствуетъ быть вполнѣ извѣстно всякому благочестивому ревнителю истиннаго, православнаго просвѣщенія[119].

Пунктъ I. Сообразно монаршему повелѣнію, въ Академію для пріобрѣтенія познаній принимается каждый, откуда бы кто ни прибылъ, свободный человѣкъ всякаго состоянія и званія, только бы исповѣдывалъ восточную христіанскую вѣру и былъ способенъ къ ученію.

Пунктъ II. Дѣлатели наукъ всегда должны служить для учащихся высокими образцами вѣры въ Бога и любви особенно, кромѣ того скромности, вѣжливости, добраго воспитанія и образованности; а также должны представлять собою примѣръ не только внутренней чистоты души, но и внѣшней опрятности тѣла и одежды.

Пунктъ III. Въ праздничные дни, а также и такіе, въ которые не бываетъ ученія въ школахъ, какъ наставники, такъ и ученики, и особенно проживающіе въ бурсѣ, всегда и непремѣнно, за исключеніемъ законной причины, обязываются посѣщать въ сопровожденіи надзирателей (inspectorum) всѣ церковныя молитвословія и службы, и особенно святѣйшую литургію.

Пунктъ IV. Всѣ студенты нашей Академіи, какъ находящіеся въ бурсѣ, такъ и проживающіе внѣ ея, должны всякій постъ однажды, а въ четыредесятницу дважды, по древнему обычаю, съ должнымъ приготовленіемъ и покаяніемъ исповѣдываться и приступать къ таинственной вечери Господа и Спаса нашего.

Пунктъ V. Всѣ студенты непремѣнно должны поспѣвать въ Академію къ самому началу ученія въ первыхъ числахъ сентября, и ожидать окончательнаго роспуска школъ въ сред-

нихъ числахъ іюля. Если же какой студентъ преждевременно, до каникулъ, а паипаче безъ вѣдома и благословенія префекта и профессора, уйдетъ изъ Академіи, таковаго, хотя бы онъ и воротился въ школы, наказать непремѣнно; также безъ свидѣтельства академическаго никто изъ студентовъ не долженъ шататься по городу для испрошенія подаяній. При семъ и то надобно наблюдать, чтобы недостойные не были допускаемы къ высшимъ степенямъ академическаго ученія, равно, чтобы и ученики безъ своихъ собственныхъ заслугъ, по одному потворству и лицепріятію учителей, не занимали мѣстъ достойнѣйшихъ; иначе недостойные сравняются такимъ образомъ съ достойными и нерадивѣйшіе съ примѣрными; отъ чего одни потеряютъ охоту учиться, а другіе будутъ болѣе и болѣе погрязать въ лѣности.

Пунктъ VI. Студенты при первомъ звонѣ академическаго колокольчика тотчасъ должны своевременно являться въ свой классъ; при второмъ же меньшемъ аналогисты, инфимисты, грамматики и синтактики должны садиться на свои скамейки. Учители же входятъ слѣдующимъ порядкомъ: первыхъ двухъ школъ до третьяго звонка; учители грамматики и синтаксимы непосредственно послѣ третьяго, — поэзіи и реторики послѣ четвертаго, не взирая ни на какія частныя свои нужды. Прямыя же обязанности по своимъ классамъ они должны исполнять вѣрно, съ пламеннымъ усердіемъ и легчайшимъ, сколько можно, способомъ (methodo), болѣе имѣя въ виду пользу своихъ учениковъ, чѣмъ тщеславясь своимъ умомъ, и оставаться на урокахъ до конца, прежде котораго никто ни изъ учителей ни изъ учениковъ не можетъ выйти изъ своей школы, развѣ уже по крайней надобности. По окончаніи уроковъ не должны медлить въ классахъ; но за окончательнымъ сигналомъ всѣ школы, въ предшествіи своихъ наставниковъ, чинно входятъ въ церковь для того, чтобъ вознести къ Богу хотя коротенькія молитвы и воздать ему благодареніе.

Пунктъ VII. Всѣ академисты, подъ строгой отвѣтственностью, а особенно учители и наставники должны поставить себѣ закономъ, чтобы какъ въ коллегіальныхъ школахъ, такъ и въ бурсахъ, а равно между собою и съ учениками всегда разговаривать по латинѣ; а ученики для ежедневнаго употребленія должны имѣть при себѣ calculum. Кромѣ того въ меньшихъ школахъ отъ аналогіи до философіи должны излагать и представлять упражненія (occupationes) на трехъ языкахъ попеременно—славянскомъ, польскомъ и латинскомъ. Въ философіи же и богословіи постоянныя собесѣдованія (безъ чего нельзя въ совершенствѣ усвоить себѣ и познаній) и частыя диспутаціи самымъ дѣломъ (de facto) должны быть исполняемы. А говорить по латинѣ всегда и вездѣ непремѣнно обязаны всѣхъ школъ авдиторы и особенно наставники, кромѣ аналогистовъ и инфимистовъ, которые преимущественно учатся на языкѣ польскомъ и говорятъ имъ.

Пунктъ VIII. Каждая низшая школа вездѣ должна уступать мѣсто высшей и оказывать ей почтеніе даже внѣшними знаками уваженія. Въ случаѣ какой либо обиды отъ студента, а въ особенности не отъ академиста, никто не долженъ считать себя въ правѣ самъ собою отомщать за обиду, но ожидать удовлетворенія отъ высшей власти.

Пунктъ IX. Всѣ академисты обязаны непремѣнно присутствовать при всѣхъ академическихъ церемоніяхъ, въ какой бы день ни случилось, а также и въ дни воскресные—при великой инструкціи всѣ члены старшаго братства (majoris congregationis), а при малой непринадлежащіе къ оному.

Пунктъ X. Студенты, успѣшнѣйшіе въ наукахъ и извѣстные своимъ благонравіемъ, должны быть предпочитаемы прочимъ, а болѣе заслуженные должны быть отличаемы вниманіемъ Академіи отъ незаслуживающихъ того. Студенты же,

мало подающіе надежды, лѣнивые и непокорные должны быть чаще увѣщеваемы; а вовсе не подающіе никакой доброй надежды, каковы: пьяницы, буяны, возмутители, ябедники (zoili) и плуты, какъ неспособные къ исправленію, должны быть изгоняемы изъ Академіи, дабы въ сообществѣ дурныхъ не портились добрые. Впрочемъ, еслибы нѣкоторые и отличались прекрасною нравственностью, но оказались бы до того тупоумными, что отъ нихъ никакой пользы не можетъ ожидать ни Церковь, ни отечество: то таковыхъ, чтобы напрасно не убивали своего времени, должно увольнять изъ Академіи для избранія себѣ того рода жизни, въ которомъ могли бы и себѣ и другимъ быть болѣе полезными, дабы такимъ образомъ Академія славилась не столько количествомъ, сколько качествомъ студентовъ. Особенно поставляется это на видъ наставникамъ.

Пунктъ XI. Студенты всякой школы ни въ какомъ случаѣ не должны буйствовать противъ кого бы то ни было, а особенно противъ наставниковъ. Такихъ буяновъ строго должно наказывать, или лучше—изгонять.

Пунктъ XII. Наставники и особенно надзиратели inspectores не должны обращаться съ подвѣдомственными себѣ ни слишкомъ строго, ни слишкомъ слабо, а обязаны держаться въ этомъ случаѣ средины, какъ повелѣваетъ имъ долгъ просвѣщенія и вѣжливости, а также опасно должны беречься бранить учениковъ какъ публично, такъ и дома поносными словами.

Пунктъ XIII. Ни одинъ ученикъ, безъ соизволенія учителя своего, а особенно домашняго надзирателя, не смѣетъ не быть въ школѣ и отлучиться куда либо съ квартиры. Въ противномъ случаѣ онъ подвергается наказанію.

Пунктъ XIV. Никто изъ академистовъ не долженъ шататься по ночамъ, но всѣ обязаны быть по квартирамъ и за-

ниматься своимъ дѣломъ. Всякій праздношатающійся или пьяный студентъ, пойманный своимъ сеньоромъ, непремѣнно долженъ быть подвергаемъ штрафу и наказанію.

Пунктъ XV. Каждый надзиратель, согласно своей обязанности, долженъ смотрѣть за ввѣренными ему учениками, гдѣ бы ни случилось быть съ ними, чтобъ они вели себя скромно, умно и вѣжливо. Если же кто изъ надзирателей станетъ пренебрегать сею обязанностью, или самъ будетъ не ночевать дома изъ за какого нибудь безпутства, или заводить у себя пирушки, или начнетъ употреблять пищу и питіе и прочее артельное достояніе въ свою пользу, расточая его безчестно, или превыситъ власть свою, таковаго тотчасъ же удалять отъ мѣста.

Пунктъ XVI. Студенты не должны вносить съ собою въ Академію никакого оружія, а также стрѣлять изъ ружья или пистолета. Одѣваться должны просто и прилично. Если же кто и одѣлся бы по модѣ (extraneum habitum vestium): то это не даетъ ему права измѣнять принятые академическіе обычаи и смѣяться надъ одѣяніемъ другихъ.

Пунктъ XVII. Каждый подначальный академистъ во всякомъ случаѣ обязанъ оказывать должное и всевозможное повиновеніе и почтеніе старшему себя, лишь бы только это не было противно законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Въ дѣлѣ же безчестномъ не слѣдуетъ ни содѣйствовать, ни повиноваться старшимъ.

Пунктъ XVIII. Въ квартирахъ студентовъ лица подозрительнаго поведенія не должны быть терпимы; равно не позволяется нанимать квартиръ и жить въ такихъ домахъ, которые или оподозрѣны, или обезславлены чѣмъ либо преступнымъ;

это для того, чтобы избѣжать столкновенія съ людьми дурнаго общества (cujusque conditionis hominum).

Пунктъ XIX. Ходить на зрѣлища, гдѣ происходятъ гладіаторскіе или кулачные бои между чернью, даже смотрѣть на нихъ, а тѣмъ болѣе самимъ ввязываться въ драку, никакъ не должны студенты. Но чтобы не оставаться всегда въ напряженномъ состояніи, позволяется въ опредѣленные дни поиграть на приличныхъ студенту музыкальныхъ инструментахъ, а также не воспрещаются и другія пристойныя игры на непродолжительное время, собственно для возстановленія бодрости духа.

Пунктъ XX. Никто изъ студентовъ, безъ вѣдома и позволенія префекта и профессора, не долженъ безпокоить великихъ и знатныхъ особъ просьбами, или писать имъ панегирики, составлять рисунки и вообще дѣлать что либо особенное въ этомъ родѣ. Не въ правѣ также ни ученики взять себѣ надзирателя, ни надзиратель ученика, по своему произволу, безъ разрѣшенія префекта.

Пунктъ XXI. Необходимо, чтобы каждый студентъ, какъ тотъ, который совершаетъ курсъ ученія, такъ и тотъ, который до окончанія курса, по законной причинѣ, выбываетъ изъ Академіи, при выпускѣ изъ школы, получалъ отъ префекта открытое свидѣтельство о успѣхахъ своихъ въ наукахъ, для повсемственнаго удостовѣренія въ своемъ образованіи. Для этого префектъ училищъ обязывается ежегодно вносить въ библіотеку Академіи, для будущихъ справокъ и для всякаго случая, какъ частные годичные списки, составленные вѣрно учителемъ каждой школы съ означеніемъ имени, фамиліи и правдивой аттестаціи учениковъ, такъ и общій — всѣхъ учениковъ и студентовъ, составленный со всякимъ тщаніемъ по порядку и достоинству школъ, гдѣ должны быть обозначены имя, прозваніе, вѣроиспо-

вѣданіе, отечество, званіе и состояніе родителей, а также возрастъ и познанія его.

Пунктъ XXII. Префектъ Кіевской Академіи, доброму управленію котораго должны повиноваться всѣ студенты, всѣхъ школъ и даже наставники оныхъ, обязывается непремѣнно, какъ самъ прилежно соблюдать и исполнять сіи постановленія, такъ и всѣхъ академистовъ обязывать къ исполненію оныхъ; нарушителей же сего устава увѣщевать и пристойно исправлять 1734 года 7 октября. *Смиренный Рафаилъ, архіепископъ кіевскій.*

Духовный регламентъ, составленный, какъ извѣстно, однимъ изъ знаменитыхъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, не произвелъ ни во внутреннемъ, ни во внѣшнемъ ея составѣ никакой перемѣны. Не онъ, можно сказать, Академіи, а Академія служила для него моделью. Какъ прежде, такъ и теперь шли здѣсь науки тѣмже путемъ, какой указанъ былъ незабвенными учредителями сего училища. Изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ древняго архива мы видимъ, что въ настоящее время наставниковъ ни убыло, ни прибыло противъ прежняго. Такимъ образомъ послѣ *Амвросія Дубневича*, бывшаго ректоромъ Академіи съ 1731 по 1737 годъ, мѣсто его занялъ *Сильвестръ Думницкій*, переведенный сюда изъ намѣстниковъ Софійскихъ. Префектами въ его время были: *Стефанъ Калиновскій* (1731—1733), *Іеронимъ Миткевичъ* (1732—1738) и *Сильвестръ Кулябка*, сдѣлавшійся потомъ преемникомъ Думницкаго по ректурѣ.

Въ это время наставниками при Академіи были слѣдующія лица:

Префектомъ и профессоромъ философіи *Михаилъ Козачинскій*, тогда уже іеромонахъ.

Учителемъ реторики іеромонахъ *Іоаннъ Козловичъ.*

Учителемъ піитики іеродіаконъ *Варлаамъ Лящевскій.*

Учителемъ синтаксимы, іеродіаконъ Печерской Лавры, *Даніилъ Яхимовичъ.*

Учителемъ граматики іеродіаконъ *Сильвестръ Добрина.*

Учителемъ инфимы, іеродіаконъ Печерской Лавры, *Титъ Русичевскій.*

Учителемъ аналогіи, шафаръ трипольскій, іеродіаконъ *Іоиль Врублевскій.*

Въ 1743 году нѣкоторые изъ прежнихъ наставниковъ переведены въ высшіе классы, а другіе вновь назначены.

Префектомъ Академіи является уже іеромонахъ *Тихонъ Александровичъ*, на мѣсто котораго въ тоже время представленъ въ преподаватели философіи іеромонахъ *Варнава Старжицкій*, находившійся тогда въ Глуховѣ при Коммиссіи свода литовскаго статута и магдебургскаго права; почему и на этотъ годъ удержанъ *Александровичъ.*

Проповѣдникомъ, то есть завѣдывателемъ большой и малой инструкціи и цензоромъ сказываемыхъ прочими наставниками поученій назначенъ іеромонахъ *Сильвестръ Добрина.*

Учителемъ реторики, іеромонахъ *Даніилъ Яхимовичъ.*

Учителемъ піитики, іеродіаконъ *Тихонъ Александровичъ II.*

Учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ, іеромонахъ *Варлаамъ Лящевскій.*

Учителемъ синтаксимы, іеромонахъ *Климентъ Богдановичъ.*

Учителемъ граматики, іеромонахъ *Аѳанасій Ясниковскій.*

Учителемъ инфимы, іеродіаконъ *Ѳеофанъ Зеленецкій.*

Учителемъ аналогіи, іеродіаконъ *Іоанникій Венерацкій.*

Кромѣ этого въ облегченіе ректору Сильвестру Кулябкѣ

назначенъ въ помощники преподавателемъ богословія іеромонахъ *Михаилъ Козачинскій.*

Въ 1746 году ректоромъ Академіи былъ *Сильвестръ Ляскоронскій;* а должность профессора богословія несъ іеромонахъ *Варлаамъ Лящевскій,* за которымъ впрочемъ оставалось и преподаваніе еврейскаго языка.

Преподавателемъ же философіи былъ іеромонахъ *Гедеонъ Сломинскій.*

Преподавателемъ реторики, іеромонахъ *Тихонъ Александровичъ II.*

Учителемъ піитики, іеромонахъ *Георгій Конисскій.*

Учителемъ синтаксимы, іеромонахъ *Досиѳей Галяховскій.*

Учителемъ граматики, іеромонахъ *Ѳеофанъ Зеленецкій.*

Учителемъ греческой школы *Іоаннъ Мокіевскій* (изъ свѣтскихъ).

Учителемъ инфимы *Василій Крижановскій* (изъ свѣтскихъ).

Учителемъ аналогіи *Іоаннъ Кременецкій,* находившійся въ Михайловскомъ монастырѣ на искусѣ.

Учителемъ нѣмецкаго языка *Михаилъ Максимовичъ* (изъ свѣтскихъ).

И все это свои, не выписанные ни откуда, родные по крови и чувствамъ наставники, тутъ же проходившіе первоначальныя школы, и только въ пору сознательныхъ лѣтъ, да и то не всѣ, объѣхавшіе знатнѣйшія училища Европы...

Въ учебникахъ по части богословія замѣчательно отдѣленіе особыхъ трактатовъ по предметамъ, относящимся къ христіанской нравственности. Въ прежнихъ руководствахъ отдѣлъ этотъ встрѣчался очень рѣдко, и то какъ будто мимоходомъ затронутый; въ настоящую же пору нравственное богословіе облекается нѣкоторымъ образомъ въ строгую систему. Преподава-

тели, взявъ за основаніе своихъ уроковъ десятословіе, развиваютъ его примѣнительно ко всѣмъ состояніямъ и случайностямъ падшаго человѣчества, tum positive, tum controverse. Поводомъ къ этому могла послужить казуистика, обширно развиваемая іезуитами и на основаніи такъ называемой »праведной лжи« (pia fravs), подрывавшая всѣ опоры чистой христіанской нравственности[150]. Что касается до теоретическаго богословія, то оно, слѣдуя направленію, сообщенному Прокоповичемъ, продолжало являться въ трактатахъ, болѣе или менѣе имѣвшихъ между собою связь внутреннюю. Это отчужденіе системы было между прочимъ причиною того, что всякій послѣдующій преподаватель, думая возсоздать что либо болѣе стройное, не слѣдовалъ своему предшественнику и испробовавъ предписанный самимъ себѣ путь, вдавался потомъ въ туже безсистемность и накоплялъ въ свою очередь отдѣльные трактаты. При всемъ томъ обширность и видимая растянутость отнюдь не могутъ служить упрекомъ тогдашнимъ профессорамъ богословія, которые будто бы только по тому самому не могли никогда окончить уроковъ своихъ, не смотря на то, что курсъ богословія продолжался четыре года[151]. Надо въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на то, какія части богословія поглощали все время четырехлѣтняго курса и какія были оставляемы. Изъ конспекта Сильвестра Кулябки, отличнѣйшаго въ свое время богослова и преподавателя, мы видимъ, что послѣ обычнаго введенія въ науку, онъ въ первой части своей системы говоритъ о Богѣ и Его свойствахъ, во второй о Богѣ въ трехъ ѵпостасяхъ; въ третьей—о воплощеніи Бога-Слова. Эти трактаты у него чрезвычайно обширны, и иначе быть не могло, ибо въ этомъ вся сущность богословія. Притомъ не должно выпускать изъ виду, что по обстоятельствамъ того времени, мало было излагать эти предметы аподиктически, а слѣдовало предусмотрѣть, предложить и разрѣшить всевозможные вопросы, которыхъ можно было ожидать отъ противниковъ православія. Теперь другое дѣло; уроки богословскіе читаются только для наставленія и полнѣйшаго вразумленія бе-

зусловно и несумнительно вѣрующихъ во всѣ догматы Церкви православной; диспутовъ и полемическихъ столкновеній, отъ которыхъ бы зависѣло благосостояніе всѣхъ и каждаго, нѣтъ и быть не можетъ; а въ то время, когда изувѣры называли греко-россійскую вѣру »холопскою, аріанскою и собачьей« (chłopska, psia wiara), когда одна часть Украйны носила наименованіе страны невѣрныхъ — pars infidelium[152], тогда нельзя было не позаботиться о вооруженіи православныхъ всѣмъ, что можетъ подать христіанская наука, и не мудрено, послѣ этого, если большая часть академическаго курса расходовалась на преподаваніе существеннѣйшихъ частей богословія[153]. От этого, а не отъ чего либо другаго, прочіе трактаты были кратки и системы богословскія не бывали законченными. При другихъ обстоятельствахъ Церкви и здѣшняго края, какъ мы увидимъ, этого не будетъ.

Самая философія въ эту пору какбы потеряла строгую свою систематичность, находясь въ какомъ-то переходномъ состояніи. Въ ней также примѣчается разъединенность трактатовъ: но вмѣстѣ съ этимъ замѣтно больше самороднаго мышленія и усилій вырваться изъ оковъ аристотелизма[154]. Педагоги уже не тянутъ своей системы непрерывной нитью, а безпрестанно задаютъ себѣ вопросы, искренно и добродушно радуясь разрѣшенію ихъ. Но все еще видно и въ этой самостоятельной работѣ русскаго ума неотразимое вліяніе перипатетической философіи.

Учебники по реторикѣ рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ предыдущихъ, точно также какъ и учебники по поэзіи. Въ послѣднихъ замѣчается то только, что въ нихъ больше обращено вниманія на русское стихосложеніе и представлено даже довольно образчиковъ, принадлежащихъ самому наставнику Тихону Александровичу[155].

При митрополитѣ Рафаилѣ, кромѣ означенныхъ классовъ,

открыты въ 1738 году и классы лингвистики. Въ спискѣ наставниковъ Академіи показаны, какъ мы уже видѣли, и преподаватели языковъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго. Съ какимъ успѣхомъ шли эти уроки, увидимъ въ послѣдствіи.

Не удивительно, что при вниманіи Высочайшей Покровительницы просвѣщенія, при заботливости знаменитаго архипастыря, при явныхъ правахъ и преимуществахъ, ожидающихъ въ службѣ образованнаго человѣка, число воспитанниковъ, въ эпоху Рафаила Заборовскаго, возрасло до такой степени, что стали тѣсны аудиторіи для помѣщенія ихъ. Никогда—ни прежде, ни послѣ—не было такого стеченія учениковъ, какъ въ то время, когда тщаніемъ и трудами архипастыря Академія обновилась со внѣшней своей стороны и получила изъ-за границы своихъ же ученыхъ питомцевъ. Такъ въ 1742 году находилось въ Академіи *тысяча двѣсти тридцать четыре* человѣка; а въ 1744 *тысяча сто шестьдесятъ* человѣкъ, изъ коихъ *триста восемдесятъ восемь* было изъ духовнаго званія, и *семьсотъ семдесятъ два* дворянъ и разночинцевъ, туземныхъ, иногородныхъ и заграничныхъ.

Много вышло въ эту счастливую пору изъ Академіи воспитанниковъ, ознаменовавшихъ себя на разныхъ поприщахъ службы: но мало избранныхъ, имена которыхъ сохранились на скрижаляхъ исторіи. Впрочемъ для славы и чести Академіи довольно и этихъ именъ:

Андріевскій Геннадій, тотъ самый, который, по требованію генералъ-губернатора Сукина, состоялъ при посольствѣ русскомъ и потомъ отправился во Псковъ на учительское мѣсто. Здѣсь онъ принялъ монашество и посвященъ въ архимандриты Псково-печерскаго монастыря. Въ 1753 году онъ былъ рукоположенъ въ епископа костромскаго: но черезъ четыре года уволенъ отъ епархіи и опредѣленъ на пребываніе въ новгородъ-сѣверскій Спасскій монастырь[156].

Аскаронскій Дамаскинъ, происхожденіемъ изъ мѣщанскаго сословія, родился въ Кіевѣ и при крещеніи нареченъ былъ Даміаномъ. По окончаніи курса наукъ въ Академіи, онъ поступилъ въ Лавру, гдѣ и проходилъ разныя послушанія, а 1738 года постриженъ въ монашество. Въ чемъ состояла дальнѣйшая его служба, опредѣлить съ точностію нельзя: но судя по тому посту, на которомъ является онъ въ самомъ непродолжительномъ времени, съ полной вѣроятностію можно заключить, что *Аскаронскій*, въ числѣ другихъ, былъ вытребованъ изъ Лавры въ новгородскую семинарію къ должности учителя. Въ 1743 году онъ уже былъ архимандритомъ деревяницкаго Воскресенскаго монастыря, а въ 1746 ректоромъ семинаріи новгородской и настоятелемъ монастыря Антоніева. Черезъ два года *Дамаскинъ* былъ переведенъ въ Хутынь, а 7 августа 1751 года въ иверскій монастырь. Послѣ семилѣтняго управленія сею обителью онъ хиротонисанъ (21 мая 1758 г.) въ епископа костромскаго, въ каковомъ санѣ и скончался 16 іюля 1769 г.[157].

Блонницкій Іаковъ. Не блистательно было служебное поприще этого человѣка, но памятно тѣми слѣдами, какіе оставлены имъ въ отечественномъ просвѣщеніи. Онъ родился въ заднѣпровскомъ городѣ Орловцѣ 1711 года и до четырнадцатилѣтняго возраста обучался въ домѣ своего родителя, бывшаго тамъ священникомъ, а потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію. Осмнадцати лѣтъ отъ роду онъ принялъ монашество, и въ этомъ званіи продолжалъ курсъ наукъ до конца. Отличные успѣхи обратили на него такое вниманіе начальства, что не смотря на то, что онъ былъ еще только студентомъ философіи, его представили Рафаилу Заборовскому, какъ человѣка, способнаго занять наставническую должность: но митрополитъ не захотѣлъ отрывать его отъ дѣла и повелѣлъ продолжать образованіе себя. За тожъ въ 1741 году долженъ былъ отпустить *Блонницкаго* въ Тверь, гдѣ, по распоряженію епископа Митрофана Слотвинскаго, онъ занялъ каѳедру реторики. Черезъ два впрочемъ года

Блонницкій испросилъ себѣ увольненіе и поступилъ въ лубенскій Мгарскій монастырь. Когда же указомъ св. Синода 1743 года повелѣно было возобновить прекратившееся было въ московской Академіи преподаваніе греческаго языка, то, по рекомендаціи митрополита Рафаила, *Блонницкій* вызванъ былъ, въ Москву, гдѣ для слушателей своихъ составилъ на латинскомъ языкѣ краткую греческую граматику и перевелъ для нихъ по славянски Эпиктетовъ Энхиридіонъ, или *Ручную книгу.* Въ 1745 году, указомъ св. Синода, *Блонницкій* опредѣленъ былъ, вмѣстѣ съ Воскресенскимъ архимандритомъ Иларіономъ Григоровичемъ, къ исправленію Библіи славянской. Болѣе двухъ лѣтъ занимался онъ этимъ, и въ тоже время успѣлъ перевести книгу св. Златоуста *О священствѣ,* которую и поднесъ св. Синоду. Въ 1748 году Іоасафъ Горленко, по посвященіи своемъ въ епископа, испросилъ у Синода позволеніе взять *Блонницкаго* съ собою въ Бѣлгородъ, гдѣ этотъ неутомимый ученый перевелъ на славянскій языкъ *Сказаніе о соборѣ Іерусалимскомъ*, бывшемъ 1672 года, при патріархѣ Досиѳеѣ, противъ заблужденій кальвинистовъ, а также и книгу Діонисія Ареопагита о *Небесной и церковной іерархіяхъ.* Въ 1751 году *Блонницкій* для усовершенствованія себя въ греческой словесности отправился въ Грецію, и прибылъ прежде всего на Аѳонскую гору, гдѣ занялся пересмотромъ всѣхъ древнихъ рукописей Отцовъ и писателей Церкви и сличеніемъ ихъ съ славянскими переводами. Восемь лѣтъ трудился онъ надъ этимъ, и въ теченіи сего времени составилъ тамъ два лексикона еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій, въ которыхъ было собрано имъ до осмидесяти тысячъ словъ. Въ 1761 году *Блонницкій* возвратился въ Россію чрезъ Константинополь и Крымъ, и прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ опять принялся за ученую работу. Цѣлыя десять лѣтъ занимался онъ умноженіемъ и обдѣлкою своихъ лексиконовъ, и кромѣ прежнихъ двухъ составилъ еще третій латино-славянскій, заключавшій въ себѣ до сорока двухъ тысячъ словъ. Но не докончивъ

всѣхъ трудовъ своихъ, *Блонницкій* скончался, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ любителей просвѣщенія[158].

Бродскій Константинъ. Вступивъ въ монашество, послѣ ученія въ Академіи, онъ былъ назначенъ справщикомъ въ типографію Кіево-печерской Лавры, откуда въ 1745 г. вызванъ былъ въ московскую Академію преподавателемъ философіи, а черезъ два года утвержденъ въ званіи префекта, потомъ назначенъ былъ учителемъ богословія и начальствующимъ Академіей, такъ какъ ректоръ Іоаннъ все время проживалъ въ Донскомъ монастырѣ. Въ 1753 году *Бродскій* опредѣленъ былъ ректоромъ харьковскаго коллегіума, и по десятилѣтнемъ управленіи онымъ скончался 1763 года[159].

Вольховскій Аѳанасій I. По окончаніи курса наукъ въ Кіевѣ, онъ вызванъ былъ въ проповѣдники московской Академіи, и потомъ опредѣленъ келаремъ въ Троицко-Сергіеву Лавру. Въ 1752 году *Вольховскій* былъ посвященъ въ архимандрита той же Лавры, съ званіемъ члена св. Синода, а чрезъ шесть лѣтъ хиротонисанъ въ епископа тверскаго, откуда въ 1763 году переведенъ въ Ростовскую епархію, гдѣ и скончался 15 февраля 1776 года[160].

Игнатовичъ Ѳеофилъ. одинъ изъ сотрудниковъ знаменитаго своею ревностію по просвѣщенію митрополита Веніамина Пуцекъ-Григоровича. Онъ былъ сынъ священника, и по окончаніи ученія въ Кіевской Академіи, вызванъ Лукою, епископомъ казанскимъ, и въ 1748 году опредѣленъ учителемъ философіи и префектомъ казанской семинаріи. Въ это же время *Игнатовичъ* посвященъ былъ въ архимандриты Зилантова монастыря, и не смотря на многотрудную училищную должность, умѣлъ найти время и способъ обновить, украсить и снабдить всѣмъ нужнымъ ввѣренную ему обитель, почти разрушенную пожаромъ. Когда училище было переведено изъ

Златтова монастыря, то вмѣстѣ съ нимъ перешелъ и *Игнатовичъ,* въ званіи ректора и преподавателя богословія. *Өеофилъ* первый открылъ эту каѳедру. Въ 1765 году онъ былъ переведенъ въ ставропигіальный Савинъ Сторожевскій монастырь, и чрезъ пять лѣтъ хиротонисанъ въ епископа черниговскаго. По прибытіи на епархію, *Игнатовичъ* засталъ тамошнюю семинарію пробавлявшеюся кое какъ собственными средствами, и немедленно началъ ходатайствовать объ опредѣленіи ей содержанія, въ чемъ и успѣлъ, доставивъ въ 1786 году училищу годоваго оклада двѣ тысячи рублей. По осмнадцати-лѣтнемъ, благополучномъ управленіи епархіей *Өеофилъ* скончался въ Черниговѣ 27 сентября 1788 года[161].

Илляшевичъ Антоній. Послѣ прохожденія наставническихъ должностей при разныхъ училищахъ, онъ былъ посвященъ въ архимандрита Новоспасскаго монастыря, откуда въ 1748 году рукоположенъ въ епископа вятскаго, гдѣ и почилъ 16 ноября 1755 года[162].

Карпинскій Іакинѳъ родился въ польской украйнѣ около 1723 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ нижнихъ бѣлгородскихъ училищахъ, и потомъ перешелъ въ харьковскій коллегіумъ, откуда, по окончаніи полнаго семинарскаго курса, прибылъ въ Кіевъ, гдѣ слушалъ уроки высшихъ наукъ. По выходѣ изъ Кіевской Академіи, онъ поступилъ въ училищную службу, которую проходилъ въ разныхъ училищахъ, а въ 1744 году принялъ монашество и опредѣленъ префектомъ въ харьковскій коллегіумъ. Съ 1757, по посвященіи въ архимандриты, по 1797 годъ *Карпинскій* былъ настоятелемъ монастырей Дмитровскаго-Борисоглѣбскаго, Переславскаго-Данилова, Сѣвскаго-Преображенскаго, Рыльскаго-Николаевскаго, Коломенскаго-Голутвина, Новогородскаго-Вяжицкаго, Кириллобелоезерскаго, Новгородскаго-Юрьева, Московскаго-Донскаго и наконецъ Московскаго же Новоспасска-

го. Въ продолженіи всѣхъ этихъ перемѣщеній онъ былъ ректоромъ семинарій переславской, коломенской. кириллобѣлоезерской, вологодской и новгородской. Памятникомъ ученыхъ его трудовъ осталось *Сокращеніе Догматико-Полемическаго Богословія* на латинскомъ языкѣ, а также *Собраніе поучительныхъ словъ,* говоренныхъ имъ на разные случаи. Кромѣ этого, по порученію князя Потемкина таврическаго, онъ перевелъ на латинскій языкъ духовный регламентъ, съ присовокупленіемъ трактата Прокоповича *о правильномъ разводѣ мужа съ женою*. Въ 1794 году *Карпинскій* былъ пожалованъ въ члены св. Синода, а 29 ноября 1798 года скончался и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ(163).

Козловичъ Іоаннъ, по окончаніи курса наукъ, оставленъ въ Академіи въ должности учителя реторики, а въ 1743 году вызванъ въ префекты московской Академіи, и оставался въ этой должности пять лѣтъ. Въ 1748 году *Козловичъ* произведенъ былъ въ архимандриты Донскаго монастыря, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ ректоромъ того же училища, а черезъ пять лѣтъ хиротонисанъ въ епископа переяславскаго, гдѣ 17 марта 1757 года и скончался(164).

Комаровскій Ираклій. До 1752 года онъ былъ архимандритомъ Троицко Ильинскаго монастыря въ Черниговѣ; а гдѣ и какія до того проходилъ должности — неизвѣстно. Въ означенномъ году *Комаровскій* былъ рукоположенъ въ епископа черниговскаго: но черезъ девять лѣтъ былъ уволенъ на пребываніе въ упомянутый монастырь, гдѣ въ 1761 году и скончался(165).

Конисскій Георгій, знаменитый нашъ витія и защитникъ православныхъ бѣлорусцевъ, страдавшихъ подъ игомъ польскаго владычества, родился 1717 года въ Нѣжинѣ отъ дворянской фамиліи, и до одиннадцати лѣтъ своего возраста обу-

чался въ родительскомъ домѣ. Въ 1728 году онъ былъ записанъ въ Кіевскую Академію, и проходилъ въ ней науки до 1743 года. По окончаніи курса, *Конисскій* въ слѣдующемъ же году принялъ монашество, а въ 1745 опредѣленъ прямо учителемъ піитики. Черезъ два года онъ былъ уже префектомъ Академіи и профессоромъ философіи. Въ этой должности *Конисскій* пробылъ пять лѣтъ, и по удаленіи Ляскоронскаго назначенъ былъ ректоромъ и преподавателемъ богословія съ званіемъ архимандрита Кіевобратскаго монастыря. Въ 1755 году *Конисскій* посвященъ въ Кіевѣ въ епископа могилевскаго, и съ этой-то собственно поры началось многотрудное служеніе его гонимому въ Литвѣ и Бѣлоруссіи православію. Трудно изобразить бѣдственное положеніе, въ какомъ засталъ *Георгій* свою епархію. Все, что драгоцѣнно сердцу человѣческому, чѣмъ дорожитъ всякій, чуждый религіознаго индифферентизма, всѣ права человѣчества были безбожно попираемы. Толпы базиліанъ и доминиканцевъ, съ дерзкой рѣчью въ устахъ, съ мечемъ и огнемъ въ рукахъ, наводняли несчастную бѣлоруссію, обливая ее кровью православныхъ. Святыя иконы и кресты были попираемы ногами, церкви отнимаемы насиліемъ и опустошаемы грабежомъ, священники томились въ тюрьмахъ, въ ямахъ глубокихъ, въ псарняхъ вмѣстѣ съ собаками; ихъ морили голодомъ и жаждою и насмѣшливо давали въ пищу сѣно, безчестили и поносили ихъ женъ и дочерей, и впрягали священниковъ вмѣсто лошадей для возки воды и навоза[166]; цѣлыя семейства были изгоняемы изъ домовъ и скитались безъ пристанища, словомъ: распространители католицизма не щадили ни пола, ни возраста, ни сана, ни званія, не страшились ни суда Божія, ни суда человѣческаго[167].... И въ сію-то лютую годину явился *Конисскій* архипастыремъ могилевскимъ! Сколько нужно было силы духа, чтобъ стать лицомъ къ лицу съ изувѣрствомъ и злобнымъ фанатизмомъ! Сколько сознанія священныхъ своихъ обязанностей и дѣятельности неутомимой, непреклонной! Всего этого достало у *Георгія:* онъ одинъ вы-

шелъ на борьбу съ тысячами ожесточенныхъ, и крѣпкій упованіемъ на Всевышняго, ежеминутно посрамлялъ изступленное изувѣрство кліентовъ папскаго престола.

Униженное и угнѣтенное православное духовенство уже не смѣло и думать объ образованіи дѣтей своихъ: ибо іезуиты строго наблюдали, чтобъ этого не было, и со всей свирѣпостью преслѣдовали тѣхъ, кто осмѣлился бы открыть у себя хоть первоначальную школу. *Конисскій* не убоялся этого и въ 1757 году, чрезъ два лишь года по прибытіи своемъ на паству, открылъ училище, тогда же испросивъ у россійскаго правительства по 400 рублей ежегодно на содержаніе его. Но за то чего онъ не испыталъ отъ изступленныхъ фанатиковъ! Въ іюнѣ 1759 года въ Оршѣ толпа вооруженныхъ пистолетами и саблями едва не убила его въ самомъ храмѣ; чтобъ спастись отъ бѣшенства изувѣровъ, онъ въ телегѣ, прикрытой навозомъ, былъ вывезенъ изъ города[168]. Въ 1761 году доминиканскій миссіонеръ Зеновичъ, вооруживъ іезуитскихъ студентовъ ружьями, саблями, дубинами, напалъ на архіерейскій домъ и семинарію; толпа разломала ворота, била и ломала все, что попадалось, увѣчила монаховъ, учениковъ и прислугу и искала самаго *Конисскаго*, который вынужденъ былъ скрыться въ сырыхъ подвалахъ своего дома[169]. Фанатики, какбы предъ концомъ своимъ, истощали всю лютость и свирѣпость на православныхъ. Но отмщеніе было близко: на престолѣ всероссійскомъ была уже Екатерина Великая...

Ко дню коронованія Императрицы (29 сентября 1762 г.) прибылъ въ Москву и *Георгій Конисскій*. »Сквозь слезы утѣ»шаемся, говорилъ онъ нововѣнчанной Монархинѣ, и въ го»рести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для »чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ; или »бо не можеши сего сотворити намъ, или не соблаговолиши? »Могла въ немощи, можешь въ силѣ. Молимъ, не посрами

»насъ; надежда наша въ отчаяніи нашемъ; спаси насъ десни-»цею твоею[170]«! И Императрица твердо рѣшилась положить конецъ страданіямъ неповинныхъ. А между тѣмъ къ ней поступали слезныя просьбы отовсюду, отъ диссидентовъ польскихъ и литовскихъ. Государыня съ кротостію представляла польскому правительству несправедливости противъ егоже собственныхъ подданныхъ. Но разсмотрѣніе этихъ жалобъ откладывали до сеймовъ, а сеймы не дѣлали ничего.

Между тѣмъ *Конисскій* не переставалъ дѣйствовать и съ своей стороны. Когда, подъ защитою Императрицы, Станиславъ Августъ взошелъ на престолъ, *Георгій* предсталъ предъ нимъ и горячо представилъ ему всѣ страданія православнаго народа и всѣ несправедливости польскаго правительства. »Одна только вѣра, говорилъ онъ, ставится намъ въ преступле-»ніе... Христіанъ гнетутъ христіане, вѣрныхъ — вѣрные, бо-»лѣе, чѣмъ невѣрные. Наши храмы, гдѣ прославляется Хри-»стосъ, затворены, а жидовскія синагоги открыты. За то, что »мы не дерзаемъ преданій человѣческихъ ставить наравнѣ съ »вѣчнымъ закономъ Божіимъ, не мѣшаемъ неба съ землею — »насъ называютъ схизматиками, еретиками, отступниками. За »то, что страшимся безстыдно поступать противъ совѣсти, »насъ присуждаютъ въ темницы, на раны, на мечъ, на огонь[171]«! Глухо, но понятно откликнулась на эту пламенную рѣчь вся Европа, прочитавшая ее на всѣхъ языкахъ. *Конисскій* сказалъ въ ней первое слово паденія Польши, а Екатерина II договорила. »Много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Рос-»сіи«? спросилъ *Конисскаго* Станиславъ Августъ, пораженный его рѣчью. — Я самый послѣдній! отвѣчалъ онъ со всею скромностію истинно великаго человѣка.

Въ 1767 году состоялась польская конфедерація, въ которую приглашенъ былъ и *Конисскій* на правахъ члена, и по силѣ 15 статьи акта конфедераціоннаго назначенъ посредни-

16

комъ суда варшавскаго между православными, католиками и уніатами. Дворы англійскій, прусскій, шведскій и датскій требовали отъ Польши возстановленія правъ иновѣрцевъ: но сеймъ, увлеченный фанатизмомъ краковскаго бискупа Каетана Солтыка, отвергъ требованія пяти дворовъ, и положилъ даже еще болѣе стѣснить свободу вѣроисповѣданія. Такое рѣшеніе произвело всеобщій ропотъ въ польской Пруссіи и въ княжествѣ литовскомъ. Въ Торнѣ и Слуцкѣ составились конфедераціи дворянъ съ протестаціей противъ сейма; кромѣ этого появились союзы въ другихъ мѣстахъ, числомъ около двухсотъ, а *Конисскій* въ томъ же году напечаталъ въ Варшавѣ книгу подъ названіемъ: *Права и вольности жителей Греко-восточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдающихъ вѣру.* Здѣсь онъ свелъ всѣ узаконенія и постановленія въ пользу православныхъ, изданныя самимъ же польскимъ правительствомъ. Между тѣмъ Императрица издала манифестъ, и повелѣла двинуть войска къ Польшѣ. Король, доселѣ не совсѣмъ согласный съ партіею диссидентовъ, самъ созвалъ сеймъ. Епископы: Солтыкъ, Залуцкій и нѣкоторые другіе продолжали волновать Польшу, предавая гибели свою отчизну. Рѣпнинъ взялъ ихъ подъ стражу и отправилъ въ Калугу. Волненіе утихло. Назначенная Коммиссія, въ присутствіи посланниковъ союзныхъ державъ, разсмотрѣла какъ требованія диссидентовъ, такъ и основные законы Польши. Сеймовымъ постановленіемъ 15 ноября 1767 года положено было отмѣнить всѣ законы противъ диссидентовъ, дозволить имъ свободу вѣроисповѣданія, предоставить воспитывать дѣтей смѣшеннаго брака въ вѣрѣ родителей съ правомъ договора передъ бракомъ, дозволить присутствовать въ Сенатѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма. А между тѣмъ пропаганда папская, вѣдая и злобясь на главнаго виновника такой реформы, настаивала на то, чтобы навсегда закрыть каѳедру могилевскаго епископа и строго запретить православнымъ обращаться съ жалобами своими къ русскому Двору[172]. Но въ тоже время трактатомъ и сепаратнымъ актомъ 13 февраля

1767 года между Россіей и Польшею было постановлено: »Бѣ»лорусскаго епископа навсегда сохранить при восточной вѣрѣ »со всѣми монастырями, церквами и ихъ фундушами, церкви и »монастыри, неправильно отобранные, возвратить неунитамъ со »всѣми угодіями; составить смѣшенный судъ (judicium mixtum) »изъ осми лицъ римскаго и изъ осми православнаго или проте»стантскаго вѣроисповѣданій съ тѣмъ, чтобъ разобрать и рѣшить »дѣла о чинахъ и имуществахъ диссидентовъ«. *Конисскій* назначенъ въ актѣ членомъ смѣшеннаго суда и потомъ сдѣлался президентомъ его. Въ эту пору онъ выписалъ изъ Бѣлоруссіи и Кіева всѣ старинные акты на имущества и должности[173]. Какъ ни пріятно было просвѣщенному ревнителю православія видѣть успѣхъ своихъ неутомимыхъ стараній: но все это касалось только внѣшняго обезпеченія правъ и преимуществъ православныхъ; ему хотѣлось, чтобъ трактатомъ была ограждена свобода совѣсти, чтобъ прямо и безъ околичностей дозволено было оставлять унію тѣмъ, кто приведенъ былъ къ ней насиліемъ. Требовать этого отъ польскаго правительства было нечего, ибо оно ни за что не согласилось бы на это добровольно: а между тѣмъ *Конисскій* зналъ, что оно неспособно и не сильно было предпринимать что либо противъ рѣшительныхъ мѣръ. Для этого *Георгій* обратился къ князю Рѣпнину, и получилъ отъ него согласіе, чтобы желающіе обращаться къ православію объявляли о своемъ желаніи письменно въ мѣстныхъ судахъ, и не упускали случая, до ратификаціи договора, переходить къ истинной Церкви. *Конисскій* немедленно далъ знать объ этомъ чрезъ свою консисторію. Вслѣдствіе сего »многіе приходы, иные вмѣстѣ съ священниками своими въ »воеводствѣ мстиславскомъ и повѣтѣ оршанскомъ, также мно»гочисленныя селенія въ повѣтахъ рѣчицкомъ, мозырскомъ и »минскомъ« прислали просьбы къ *Конисскому* съ желаніемъ оставить ненавистную имъ унію или прямо католичество. А между тѣмъ въ оршанскомъ повѣтѣ снова начались преслѣдованія и мученія обращавшихся къ православію. *Георгій* не

переставалъ представлять объ этомъ то Рѣпнину, то графу Панину[174], въ тоже время докладывая о семъ и варшавскому сейму. Въ началѣ марта 1768 года онъ писалъ къ оберъ-прокурору Мелиссино, увѣдомляя его, что униатскіе епископы уже подали королю меморіалъ о томъ, чтобы онъ снесся съ Императрицею Екатериною по дѣлу о возвращеніи уніатовъ къ грекороссійской церкви; вмѣстѣ съ этимъ просилъ о принятіи православныхъ подъ покровительство Россіи. Но благочестивое требованіе *Георгія* на этотъ разъ мало согласовалось съ государственной политикой, и потому Государыня оставила оное до будущаго времени; тѣмъ не менѣе нѣсколько церквей съ ихъ прихожанами было возвращено въ эту пору православію стараніемъ *Георгія*.

Между тѣмъ дѣло, подвинутое ревностію *Конисскаго*, продолжалось. Напрасно каменецъ-подольскій бискупъ Красинскій, ускользнувшій изъ рукъ Рѣпнина, въ одеждѣ пилигрима, возжигалъ въ Польшѣ фанатическую ненависть къ православнымъ; напрасно Пулавскій открывалъ конфедерацію: русскіе страдали, но спасеніе было близъ: ибо на престолѣ была Екатерина. Въ 1772 году послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши. Но подъ владычествомъ ея еще оставались тысячи православныхъ; тѣснимые и угнѣтаемые они вопіяли о защитѣ, и не смотря на конституцію 1791 года не посрамились въ уповаціи своемъ: ибо на престолѣ была Екатерина. Въ 1793 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши. Въ этотъ-то промежутокъ времени *Конисскій* имѣлъ счастіе привѣтствовать Державную благодѣтельницу тѣмъ словомъ, которое съ восторгомъ читала тогда вся Европа, и которое навсегда осталось образцомъ привѣтственныхъ рѣчей[175]. Въ этоже время (1788 г.) *Георгій* довелъ до совершенства открытую имъ еще прежде семинарію, снабдивъ ее наставниками высшихъ классовъ философскаго и богословскаго и языковъ греческаго, еврейскаго и польскаго, для чего вызвалъ изъ Кіевской Академіи студентовъ *Скаль-*

скаго, Богуславскаго, Григоровича, Піючевскаго, Цвѣтковскаго и *Горбачевскаго*, и построилъ для училища огромное зданіе, исходатайствовавъ возвышеніе оклада училищнаго до *двухъ тысячъ пятисотъ* рублей[176].

Наконецъ благочестивому ревнителю вѣры православной и твердому исповѣднику ея суждено было дожить и до послѣдняго дня, когда буйство и фанатизмъ смирились предъ непобѣдимымъ вождемъ Екатерины Великой—безсмертнымъ Суворовымъ. Порадовалась душа его, видя конечное сокрушеніе той стоглавой гидры, которая въ продолженіе цѣлаго вѣка изливала свой губительный ядъ на все святое на землѣ. Трактатомъ союзниковъ 14 ноября 1795 года послѣдовалъ третій и послѣдній раздѣлъ мятежной Польши; двѣ тысячи триста храмовъ сдѣлались собственностью православныхъ, и до двухъ милионовъ отторженныхъ уніатовъ добровольно и радостно возвратились въ нѣдра отеческой вѣры[177].

Твердый и несокрушимый *Георгій Конисскій* до конца сохранилъ энергію возвышенной души своей. Среди бѣдствій паствы онъ одинъ оставался неподвижной скалою, о которую разбивались мятежныя волны изувѣрства и фанатизма. Государыня лучше всѣхъ понимала тогда благодѣтельное вліяніе его на дѣла угнетенной Бѣлоруссіи и Литвы. »*Георгій* нуженъ въ Польшѣ«, отвѣчала она Синоду, представлявшему о переводѣ его въ другую епархію. На сеймахъ, въ храмахъ, передъ державными владыками онъ являлся безтрепетнымъ защитникомъ страждущихъ своихъ единовѣрцевъ, и ненависть, возбужденная имъ къ себѣ въ пропагандѣ римской, служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, какъ крѣпокъ и могучъ былъ этотъ оплотъ вѣры православной.

Наконецъ семидесятиосмилѣтній старецъ приближался къ закату своей жизни. Съ полнымъ сознаніемъ того, что скончалъ

теченіе свое, какъ благій рабъ и вѣрный, что соблюлъ Вѣру и оградилъ ее семнадцатилѣтнею борьбой своею »съ волками«, нападавшими на стадо Христово, *Конисскій* радостно и безъ смущенія приближался къ тому предѣлу, его же никто не прейдетъ. Припомнилъ онъ старинную свою профессію піитики[178], и на прощаніе со свѣтомъ, не задолго до своей смерти, самъ себѣ написалъ эпитафію, полную самаго добродушнаго юмора и истины[179]. 1795 года 13 февраля *Георгій Конисскій* скончался въ Могилевѣ, оставивъ по себѣ вѣчную память, какъ исповѣдникъ и защитникъ православія[180].

Любарскій Варѳоломей. Архіепископъ ярославскій, Арсеній Мацѣевичъ, вызвалъ его изъ Академіи во вновь открытую имъ въ Ярославлѣ семинарію, гдѣ, прошедши всѣ училищныя должности, *Любарскій* достигъ званія ректорскаго и за тѣмъ былъ пожалованъ архимандритомъ Спасо-ярославскаго монастыря. Отсюда въ 1758 году былъ хиротонисанъ въ епископа вятскаго, и скончался 5 іюня 1774 года[181].

Ляшевецкій Кириллъ родился въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Опошнѣ отъ сотеннаго писаря Александра Ляшевецкаго, который послѣ тамъ же былъ и священникомъ. По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, *Кириллъ* вызванъ былъ въ 1742 году къ учительской должности въ московскую Академію, гдѣ и принялъ монашество. Достигнувъ званія префекта, онъ назначенъ былъ намѣстникомъ Троицко-сергіевой Лавры, а 1758 года, по Высочайшему повелѣнію, произведенъ въ архимандрита новоспасскаго монастыря и въ томъ же году пожалованъ епископомъ воронежскимъ, а въ 1761 переведенъ въ Черниговъ, гдѣ 14 мая 1770 года и скончался[182]. *Ляшевецкій* въ свое время славился даромъ проповѣдничества. Сумароковъ, который, по извѣстному самолюбію, всегда былъ скупъ на похвалы, отзывается о семъ архипастырѣ слѣдующимъ образомъ: »сказана »бѣльцомъ нѣкая проповѣдь въ Троицкой Лаврѣ; я не зналъ

»лѣтъ десять послѣ прочтенія оныя, кѣмъ она говорена, и пріѣхавъ нѣкогда въ реченную Лавру, узналъ я нечаянно, что »намѣстникъ онаго монастыря есть авторъ тоя прекрасныя проповѣди, бывшій потомъ воронежскимъ епископомъ: былъ то »Кириллъ Ляшевецкій... сего почтеннаго человѣка всѣ духовныя »любили«[183].

Лящевскій Варлаамъ. Митрополитъ Рафаилъ засталъ его въ Академіи уже оканчивающимъ курсъ наукъ, и какъ одного изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ послалъ за границу для большаго усовершенствованія. По возвращеніи оттуда, *Лящевскій* принялъ каѳедру языка греческаго, и первый въ Россіи составилъ греческую граматику, имѣвшую великое множество изданій и принятое за руководство даже въ заграничныхъ училищахъ. Но сверхъ преподаванія означеннаго языка *Лящевскій* былъ и профессоромъ философіи; а въ 1746 году, удостоенный званія префекта Академіи, онъ, по распоряженію Рафаила, занимался преподаваніемъ богословія, вмѣсто Сильвестра Ляскоронскаго, по болѣзни исправлявшаго только ректорскую должность. Слава о *Лящевскомъ*, какъ объ отличномъ еллинистѣ, заставила Синодъ вызвать его въ Петербургъ и поручить ему пересмотръ всѣхъ поправокъ славянской Библіи, сдѣланныхъ учеными его совоспитанниками. *Лящевскій* исполнилъ это важное порученіе почти одинъ, и къ первому изданію исправленной имъ Библіи присовокупилъ предисловіе, содержащее исторію и подробное показаніе всѣхъ поправокъ. Въ 1752 году указомъ св. Синода онъ былъ опредѣленъ ректоромъ московской Академіи, но вскорѣ послѣ того, по разстроенному здоровью, былъ переведенъ съ сохраненіемъ званія ректорскаго и съ титломъ Синодальнаго члена архимандритомъ въ Донской монастырь, гдѣ и скончался 1 мая 1774 года[184].

Миткевичъ Іоасафъ, товарищъ Ямвицкаго, вмѣстѣ съ нимъ поступившій на учительскую должность, по вызову прео-

священнаго Амвросія Юшкевича. До 1748 года онъ былъ учителемъ реторики, и по кончинѣ своего друга, въ званіи префекта, исправлялъ должность ректора и преподавателя богословія. Восемь лѣтъ несъ онъ училищную должность и потомъ переведенъ былъ архимандритомъ хутынскаго монастыря, а черезъ два года рукоположенъ въ епископа бѣлградскаго и курскаго. Послѣ пятилѣтняго управленія сею епархіей, *Іоасафъ Миткевичъ* скончался 30 іюня 1763 года[155].

Могилянскій Евстафій, родной братъ кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, родился въ Полтавѣ, обучался въ Кіевѣ, а дослушивалъ уроки въ харьковскомъ коллегіумѣ подъ руководствомъ вызваннаго туда изъ здѣшней Академіи ректора Митрофана Слотвинскаго. Когда Лука Конашевичъ, епископъ великоустюжскій, 1738 года, заводилъ у себя семинарію, то вызвалъ *Могилянскаго:* но чрезъ нѣсколько времени Слотвинскій, назначенный ректоромъ московской Академіи, перезвалъ его къ себѣ и доставилъ въ Москвѣ священническое мѣсто. Отличный даръ проповѣдничества пріобрѣлъ ему обширную извѣстность; въ 1748 году *Могилянскій* былъ взятъ проповѣдникомъ ко Двору, и черезъ годъ пожалованъ протоіереемъ въ Полтаву. Въ 1761 году, лишившись супруги, онъ принялъ монашество и нареченъ *Епифаніемъ,* и черезъ два года произведенъ въ архимандриты нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, откуда 1768 года переведенъ въ Кіево-михайловскій, а черезъ годъ въ Кіево-николаевскій, гдѣ и скончался[156].

Нащинскій Давидъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Съ юныхъ лѣтъ поступивъ въ Кіевскую Академію и прошедши первые только классы, онъ отправился въ заграничныя галицкія и саксонскія училища, откуда по возвращеніи на родину, снова поступилъ въ Академію для изученія языковъ латинскаго, нѣмецкаго, потомъ поэзіи, реторики и философіи. Въ эту же пору онъ постригся въ монашество и по-

лучилъ при Академіи мѣсто префекта. Черезъ четыре года послѣ сего онъ былъ посвященъ архимандритомъ въ бывшій тогда подъ владычествомъ Польши слуцкій Троицкій монастырь: но въ 1758 году былъ вытребованъ въ Академію на вакансію ректора и профессора Богословія. Въ 1761 году *Пащинскій* переведенъ въ гамалѣевскій Харлампіевъ, а черезъ восемь лѣтъ въ глуховскій, и наконецъ въ 1772 году въ ставропигіальный Бизюковъ монастырь въ Смоленскѣ, откуда, по разстроенному здоровью, испросилъ себѣ увольненіе, и пенсіонеромъ отошелъ въ Кіевопечерскую Лавру, въ которой 5 мая 1793 и скончался. Въ свое время *Пащинскій* пользовался славою превосходнаго проповѣдника: но болѣе всего онъ замѣчателенъ, какъ отличный латинистъ и знатокъ нѣмецкаго языка. Переводами нѣкоторыхъ сочиненій Прокоповича онъ познакомилъ Европу съ этимъ геніальнымъ человѣкомъ, къ которому самъ питалъ полное уваженіе[187].

Огинскій Гавріилъ, уроженецъ черниговскій, сынъ священника. Выслушавъ курсъ наукъ въ тамошней семинаріи, онъ поступилъ потомъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и принялъ монашество; отсюда, по окончаніи высшихъ школъ, *Огинскій* былъ отправленъ въ Александро-невскую семинарію къ должности профессора философіи, и за отличное преподаваніе сей науки возведенъ въ званіе префекта. Въ 1761 году онъ былъ произведенъ въ архимандриты Сійскаго монастыря, гдѣ скончался 26 генваря 1779 года[188].

Сковорода Григорій Савичъ[189], нашъ оригинальный мыслитель, нашъ народный философъ, родился въ селѣ Чернухахъ, кіевскаго намѣстничества лубенскаго округа, отъ тамошняго священника. Богомольный и усердный къ церкви Божіей, *Сковорода*, еще не умѣя читать, выучился на клиросѣ, церковному пѣнію, и потомъ уже началъ брать уроки грамоты у приходскаго дьячка. Быстрыя способ-

ности, не удовлетворяемыя скудными свѣдѣніями домашняго наставника, заставили родителя *Сковороды* отослать его въ Кіевскую Академію. Здѣсь юный пришлецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе дершера пѣвческой капелліи и немедленно поступилъ въ хоръ, а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При возшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи; *Сковорода* попалъ туда изъ первыхъ. Но страсть къ познаніямъ и къ изученію наукъ болѣе серьезныхъ томила его неустанно, и когда Императрица посѣтила Кіевъ, въ сопровожденіи своей капелліи, *Сковорода* рѣшительно отказался отъ возвращенія въ Петербургъ и ревностно началъ хлопотать объ увольненіи изъ пѣвческаго хора. Къ счастію, ему удалось это, и выпущенный съ званіемъ придворнаго уставщика, *Сковорода* опять поступилъ въ Академію. Сознательно уже принялся онъ теперь за изученіе того, что въ дѣтскихъ лѣтахъ было дѣломъ больше школьной ферулы, и быстро проходилъ классы, изумляя всѣхъ обширностью и многосторонностью своихъ свѣдѣній. Не въ примѣръ прочимъ, онъ отлично изучилъ, кромѣ латинскаго, языки греческій и нѣмецкій, весь погружался въ философскія изслѣдованія, и часто послѣ чтенія находили его въ какомъ-то восторженномъ состояніи созерцавшаго дивныя красоты природы. Изъ этой-то книги почерпнулъ *Сковорода* ту мудрость, которая сдѣлала его единственнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ ученой и образованной Украйны; для вей-то изучалъ онъ все, что попадало подъ руку, почитая всѣ науки буквами одной азбуки, которая годна лишь для того, чтобъ выучиться читать великую книгу природы. Музыка и поэзія были любимымъ и самымъ лучшимъ его отдохновеніемъ. Въ минуты поэтическаго восторга онъ становился какимъ-то тайновидцемъ, весь міръ созерцая въ Руси святой, все человѣчество въ одномъ русскомъ народѣ. »Когда »умъ мой, говорилъ онъ, и сердце мое водворяются въ домѣ, »который Премудрость создала себѣ во святой Руси, когда я

»упиваюсь отъ тука дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который »имѣетъ племя въ Сіонѣ; въ горней Руси я вижу все новое, »новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе, новую славу. О, »какъ мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно! »Мысль моя летаетъ безпредѣльно, въ высоту, въ глубину, въ »широту; не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи; она про- »видитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ »прежлебывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, ше- »ствуетъ по лицу океана, входитъ сквозь двери затворенныя; »глаза ея голубые, крылья орлиныя, проворность оленья, дер- »зость львиная, вѣрность горличная, благодарность пеларгова, »незлобіе агнцево, быстрота соколья, бодрость журавляя; ве- »детъ же ее духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ ми- »лосердія, духъ свѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердія; обле- »кается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія. »О, какъ тяжко и грустно изъ сей горней страны обращаться »долу, гдѣ мудрецы очами бочутъ (таращатъ глаза), устами »гогочутъ, что мнится бѣсы ихъ мучатъ, и шевелятся и кра- »совуются, яко обезьяны, козлогласуютъ и велерѣчатъ, аки »римская цитерія, чуютъ, аки кумиръ, мудруютъ, аки идолъ, »осязаютъ, аки кротъ преисподній, торкаютъ (щупаютъ) аки »безокій, у котораго слѣпыя очи, гордятся, аки безумный, из- »мѣняются, аки луна, труждаются, аки сатана, паучаются, аки »паучина, алкаютъ, аки песъ, жадны, аки водяная болѣзнь, лу- »кавы, аки змѣй, ласкательны, аки крокодилъ, постоянливы, »аки море, вѣрны аки вѣтеръ, надежны, аки ледъ, разсыпаются, »аки прахъ, изчезаютъ, аки сонъ. И се люди? Люди!.. Колико »же есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣсть главы«!...

Съ такой неутомимой жаждой вѣчнодѣятельнаго духа, съ такимъ недовольствомъ всѣмъ, что окружало *Сковороду*, немудрено, что онъ порывался въ другія страны извѣдать свѣтъ, людей посмотрѣть. Судьба помогла ему въ этомъ. Генералъ-майоръ Вишневскій, отправленный отъ Двора въ Венгрію, же-

лалъ имѣть для находившейся тамъ православной церкви человѣка, знающаго церковное пѣніе. *Сковорода*, какъ отличный знатокъ этого, и сверхъ того въ совершенствѣ обладавшій нѣсколькими языками, рекомендованъ былъ академическимъ начальствомъ Вишневскому, и такимъ образомъ исполнилось пламенное желаніе нашего философа. *Сковорода* отправился въ Венгрію. Скоро Вишневскій увидѣлъ высокія достоинства своего спутника, и началъ уже смотрѣть на него, не какъ на причетника, а какъ на ближайшаго себѣ друга. Онъ далъ ему средства совершить путешествіе въ Вѣну, Пресбургъ и въ другія мѣста Германіи. Жаднымъ и разумно-испытательнымъ взоромъ окидывалъ *Сковорода* дива дивныя рукъ человѣческихъ; благоговѣйно преклонялся предъ величіемъ Бога, вся премудростію сотворившаго, и спѣшилъ въ пантеоны человѣческаго знанія, наполненные учеными мужами Германіи. Свѣдѣнія въ языкахъ помогли ему въ дѣлѣ образованія себя, а крѣпкій и здравый умъ обратилъ на *Сковороду* почтительное вниманіе всѣхъ извѣстнѣйшихъ тогда ученыхъ. Ему предложили занять каѳедру въ одномъ изъ какихъ нибудь университетовъ заграничныхъ: но вѣрный своему призванію, онъ не захотѣлъ чуждой славы и воротился въ отечество. Никодимъ Сребницкій, епископъ переяславскій, свѣдавъ о прибытіи *Сковороды*, котораго зналъ лично, уговорилъ его принять должность учителя поэзіи въ тамошней семинаріи, а для поддержанія его въ финансовомъ отношеніи доставилъ мѣсто наставника въ домѣ помѣщика Тамары. Съ однимъ изъ сыновей его *Сковорода* поѣхалъ въ Москву: но обижаемый прислугою своего патрона и даже самой госпожею, онъ отказался играть двусмысленную роль полубарина, и по приглашенію школьнаго своего сотоварища Кирилла Флоринскаго, поступилъ въ московскую Академію учителемъ. Но не то было призваніемъ *Сковороды*, не тѣсная аудиторія долженствовала быть его поприщемъ, а зала большая, безъ стѣнъ, у которой есть только земь да потолокъ. Сгрустнулось *Григорію Савичу* и по своей родинѣ. Поблагодаривъ друга и благодѣ-

теля своего Флоринскаго, онъ взялъ страннической посохъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Но еще не созрѣло въ немъ то, что потомъ составило задачу всей его жизни. Походивъ по разнымъ мѣстамъ, погостивъ у добрыхъ людей, *Сковорода* въ 1759 году опредѣлился учителемъ въ харьковскій коллегіумъ. Здѣсь опять онъ сошелся съ однимъ изъ школьныхъ товарищей Іоасафомъ Митковичемъ, бывшимъ тогда епископомъ курскимъ и бѣлоградскимъ. Внимательный архипастырь съ особенною любовію принялъ неугомоннаго странника, и снисходя къ его странностямъ, искренно полюбилъ *Сковороду* за глубокія его познанія, кротость, тишину души и необыкновенное самоотверженіе. Тутъ *Сковорода* познакомился съ М. П. Ковалинскимъ, тогда молодымъ человѣкомъ, съ свѣтлой душой и поэтической настроенностью[190]. Ковалинскій любилъ слушать *Сковороду*, но не соглашался съ его убѣжденіями; любилъ сердце его, но боялся разума; почиталъ правила его жизни, но не соглашался приложить къ себѣ, находя ихъ противорѣчащими общепринятымъ обычаямъ; а свойственное всякому человѣку самолюбіе не позволяло ему признать себя ученикомъ такого пролетарія. Въ одну изъ такихъ минутъ Ковалинскій увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя начертанія трехъ отроковъ, вверженныхъ Новуходоносоромъ въ пещь огненную — Ананіи, Азаріи и Мисаила; отъ этихъ трехъ словъ на *Сковороду*, стоящаго съ воздѣтыми къ небу руками, сыпались искры, изъ которыхъ немногія упадая и на Ковалинскаго, производили въ немъ какую-то легкость, спокойствіе, бодрость и довольство духа. Ковалинскій разсказалъ этотъ сонъ старцу, Троицкому священнику Б., у котораго онъ жилъ. »Молодой »человѣкъ! сказалъ ему священникъ: слушайся этого мужа; онъ »данъ тебѣ отъ Бога въ руководителя и наставника«. Съ этой минуты Ковалинскій предался всей душою своему другу, и открыто назвалъ себя ученикомъ *Сковороды*. »Три отрока, го»ворилъ потомъ ему *Григорій Савичъ*, вверженные въ пещь ог»ненную, суть три великія способности человѣка: умъ, воля и

»дѣяніе, не покаряющіеся злому духу міра, не сгарающіе отъ »огня любострастія, но хранимыя духомъ въ непорочности сердца »и души«. Епископъ Іоасафъ предложилъ ему, на другой годъ его учительства, вступить въ монашество: но *Сковорода* рѣшительно отказался отъ этого и даже оставилъ свои занятія по училищу. Харьковскій губернаторъ Е. А. Щербининъ, залучившій его какъ-то разъ къ себѣ, спросилъ между прочимъ: отъ чего онъ не изберетъ себѣ никакого извѣстнаго состоянія? »Міръ подобенъ театру, отвѣчалъ *Сковорода;* чтобъ представлять »въ немъ съ успѣхомъ и похвалою, должно брать роли по способно»стямъ: ибо дѣйствующее лицо пріобрѣтаетъ похвалу не по знат»ности роли, но за удачную игру. Неспособный представлять ни »какого лица, кромѣ простоты и смиренія, я самъ избралъ эту »роль, и доволенъ собою«. Въ 1764 году *Сковорода* съ другомъ своимъ Ковалинскимъ пріѣзжалъ въ Кіевъ; многіе изъ родственниковъ и сотоварищей его, находившіеся уже въ числѣ братіи Лаврской, предлагали и ему вступить въ монашество. »Нѣтъ, говорилъ *Скоровода*, не закрою я моего грѣшнаго сердца свя»щенною ризою«, и поклонившись св. угодникамъ печерскимъ, да приснопамятному мѣсту своего образованія, возвратился въ Харьковъ.

Но по странному капризу характера, *Сковорода* не могъ долго уживаться съ однимъ человѣкомъ, какъ бы ни любилъ его. Онъ становился скученъ, а этого уже достаточно было, чтобъ перемѣнить себѣ собесѣдника. Такъ случилось и съ Ковалинскимъ. Безъ всякаго со стороны его повода, *Сковорода* вдругъ оставилъ его и поселился на пасекѣ Гужвинской близъ Харькова, принадлежавшей помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ онъ особенно любилъ. Узнавъ о нечаянномъ прибытіи оригинальнаго странника, Земборскіе озаботились предоставленіемъ ему всякихъ удобствъ: но *Сковорода* рѣшительно отказался отъ всего, прося оставить его въ покоѣ. Углубившись въ самую средину лѣса, онъ предался совершенному безмолвію и само-

размышленію; плодомъ этого были два огромныя нравственно-философскія сочиненія, изъ которыхъ одно названо имъ *Наркисъ* или познай себя, а другое *Асхань* или познай самаго себя[191]. Кончивъ эту работу, *Сковорода* переѣхалъ къ Сошальскимъ въ деревню ихъ Гусинку, гдѣ также поселился на пасекѣ, избравъ себѣ самое уединенное мѣсто.

Не должно, однакожъ, думать, чтобъ нашъ философъ никогда не покидалъ своего уединенія. Онъ не любилъ только являться въ свѣтское общество, за то весьма часто можно было видѣть его среди поселянъ. Изучая ихъ нравы и обычаи, прислушиваясь къ народному говору, *Сковорода* въ простой свиткѣ съ »видлогою« и торбой за плечами, съ дудкой за поясомъ, съ костылемъ въ рукахъ, разговаривалъ съ простодушными и добрыми своими слушателями и передавалъ имъ самыя возвышенныя правила христіанской нравственности, приспособляясь самымъ удивительнымъ образомъ къ ихъ понятіямъ. Такъ, напримѣръ, желая вразумить своихъ слушателей о троякомъ познаніи самаго себя, во первыхъ, какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, онъ говоритъ: »вспомни пословицу: всякъ Еремѣй про »себя разумѣй. Всякъ, то есть, долженъ узнать себя, свою »природу: что она ищетъ? куда ведетъ и какъ ведетъ, да по»томъ и слѣдовать ей безъ всякаго отнюдъ насилія, но и съ »глубочайшимъ покореніемъ. Конь ли ты? Вози ѣздока. Волъ »ли ты? Носи яремъ. Песъ ли борзой? Лови зайцы. Дацкой ли? »Іави медвѣдя«. Другой актъ самопознанія какъ бытія общежительнаго, гражданственнаго, составляющаго именно то, что мы теперь называемъ народностью, *Сковорода* объясняетъ съ своей публичной каѳедры слѣдующимъ образомъ: »всякъ »долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русъ ли ты?— »будь имъ; вѣрь православно, служи Царицѣ правно, люби бра»тію равно. Нѣмецъ ли ты?—нѣмечествуй. Французъ ли ты?— »французуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, »и все красно, что чисто природно, сирѣчь, не поддѣлано, не

»подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни теплъ ни холо- »денъ Русь не русская видится мнѣ диковинкою, какъ если- »бы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ или съ собачьей »головою«. Переходя къ третьему акту самопознанія, какъ бытія сотвореннаго по образу и по подобію Божію, *Сковорода* говоритъ своимъ слушателямъ словами свящ. писанія, вослицая въ благоговѣйномъ поклоненіи тайнамъ премудрости Божіей: »о Боже! коль не слична мусикія безъ Святаго Духа Твоего«!

И при всей такой мудрости, *Сковорода* былъ въ высшей степени скроменъ. Прикрывая глубокія мысли одеждой простонароднаго нарѣчія, не чуждаясь даже площадныхъ поговорокъ, онъ называлъ свое ученіе »блинкомъ бѣлымъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ, тканкою и плеткою простонародною«. Онъ гордился именемъ друга поселянъ, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. »Надо мною »позоруются, говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ баютъ, »что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть »свѣточа,— пускай баютъ; на меня глумятся, аки я звонарь »для глухихъ, а глухому не до гулу,— пускай глумятся: они »знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя »тяга мнѣ успокоеніе«. Самъ научившись мудрости изъ великой книги природы, *Сковорода* внушалъ строго держаться ея законовъ и не насиловать того, что само собою должно вырости при надлежащемъ надзорѣ и уходѣ. »Всякое дѣло, училъ онъ, спѣетъ собою, и наука спѣетъ собою. Клубокъ самъ собою покатится съ горы, прими только камень, который ему мѣшаетъ катиться; не учи его этому, а только пособляй. »Коликое »идолопоклонство, замѣчаетъ онъ, восписывать выписнымъ му- »дрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ нѣмецъ и французъ си- »лу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію! Свое »воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огнь »и свѣтъ невидимкою утаился въ кремешкѣ. Приставь же губ- »ку либо трутъ, не пожалѣй же руки и ударь кресаломъ, и

»выкресешь огонь у себя дома и не будешь ходить по сосѣ»днимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: позычь-де »мнѣ огню. Барская умность, аки бы простой народъ есть »черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ назва»ныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой ма»тери раждать живыхъ дѣтищъ? И какъ изъ утробы чернаго »народа вылонились бѣлые господа? Мудрствуютъ: простой на»родъ спитъ. Пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатыр»скимъ спитъ: но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, »тотъ не мертвечина, не трупище околѣвшее. Когда выспит»ся, то проснется; когда намечтается, то очутится и забодр»ствуетъ«.

Сковорода нигдѣ не имѣлъ опредѣленнаго пристанища; онъ вездѣ являлся гостемъ, да и то не надолго; ничего не называлъ своимъ, кромѣ пріобрѣтенныхъ имъ познаній; довольствовался самымъ малымъ: »добрый человѣкъ, говорилъ онъ, »вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду дастъ ему »земля безъ платы; лишнее не нужно«. Это былъ вольный гость міра: »мнѣ не нужны, писалъ онъ, подорожныя; я от»важно вступаю въ море не для прогулки, чтобъ вилять изъ »губы въ губу, но чтобъ объѣхать землю и открыть новый »свѣтъ«. Гдѣ бы ни располагался онъ на гостеванье, вездѣ выбиралъ уединенный уголокъ,— самъ себѣ слуга и господинъ.

Лѣтомъ 1770 года *Сковорода* пріѣхалъ съ Сошальскими въ Кіевъ и остановился у родственника ихъ Іустина, настоятеля китаевской пустыни. Около трехъ мѣсяцевъ прожилъ онъ здѣсь, покланяясь святынѣ кіевской и собирая вокругъ себя толпы любопытныхъ, которыхъ онъ поучалъ свойственнымъ ему образомъ. Ученые смотрѣли на него неблагосклонно, считая юродивымъ, и встрѣчали насмѣшками; въ отвѣтъ на это *Сковорода* игралъ имъ на дудкѣ. Однажды,—это уже было въ августѣ,— спускаясь съ Стараго Кіева на Подолъ и дошедши

до того мѣста, гдѣ нынѣ Андреевская церковь, онъ вдругъ поворотилъ назадъ, какъ будто по велѣнію какой-то силы; отошедши отъ прежняго мѣста на значительное разстояніе, онъ опять пошелъ къ нему и опять воротился. Желая однакожъ побѣдить въ себѣ такую странную нерѣшительность, *Сковорода* пошелъ тверже тѣмъ спускомъ: но вдругъ побѣжалъ назадъ, заткнувъ носъ и съ ужасомъ повторяя, что онъ слышитъ запахъ отъ труповъ. Совершенно разстроенный, онъ пересказалъ это Сошальскимъ, и тотчасъ началъ собираться въ дорогу, говоря что въ Кіевѣ будетъ чума. Напрасно успокоивали его, что опасаться нечего, что о чумѣ и слуху нѣтъ: *Сковорода* ничего не слушалъ, и въ тотъ же день ушелъ пѣшкомъ изъ Кіева прямо въ Ахтырку. И дѣйствительно, 3 сентября открылась въ Кіевѣ опустошительная моровая язва.

Подъ конецъ жизни своей, *Сковорода* отправился въ село Хотетово, отстоящее отъ Орла въ двадцати пяти верстахъ, къ одному изъ своихъ благопріятелей, который предлагалъ ему домъ свой и всѣ удобства жизни. Но не прошло трехъ недѣль, какъ *Сковорода* стосковался по своей Украйнѣ, и не смотря на убѣжденія друзей, на болѣзнь и трудности пути, поѣхалъ, повинуясь, какъ онъ говаривалъ, *духу своему*, который для него былъ нѣчто въ родѣ Сократова духа-хранителя (*δαίμων*). Прибывъ въ Курскъ, онъ остановился отдохнуть отъ труднаго пути у архимандрита Амвросія; отсюда отправился въ любимую свою пустынь Гусинку: но въ дорогѣ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ Ивановку, слободу Ковалинскаго. Здѣсь *Сковорода* и окончилъ странничество свое. Въ полномъ сознаніи исполнивъ святой долгъ православнаго христіанина, *Григорій Савичъ* скончался 1794 года. Предъ кончиною, онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна и начертать на могильномъ камнѣ: *міръ ловилъ меня, но не поймалъ*[193]. *Сковорода* оставилъ послѣ себя множество нравственно-философскихъ сочиненій. По духу

и направленію своего философствованія, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ любомудровъ, которые слывутъ подъ именемъ ѳеософовъ. Впрочемъ религіозный мистицизмъ, проникающій всѣ его творенія, отнюдь не имѣетъ той заносчивости, какую всегда обнаруживаетъ умъ, какъ скоро вноситъ свѣточъ свой въ область истины, мнимо-самостоятельно имъ постигаемой. Мистицизмъ *Сковороды* былъ плодомъ безмолвія и постояннаго размышленія, согрѣваемаго молитвой и искреннею любовію къ ближнимъ. Ученіе его не было ни подражаніемъ иноземному, ни продолженіемъ преждеданнаго, но все отъ перваго до послѣдняго слова свое, самородное. *Сковорода* не любилъ, чтобъ его съ кѣмъ нибудь сравнивали: »меня, говорилъ онъ, хотятъ »мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто Ломоносовъ казенная са»жень, которою всякаго также должно мѣрить, какъ портной »однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу и шелковую матерію и ря»днину«. При всемъ томъ, по справедливому замѣчанію архимандрита Гавріила, нельзя не видѣть необыкновеннаго сходства его съ древнимъ Сократомъ. Умственная жизнь обоихъ развивалась совершенно изъ одинаковыхъ началъ—энтузіазма и ироніи; какъ у того, такъ и у другаго энтузіазмъ былъ положительнымъ элементомъ жизни, погружавшимъ конечное ихъ сознаніе въ одушевленное ясновидѣніе безконечнаго, а иронія—отрицательнымъ, представлявшимъ нѣкоторыя явленія міра нравственнаго, какъ ошибку противъ вѣчныхъ законовъ истины и добра. Тотъ и другой основнымъ началомъ и условіемъ всякаго вѣдѣнія поставляли самопознаніе, но съ той разницей, что Сократъ толковалъ Грекамъ міръ предлежательный и подлежательный по гаданіямъ только человѣческаго смысла, а *Сковорода* сверхъ этого изъяснялъ тоже самое по откровеніямъ небеснаго разума. Подобно Сократу, онъ не любилъ ограничиваться ни мѣстомъ, ни временемъ, а училъ на распутіяхъ, на торжищахъ, на кладбищахъ, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его выраженію, »скачетъ пьяная воля, »и во дни страды, когда въ бездождіе потъ поливаетъ землю«.

Сковорода вездѣ умѣлъ находить слышимую ему внутри и осязаемо понимаемую идею истины. Въ энтузiастическомъ исповѣданiи ему казалось, что духъ его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какбы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ ее со стороны вѣчности и видитъ въ ней несокрушимую идею Всемогущаго. И вдругъ послѣ такихъ ѳеософическихъ размышленiй, мѣткая иронiя молнiей скользила по всему, что раскрывалось духовнымъ очамъ, и изъ мiра созерцательнаго мгновенно погружала внимательнаго слушателя въ омутъ обыденной жизни. Сiя-то иронiя, бывъ принята за положительное начало философiи нашего самобытнаго мыслителя, уронила достоинство его въ обществѣ и мiрѣ оффицiально-ученомъ. Нельзя не пожалѣть, что многочисленныя сочиненiя *Сковороды,* исключая нѣкоторыхъ его писемъ, остаются доселѣ неизвѣстными свѣту и ненапечатанными[193].

Сломинскiй Гедеонъ. Служба его началась въ томъ мѣстѣ, гдѣ самъ онъ получилъ окончательное образованiе. Состоя преподавателемъ реторики, онъ исправлялъ въ тоже время должность профессора философiи, замѣняя собою Лящевскаго, занимавшаго воспитанниковъ Академiи уроками богословскими, вмѣсто Ляскоронскаго. Въ 1747 году *Сломинскiй* былъ вызванъ въ Петербургъ, для пересмотра исправленной библiи: но къ сожалѣнiю, захворалъ тамъ, и не могъ участвовать въ работѣ, сполна доставшейся на долю его сотрудника Варлаама Лящевскаго. *Сломинскому* предложена была ректура Троицко-Сергiевской семинарiи, съ обязательствомъ докончить сочиненiе о обрядахъ церковныхъ. Въ 1748 году онъ назначенъ былъ ректоромъ московской Академiи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря: но черезъ три года получилъ настоятельство надъ черниговскимъ елецкимъ монастыремъ. Такое назначенiе крѣпко не понравилось *Гедеону;* онъ счелъ это »великой деградацiей« для себя и начисто отказался ѣхать въ Черниговъ. Снисходя къ слабости здоровья *Сломинскаго*, Си-

нодъ предоставилъ ему Бизюковъ монастырь: но *Гедеонъ* опять не согласился и просилъ позволенія жить на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ. Синодъ и на этотъ разъ исполнилъ его просьбу, назначивъ 300 рублей годоваго оклада и предписавъ заняться окончаніемъ порученнаго ему сочиненія. *Гедеонъ* однакожъ не успокоился; онъ сталъ проситься къ бывшему своему товарищу по Академіи *Аѳанасію Вольховскому*, епископу тверскому; тогда видя, что нѣтъ конца притязаніямъ *Сломинскаго,* св. Синодъ назначилъ его настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря, въ которомъ онъ и скончался 1772 года[194].

Слотвинскій Митрофанъ. По окончаніи курса, онъ вмѣстѣ съ другими былъ вызванъ изъ Академіи въ учители новооснованнаго харьковскаго коллегіума. Какія первоначально проходилъ онъ должности—неизвѣстно: но только въ 1739 году мы уже видѣли его префектомъ и потомъ ректоромъ. Въ этомъ же послѣднемъ званіи *Слотвинскій* былъ переведенъ въ Академію московскую, откуда былъ рукоположенъ въ епископа тверскаго. Ему обязана семинарія тамошняя своимъ основаніемъ; ученый и внимательный къ наставникамъ и ученикамъ, *Митрофанъ* въ короткое время успѣлъ поставить ее на степень лучшихъ. Полезные труды архипастыря сего взысканы были Монаршею милостію; въ 1744 году онъ былъ пожалованъ званіемъ архіепископа. Въ трудахъ и подвигахъ святительскихъ *Митрофанъ Слотвинскій* скончался 7 декабря 1752 года[195].

Собковскій Парѳеній. Послѣ прохожденія низшихъ учительскихъ должностей при Кіевской Академіи, онъ былъ вызванъ въ новгородскую семинарію на каѳедру реторики, а въ 1750 году получилъ званіе префекта и вслѣдъ за тѣмъ ректора того же училища. Шесть лѣтъ проходилъ онъ эту должность, и въ 1756 году пожалованъ игуменомъ Антоніева монастыря, а черезъ два года переведенъ въ Хутынь, съ оставленіемъ при немъ и прежней обители. Находясь въ этой дол-

жности, *Парѳеній* 1759 года былъ хиротонисанъ въ викаріи митрополиту Димитрію Сѣченову, съ нареченіемъ епископомъ кексгольмскимъ и ладожскимъ, а черезъ полтора года переведенъ въ Смоленскъ. Паства его страдала въ эту пору подъ игомъ польскаго правительства, и терзаемая изувѣрами и фанатиками, представляла собою стадо, въ которомъ безнаказанно свирѣпствовали хищные волки. Но этому *Парѳенію* выпала почти такая же доля, какъ и собрату его по школѣ и іерархической степени Георгію Конисскому, и онъ соревновалъ ему въ великихъ подвигахъ защиты гонимаго православія. Принявъ въ свое непосредственное покровительство семинарію, почти, падшую отъ безконечныхъ преслѣдованій враговъ вѣры истинной, *Парѳеній* успѣлъ возстановить ее, исходатайствовавъ въ 1765 году у Синода жалованья по 816 р. 23¾ копѣйки, а въ въ 1780 ровно 2000 рублей. Болѣзнуя душою о невѣжествѣ, въ какое было приведено смоленское духовенство злобными преслѣдованіями уніатовъ и подстрекателей ихъ іезуитовъ, *Парѳеній* вмѣстѣ съ Георгіемъ Конисскимъ составилъ книгу *о должностяхъ приходскихъ священниковъ*, одобренную св. Синодомъ и тотчасъ, по отпечатаніи, разосланную по всѣмъ церквамъ россійской имперіи. Замѣчательно, что оба сіи великіе свѣтильника церкви бѣлорусской скончались въ одномъ году и почти въ одномъ мѣсяцѣ. *Парѳеній Собковскій* умеръ 7 марта 1795 года[196].

Тодорскій Симонъ родился близъ Кіева 1700 года сентября 1, и первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ родительскомъ. Семнадцати уже лѣтъ поступилъ онъ въ Кіевскую Академію и быстро началъ проходить всѣ низшія школы; въ десять лѣтъ *Тодорскій* уже окончилъ полный курсъ наукъ, и 1727 года отправился въ заграничныя училища на свой счетъ. Здѣсь въ теченіи трехъ лѣтъ переходилъ онъ изъ одной Академіи въ другую, и наконецъ вступилъ въ гальскій университетъ. Рафаилъ Заборовскій, свѣдавъ о такой ревно-

сти *Тодорскаго*, къ просвѣщенію послалъ ему свое благословеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ продолжать науку, не заботясь о средствахъ содержанія, которыя архипастырь бралъ на себя. Обезпеченный такимъ образомъ, молодой ученый еще болѣе усилилъ свои занятія, и подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ профессоровъ изучилъ догматику, экзегетику, физику и много другихъ наукъ. Но особенно въ немъ обнаружилась необыкновенная способность языкознанія. Между серьезными и головоломными занятіями, онъ успѣлъ усвоить себѣ въ совершенствѣ языки греческій, еврейскій и еще нѣкоторые восточные, а на нѣмецкомъ говорилъ какъ на своемъ отечественномъ. Михаэлисъ, знаменитый оріенталистъ того времени, дорожилъ дружбою *Тодорскаго*, и отзывался объ немъ, какъ объ ученѣйшемъ человѣкѣ. Въ бытность свою за границей онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ книгу Іоанна Арндта *объ истинномъ христіанствѣ*, изданную въ Галлѣ иждивеніемъ Императрицы Анны Іоанновны, которая прислала для этого переводчику 600 рублей. Впрочемъ, эта книга была запрещена въ царствованіе Елисаветы Петровны св. Синодомъ. Тамже *Тодорскій* напечаталъ и другой свой переводъ книжки Анастасія проповѣдника: *Наставленіе къ истинному познанію и душеспасительному употребленію страданія и смерти Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа.* На возвратномъ пути въ Россію, въ 1737 году, *Тодорскій* въ Бѣлградѣ былъ упрошенъ греческими купцами преподавать имъ Законъ Божій, что и исполнялъ онъ въ теченіи цѣлаго года. Возвратившись потомъ въ Кіевъ, *Тодорскій* явился къ архіепископу Рафаилу, который немедленно поручилъ ему преподаваніе еврейскаго, нѣмецкаго и греческаго языковъ, съ философическими истолкованіями послѣдняго изъ нихъ. Находясь въ этой должности, *Тодорскій* 1740 года принялъ монашество, и возведенный въ санъ іеромонаха, держалъ большую инструкцію или публичное проповѣданіе Слова Божія, чѣмъ заслужилъ всеобщее уваженіе кіевлянъ. Слава объ немъ достигла до самой

столицы, и когда въ 1742 году призванъ былъ изъ Голштиніи въ Россію великій князь Петръ Θеодоровичъ и объявленъ Наслѣдникомъ престола, то *Симонъ* былъ вызванъ изъ Кіева для преподаванія царственному юношѣ Закона Божія и православнаго ученія Церкви. Въ слѣдующемъ же году *Тодорскій*, будучи еще іеромонахомъ, пожалованъ въ члены св. Синода, и въ тоже время посвященъ въ архимандрита Костромскаго Ипатьевскаго монастыря; когда же 1745 года учреждена была костромская и галицкая епархія, то *Симонъ* назначенъ былъ туда первымъ епископомъ; впрочемъ на паству свою онъ отпущенъ не былъ, ибо кромѣ присутствованія въ св. Синодѣ, ему снова повелѣно было принять на себя преподаваніе Закона Божія нареченной невѣстѣ Петра III Екатеринѣ II. Въ это время *Симонъ* былъ переведенъ во Псковскую епархію, съ пожалованіемъ въ архіепископы, и все же оставался въ Петербургѣ. Наконецъ, по разстроенному здоровью, въ 1754 году онъ былъ уволенъ въ епархію и скончался того же года 21 февраля во Псковѣ. Ученый и трудолюбивый пастырь, *Симонъ Тодорскій*, кромѣ поученій, изъ которыхъ только немногія напечатаны, оставилъ множество драгоцѣнныхъ рукописей, относящихся преимущественно къ восточной словесности[197]. Богатая библіотека его, заключающая въ себѣ значительное число рѣдкихъ книгъ на языкахъ еврейскомъ, халдейскомъ, сирскомъ и арабскомъ находится въ Псковской семинаріи. Большая часть этихъ книгъ подарены *Тодорскому* отъ Михаелиса и другихъ гальскихъ его наставниковъ и сотрудниковъ[198].

Топольскій Аѳанасій училищную службу свою началъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, котораго былъ потомъ префектомъ, а въ 1741 году ректоромъ. *Топольскій* первый изъ ректоровъ этого училища получилъ санъ архимандрита[199]. Гдѣ и когда онъ скончался—неизвѣстно.

Фальковскій Веніаминъ, типографъ кіевопечерской Лавры, которому не суждено было Вышнимъ Промысломъ при-

нять святительскій санъ, предназначенный волею Монаршею. Воспитанникъ Кіевской Академіи, *Фальковскій*, принявъ монашество въ Печерской Лаврѣ, проходилъ тамъ разныя должности Въ 1738 году, указомъ Императрицы Анны отъ 8 ноября, повелѣно было св. Синоду произвести его въ епископа Суздальскаго: для чего немедленно сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи *Фальковскаго* въ Петербургъ для посвященія въ санъ епископскій: но сильнѣйшая горячка остановила отъѣздъ его на долгое время. Синодъ, получивъ объ этомъ извѣщеніе, указомъ 1739 года, предписалъ освидѣтельствовать чрезъ кіевскихъ докторовъ іеромонаха *Веніамина* и донести, есть ли надежда къ его выздоровленію. По освидѣтельствованіи его военнымъ медикомъ Ау-Заритою, доложено было св. Синоду, что *Фальковскій* одержимъ жестокою чахоткою и надежды къ продолженію его жизни не предвидится. Между тѣмъ *Веніаминъ*, продолжая по прежнему служеніе свое въ Лаврѣ, прожилъ еще двѣнадцать лѣтъ, и мирно скончался въ 1750 году[200].

Чарнуцкій Ѳеофанъ. Начальная служба его была въ Заиконоспасскомъ училищѣ въ званіи наставника низшихъ школъ и потомъ реторики; послѣ чего онъ былъ назначенъ въ намѣстники Троицко-Сергіевой Лавры, откуда 1753 года рукоположенъ въ епископа нижегородскаго. Какъ ревнитель просвѣщенія, *Чарнуцкій* исходатайствовалъ въ 1765 году для семинаріи тамошней ежегоднаго оклада 816 рублей 23 коп. и $^3/_4$. Двадцать лѣтъ управлялъ сей архипастырь нижегородской епархіей, и утомленный трудами испросилъ себѣ увольненіе въ Кіевопечерскую Лавру, куда и отпущенъ былъ съ пенсіей на покой, гдѣ 8 марта 1780 года и скончался[201].

Щепинъ Константинъ. докторъ-медицины, родился 1728 года въ уѣздномъ городѣ Котельникѣ, вятской губерніи. Тогда вятская семинарія едва только заводилась и ученіе въ ней не восходило далѣе первоначальныхъ предметовъ грамотности. *Щепинъ*, отданный въ эту школу, скоро изучилъ все, что входило

въ составъ тогдашней училищной програмы, и епископъ Варлаамъ Скамницкій, жалѣя счастливыхъ способностей дитяти, отправилъ его на свое иждивеніе въ Кіевскую Академію. Здѣсь для любознательности *Щепина* открылось обширное поприще; въ самое короткое время онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ знаменитаго училища, и смѣло могъ обѣщать себѣ спокойное и вѣрное мѣсто при воспитавшемъ его заведеніи. Но въ эту пору во всемъ Кіевѣ только и разговоровъ было, что о Барскомъ, недавно возвратившемся изъ долговременнаго своего путешествія; дорожныя замѣтки его переходили изъ рукъ въ руки и списывались въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Разсказы знаменитаго нашего пѣшехода, диковинки имъ видѣнныя, увлекательныя описанія царствъ, городовъ и весей съ ихъ жителями, храмами и дворцами, раздражали любопытство молодыхъ людей, и всѣ грезили путешествіями. *Щепинъ* былъ одинъ изъ первыхъ энтузіастовъ туризма и положилъ въ душѣ своей во что бы то ни стало побывать за границей. Онъ отыскалъ одного пріѣзжаго греческаго монаха, и не долго думая, отправился съ нимъ изъ Кіева въ Константинополь. Тамъ онъ познакомился съ нѣкоторыми образованными европейцами, и началъ учиться англійскому и еллино-греческому языкамъ: но средства къ дальнѣйшему путешествію оказались крайне недостаточными, а »мѣрять, подобно Барскому, ступаніемъ своимъ и пядію землю«, *Щепинъ* не чувствовалъ большой охоты. Поживъ по этому нѣсколько времени въ Константинополѣ, онъ воротился въ Россію, и явившись въ Петербургъ, досталъ себѣ мѣсто переводчика при Академіи Наукъ. Состоя въ этой должности, *Щепинъ* не оставлялъ своей страсти къ ученымъ занятіямъ и избралъ себѣ любимымъ предметомъ ботанику. Когда профессоръ Крашенинниковъ отправился въ путешествіе въ Ингерманландію, для описанія тамошней флоры, *Щепинъ* сопутствовалъ ему въ качествѣ ближайшаго помощника. По возвращеніи ученой экспедиціи въ столицу, Крашенинниковъ рекомендовалъ его академическому начальству, какъ отлично способнаго и об-

разованнаго человѣка и какъ страстнаго любителя наукъ естественныхъ. Академія, внявъ такому представленію достойнаго своего сочлена, положила отправить *Щепина* на казенный счетъ въ чужіе краи для изученія естественной исторіи. Въ 1756 году онъ поѣхалъ сначала во Флоренцію, гдѣ и началъ заниматься врачебной наукой. Отсюда *Щепинъ* переѣхалъ въ лейденскій университетъ, гдѣ выслушавъ полный курсъ медицины, представилъ 1758 года на степень доктора диссертацію *о растительной кислотѣ*, тогда же и напечатанную тамъ[202]. Въ добавокъ къ этому онъ издалъ тамъ *Ботаническія замѣтки* (Botanicae annotationes), между коими описанъ имъ одинъ новый родъ растенія, названный имъ Stephaniana — именемъ профессора Крашенинникова, въ благодарность за полученныя отъ него первоначальныя ботаническія свѣдѣнія. Въ это время *Щепинъ* получилъ предписаніе Россійской Медицинской Канцеляріи отправиться въ Лондонъ для осмотра тамошнихъ врачебныхъ заведеній и изслѣдованія рудокопнаго дѣла. Исполнивъ это порученіе, *Щепинъ* переѣхалъ въ Парижъ, и въ знаменитой тамошней хирургической Академіи, прослушавъ курсъ хирургическихъ операцій, осмотрѣлъ парижскіе госпитали, аптеки, ботаническіе сады и прочія медицинскія заведенія; сверхъ того ревностно занялся минералогіей, для чего свелъ знакомство со многими тамошними учеными людьми Изъ Парижа онъ отправился въ Амстердамъ, потомъ въ Копенгагенъ, гдѣ осмотрѣлъ королевскій кабинетъ естественныхъ рѣдкостей; оттуда заѣхалъ въ Стокгольмъ: но къ несчастію, за три дня передъ его пріѣздомъ тамъ случился страшный пожаръ, помѣшавшій ему видѣть что либо особенно любопытное. За то въ Упсалѣ онъ успѣлъ познакомиться съ знаменитымъ Линнеемъ, который принялъ нашего ученаго весьма ласково, самъ показывалъ ему рѣдкія растенія въ упсальскомъ ботаническомъ саду, подарилъ нѣсколько книгъ своего сочиненія, и вобще во все пребываніе *Щепина* въ Упсалѣ, обходился съ нимъ, какъ съ другомъ. Въ 1759-мъ году *Щепинъ* прибылъ въ Петербургъ

и по выдержаніи экзамена въ Медицинской Канцеляріи утвержденъ въ званіи доктора медицины, и опредѣленъ къ главному с. петербургскому военному госпиталю. Здѣсь, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, *Щепинъ* давалъ особые уроки по врачебной наукѣ нѣсколькимъ молодымъ людямъ и присутствовалъ при экзаменахъ чиновниковъ медицинскаго и аптекарскаго званія. Сверхъ этого онъ занимался, по порученію начальства, приведеніемъ въ порядокъ бывшаго при медицинской канцеляріи Естественнаго Кабинета и сочиненіемъ медицинскихъ судебныхъ постановленій касательно врачебнаго благоустройства, сообразныхъ съ существовавшими государственными законами. Спустя нѣсколько времени онъ былъ сдѣланъ лекціоннымъ профессоромъ при с.-петербургскомъ и московскомъ врачебныхъ училищахъ, а потомъ дивизіоннымъ докторомъ въ семилѣтнюю прусскую войну. Но эта служба много мѣшала страсти его къ ученымъ изысканіямъ; онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ должностей и снова пустился путешествовать по Валахіи, Молдавіи и Галиціи, всюду собирая рѣдчайшія растенія. Много строилъ плановъ добросовѣстный и благородный труженикъ науки: но Провидѣнію угодно было прекратить дни его среди самой усиленной дѣятельности. Прибывъ въ Кіевъ 1770 года *Щепинъ* палъ жертвою свирѣпствовавшей тогда моровой язвы[203].

Ямницкій Іосифъ. Когда архіепископъ Амвросій Юшкевичъ рѣшился учредить новгородскую семинарію въ полномъ ея составѣ, то вызвалъ въ 1741 году *Ямницкаго* изъ Кіевской Академіи и опредѣлилъ сперва учителемъ латинскаго языка, а потомъ чрезъ два года, по постриженіи въ монашество, наименовалъ префектомъ школы. Въ 1746 году, съ открытіемъ класса философіи, *Ямницкій* принялъ на себя преподаваніе сей науки, а черезъ два года и богословія, въ качествѣ ректора семинаріи. Но къ сожалѣнію, этотъ умный, образованный и даровитый человѣкъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ званіи архимандрита Антоніева монастыря 30 декабря 1748 года[204].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТИМОѲЕЙ ЩЕРБАЦКІЙ.

Избраніе Щербацкаго въ митрополиты. Настольная грамата. Предостереженіе митрополиту отъ раскольническихъ толковъ. Состояніе Малороссіи. Генеральная Войсковая Канцелярія. Гетманъ Разумовскій. Администрація Малороссіи. Администрація Кіева. Состояніе Академіи. Ректоръ Сильвестръ Ляскоронскій. Удаленіе его отъ должности. Кротость Щербацкаго. Тяжебное дѣло о грунтахъ Берковецкихъ и Клепачскихъ. Академическіе и монастырскіе доходы. Распредѣленіе жалованной суммы. Содержаніе наставниковъ и ихъ доходы. Несогласія между академическими начальствующими. Споры ученой братіи съ монастырскою. Наставники Академіи сей эпохи. Грамата ректору Конисскому. Инструкція академическая. Отчетность учебная. Инструкція Конисскаго. Преподаваніе Закона Божія. Торжественность диспутовъ. Програма 1747 г. Инструкція для учениковъ, жившихъ по приходскимъ школамъ. Воспитанники изъ-за границы. Поступленіе студентовъ Академіи въ наставники училищъ. Замѣчаніе митрополита о преподаваніи богословія. Богословская система Конисскаго. Баумейстеръ. Введеніе его системы во всѣ духовныя училища. Французскій языкъ. Недостаточность Академіи, какъ универсальнаго училища. Основаніе московскаго университета. Невыгоды отъ неимѣнія въ Кіевѣ типографіи. Разрѣшеніе на это св. Синода. Пожертвованія Щербацкаго. Поступленіе въ Академію вдовыхъ священниковъ. Постройка Братской колокольни. Просьба Щербацкаго объ увольненіи. Онъ переводится въ Москву. Составъ академическаго начальства. Характеръ Тимоѳея Щербацкаго. Воспитанники сей эпохи: Амбодикъ Несторъ. Бантышъ-Каменскій Николай. Бантышъ-Каменскій Иванъ. Братановичъ Ириней. Завадовскій графъ Петръ. Золотницкій Владиміръ. Каллиграфъ Владиміръ. Козицкій Григорій. Кондратовичъ Иларіонъ. Мочульскій Ѳеоктистъ. Петровичъ Макарій. Рубанъ Василій. Симоновскій Петръ. Сѣчкаревъ Лука. Флоринскій Авраамій. Формаловскій Іеронимъ. Халчинскій Геннадій. Хмельницкій Иванъ. Цвѣтъ Николай. Шишковскій Іоакимъ. Якубовскій Тихонъ. Эминъ Ѳедоръ.

1747—1757.

Въ 1745 году, по смерти архіепископа московскаго Іосифа Волчанскаго, отъ св. Синода, въ числѣ прочихъ кандидатовъ,

былъ представленъ Тимоѳей Щербацкій, бывшій въ то время архимандритомъ Кіево-печерской Лавры. По Высочайшему повелѣнію, онъ былъ немедленно вытребованъ въ Петербургъ: но пока дѣло объ утвержденіи одного изъ кандидатовъ производилось, въ Кіевѣ скончался митрополитъ Рафаилъ. Государыня указала посвятить Щербацкаго, вмѣсто архіепископіи московской, на кіевскую митрополію, и 6 марта 1747 года онъ рукоположенъ былъ въ санъ первосвятителя малороссійскаго.

Въ настольной граматѣ, данной отъ св. Синода новопоставленному митрополиту, предоставлено было ему »полное и по »Синодѣ ни которой иной духовной власти не подчиненное пра»вленіе«, а также поставлено въ непремѣнную обязанность пещись, »какъ бы богоданную себѣ паству охранять отъ ерети»ковъ, отъ лукавыхъ лицемѣровъ и пустосвятовъ, сущихъ вол»ковъ, овчія кожи носящихъ, отъ которыхъ разсѣваются суе»вѣрія, расколы и ереси, и въ прельщенномъ ими простомъ »народѣ безбожныя со временемъ раждаются помышленія«[205]. Предостереженіе, имѣвшее источникомъ своимъ предупрежденіе тѣхъ жалкихъ заблужденій, которыя волновали тогда сѣверную половину нашего отечества. Хотя Малороссія ни въ настоящее, ни въ прежнее время не имѣла такихъ грубыхъ распространителей лжеученія и расколовъ, какіе постоянно являлись на сѣверѣ Россіи, но и она могла быть въ опасности отъ этихъ упорныхъ и злохитрыхъ людей, »овчія кожи носящихъ«. Переселеніе раскольниковъ на Вѣтку особенно могло быть опаснымъ для простодушнаго народа: но къ счастію, Малороссія въ этомъ отношеніи была отъ опасности гораздо дальше, нежели какъ представлялось. У ней была борьба благородная, разумно-христіанская, не съ грубыми невѣждами, возмущавшими на сѣверѣ спокойствіе Церкви, а съ хитрыми и образованными противниками вѣры Христовой; не за безтолковыя выдумки такихъ пустосвятовъ, какъ протопопъ Аввакумъ или мужики Романъ и Павелъ, а за ученіе, поддерживаемое мнимо-апостоль-

скою властью и ложнымъ толкованіемъ св. Отцевъ. Молитвами святаго равноапостольнаго князя Владиміра и блаженныя Ольги, ходатайствомъ и заступленіемъ Антонія и Θеодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ, Кіевъ и окрестности его ограждены были отъ грубыхъ и нелѣпыхъ толковъ невѣжественныхъ расколоучителей.

Малороссія, подъ державою могущественнѣйшей Монархини, наслаждалась тогда спокойствіемъ. Одинъ только мятежный сосѣдъ—Польша, да ненавистные іезуиты нарушали миръ и тишину этого благословеннаго края: но и то не надолго. Святынѣ кіевской уже покланялась та, которая мощною рукой скоро должна была исторгнуть всю Малороссію изъ бездны бѣдъ и несчастій, возбуждаемыхъ изувѣрнымъ фанатизмомъ. Низкое и безполезное злодѣяніе Радзивила и Потоцкихъ, дѣйствовавшихъ поджогами и грабежемъ, только оправдывало болѣе и болѣе тѣ мѣры, какія приняла въ послѣдствіи противъ коварной Польши Великая Екатерина[206].

И. П. Бибиковъ, управлявшій Малороссіей, умеръ. Украйной стала тогда завѣдывать Генеральная Войсковая Канцелярія, состоявшая изъ членовъ, принадлежавшихъ Великой и Малой Россіи. Государыня, вѣрная своему обѣщанію, готовилась дать Малороссіи новаго и полновластнаго гетмана. Для этого былъ избранъ ею графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Избраніе его совершилось въ Глуховѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, генеральныхъ и войсковыхъ старшинъ и всего дворянства. При семъ торжествѣ присутствовалъ и митрополитъ Тимоθей Щербацкій, какъ первенствующее лицо всего малороссійскаго духовенства.

Въ администраціи малороссійской съ этимъ вмѣстѣ произошли значительныя перемѣны. Разумовскій, получивъ фельдмаршальское достоинство, принялъ на себя главное управленіе

20

всѣми военными дѣлами, и Генеральная Войсковая Канцелярія стала по прежнему въ зависимости отъ повелѣній одного только гетмана; въ слѣдствіе чего повелѣно было, чтобы генеральный обозный и другіе изъ генеральной старшины, сверхъ военныхъ своихъ должностей, а также и генеральный писарь присутствовали въ сказанной канцеляріи, и чтобы послѣдній о всѣхъ дѣлахъ докладывалъ непосредственно самому гетману. Такое распоряженіе дѣлало уже не нужнымъ присутствіе великороссійскихъ членовъ бывшей Войсковой Канцеляріи и Суда Генеральнаго, и потому они всѣ возвратились въ Великороссію.

Но Кіевъ оставался по прежнему съ своей Губернской Канцеляріей подчиненнымъ генералъ-губернатору. По причинѣ такой независимости отъ гетманской власти, правленіе кіевскаго полку находилось въ г. Козельцѣ, а Сотенное Правленіе и кіевскій сотникъ хоть и имѣли свое пребываніе въ самомъ Кіевѣ: но какъ ему, такъ и всѣмъ казакамъ, жившимъ здѣсь, запрещено было вмѣшиваться въ городскія дѣла и промыслы.

Въ такомъ положеніи былъ Кіевъ въ это время; посмотримъ теперь, каково было состояніе лучшаго украшенія его — Академіи.

Въ годъ прибытія Тимоѳея Щербацкаго на паству, Академіею управлялъ *Сильвестръ Ляскоронскій.* Къ сожалѣнію, человѣкъ этотъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, не умѣлъ заслужить любви и уваженія отъ своихъ подчиненныхъ. Кіево-богоявленское Братство и наставники училища взошли на него къ архипастырю съ жалобой за безотчетную трату училищныхъ суммъ и за дурное содержаніе Академіи. »Такъ въ крайнемъ »оскудѣніи обитель Братская, писалъ въ слѣдствіе сего митрополитъ въ своемъ отношеніи, нынѣ состоитъ, что хотя-де учи»телямъ отъ монастыря дровъ на зиму и дано, однакожъ де »на свѣчи денегъ давать не съ чего и не дадутъ, буди оное

»царское жалованье не выдастся, да недавно-де въ монастырѣ »за предписаннымъ оскудѣніемъ и хлѣбъ печеный съ мѣста »(съ рынка) нѣсколько дней покупанъ«[207]. Митрополитъ сталъ требовать отъ Ляскоронскаго законнаго объясненія: но вмѣсто этого получилъ отказъ даже въ присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ. Къ этому присовокупилась еще жалоба мѣщанина Гуслиста, терпѣвшаго, по подрядному дѣлу, притѣсненія отъ Ляскоронскаго[208]. Неблаговидное поведеніе его въ этомъ случаѣ и наконецъ личное оскорбленіе самаго митрополита[209], были причиною того, что Ляскоронскій былъ удаленъ отъ училищной должности и переведенъ въ Выдубицкій монастырь, на правахъ подначальнаго.

Удивительна кротость архипастыря въ этомъ дѣлѣ, такъ близко касавшемся его личности! Строгій, но законный приговоръ дикастеріи кіевской осудилъ Ляскоронскаго къ лишенію архимандритскаго сана: но Щербацкій, напрасно ожидавшій отъ него раскаянія и исправленія, снисходительно уволилъ его только отъ училищной должности, лишивъ правъ настоятельскихъ. Наконецъ, когда Ляскоронскій, проживавшій въ Кіево-выдубицкомъ монастырѣ 8 мая 1754 года, »во время бытія братіи въ »трапезѣ, нечаянною смертію умре«, незлобивый архипастырь самъ совершалъ по усопшемъ литургію и погребалъ его.

Ляскоронскій оставилъ по себѣ еще тяжебное дѣло съ кіевскимъ магистратомъ объ имѣніяхъ Берковецъ и Клепачъ, принадлежавшихъ училищному монастырю. Слишкомъ десять лѣтъ тянулось оно, въ явный ущербъ училищу, постепенно лишавшемуся своихъ владѣній, такъ что Академія »въ силу могла прокормить учителей и братію«. Два раза производимо было по сему дѣлу слѣдствіе, и наконецъ по второму было рѣшено (1747 г.) приговоромъ Генеральной Войсковой Канцеляріи возвратить Берковецкіе и Клепачскіе грунты Кіево-богоявленскому Братству. Но не смотря и на это, магистратъ нисколько не

препятствовалъ мѣщанамъ опустошать и рубить монастырскій лѣсъ, и вообще поступать во вредъ и убытокъ училищу.

Кромѣ этого, многія статьи, приносившія прежде монастырю и Академіи доходъ, или вовсе были уничтожены, или уменьшились до значительной степени. Особенно это открылось тогда, когда въ 1743 году подтверждены были городскія привиллегіи и предоставлены магистрату и мѣщанамъ разныя льготы и уступки. Тотчасъ же послѣ этого запрещено было училищному монастырю производить продажу хлѣбнаго вина, приносившую въ годъ болѣе семисотъ рублей чистаго дохода. Селенія Бильмачовка и Ивангородъ, состоявшія въ нѣжинскомъ полку, захвачены были козаками, отъ чего возникъ искъ, крайне обременительный для училищнаго Братства: ибо, кромѣ хожденія по сему дѣлу, стоившаго огромныхъ издержекъ, самыя селенія часъ отъ часу приходили въ такое разстройство, что на поправку ихъ, въ 1759 году, найдена недостаточною сумма въ пять тысячъ рублей. Кіевскій магистратъ съ своимъ *городничимъ* Евстафіемъ Назаревичемъ не посовѣстился даже запродать которскую монастырскую бумажную фабрику (папѣрню) съ находящимися при ней грунтами, къ явной обидѣ училища.

Но не смотря на все это, Академія еще не могла считать себя бѣдствующею; ибо у ней оставались довольно доходныя статьи, которыя, при экономическомъ управленіи монастырскаго намѣстника съ подвѣдомственными ему чинами, не позволяли чувствовать ни наставникамъ, ни казеннокоштнымъ воспитанникамъ особенной нужды. Когда еще существовалъ свободный пропускъ изъ заднѣпровья, находившагося подъ польскимъ владычествомъ,— окрестные жители пріѣзжали въ вотчины монастырскія—Плисецкое и Мостищи для помолу разнаго зерна, въ находившихся тамъ мельницахъ, что давало доходу около тысячи двухсотъ двойницъ одного хлѣба; да сверхъ того сукновальни доставляли экономіи довольно значительную

сумму деньгами. Мосты, проходившіе чрезъ рѣку въ означенныхъ селеніяхъ, были особенно доходною статьей: ибо, кромѣ того, что мостицкій мостъ былъ отдаваемъ на откупъ, охотниковъ до котораго всегда являлось много, по причинѣ свободнаго пропуска изъ заграничной черты, перегонъ рогатаго и всякаго скота обращался, по условію, въ пользу училищнаго братства, а также и распивочная продажа горячаго вина при шинкахъ, тамъ учрежденныхъ. Монастырскія пастбища, на которыя былъ сгоняемъ окружными помѣщиками и крестьянами скотъ, также доставляли значительную прибыль хозяйству. Чумацкіе возы, тянувшіеся черезъ Плисецкое и Мостищи, обязывались отпускать извѣстное количество соли, такъ что въ этомъ отношеніи экономія училищная не чувствовала никогда недостатка. Въ мѣстечкѣ Ставкахъ, селеніяхъ Карпиловкѣ и Позднякахъ, находились огромныя рыбныя ловли,— и монастырская братія и академическое начальство и казеннокоштные студенты никогда не нуждались ни въ свѣжей, ни въ свѣжепросольной, ни въ вяленой рыбѣ. Къ этому нужно припомнить и тогдашнюю дешевизну всѣхъ съѣстныхъ припасовъ: ибо, какъ пишетъ въ донесеніи своемъ Намѣстникъ монастыря, »за одинъ рубль или полтора можно было удовольствовать свѣжею рыбною трапезою неточію самаго ректора, »учителей и братію, но и послушниковъ (прислугу)«; а надобно замѣтить, что содержаніе училищнаго начальства было отличное во всѣхъ отношеніяхъ[210]. Вся живность, а также масло, сало, творогъ и проч. доставляемо было въ обиліи съ дачъ монастырскихъ. Въ самомъ Кіевѣ Академія имѣла пивоварню, которая однакожъ послѣ запрещенія выкуривать вино, отдаваема была въ наймы »посацкимъ купцамъ«, и хоть не въ прежнихъ размѣрахъ, но все же приносила доходъ училищному Братству. Да притомъ еще, кромѣ царскаго жалованья двухъ сотъ рублей, ежегодно было отпускаемо изъ кіевской губернской канцеляріи восемдесятъ рублей на непредвидѣнные расходы.

Впрочемъ означенное жалованье, какъ Высочайше предоставленное училищу и вмѣстѣ монастырю, не было сполна раздѣляемо на учителей. Митрополитъ Рафаилъ распредѣлялъ оное такимъ образомъ: тридцать пять рублей отдавалъ на церковь Братскую и столько же на содержаніе школы: остальные сто тридцать отсылалъ для храненія въ монастырскую казну. За то, кромѣ уступки части годоваго своего жалованья въ пользу наставниковъ, онъ награждалъ ихъ особенно деньгами и платьемъ, иногда по два раза въ годъ. Съ разрѣшенія же митрополита Тимоѳея сумма вся сполна поступила въ раздѣлъ профессорамъ, что продолжалось четыре года сряду (1754—1758).

Обезпеченные такимъ образомъ квартирою[211] и столомъ учители хоть и должны были одѣваться на свой счетъ, а иногда даже и покупать книги, которыхъ не находилось въ академической библіотекѣ, но за то у нихъ были свои источники доходовъ. Префектъ въ этомъ отношеніи имѣлъ выгодъ гораздо болѣе, чѣмъ другіе его сотрудники по училищу. Начать съ того, что всѣ ученики обязаны были являться къ нему »съ поклономъ и съ знатною консоляціею«; потомъ онъ имѣлъ »калефакторство« (инспекторскій надзоръ) надъ всѣми школами, что особенно было выгодно потому, что дѣти зажиточнѣйшихъ родителей непремѣнно удѣляли ему каждый съ своей стороны »малую-толику« послѣ какихъ нибудь каникулярныхъ дней. Прочіе наставники также пользовались этимъ, но только каждый отъ своей школы, изъ которыхъ достаточнѣйшіе бывали подъ непосредственнымъ его надзоромъ (калефакторствомъ). Кромѣ этого, если учитель въ монашескомъ званіи, то онъ получалъ доходы и отъ того монастыря, котораго былъ постриженцемъ.

Не безъ того, чтобы при такомъ вынужденномъ обстоятельствами порядкѣ дѣлъ не происходило болѣе или менѣе непріятныхъ столкновеній между высшими начальствующими и

подвѣдомственными имъ учителями. Главнымъ поводомъ къ этому была неопредѣленность содержанія, всесторонне зависѣвшаго отъ распоряженій ректора, который бывалъ полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ доходовъ монастырскихъ и училищныхъ, и только въ послѣднее время обязывался ежегодно представлять отчеты митрополиту, какъ главному протектору. Подчиненные, привыкнувъ къ снисходительности одного начальника, составлявшей личное его достоинство, полагали это закономъ для его преемника, и неисполненіе чего либо противъ прежняго порядка считали нарушеніемъ своихъ собственныхъ правъ. Очевидно, что въ такихъ случаяхъ взаимныя недоразумѣнія и непріятности бывали неизбѣжны. Профессоръ или учитель не зналъ, да и знать не хотѣлъ того, въ какомъ положеніи находятся тѣ статьи, отъ которыхъ получался доходъ и содержаніе всего училищнаго братства; онъ видѣлъ только, что не имѣетъ того или другаго, къ чему привыкъ прежде, и отъ того возникали неудовольствія и жалобы, доходившія до самихъ митрополитовъ[212].

Особенно несогласія эти не выводились между учеными и тѣми, которые составляли собственно монастырскую братію. Всѣ вклады и пожертвованія, не бывъ раздѣлены, составляли общую собственность монастыря и училища; отсюда происходило то, что училищное Братство подозрѣвало монастырское въ неправильной дачѣ имъ принадлежащаго, а тѣ въ свою очередь жаловались на незаконность притязаній своихъ ученыхъ сожителей. Доходило иногда до того дѣло, что тѣ и другіе обращались къ дарственнымъ записямъ и актамъ, и затѣвали между собою юридическій споръ: но къ счастію, все это оканчивалось только домашнимъ несогласіемъ, и рѣшеніе митрополита безъапелляціонно примиряло несогласныхъ между собою. Положеніе ректора въ этихъ спорахъ бывало самымъ невыгоднымъ: какъ настоятель монастыря, онъ долженъ былъ защищать права своей братіи, а какъ первое лицо между академи-

ческими учеными, онъ тоже не могъ идти противъ нихъ, и такимъ образомъ въ томъ и другомъ случаѣ всячески навлекалъ на себя непріятности.

Георгій Конисскій, принявшій послѣ Ляскоронскаго ректуру Академіи, имѣлъ слѣдующихъ себѣ сотрудниковъ въ воспитаніи юношества. Въ 1751 и 1752 годахъ преподавателями были:

Щербацкій Георгій, преподавателемъ философіи.
Гирчичъ Ѳома — реторики.
Пащинскій Давидъ — піитики и нѣмецкаго языка.
Павинскій Іакинѳъ — синтаксимы и еврейскаго языка.

Виноградскій Гавріилъ — граматики; а въ 1752 году предметъ этотъ преподавалъ священникъ *Ѳеофилъ Нессинъ.*

Ярошевскій Іоасафъ читалъ въ Инфимѣ, но въ 1751 году, по указу св. Синода, опредѣленъ въ московскую Академію проповѣдникомъ, а мѣсто его занялъ іеродіаконъ *Згурскій Гервасій.*

Ѳеодоровичъ Платонъ въ 1751 году преподаватель Аналогіи, но тогда же назначенъ къ переводу книги, называемой Jus Graeco-Romanum, и потому аналогія была поручена іеродіакону *Братановскому Иринею.*

Въ 1753 году въ порядкѣ наставниковъ произошли слѣдующія перемѣны:

Щербацкій Георгій къ преподаванію философіи получилъ и каѳедру греческаго языка.

Пащинскій Давидъ назначенъ учителемъ реторики, вмѣсто Гирчича, который опредѣленъ въ дикастерію членомъ и исправляющимъ половинную часть должности проповѣднической.

Павинскій Іакинѳъ преподавалъ піитику и еврейскій языкъ.
Паркисъ іеродіаконъ, учитель синтаксимы.
Нессинъ Ѳеофилъ — граматики.

Крижановскій Константинъ священникъ, въ половинѣ учебнаго года назначенъ преподавателемъ еврейскаго и нѣмецкаго языковъ.

Великую *Инструкцію* добровольно принялъ на себя самъ *Георгій Конисскій,* а должность конгрегаціоннаго пастерства *Давидъ Нащинскій.*

Воспитанниковъ въ это время было *тысяча сто девяносто три* человѣка.

При опредѣленіи Конисскаго ректоромъ, дана была ему отъ митрополита особая грамата на сіе достоинство[213], въ которой между прочимъ предписано сообразоваться въ академическихъ порядкахъ съ особливымъ указомъ или инструкціей. Въ инструкціи же, данной 18 ноября 1751 года, на имя префекта Академіи и учителей, содержалось все, »чего кромѣ богословіи »и философіи, пачавъ одъ риторики по аналогію, всякой учитель, »сверхъ прецептовъ, коихъ тожъ основаніе и расположеніе дол»жно общѣ здѣлатись, долженъ обучать, какихъ авторовъ экспли»ковать, какіе въ своей школѣ разговоры, а въ меньшихъ шко»лахъ вокабулы ученикамъ означать, дабы и ученики, чего въ »одной школѣ научатся, тѣмъ бы могли въ другой школѣ пол»зоватися и первую школу за приготовленіе почти къ другой »школѣ имѣли, и учители не что всякъ по своему мнѣнію, но »что общимъ мнѣніемъ приговорится, обучали; ибо съ того, »что еденъ обучаетъ иначе, другой иначе, бываетъ ученикамъ »такое въ ученіи помѣшателство, что когда прійдетъ въ другую »школу, то всіо дико показуется какъ на другомъ свѣтѣ«.

Въ слѣдствіе такого благоразумнаго убѣжденія проэктировавшій это распоряженіе архідіаконъ *Манассія Максимовичъ,* бывшій потомъ ректоромъ Академіи, полагаетъ слѣдующія правила:

»I. На четыре меньшые школи доволно кажется определить вучить ученикамъ: а) Вокабулъ Котенія нѣсколько главъ; »б) Разговори Лангіеви въ Петербурги выпечатанные школные »или домашные; в) да гисторіи мало что знать зъ Густина или »Юлія Кесаря или Целлярія, виключая нѣчто, что вредное, »едного зъ сихъ или отъ подобныхъ краткихъ нѣсколько епистолъ перевесть и вучить, да Евангелія переводу Кастелліонова главъ нѣсколько вучить же, дабы ученики всякого штиля, »яко то фамиліарного зъ разговоровъ и епистолъ, исторического »зъ гисториковъ и священного писанія зъ Евангелія могли хотя »мало что увидѣть, поки до поэтики пріидутъ. А въ какой школѣ, »чего именно и по сколко и за какое время и какимъ порядкомъ оные четирѣ учители аналогійскій, инфимосскій, грамматицкій и синтактицкій обучать должны, о томъ какъ въ первомъ пунктѣ означенно, должно за общимъ согласіемъ здѣлать »определеніе на цѣлой годъ, неиначей, какъ бы кто едного »человѣка долженъ обучать латинскаго языка еденъ, такъ тое »на части раздѣлять на четирехъ учителей во обществѣ. II. »Въ піитики и риторики равно какъ и в вышепомянутыхъ школахъ, какихъ, кромѣ общеопредѣленныхъ прецептовъ, авторовъ читать, какіе экзерцитаціи въ переводѣ и слогѣ такъ русскомъ, якъ и латинскомъ имѣть, о томъ обще за тѣми жъ господамы учительмы здѣлать совѣтъ, дабы въ піитики, чрезъ »познаніе троповъ, фигуръ и протчего въ прецептахъ положенного, а зъ чтенія автора аргументовъ, расположенія и краснорѣчія познаніемъ могло слѣдовать и ученикамъ нѣкое приватнѣй »къ риторики приуготовленіе и просвѣщеніе, и которые тѣхъ »послѣдующый годъ учениковъ будуть обучать риторики, вѣдали бъ учениковъ способность и скудость учители. III. Сего »всего въ шести школахъ обучаемаго тощно (недостаточно), »буди помянутое въ Евангеліи упражненіе виключить, и въ языческихъ равно какъ и въ христіанскихъ учителехъ научитися »примѣромъ древныхъ риторовъ и піитъ. А дабы христіанскіе »учители и ученики и въ сей части отъ язычниковъ разнство-

»вали бъ, хорошо бъ и въ малыхъ сихъ школахъ христіанскаго »закона хотя по малой части обучать. До богословіи бо поки »дойдутъ, ученики лѣтъ восемь или десять потеряютъ, а чрезъ »тое время христіанскаго катихизиса не знать развѣ и христіа»ниномъ не быть. Язычники жъ Платоники или Епикури ни»когдажъ того за Платоника или Епикурея своего не имѣли, »которой бы Платоновыхъ или Епикуровыхъ догматовъ не зналъ. »Къ отсѣченію сего вреда, хорошо бы по недѣлямъ (по вос»креснымъ днямъ) не имѣть ученикамъ меншихъ четирехъ школъ, »какъ и другихъ болшыхъ, оккупацій школныхъ; а въ недѣлю »по обѣдѣ чрезъ полтора или два часа всякой учитель въ своей »школѣ обучалъ бы своихъ учениковъ катихизиса по малымъ »частямъ, и что съ катихизиса объяснитъ въ едну недѣлю, того »учениковъ заставлять вмѣсто уроковъ въ другую, дабы съ тѣхъ »четирехъ школъ въ фарѣ и инфимѣ припамнѣй (по крайней »мѣрѣ) голо, а въ граматики и синтаксимѣ съ объясненіемъ »краткимъ катихизису навикли, обширнѣйшаго жъ толкованія »слушалибъ на малой инструкціи, поки лучше сами познаютъ, »кому доведется, въ богословіи. IV. Когда въ сихъ четирехъ »школахъ познаютъ хота голо ученики катихизисъ, пречестнѣй»шии риторицкій и піитицкій учители в мѣсто упражненія въ »катихизисѣ означали бы ученикамъ въ недѣлю по обѣдѣ Еван»геліе или посланіе какое съ краткимъ объясненіемъ, которое »въ слѣдующую недѣлю проговорили бъ имъ ученики по латинѣ »переводомъ Кастелліоновымъ, а учители показали бы имъ, что »съ того Евангелія до якой части катихизиса служитъ. А най»лучше бы тое ученикамъ коротко по школамъ объяснять, что »обширное на великой инструкціи эксплікуется. V. Указами »Высокомонаршими повелѣвается священническихъ и причетни»ческихъ дѣтей въ школы высылать, а то для того, дабы они »въ школахъ вѣры и закона христіанскаго научившися, и дру»гихъ научить могли. Многіе жъ, и изъ учениковъ, когда на »пароxіи промкнутся (ищутъ священническаго мѣста) наводятъ »тотъ указъ, что они за силу указовъ училися и прописуютъ

»себе учеными, дабы претензію имѣть до парохіи, а когда заставить его предику сложить, отъ чего плодъ его ученія можно »узнать, то отрекается ученія и съ неученымъ равнится; а то »для того, что хотя и въ риторики правила и основа предикъ »показуется, еднакъ въ томъ упражнятися другое многодѣлество »не допущаетъ. Для того превелебнѣйшіи богословіи и фило-»софіи господа учители означали бъ своимъ ученикамъ экзер-»цицiи мѣсячные; а) священническимъ и посполитымъ дѣтемъ »или и изъ козачьихъ, которые священство получить желаютъ, »назначали бы ѳеми (темы) на проповѣди, и на сложеніе тѣхъ »давать сроку мѣсяцъ, а слушать тѣхъ проповѣдей въ своихъ »школахъ отъ учениковъ съ каѳедры наизустъ сказующихъ въ »недѣлю по обѣдѣ, сколко можно виcлушать четирехъ или пя-»токъ, смякая по проповѣдямъ, и оные проповѣди всякъ бы »на чисто переписавъ, своему учителю отдавалъ для отсылки »оныхъ въ каѳедру, что во время промоціи ихъ во священство »можетъ свидѣтельствомъ и коммендаціей быть ихъ ученія; б) »а которіе господскіе дѣти въ священствѣ быть не желаютъ, »тѣмъ вмѣсто предикъ означать переводить гисториковъ по два »аркуша (печатный листъ) на мѣсяцъ, и оные переводы давать »искуснѣйшимъ ученикамъ исправлять, а что за годъ переве-»денно какой книги будетъ, тое въ каѳедру присылать пере-»писанное тѣми жъ учениками начисто. VI. Понеже съ фи-»лiозофовъ и теолiоговъ нѣкоторые суть такъ къ своей пользѣ »нерадѣтелны, что публичные диспуты, ради ихъ самихъ ползы »уставленные презираютъ слушать, для того полезно притвер-»дить теолiогамъ и филiозофамъ на диспутахъ всегда быть до »окончанія непремѣнно. А кто бы на диспуты не ходилъ, тѣхъ »записовать и имѣть ихъ за нерачительныхъ въ своемъ званіи. »Мѣстъ имъ не давать, или и данныхъ лишить, ибо съ того »видно, что они толко именемъ школы хвастать хотятъ. VII. »Греческому, еврейскому и нѣмецкому господамъ учителямъ »самимъ собою взглядъ ли того (смотря потому), что будетъ »обучать, раздѣлить годъ на три или четыре части по мѣся-

»памъ, и чего въ какой части года именно обучать бу-
»детъ всякъ, о томъ предварително въ первыхъ числахъ сен-
»тября давать вѣдомость писменную«[214].

Проэктъ Максимовича, отличающійся ясностію и вѣрностію взгляда, требовалъ неотложнаго осуществленія, и ректоръ Академіи представилъ Тимоѳею Щербацкому 6 октября 1752 года мнѣніе свое о преподаваніи ученія въ четырехъ низшихъ и двухъ среднихъ школахъ, съ указаніемъ источниковъ и руководствъ, какими долженъ пользоваться самъ наставникъ[215]. Мнѣніе это, какъ »полезное и добропорядочное«, удостоилось полнаго утвержденія отъ митрополита, который съ своей стороны присовокупилъ къ оному еще нѣсколько правилъ, касавшихся внѣшняго академическаго порядка и падлежащаго надзора какъ за учителями, такъ и за учениками. Ректору и префекту вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно посѣщать по двѣ школы и присутствовать иногда при урокахъ учительскихъ, подвергая испытанію и самихъ учениковъ.

Что касается до преподаванія Закона Божія въ меньшихъ шести школахъ: то митрополитомъ было повелѣно, чтобы »учи-
»тели по вся субботы, по обѣднему времени, въ своихъ шко-
»лахъ до самаго Филипова поста, какъ пора уже идти до ве-
»черни, по части катихизиса обучали и наставляли учениковъ
»наикрѣпчайше хранить Законъ Божій, безъ коего исполненія
»живота вѣчнаго наслѣдити не мощно, какъ тое Евангеліемъ
»святымъ утверждено; всегда по субботамъ въ показанное время
»поучать прилежно учениковъ своихъ заповѣдей Божіихъ, и тое
»имъ во всегдашнюю память затвердить, что христіанинъ право-
»славный и каѳолическій долженствуетъ хранити, да наслѣд-
»ствитъ жизнь вѣчную, вѣру правую и дѣла добрая; иже бо
»два сія имать, есть добръ христіанинъ и имать извѣстную на-
»дежду вѣчнаго спасенія«. Такъ говорили, учили и наставляли освященные блюстители православно-русскаго просвѣщенія,

знавшіе, откуда оно идетъ, чѣмъ поддерживается и къ какому концу должно приводить жаждущихъ свѣта наукъ!

Упрекая воспитанниковъ высшихъ классовъ въ небреженіи и невниманіи къ диспутамъ, »уставленнымъ ради ихъ самихъ пользы«, просвѣщенный архипастырь вмѣнилъ слушателямъ философіи и богословія въ непремѣнный долгъ всегда присутствовать на диспутахъ до самого окончанія ихъ. А чтобы еще лучше возбранить опущеніе этихъ полу-экзаменовъ, повелѣлъ учителямъ спрашивать на другой день, »кто какіе аргу»менты говорилъ, какой кто положилъ имянный фундаментъ »своей оппугны, какъ солвовано отъ дефендента или его учи»теля всякой аргументъ, что позволено, и что не доказано, ка»кая солюція въ дистинкціи послѣдовала, какая оной дистинк»ціи эксплікація и какимъ именно документомъ себе господа »дефенденты защищаютъ; а кто бы на диспуты не ходилъ, »тѣхъ записовать и имѣть ихъ за нерачительныхъ въ своемъ »званіи; кондицій имъ не давать или и данныхъ лишать«.

Чтобы болѣе заоохотить студентовъ къ этимъ диспутамъ, митрополитъ Тимоѳей придалъ имъ особенную торжественность. Въ день, назначенный для публичнаго диспута, всѣ знатнѣйшие сановники Кіева и окружные помѣщики, обыкновенно съѣзжавшіеся въ эту пору къ своимъ дѣтямъ, отправлялись рано утромъ въ Лавру, гдѣ еще съ вечера находился митрополитъ. Каждый изъ посѣтителей на этотъ разъ пріискивалъ для себя самый лучшій экипажъ и непремѣнно выѣзжалъ на столькихъ лошадяхъ, сколько присвоено было чиновному его рангу. Митрополитская карета бывала запрягаема въ восемь лошадей съ двумя вершниками, а коадъюторская въ шесть съ однимъ вершникомъ. Часовъ въ девять весь поѣздъ трогался съ мѣста по направленію къ Подолу; этотъ торжественный кортежъ обыкновенно бывалъ такъ длиненъ, что когда голова его показывалась на спускѣ нынѣшней Александровской горы, то хвостъ

еще находился около Лавры. Въ эту минуту во всѣхъ церквахъ подольскихъ раздавался колокольный звонъ, и карета митрополита медленно приближалась къ Братскому монастырю, окруженному цеховыми значками и безчисленнымъ множествомъ народа, покрывавшаго всю площадь и дворъ академическій. Лишь только митрополитъ начиналъ выходить изъ экипажа, звонъ на братской колокольнѣ прекращался и вслѣдъ за симъ умолкалъ онъ и въ прочихъ церквахъ. Но въ туже пору раздавался громкій гимнъ двухъ академическихъ хоровъ, расположенныхъ во святыхъ вратахъ Братскаго монастыря, и одинъ изъ студентовъ привѣтствовалъ архипастыря рѣчью; послѣ чего митрополитъ слѣдовалъ въ залу, предшествуемый пѣвчими, поющими стихъ: *днесь благодать Святаго Духа насъ собра*, а между тѣмъ на обширной галлереѣ большаго корпуса оркестръ, состоявшій изъ студентовъ, гремѣлъ какой нибудь маршъ. Лишь только митрополитъ доходилъ до средины академической залы, музыка прерывалась, и пѣвчіе уже помѣстившіеся на одномъ изъ хоровъ, начинали пѣть: *Царю небесный*. Вслѣдъ за симъ начинались привѣтствія на разныхъ языкахъ въ стихахъ и прозѣ, а между тѣмъ постоянно прибывали остальные посѣтители и наполняли залу, въ которой, кромѣ назначенныхъ къ диспутованію и студентовъ богословія и философіи, на этотъ разъ не бывало никого изъ воспитанниковъ. Когда митрополитъ и знатнѣйшіе изъ посѣтителей усаживались по мѣстамъ, префектъ подносилъ имъ разрисованныя конклюзіи или програмы предстоящихъ диспутовъ. Одна изъ таковыхъ, относящаяся къ первому году архипастырства Тимоѳея Щербацкаго и составленная по предмету философіи Михаиломъ Козачинскимъ, уцѣлѣла до нашего времени. Рисунокъ, украшенный превосходными орнаментами, сочиненъ воспитанникомъ Академіи *Іосифомъ Шигурою*, а вырѣзанъ на мѣди въ Берлинѣ *Давидомъ Шлейкомъ* 1747 года. Внѣшній видъ этой програмы таковъ: между колоннами, украшенными разными арабесками, находится изображеніе св. великомученицы Варвары, надъ

коимъ помѣщена слѣдующая надпись: *сице будетъ всякому человѣку, егоже хощетъ Царь.* Вокругъ изображенія св. великомученицы помѣщена въ рисункахъ цѣлая исторія ея страданій. Внизу находится слѣдующее надписаніе[216]: »святая по»кровительница заслугъ и доблестей яснѣйшаго и высокопочтен»нѣйшаго господина Тимоѳея Щербацкаго, достойнѣйшаго свя»щенноархимандрита св. чудотворныя Печерскія Лавры».

Вступленіе.

»Двѣ причины, преосвященнѣйшій владыко, почему я под»ношу тебѣ вмѣстѣ съ философіею изображеніе св. великому»ченицы Варвары. Первая—это преимущественно твое соб»ственное благоговѣніе, которое ты питаешь къ чудотворнымъ »мощамъ ея. Другая—великое несогласіе людей неправомы»слящихъ о нетлѣнномъ пребываніи оныхъ въ Кіевѣ, несогла»сномъ якобы съ тѣми законами, которые ты самъ понимаешь »выше насъ всѣхъ. Въ бытность мою въ Германіи, я самъ »слышалъ объ этомъ споры людей ученыхъ, и тогда же пла»менно возблагодарилъ Бога, что онъ даровалъ мнѣ возможность »стать очевиднымъ сказателемъ того, что является отъ сихъ »мощей безчисленными чудесами, въ храмѣ, основанномъ сы»номъ Изяслава, внукомъ Ярослава, правнукомъ св. Владиміра— »славныхъ князей россійскихъ—Михаиломъ Святополкомъ въ »1102 году отъ Рож. Христова. Настало наконецъ время, ко»гда отъ твоего славнаго имени то, что въ насъ не порожда»етъ никакого сомнѣнія, сдѣлается яснымъ и цѣлому міру. »Вотъ что подало мнѣ мысль поднести тебѣ эти тизисы. Всѣмъ »извѣстный дарами душевными и тѣлесными, ты всякаго мо»жешь привлечь къ себѣ и удивительною кротостію и ласко»востью. Когда, окончивъ всѣ до послѣдней науки, ты при»нялъ санъ монашескій, тотчасъ же поручена была тебѣ важ»ная должность каѳедральнаго писаря и вмѣстѣ съ тѣмъ до»стопочтеннѣйшаго ассесора консисторіи и всѣ отдали тебѣ ту

»справедливость, что въ исполненіи сихъ должностей ты былъ »самое правосудіе и не переставалъ быть таковымъ въ прохож»деніи другихъ важнѣйшихъ степеней службы. Кто тебя не »знаетъ? Когда изъ лубенскаго игуменства на выдубицкое, »а отсюда въ монастырь златоверхомихайловскій и наконецъ »въ настоятели Печерской Лавры ты былъ избираемъ воль»ными голосами, ты столько же показалъ въ себѣ способно»стей, сколько и нежеланія принимать высокія, изливавшіяся »на тебя почести. Нынѣ же послѣ пріобрѣтенной тобою сла»вы, какъ бы ты ни отвергалъ приписываемыя твоимъ досто»инствамъ похвалы, мы все назовемъ тебя нашимъ протекто»ромъ, меценатомъ наукъ и ученыхъ, и молимъ да пребудешь »ты съ нами долго—долго въ радости, любви и счастіи. Съ »моленіемъ таковымъ посвящаетъ сіе ординарный профессоръ »философіи, префектъ школъ, іеромонахъ М. *Козачинскій.*

Тезисы философскіе

изъ

Введенія.

1) У насъ есть особаго рода философія, источникомъ которой одинъ Богъ и представителями которой бываютъ люди богопросвѣщеннаго ума. 2) Философія раздѣляется правильно на пять частей: логику, этику, физику, метафизику и математику. 3) Цѣль философіи: *cui*—доставленіе человѣку возможнаго счастія на землѣ; *qui*—познаніе истины и усовершенствованіе человѣка въ добродѣтели.

Изъ Логики.

1) Искуственная логика, по первоначальной своей цѣли, есть просто практика; по цѣли же болѣе отдаленной, въ слѣдствіе чего она становится спекулативною, логика есть, въ смыслѣ неточномъ, искуство (ars), въ точномъ же значеніи scientia; а становясь директивною, она направляетъ дѣйствія разсудка

къ истинѣ, указывая ему путь къ тому; вообще она обнимаетъ собою силу познавательную (virtutem intellectualem). 2) Предметъ логики существенный—настроить дѣятельность разсудка; формальный—излагать къ тому извѣстныя формы (rectitudo passiva). 3) Свѣдѣнія метафизическія не вытекаютъ формально изъ натуры вещей. 4) Цѣлостное метафизическое вѣдѣніе бываетъ результатомъ познанія смѣшаннаго, а не единичнаго (per unitatem conventice). 5) Для мыслящаго открываются отношенія между божественными и сотворенными вещами.

Изъ Этики.

1) Этика есть наука (prudentia), которая имѣетъ предметомъ своимъ дѣятельность воли, направляемой къ нравственному добру. 2) Дикіе звѣри не дѣйствуютъ съ опредѣленной цѣлію. 3) Кто выходитъ на дуэль, тотъ не доказываетъ никакой доблести. 4) Нѣтъ никакой законной причины, по которой бы человѣкъ могъ лишать себя жизни. 5) Никто не долженъ въ дѣлѣ общественномъ разсуждать по частнымъ своимъ убѣжденіямъ.

Изъ Физики.

1) Физика, какъ спекулативная наука (scientia), имѣетъ предметомъ своимъ, въ матеріальномъ отношеніи, естественныя тѣла, существующія дѣйствительно. 2) Начала тѣлъ естественныхъ въ дѣйствительности (in actu) составляютъ матерія и форма. 3) Есть первоначальная матерія и существенныя формы. 4) Разумная душа творится и входитъ въ человѣка отъ самаго Бога и по существу своему безсмертна.

Изъ Метафизики.

1) Метафизика есть наука (sapientia), предметомъ которой служитъ существо, чуждое всего матеріальнаго. 2) Существомъ

(ens in se) собственно называется то, что внѣ явленія для насъ не существуетъ, и потому одинаково относится какъ къ Богу, такъ и къ творенію. 3) Богъ есть существо, существующее само по себѣ: но бытіе его усматривается изъ явленій (a posteriori).

«Тезисы эти, подъ руководствомъ вышеозначеннаго (т. е. »*Козачинскаго*) въ кіевской православной Могило-Заборовской »Академіи будетъ защищать AA. LL., а возражать одинъ изъ »отличнѣйшихъ слушателей философіи *Василій Думницкій*. 1747 »года мѣсяца *(неозначено)*[217].

Такая многообразная и обширная програма по одному только предмету, естественно, не вся была исполняема. Отъ усмотрѣнія председательствующаго на диспутахъ зависѣло избрать тотъ или другой пунктъ для состязаній, и вызывать любаго изъ воспитанниковъ для возраженій, отразить которыя всегда долженствовалъ быть готовымъ дефендентъ, съ помощію своего профессора. Въ промежуткахъ между таковыми состязаніями то пѣвчіе пѣли концерты и канты, нарочно сочиняемые для сего случая, то оркестръ, помѣщавшійся на другихъ хорахъ, игралъ разныя пьесы, а ученики низшихъ и среднихъ классовъ произносили стихи и діалоги. По окончаніи диспутовъ, митрополиту и знатнѣйшимъ посѣтителямъ вручаемы были книги въ богатомъ переплетѣ, заключавшія въ себѣ въ сокращенномъ видѣ богословскія лекціи на латинскомъ и русскомъ языкахъ; послѣ чего пѣвчіе пѣли: *Достойно есть*, а музыка, выходившая въ эту пору на галлерею, встрѣчала митрополита маршемъ, продолжая играть во все время пребыванія его съ гостями въ келліяхъ ректора »на братской консоляціи«. Мудрено ли послѣ этого, что диспуты бывали академическими праздниками? И Кіевъ искренно участвовалъ въ нихъ: ибо тутъ обучался цвѣтъ его юношества; въ академическомъ дворѣ и на площади толпились отцы, братья и родственники тѣхъ, которымъ выпала счастливая доля быть питомцами знаменитаго учи-

лища, и которые въ эту минуту можетъ быть стояли передъ блестящимъ собраніемъ, возбуждая тревожное замираніе сердца въ тѣхъ, кому были родственно-дороги ихъ успѣхи въ наукахъ.

Въ то время, когда заботливость архипастыря щедро изливалась на жителей Великой Бурсы, получили отъ него инструкцію и тѣ воспитанники Академіи, которые жили по школамъ при церквахъ приходскихъ. Поставленные въ полную зависимость отъ настоятелей, они, кромѣ школьныхъ своихъ занятій, обязывались пріучаться къ церковному пѣнію и чтенію. Назначенный въ каждую школу особый сеніоръ ежедневно высылалъ двухъ учениковъ по очереди, а гдѣ ихъ бывало больше, тамъ трехъ и четырехъ »для чтенія псалтири, каноновъ и для пѣнія«. Въ праздничные же и высокоторжественные дни долженствовали они быть всѣ въ церкви, а способнѣйшіе пѣть на клиросѣ. Во время великихъ праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова, сеніоръ назначалъ трехъ или четырехъ учениковъ для сбора подаяній на бурсу. Бѣдныя дѣти должны были въ случаѣ надобности исправлять и обязанность звонарей, такъ дорого покупали они насущный кусокъ хлѣба: такъ тяжело доставалось имъ то просвѣщеніе, изъ за котораго оставляли они пріютный, родительскій кровъ и дѣтскую беззаботность свою! Хорошо еще, если въ школѣ было двѣ комнаты; тогда одна поступала въ ихъ вѣдѣніе, а въ другой располагался причетникъ съ набранными имъ учениками изъ дѣтей обывательскихъ; въ противномъ же случаѣ всѣ тѣснились въ одной хатѣ и только одинъ столъ бывалъ неприкосновенной ихъ принадлежностью. Не мудрено, что при такомъ сближеніи съ человѣкомъ, видѣвшимъ въ нихъ людей отбивающихъ его собственный доходъ, происходило много непріятныхъ, грустныхъ, а иногда и комическихъ сценъ: но все переносили бѣдняки для того, чтобъ не лишиться званія воспитанниковъ Академіи и пробить себѣ потомъ дорогу, закрытую для нихъ или

скудостью или незнатностію происхожденія. Синтаксистамъ и риторамъ предоставлено было право имѣть у себя приходящихъ учениковъ изъ »посполитства«: но это весьма часто служило поводомъ къ раздору между ими и сожителемъ ихъ причетникомъ; по этому болѣе способные изъ бурсаковъ ловили всякій сколько нибудь удобный случай выбраться изъ школы къ какому нибудь многодѣтному мѣщанину, у котораго они и проживали потомъ въ качествѣ домашнихъ учителей изъ одного лишь тепла да насущнаго пропитанія.

А между тѣмъ въ Академію прибывали отовсюду воспитанники, и многіе изъ нихъ изъ за границы[218]: но съ этими послѣдними Академія имѣла много хлопотъ. Не говоря уже о безплатномъ слушаніи уроковъ, пришельцамъ нужно бывало отпускать квартиру и полное академическое содержаніе: но рѣдкіе изъ нихъ удовлетворялись этимъ, и проживъ при училищѣ года два или три, уходили на родину, убоявшись трудностей ученическаго быта. Притомъ они и приходили въ такихъ уже лѣтахъ, когда поздо бывало думать о начальномъ ученіи, а въ классы высшіе ихъ не допускали, какъ неспособныхъ къ тому.

Требованія воспитанниковъ Кіевской Академіи въ новозаводимыя по всей Россіи училища съ каждымъ годомъ возрастали болѣе и болѣе, такъ что многіе, не окончивъ даже академическаго курса, оставляли школу для того, чтобъ самимъ поступить въ учители хоть низшихъ классовъ. Это было одною изъ первыхъ причинъ уменьшенія числа воспитанниковъ къ концу каждаго учебнаго года.

Въ програмѣ, представленной митрополиту Тимоѳею Щербацкому 1751 года съ показаніемъ, кому какія науки преподавать въ слѣдующій годъ, самъ архипастырь собственноручно написалъ, дабы въ преподаваніи богословія »имѣть прилѣжное »обереженіе, дабы что не было въ конклюзіяхъ вѣры право-

»славнаго исповѣданія противное; какъ то на нѣкоторыхъ пре-»жде преподававшихъ оную освященную богословію нарѣка-»тельная въ нѣкоихъ богословскихъ съ прямою священною пра-»вославною богословіею несходствахъ послѣдовала отъ другихъ »предосудительная задача«. Замѣчаніе, касающееся собственно не преподаванія богословія, а диспутовъ (конклюзій), въ которыхъ, вѣроятно, кто либо изъ возражающихъ дѣлалъ слишкомъ смѣлые вопросы, не приличные воспитаннику православнаго училища(219). Что касается до науки богословской, то она, какъ всегда, такъ и нынѣ, ведена была по тому твердому пути, который указанъ ей св. отцами и пастырями Церкви Вселенской.

Георгій Конисскій, принявъ каѳедру богословія, отринулъ рапсодичность, какую придалъ этой наукѣ Прокоповичъ и особенно его преемники. Онъ снова расположилъ богословскіе предметы въ систематическомъ порядкѣ, и хотя въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ и много сходствовалъ съ Прокоповичемъ: но въ общемъ составѣ цѣлой системы оставилъ вездѣ слѣды своего могучаго таланта. Три года (1751—1754) читалъ онъ свои лекціи: но ужъ по одному введенію можно было видѣть, что онъ не окончитъ ихъ и въ четырехлѣтній курсъ: ибо онъ обѣщалъ говорить о томъ, чего и не думали касаться его предшественники. Послѣ вводныхъ уроковъ, Конисскій предложилъ своимъ слушателямъ полную герменевтическую науку; потомъ заговорилъ о священной библіологіи, и тогда то уже повелъ учениковъ своихъ по широкому полю собственно богословскихъ изслѣдованій. Не мудрено послѣ этого, что 28 генваря 1754 года онъ дошелъ только до трактата о провидѣніи божественномъ, о твореніи міра и о человѣкѣ въ его невинномъ состояніи(220).

Истолкованіе свящ. Писанія хотя и не имѣло особой каѳедры въ школѣ: но для него была обширнѣйшая каѳедра,

имѣвшая слушателей не въ однихъ воспитанникахъ Академіи, а во всѣхъ жителяхъ Кіева и даже приходившихъ отъинуда богомольцахъ. Изъ донесенія Георгія Щербацкаго, бывшаго префектомъ при Конисскомъ, видно, что онъ во время »конгрегаційскаго патерства« своего въ теченіи года истолковалъ публично первое посланіе къ Коринѳянамъ. Значитъ, наука эта существовала тогда въ полномъ своемъ составѣ, и имѣла дѣйствительнѣйшее и обширнѣйшее приложеніе.

Конисскій былъ послѣднимъ представителемъ того направленія въ наукѣ философствованія, какое постоянно замѣчается въ системахъ его предшественниковъ: но посмотрите, какъ побѣдоносно вырывался онъ изъ сѣтей аристотелизма, все подчинявшаго сухимъ и мертвымъ формуламъ своей логики. Минуемъ первую часть философіи, болѣе или менѣе не свободную отъ застарѣлаго вліянія стагиритскаго философа; посмотримъ на этику, физику и метафизику. Вотъ онъ въ первой изъ нихъ трактуетъ о началахъ дѣятельности человѣческой, разбираетъ цѣль ея, указываетъ съ философской точки значеніе добра и зла, входитъ въ психологическія подробности, придающія характеръ тому или другому поступку, и до послѣдней нити разбираетъ ткань сознательной дѣятельности человѣка. Возьмемъ теперь физику, какъ часть философіи; показавъ значеніе и природу всякаго тѣла, существующаго въ пространствѣ и времени, Конисскій вводитъ насъ въ міровую систему, и отъ существъ несовершенныхъ, сложныхъ, ведетъ къ простымъ, совершеннѣйшимъ, подвергая своему изслѣдованію все на землѣ и подъ землею, на небѣ и то что выше неба—душу человѣческую и существо безплотныхъ. Его метафизика смѣло и благоразумно разсуждаетъ о всемъ, что есть въ мірѣ сверхъестественнаго, и служитъ истиннымъ преддверіемъ къ храму Премудрости, устроенному на седьми столпахъ таинствъ религіи христіанской[221].

И надобно помнить, что все это писалъ Конисскій, не имѣя

подъ руками никакого руководства, кромѣ учебниковъ своихъ предшественниковъ да Аристотелевыхъ толковниковъ. Когда митрополитъ Тимоѳей Щербацкій спрашивалъ у Георгія въ 1755 году мнѣнія на счетъ философской системы Баумейстера: то онъ искренно жалѣлъ, что не имѣлъ оной, когда »самъ въ философіи по должности, на него положенной, упражнялся, что, говорилъ онъ, особливо за несчастіе свое причитую: ибо на »смѣттяхъ (сорѣ) интерпретовъ Аристотелевыхъ времени всуе »не потерялъ бы было«. Приступая за тѣмъ къ сужденію о новой системѣ, принятой тогда въ руководство во всѣхъ европейскихъ училищахъ, Конисскій говорилъ, что »Баумейстерова »лекція з большою пользою можетъ быти ученикамъ: ибо что »ни учится въ ней, все основательно, твердо и ясно учится, »и нѣтъ кажется ничего, что бы не было средствіемъ ко мѣ»тѣ философіи, то есть блаженному человѣческому житію. Ло»гика его отъ смѣття схолястиковъ, можно сказать, седмижди »перечищенная. Метафизика твердыя основанія прочіимъ ди»сциплинамъ по ея должности полагаетъ. Ethica человѣку къ »познанію себе и своей должности чувствительно очи отворя»етъ«. Недостатокъ физики въ системѣ Баумейстера Конисскій совѣтовалъ замѣнить Винклеромъ.

Такой авторитетъ, какимъ въ ученомъ мірѣ пользовался архипастырь могилевскій, рѣшилъ дѣло о введеніи системы Баумейстера въ Кіевскую Академію, откуда пошла она потомъ и во всѣ наши духовныя училища. Болѣе полстолѣтія господствовалъ Баумейстеръ на развалинахъ аристотелизма, пока не низринули его самаго новые философы, пришедшіе изъ Германіи, подъ предводительствомъ Канта, все разрушавшаго и ничего впрочемъ не создавшаго своею »критикой чистаго разума«.

Въ 1753 году введено въ Академію и преподаваніе французскаго языка. Первымъ профессоромъ былъ *Константинъ*

Крижановскій, товарищъ Симона Тодорскаго, подобно ему совершившій ученое путешествіе за границей. Крижановскій говорилъ на французскомъ языкѣ, какъ на своемъ отечественномъ, и аудиторія его была всегда полна молодыхъ людей, видѣвшихъ въ изученіи этого предмета существенную пользу.

Но не смотря на высокое достоинство Кіевской Академіи, все таки она не была универсальнымъ училищемъ. Оставаясь вѣрною тому началу, которое положено ея основателями, заповѣдавшими ей преподавать »науки належныя къ цвѣченю побожнаго живота«, она, по характеру своему, была училищемъ болѣе духовнымъ. Самое поступленіе воспитанниковъ въ Академію годъ отъ году становилось труднѣе, ибо съ обязательствомъ духовенства отдавать своихъ дѣтей въ училище, мало уже оставалось мѣста для дворянъ и разночинцевъ. Сверхъ того царскими указами повелѣно было принимать туда только »ревнителей благочестивой греко-россійской вѣры и преподавать »имъ ученіе, не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя Цер»кви«[(222)], а между тѣмъ преобразованной Россіи нужны были высшія науки, слѣдовало »противодѣйствовать направленію од»ностороннему, способствовать постепенному и совокупному раз»витію всего духовнаго организма«[(223)], требовалось заведеніе, которое служило бы проводникомъ идей, составлявшихъ душу и жизнь просвѣщенной Европы.

Соревнуя Великому Родителю своему, »который божествен»нымъ своимъ предпріятіямъ исполненіе имѣлъ чрезъ науки«, Императрица Елисавета Петровна 12 генваря 1755 года утвердила проэктъ графа Шувалова объ учрежденіи въ Москвѣ высшаго училища, »по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ вся»каго званія люди могли бы свободно науками пользоваться«[(224)],— и знанія стали обтекать общества »столицы и другихъ горо»довъ, разширять предѣлы мышленія, озарять всѣхъ своимъ »свѣтомъ[(225)]. Однимъ изъ предметовъ ожиданія правительства

»было, что распространеніе свѣта познаній послужитъ также »къ истребленію въ простомъ народѣ суевѣрія, расколовъ и »ересей, проистекающихъ отъ невѣжества«[226].

Радуясь такому содѣйствію новаго училища въ дѣлѣ благочестиваго, отечественнаго образованія, Кіевская Академія видѣла однакожъ, что аудиторія ея пустѣютъ, что воспитанники, увлекаемые вновь представившимися выгодами, стремятся въ университетъ, получивъ здѣсь фундаментальныя начала для дальнѣйшаго образованія себя. За годъ еще передъ симъ съ правильнѣйшимъ устройствомъ медицинской канцеляріи, воспитанники Академіи и другихъ духовныхъ школъ, тогда существовавшихъ, стали въ значительномъ числѣ поступать въ госпитальныя училища[227], а теперь это переселеніе увеличилось въ нѣсколько разъ. Но безкорыстная и ревностная труженица народнаго образованія, Кіевская Академія радостно напутствовала лучшихъ своихъ питомцевъ материнскимъ благословеніемъ, заповѣдуя имъ »непорушно держаться вызваня вѣры и догматъ »св. Вселенскими седми соборами Церкви восточной уставлен»ныхъ«. И зрѣла она ихъ потомъ со славою и честію выходившихъ на дѣло и дѣланіе до поздняго вечера своей жизни, и съ простительнымъ самодовольствомъ указывала на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, прославляющихъ мать родную вѣрной службою Богу, Царю и отечеству. А между тѣмъ неустанно продолжала трудиться она надъ приготовленіемъ новыхъ для своего сподвижника воспитанниковъ, зная очень хорошо, что дѣло ихъ общее, и что одинаково ведутъ они юное поколѣніе къ высокой цѣли, указанной Россіи самимъ Богомъ...

Пожаръ 1718 года, испепелившій строенія Кіево-печерской Лавры, уничтожилъ и типографію, издавна тамъ существовавшую и утвержденную царскими и патріаршими граматами. Въ слѣдствіе сего многія церкви кіевской епархіи потеряли возможность пріобрѣтать новоисправленныя книги, особенно зарубежные при-

ходы, находившіеся въ Польшѣ, должны были по неволѣ пользоваться служебниками и требниками уніатскими, испорченными и противными ученію православному. Митрополитъ Рафаилъ, повелѣвшій, во исполненіе Высочайшаго указа, отбирать отъ церквей старопечатныя книги, не могъ между тѣмъ, за уничтоженіемъ типографіи, замѣнять оныя книгами исправленными и новыми. Пріѣзжавшіе изъ Палестины и изъ другихъ земель Греки, жалуясь на скудость въ церковныхъ печатныхъ книгахъ, съ прискорбіемъ объявляли, что они принуждены покупать ихъ въ Венеціи, тогда какъ прежде получали оныя изъ православнаго Кіева. Академія, въ которой въ настоящую пору умножилось число преподаваемыхъ предметовъ, тратила значительныя суммы на выписку книгъ изъ-за границы. »А ежели бъ типографія, »писалъ Тимоѳей Щербацкій Синоду, въ митрополіи кіевской, »какъ повелѣно и утверждено высокомонаршими и патріаршими »граматами, имѣлась, то оная сумма не токмо внутрь бы оста»лась, но еще бъ по предписанному за печатаніе греческихъ »церковныхъ книгъ и въ государство приходила, да и книги »такъ церковныя яко и учительныя мощію бъ меньшею цѣною »имъ исправлять; а въ зарубежные скудные монастыри и церкви »благочестивыя церковныя книги отпущать и безденежно, дабы »въ толь необходимо нужномъ и святомъ дѣлѣ церкви оныя »могли совершенно снабдѣны быть и не имѣли бъ причины сами »во благочестіи святомъ состоящія на книгахъ въ Польшѣ со »многими заблужденіями печатаемыхъ, съ немалымъ тамошняго »православнаго народа соблазномъ священнослуженія церковныя »отправлять; такожъ и Академіи Кіевской ученикамъ, яко хри»стіанскимъ святыя православныя церкви дѣтямъ, для повсе»дневнаго и ежечаснаго молитвословія всякія, а наипаче само»нужнѣйшія церковныя книги имѣть необходимо нужно есть«[228]. Уважая такое справедливое прошеніе просвѣщеннаго архипастыря, св. Синодъ 13 октября 1753 года особою граматою разрѣшилъ митрополиту Тимоѳею снова открыть типографію въ Кіево-печерской Лаврѣ, предписавъ ему избрать въ начальники

этого заведенія »человѣка честнаго и достаточно ученаго и въ »Свящ. Писаніи искуснаго, дабы правленіе и печатаніе книгъ »происходило добропорядочно и противности Церкви святѣй ни »въ чемъ несогласія отнюдь не было«. Касательно же книгъ, необходимыхъ для пріѣзжающихъ изъ-за границы православныхъ, повелѣно прежде свѣрить оныя съ оригиналами, и потомъ печатать въ два столбца, на одномъ по гречески, а на другомъ по русски. Для утвержденія же въ православіи единовѣрнаго намъ народа, пребывавшаго тогда въ Польшѣ, разрѣшено издавать книги »польскими литерами, русскимъ же діалектомъ, »пристойнымъ образомъ досматривая во всемъ, чтобъ ни въ »чемъ ни малѣйшей съ православною греко-россійскою Церковію »противности и разногласія не было«. Сверхъ всего этого вмѣнено было митрополиту Тимоѳею въ непремѣнную обязанность »при продажѣ всякаго званія, по выходѣ изъ печати, книгъ »наиприлѣжнѣйше стараться, чтобы цѣны тѣмъ книгамъ все- »совершенно были умѣренныя безъ всякой народной тягости«(229). Такъ свято и безкорыстно дѣйствовали истинные ревнители благословеннаго Богомъ просвѣщенія русскаго народа!

Но дѣло возстановленія типографіи кіево-печерской суждено было совершить преемникамъ митрополита Тимоѳея. Довольно и того, что онъ исходатайствовалъ на то Высочайшее соизволеніе. А между тѣмъ этотъ пастырь не жалѣлъ никакихъ издержекъ на пользу Церкви и отечественнаго просвѣщенія. Еще будучи ректоромъ с.-петербургской Академіи, онъ прислалъ въ Братскій монастырь *четыреста* рублей серебромъ на ризу (шату) для иконы Спасителя и передъ выѣздомъ своимъ изъ Кіева въ Москву обогатилъ академическую библіотеку значительнымъ количествомъ книгъ, и для надзора за нею учредилъ особаго іеромонаха(230).

Между прибывавшими въ кіево-училищное Братство въ эту эпоху въ первый разъ являются вдовые священники: но не мо-

лодыя лѣта и трудность школьнаго обученія бывали причиною того, что они черезъ нѣсколько времени поступали въ число монастырскаго Братства, которое задолго передъ симъ совершенно отдѣлилось отъ монашества, составлявшаго собственно ареопагъ ученый.

Кіево-богоявленское Братство обязано митрополиту Тимоѳею постройкою нынѣшней колокольни, на мѣсто прежней деревянной. Въ 1756 году разрѣшено было приступить къ созиданію оной и въ мастеры договоренъ былъ кіевскій мѣщанинъ *Стефанъ Ковнѣръ,* который строилъ колокольню и на дальнихъ пещерахъ Лавры. Абрисъ (планъ), составленный самимъ академическимъ начальствомъ, данъ былъ ему отъ Братскаго монастыря(231). Въ это же время достроена въ с. Борщаговкѣ, принадлежащемъ училищу, деревянная церковь, получившая на созиданіе архипастырское благословеніе еще отъ митрополита Рафаила, передъ концомъ его жизни (11 апрѣля 1747 г.).

Митрополитъ Тимоѳей съ каждымъ годомъ сталъ чувствовать болѣе и болѣе сильные болѣзненные припадки. Находя себя не въ состояніи нести бремя управленія епархіей, онъ 1757 года послалъ въ св. Синодъ просьбу объ увольненіи его на покой въ Выдубицкій монастырь. Докладъ объ этомъ тогда же былъ поднесенъ Императрицѣ: но Государыня вмѣсто того, повелѣла перевести Щербацкаго на московскую епархію, въ которой онъ и былъ первымъ митрополитомъ, по упраздненіи патріаршаго престола. Не смотря на разстроенное здоровье, онъ девять лѣтъ управлялъ паствою, ознаменовавъ свое пребываніе тамъ исходатайствованіемъ для московской Академіи увеличенія годоваго оклада, состоявшаго изъ четырехъ тысячъ осмисотъ сорока семи рублей, шестнадцати копѣекъ(232). Подъ бременемъ преклонныхъ лѣтъ и многихъ болѣзней, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій скончался 18 апрѣля 1767 года(233). Въ знакъ особеннаго уваженія къ памяти усопшаго, Государыня повелѣла

совершить надъ нимъ отпѣваніе по обряду священническому, ибо до того всѣ архіереи, исключая патріарховъ, были отпѣваемы по чину общему, монашескому. Съ этихъ поръ Высочайше указано совершать надъ всѣми епископами, архіепископами, экзархами и митрополитами погребеніе священническое[234].

Составъ академическаго начальства, образовавшійся по назначеніи Конисскаго на могилевскую епархію и оставленный митрополитомъ Тимоѳеемъ Щербацкимъ, слагался изъ слѣдующихъ лицъ:

Максимовичъ Манассія ректоръ и преподаватель богословія.

Флоринскій Авраамій, исправлявшій должность профессора философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій учителемъ реторики.

Пессинъ Ѳеофилъ, священникъ, преподаватель піитики.

Волчанскій Павелъ, іеродіаконъ, учитель синтаксимы.

Миславскій Самуилъ, іеродіаконъ, преподаватель граматики.

Ладыжинскій Викторъ, іеродіаконъ, учитель греческаго языка.

Орловскій Мелхиседекъ учитель инфимы.

Костенецкій Іоакимъ, іеродіаконъ, учитель аналогіи.

Крижановскій Константинъ, священникъ, преподаватель еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ.

Митрополитъ Тимоѳей, обладавшій рѣдкимъ просвѣщеніемъ и силою ума и воли, отличался сверхъ того необыкновенной кротостію и истинно-пастырскимъ снисхожденіемъ. Его поступокъ съ Ляскоронскимъ лучше всего можетъ свидѣтельствовать о томъ высоко-христіанскомъ смиреніи, которое составляло отличительную черту его характера. Самъ, не менѣе другихъ, посвященный въ таинства науки, онъ скромно испрашиваетъ у Конисскаго, тогда уже епископа могилевскаго, мнѣнія о появившейся философской системѣ Баумейстера; облеченный полной

властію, по которой всякаго могъ бы заставить оставаться на указанномъ посту, онъ въ ту пору, когда наставники Академіи рѣшились было отказаться отъ своихъ должностей, даетъ только предложеніе, и благоразумнымъ намекомъ, щекотливымъ для всякаго порядочнаго человѣка, заставляетъ всѣхъ единодушно возвратиться къ своимъ обязанностямъ[235]. За тожъ воспитанники эпохи Щербацкаго разнесли по всѣмъ концамъ Россіи славное имя своего высокаго протектора, и показались на такихъ мѣстахъ, на которыхъ прежде никогда не видала Академія своихъ питомцевъ. Мы сей часъ познакомимся съ ними.

Амбодикъ Несторъ Максимовичъ, докторъ медицины, профессоръ повивальнаго искуства, Государственной медицинской Коллегіи и Вольнаго Экономическаго Общества почетный членъ, статскій совѣтникъ, родился 1740 года въ с. Веприкѣ полтавской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Родовое прозваніе *Амбодика* было Максимовичъ; въ послѣдствіи онъ измѣнилъ его, желая избѣжать однозвучія въ своемъ отечествѣ и фамиліи, и для того придумалъ себѣ новое прозвище изъ двухъ латинскихъ словъ: ambo-dic, то есть, произноси и то и другое: *Максимовичъ* по отчеству и *Максимовичъ* по прозванію; на принятіе новой фамиліи *Амбодикъ* испросилъ себѣ и Высочайшее разрѣшеніе. Поступивъ въ Кіевскую Академію, онъ проходилъ постепенно всѣ классы отъ перваго до послѣдняго, и по окончаніи курса, въ слѣдствіе требованія графа Завадовскаго, въ числѣ другихъ отличнѣйшихъ студентовъ, былъ отправленъ въ 1768 году въ С.-Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ новоучрежденное тогда Главное Народное училище, бывшее первымъ въ Россіи Педагогическимъ Институтомъ. Но не пробывъ здѣсь и года, *Амбодикъ* перешелъ волонтеромъ въ с.-петербургскій военный госпиталь для слушанія курса врачебныхъ наукъ. Отличная ревность и особенное призваніе къ медицинѣ обратили на него вниманіе всѣхъ извѣстныхъ тогда врачей; по рекомендаціи ихъ, княгиня Екатерина Дмитревна Голицына, урожденная

Кантемиръ, отправила *Амбодика* на свое иждивеніе въ чужіе краи для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Русскій медикъ поѣхалъ сначала въ Страсбургъ, гдѣ слушалъ уроки акушерства у знаменитаго профессора Ридерера, а въ 1776 г. явился уже соискателемъ ученой степени, защитивъ предъ комитетомъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ медицинскаго дѣла диссертацію свою: de hepate humano, и первый изъ русскихъ получилъ за границей степень доктора медицины. Возвратившись въ отечество, *Амбодикъ* поступилъ на службу въ морской госпиталь младшимъ докторомъ и принялъ на себя преподаваніе повивальнаго искуства въ главныхъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ. Около этого времени онъ совершилъ еще другое путешествіе въ чужихъ краяхъ, являясь уже не ученикомъ, а ученымъ изслѣдователемъ медицинскихъ открытій. По возвращеніи въ 1779 году онъ поступилъ въ кронштадтскій госпиталь, откуда чрезъ два года перемѣщенъ въ С.-Петербургъ »къ повивальному дѣлу«, и для преподаванія повивальнаго искуства на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ученыя занятія не мѣшали однакожъ *Амбодику* принять на себя должность акушера при Императорскомъ воспитательномъ домѣ и въ тоже время быть главнымъ городовымъ акушеромъ. До конца жизни своей сохранивъ полную энергію ума и воли и примѣчательную живость характера, *Несторъ Максимовичъ* умеръ 1812 года на семдесятъ второмъ году отъ рожденія. Опытность *Амбодика* въ повивальномъ искуствѣ была такъ велика, что авторитетомъ его пользовались многіе врачи не только въ Россіи, но и за границей. Впрочемъ, не одно акушерство было предметомъ его занятій; обладая обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ врачебной науки, онъ писалъ много сочиненій[236], по порученію Вольнаго Экономическаго Общества, и — что особенно замѣчательно — зная многіе древніе и новѣйшіе языки, онъ первый въ свое время началъ писать по русски о медицинскихъ предметахъ, безпрестанно занимаясь переводомъ полезнѣйшихъ сочиненій по любимой имъ наукѣ[237].

Бантышъ-Каменскій Николай Николаевичъ родился 16 декабря 1737 года въ г. Нѣжинѣ. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ князьямъ молдавскимъ. Отецъ его, выѣхавшій въ Россію изъ Яссъ въ 1717 году, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ на рукахъ жены своей двухъ сиротъ: Николая, бывшаго тогда двухъ лѣтъ, и Ивана, еще груднаго ребенка. Научившись подъ руководствомъ своей матери языку русскому, *Николай Николаевичъ* отданъ былъ въ греческую нѣжинскую школу, гдѣ и познакомился съ языками еллинскимъ и новогреческимъ. По осьмому году онъ былъ отправленъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и началъ проходить ученіе съ самыхъ низшихъ классовъ. Девять лѣтъ пробылъ тутъ *Бантышъ-Каменскій:* но дошелъ только до реторики. Въ 1754 году, по приглашенію роднаго дяди своего Амвросія Зертисъ-Каменскаго, семнадцатилѣтній риторъ переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ тамошнее Заиконоспасское училище. Здѣсь *Бантышъ-Каменскій,* подъ руководствомъ своего дяди, продолжалъ слушать уроки реторики, потомъ философіи и богословія, которое, по собственному его признанію, »познакомило его съ совершеннымъ Бо»гопознаніемъ и правилами честной жизни«. Пріобрѣтеніе великое и неоцѣненное, котораго нельзя замѣнить никакимъ свѣтскимъ образованіемъ! Благо тому, кто измлада положилъ его началомъ всякой премудрости!... Четыре года *Бантышъ-Каменскій* слушалъ уроки въ московской академіи. Въ 1775 году онъ перешелъ въ открытый тогда московскій университетъ, гдѣ тоже учился три года. Такимъ образомъ девять лѣтъ пробылъ онъ въ Кіевской Академіи, четыре въ московской и три въ университетѣ.

Школьныя занятія *Бантышъ-Каменскаго* давали уже знать, что выйдетъ изъ этого поклонника науки. Будучи еще студентомъ, онъ перевелъ первую часть *Исторіи Петра Великаго* соч. Вольтера, и поступивъ на службу актуаріусомъ московскаго архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ всего себя посвятилъ

трудной археологической работѣ. Сведенный судьбою съ исторiографомъ Миллеромъ, *Бантышъ-Каменскiй* нашелъ въ немъ отличнаго себѣ руководителя, и цѣлые дни проводилъ въ разборкѣ и описанiи драгоцѣнныхъ древнихъ актовъ, лежавшихъ до того времени почти безъ призора въ сырыхъ подвалахъ. Усидчивость и страсть къ занятiямъ, прiобрѣтенныя въ школѣ, гдѣ искони такъ превосходно было понято значенiе *студента*, гдѣ воспитанники никогда не разучивались учиться, заставили *Бантышъ-Каменскаго* забыть всѣ развлеченiя, такъ соблазнительно ласкавшiя его молодости и такъ доступныя ему по связямъ его и по самому происхожденiю. Одно за другимъ съ изумительной поспѣшностiю слѣдовавшiя сочиненiя[238] и собранiя *Бантышъ-Каменскаго* обратили на него вниманiе правительства и самой Императрицы. Оставаясь при томъ же архивѣ, онъ получилъ должность переводчика, и за тѣмъ произведенъ былъ въ капитанъ-поручики.

Вспомнилъ благодарный питомецъ въ эту пору и Кiевскую Академiю, развернувшую богатыя его способности и положившую краеугольный камень его христiански-твердому просвѣщенiю. Въ 1770 году *Бантышъ-Каменскiй* прислалъ изъ Петербурга прошнурованную для записи пожертвованiй въ академическую библiотеку книгу, которую самъ обновилъ, вписавъ туда не малое число даруемыхъ имъ книгъ, и препроводилъ все это при слѣдующемъ письмѣ: »Жители великихъ кiевской бурсы »селенiй! Прошу удостоить милостиво принять въ вашу библiотеку приложенныя при семъ книги... Оныя посвящаетъ въ »вашу пользу жившiй нѣкогда въ вашемъ сообществѣ вашъ покорный слуга Б. К.«[239].

Моровая язва, опустошавшая въ 1771 году Москву, остановила на время занятiя благороднаго труженика. Находясь при дядѣ своемъ, архiепископѣ Амвросiѣ, онъ имѣлъ несчастiе быть свидѣтелемъ страдальческой его кончины. Самому *Бан-*

тышъ-Каменскому угрожала опасность въ эту страшную минуту, и онъ безъ сомнѣнія погибъ бы отъ рукъ разъяренной толпы, еслибъ не поспѣшилъ откупиться двумя имперіалами и золотыми часами, полученными отъ дяди. Тогда-то увидѣлъ онъ исполненіе пророчественнаго Амвросіева слова: »возьми, говорилъ онъ, отдавая часы *Бантышъ-Каменскому,* они спасутъ тебя«.

Лишась въ Амвросіѣ отца, наставника и благодѣтеля своего, *Бантышъ-Каменскій* на все время свирѣпствованія въ Москвѣ язвы укрылся въ подмосковномъ селѣ Царицынѣ, принадлежавшемъ дядѣ его М. Д. Кантемиру, Кантемиръ поправилъ разстроенное состояніе племянника своего и открылъ ему возможность вступить въ бракъ. Основавшись такимъ образомъ, *Бантышъ-Каменскій* снова обратился къ любимымъ своимъ занятіямъ и снова посыпались зрѣлые плоды неутомимой его дѣятельности. Не было отдыха для этого человѣка; занимаясь какимъ нибудь капитальнымъ сочиненіемъ, онъ въ тоже время составлялъ болѣе мелкія, какбы успокоиваясь надъ ними отъ трудовъ своихъ.

Между тѣмъ Миллеръ приближался къ могилѣ, и не задолго до кончины своей рекомендовалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Н. И. Панину *Бантышъ-Каменскаго,* какъ человѣка, »извѣстнаго испытаннымъ искуствомъ и знаніемъ въ дѣ»лахъ, примѣрнымъ трудолюбіемъ и наклонностію быть поле»знымъ отечеству«. Въ слѣдствіе такой рекомендаціи, *Бантышъ-Каменскій* опредѣленъ былъ въ управляющіе архивомъ, съ которымъ и не хотѣлъ онъ разставаться, не смотря на то, что въ другомъ мѣстѣ могъ бы составить себѣ значительную карьеру, ибо въ туже пору графъ И. А. Остерманъ предлагалъ ему мѣсто оберъ-секретаря въ Коллегіи. Ученыя занятія были для него дороже всѣхъ почестей и блистательныхъ надеждъ.

Бантышъ-Каменскій теперь хозяинъ архива и дѣятельно-

сти его уже не можетъ быть никакого препятствія, за тожъ и труды его будутъ виднѣе. Въ 1784 году, по представленію графа Остермана, онъ получаетъ орденъ св. Владиміра 4 степ. »за усердную, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, служ»бу, особливое въ дѣлахъ радѣніе и искуство и точное испол»неніе должностей съ успѣхомъ и пользою государственною«; въ 1785 году пожалованъ званіемъ канцеляріи совѣтника; въ 1798 Императоръ Павелъ I награждаетъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и почетнымъ командоромъ св. Іоанна Іерусалимскаго »за труды и ревность къ пользѣ службы«, повелѣваетъ обратить ему въ пенсіонъ по смерть получаемое имъ жалованье и посылаетъ отъ своего имени бриліантовый перстень. Въ 1802 году Императоръ Александръ I возводитъ *Бантышъ-Каменскаго* въ кавалеры ордена св. Владиміра 3 степ. »за приведеніе въ должный порядокъ и устройство московска»го коллежскаго архива и за политическія сочиненія, для служ»бы полезныя«; онъ получаетъ бриліантовый перстень за сочиненіе: *Дипломатическое собраніе дѣлъ* между россійскимъ и китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ, и потомъ (1805 г.) другой такой же перстень за свою *Исторію объ Уніи*. Благодарные сослуживцы подносятъ ему портретъ его съ просьбою помѣстить въ архивной палатѣ »на память благоустрой»ства въ семъ архивѣ, чрезъ примѣрное трудолюбіе, имъ ока»занное«, а Государь награждаетъ благороднаго труженика науки орденомъ св. Анны 1 степ. »за долговременное и всегда усердное служеніе«.

А *Бантышъ-Каменскій* и не думалъ успокоиваться отъ трудовъ своихъ. Колоссальнаго размѣра сочиненія его являлись непрерывно. Чуждый внѣшнихъ политическихъ движеній, въ тишинѣ своего рабочаго кабинета, онъ въ извѣстномъ отношеніи былъ тоже государственнымъ человѣкомъ, искренно привязаннымъ къ пользамъ службы, частныя обязанности которой по отношенію къ самому себѣ понялъ онъ всей обширностію

своего свѣтлаго ума. Нельзя не подивиться той мѣткости взгляда, которая проявляется во всякомъ трудѣ его, устремленномъ къ одной и единственной цѣли—разъясненію того, что лежало до него покрытымъ архивною пылью, и во что вдохнулъ онъ дыханіе жизни. Твердость и навыкъ къ систематичности и порядку свидѣтельствуютъ о томъ прекрасномъ направленіи, которое получилъ онъ въ школѣ, путемъ осмѣиваемой нынѣ схоластики ведшей питомцевъ своихъ къ зрѣлому и строгому обсужденію всего потребнаго для общества и частной жизни.

Изумительна дѣятельность *Бантышъ-Каменскаго:* но еще изумительнѣйшею представится она, когда мы увидимъ, что среди ученыхъ и серьезныхъ историческихъ изысканій, не отказывался онъ отъ трудовъ, не относившихся къ прямой его обязанности, а принимаемыхъ имъ единственно изъ любви и по усердію къ тѣмъ училищамъ, которыя положили такое прочное основаніе его всестороннему образованію. Памятуя то, что *Бантышъ-Каменскій* есть воспитанникъ духовныхъ школъ, ученое духовенство не разъ обращалось къ нему за совѣтами въ дѣлѣ образованія юношества и просило о содѣйствіи благороднымъ трудамъ своимъ. Благодарный питомецъ академій съ охотою исполнялъ возлагаемыя на него порученія, составлялъ и на свой счетъ издавалъ множество учебныхъ книгъ, въ которыхъ особенно нуждались тогда духовныя семинаріи,—словомъ, никогда не считалъ онъ своихъ издержекъ, какъ скоро дѣло касалось просвѣщенія своихъ соотечественниковъ.

Пережилъ заслуженный старецъ и *двѣнадцатый* годъ; опять увидѣлъ первопрестольную, откуда изгнала его рука хищника и разрушителя престоловъ; опять началъ посѣщать онъ любимый архивъ, отрадный пріютъ свой, чтобы, какъ говаривалъ онъ самъ, »возстановлять упадающее здоровье, а съ нимъ погасающую жизнь«. Но приблизилось уже время кончины. Мучимый жесточайшею болѣзнію, престарѣлый страдалецъ го-

ворилъ утѣшавшимъ его дѣтямъ: »что вы меня успокоиваете? »Я очень спокоенъ? Я христіанинъ. Мнѣ болѣе семидесяти »лѣтъ: вотъ болѣзнь моя! Въ жизни я никого не обидѣлъ. Что »трудами моими нажилъ, то оставляю вамъ. Никто васъ не »упрекнетъ именемъ отца. Послѣ этого, о чемъ же мнѣ без»покоиться?.. Вѣрую въ Искупителя Христа, и вѣра моя не »посрамитъ меня въ день судный«. Такъ говорилъ благій и вѣрный рабъ Божій, вѣрою и правдою послужившій Богу, престолу и отечеству!.. *Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій*, Управляющій Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, почетный членъ Императорской Россійской Академіи, Московскаго Университета, Общества Испытателей природы, Бесѣды любителей россійскаго слова, Бесѣды любителей наукъ, словесности и художествъ, дѣйствительный членъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ и вицепрезидентъ Московскаго Библейскаго Общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Анны 1 степ. Владиміра 3 степ. кавалеръ, скончался 20 генваря 1814 года[210].

Бантышъ-Каменскій Иванъ Николаевичъ, меньшой братъ Николая Николаевича, родился 1739 года. Послѣ первоначальныхъ уроковъ домашняго воспитанія, онъ отправленъ былъ къ брату своему, учившемуся уже въ кіевскихъ школахъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ изъ класса въ классъ до тѣхъ поръ, пока того и другаго не перевелъ къ себѣ въ Москву Амвросій Зертисъ-Каменскій. Здѣсь, не докончивъ курса въ московской Академіи, *Иванъ Николаевичъ* поступилъ въ университетъ, гдѣ имѣлъ честь обучаться вмѣстѣ съ знаменитымъ въ послѣдствіи княземъ Г. А. Потемкинымъ. По окончаніи курса наукъ, *Бантышъ-Каменскій* поступилъ въ службу, и хотя не блистательна была его служебная карьера: но просвѣщеніе, прямодушіе и честность доставили ему любовь и почтеніе отъ сильныхъ людей своего времени. Самъ Потемкинъ—Таврическій, гордый со всѣми, обращался съ особен-

нымъ уваженіемъ къ школьному своему товарищу, и охотно прощалъ ему рѣзкіе и откровенные отвѣты. Какъ любитель просвѣщенія *Бантышъ-Каменскій* изыскивалъ всевозможные случаи благодѣтельствовать тѣмъ, кто при скудныхъ средствахъ шелъ тернистымъ путемъ науки. Извѣстный поэтъ нашъ Петровъ имѣлъ въ *Иванѣ Николаевичѣ* лучшаго и усерднаго своего покровителя. И. Н. *Бантышъ-Каменскій* умеръ 1787 года[241].

Братановскій Ириней первоначально учитель въ Кіевской Академіи, потомъ проповѣдникъ въ московской и наконецъ 1758 года префектъ и наставникъ философіи. Впрочемъ недолго несъ онъ училищныя занятія въ этомъ званіи. Въ 1759 году уволенный отъ академической службы за слабостію здоровья, *Братановскій* былъ произведенъ въ игумена угрѣшскаго монастыря, потомъ архимандритомъ брянскаго Петропавловскаго и наконецъ ростовскаго Яковлевскаго. Въ 1775 году *Ириней* былъ рукоположенъ въ епископа вологодскаго, и когда 1788 года Велико-Устюжская епархія была упразднена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и находившаяся тамъ семинарія переведена въ Вологду, то къ трудамъ епархіальнымъ присоединились и новыя заботы объ училищѣ. Двадцать одинъ годъ послуживъ паствѣ вологодской, *Ириней Братановскій* скончался 1796 года въ глубокой старости[242].

Завадовскій графъ **Петръ Васильевичъ** родился 1739 года въ деревенькѣ Красновичахъ, въ пятидесяти верстахъ отъ г. Стародуба черниговской губерніи. Соотвѣтственно небогатому состоянію родителей, первоначальное воспитаніе *Завадовскаго* не могло представлять ничего особеннаго; глушь, отдаленность не только отъ губернскаго, но даже и отъ уѣзднаго города, не позволяли родителямъ его имѣть какого либо посторонняго руководителя и наставника для пятерыхъ дѣтей. По необходимости должно было довольствоваться домашнимъ, патріархальнымъ воспитаніемъ, начинавшимся

въ старые годы съ славянской азбуки, часослова, псалтири и оканчивавшимся цыфирью или наукой счисленія. Можетъ быть, дѣло образованія юныхъ Завадовскихъ на томъ бы и остановилось, еслибъ не обратилъ на нихъ вниманія дядя ихъ по матери, Михайло Ширай, извѣстный въ то время всей Малороссіи своимъ необыкновеннымъ остроуміемъ и разными анекдотами, переходившими изъ устъ въ уста. Обладая довольно значительнымъ состояніемъ и находясь въ стародубскомъ подкоморскомъ судѣ подкоморіемъ[243], онъ принялъ къ себѣ *Петра Завадовскаго* и старшаго его брата и сталъ воспитывать вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Богатыя способности и отличные успѣхи младшаго племянника скоро убѣдили умнаго дядю въ томъ, что для такого питомца мало домашняго образованія. По этому *Завадовскій* отправленъ былъ въ г. Оршу, могилевской губерніи, въ которомъ тогда было іезуитское училище. Ученые патеры приняли его съ величайшею охотою: ибо поступленіе русскихъ дворянъ въ подвѣдомственныя имъ училища съ одной стороны льстило ихъ неутомимому соревнованію съ Кіевской Академіей, а съ другой — и это главное — обѣщало много полезнаго для ихъ постоянныхъ и всему міру извѣстныхъ цѣлей. Долго ли пробылъ тамъ *Завадовскій*—неизвѣстно; когда послѣ того поступилъ въ Академію, тоже нельзя сказать навѣрное. Но принимая во вниманіе то, что цѣлію поступленія его въ кіевское училище было усовершенствованіе себя въ высшихъ наукахъ, можно съ достовѣрностію положить, что *Завадовскій* прибылъ въ Академію уже достаточно къ тому приготовленнымъ, и слѣдовательно въ полномъ цвѣтѣ юности. Окончивъ курсъ наукъ, *Завадовскій* поступилъ на службу въ малороссійскую коллегію, въ должности кіевскаго повытчика[244].

Отличное исполненіе своихъ обязанностей, неутомимое прилежаніе, умное рѣшеніе дѣлъ, возникавшихъ особенно по причинѣ столкновенія Генеральной Канцеляріи съ Малороссійской

Коллегіей, обратили на *Завадовскаго* вниманіе начальства и поставили его па счету примѣрныхъ чиновниковъ. Въ 1764 году графъ Румянцевъ, вступивъ въ управленіе малороссійскимъ краемъ, потребовалъ отъ Коллегіи молодыхъ, благонадежныхъ людей. *Завадовскій*, въ числѣ первыхъ, отправленъ былъ къ будущему герою задунайскому, и здѣсь—то открылась новая школа для питомца Академіи. Великъ былъ учитель, соединявшій въ себѣ обширныя и основательныя познанія по всѣмъ частямъ, и какъ полководецъ и какъ министръ: но достоинъ былъ и ученикъ такого учителя. Оба они поняли другъ друга: глубина мыслей. быстрота соображенія, ясность изложенія и рѣдкое краснорѣчіе великаго наставника въ совершенствѣ отразились въ умномъ и понятливомъ ученикѣ. Подвергая неоднократному испытанію молодаго своего секретаря, Румянцевъ заставлялъ его писать особенно трудныя бумаги. Нелегко доставалась *Завадовскому* на первый разъ такая работа: онъ уходилъ въ самыя уединенныя мѣста съ карандашомъ въ рукѣ, и погрузясь въ глубокое размышленіе, писалъ и маралъ, помня школьное правило старика Горація: saepius stylum verte, и потомъ являлся къ своему патрону робко и недовѣрчиво. Затожъ какъ пріятно бывало для молодаго дѣльца услышать себѣ одобреніе отъ такого высокаго начальника, какимъ былъ Румянцевъ! Отъ него наконецъ научился онъ той осторожности въ рѣшеніи дѣлъ, той всесторонней обдуманности извѣстнаго юридическаго вопроса, которыя были видны потомъ во всякой бумагѣ *Завадовскаго*. Принявъ въ скоромъ времени портфель правителя Тайной Канцеляріи Румянцева, онъ сошелся здѣсь съ своимъ товарищемъ по школѣ, въ послѣдствіи княземъ Безбородко. Оба они завѣдывали дѣлами будущаго фельдмаршала; оба и даже въ однихъ чинахъ сопровождали потомъ Румянцева на пути къ славѣ, и когда одинъ изъ нихъ подвизался въ рядахъ христолюбиваго воинства, другой краснорѣчивымъ перомъ передавалъ отдаленному потомству великія дѣла Задунайскаго и его сподвижниковъ.

Въ 1775 году *Завадовскій* опредѣленъ былъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, продаваемыхъ на Высочайшее имя, а въ непродолжительномъ времени произведенъ въ генералъ-майоры. Вѣрная и державная исполнительница великихъ предначертаній Петра I Екатерина II повелѣла 14 декабря 1766 года, для введенія въ Россіи общаго уложенія законовъ, составить коммиссію изъ депутатовъ со всей Имперіи. Между тѣмъ сама Императрица предложила членамъ готовый Наказъ, составленный ею по мыслямъ лучшихъ европейскихъ юрисконсультовъ, и въ этомъ-то великомъ дѣлѣ державной законодательницы участвовалъ *Завадовскій,* какъ одинъ изъ разумнѣйшихъ и опытнѣйшихъ правовѣдовъ Пусть бы ничѣмъ другимъ не ознаменовалось служебное поприще этого государственнаго человѣка: но довольно одного довѣрія мудрѣйшей изъ Монархинь, чтобъ дать мѣсто *Завадовскому* въ ряду замѣчательнѣйшихъ лицъ блестящаго вѣка Екатерины.

Но собраніе въ Москвѣ депутатской коммиссіи, не смотря на семилѣтніе труды ея, не совсѣмъ соотвѣтствовали ожиданіямъ Императрицы; по этому она сама сполна приняла на себя дѣло законодательства, и упразднивъ всѣ коммиссіи, начала постепенно издавать постановленія, смотря по мѣрѣ надобности, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. И снова сотрудникомъ Великой является *Завадовскій.* Онъ размышлялъ, соображалъ, перечитывалъ передъ самой Государыней свои проэкты, и наконецъ 7 ноября 1755 г. появилось Высочайше утвержденное Учрежденіе о губерніяхъ—плодъ долговременныхъ и глубокихъ его думъ и соображеній. Это не была система, построенная на пустыхъ, ничего не значущихъ теоріяхъ, не было что либо занятое изъ чужеземныхъ законоположеній, а дѣло природнаго, русскаго ума, широко обнявшаго духъ и потребности народа и положительныя пользы своего отечества. Почести и награды посылались вслѣдъ за симъ на *Завадовскаго;* онъ получилъ деревни, званіе тайнаго совѣтника и се-

натора. Но его ожидали еще большіе труды и ближайшіе къ его сердцу.

1782 года 7 сентября, на имя тайнаго совѣтника *Завадовскаго* и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Эмпиуса и Пѣтухова, послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ коемъ Государыня, изъявляя свое соизволеніе на учрежденіе коммиссіи для устроенія народныхъ школъ и составленія для нихъ учебныхъ руководствъ, изволила назначить показанныхъ особъ къ составленію оной подъ собственнымъ ея вѣдѣніемъ. Съ сего-то времени *Завадовскій*, и какъ предсѣдатель коммиссіи, и какъ любитель наукъ, со всею ревностію принялся за занятія, обдумывая исполненіе благотворнаго предначертанія Монархини во всей его обширности. Къ концу того же мѣсяца и года уже изготовленъ былъ коммиссіей планъ къ единообразному учрежденію народныхъ училищъ, и тогда же былъ представленъ *Завадовскимъ* Государынѣ и удостоился Высочайшаго ея одобренія. Въ слѣдующемъ 1783 году благодѣтельный планъ этотъ началъ осуществляться: для удобнѣйшаго снабженія народныхъ училищъ потребнымъ числомъ учителей открыто въ С. Петербургѣ Главное Народное Училище, при которомъ, сверхъ вольнослушающихъ, повелѣно учить и содержать на казенномъ иждивеніи не менѣе ста человѣкъ, для образованія изъ нихъ учителей, изъ духовныхъ семинарій, изъ школъ воинскихъ командъ и изъ добровольно желающихъ. Наставниками этихъ кандидатовъ въ педагоги были на первый разъ академики с. петербургской Академіи наукъ и профессоры московскаго университета, а душою этого первороднаго изъ народныхъ училищъ былъ *Завадовскій*. Исторія нашего отечественнаго просвѣщенія показываетъ, съ какой изумительной быстротой и въ какомъ количествѣ являлись эти школы одна за другой почти во всѣхъ концахъ Россіи, по мановенію геніальнаго министра, какое первоначальное устройство, и за тѣмъ, какія преобразованія и улучшенія получали они отъ него время отъ времени,

и какъ быстро, при его благодѣтельномъ надзорѣ и неутомимомъ содѣйствіи, шли онѣ всѣ къ желаемому совершенству.

Кромѣ всѣхъ этихъ занятій, по предмету народнаго просвѣщенія, *Завадовскій* имѣлъ еще много и другихъ работъ, клонившихся къ устройству разныхъ присутственныхъ мѣстъ въ имперіи. Такимъ образомъ въ 1788 году учреждена была особая коммиссія для составленія проэкта о сокращеніи канцелярскаго порядка, которой онъ былъ назначенъ президентомъ. Его же многообъемлющему уму обязаны совершеннымъ своимъ преобразованіемъ Заемный и Ассигнаціонный Банки, уставы для которыхъ составлены собственно *Завадовскимъ*. Вообще, не было почти ни одного вновь учреждаемаго заведенія, гдѣ бы не требовали его содѣйствія и совѣтовъ, и всюду являлся онъ съ своей неутомимой дѣятельностію, съ своимъ вѣрнымъ и спокойнымъ взглядомъ на дѣла и вещи. Былъ онъ и членомъ Коммиссіи о построеніи Исакіевскаго собора и главнымъ директоромъ Банковъ, занимался устройствомъ медицинской части, присутствовалъ въ Сенатѣ въ совѣтахъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена св. Екатерины, и исполнялъ множество другихъ разнородныхъ порученій, пользуясь по самую кончину Императрицы отличною ея довѣренностью и благоволеніемъ. Титло графа было уже послѣдней наградой Великой Монархини вѣрному и высокопросвѣщенному слугѣ престола и отечества.

Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ прародительскій, утвердилъ графскій дипломъ *Завадовскаго*, пожалованный державною его матерью, и вслѣдъ за тѣмъ возложилъ на него орденъ св. Андрея первозваннаго: но этимъ и окончилась при Павлѣ I государственная служба одного изъ великихъ людей Екатерины. Графъ *Завадовскій*, получивъ увольненіе отъ всѣхъ должностей, отправился въ малороссійскую свою деревню, гдѣ среди родныхъ и преданныхъ ему земляковъ отдыхалъ отъ

многотрудныхъ занятій, подъятыхъ имъ на пользу и славу любезнаго своего отечества.

Императоръ Александръ I снова вызвалъ *Завадовскаго* на оставленное имъ высокое поприще службы. Въ самый день возшествія своего на престолъ, Государь отправилъ къ нему гонца съ самымъ лестнымъ рескриптомъ, призывая *Завадовскаго* къ прежнимъ трудамъ. Ревностный слуга Престолу и отечеству не замедлилъ явиться въ Петербургъ, и тотчасъ же вступилъ въ управленіе Коммиссіей о составленіи законовъ россійской имперіи. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по сему случаю на имя графа *Завадовскаго,* между прочимъ было сказано: »къ совершенію сего мнѣ кажется нужнымъ избрать »человѣка, который бы сверхъ обширныхъ по сей части свѣ»дѣній имѣлъ и достаточное познаніе о дѣйствіи бывшихъ до»селѣ коммиссій, дабы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе могъ онъ все »привесть въ надлежащее движеніе. Находя въ васъ всѣ сіи »свойства, и зная съ одной стороны, съ какимъ успѣхомъ упо»треблены вы были прежде по сей части, съ другой бывъ »удостовѣренъ, что честь содѣйствовать пользамъ отечества въ »столь важныхъ отношеніяхъ не можетъ не быть для васъ чув»ствительна, я поручаю вамъ сіе дѣло во всемъ его про»странствѣ, ввѣряя вашему непосредственному управленію су»ществующую нынѣ коммиссію о законахъ подъ непосред»ственнымъ моимъ вѣдѣніемъ«. Кромѣ этого рескрипта, *Завадовскій* былъ снабженъ по сему случаю особой инструкціей, въ которой между прочимъ было изображено: »Я считаю здѣсь »почти излишнимъ примѣчать, что предложенія въ Наказѣ лю»безнѣйшей бабки моей Императрицы Екатерины II помѣщен»ныя, содержатъ въ себѣ избраннѣйшія въ семъ родѣ истины, »и могутъ пролить великій свѣтъ на упражненія коммиссіи. »Вамъ извѣстно сіе болѣе, нежели кому либо другому«. Но распоряженія этой Коммиссіи не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Промыслу угодно было предоставить исполненіе вели-

кихъ предначертаній Петра, Екатерины и Александра славному царствованію Императора Николая I, чрезъ воспитанника другой духовной Академіи графа М. М. Сперанскаго.

При учрежденіи министерствъ въ 1802 году *Завадовскому* поручено было управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, и скоро вся Россія увидѣла, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ одушевленный ревностію къ пользамъ отечества, ободряемый Высочайшимъ вниманіемъ и принимающійся за дѣло свое съ полнымъ знаніемъ и горячею къ нему любовію. Съ небольшимъ въ восемь лѣтъ, по всей имперіи, кромѣ разныхъ ученыхъ обществъ, открыто графомъ *Завадовскимъ* тысяча сто тридцать два высшихъ и низшихъ народныхъ училищъ.

Въ 1810 году 11 апрѣля графъ *Петръ Васильевичъ,* сдавъ министерскій портфель Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, по самую кончину свою оставался предсѣдателемъ Государственнаго совѣта, какъ юрисконсультъ, и въ тоже время присутствовалъ въ сенатѣ, въ совѣтахъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, Института ордена св. Екатерины и въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ. Это былъ истинно государственный человѣкъ не по одному только чину и званію. Обладая необыкновенно проницательнымъ и изобрѣтательнымъ умомъ, *Завадовскій* никогда не увлекался страстію къ независимо-оригинальному творчеству, которое такъ часто вовлекаетъ въ непоправимыя ошибки великихъ законодателей и людей государственныхъ. Духъ времени, существенныя требованія народности, существующія постановленія, разныя обстоятельства, настоящія и могущія быть случайности—все принимаемо было имъ во вниманіе при обдумываніи какого либо государственнаго проэкта. »Никогда не должно, говаривалъ онъ, безъ »важной и основательной причины, вдругъ истреблять какое бы »то ни было прежнее учрежденіе, а если есть что нибудь дур»ное, постепенно и неприметно перемѣнять и улучшивать; ни-

»когда не должно въ законоположеніяхъ и учрежденіяхъ упре-»ждать время, а слѣдовать за нимъ«.

Въ пятдесятъ лѣтъ неутомимой своей службы графъ *Петръ Василиевичъ*, перешедши всѣ служебныя степени отъ низшей до высшей, сдѣлавшись изъ повытчика Малороссійской Коллегіи министромъ, заслуживъ благоволеніе и довѣріе трехъ Монарховъ и благодарность отечества, скончался 10 генваря 1812 года, и погребенъ въ Александро-невской Лаврѣ[245].

Золотницкій Владиміръ Трофимовичъ родился 1741 года въ кіевской губерніи отъ сельскаго священника, который и самъ нѣкогда былъ воспитанникомъ Братскихъ школъ. Изучивъ дома русскую и латинскую грамоту, подъ руководствомъ своего отца, *Золотницкій* отданъ былъ въ Кіевскую Академію, а въ 1760 году перешелъ въ московскій университетъ, откуда, по рекомендаціи тамошняго начальства опредѣленъ въ сухопутный кадетскій корпусъ учителемъ, а отсюда переводчикомъ съ чиномъ подпоручика. Въ 1771 году *Золотницкій* перешелъ въ полевые полки премьеръ-майоромъ, и состоя членомъ коммиссіи о разводѣ Татаръ, дослужился чина полковника и скончался на службѣ въ днѣпровскомъ пикинерномъ полку. Не смотря на тягость военнаго ремесла, не смотря на непостоянство мѣстопребыванія, *Золотницкій* не оставлялъ занятій учеными предметами и писалъ очень много. Въ одно и тоже время онъ желалъ быть и философомъ и естествоиспытателемъ и баснописцемъ и лирикомъ. Изъ одного лишь перечисленія вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій *Золотницкаго* видно, какъ много онъ трудился на томъ поприщѣ, которое такъ мало гармонировало съ избраннымъ имъ родомъ службы[246]. Митрополитъ Евгеній называетъ его нравоучительныя сочиненія »довольно изрядными«, а оды сатирическія, письма и другія стихотворенія »нехудыми«[247].

Каллиграфъ Владиміръ происходилъ изъ евреевъ, и

по принятіи христіанской вѣры, выслушалъ въ Академіи полный курсъ наукъ. За симъ опредѣленъ былъ въ учители, а 1755 года переведенъ въ московскую Академію преподавателемъ философіи; черезъ два года послѣ сего утвержденъ былъ въ званіи префекта и занялъ каѳедру богословія. Представленіе митрополита Арсенія Мацѣевича, будтобы »архимандритъ *Владимiръ* »*Каллиграфъ* въ церкви Владимірскія Богородицы въ Москвѣ »говорилъ на поученіи плевелы не токмо лютеранскія и каль»винскія, но и жидовскія«, было причиною того, что его удалили изъ Москвы въ Ярославль. Но какъ видно, слѣдствіе не оправдало представленія Синоду пылкаго архипастыря, ибо не смотря на удаленіе *Каллиграфа* отъ Академіи, все же оставалось при немъ настоятельство въ Спасскомъ монастырѣ. *Владимiръ Каллиграфъ* скончался на покоѣ въ Троицкой Лаврѣ[248].

Козицкій Григорій Васильевичъ родился около 1725 года въ Малороссіи. Достигнувъ высшихъ классовъ въ Академіи, онъ поступилъ въ домъ графовъ Гудовичей въ качествѣ ментора, и потомъ съ однимъ изъ питомцевъ своихъ Андреемъ Васильевичемъ, который впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II, отправился въ путешествіе по Европѣ[249]. Въ Бреславлѣ онъ сошелся съ однимъ изъ академическихъ своихъ совоспитанниковъ Н. Н. Мотонисомъ, путешествовавшимъ собственно съ ученою цѣлію. Взаимно обрадовавшись такой встрѣчѣ, молодые люди положили между собою заняться какимъ либо ученымъ дѣломъ, и въ слѣдствіе сего перевели съ новогреческаго языка на латинскій извѣстную Минятіеву книгу, подъ названіемъ: *Камень соблазна.* Въ 1752 году они издали ее въ Бреславлѣ въ два столбца, изъ которыхъ въ одномъ помѣстили попавшійся имъ подлинникъ, а въ другомъ переводъ свой, и посвятили этотъ трудъ бывшему наставнику своему въ Академіи, славному еллинисту Варлааму Лящевскому. »Сіе из»даніе ихъ, говоритъ митрополитъ Евгеній, замѣчательно тѣмъ, »что оно и въ подлинникѣ исправнѣе напечатаннаго въ 1743

»году, ибо переводчики и оный во многихъ ошибкахъ текста »и акцентовъ исправляли, какъ написали въ посвященіи своему »учителю; многое опущенное ввели, многое изъяснили, справ»лялись со всѣми тѣми писателями, на коихъ Миніатій ссылается, »а въ темныхъ мѣстахъ прибавили изъясненія свои, и наконецъ »присовокупили азбучную роспись всей книгѣ«[250]. Возвратясь изъ своего путешествія и облагодѣтельствованный благодарнымъ семействомъ Гудовичей, *Козицкій* опредѣлился 1758 года въ С.-Петербургскую Академію наукъ лекторомъ философіи и словесности, и скоро произведенъ былъ въ адъюнкта и почетнаго члена Академіи. Рѣдкія способности, обогащенныя разнообразными свѣдѣніями и всесторонняя ученость обратили на него вниманіе самой Императрицы Екатерины II, которая Всемилостивѣйше пожаловала его своимъ статсъ-секретаремъ. Слѣдуя высокому примѣру Государыни, не чуждавшейся литературныхъ занятій, *Козицкій* напечаталъ въ Трудолюбивой Пчелѣ первую свою статью о *пользѣ Миѳологіи*, а въ 1769 году и самъ началъ издавать еженедѣльникъ, подъ названіемъ: *Всякая всячина*, взявъ себѣ въ этомъ дѣлѣ за образецъ англійскій журналъ: Quaterly Rewiew. Желая вмѣстѣ съ этимъ ознакомить просвѣщенную, но гордую и недовѣрчивую къ успѣхамъ Россіи, Европу съ произведеніями, полными свѣжести и силы ума самостоятельнаго, *Козицкій* перевелъ на латинскій языкъ два сочиненія Ломоносова: » о пользѣ химіи и о происхожденіи свѣта«. Императрица поняла мысль переводчика, и поручила *Козицкому* переложить на языкъ латинскій *Наказъ Коммиссіи*. Удостоенный за тѣмъ званія члена собранія, учрежденнаго самой Государыней, для перевода иностранныхъ книгъ на языкъ россійскій, *Козицкій* ревностно исполнялъ сіе порученіе, и въ короткое время успѣлъ перевести и издать въ свѣтъ разсужденіе Эпинуса *о строеніи міра* съ нѣмецкаго, и *Овидіевы превращенія* съ латинскаго языковъ. Не забывалъ благодарный воспитанникъ и духовной кормилицы своей Кіевской Академіи. Когда въ 1768 году начала составляться особая библіотека собственно въ бурсѣ, *Козицкій*

явился въ числѣ первыхъ жертвователей, и внесъ значительное, по тогдашнему времени, количество книгъ. *Григорій Васильевичъ Козицкій* скончался 1775 года[251].

Кондратовичъ Иларіонъ. Болѣе замѣтная въ іерархическомъ отношеніи служба его началась въ Кіево-межигорскомъ монастырѣ, котораго онъ былъ прежде игуменомъ, а потомъ архимандритомъ. Отсюда въ 1775 году *Кондратовичъ* былъ переведенъ въ Колязинъ Троицкій тверской монастырь, а черезъ годъ хиротонисанъ въ епископа переяславскаго. Въ 1785 году *Иларіонъ* былъ назначенъ на паству новгородъ-сѣверскую и глуховскую, а въ 1790 году переведенъ въ Могилевъ: но преклонныя лѣта и долговременная служба заставили его въ томъ же году просить увольненія отъ епархіи, что и получилъ онъ вмѣстѣ съ производствомъ полнаго архіерейскаго жалованья. Сверхъ этого *Иларіону* порученъ былъ въ управленіе новгородъ-сѣверскій монастырь, въ которомъ онъ 1799 года 12 генваря и скончался[252].

Мочульскій Феоктистъ родился 1732 года въ заднѣпровской Украйнѣ, принадлежавшей тогда польской коронѣ. Первые начатки ученія онъ получилъ въ переяславской семинаріи, откуда потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію. Здѣсь *Мочульскій* принялъ монашество; а въ 1761 году былъ вытребованъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ къ должности законоучителя. Послѣ шестилѣтней училищной службы, онъ былъ посвященъ въ архимандриты глуховскаго Петропавловскаго монастыря. *Мочульскій* однакожъ не долго тутъ оставался, и въ короткое время перемѣнилъ много настоятельствъ, бывъ архимандритомъ Харлампіева, Гамалѣевскаго, Кіево-михайловскаго, ростовскаго Яковлевскаго, полтавскаго Кресто-воздвиженскаго съ званіемъ администратора славенской епархіи[253], и наконецъ первокласнаго тверскаго Колязина монастырей. Въ 1784 году *Феоктистъ* рукоположенъ былъ въ епископа сѣвской епархіи, бывшей ви-

карною московской, а черезъ три года переведенъ въ бѣлогородскую. Ученый архипастырь, немедленно по прибытіи на епархію, обратилъ все свое вниманіе на образованіе духовенства, и самъ началъ писать и издавать различныя наставленія и уставы, касающіеся духовнаго юношества. Отъ первыхъ начатковъ ученія до послѣднихъ школъ семинарскихъ — все было предметомъ его просвѣщенной наблюдательности и дѣятельнѣйшаго устроенія. То онъ пишетъ *Наставленія* для священно-церковно-служителей своей епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ; то издаетъ для нихъ же *Дѣтскую Энциклопедію* или кругъ дѣтскаго обученія, то подаетъ *Драхму отъ сокровища Божественныхъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта,* или сокращеніе правилъ, къ знанію потребныхъ при чтеніи св. Писанія — все въ пользу тѣхъ же священно-церковно-служительскихъ дѣтей. Наконецъ онъ пишетъ *Инструкцію* семинарскимъ инспекторамъ, составляетъ *Краткія правила ирмолойнаго пѣнія,* трактатъ *о внѣшнемъ богослуженіи* или обрядахъ церковныхъ и *Краткое объясненіе Устава Церковнаго,* которое сдѣлалось потомъ во всѣхъ училищахъ духовныхъ классическою книгою. Не оставляетъ онъ своихъ питомцевъ и на поприщѣ священной ихъ службы; онъ составляетъ и издаетъ для руководства ихъ *Опытъ герменевтическаго объясненія о пасхаліи.* Чуждый мелочнаго самолюбія, онъ отсылаетъ сочиненія свои въ Кіевскую Академію, прося строжайшаго разсмотрѣнія оныхъ; ибо, замѣчаетъ онъ, »отъ критики науки приходятъ въ совершенство«, — и среди такой неутомимой кабинетной работы успѣваетъ еще поучать паству свою отъ божественнаго Писанія. Казалось, сей пастырь всю жизнь свою рѣшился посвятить образованію дѣтей, зная, что на »сихъ малыхъ« зиждется великое дѣло благосостоянія общественнаго. Такъ, еще будучи только законоучителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, *Ѳеоктистъ* издалъ *Логику* и *Реторику*, стараясь восполнить этимъ недостатокъ классическаго руководства и болѣе другихъ понимая потребности юныхъ питомцевъ. Въ награду неутомимыхъ трудовъ по управленію епархіей, *Ѳеоктистъ* въ 1800

году былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степ., а черезъ годъ саномъ архіепископа; 1810 получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а 1818 года 30 апрѣля скончался въ Бѣлгородѣ, оставивъ по себѣ вѣчную память въ облагодѣтельствованной имъ паствѣ[254].

Петровичъ Макарій родился 1734 года въ Венгріи въ м. Темесварѣ отъ тамошняго православнаго священника. Юныя лѣта свои онъ провелъ на родинѣ, подъ покровительствомъ темесварскаго архіепископа Виссаріона, усерднаго распространителя христіанскаго просвѣщенія между своими соотчичами. Мудрый попечитель, замѣтивъ быстрыя способности своего питомца и не имѣя подъ руками высшихъ средствъ для образованія юноши, послалъ его въ Кіевскую Академію, откуда онъ потомъ перешелъ въ московскую. Здѣсь *Петровичъ* принялъ монашество и вмѣстѣ съ тѣмъ каѳедру реторики; въ 1759 и 1760 годахъ былъ назначенъ академическимъ проповѣдникомъ, а потомъ префектомъ и учителемъ философіи. Въ 1764 году *Петровичъ* переведенъ въ тверской Желтиковъ монастырь архимандритомъ и ректоромъ тверской семинаріи; но къ сожалѣнію въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ скончался тамъ 24 декабря 1766 года. Не будучи природно русскимъ, онъ такъ хорошо изучилъ языкъ новаго своего отечества, что краснорѣчіемъ своимъ и даромъ проповѣдничества равнялся съ самыми лучшими современными писателями, превосходя всѣхъ особенно даромъ произношенія. Памятникомъ своей учености *Петровичъ* оставилъ систему философіи и богословія. Послѣдняя изъ нихъ отличается отъ всѣхъ современныхъ учебниковъ правильнымъ расположеніемъ, ясностію слога и отборными доказательствами, взятыми изъ свящ. Писанія и отцовъ Церкви[255].

Рубанъ Василій Григорьевичъ родился въ Малороссіи 1739 года. Получивъ дома первоначальные уроки, *Рубанъ* поступилъ въ Кіевскую Академію и, совершивъ курсъ фило-

софіи, перешелъ въ московскій университетъ, гдѣ обратилъ особенное вниманіе на изученіе отечественной словесности. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ сочиненіяхъ *Рубана* рѣзко отличались два направленія, сообщенныя ему двумя, различными по своему характеру, учебными заведеніями: но оба эти направленія, сливаясь воедино, образовали изъ него всесторонняго дѣятеля на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія. Съ 1767 года *Рубанъ* началъ появляться въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ съ своими лирическими и антологическими стихотвореніями. Удачное изобрѣтеніе мыслей, ловкость оборотовъ, чистота самаго выраженія обратили на него вниманіе современныхъ литераторовъ. Черезъ два года послѣ этого онъ и самъ рѣшился взяться за трудное дѣло журналиста. Въ 1769 году сталъ выходить еженедѣльникъ, подъ названіемъ: *Ни то ни сіо*, а черезъ два года основанъ имъ другой журналъ: *Трудолюбивый Муравей*, выходившій почти всякую недѣлю; въ 1772 и 1773 онъ издавалъ и третій еженедѣльникъ: *Старина и новизна*. Всѣ они состояли изъ мелкихъ прозаическихъ статей и разнаго рода стихотвореній. Конечно, дѣло журнальное являлось тутъ въ совершенномъ дѣтствѣ; за мнимую красоту слога, за острое словцо проходило иногда и такое издѣліе, въ которомъ не замѣтно было даже и претензіи на мысль: но всежъ было видно литературное движеніе впередъ, все же нельзя не отдать справедливости, въ числѣ прочихъ современныхъ писателей, и *Рубану*, который своими книжками, по мѣрѣ силъ и возможности, способствовалъ распространенію любви къ чтенію и занятію литературой. Но стихотворные опыты и журнальныя занятія его были не болѣе, какъ приготовленіе къ важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ трудамъ. Имѣя еще на рукахъ своихъ упомянутые еженедѣльники, *Рубанъ* занимался исторіею своего роднаго края, и въ 1773 году издалъ сначала *Краткое извѣстіе о Малороссіи*, дополнивъ и распространивъ потомъ оное подъ именемъ *Краткой лѣтописи Малой Россіи* съ 1506 по 1775 годъ. Въ этой книгѣ уже обширнѣй были разъяснены всѣ пріемы существовавшаго

въ то время малороссійскаго управленія, пріобщенъ любопытный списокъ, въ хронологическомъ порядкѣ, прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и знаменитыхъ іерарховъ. Читатель находилъ здѣсь полныя географическія и статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи, числѣ церквей, публичныхъ зданій, о почтовыхъ сообщеніяхъ и о многихъ другихъ полезныхъ и любопытныхъ предметахъ. Въ дополненіе къ этому сочиненію, *Рубанъ* въ томъ же году напечаталъ *Землеописаніе Малыя Россіи,* изъясняющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей и сколько гдѣ выборныхъ козаковъ, подпомощниковъ и проч. По всему видно, что предметъ этотъ былъ близокъ сердцу автора и заставлялъ его забывать труды, неизбѣжно сопряженные съ археологическими и статико-географическими изысканіями. Занятія эти не препятствовали однакожъ *Рубану* въ тоже самое время въ теченіи четырехъ лѣтъ (1775, 1776, 1778 и 1780) издавать въ Москвѣ и Петербургѣ *Любопытные Мѣсяцословы* съ разными историческими и статистическими приложеніями, и составить въ 1777 году огромную книгу, подъ названіемъ: *Всеобщій гонецъ и путеуказатель* или *Полный Дорожникъ.* Это было важнымъ пріобрѣтеніемъ для того времени, и потому *Дорожникъ Рубана,* послѣ перваго изданія, былъ перепечатанъ еще два раза (1791 и 1793 г.). Любя поэзію и считаясь въ свое время однимъ не изъ послѣднихъ стихотворцевъ, *Рубанъ,* по движенію благочестиваго чувства, избралъ для своей лиры *Канонъ св. Пасхи* и переложилъ его стихами въ 1779 году. Въ 1780 онъ составилъ *Россійскій Царскій Памятникъ* или Историческій Словарь Государей и Государынь, о которыхъ Церковь православная въ извѣстные дни совершаетъ заупокойныя молитвословія. Книжка эта была издаваема *Рубаномъ* три раза для безмездной разсылки по всѣмъ церквамъ Россійской Имперіи. Въ 1782 году онъ составилъ *Описаніе Москвы.* Но этимъ не ограничивались ученыя и литературныя занятія *Рубана.* Какъ воспитанникъ Академіи, и слѣдовательно, отличный знатокъ древнихъ языковъ, онъ пе-

редалъ въ переводѣ множество классическихъ сочиненій. Какъ безкорыстный и истинный любитель просвѣщенія, *Рубанъ* съ радостію помогалъ всякому въ дѣлѣ науки и съ отверстыми объятіями встрѣчалъ сколько нибудь замѣчательное дарованіе. Его стараніями вышли въ свѣтъ многія сочиненія и переводы, авторы которыхъ или не осмѣливались или не были въ состояніи издать ихъ. *Василій Григорьевичъ Рубанъ* скончался 1795 года, будучи директоромъ екатеринославскихъ училищъ. Кромѣ этого онъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ[256].

Симоновскій Петръ Корниліевичъ, сотникъ кіевскаго полку, по окончаніи курса наукъ въ Кіевѣ, отправлялся потомъ въ Варшаву для изученія собственно историческихъ наукъ. Ему хотѣлось послушать славнаго въ то время профессора Адама Нарушевича и повѣрить его уроками тѣ преданія о малороссійскомъ народѣ и объ отношеніяхъ его къ польской коронѣ, которыя неутомимо собиралъ онъ въ продолженіе школьной своей жизни. Удовлетворивъ своему желанію, *Симоновскій*, въ званіи гофмейстера, поступилъ къ Гудовичу и съ дѣтьми его ѣздилъ въ Парижъ, имѣя товарищами своими Козицкаго и Мотониса. Возвратясь оттуда, онъ поселился въ Малороссіи, посвящая досужее время изысканіямъ. Въ 1761 году онъ составилъ *Краткое описаніе Малороссійскаго козацкаго народа съ начала происхожденія его и разнообразнаго по временамъ состоянія по 1761 годъ*. Книга эта однакожъ не издана, а между тѣмъ въ ней помѣщено очень много любопытныхъ изысканій, взятыхъ авторомъ у иностранныхъ и русскихъ писателей[257].

Сѣчкаревъ Лука Ивановичъ родился 1741 года въ Нѣжинѣ отъ тамошняго земскаго писаря Ивана Яковлева. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ отданъ былъ отцомъ своимъ въ Кіевскую Академію и изумительными успѣхами въ наукахъ опередилъ

всѣхъ своихъ товарищей по воспитанію. Шестнадцати лѣтъ отъ роду *Сѣчкаревъ* уже окончилъ философскій курсъ и отличился особенно знаніемъ языковъ, такъ что заслужилъ почетный отзывъ отъ всего академическаго начальства въ оффиціальномъ отчетѣ, представленномъ митрополиту Арсенію Могилянскому[258]. Въ 1757 году *Сѣчкаревъ* перешелъ въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, и черезъ четыре года поступилъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ учителемъ нѣмецкаго языка, состоя между тѣмъ переводчикомъ при Медицинской Коллегіи. Въ 1769, переименованный въ подпоручика, онъ былъ опредѣленъ въ Инженерный Корпусъ учителемъ исторіи, географіи и русской словесности. Отличное преподаваніе этихъ предметовъ и неутомимая ученая дѣятельность доставили ему въ три года два слѣдующіе оберъ-офицерскіе чина. Въ званіи армейскаго капитана *Сѣчкаревъ* 1772 года опредѣлился въ св. Синодъ переводчикомъ, гдѣ снова началъ получать производство въ чины по гражданскому вѣдомству. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего онъ перешелъ въ штатъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, гдѣ принялъ въ управленіе секретную экспедицію, состоя при томъ директоромъ екатеринославскихъ училищъ. Къ послѣдней однакожъ своей должности *Сѣчкаревъ* не являлся, ибо все время находился безотлучно при свѣтлѣйшемъ во всѣхъ походахъ его противъ Турокъ, до замиренія съ ними. По кончинѣ Потемкина, *Сѣчкаревъ* 1792 года назначенъ былъ прокуроромъ св. Синода: но черезъ шесть лѣтъ совсѣмъ уволился отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника и съ полнымъ пенсіономъ. Онъ умеръ въ Москвѣ 1809 года. Какъ ученый и знаменитый своего времени лингвистъ, *Сѣчкаревъ* заслужилъ себѣ извѣстность въ русской литературѣ не столько собственными сочиненіями, сколько переводами съ разныхъ языковъ. Не даромъ Академія хвалилась своимъ воспитанникомъ; такихъ лингвистовъ трудно было сыскать въ его время. *Сѣчкаревъ* зналъ въ совершенствѣ языки греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій и польскій и съ каждаго изъ

нихъ оставилъ множество переводовъ, къ сожалѣнію, большею частію до нынѣ остающихся въ рукописяхъ[259].

Флоринскій Авраамій, по происхожденію, кіевскій мѣщанинъ. Окончивъ академическій курсъ, онъ въ 1752 году опредѣленъ былъ въ званіе учительское, и переходя изъ школы въ школу, черезъ три года назначенъ исправляющимъ должность префекта и преподавателемъ философіи, »по системѣ Баумейстера«. Вмѣстѣ съ этимъ *Флоринскій* проходилъ и обязанности начальника Великой Конгрегаціи. Въ 1758 году онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ въ виленскій Святодуховъ монастырь съ титломъ пріора или старшаго; а черезъ четыре года посвященъ въ санъ архимандрита во владимірскій Константиновъ монастырь съ званіемъ ректора тамошней семинаріи. При немъ это училище получило первый штатный окладъ, состоявшій изъ шестисотъ пятидесяти трехъ рублей пятидесяти пяти копѣекъ[260]. Въ 1773 году *Флоринскій* былъ переведенъ въ ростовскій Борисоглѣбскій, а черезъ два года въ Авраміевъ, тамже находящійся, монастырь. Здѣсь онъ занимался исправленіемъ старинпаго перевода Бесѣдъ Златоустовыхъ на Евангелія Матѳея и Іоанна. Многія мѣста этихъ огромныхъ переводовъ совершенно передѣланы *Флоринскимъ*. Въ 1786 году онъ былъ переведенъ въ Яковлевскій монастырь, гдѣ и скончался 1797 года 30 апрѣля[261].

Формаковскій Іеронимъ въ 1765 году завѣдывалъ префектурою казанской академіи, а въ слѣдующемъ былъ опредѣленъ ректоромъ и архимандритомъ Спасопреображенскаго монастыря. Въ 1767 году, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ переведенъ въ свіяжскій Богородицкій монастырь, и черезъ три года посвященъ въ епископа владимірскаго. Скончался 3 августа 1783 года[262].

Халчинскій Геннадій. Еще въ бытность свою сту-

дентомъ Академіи, заслужилъ онъ себѣ извѣстность, какъ отличный лингвистъ и рекомендованъ наставникомъ своимъ Лящевскимъ, какъ человѣкъ, вполнѣ способный замѣнить его. По окончаніи курса, онъ проходилъ при Академіи низшія училищныя должности и здѣсь же вступилъ въ монашество. Въ 1757 году *Халчинскій* былъ вызванъ въ казанскую академію на должность префекта, и чрезъ три года произведенъ въ архимандрита седміезерской Богородицкой пустыни, откуда 1764 года поступилъ въ Раифскую пустынь, а чрезъ годъ принялъ въ управленіе нижегородскій печерскій монастырь, гдѣ и скончался[263].

Хмельницкій Иванъ, ученѣйшій мужъ своего времени. Кончивъ курсъ наукъ въ Кіевской Академіи, онъ отправился за границу, и тамъ въ Кенигсберскомъ университетѣ довершилъ образованіе свое. Сочиненіе, написанное *Хмельницкимъ* на степень доктора философіи, обратило на него вниманіе всего ученаго міра; оно тогда же (1762 г.) было напечатано въ Кенигсбергѣ и удостоено отличнаго отзыва редактора гамбургскихъ вѣдомостей. Глубокій знатокъ философіи, *Хмельницкій* не уступалъ никакому авторитету и смѣло вызывалъ на состязаніе съ собою даже такихъ людей, каковъ тогда былъ Шлегель. По возвращеніи въ отечество, *Хмельницкій*, по Высочайшему повелѣнію, составилъ *Инструкцію для коммиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія.* Дальнѣйшая судьба сего ученаго мужа остается неизвѣстною[264].

Цвѣтъ Николай, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Тодорскаго и Крижановскаго. По совершеніи ученія въ Кіевской Академіи, онъ принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ и тотчасъ же вызванъ былъ въ Троицко-Сергіеву семинарію для преподаванія языковъ нѣмецкаго и французскаго. Въ 1767 году *Цвѣтъ* былъ рукоположенъ въ архимандрита пекинской миссіи. Такъ какъ цѣль ея была не одна лишь ис-

правленіе службъ и требъ церковныхъ для православныхъ христіанъ, пребывавшихъ въ Пекинѣ, а и распространеніе евангельской проповѣди между Китайцами: то *Цвѣтъ* былъ назначенъ блюстителемъ домашней школы, занимавшейся изученіемъ туземнаго языка и нарѣчій. Выполнилъ узаконенный для миссіонеровъ срокъ, *Николай Цвѣтъ* въ 1787 году возвратился въ Россію, и по собственному желанію уволенъ былъ на покой въ Кіевопечерскую Лавру, гдѣ и скончался[265].

Шишковскій Іоакимъ родился въ Кіевѣ и по поступленіи въ Академію, проходилъ въ ней всѣ классы отъ низшаго до философіи. Прослушавъ ее одинъ только годъ, онъ отправился въ С. Петербургъ съ намѣреніемъ посвятить себя медицинѣ: но непреодолимое отвращеніе при видѣ трупоразъятій заставило его признать себя неспособнымъ къ продолженію медицинскихъ занятій и произвело на душу его столь сильное впечатлѣніе, что онъ ни мало не медля, поступилъ въ Александроневскій монастырь на послушаніе и черезъ нѣсколько времени принялъ монашество. Въ 1780 году *Шишковскій* былъ посвященъ въ архимандрита и посланъ въ Пекинъ начальникомъ миссіи: но прибывъ туда, въ скоромъ времени скончался[266].

Якубовскій Тихонъ родился въ уѣздномъ городѣ Коропѣ, что въ Малороссіи, отъ мѣщанина, и по окончаніи академическаго курса, принялъ монашество въ Кіевобратскомъ монастырѣ. Отсюда поступилъ онъ іеромонахомъ въ Кадетскій корпусъ, и когда въ 1758 году взятъ былъ россійскими войсками прусскій столичный городъ Кенигсбергъ, *Якубовскій*, по посвященіи въ архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря, отправленъ былъ въ завоеванную столицу для основанія тамъ церкви православной. По заключеніи мира, онъ возвратился въ свой монастырь. Когда же въ 1764 году учреждена была московская викарная епархія, подъ именемъ Сѣвской, *Тихонъ*

пожалованъ туда епископомъ: но черезъ три года переведенъ былъ въ Воронежъ. Памятникомъ семилѣтняго своего управленія сею паствою онъ оставилъ семинарію, основанную его предшественникомъ Іоакимомъ Струковымъ и возведенную *Тихономъ* на высшую степень совершенства. При немъ открыта была тамъ каѳедра для преподаванія живыхъ языковъ, для чего вызваны были имъ воспитанники Кіевской Академіи[267]. Въ 1775 году *Якубовскій* переведенъ былъ въ Суздальскую епархію, гдѣ и скончался 4 апрѣля 1786 года[268].

Эминъ Ѳедоръ Александровичъ, кабинетскій переводчикъ и извѣстный нашъ литераторъ, родился, по сказанію Новикова, 1735 года въ пограничномъ мѣстечкѣ, находившемся во владѣніи польской короны. Судьба этого человѣка въ высшей степени загадочна, а разнорѣчивыя его показанія о самомъ себѣ свидѣтельствуютъ только то, что обладая сильнымъ умомъ и безпокойнымъ воображеніемъ, онъ захотѣлъ представить изъ себя авантюриста и игралъ любопытствомъ людскимъ столькоже, сколько и многосторонней своей ученостію[269]. Оставляя всѣ толки о его происхожденіи и случавшихся съ нимъ произшествіяхъ, лишенныхъ всякаго правдоподобія, мы принимаемъ мнѣніе митрополита Евгенія, который въ этомъ случаѣ опирается на показаніе »одного достойнаго вѣроятія человѣка[270]«, сообщившаго издателю книги *Эмина: Путь ко спасенію* подробности о его жизни[271]. Происходя отъ родителей небогатаго состоянія, *Эминъ*, по опредѣленіи въ Академію, включенъ былъ въ число бѣдныхъ воспитанниковъ, обыкновенно проживавшихъ въ бурсацкомъ сиротскомъ домѣ. Нужда заставляла тогдашнихъ учениковъ прибѣгать иногда къ изобрѣтательности, чтобъ находить средства къ своему существованію,— обстоятельство, сильно развивавшее во многихъ воспитанникахъ страсть къ похожденіямъ: что же могло оно произвесть въ *Эминѣ,* обладавшемъ острымъ умомъ и необыкновенно пылкимъ воображеніемъ? Безъ большаго труда про-

ходя кругъ академическихъ наукъ, онъ усматривалъ впереди или тихую жизнь въ духовномъ званіи, или скромную долю мирнаго гражданина,—перспектива, мало обѣщавшая человѣку, алкавшему чего нибудь необыкновеннаго. Родина была тѣсна для такой безпокойной дѣятельности обширнаго ума, и воображенію *Эмина* неотвязно стали представляться чужія земли, гдѣ онъ могъ дать полную волю своему странному характеру, и гдѣ никто не могъ мѣшать вымысламъ, которыми, за недостаткомъ существенности, станетъ онъ убирать бродячую жизнь свою. Рукопись Барскаго, тогда еще свѣжая новость, служила канвою, по которой разгуливало пылкое воображеніе *Эмина*, и онъ заранѣе поздравлялъ себя съ титломъ знаменитѣйшаго туриста, разсказовъ котораго повѣрять никто не станетъ. Помня однакожъ, что безъ надлежащихъ познаній нельзя достигнуть желаемой цѣли, *Эминъ* употребляетъ всѣ способности своей счастливой натуры къ усвоенію себѣ всего, что преподается въ школѣ, и блистательно окончивъ академическій курсъ, отправляется въ Константинополь — эту обѣтованную землю всѣхъ тогдашнихъ пилигримовъ. Съ этой минуты начинаются похожденія, въ которыхъ уже нѣтъ никакой возможности даже приблизительно отличить правду отъ лжи; видно только, что *Эминъ* вращался между людьми всѣхъ націй, и благодаря необыкновеннымъ своимъ дарованіямъ, въ короткое время изучилъ нѣсколько языковъ, ключъ къ которымъ, кромѣ турецкаго, взялъ онъ съ собою еще изъ Академіи, будучи отличнымъ знатокомъ языка латинскаго. Сколько времени такимъ образомъ *Эминъ* пилигримствовалъ, гдѣ онъ точно былъ, и что дѣйствительно видѣлъ—опредѣлить невозможно: но только въ 1761 году онъ явился къ князю Голицыну, бывшему тогда россійскимъ посломъ въ Лондонѣ, и назвавшись Мехметъ-Эминемъ потребовалъ крещенія[272] и паспорта въ Россію. Что было причиною этого—неизвѣстно: или *Эмину* надоѣла бродяжническая жизнь, или увлеченный страстію къ похожденіямъ, онъ дѣйствительно попалъ »въ нѣкоторое приключеніе, о су-

ществѣ коего послѣ никому не хотѣлъ объявлять«: но только онъ успѣлъ въ искательствѣ. Князь Голицынъ, очарованный необыкновенною остротою его ума, обширными свѣдѣніями и можетъ быть ловко придуманными романическими разсказами, повторенными имъ потомъ въ прошеніи къ Императрицѣ, приказалъ окрестить его въ своей домовой церкви и выдать паспортъ въ Россію. Черезъ полтора мѣсяца послѣ сего *Эминъ* былъ уже въ Петербургѣ, а въ началѣ іюня тогоже года подалъ на итальянскомъ языкѣ просьбу Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о принятіи его на службу. Какъ знатокъ турецкаго, итальянскаго, англійскаго, испанскаго, португальскаго и польскаго языковъ (въ которыхъ однакожъ никто его не экзаменовалъ), *Эминъ* немедленно назначенъ былъ кабинетскимъ переводчикомъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Хотя въ прошеніи своемъ онъ и не упомянулъ о знаніи языка русскаго: но черезъ два года явился его романъ: *Награжденная постоянность или приключенія Лизарка и Сарманды*. Въ тоже самое время (1763 г.) издалъ онъ *Приключеніе Ѳемистокла и разные политическіе, гражданскіе, философическіе, физическіе и военные его съ сыномъ своимъ разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны*, а въ слѣдующемъ году выпустилъ въ свѣтъ: *Краткое описаніе древнѣйшаго и новѣйшаго состоянія Оттоманскія порты* и *Нравоучительныя басни* въ прозѣ, составленныя по подобію восточныхъ Локмановыхъ и Пильпаевыхъ. Соглашаемся съ мнѣніемъ преосвящ. Евгенія, что »первые опыты *Эмина* въ языкѣ нашемъ были нечисты и грубы«; но Россія тогда читала не лучше этого, а требованія на нихъ, конечно, были не малозначительны, если каждый изъ этихъ »грубыхъ« опытовъ былъ издаваемъ по два и по три раза. Въ 1766 году *Эминъ* напечаталъ еще романъ: *Непостоянная фортуна или похожденія Мирамонда* въ трехъ частяхъ. Публика съ жадностію бросилась на эту книгу, въ слѣдствіе повсемѣстно образовавшагося убѣжденія, что въ романѣ этомъ, подъ именемъ Феридата, авторъ описалъ свои собственныя

приключенія. Въ томъ же году появился и другой его романъ, написанный въ подражаніе Элоизѣ Руссо, подъ названіемъ: *Письма Эрнеста и Доравры* въ четырехъ частяхъ. Но этого мало было для *Эмина:* онъ захотѣлъ быть журналистомъ, и въ 1769 году предпринялъ ежемѣсячное изданіе: *Адская почта.* Впрочемъ оно выходило только полгода, но *Эминъ* успѣлъ и здѣсь показать свой ѣдкій, сатирическій умъ, давая читателямъ предчувствовать необходимость критики; благодаря обширной начитанности и необыкновенной памяти, онъ почти одинъ работалъ надъ статьями журнальными. До сихъ поръ однакожъ въ *Эминѣ* не ярко отражался образъ воспитанника Кіевской Академіи; можетъ быть это дѣлано было имъ не безъ намѣренія — продолжать счастливо удавшуюся мистификацію; уже по смерти его открыто и издано было въ свѣтъ сочиненіе, шесть разъ выходившее потомъ изъ подъ типографскаго станка и сдѣлавшееся любимой народной книгою. Это *Путь ко спасенію* или набожныя размышленія, въ которыхъ заключается »нужнѣйшая къ общему знанію часть богословіи«. Составленіемъ этой книги *Эминъ* занимался еще въ 1766 году, обличивъ ею, мимо своего желанія, ту произвольную клевету, которую почти постоянно взносилъ на себя, называясь выкрещеннымъ магометанномъ. Такой мѣткости въ выборѣ богомысленныхъ разсужденій изъ разныхъ отеческихъ писаній, такого твердаго и здраваго убѣжденія въ истинахъ вѣры, такой убѣдительности слова можно было ожидать только отъ человѣка, который слушалъ Кониского и былъ питомцемъ митрополита Щербацкаго. Но важнѣйшій трудъ *Эмина* была *Россійская Исторія,* доведенная имъ однакожъ только до Всеволода III или до 1213 г. Удивительна начитанность и ученость автора: но вмѣстѣ съ тѣмъ непостижима та отчаянная самоувѣренность, съ какою онъ рѣшалъ историческіе вопросы, опираясь на свидѣтельства небывалыя и цитуя писателей, которыхъ даже на свѣтѣ не было[273]. Обращаясь собственно къ его біографіи, нельзя не сказать, что если здѣсь, гдѣ факты и лѣтописи могутъ неотразимо обличить

ложь повѣствователя, *Эминъ* не затруднялся утверждать небывалое: то какъ же повѣрить ему въ такихъ разсказахъ, которыхъ свидѣтелемъ былъ только онъ да его воображеніе? Ошибки и намѣренныя историческія неправды *Эмина* достаточно обличены всѣми нашими бытописателями: не смотря на это, книга его все таки была напечатана въ теченіи трехъ годовъ (1767, 1768 и 1769 г.) на счетъ Академіи Наукъ. Къ сожалѣнію, этотъ странный и удивительный человѣкъ, это смѣшеніе необыкновеннаго ума и непростительнаго обмана, христіанской набожности и космополитическаго юродства, не долго пожилъ для русской литературы, которой онъ съ болѣе остепенившимися понятіями могъ бы послужить блистательно; ибо, по отзыву митрополита Евгенія, »въ послѣднихъ своихъ опытахъ сравнялся »съ хорошими русскими писателями своего времени. Пылкость »воображенія, острота ума, духъ критики и соль даже сатиры, »а притомъ великая начетливость видны во всѣхъ его сочине»ніяхъ«[274]. *Өедоръ Александровичъ Эминъ* скончался 18 апрѣля 1770 года 35 лѣтъ отъ роду.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арсеній Могилянскій.

Утвержденіе Арсенія митрополитомъ. Испрошеніе коадъютора. Ученое сословіе. Кончина ректора Академіи Манассіи Максимовича. Страшный ударъ грома. Избраніе ректора голосами. Утвержденіе Нащинскаго ректоромъ. Распоряженія его. Представленіе бурсацкаго сеніора. Проэктъ о постройкѣ бурсы. Просительная граммата. Пожертвованія на постройку бурсы. Постройка ея. Обновленіе и перекрышка академическихъ зданій. Новое назначеніе царскаго жалованья. Убожество бурсаковъ. Новый коадъюторъ. Требованіе академическихъ отчетовъ. Отчеты по богословію, по философіи, по реторикѣ, по синтаксимѣ, по граматикѣ, по инфимѣ, по каѳедрѣ языка еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго. Образцы диспутовъ богословскаго и философскаго. Изученіе живыхъ языковъ. Состояніе языковъ древнихъ. Церковное краснорѣчіе. Студентская проповѣдь 1779 г. Нотное пѣніе и музыка. Академическіе пѣвческіе хоры. Постороннія занятія Академіи. Присяга Екатеринѣ II. Щедрость Арсенія. Заботливость его о будущности питомцевъ. Вдовые и женатые священнослужители въ Академіи. Требованіе студентовъ въ медицинскую академію. Прибытіе въ Академію иностранцевъ. Тяжебное дѣло между Братскимъ и Софійскимъ монастырями. Измѣненія въ самомъ Кіевѣ. Кіевъ окончательно входитъ въ семью русскихъ городовъ. Кончина митроп. Арсенія. Ректоры, префекты, профессоры и учители Академіи. Число воспитанниковъ. Образчики списковъ ученическихъ. Базилевичъ Іовъ. Барановичъ Лаврентій. Безбородко князь Александръ Андреевичъ. Березовскій Максимъ. Бобровскій Константинъ. Вольховскій Аѳанасій П. Германовскій Исаія Голеневскій Иванъ. Ильицкій Іосифъ. Колосовскій Аггей. Леванда Іоаннъ. Лехницкій Кассіанъ. Любарскій Платонъ. Никифоровичъ Іоанникій. Островскій Іоаннъ. Петровъ-Лавровскій Варлаамъ. Садковскій Викторъ. Сиьковскій Варлаамъ. Слонницкій Ѳеофилактъ. Тихорскій Ѳома. Шіяновъ Ѳеофанъ.

1757—1770.

Кіевъ не сиротствовалъ ни одного дня, проводивъ своего добраго архипастыря въ Москву бѣлокаменную: ибо въ томъ

же самомъ имянномъ указѣ, по которому переведенъ Тимоѳей Щербацкій, Императрица назначила и пожаловала архіепископа Арсенія Могилянскаго митрополитомъ кіевскимъ. Уже пять лѣтъ пребывалъ онъ въ своемъ уединеніи, управляя только новгородъ-сѣверскимъ Спасскимъ монастыремъ и думалъ тамъ окончить и дни свои, какъ Промыслу угодно было снова поставить этотъ свѣтильникъ на свѣщницѣ, да просвѣтится свѣтъ его предъ человѣки во славу Божію. Съ покорностію принялъ Арсеній вышнее призваніе, и повинуясь волѣ Помазанницы царства русскаго, оставилъ тихій пріютъ свой и явился во храмѣ св. Софіи, какъ первостоятель кіевской іерархіи[275].

Но ставши на высокой чредѣ служенія Церкви и отечеству, митрополитъ Арсеній чувствовалъ, что тѣлесныя силы мало отвѣчаютъ бодрости и ревнительности его духа. Въ годъ прибытія своего въ Кіевъ (1758) онъ обратился со всеподданнѣйшею просьбою о назначеніи ему въ помощники архіепископа Герасима, имѣвшаго нѣкогда свою епархію на греческомъ островѣ Андрѣ и пребывавшаго тогда въ Кіево-печерской Лаврѣ. Снисходя къ слабости здоровья новопоставленнаго митрополита, Государыня изъявила Высочайшее соизволеніе на его просьбу, и Арсеній свободнѣе приступилъ къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя увѣковѣчили славную память его.

Митрополитъ прежде всего обратилъ взоры свои на тотъ разсадникъ истинно-русскаго и христіанскаго просвѣщенія, отъ котораго и онъ питался нѣкогда животворящею росою ученія. Много явилось къ своему архипастырю полныхъ надеждъ и ожиданій поздравителей съ благополучнымъ его прибытіемъ въ стольный городъ князя Владиміра и всѣхъ привѣтствовалъ онъ съ ласковостью и вниманіемъ: но больше другихъ обращалось сердце его къ тѣмъ, которые составляли отдѣльную группу съ именемъ ученыхъ. Это были: ректоръ Академіи, архимандритъ *Манассія Максимовичъ;* префектъ іеромонахъ *Самуилъ Мислав-*

скій, учитель реторики и еллинскаго языка іеромонахъ *Викторъ Ладыжинскій*; учитель піитики іеромонахъ *Исаакъ Савицкій*, учитель синтаксимы, іеродіаконъ *Тарасій Вербицкій*, учитель граматики іеродіаконъ *Игнатій Максимовичъ*, учитель инфимы іеродіаконъ *Рувимъ Пetолинскій*, учитель аналогіи монахъ *Самсонъ Виницкій*. На этихъ-то воспитателей юношества устремленъ былъ многодумный взоръ архипастыря, и съ ними-то предпринималъ онъ трудиться въ священномъ дѣлѣ распространенія боговѣдѣнія между своими пасомыми.

Но изъ среды сихъ ученыхъ дни одного уже были изочтены. Не прошло и мѣсяца послѣ сего, какъ архипастырь отдавалъ въ Братской Богоявленской церкви послѣднее цѣлованіе ближайшему сотруднику своему ректору Академіи Манассіи Максимовичу, скончавшемуся 2 іюля 1758 года. Происшествіе, случившееся при погребеніи этого ученѣйшаго мужа, долго оставалось въ памяти встревоженныхъ кіевлянъ и современная лѣтопись сохранила оное на своихъ страницахъ[276]. Въ ту самую минуту, когда архидіаконъ надъ тѣломъ, уже перенесенномъ въ склепъ, провозгласилъ: »во блаженномъ успеніи вѣчный покой« — страшный ударъ грома потрясъ все зданіе, и висѣвшее посреди церкви серебряное паникадило, подъ которымъ за минуту предъ симъ стоялъ гробъ, растопилось и упало на земь. Многіе были оглушены и парализированы этимъ ударомъ, а сеніоръ Преображенской школы, ученикъ реторики *Саевскій* убитъ на смерть.

Немедленно, согласно предложенію митрополита Арсенія, приступлено было къ избранію новаго ректора. Префектъ Академіи *Самуилъ Миславскій* представилъ съ своей стороны въ кандидаты *Давида Нащинскаго*, архимандрита слуцкаго, уже извѣстнаго училищу своими отличными познаніями и прошедшаго всѣ наставническія должности отъ граматики до философіи включительно, и еще Кіево-софійскаго архидіакона *Мелхиседека Ор-*

ловскаго. Наставники подали голоса въ пользу *Самуила Миславскаго.* »яко неотлучно отъ Академіи со удоволствіемъ уче»никовъ во преподаваніи разныхъ школъ, инструкціи малой и »великой трудившагося«, а равно и *Мелхиседека Орловскаго.* Члены дикастеріи — каѳедральный намѣстникъ іеромонахъ *Лука* представилъ *Пащинскаго, Досиѳея Даляховскаго,* игумена Кіево-софійскаго монастыря, также бывшаго наставникомъ Академіи и *Петра Артовскаго,* каѳедральнаго писаря, который »начавъ отъ »школы синтаксимы до богословія, во всякой школѣ тщаливо »и радѣтельно, безъ всякаго и малѣйшаго подозрительства ученіе »свое проводилъ, да и еврейского, греческого и нѣмеческого »языковъ обучался«; *Никифоръ,* архимандритъ Николаевскаго монастыря, *Антоній,* игуменъ Выдубицкій, *Іакинѳъ,* каѳедральный духовникъ, *Павелъ,* каѳедральный проповѣдникъ избрали *Пащинскаго Доляховскаго* и *Артовскаго. Даляховскій* предложилъ *Пащинскаго, Артовскаго и Орловскаго. Артовскій* представилъ *Пащинскаго, Даляховскаго и Орловскаго,* а каѳедральный уставщикъ іеромонахъ *Сиѳъ* подалъ мнѣніе, чтобъ оповѣстить всѣмъ »учительнымъ людемъ«, находящимся какъ въ каѳедрѣ, такъ и въ Академіи и предложить имъ публичный диспутъ, по которому уже и избрать достойнѣйшаго.

Ясно, что большинство голосовъ было на сторонѣ Давида Нащинскаго, который уже и потому имѣлъ больше правъ, чѣмъ другіе, что носилъ незадолго предъ симъ достоинство префекта. Въ томъ же году, по утвержденіи митрополитомъ Арсеніемъ, онъ былъ вызванъ изъ слуцкаго монастыря и обыкновеннымъ порядкомъ введенъ въ управленіе Академіей и Братствомъ.

Первымъ дѣломъ Нащинскаго было устроеніе точнѣйшихъ отношеній между имъ и подчиненными: »прошу, писалъ онъ, »архипастырскою инструкціею точные предѣлы положить на»чальничеству ректорскому надъ учителями, понеже безъ тако»ваго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать какой либо въ

»гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшихъ«, — требованіе, послужившее въ послѣдствіи поводомъ къ раздору и несогласіямъ, окончившимся удаленіемъ Нащинскаго. Въ тоже время онъ представилъ митрополиту необходимость пересмотрѣть всѣ прежнія богословскія системы и дать одинъ учебникъ, рекомендуя въ этомъ отношеніи: *Исповѣданіе Каѳолической и Апостольской Церкви.* »Хвалю и почитаю, говорилъ онъ, святаго »Дамаскина богословскую руку, ибо видѣлъ и просмотрѣлъ, что »и о чемъ она въ богословіи начертала«. Но представляя означенную книжку въ руководство, Нащинскій, очевидно, стѣснялъ прежнюю свободу преподаванія, и преемникамъ его мало оставалось возможности отличиться своею изобрѣтательностью. Какъ бы то ни было: но въ управленіе его было постановлено: »Богословіи одной быть непремѣнно, а всякаго курса вновь не »сочинять: но только учителю имѣть старательство, чтобъ оная »надлежащимъ толкованіемъ изъяснена была, а паче, чтобъ ни»чего въ ней не было противнаго православному исповѣданію. »Чего для составленную систему теологическую велѣть впредь »одну преподавать, только кратко, а непродолжительно, чтобъ »впредъ отнынѣ богословія непремѣнно въ четыре года конча»лась. Въ оной системѣ если что учитель усмотритъ ненужное, »то выбросить; еслижъ что потребное не сыщется, то приба»вить можетъ. А паче лишней реторики отнюдь не употреблять, »но сколько возможно краткость наблюдать, сохраняя притомъ »чистый латинскій штиль, а оберегаясь грубаго и простаго на»рѣчія. По прошествіи же двухъ годовъ можно для вновь при»шедшихъ учениковъ сначала богословіе начинать, а для преж»нихъ дальше трактаты продолжать, и оное ученіе предлагать »съ перемѣною однажды для вновь пришедшихъ, другой разъ »для прежнихъ учениковъ. Чего для приходящимъ вновь въ »богословіе ученикамъ велѣть заблаговременно списывать имъ »нужные трактаты. Такимъ образомъ можно чаять, что въ Кі»евской Академіи ученіе богословское придетъ когда нибудь въ »добрый порядокъ, хотя того еще во всѣхъ россійскихъ акаде-

»міяхъ, коллегіяхъ и семинаріяхъ не доказано; почему въ Россіи »и понынѣ настоящей богословіи не имѣется«[277].

Въ тотъ же самый годъ (1758) сеніоръ Великой Бурсы *Михаилъ Павловскій* »съ товарищи« вступилъ къ митрополиту съ донесеніемъ[278], что по причинѣ обветшалости зданія, въ которомъ жили студенты и ученики, значительно начала увеличиваться между ними смертность. »Чрезъ происходившіе отъ »оной (сырости) заразительные вапоры (испаренія) таковыя бо»лѣзни приключались, что миновавшей зимы выше тридцати »человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ, по объявленію здѣш»нихъ жильцовъ, не бывало«[279]. Арсеній немедленно повелѣлъ приступить къ смѣтѣ всѣхъ суммъ академическихъ, по ликвидаціи которыхъ оказалось, что на нихъ и разсчитывать нечего. Отпустивъ на починку самонужнѣйшаго въ бурсѣ своихъ собственныхъ денегъ, митрополитъ занялся проэктомъ построенія новаго зданія; для этого сначала отъ себя онъ положилъ въ Братскую казну *двѣ тысячи двѣсти тридцать восемъ* рублей *пятдесятъ* копѣекъ, и потомъ снабдилъ одного изъ учителей просительною книгою съ возваніемъ ко всѣмъ любителямъ отечественнаго просвѣщенія. Этотъ любопытный памятникъ архипастырской его заботливости о воспитанникахъ Академіи уцѣлѣлъ доселѣ и стоитъ того, чтобъ сохранить его навсегда. »Имѣются, писалъ Арсеній, въ паствѣ нашей при училищахъ »кіевскихъ таковые люди, которые еще въ малолѣтствѣ своемъ »лишились какъ родителей такъ и сродственниковъ своихъ, и »всѣ свои лѣта, хотя съ претерпѣніемъ крайней нужды, на то »положили, дабы получая въ такомъ своемъ бѣдномъ состояніи »отъ христолюбцовъ милостивое снабдѣніе, изучиться честныхъ »искуствъ, разныхъ языковъ и полезнѣйшихъ наукъ, а изучив»шись во первыхъ употребить оныя къ *совершенію святыхъ въ »дѣлѣ служенія, въ созиданіе тѣла Христова,* потомъ къ пріобрѣтенію пользы отечеству, наконецъ къ засвидѣтельствованію »какъ благодарности такъ и услужности своимъ милостинопо-

»даятелем, наипаче просвѣщая и обогащая ихъ дѣтей разумы »основательными и твердыми ученіями. Сіи люди, упражняясь »въ томъ богоугодномъ и всему отечеству преполезномъ дѣлѣ »имѣли доселѣ свое жительство въ домѣ вообще называемомъ »Бурсою, который нынѣ въ таковую обветшалость пришолъ, »что въ иныхъ избахъ за согнившими въ оныхъ стѣнами, и за »подходящею во время осени и весны водою и надходящей зимы »провесть крайно невозможно, а въ иныхъ хотя чрезъ слѣдую»щее зимное время съ нуждою могутъ прожить, однако впредь »въ оныхъ жить крайно нельзя будетъ. Наша мѣрность о та»ковой означенныхъ людей состояніи непрестанно помышляя, »а паче о томъ, что имъ, яко въ крайной нищетѣ пребываю»щимъ, безъ помянутого дому нельзя по способности своего »ученія производить сердечно сожалѣя, имѣя же неусыпное по»печеніе о благостроеніи паствы нашей, которое посредствомъ »учительныхъ людей получается, такожъ и приращеніи пользы »отечеству и о просвѣщеніи науками умовъ малороссійскаго »шляхетства, воспріяли намѣреніе оный домъ за крайнюю его »нынѣшнюю обветшалость вновь соорудить, разсуждая же при»томъ, что и кромѣ сего есть такъ въ катедрѣ, яко и во учи»лищахъ нашихъ нужныя строенія крайно жь обветшалыя, ко»торыя потому жь требуютъ репараціи и великаго на то кошту, »употребили средство къ благопоспѣшнѣйшему произведенію въ »дѣйство такого нашего о ономъ домѣ, вообще Бурсою име»нуемомъ, намѣренія, пригласить въ помощь къ намъ и прочихъ »науки любящихъ, чимъ кто оную къ сооруженію того дому »подать восхощетъ. Таковыхъ убо къ благопризрѣнію на уча»щихся въ нищетѣ и къ подаянію для сооруженія помянутого »для нихъ дому, Бурсою именуемаго, по возможности и произ»воленію сердца всѣхъ обще молимъ и оными апостольскими »словесы увѣщеваемъ: *благотворенія и общенія не забывайте, »таковыми бо жертвами благоугождается Богъ*«[280].

И слово добраго архипастыря не осталось гласомъ вопію-

щаго въ пустыни. Постепенно начали являться доброхотные датели, помогавшіе въ этомъ святомъ дѣлѣ попечительному протектору Академіи. *Иларіонъ Григоровичъ,* епископъ сарскій и подонскій, прислалъ *тысячу* рублей; митрополитъ московскій *Тимоѳей Щербацкій пятдесятъ* рублей; графъ *Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій — сто* рублей; *Лука Бѣлоусовичъ,* архимандритъ печерскій, пожертвовалъ собственно отъ себя *двадцать* рублей; *Миткевичъ* полковой кіевскій писарь—*двадцать* рублей; новгородскій сотникъ въ память Скоропадской —*двадцать* руб.; отъ разныхъ вкладчиковъ Академія получила *сто девять* рублей *двадцать двѣ* копейки. Кромѣ того у ней самой набралась довольно значительная сумма: штрафныхъ денегъ[251] *семьсотъ девяносто девять* рублей *осмнадцать* копѣекъ; съ проданнаго стараго дерева и драни *восемдесятъ* рублей *десять* копѣекъ. Но пока сборы эти продолжались, академическое начальство, получивъ отъ Луки Бѣлоусовича дворъ, находившійся на самомъ берегу Днѣпра, близъ церкви Николая Набережнаго и прикупивъ къ тому еще три двора у полковника слободскихъ полковъ Іоакима Кононовича, начало въ 1760 году заготовлять необходимые матеріалы; черезъ три года былъ выведенъ каменный фундаментъ, а въ 1763 окончено все зданіе и того же года, по освященіи дома, воспитанники переведены въ свѣтлыя, просторныя комнаты. Постройка всей Бурсы обошлась въ *пять тысячь пятьсотъ двадцать три* рубля *тридцать семь* копѣекъ.

Окончивъ это дѣло, митрополитъ Арсеній приступилъ къ другому — къ перекрышкѣ академическихъ зданій, и уже не обращаясь къ сборамъ посторонимъ, своими средствами исполнилъ такое предначертаніе. Въ училищной кассѣ оказалось *три тысячи сто шестдесятъ три* рубля *семдесятъ семь* коп., изъ которыхъ *тысяча четыреста четыре* рубля *семнадцать съ половиною* копѣекъ положено самимъ митрополитомъ Арсеніемъ; *двѣсти сорокъ шесть* рублей *семдесятъ* копѣекъ получены изъ скарбу войсковаго; *четыреста шестдесятъ восемъ* рублей по-

ступили изъ каѳедры митрополитской за проданную жесть; *двѣсти пятдесятъ одинъ* рубль *сорокъ одна съ половиною* коп. изъ глуховской канцеляріи; съ проданнаго, за остаткомъ, бурсацкаго матеріала получено *тридцать шесть* рублей *шестдесятъ* коп., да принято штрафныхъ денегъ *семьсотъ пятдесятъ шесть* рублей *восемдесятъ восемь съ четью* копѣекъ. Значитъ, средства отвѣчали ревности и усердію пастыря, и потому не мудрено, что зданія академическія скоро предстали въ свѣжемъ, обновленномъ видѣ, на что было израсходовано *двѣ тысячи девятьсотъ шестдесятъ* рублей *пятнадцать* копѣекъ.

Въ это же самое время (1766 г.), по представленію кіевскаго генералъ губернатора Ѳедора Ивановича Глѣбова, Императрица Екатерина II повелѣла Государственной Коллегіи Экономіи выдавать на Академію изъ экономической суммы въ годъ по *пятисотъ* рублей, »впредъ до особливаго разсмотрѣнія«, вмѣсто прежнихъ двухсотъ рублей, отпускаемыхъ изъ малороссійскаго войсковаго казначейства. Такое пособіе было истиннымъ благодѣяніемъ для училища, особенно нуждавшагося въ средствахъ для поддержки многочисленныхъ своихъ питомцевъ. Хотя благотворительные люди, и особенно кіевскіе монастыри[282], не оставляли ихъ безъ вспомоществованій: но печальныя картины крайней бѣдности все еще повторялись; все еще имѣлось при училищахъ кіевскихъ, говоря словами митрополита Арсенія, »много таковыхъ людей, которые, »въ малолѣтствѣ лишившись какъ родителей, такъ и сродственниковъ своихъ, нуждались въ милостивомъ снабдѣніи отъ христолюбцевъ«. Бѣдные ученики обрекали себя даже на унизительныя работы и услуги, чтобы пріобрѣсть средства »учиться »честныхъ искуствъ и полезнѣйшихъ наукъ, а изучившись употребить оныя къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія и къ »пріобрѣтенію пользы отечеству«. Съ грустной думою читаешь такое »всенижайшее доношеніе«, какое писалъ 1766 года »Кіевскія Академіи бурсакъ *Иванъ Сандурскій:* »уговоренъ былъ

»я нижайшей здешнего Кіевовидубицкого монастиря отъ его »преподобія господина отца намѣстника для смотренія состоя»щихъ на звѣринскомъ близъ монастиря грунтѣ проса и пше»ницѣ толко до жатя, за что обѣщано мнѣ дать кожухъ и чо»боти. Я же нижайши въ надеждѣ того въ ономъ смотреніи »находился отъ іюля 25 августа по 31 число; а понеже мнѣ »нижайшему подъ наступающее зимное въремя въ нужномъ »одѣяніи и обувѣ крайная состоить нужда: того ради вашего »высокопреподобія въсенижайше прошу оное обѣшаное мнѣ за »показаную службу мою кожухъ и чоботи повелѣть кому на»длежить выдать«(283). Вотъ какъ немного требовалъ горемычный питомецъ знаменитаго училища! Вотъ какъ много было въ душѣ его любви къ святому дѣлу образованія себя!..

Усиленныя занятія и при такомъ еще слабомъ здоровьѣ могли быть слишкомъ тяжелы для іерарха, на которомъ лежали еще епархіальныя заботы. Архіепископъ Герасимъ былъ недолго ему помощникомъ, ибо въ началѣ 1759 года скончался. Св. Синодъ, дорожа такимъ просвѣщеннымъ архипастыремъ, какъ Арсеній, опредѣлилъ ему въ томъ же году другаго коадъютора далматскаго епископа Симеона Кончаревича, пребывавшаго въ Лаврѣ на покоѣ; и облегченный въ іерархическихъ занятіяхъ своихъ Арсеній снова обратился къ заботамъ о любимомъ своемъ училищѣ. Онъ потребовалъ отъ Академіи подробнѣйшаго отчета о томъ, »чего именно каждый изъ учителей въ своей школѣ »учениковъ своихъ, чрезъ истекшій курсъ, учили и научили и »окончилиль тое свое ученіе, и буде нѣтъ, то за чимъ и на »чомъ пріостановилися«.

Въ слѣдствіе такого предписанія, ректоръ и богословія профессоръ *Давидъ Нащинскій* отъ 29 августа 1759 года донесъ митрополиту: »1) Въ богословской школѣ читано и толковано »и наизустъ учено: *Православное исповѣданіе Церкви восточныя »греко-россійскія* на латинскомъ языкѣ. 2) Изъ этой книги

»протолковано только двѣ части а) о вѣрѣ и б) о надеждѣ, и »за тѣмъ чтеніе оной книги остановилось«. Причинами такой остановки въ преподаваніи Нащинскій приводитъ во первыхъ то, что наступило вакаціальное время, а во вторыхъ, что толкованіе означенныхъ частей предлагаемо было »слышателямъ »такъ, что всякой богословской вещи, толкованія требующей, »внушаема была декларація или експликація а) *словная* (verbalis) »то есть сказуемо было слышателямъ, откуды какое богослов»ское реченіе (vocabulum) производится, quod est explicare per »derivationem vocabuli; какими другими реченіями оно называется, »quod est explicare per synonyma; какая еще вещь тѣмъ же име»немъ называется, которыми и толкуемая, quod est explicare »per remotionem aequivocationis; какъ толкуемая вещь описы»вается по богословску и философску, quod est explicare per de»finitionem; б) *вещная* (realis) то есть, говорено слышателямъ, »что есть толкуемой вещи a) genus b) species c) totum d) partes »e) causa efficiens f) causa materialis g) causa finalis h) causa for»malis i) effecta k) adjuncta l) opposita m) testimonia et cael. Сіи »же свидѣтельства, продолжаетъ Нащинскій, которыя приводимы »были въ подтвержденіе пропозицій богословіи нашей, псканы »были въ Библіяхъ, приносимыхъ въ школу отъ каждаго изъ »слышателей, а то того ради, дабы богословіи слышатели ча»стымъ смотреніемъ въ Библію навыкли потребныя свидѣтель»ства находить скоро въ самомъ богословіи источникѣ«. Въ четвертыхъ остановка послѣдовала отъ того, что »чтеніе и тол»кованіе онаго исповѣданія было повторяемо«. Въ пятыхъ, что »служащіи изъ философіи мѣста къ изъясненію вещей богослов»скихъ прочитываемы были въ философіи, на какой конецъ и фило»софія приносима была въ школу отъ слышателей«. 3) Сверхъ этого прочитано было изъ *Камня вѣры* два догмата о преданіяхъ неписанныхъ и о добрыхъ дѣлахъ, необходимыхъ ко спасенію. 4) Прочтено также Евангеліе отъ Матвея »съ такою онаго резо-

»золоціею, какова обрѣтается въ книжицѣ имянуемой: Sciagra»phia sacra«. 5) Предложены были студентамъ въ силлогистическомъ порядкѣ мнѣнія, противныя православному ученію съ отчетливымъ и полнымъ разрѣшеніемъ оныхъ и наконецъ »отправлена диспута публичная«.

Приводимъ два образчика домашнихъ диспутовъ по классу богословскому и философскому. Напередъ замѣтимъ, что въ началѣ ихъ обыкновенно представляема была рѣчь, служившая нѣкотораго рода вступленіемъ, и потомъ уже предлагалась извѣстная тема, какъ предметъ разсужденія. Впрочемъ это не было непремѣняемымъ закономъ: въ весьма многихъ домашнихъ диспутахъ дѣло начиналось прямо съ предложенія[231].

Диспутъ Богословскій.

РѢЧЬ ПРЕДЪ ВОЗРАЖЕНІЯМИ.

Всемогущій Творецъ, производя изъ небытія въ бытіе различные твореній роды, благоволилъ возвеличить человѣка какъ внѣшними такъ и внутренними совершенствами предъ протчіими созданіями: ибо украсилъ его лѣпотою образа своего. Образъ сей наипаче сіялъ въ правотѣ разума и воли, въ свободѣ и безсмертіи. Онъ имѣя чистѣйшій разумъ понималъ ясно глубину таинъ Божіихъ и сокровенный твореній союзъ проникалъ удобно. Непорочная его воля, повинуясь владычеству разума, избирала изъ тысячи добръ найлучшее. Страсти, не зная тлетворности, наблюдали мирное согласіе. Чувства, слѣдуя предводительству разума, не имѣли между собою свирѣпой войны. Тѣло его не знало болѣзни— дороги къ смерти, и все его естество исполненно было безсмертія. Всеблагій Зиждитель желая, чтобы онъ въ семъ блаженномъ состояніи пребылъ всегда непремѣненъ и предваряя печальныя слѣдствія предписалъ ему заповѣдь сію: *отъ всякаго древа снѣдію снѣси, отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него.* Свѣтъ сея истинны болѣе усугубить могутъ слѣдующія возраженія:

Положеніе богословское. Богъ, создавши человѣка блаженнымъ, хо-

тѣлъ, чтобъ онъ въ томъ блаженномъ состояніи былъ всегда непремѣненъ; а для сего предписалъ ему заповѣдь, содержащую въ себѣ средства, какъ оное первородное благополучіе сохранить всегда ненарушимо.

Противъ котораго возражаю. Человѣкъ, какъ въ созданіи Божіей превосходной благости, такъ и по созданіи особеннаго промысла, кажется, не сподобился: убо положеніе сумнительно, что Богъ создавши человѣка хотѣлъ, дабы онъ въ томъ блаженномъ состояніи былъ всегда непремѣненъ. *Доказываю предыдущаго первую часть.* Благость Божія превосходная къ человѣку включаетъ сообщеніе совершенствъ превосходныхъ: но человѣку, кажется, въ созданіи отъ Бога не сообщенны превосходныя совершенства; убо человѣкъ въ созданіи Божіей превосходной благости, кажется, не сподобился. *Доказываю меньшое предложеніе.* Человѣкъ въ созданіи, кажется, не получилъ совершеннаго разума и воли преклонной къ добру: убо человѣку, кажется, въ созданіи отъ Бога не сообщенны превосходныя совершенства. *Доказываю предыдущаго первую часть.* Человѣкъ повѣрилъ предложенію, несогласному съ здравымъ разумомъ, то есть, что вкушеніе плода здѣлаетъ человѣка Богомъ: (Быт. III. 4. 5. 6) *и рече змій женѣ: не смертію умрете. Вѣдяше бо Богъ, яко въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое. И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь и яко угодно очима видѣти и красно есть еже разумѣти и вземши отъ плода его, яде, и даде мужу своему съ собою, и ядоста.* Убо человѣкъ въ созданіи, кажется, не получилъ совершеннаго разума.

Отвѣчаю на предыдущее и слово св. Писанія. Человѣкъ первый повѣрилъ предложенію оному, что вкушеніе плода отъ древа посредѣ рая стоящаго здѣлаетъ подобнымъ его Богу не отъ недостатка просвѣщенія въ разумѣ, но по свободному своему произволенію и по желанію богоподобной славы, а сіе происходило порядкомъ таковымъ: когда діаволъ, вшедшій въ змія, началъ разговаривать, и предложивъ женѣ вопросъ: (Быт. III. 1) *что яко рече Богъ, да не ясте отъ всякаго древа райскаго?* и получилъ отъ жены отвѣтъ, состоящій въ сихъ словахъ: (ст. 2 и 3) *и рече жена змію: отъ всякаго древа райскаго ясти будемъ, отъ плода же древа, еже есть посредѣ рая, рече Богъ да не ясте отъ него, ниже прикоснитеся къ нему, да не умрете;* изъ коихъ

словъ нѣкое сомнительство о истиннѣ Божіихъ словъ открылось, ибо Богъ сказалъ: (II. 17) *отъ древа еже разумѣти доброе и лукавое не снѣсте отъ него; а въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете*, а жена оныя слова реченіемъ, сомнѣніе включающимъ, изъяснила: ne forte moriamini — *да не умрете:* то видя свой успѣхъ, діаволъ вдругъ перемѣнилъ сомнительство жены на отрицаніе, и побуждая къ гордости жену, сказалъ: (ст 4 и 5) *не смертію умрете, вѣдяше бо Богъ, яко въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое;* а изъ сихъ словъ въ женѣ чувственное и неумѣренное желаніе произшедши и умножившись, разумъ преодолѣло и понудило ко вкушенію запрещеннаго плода. Жена, вкусивши запрещеннаго плода, поднесла отъ онагожъ плода мужу, который видя, что жена по снѣденіи плода отъ древа запрещеннаго не умерла, первѣе началъ сомнѣваться о истиннѣ Божіихъ словъ и думалъ, что и онъ, ежели вкуситъ отъ онаго плода, не умретъ, потомъ за сомнѣніемъ послѣдовало въ немъ желаніе быть подобнымъ Богу, почему и онъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода и преступилъ заповѣдь Божію.

Настою. Но кажется, что человѣкъ первый повѣрилъ предложенію тому по недостатку просвѣщенія въ разумѣ. Убо человѣкъ въ созданіи, кажется, не получилъ совершеннаго разума. *Доказательство внесенное.* Первый человѣкъ не зналъ не токмо другихъ вещей, но и наготы своей (Быт II. 25): *и бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася.* Убо, кажется, что первый человѣкъ повѣрилъ предложенію оному, по недостатку просвѣщенія въ разумѣ.

Отвѣчаю на предложеніе и слова св. Писанія Нагота есть иная непорочная, а иная безчестная и со стыдомъ соединенная. Прародители не знали наготы безчестной прежде паденія или моральной — *позволяю*, не знали непорочной или физической — *отрицаю.* Vestimenta sunt signa reatus peccati, одѣянія суть знаки винности грѣха.

Доказываю вторую часть, что человѣкъ, кажется, въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру. Въ книгѣ Ездры IV, 30 пишется: *злакъ семене злаго всѣянъ есть въ сердце Адамово изначала;* убо, кажется, что первый человѣкъ въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру.

Отвѣчаю на слова приведенныя: Злакъ сѣмене злаго всѣянъ есть въ сердце Адамово изъ начала паденія — *позволяю;* изъ начала созданія—*отрицаю.* »Убо первый человѣкъ, кажется, въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру« —*отрицаю слѣдствіе и говорю:* правда, что злакъ сѣмене злаго всѣянъ въ сердце Адамово посредствомъ искушенія діавольскаго и Адамовымъ произволеніемъ изъ начала паденія, а не изъ начала созданія.

Настою. Но кажется, что злакъ сѣмене злаго всѣянъ въ сердце Адамово изъ начала созданія. Убо, кажется, что первый человѣкъ въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру. *Доказательство внесенное.* Человѣкъ изъ начала созданія, кажется, не былъ праведный; убо, кажется, что злакъ сѣмене злаго всѣянъ въ сердце Адамово изъ начала созданія. *Доказываю предыдущее.* Первому человѣку изъ начала созданія данъ былъ законъ; убо человѣкъ изъ начала созданія, кажется, не былъ праведный. *Доказываю послѣдующее* (1 Тимоф. 1. 9) *праведнику законъ не лежитъ,* или не положенъ: убо ежели первому человѣку изъ начала созданія данъ былъ законъ отъ Бога, то кажется, что не былъ онъ праведный.

Отвѣчаю на слова св. Апостола. Праведнику законъ не лежитъ или не положенъ насильно понуждающій и поражающій проклятіемъ—*позволяю,* ибо праведникъ охотно стремится къ исполненію закона и свободенъ отъ проклятія закона Праведнику не лежитъ законъ обязующій — *отрицаю,* ибо обязательство закона до всѣхъ простирается, и потому хотя первому человѣку отъ начала созданія и данъ былъ отъ Бога законъ, не слѣдуетъ, что онъ не былъ праведный, ибо онъ могъ его добровольно исполнять и свободенъ былъ отъ проклятія его.

Доказываю вторую часть, что »человѣкъ кажется по созданіи особеннаго Божія промысла не сподобился«:— Сирахъ говоритъ (XV, 14): *Богъ изъ начала сотвори человѣка и остави его въ руцѣ произволенія его;* убо кажется, что человѣкъ по созданіи особеннаго Божія промысла не сподобился.

Отвѣчаю на слова приведенныя. Оными словами изображается свободная и совершенная воля перваго человѣка, а не исключеніе его изъ особеннаго Божія промысла.

Настою. Но оными словами, кажется, утверждается, что по созданіи первый человѣкъ изключенъ былъ изъ особеннаго промысла Божія; убо, кажется, что человѣкъ по созданіи особеннаго Божія промысла не сподобился. *Доказательство внесенное.* Первый человѣкъ никакого не имѣлъ достатка, не токмо въ чемъ другомъ, но и въ пищѣ; убо оными словами, кажется, утверждается, что по созданіи первый человѣкъ исключенъ изъ особеннаго промысла Божія. *Доказываю предыдущее.* Человѣкъ питался зеліемъ, какъ и прочіе скоты (Быт. I. 29). *Се дахъ вамъ всякую траву сѣменную, сѣющую сѣмя, еже есть верху земли всея, и всяко древо, еже иматъ въ себѣ плодъ сѣмене сѣмяннаго вамъ будетъ въ снѣдь;* убо первый человѣкъ не токмо въ чемъ другомъ не имѣлъ достатка, но и въ пищи.

Отвѣчаю на предыдущее и текстъ. Человѣкъ первый прежде паденія питался одними зеліями не отъ недостатка: ибо ему надъ всѣми птицами, рыбами морскими, и животными дана власть (Быт. 1, 28): но отъ единаго произволенія, и по причинѣ какъ здраваго сложенія его тѣла, такъ и пользы плодовъ земныхъ; ибо тѣло его, не поврежденное грѣхомъ, таковую пріятность и укрѣпленіе силъ получало изъ употребленія плодовъ, каковаго нынѣ растлѣнное грѣхомъ не можетъ имѣть изъ самой превосходнѣйшей и человѣческимъ наилучшимъ искуствомъ здѣланной пищи.

Доказываю, что »Богъ не предписалъ заповѣдь содержащую въ »себѣ средство, какъ первородное блаженство сохранить всегда ненарушимо«. Заповѣдь предписанная, кажется, была причиною потерянія первороднаго блаженства, убо Богъ не предписалъ заповѣдь содержащую въ себѣ средство, какъ первородное блаженство сохранить всегда ненарушимо. *Доказываю предыдущее:* Заповѣдь предписанная, кажется, была причиною грѣха, по оному: (Римл. VII. 8) *вину пріемъ грѣхъ заповѣдію, безъ закона бо грѣхъ мертвъ.* Убо заповѣдь предписанная, кажется, была причиною потерянія первороднаго блаженства.

Отвѣчаю на предыдущее и слова св. Писанія. Заповѣдь, предписанная была причиною грѣха, по содѣланіи грѣха, сколь есть онъ велико зло—*позволяю;* причиною дѣйствительною грѣха, аки бы заповѣдь побудила къ дѣланію грѣха и произвела грѣхъ — *отрицаю.*

Настою. Но кажется, заповѣдь данная была причиною дѣйствительною грѣха; убо заповѣдь предписанная, кажется, была причиною потерянія первороднаго блаженства. *Доказательство внесенное.* Заповѣдь данная произвела гнѣвъ Божій, какъ изъ книги Божія явствуетъ и Павелъ св. (Римл. IV. 15) говоритъ: *законъ гнѣвъ содѣловаетъ;* убо кажется, что заповѣдь была причиною дѣйствительною грѣха.

Отвѣчаю на предыдущее и текстъ свящ. Писанія. Заповѣдь данная произвела гнѣвъ Божій по преступленіи закона — *позволяю;* прежде преступленія — *отрицаю.*

Диспутъ Философскій.

РѢЧЬ ПРЕДЪ ВОЗРАЖЕНІЯМИ.

Тончайшая проницательность любопытныхъ умовъ, изслѣдывая естественныя свойства разума, примѣтила, что онъ безъ просвѣщенія не столь удобно во внутренности вещей вникать и ихъ разсматривать можетъ да и самое почти извѣстнѣйшее съ великимъ трудомъ, и то нетвердо, неосновательно и не безъ малой иногда ошибки постигаетъ. По сей причинѣ врожденному слѣдуя расположенію онаго, вымыслила нарочито для дополненія въ немъ сего недостатка искуственную логику, дабы онъ на правилахъ оной утверждаясь и какбы по извѣстной нѣкоей стезѣ шествуя, до подробнаго познанія истинны свободно доходить могъ. А чтобъ сіе обстоятельнѣе выразумѣть, предложу нѣсколько противорѣчій.

Положеніе философское. Логика искуственная есть наука, изъясняющая правила, по которымъ умъ познаетъ и разсуждаетъ истину.

Возражаю. Въ Логикѣ искуственной темныя и невразумительныя преподаются правила; слѣдовательно, логика искуственная не есть наука, изъясняющая правила, по которымъ умъ познаетъ и разсуждаетъ истину. *Доказываю предыдущее.* На какихъ правилахъ умъ утверждаясь не обманывается, тѣ ясны и вразумительны: но на правилахъ логическихъ умъ утверждаясь обманывается Слѣдов. правила логики искуственной темны и невразумительны. *Доказываю меньшее предложеніе.* Въ чемъ

нѣтъ истины, на томъ умъ утверждаясь обманывается: но въ логикѣ искуственной нѣтъ истины; слѣд. умъ, на правилахъ логическихъ утверждаясь, обманывается. *Доказываю меньшее предложеніе.* Логика искуственная справедливое за ложное, а ложное за справедливое поставляетъ, слѣдов. въ логикѣ искуственной нѣтъ истины. *Доказываю предыдущее.* Въ которой наукѣ находятся правила совсѣмъ противныя здравому разуму, въ оной справедливое за ложное, а ложное за справедливое поставляется: но въ логикѣ искуственной находятся правила совсѣмъ противны здравому разуму; слѣд. въ логикѣ искуственной справедливое за ложное, а ложное за справедливое поставляется. *Доказываю меньшее предложеніе.* Правила, показывающія способъ сплетать обманы амфиболическіе, суть противны здравому разуму: но логика искуственная предлагаетъ такія правила; слѣд. въ логикѣ искуственной правила совсѣмъ противны здравому разуму.

Отвѣтствую, раздѣляя меньшее предложеніе. Логика искуственная предлагаетъ такія правила, чтобъ, узнавши оныя, латвѣе (легче) можно избѣгать погрѣшностей — *позволяю*, чтобъ онымъ послѣдовать — *отрицаю.* »Слѣд. въ логикѣ искуственной находятся правила совсѣмъ противны здравому разуму« — *отрицаю слѣдствіе и говорю:* хотя логика и предлагаетъ правила, показывающія способъ сплетать обманы амфиболическіе, но не съ тѣмъ, чтобъ имъ послѣдовать.

Настою. Умъ не можетъ понять истины изъ логики искуственной. Истина находится или въ понятіяхъ, или въ разсужденіяхъ, или умствованіяхъ: но умъ никакихъ истинъ изъ логики понять не можетъ; слѣд. умъ не можетъ понять истины изъ логики искуственной *Доказываю меньшее предложеніе.* Логика искуственная не показываетъ правилъ, по которымъ бы умъ могъ понимать, разсуждать и умствовать; слѣд. никакихъ истинъ умъ изъ логики искуственной понять не можетъ. *Доказываю предыдущаго первую часть.* Ежели бы логика искуственная показывала правила, по которымъ бы умъ понималъ истину, то бы показывалъ развѣ для того, понеже умъ самъ чрезъ себя не могъ бы понимать истины: но умъ самъ чрезъ себя совершенно можетъ понимать истину; слѣд логика искуственная не показываетъ правилъ, по которымъ бы умъ могъ понимать истину. *Доказываю меньшее предло-*

женіе. Умъ человѣческій самъ чрезъ себя можетъ совершенно вещи представлять такъ, какъ они сами въ себѣ суть; слѣд. умъ самъ чрезъ себя можетъ понимать истину совершенно. *Доказываю предыдущее.* Умъ Божественный самъ чрезъ себя вещи представляетъ такъ, какъ они сами въ себѣ суть; слѣд. и человѣческій. *Доказываю слѣдствіе.* Умъ человѣческій есть умъ божественный; слѣд. если умъ Божественный представляетъ самъ чрезъ себя совершенно вещи, такъ какъ они сами въ себѣ суть, то и умъ человѣческій

Отвѣчаю, раздѣляя предыдущее. Умъ человѣческій есть божественный въ разсужденіи дѣйствующей причины — *позволяю;* въ разсужденіи своей сущности — *отрицаю.* »Слѣд. ежели умъ Божественный представляетъ самъ чрезъ себя и проч.« *отрицаю слѣдствіе и говорю:* правда, что умъ человѣческій есть умъ божественный въ разсужденіи причины, то есть отъ Бога данный, а не въ разсужденіи своей сущности.

Настою. По умъ человѣческій въ разсужденіи своей сущности есть божественный. *Доказательство внесенное.* Которому уму приличествуютъ свойства единому Богу приличныя, тотъ умъ въ разсужденіи своей сущности есть божественный: но уму человѣческому приличествуютъ свойства единому Богу приличныя; слѣд. умъ человѣческій и въ разсужденіи своей сущности есть божественный. *Доказываю меньшее предложеніе.* Вѣчность и знаніе будущихъ вещей суть свойства единому Богу приличныя: но сіи свойства и уму человѣческому приличествуютъ; слѣд. уму человѣческому приличествуютъ свойства единому Богу приличныя.

Отвѣчаю, раздѣляя меньшее предложеніе Уму человѣческому приличествуетъ нѣчто a parte ante, то есть, аки бы онъ начала не имѣлъ — *отрицаю;* приличествуетъ a parte post, то есть, что онъ, какъ и душа, конца не будетъ имѣть — *позволяю.* Приличествуетъ уму человѣческому знаніе будущихъ вещей, зависящихъ отъ естественныхъ причинъ — *позволяю,* напримѣръ, знать, что будущая весна произведетъ цвѣты, и земля зелія и плоды, или что завтрешній день солнце взойдетъ; приличествуетъ знаніе будущихъ вещей, не зависящихъ отъ естественныхъ

причинъ — *отрицаю.* »Слѣд. уму человѣческому приличествуютъ Божія свойства« — *отрицаю слѣдствіе и говорю:* правда что уму человѣческому приличествуетъ вѣчность въ разсужденіи конца, а не въ разужденіи начала, также и знаніе будущихъ вещей тѣхъ, которыя зависятъ отъ естественныхъ причинъ, но не приличествуетъ знаніе тѣхъ, которыя не зависятъ отъ естественныхъ причинъ.

Настою. Но умъ человѣческій предузнаетъ будущія вещи, не зависящія отъ естественныхъ причинъ, слѣдов. рѣшеніе недовольно. *Доказательство внесенное.* Сивиллы предузнали и предсказали рожденіе Христово, слѣд. умъ человѣческій предузнаетъ вещи, не зависящія отъ естественныхъ причинъ.

Отвѣчаю раздѣляя предыдущее Сивиллы предузнали и предсказали рожденіе Христово сами своимъ умомъ—*отрицаю;* слышавши, можетъ быть, пророчества о пришествіи Христовѣ отъ іудейской церкви, или по особенному нѣкоему Божію откровенію — *позволяю.* »Слѣд. умъ »человѣческій предузнаетъ будущія вещи, независящія отъ естествен- »ныхъ причинъ« — *отрицаю слѣдствіе и говорю:* можетъ статься, что Сивиллы предузнали рожденіе Христово: но до сего они своимъ умомъ дойти не могли, а развѣ увѣдомились или отъ пророчествъ, бывшихъ въ іудейской церкви или по особенному откровенію Божію.

Настою и доказываю вторую часть, что логика не показываетъ правилъ, по которымъ умъ можетъ разсуждать истину. Которая наука учитъ составлять разсужденія ложныя, та наука не показываетъ правилъ, по которымъ умъ можетъ разсуждать истину.

Отвѣчаю, раздѣляя меньшее предложеніе. Логика учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ убѣгать — *позволяю;* чтобъ ихъ принимать и употреблять — *отрицаю.*

Настою. Но логика учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ принимать и употреблять. *Доказательство внесенное:* которая наука показываетъ правила такія, которыя учатъ утверждать то, что должно отрицать, а отрицать то, что должно утверждать: та наука

учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ принимать и употреблять; но логика показываетъ правила такія, которыя учатъ утверждать тѣ, что должно отрицать, а отрицать то, что должно утверждать; слѣд. логика учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ принимать и употреблять. *Доказываю меньшее предложеніе.* Люди, въ логикѣ преискусные и правила знающіе утверждали, что міръ есть вѣчный: но такъ утверждать есть отрицать то, что должно утверждать, а утверждать то, что должно отрицать: слѣд. логика показываетъ правила такія, которыя учатъ утверждать то, что должно отрицать и проч

Отвѣчаю на предыдущее. Люди, въ логикѣ преискусные, утверждали, что міръ есть вѣчный, по злому употребленію логики—*позволяю*; потому, аки бы логика къ сему заблужденію ихъ приводила—*отрицаю*[251].

Повторяемъ, что это образчики диспутовъ домашнихъ, то есть, нѣчто въ родѣ классическихъ упражненій, которыя обязывался каждый изъ студентовъ представлять въ извѣстные сроки. Публичные диспуты — другое дѣло. Тамъ они бывали строже, обстоятельнѣй и потому продолжительнѣй. Предлагаемые тезисы требовали защиты импровизированной, и для того-то избираемы были лучшіе изъ студентовъ, которые въ состояніи были бы отразить всякое нападеніе со стороны возражающихъ.

Префектъ и профессоръ философіи *Самуилъ Миславскій* отвѣчалъ, что за два истекшіе года показана студентамъ философія avctoris recentissimi in universa, quaqua patet, Evropa celebratissimi Wolfii, discipuli Friderici Christiani Baumeysteri, со всѣми ея частями »предисловіями и пролегоменами, не точію безъ »опущенія и единаго листа, но безъ оставленія и единаго тер»мина, который бы аккуратно, съ привнесеніемъ объ ономъ »разныхъ философскихъ мнѣній, не изъясненъ былъ«. Всѣ философскіе вопросы, необходимые и полезные ученикамъ, которыхъ не оказалось въ Баумейстерѣ, выбраны изъ разныхъ новѣйшихъ и знатнѣйшихъ въ Европѣ писателей, продиктованы и изъяснены студентамъ. Кромѣ того, исключая только начала

курса, въ который профессоръ занималъ своихъ учениковъ преподаваніемъ логики, отправляемы были домашніе диспуты »methodo syllogistica съ крайнимъ соблюденіемъ формы силлогической, а также sabbativa (общія репетиціи) еженедѣльно«. Между дѣломъ были диктованы и растолкованы canones, или по древнему названію, axiomata cum variis distinctionibus, sive, ut recentiores loquuntur, limitationibus, quae recentiori aetate maxime in rebus philosophicis adhibent. »Ученикамъ прилежнѣйшимъ и »острѣйшимъ означиваны были по третямъ года къ сложенію, »а по сложеніи къ выученію, а по выученіи къ сказыванію съ »каѳедры въ школѣ при всѣхъ учителяхъ проповѣди«. Замѣчательно, что въ первый разъ является въ програмѣ преподаванія географія, которую читалъ профессоръ философскаго класса на нѣмецкомъ языкѣ, по руководству Гибнера; въ это же время введено было и преподаваніе высшей ариѳметики, но такъ, какъ оговаривается Миславскій, »большая нужда предлежала ученикамъ потребнѣйшія философскія вещи внушать, и яко большая »часть учениковъ нѣкоторыя части оныя вѣдаютъ, оставлена и »отдана на изученіе приватному всякаго изъ учениковъ прилѣжанію«.

Въ классѣ реторики въ эту пору были преподаваемы кромѣ уроковъ словесности,—ариѳметика, географія, Законъ Божій, и потому вотъ какое было представленіе митрополиту отъ профессора реторики *Виктора Ладыжинскаго:* 1) »Елементы риторическіе изъ двоихъ первой и послѣдней части состоящіе »ученикамъ по русску протолкованы, съ которыхъ они первой »части періоды латинскіе исправно слагать, троповъ и фигуръ »силу и употребленіе вѣдать, хріи какъ самопростѣйшіе и аѳоніевы, такъ per antecedens et consequens, per thesin et hypo»thesin составлять, наконецъ и системы различнаго рода и со»держанія писать по латински научились, что все имъ кромѣ »въ риторикѣ напечатанныхъ примѣровъ и другими инными раз-

»личной матеріи экземплями подтверждено; къ семужъ хріи съ »латинскихъ классическихъ авторовъ, такожъ и епистолъ, до»вольно прочитано, по логической и риторической резолюціи на »части резольвовано, и наизустъ отъ учениковъ выучено и ре»цитовано было; а въ послѣдней части показано имъ правила »и образцы составляти съ хріи великую орацію, въ примѣръ »чего прочитана съ Мурета орація de praestantia et utilitate li»terarum, и на части разобранна и въ школѣ учениками говорена. »Къ лучшему сего изученію и другіе еще диспозиціи долгихъ »орацій, съ коихъ друголѣтніи и третолѣтніи риторы не безъ »похвальныя елабораціи имѣли и въ школьномъ собраніи гово»рили, означованы были такожъ читать авторовъ, вымѣчать съ »нихъ изрядные рѣчей формулы и имитаціи на нихъ чинить, »регулы и примѣры показано, которыхъ средствомъ наставлены, »многіе отъ учениковъ въ добромъ состояніи автора латинскаго »читать, разумѣть и имитовать имѣются. 2) Ариөметики всѣ »генеральныя части съ русской новой выдиктованы, прочитаны »и примѣрами довольными объяснены. 3) Географіи русской »часть о Европѣ только прочитана. 4) Православнаго испов㻞анія первая только часть прочитана и протолкована и выучена; »послѣднихъ же частей не только на память выучить, но и въ »скорости прочитать крайняя времени малость (ибо на сіе суб»боту только опредѣлено да и то поздо) воспрепятствовала, та»кожъ и школьныхъ экзерцицій множество, само собою пере»смотръ и поправка не безъ препятствія была. 5) Ornata pe»riodi structura auctore Saski въ немножкихъ листахъ состоящая »выдиктована и прочитана вся, по которой прилежные ученики »исправно періоды писать и по латини чинно говорить научи»лись«.

Учитель синтаксимы *Игнатій Максимовичъ* въ отчетѣ своемъ, раздѣленномъ по вопросамъ митрополитскаго предложенія, написалъ слѣдующее: »*Чего обучено?* a) Православнаго испов㻞анія на русскомъ діалектѣ. b) Граматики латинской, назы-

»ваемой Алваръ. c) Разговоровъ латинскихъ схолястическихъ »на русскомъ языку. d) Выворотовъ съ польскаго или русского »на латинскій и съ латинского на русскій діалектъ. e) Чистого »латинского сочиненія изъ Гейнеція выбраннаго, что есть Ornata »syntaxis. f) Евангелія латинского Кастелліонового. g) Епистолъ »Пиксторовыхъ самократчайшихъ. h) Ариөметики съ первой »части пяти членовъ i) Географія и k) Початковъ поэтическихъ«

Изъ отчета учителя граматики, *Рувима Нетолинскаго*, видно, что въ теченіи курса были преподаны ученикамъ a) великая и малая граматики по Алвару съ наставленіемъ, какъ переводить съ русскаго и польскаго языка на латинскій. b) Исповѣданіе православной каөолической вѣры въ необширномъ видѣ. c) Первыя четыре правила ариөметики и d) Географіи—часть Европы.

Учитель инфимы, *Самнсонъ Виницкій*, преподавалъ почти тоже самое, что и учитель граматики, но только въ уменьшенномъ видѣ: »понеже, говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ, учителю »большій респектъ понятія удобнаго малыхъ дѣтей и силъ и »изученія протолкованнаго нужно было имѣть, нежели своихъ »трудовъ, чтобъ поспѣшать впередъ«.

Въ школѣ языка еврейскаго, преподавателемъ котораго былъ іерей *Константинъ Павловичъ*, въ первый годъ прочитана вся граматика, и разобраны по граматическимъ правиламъ три первыя главы Второзаконія; а для втораго года оставленъ синтаксисъ вмѣстѣ съ синтаксическимъ разборомъ, и »кто, заключаетъ наставникъ, отъ моихъ учениковъ чрезъ цѣлый годъ »школу не оставлялъ и прилежно слушалъ и съ прилежаніемъ »учился, тотъ граматики и резолюціи по граматики научился«.

Уроки французскаго языка, преподаваемые тѣмъ же наставникомъ, были равнымъ образомъ раздѣлены на два года, составлявшіе полный курсъ. Изъ показанія *Павловича* видно,

что въ первый годъ прочитана была имъ вся граматика и только малая часть синтаксиса, да занимаемы были воспитанники переводами съ русскаго на французскій. Пространнѣйшее же объясненіе синтаксиса, равно и чтеніе французскихъ книгъ, отложено до другаго года.

Тоже самое дѣлалось и въ классѣ нѣмецкаго языка, завѣдываемомъ *Ѳомою Халчинскимъ.* Ученики научились читать и писать, переводить съ русскаго на нѣмецкій по правиламъ граматическимъ и подавали »оккупаціи« по сему предмету.

Но вообще состояніе языковъ въ эту пору въ Академіи представляется неудовлетворительнымъ. Изученіе ихъ не было обязательнымъ для каждаго, и многіе, какъ говоритъ *Павловичъ* въ своемъ отчетѣ, наипаче изъ высшихъ школъ, приходили только тогда, когда хотѣли. По этому наставникъ былъ поставленъ въ крайне непріятное положеніе: ибо какъ скоро онъ начиналъ ихъ »унѣпцевати, для чего лениво ходятъ и школу »часто оставляютъ или другаго пенса заставить (пести какую »либо другую школьную повинность), то и вовсе оставляютъ, »не сказавши учителеви ни дяки (благодарности) ни спаси Богъ«.

Обстоятельство это было причиною того, что митрополитъ Арсеній строго подтвердилъ всѣмъ безъ исключенія заниматься изученіемъ живыхъ языковъ, а Самуилъ Миславскій, принявшій послѣ Нащинскаго ректуру, поставилъ въ обязанность наставникамъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, чтобъ они »всеприлежно старались пристойную пронунціацію или произношеніе, »въ оныхъ употребляемое, своимъ ученикамъ наипонятнѣйшимъ »и наилучшимъ образомъ внушать«. Въ непродолжительномъ времени классъ этотъ особенно полюбили ученики, и стали заниматься языками съ такою ревностію, что начальство нашло себя вынужденнымъ умѣрять охоту къ лингвистикѣ, такъ какъ многіе, находя въ этомъ средство къ лучшему содержанію себя

и поступленію наставниками къ дѣтямъ знатнѣйшихъ особъ въ городѣ, опускали безъ вниманія другіе болѣе важные классы, составлявшіе кругъ академическаго ученія.

Вообще преподаваніе живыхъ языковъ въ прежней Кіевской Академіи, со времени ректорства Самуила Миславскаго, шло превосходнымъ образомъ. Особенно языкъ французскій былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, тѣмъ болѣе, что преподавателями онаго, послѣ Крижановскаго и Павловича, являлись уже природные Французы, которые обязывались, по заключаемымъ съ ними договорамъ, пріучать воспитанниковъ и объясняться и сочинять по французски. Во всѣхъ неоднократно измѣнявшихся инструкціяхъ, всегда повторялось одно неизмѣнное правило: »учителямъ ве»лѣть съ учениками и между собою латинскимъ по латини, а »другихъ языковъ тѣмъ, каковому обучаютъ, непремѣнно гово»рить«. Для усовершенствованія воспитанниковъ въ языкѣ французскомъ долгое время существовалъ особый классъ, называвшійся *практическимъ,* гдѣ ученики только тѣмъ и занимались, что разговаривали съ учителемъ. По выбытіи изъ Академіи Павловича, присланъ былъ сюда архіепископомъ Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ иностранецъ *Маргасту де Зеемилляру* »ради »того, что учители онаго языка не могутъ съ такою точностію »обучать, какъ настоящіе Французы, притомъ и по нѣмецкой »учатъ граматикѣ, которая не помощь, но порчу дѣлаетъ во »французскомъ чистомъ произношеніи«. Маргасту преподавалъ здѣсь языкъ французскій шесть лѣтъ сряду и получалъ огромное по тому времени жалованье[256]. Съ 1778 года мѣсто его занялъ также иностранецъ *Василій Люппа.*

Языкъ нѣмецкій, хоть и не въ такой степени, какъ французскій, былъ любимымъ предметомъ воспитанниковъ Академіи: но все же классы онаго были наполнены слушателями. Еще при Симонѣ Тодорскомъ, первомъ здѣшнемъ профессорѣ нѣмецкаго языка, успѣхи были такъ значительны, что Академія гласно

говорила о нихъ передъ самимъ митрополитомъ. »Самымъ опы-»томъ. писалъ авторъ упомянутаго разсужденія, въ Кіевской »Академіи оказалось, что многіе ученики въ разныхъ языкахъ »вдругъ такъ превосходно успѣли, что и въ С.-Петербургѣ за »достойныхъ учительскаго званія приняты, въ числѣ коихъ былъ »Лука Сѣчкаревъ, который нынѣ учителемъ нѣмецкаго языка »въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, да и много таковыхъ »сыскаться можетъ«. Слѣдовавшие одинъ за другимъ учители *Иванъ Самойловичъ*, *Ѳома Халчинскій*, *Ириней Фальковскій* были отличными знатоками языка нѣмецкаго. Послѣ нихъ Академія стала имѣть преподавателями сего предмета уже иностранцевъ.

За тожъ, къ удивленію, такъ называемые мертвые языки были въ Кіевской Академіи отнюдъ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какого можно было бы ожидать отъ такого училища. Исключая латинскаго, котораго всякій ученикъ не могъ не знать въ совершенствѣ, греческій и еврейскій никакъ не могли приняться на этой, плодородной впрочемъ, почвѣ. Еще при Сильвестрѣ Коссовѣ, какъ уже извѣстно, ставили Академіи въ упрекъ то, что она пренебрегаетъ языкомъ греческимъ, и патріархъ Паисій замѣтилъ, что его знали здѣсь только *отчасти*. Не смотря на ревнительную строгость послѣдующихъ архипастырей, не смотря даже на то, что съ 1738 года каѳедра языка греческаго была занимаема почти постоянно отличнѣйшими наставниками, воспитанники не совсѣмъ охотно занимались этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что изученіе греческаго языка предоставлялось свободному произволу каждаго, да притомъ и учиться ему обязывались только студенты трехъ высшихъ классовъ: реторики, философіи и богословія, для которыхъ уже поздо было приниматься за первоначальные уроки. Отъ того выходило то, что число охотниковъ учиться по гречески время отъ времени сокращалось очень значительно, такъ что академическое начальство вынужденнымъ нашлось въ 1760 году войти отъ себя къ митрополиту Арсенію особымъ

представленіемъ касательно сего; въ слѣдствіе чего опредѣлено было впредъ обучаться греческому языку всѣмъ ученикамъ трехъ послѣднихъ классовъ, особенно изъ духовнаго званія, и отмѣчать степень ихъ успѣховъ по сему предмету въ училищныхъ вѣдомостяхъ и свидѣтельствахъ, съ предостереженіемъ, что это будетъ имѣться въ виду при опредѣленіи воспитанниковъ въ должности. Даже въ послужныхъ спискахъ самихъ наставниковъ Академіи появилась особая графа для означенія степени познаній ихъ въ языкѣ греческомъ. Желаемый успѣхъ увѣнчалъ распоряженіе мудраго архипастыря, такъ что черезъ шесть лѣтъ послѣ сего воспитанники Академіи были въ состояніи преподавать языкъ греческій даже между природными Греками. Такъ въ 1767 году вызванъ былъ отсюда монахъ *Григорій* въ Нѣжинъ для обученія греческому языку дѣтей тамошнихъ колонистовъ.

Что же касается до языка еврейскаго, то онъ никогда невосходилъ въ Академіи до цвѣтущаго состоянія. Студенты рѣшительно пренебрегали имъ, какъ ни къ чему не нужнымъ, ибо знаніемъ его почти ничего не выигрывали. »Господа, сказано въ упомянутомъ разсужденіи, свѣдущихъ по гречески » и по еврейски никогда не приглашаютъ на кондиціи, а зна»ющихъ французскій и нѣмецкій языки непрестанно при»глашаютъ«. Даже послѣ указа св. Синода (1798 г.), которымъ повелѣно обучаться еврейскому языку всѣмъ безъ исключенія ученикамъ высшихъ классовъ, охотниковъ было весьма не много.

Такъ называемыя инструкціи — великая и малая продолжали идти все тѣмъ же порядкомъ, какой первоначально предписанъ для нихъ Петромъ Могилою; профессоры и учители Академіи, по назначенію митрополита, постоянно трудились въ проповѣданіи слова Божія. Хотя церковное краснорѣчіе и не было еще возведено въ достоинство отдѣльной науки, тѣмъ не

менѣе наставники Академіи не могли отказываться невѣдѣніемъ гомилетическихъ правилъ: ибо съ общими пріемами проповѣданія они знакомились въ школѣ реторики, а самое содержаніе получали въ классѣ богословія. Еще въ 1658 году изданы были *Особыя Правила* для молодыхъ проповѣдниковъ, руководствующія къ сочиненію проповѣдей, вмѣстѣ съ поученіями Іоанникія Галятовскаго, бывшаго въ то время профессоромъ богословія и ректоромъ коллегіи: но особой каѳедры для этого все таки не было, и студенты не были упражняемы въ сочиненіи поученій. Уже въ 1752 году митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, въ прибавленіи къ инструкціи Конисскаго предписалъ »богословамъ и философамъ, которые священство получить желаютъ, означать экзерциціи мѣсячніи, назначивъ темы »на проповѣди, и на сложеніе оныхъ давать сроку мѣсяцъ, а »слушать тѣхъ проповѣдей въ своихъ школахъ наизустъ. И »оныя проповѣди всякъ бы на чисто переписавъ, своему учи»телю отдавалъ для отсылки оныхъ въ каѳедру: во время про»моціи ихъ во священство можетъ свидѣтельствомъ и реко»мендаціею быть ихъ ученія«. Въ слѣдствіе сего студенты богословія и философіи стали говорить поочереди въ воскресные и праздничные дни ими самими составляемыя поученія, но только не во храмѣ и не передъ народомъ, а въ академической залѣ и въ присутствіи префекта и воспитанниковъ всѣхъ классовъ. Между тѣмъ особымъ указомъ дикастеріи (1761 г.) предписано было при всѣхъ монастыряхъ, подвѣдомственныхъ кіевской митрополіи, учредить особыхъ проповѣдниковъ, высылаемыхъ обыкновенно изъ Академіи [287]. Вмѣстѣ съ этимъ церковное краснорѣчіе неизбѣжно стало отдаляться отъ общей реторики и принимать форму особой науки. Особенно это замѣтнымъ сдѣлалось съ открытіемъ класса высшаго краснорѣчія, когда указомъ св. Синода опредѣлено было »читать учи»телю лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ »рѣчи, дѣлая онымъ резолюціи логическія и риторическія, и »по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи.

»Когда же такимъ образомъ такая рѣчь окончена и имитація »будетъ сдѣлана, то назначеннымъ ученикамъ изучивать на»изустъ — одному рѣчь автора, а другому имитацію, и потомъ »говорить публично при собраніи Академіи«. При указанномъ разборѣ образцовыхъ сочиненій преподаватели уже отчетливѣе начали изъяснять своимъ слушателямъ теорію церковнаго краснорѣчія.

Съ какимъ успѣхомъ уроки церковнаго краснорѣчія были принимаемы воспитанниками Академіи, и каковы были плоды этого,— можно видѣть изъ опытовъ тогдашняго времени. Приводимъ сполна одну изъ проповѣдей, сказанную 1779 года ученикомъ богословія четвертаго года *Виталіемъ Антоновичемъ*[288], темою для которой служитъ возстановленіе рода человѣческаго, совершенное въ рождествѣ Іисуса Христа.

»Трепетъ поражаетъ сердца, когда мысленному зрѣнію представляется тотъ ужасный жребій, тѣ горестныя послѣдствіи, кои роду че»ловѣческому по паденіи предлежали. Уклонившійся отъ пути въ бла»женную вѣчность руководствующаго праотецъ ввергнулъ его въ глу»бочайшія стремнины погибелныя. Учинилъ всѣхъ бѣдствій игра»лищемъ. *Единымъ человѣкомъ зло во вся человѣки внидс.* Прекрасный »тѣла составъ, безсмертіемъ въ небесныя обители преселиться имѣвшій, »плачевнымъ навсегда здѣлался зрѣлищемъ. Смерть вѣчными угрожала »мученіи. Бездна адова къ поглощенію алчныя разверзла челюсти своя. »Вездѣ строгости гремѣлъ гласъ: проклятъ, проклята и земля. Ужасна»го воистину жребія! горестнаго послѣдствія!

»Божественный Іеремія о разореніи храма Іерусалимскаго содро»гаяся, оросилъ развалины оного слезами. Чьи убо не прослезятся »очеса о превращеніи душевнаго храма? кто не возрыдаетъ о потеря»ніи первобытнаго блаженства? чья не содрогнетъ мысль о горестныхъ »души и тѣлу послѣдствіяхъ?

»Но да не смущаются сердца! *Богъ богатъ сый въ милости* чрезъ »откровеніе святое во утѣшеніи вопіетъ велегласно: *живу азъ, глаго-*

»*летъ Адонаі Господь* чрезъ пророка Іезекіиля, *не хощу смерти грѣ*»*шника, но еже обратитися и живу быти ему.* Почему, не желая »погибели столь превосходному творенію, будучи преклоненъ неизгла»голаннымъ къ человѣчеству милосердіемъ, восхотѣлъ дѣйствительно »исторгнуть его изъ вѣчныя погибели. Попечителенъ былъ и о такихъ »средствахъ, коими бы отъ бѣдствія избавить, и купно удовлетворить »своему правосудію. Въ слѣдствіе чего Сына единороднаго для очи»щенія человѣческихъ грѣховъ послать благоволилъ, и во опредѣлен»ное время послалъ, глаголетъ писаніе: *посла Богъ Сына своего,* и паки: »*Богъ пріиде отъ Ѳемана въ Сіонъ.*

»*Радуйся* убо *зѣло дщи Сіоня! на гору высоку взыди благовѣст*»*вуя Іерусалиму, рцы градомъ Іудовымъ: посѣти ны востокъ съ высо*»*ты Богъ воздвиже силу свою и пріиде во еже спасти насъ.*

»Что же было побужденіемъ къ воплощенію Сына Божія? почему »не иной кто опредѣленъ для искупленія рода человѣческаго? Какимъ »способомъ и дѣйствительно ли Богочеловѣкъ Іисусъ умилостивилъ Бо»га, возставилъ и избавилъ отъ вѣчныя погибели человѣчество? О семъ »къ благосклонному слуху краткое будетъ разсужденіе.

»Трипостасное Слово! даждь устомъ слово, да возглаголютъ дѣ»ла твоя.

»Мертвый самъ себя возставить не можетъ; впадшій въ глубокую »стремнину, безъ содѣйствія другаго, выйти оттуда не въ состояніи: родъ »человѣческій, по Павлову ученію, мертвъ былъ грѣхами, а по уподобле»нію Христову, ввержень въ яму несчастія. Почему не было ему возмо»жности изъ сея погибели избавиться. А сіе и было нѣкіимъ побужде»ніемъ Сыну Божію къ вочеловѣченію, по особливой Его любви къ чело»вѣчеству. И хотя, какъ повинности всегда предлежитъ возданіемъ на»казаніе, не противно было правосудію Вышняго, но еще непремѣнно »требовалось, дабы человѣкъ, яко вольный закона преступникъ, и Вер»ховнаго презритель Владыки, на вѣки отъ Него отверженъ былъ: но »сіе нимало несовмѣстно благости Божіей. Оно есть дѣйствительное »хотѣніе всѣ твари здѣлать совершенными и благополучными. Еже»лижъ благоутробіе небеснаго Отца столь ко всякой простирается тва-

»ри, какъ бы сія, всякъ умъ превосходящая благость, могла допустить »человѣку превосходнѣйшему погибнуть созданію? какъ бы превратила »истинну свою, когда предметъ по намѣренію Божію опредѣленъ ему »вѣчность блаженная, и разширеніе велелѣпныя его славы? *Къ славѣ »моей устроихъ и создахъ человѣка*, и индѣ: *еда забудетъ жена от»роча свое, еже не помиловати изчадія чрева своего, аще же и за»будетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе*, глаголетъ Господь усты »пророка Исаіи.

»А отсюда и взымается заключеніе: струи Божія благоутробія не»исчерпаемы, или паче: Богъ есть самое милосердіе; такъ конечно, не »смотря на человѣческіе недостатки и преступленіи, по единой благо»сти простилъ бы, и удостоилъ человѣка блаженныя вѣчности? Но та»ковое разсужденіе погрѣшително. Оно представляетъ Божіе милосер»діе безъ прозрѣнія: воображаетъ Бога неимѣющаго вѣчной и постоян»ной правды: понуждаетъ его праведника и нечестиваго имѣть въ равен»ствѣ, что о Божествѣ и помыслить ужасно. И потому да заградятъ »уста свои молчаніемъ сія предполагающіе.

»Какимъ же бы способомъ человѣкъ спастися могъ? Тѣмъ, кото»рый бы по изобрѣтенію Вышняго соединялъ въ дѣлѣ спасенія нашего »милосердіе Божіе съ совершеннымъ удовлетвореніемъ Его правосудію. »Неограниченная премудрость Отца свѣтовъ довольна ко изобрѣтенію »таковаго средства; вѣдаетъ, какъ излить струи благости своея на бѣ»дное созданіе, какъ примирить человѣковъ Богу Отцу, не нарушая ни»мало границъ справедливости. Въ исполненіе чего опредѣляется вто»рое Лице триvпостаснаго Божества къ вочеловѣченію. *О глубина бо»гатства премудрости и разума Божія! Кто уразумѣ умъ Господень, »или кто совѣтникъ ему бысть?* Ежели гдѣ, такъ здѣсь воистину на»добно изрещи оные евангельскіе глаголы: *невозможная человѣкомъ, »возможна суть Богу*. Здѣсь-то воскликнуть съ богодохновеннымъ »должно пророкомъ: *милость и истинна срѣтостася, правда и миръ об»лобызастася.*

»*Благослови* убо вселенная *Господа, вѣнчающаго тя милостію и »щедротами, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой!*

»Вотъ побужденіи къ воплощенію Сына Божія!

»Но почему не иной кто опредѣленъ для искупленія? Высочайшая »премудрость Божія, вся проникающая, довольно предусмотрѣла, что со »стороны перстныхъ нѣтъ способа ко спасенію, и всѣ до единаго жиз»ни требовали. Ангелу преклонить на милость разгнѣваннаго Божест»ва было невозможно; созданіе Несозданнаго умилостивить не могло. »Да и ежели въ дѣлѣ естественномъ ходатай между двумя потребенъ »по равенству съ умоляемымъ: такъ не паче ли въ вышеестественномъ? »Артарксеркса о возвращеніи жизни народу израильскому никто умо»лить не могъ, кромѣ Есѳири царицы его. Притомъ Ангелъ не имѣлъ »столько силъ, чтобъ исполнить сію величайшую должность, требующую »безконечнаго могущества. Другаго не оставалось кромѣ Бога: такъ »вотъ же въ сокровеннѣйшемъ, ниже Ангельскими мысльми испытуе»момъ, Святѣйшія Тройцы совѣтѣ опредѣляется Сынъ Божій воспріять »на себя августѣйшее посольство для избавленія человѣчества. Вотъ »главная вина опредѣленія Сына Божія для искупленія!

»Какое убо, благодѣтелю Господи! воздастъ тебѣ перстный достой»ное благодареніе? Чѣмъ изъявитъ усердіе за толикое благотвореніе, »изліянное на него, коего великолѣпнѣе, удивителнѣе и милосерднѣе »міръ никогда ожидать не можетъ?

»Но какимъ способомъ Богочеловѣкъ Іисусъ избавилъ человѣчество »отъ нещастія вѣчного, возставилъ и примирилъ его Богу Отцу, пред»ставимъ мыслямъ нашимъ.

»Родъ человѣческій въ крайнемъ находился заблужденіи, такъ, что »честь, пристойную величеству Божества, приписывалъ самымъ подлымъ »вещамъ. Сего боголѣпнаго поклоненія всѣ удостоенны твореніи. У »него все было Богъ, кромѣ истиннаго Бога. О чемъ жалѣяся, святый »Израилевъ тако возглашаетъ усты блаженнаго Іереміи: *вси древу ре»коша: яко отецъ мой еси ты, и камени: ты мя родилъ еси И об»ратиша ко Мнѣ хребты, а не лица.* Что можетъ быть ужаснѣе сея »слѣпоты, таковаго заблужденія?

»Когда же пришедшій Спаситель, истинный слова Божія проповѣд»никъ, возгремѣлъ ученіемъ; когда свѣтъ онаго озарилъ вселенную: пали

»кумиры, сокрушились жертвенники, изчезли богопротивныя куреніи, по-»срамились языческіе тайны, открылась горняя богословія, и предложенъ »прямой путь богопознанія. И гдѣ нечестивому Сатурну умерщвляемы »были младенцы, тамъ истинному Богу приносится *жертва* истинная, *»духъ сокрушенный.* Гдѣ дымъ восходилъ до облаковъ отъ сожженія »животныхъ, тамъ церковь Христова провозглашаетъ молитвы свои, воз-»вышающіяся даже до престола благодати, кратко: идѣже бѣ тьма, »нынѣ тамъ свѣтъ о Господѣ.

»Но сіе Ходатай Бога и человѣковъ недоволнымъ почитая для во-»становленія человѣчества, всю жизнь свою препроводилъ въ совершен-»нѣйшемъ закона исполненіи. На послѣдокъ какія претерпѣлъ мученіи, »какую поноснѣйшую воспріялъ смерть, когда самаго себя принесъ въ »жертву! Сія жертва безконечной была цѣны. Одно наименьшее мученіе »Его сильно удовлетворить за всеобщій грѣхъ разгнѣванному Божеству. »Одна капля святѣйшія Его крови дѣйствителна была угасить пламень »вѣчныя муки. Но когда Христосъ такою былъ жертвою, каковой отъ »человѣкъ никто принесть не могъ: когда всю свою кровь истощилъ до »послѣдныя капли: когда умеръ съ толикимъ мученіемъ и язвами на »крестѣ, что отъ главы до ногъ не бѣ въ Немъ цѣлости: то смерть »Іисуса Хріста не есть ли истинная жертва, умилостивляющая намъ Бога, »тѣмъ пріятнѣйшая Господеви, что самопроизволно *Духомъ Святымъ себе »принесъ*, что *яко агнецъ незлобивый закланъ* правосудіемъ Божіимъ и »сожженъ огнемъ любви, пылающимъ ко спасенію человѣческому? Не »есть ли жертва, возобновляющая человѣчество, погашающая пламень »вѣчныхъ мученій, когда дѣйствително удовлетворить могла Божескому »правосудію, заслужить намъ милосердіе, очистить грѣхи, примирить »Богу Отцу и первое возвратить блаженство, по увѣренію слова Божія? *»Хрістосъ пришедъ Архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣй-»шею скиніею нерукотворенною, сирѣчь не сея твари, ни кровію козлею, »ниже телчею, но своею кровію внийде единою во святая, вѣчное ис-»купленіе обрѣтый. Аще бо кровь козлая или телчая и пепелъ юнчій »кропящій оскверненныя освящаетъ къ плотстѣй чистотѣ: колми паче »кровь Хрістова, иже Духомъ Святымъ себе принесе непорочна Богу, »очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ »Богу живу и истинну.*

»Вотъ способъ искупленія Христова рода человѣческаго! Вотъ со-»вершенное удовлетвореніе и востановленіе онаго!

»*Да возрадуется* убо *душа* ваша *о Господѣ*, живущіи по вселеннѣй! »*Облече бо* васъ *въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя. Яко же-»ниху возложи* на вы *вѣнецъ, и яко невѣсту украси* васъ *красотою.*

»Искупленное кровію Сына Божія христіянство! Правовѣрныя чада »Церкви Божія! Толикихъ отъ руки Господни сподобившись благотво-»реній, какою благодарностію обязаны дражайшему Ходатаю? *Что воз-»дадимъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ?* Потщимся по примѣру »волфовъ приносить всегда Спасителю своему въ жертву чистѣйшее зла-»то добродѣтелей, ливанъ усердныхъ молитвъ, и благоговѣйную смирну »истинныя вѣры, вѣдяще, яко тѣмъ *спасти до конца можетъ приходя-»щихъ чрезъ него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати »о нихъ*«.

Ни изъ одного доселѣшняго конспекта не видно, чтобъ нотное пѣніе и вообще музыка имѣли особый классъ: но что и вокальная и инструментальная были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, это мы уже видѣли и далѣе увидимъ еще лучше. Особенно первая была доведена въ послѣднее время до такого совершенства, что могла стать наравнѣ съ европейскою. Церковная музыка—любимое развлеченіе воспитанниковъ Академіи, въ началѣ XVIII столѣтія нѣкоторымъ образомъ начала разнствовать отъ принятыхъ въ Великой Россіи напѣвовъ—греческаго и болгарскаго. По ближайшему знакомству съ музыкой католической, студенты-композиторы позволяли уже себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ монотонныхъ напѣвовъ партитуры греческой къ гармоніи и мелодіи композицій европейскихъ, блистательно явившихся въ твореніяхъ Себастіана Баха и Палестрини. Но при всемъ этомъ характеръ церковности строго былъ удерживаемъ православными композиторами, и пѣніе ихъ отнюдъ не походило на тѣ топоизвитія, которыми въ то время щедро украшали свои созданія выписные артисты, управлявшіе придворной капеллiей.

Юго-западу Россіи первому принадлежитъ честь введенія въ церковную музыку концертовъ, строго запрещенныхъ тогда на сѣверѣ. Въ этомъ отношеніи Кіевская Академія безспорно занимаетъ первое мѣсто, какъ вводительница такъ называемаго партеснаго пѣнія: ибо самое появленіе изъ среды ея воспитанниковъ композиторскихъ талантовъ показываетъ слишкомъ рано начавшееся въ ней процвѣтаніе музыкальнаго искуства, дошедшаго до такого совершенства. Ея оркестръ былъ лучшимъ во всемъ Кіевѣ, а пѣвческіе хоры, которыхъ обыкновенно бывало два, собственно Братскій и Конгрегаціонный — были перломъ между всѣми хорами, которыхъ искони здѣсь бывало много[289].

Кромѣ оффиціальныхъ занятій, Академія исполняла много другихъ обязанностей; такъ въ нее препровождали иновѣрцевъ, присоединявшихся къ православію, для вразумленія ихъ въ истинахъ вѣры каѳолической. Въ 1762 году митрополитъ Арсеній особымъ указомъ предписалъ ректору и учителямъ немедленно заняться пересмотромъ, повѣркою съ подлинниками и исправленіемъ, гдѣ окажется нужнымъ, Собранія, составлявшаго отдѣльную книгу, въ которой заключались нѣкоторыя бесѣды св. Златоуста, св. Ефрема Сирина и краткія размышленія, заимствованныя изъ Пролога.

Въ 1762 году вся Россія праздновала возшествіе на престолъ Екатерины II, которая долженствовала возвеличить наше отечество, поставивъ его на небывалую дотолѣ степень славы и могущества. Кіевъ съ воспитанниками древнѣйшаго своего училища также присягнулъ на вѣрность подданства Великой Государынѣ. Замѣчательно, что студенты Академіи каждый особо подписывался съ показаніемъ своего рода и происхожденія на присяжномъ листѣ, который подлинникомъ препровожденъ былъ потомъ въ С.-Петербургъ.

Ревностный и неутомимый блюститель училища, митропо-

литъ Арсеній не жалѣлъ для него ничего. Онъ отдавалъ учителямъ и ученикамъ большую часть своего жалованья; защищалъ тѣхъ и другихъ отъ безпрестанныхъ притязаній чиновъ магистратскихъ; являлся предстателемъ у самаго высшаго начальства и никому не давалъ въ обиду не только профессора, но самаго послѣдняго ученика. Къ нему, какъ къ отцу, обращались сеніоры, то съ представленіемъ своихъ нуждъ домашнихъ, то съ испрошеніемъ одежи и обуви, то съ требованіемъ медикаментовъ для больныхъ учениковъ и отопленія, — и на все это неукоснительно отвѣтствовалъ Арсеній, щедрою рукою разсыпая благодѣянія.

Но и этого мало. Архипастырь заботился и о будущности питомцевъ своихъ. Въ 1765 году онъ подтвердилъ »всѣмъ епархіи »кіевскія духовнымъ властямъ. дабы отдавали въ замужье до»черей своихъ священники и діаконы желающіе зятей имѣть »на своихъ парохіальныхъ мѣстахъ такихъ, гдѣ имѣется при»ходскихъ дворовъ отъ 80 до 100 и выше за учительныхъ »дѣтей Академіи Кіевской богослововъ, а гдѣ отъ 60 до 80 дво»ровъ, по крайности, когда изъ богослововъ не сыщутся, за »философовъ, а гдѣ и ниже 60 дворовъ, священники и діаконы »прежде искали бы по прописанному изъ учительныхъ, а если »бы къ какому приходу, какъ къ меньшему, такъ и къ боль»шему не могли за тѣмъ пріискаться люди учительные къ до»черямъ священническимъ и діаконскимъ, по крайнему ихъ о »томъ старательству, то имъ представлять о томъ доношеніями »по порядку, а безъ того священникомъ и діакономъ, равно »какъ протопопомъ и намѣстникомъ (благочиннымъ) дочерей »своихъ за неучительныхъ, проповѣдовать слова Божія не мо»гущихъ, не выдавать«.

Оставивъ поступленіе въ училище дворянъ и разночинцевъ на ихъ собственный произволъ, митрополитъ въ томъ же году всѣмъ священноцерковно-служителямъ вмѣнялъ въ непремѣнную

обязанность отдавать дѣтей своихъ въ школы, не заградивъ пути въ Академію не только вдовымъ, но даже женатымъ священнослужителямъ. Такимъ образомъ позволено было 1765 года обучаться въ Академіи діакону *Григорію Павлову* и велѣно »жить ему »съ женою своею вмѣстѣ неразлучно, дабы между ними не мо»гло послѣдовать какова противного закону развращенія«.

Въ 1758 году послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣно было объявить воспитанникамъ Академіи: не пожелаетъ ли кто изъ нихъ добровольно вступить въ медико-хирургическую или фармацевтическую науку. Отъ кандидатовъ требовалось совершенное знаніе граматики, реторики и нѣсколько философіи. По этому требованію, немедленно явилось дѣтей священническихъ и разночинцевъ изъ класса философскаго *одинъ*, изъ реторики *двадцать четыре*, изъ піитики — *двѣнадцать* человѣкъ. Всѣ они отправлены были на казенный счетъ, съ выдачею имъ на подъемъ по десяти рублей на человѣка, не въ зачетъ будущаго жалованья.

Высылка воспитанниковъ на учительскія должности въ семинаріи и народныя училища въ эту пору значительно увеличилась. Требованія являлись отовсюду, и Кіевская Академія безъ отказу удовлетворяла всѣмъ имъ, ежегодно отпуская по нѣскольку человѣкъ лучшихъ своихъ питомцевъ. Но при этомъ она помнила свои обязанности, какъ училища высшаго, и боясь ослабить себя, дорожила тѣми студентами, которые могли быть полезны ей самой. Смѣло и откровенно она дѣлала свои представленія вопреки распоряженія самихъ митрополитовъ, и нужныхъ для себя людей удерживала до времени безотлучно. Такъ въ 1758 году Академія не отпустила отъ себя учителя пиѳимы *Сампсона Виницкаго*, назначеннаго Арсеніемъ въ каѳедру на проповѣдническую должность. »Понеже, сказано въ представленіи по этому случаю, между всѣми Академіи учителями нѣтъ »ни единаго, который бы, въ случаѣ отлучки отъ Академіи

»нынѣшняго языковъ учителя іерея Константина, могъ обу»чать французскій и нѣмецкій языкъ, а монахъ *Самсонъ* знаетъ »нѣмецкій языкъ изрядно, а французскій не худо, которые языки, »буде ему отлучка отъ Академіи воспослѣдуетъ, состоя въ иной »должности, а не упражняяся въ оныхъ, удобно позабудетъ, и »потому впредь къ обученію оныхъ неспособенъ явится«. Само собою разумѣется, что такого рода представленія всегда были уважаемы просвѣщенными протекторами Академіи.

Прибытіе иностранцевъ въ Академію въ настоящую пору стало для нея сущимъ обремененіемъ, потому болѣе, что въ это дѣло стали входить лица, желаніе которыхъ въ нѣкоторомъ отношеніи было обязательнымъ для училищнаго начальства. Такимъ образомъ при отношеніи генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, препровожденъ былъ въ 1761 г. въ Академію сербскій іеродіаконъ *Арсеній Ивановичъ,* не имѣвшій ни граматы, ни другаго какого либо законнаго вида, кромѣ завѣренія походной канцеляріи о его добропорядочномъ поведеніи во время состоянія при арміи. Академія безпрекословно допустила Ивановича къ слушанію уроковъ, но переписка о священно-служительскомъ его санѣ была крайне для нея обременительна. Въ томъ же году явился въ Академію іеромонахъ *Давидъ Сухозанетъ*, слушавшій за границей цѣлый курсъ философіи, математику, медицину и нѣмецкій языкъ, и присланный сюда въ классъ богословія, съ правомъ однакожъ занять праздное какое либо мѣсто проповѣдника. Разумѣется, что Академія никакъ не могла исполнить послѣдняго, и хотя, для формы, и представляла его въ кандидаты на проповѣдническую должность, но всегда обходила окончательнымъ утвержденіемъ.

Митрополиту Арсенію привелось еще разбирать одно тяжебное дѣло, возникшее 1761 года между Кіевобратскимъ училищнымъ и Софійскимъ монастырями о грунтахъ, принадлежащихъ м. Стайкамъ. Невѣрное и неправильное размежеваніе земель было

причиною того, что Софійскій монастырь, къ ущербу Кіевобратской економіи, завладѣлъ нѣкоторыми доходными статьями, отъ чего терпѣла и Академія. Не допуская этой тяжбы до формальнаго судопроизводства, митрополитъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ успѣлъ покончить ее съ небольшимъ въ пять лѣтъ, ко взаимному удовольствію обѣихъ тяжущихся сторонъ.

Кіевъ въ это самое время (1761 г.) получилъ новое измѣненіе въ своихъ отношеніяхъ къ административной власти. Онъ былъ изъятъ изъ подъ вѣдомства гетманскаго и непосредственно подчиненъ Сенату. Но съ кончиною Императрицы Елисаветы (25 декабря 1761 г.) графъ Разумовскій снова исходатайствовалъ у Петра III возвращеніе Кіева въ свое завѣдываніе. Въ 1764 году онъ опять былъ исключенъ изъ вѣдомства гетманскаго и навсегда поступилъ въ распоряженіе генералъ-губернаторовъ, назначаемыхъ отъ правительства[290].

Здѣсь оканчивается отдѣльная исторія Кіева. Вошедши въ семью русскихъ городовъ, онъ пошелъ тѣмъ путемъ, который возвелъ его потомъ, въ царствованіе Николая I, на высокую степень древняго величія и новой славы.

Но архипастырь Кіева и благодѣтель Академіи близился уже къ исходу отъ міра сего. 8 Іюня 1770 года было послѣднимъ днемъ жизни незабвеннаго митрополита Арсенія. Онъ скончался въ загороднемъ митрополитскомъ Шулявскомъ домѣ[291], откуда перенесенъ въ Софійскій соборъ Павломъ, митрополитомъ тобольскимъ. Преосвящ. Самуилъ, епископъ бѣлоградскій, 21 іюня совершилъ погребеніе того, при комъ служилъ онъ Академіи долгое время.

Кіевская Академія, — предметъ особенной заботливости Арсенія Могилянскаго, имѣла во время его слѣдующихъ наставниковъ.

Ректоры: *Максимовичъ Манассія* (1755—1758 г.); *Пащинскій Давидъ* (1758—1761) *Миславскій Самуилъ* (1761—1768) и *Вербицкій Тарасій.*

Префекты и профессоры философіи: *Миславскій Самуилъ*, іеромонахъ (1757—1761) *Орловскій Мелхиседекъ* (1761—1764) *Микославичъ Игнатій* (1764—1768) *Петолинскій Рувимъ* (1768—1769) и *Панкратьевъ Никодимъ.*

Учители реторики іеромонахи: *Ладыжинскій Викторъ* (1758—1762) *Петолинскій Рувимъ* (1762—1764) *Панкратьевъ Никодимъ* (1764—1766) и *Лехницкій Кассіанъ.*

Учители піитики: *Савицкій Исаакъ* іеромонахъ (1758—1759) *Павловичъ Константинъ*, священникъ (1759) *Микославичъ Игнатій*, іеромонахъ (1759—1761) *Петолинскій Рувимъ* (1761—1762) *Панкратьевъ Никодимъ*, іеромомонахъ (1762—1764) *Илія* . . . . іеромонахъ (1764—1765) *Самойловичъ Иванъ*, свѣтскій (1765—1768).

Учители синтаксимы: *Вербицкій Тарасій*, іеродіаконъ (1758) *Микославичъ Игнатій*, іеромонахъ (1759) *Петолинскій Рувимъ* іеромонахъ (1759—1761) *Панкратьевъ Никодимъ*, іеромонахъ (1761—1762) *Илія*, іеромонахъ (1762—1764) *Самойловичъ Иванъ* свѣтскій (1764—1765) *Лехницкій Кассіанъ*, іеромонахъ (1765—1767) *Амвросій* . . . . іеромонахъ (1767—1768).

Учители граматики: *Максимовичъ Игнатій*, іеродіаконъ (1758) *Петолинскій Рувимъ*, іеромонахъ (1759) *Ефремъ* . . . . іеродіаконъ (1760) *Колосовскій Никодимъ*, іеромонахъ (1761) *Самойловичъ Иванъ*, свѣтскій (1761 1764) *Лехницкій Кассіанъ*, іеромонахъ (1765) *Іеремія* . . . . іеродіаконъ (1766—1767) *Александровскій Ѳедоръ*, священникъ (1768).

Учители инфимы: *Петолинскій Рувимъ*, іеродіаконъ (1758)

Леванда Иванъ, свѣтскій (1759—1761) *Виницкій Самсонъ,* іеродіаконъ (1761—1762) *Іустинскій Савва,* іеродіаконъ (1763) *Панкратьевъ Никодимъ,* іеродіаконъ (1764) *Коржевичъ Лука,* свѣтскій (1764) *Лехницкій Кассіанъ,* іеромонахъ (1764) *Іеремія,* іеродіаконъ (1765) *Гиновскій Алексѣй,* священникъ (1765) *Иринархъ . . . :* іеродіаконъ (1765—1768).

Учители аналогіи: *Виницкій Самсонъ,* монахъ (1758) *Панкратьевъ Никодимъ,* монахъ (1759), *Коржевичъ Лука,* свѣтскій (1759—1760) *Яхневичъ Стефанъ,* свѣтскій (1761) *Іеремія,* іеродіаконъ (1761—1764) *Тихонъ . . . .* монахъ (1765) *Александровскій Ѳедоръ,* свѣтскій (1766—1767) *Ѳеодосій . . .* іеродіаконъ (1768).

Учители греческаго языка: *Ладыжинскій Викторъ,* іеромонахъ (1758) *Горлянскій Григорій,* діаконъ (1758 съ 31 августа) *Дьяковскій Емельянъ,* свѣтскій (1759) *Ефремъ,* іеродіаконъ (1760) *Панкратьевъ Никодимъ* (1764—1769).

Учители языка еврейскаго: *Крижановскій Константинъ,* священникъ (1753—1758) *Павловичъ Константинъ,* священникъ (1758—1761) *Петолинскій Рувимъ,* іеромонахъ (1761—1765) *Злотковскій Антонъ,* студентъ богословія.

Учители языка нѣмецкаго: *Крижановскій Константинъ,* священникъ (1758) *Халчинскій Ѳома,* студентъ богословія (1758—1764) *Самойловичъ Иванъ,* свѣтскій.

Учители языка французскаго: *Крижановскій Константинъ,* священникъ (1753—1758) *Павловичъ Константинъ,* священникъ (1758—1761) *Халчинскій Ѳома,* свѣтскій (1761—1765) *Ступницкій Василій,* студентъ богословія.

Число воспитанниковъ въ эту эпоху представляется неодинаковымъ. Московскій университетъ, въ первые годы своего

существованія, взялъ у Академіи очень много и притомъ лучшихъ студентовъ, такъ что въ 1763 году она считала у себя только *восемьсотъ девяносто семь* человѣкъ: но черезъ два года, благодаря энергическимъ стараніямъ высокаго протектора и усовершенствованіямъ, введеннымъ ректорами Нащинскимъ и Миславскимъ число это возрасло до *тысячи пятидесяти девяти,* а въ 1768 году до *тысячи семидесяти девяти* человѣкъ.

Одинъ только списокъ воспитанниковъ этой эпохи, послѣ страшнаго пожара 1811 года, облеченный впрочемъ всею тогдашней формальностью уцѣлѣлъ до нашего времени. Какъ драгоцѣнный памятникъ давноминувшихъ дней, приводимъ его сполна.

Вѣдомость

школы пиитики съ 1769 на 1770 годъ.

Кто имянны и изъ какихъ чиновъ.	Сколько лѣтъ отъ роду.	Время опредѣленія въ школу.	Чему обучены.	Чему нынѣ обучаются.	Кто въ наукѣ понятенъ, кто непонятенъ.	Кто когда и куда выбылъ.
Полку полтавскаго, города Великихъ Будыщъ, сынъ священника Григорія Трипольскаго, церкви святителя Николая, *Авраамъ Трипольскій*	17	1767 генваря 15 дня.	Синтаксимы	Поетику	Преизряденъ.	
Полку стародубовскаго, села Бырина, сынъ священника умершаго Василія Пекалицкаго, церкви великомученика Георгія, *Антонъ Пекалицкій*. . .	20	1766 октября 13 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, села Писокъ, сынъ священника Василія Сварика церкви Успенія прес. Богородицы, *Андрей Сварикъ* .	19	1766 октября 4 дня.			Очень средственъ.	

Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ дьячка Димитрія Соколовскаго, церкви Воздвиженія, *Андрей Соколовскій* . .	19	1765 генваря 22 дня.	Синтаксимы.	Поэтику.	Средственъ.	
Полку стародубовскаго, села Заборья, сынъ священника Стефана Заленскаго, церкви Николая, *Владиміръ Заленскій*. . .	16	1766 октября 4 дня.			Очень изряденъ.	
Полку нѣжинскаго, города Батурина, сынъ священника Іоанна Бѣлоросскаго, церкви Введенія пресв. Богородицы, *Власъ Бѣлоросскій*	26	1766 генваря 9 дня.			Добръ.	
Полку прилуцкаго, мѣстечка Срибнаго, сынъ священника Гавріила Левицкаго, церкви Николая, *Василій Левицкій* . . .	19	1766 сентября 10 дня.			Преизряденъ.	
Полку миргородскаго, села Туховъ, сынъ пономаря Григорія Шимчевскаго, церкви Благовѣщенія, *Василій Шимчевскій*	20	1766 генваря 9 дня.			Благонадеженъ.	
Полку прилуцкаго, села Ступаковки, сынъ священника Ѳеодора Лысовскаго, церкви Покрова пресв. Богородицы, *Василій Лысовскій*	26	1766 генваря 4 дня.			Средственъ.	
Полку миргородскаго, села Зубанеи, сынъ священника умершаго Іоанна Мокіевскаго, церкви Рождества Богородицы, *Василій Мокіевскій*	22	1765 октября 10 дня.			Добръ.	
Полку кіевскаго, села Заворычъ, сынъ священника умер-		1764 февраля				

шаго Тарасія Заворскаго, церкви Георгія, *Василій Заворскій*	22	9 дня.	Синтаксимы.	Поетику.	Добръ.	
Полку кіевскаго, м. Остра, сынъ священника Іоанна Вишніовскаго, церкви Воскресенія Христова, *Григорій Вишніовскій*	14	1767 Іюня 2 дня.			Понятенъ очень изряденъ.	
Полку черниговскаго, с. Моравейки, сынъ священника Василія, Вакуловскаго церкви Преображенія Господня, *Григорій Вакуловскій*.	19	1765 генваря 9 дня			Прилеженъ превосходно добръ.	
Полку кіевскаго, м. Обухова, сынъ священника Іоанна Богацкаго, церкви Воскресенія Христова, *Георгій Богацкій* .	18	1767 сентября 8 дня.			Изряденъ.	
Полку прилуцкаго, с. Ольшаной, сынъ священника Стефана Лоевскаго, церкви Архистратига Михаила, *Григорій Лоевскій*	22	1766 генваря 9 дня			Весьма средствен.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ дьяка Ивана Родзиновскаго, церкви Воскресенія Христова, *Діомидъ Родзиновскій*	18	1766 сентября 4 дня.			Добръ.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ діакона Симеона Гонтаровскаго, церкви Успенія пресв. Богородицы, *Димитрій Гонтаровскій*	14	1764 сентября 8 дня.			Благонадеженъ.	
Полку переяславскаго, с. Бзова, сынъ священника умершаго Евстафія Ѳомницкаго, церкви		1766 генваря 23 дня.				

Успенія прес. Богородицы, *Димитрій Өомницкій*	16		Синтаксимы	Поэтику.	Прилежен. добръ.
Полку лубенскаго, с. Дащенокъ, сынъ дьяка Василія Аглицкаго, церкви Николая, *Захарій Аглицкій*	19	1765 сентября 9 дня.			Средственъ.
Полку лубенскаго, м. Чорнухъ, сынъ священника умершаго Петра Андріевскаго, церкви Преображенія Господня, *Яковъ Петровскій*	20	1766 генваря 8 дня.			Преизряденъ.
Полку кіевскаго, с. Выповзова, сынъ священника умершаго Іоанна Русановича, церкви Воздвиженія, *Яковъ Русановскій*	15	1766 генваря 8 дня.			Благонадеженъ.
Полку миргородскаго, с. Вергуновъ, сынъ дьяка Якова Филиппова, церкви Рождества Христова, *Иванъ Якубовскій* .	23				Весьма средственъ.
Полку полтавскаго, г. Кобеляка, сынъ священника Іоанна Симентовскаго, церкви Свято-троицкой, *Иванъ Симентовскій*	19	1767 генваря 9 дня.			Изряденъ.
Полку нѣжинскаго, м. Серединной Буды, сынъ священника Гавріила Милитанскаго церкви Свято-троицкой, *Иванъ Милитанскій*	19	1767 генваря 13 дня.			Изряденъ.
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ дьяка Ивана Андріевскаго, бывшаго церкви Василія, *Іосифъ Андріевскій*. . .	16	1766 мая 16 дня.			Изряденъ.
Полку нѣжинскаго, с. Свар-		1767			

кова, сынъ священника Симеона Родіонова, церкви Соборъ св. Апостолъ, *Иванъ Родіоновъ*.	19	сентября 7 дня.	Синтаксимы.	Поэтику.	Добръ.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ діакона Іосифа Кіиловскаго, церкви Притиско-Николая, *Іосифъ Кіиловскій*.	17	1765 генваря 9 дня			Благонадеженъ.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ діакона Андрея Нарожницкаго, церкви Воскресенія Христова, *Иванъ Нарожницкій*.	19	1762 генваря 8 дня			Преизряденъ.	
Полку лубенскаго, с. Плелова, сынъ священника Василія Семперовича, церкви Успенія прес. Богородицы, *Иванъ Семперовичъ*	18	1766 генваря 9 дня.			Средственъ.	
Полку прилуцкаго, с. Гайворона, сынъ священника Өомы Войташевскаго, церкви Покрова пресв. Богородицы, *Иванъ Войташевскій*.	20	1765 сентября 7 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, с. Шершневки, сынъ священника умершаго Өедора Өеодоровича, церкви Успенія пресв. Богородицы, *Яковъ Өеодоровичъ*.	23	1764 сентября 5 дня.			Средственъ.	
Полку кіевскаго, с. Ничеговки, сынъ священника Андрея Прокопьева, церкви Троицкой, *Кондратъ Андріевскій*.	19	1765 генваря 10 дня.			Добръ.	
Полку нѣжинскаго, с. Имченокъ, сынъ священника Стефана Стефановича, церкви ве-		1765 генваря 15 дня.				

ликомученицы Варвары, *Кирилл Стефанович*	23		Синтаксиму.	Поетику.	Очень добръ.	
Полку кіевскаго, м Броваровъ, сынъ священника Андрея Савицкаго, церкви Петра и Павла, *Лукьянъ Савицкій*	16	1766 ноября 15 дня.			Изряденъ.	
Полку кіевскаго, с. Слободки губернаторской, церкви Воскресенія Христова, сынъ священника Θеодора, *Моисей Яворскій*	16	1765 мая 6 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, м. Лохвицы, сынъ священника Петра Шкляревскаго, церкви великомуч. Варвары, *Николай Шкляревскій*	18	1767 декабря 28 дня			Преизряденъ.	
Полку гадяцкаго, с. Комышекъ, сынъ священника умершаго Іоанна Милчевскаго, церкви Покрова Пресв. Богородицы, *Никита Милчевскій*	22	1766 генваря 8 дня.			Благопадеженъ.	
Полку нѣжинскаго, с. Березки, сынъ священника Стефана Чубровскаго, церкви Вознесенія Христова, *Николай Чубровскій*	19	1766 генваря 18 дня.			Добръ.	
Полку прилуцкаго, с. Галки, сынъ священника Якова Галковскаго, церкви Георгія, *Павелъ Галковскій*	18	1766 генваря 17 дня.			Очень добръ.	
Полку лубенскаго, с. Хорошковъ, сынъ священника Гавріила Гуляницкаго, церкви Рождества		1764 генваря 13 дня				

Пресв. Богородицы, *Петръ Гулянщкій*	22		Синтаксимы	Поэтики у.	Изрядепъ.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій сынъ священника Θеодора Кольчинскаго, церкви Успенія Пресв. Богородицы, *Петръ Кольчинскій*	16	1766 сентября 6 дня.			Преизрядепъ.	
Полку гадяцкаго, с. Будъ, сынъ священника Θеодора Кузмича, церкви Архистратига Михаила, *Павелъ Кузмичъ*. . .	19	1766 сентября 15 дня.			Добръ.	
Полку миргородскаго, г. Хорола, сынъ священника Никиты Петичинскаго, церкви Петра и Павла, *Прокопій Петичинскій*	19	1767 сентября 5 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, с Волошиновки, священника Григорія Михайловскаго, церкви Покрова Прес Богородицы, *Петръ Михайловскій*	17	1765 сентября 16 дня.			Средственъ.	
Полку полтавскаго, с. Диканки, сынъ священника Іоанна Житинскаго, церкви святителя Николая, *Романъ Житинскій*	12	1768 сентября 7 дня.			Преизряденъ.	
Полку миргородскаго, с. Енгокъ, сынъ священника Іоанна Засядка, церкви Трехъ Святителей. *Стефанъ Засядко* . . .	21	1766 генваря 17 дня.			Надеженъ.	
Полку миргородскаго. с. Савинецъ, сынъ священника Стефана Винопольскаго, церкви Архистратига Михаила, *Θеодоръ Винопольскій*	22	1766 сентября 2 дня.			Средственъ.	

»Всѣхъ священническихъ сыновъ въ школѣ піитики	. .	38
» — діаконскихъ		3
» — дьяковскихъ		5
» — пономарскихъ		1
»Прочіихъ малороссійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ.		69
»Всѣхъ же, какъ священническихъ и причетническихъ, »такъ малороссійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ.	.	116

»Магістеръ піитики Иванъ Самойловичъ«.

Очевидно, что вѣдомость эта содержитъ въ себѣ только академистовъ духовнаго званія, для представленія, какъ можно полагать, митрополиту, имѣвшему ближайшія отношенія къ воспитанникамъ сего сословія. Отмѣтки успѣховъ и способностей въ подлинникѣ сдѣланы рукою самаго наставника Самойловича; изъ нихъ видно, что самыми лучшими изъ учениковъ были тѣ, которые имѣли меньше лѣтъ отъ роду. Причина очень понятна: но какъ-то странно встрѣчать двѣнадцатилѣтняго *Житинскаго* или четырнадцатилѣтняго *Гонтаровскаго*, далеко превосходящихъ своими успѣхами такихъ взрослыхъ и почтенныхъ мужей, какъ *Власъ Бѣлоросскій*. Разновременность пребыванія воспитанниковъ въ школѣ піитики объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ, по неуспѣшности своей, не удостоивались перевода въ высшій классъ и оставались доучиваться. Замѣчательны также измѣненія въ фамиліяхъ, которыя однакожъ допускаемы были, не произвольно, а большею частію по именамъ родителей.

Изъ поименованныхъ въ этой вѣдомости воспитанниковъ Академіи не видно впрочемъ ни одного изъ тѣхъ, которые сдѣлали потомъ собою особенную честь воспитавшему ихъ училищу. А между тѣмъ въ это время были такіе люди, которыхъ мы видимъ и на важнѣйшихъ степеняхъ іерархическихъ и службы государственной.

Базилевичъ Іовъ поступилъ сначала въ учители и потомъ былъ префектомъ и ректоромъ харьковскаго коллегіума. Въ 1770 году онъ былъ переведенъ въ курскій Знаменскій монастырь, а оттуда хиротонисанъ въ епископы въ Переяславль, гдѣ 2 мая 1776 года и скончался[292].

Барановичъ Лаврентій началъ училищную службу въ новгородской семинаріи въ званіи учителя піитики, потомъ въ 1760 году назначенъ префектомъ, а черезъ годъ вицеректоромъ и настоятелемъ Антоніева монастыря; 1762 года онъ былъ утвержденъ въ этихъ званіяхъ съ пожалованіемъ въ архимандриты. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего *Барановичъ* былъ переведенъ въ Хутынь монастырь, а въ 1774 рукоположенъ въ епископа вятскаго, гдѣ и умеръ 13 марта 1796 года[293].

Безбородко князь **Александръ Андреевичъ**, государственный канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, главный директоръ почтъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, родился 1746 года въ отцовскомъ помѣстьѣ, с. Стольномъ, лежащемъ въ 50 верстахъ отъ г. Чернигова. Отецъ его Андрей Яковлевичъ служилъ генеральнымъ писаремъ[294], и въ царствованіе Императора Петра III уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ генеральнаго судьи[295]. Но служебныя обязанности не отвлекали его отъ исполненія священнѣйшаго долга по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Слѣдуя древнему, но всегда вѣрному и благочестивому правилу воспитанія, благоразумный отецъ самъ началъ учить дѣтей своихъ славянской грамотѣ, постепенно переходя отъ букваря къ часослову и потомъ къ псалтири. Въ непродолжительномъ времени онъ уже имѣлъ удовольствіе слышать прекрасное чтеніе старшаго сына своего *Александра,* который три раза долженъ былъ прочитать предъ отцемъ своимъ славянскую библію отъ доски до доски. Для юнаго питомца одареннаго отъ природы чрезвычайною памятью, такое занятіе не могло остаться безъ

величайшей пользы. Ознакомившись съ богатствомъ и силою нашего церковнаго языка, *Безбородко* получилъ ту твердость и ясность выраженій, ту свѣтлость взгляда, которыя въ послѣдствіи составили отличительнѣйшую черту его краснорѣчиваго пера. Но пылкому уму юноши мало было домашняго воспитанія; умный отецъ понялъ это и послалъ сына своего въ кіевскія школы.

Съ самаго низшаго до высшаго класса шелъ *Безбородко*, удивляя всѣхъ богатыми своими способностями, необыкновеннымъ прилежаніемъ и отличными успѣхами. Не мудрено послѣ этого, что при первомъ же вступленіи своемъ на государственную службу онъ обратилъ на себя общее вниманіе своимъ просвѣщеніемъ и образованностью. На двадцать третьемъ году отъ роду, *Безбородко,* въ чинѣ бунчуковаго товарища[296], уже управлялъ канцеляріей Румянцова, бывшаго тогда малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Довѣренность, оказываемая имъ *Безбородку*, свидѣтельствуетъ о достоинствахъ сего послѣдняго. Вполнѣ оправдывая высокое вниманіе одного изъ великихъ людей вѣка Екатерины II, *Безбородко* вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣлъ неоспоримое право и на признательность своихъ соотечественниковъ, всегда находившихъ въ немъ ходатая и защитника у правительства. Въ 1767 году онъ былъ назначенъ въ члены генеральнаго суда и занялъ мѣсто въ ряду людей, уже посѣдѣвшихъ на службѣ. Черезъ два года послѣ сего возгорѣлась война съ Турціей. Румянцевъ, назначенный предводителемъ второй арміи, пошелъ на поле битвы, гдѣ ожидали героя неувядаемыя лавры и слава Кагульскаго побѣдителя. Мудрено было пылкому *Безбородку* не пойти вслѣдъ своего высокаго начальника и не промѣнять въ такую удобную минуту пера на шпагу. Счастье ожидало его на первомъ же шагу избраннаго имъ поприща. Не успѣлъ онъ перемѣнить гражданскаго мундира на военный, какъ уже явился начальникомъ нѣжинскаго, лубенскаго, миргородскаго и комна-

нейскаго полковъ. Вскорѣ Румянцевъ назначенъ былъ главнымъ предводителемъ всѣхъ войскъ противъ турокъ. *Безбородко* немедленно перешелъ въ его армію и безотлучно находился при немъ въ сраженіяхъ: 4 іюля 1770 года неподалеку отъ рѣчки Ларги; 5 при нападеніи турокъ на авангардъ праваго крыла; 7 въ Ларгскомъ дѣлѣ, гдѣ, по собственному желанію, сражался въ передовыхъ войскахъ и наконецъ 21 имѣлъ честь участвовать въ знаменитой Кагульской битвѣ. По переходѣ нашихъ войскъ чрезъ Дунай въ 1773 году, *Безбородко* 18 іюня былъ при штурмѣ наружнаго Силистрійскаго укрѣпленія, управляя между тѣмъ въ продолженіи всей войны походной канцеляріей фельдмаршала и успѣшно исполняя разныя секретныя порученія.

Отличная служба и рѣдкія способности *Безбородка* не остались безъ должнаго вознагражденія: 22 марта 1774 года онъ пожалованъ полковникомъ кіевскаго малороссійскаго полка. По прибытіи же въ Москву 1775 года, для участія въ торжествѣ, по случаю заключенія Кучукъ Кайнарджискаго мира, опредѣленъ Императрицею Екатериною II къ принятію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Въ самое короткое время *Безбородко* пріобрѣлъ довѣренность Государыни. Правила благочестія и добродѣтели, съ младенчества вкорененныя въ него богобоязненнымъ родителемъ; прочное, основанное на религіи и чистой нравственности воспитаніе, внимательность къ самому себѣ и строгая послѣдовательность въ занятіяхъ, пріобрѣтенная подъ руководствомъ ученѣйшихъ мужей своего времени, способность выражаться краснорѣчиво, необыкновенная память и изумительная находчивость сдѣлали его чудомъ при блестящемъ Дворѣ Екатерины. Разсказываютъ, что однажды *Безбородко,* получивъ словесное приказаніе отъ самой Государыни написать одну важную бумагу, за другими занятіями, требовавшими немедленной работы, забылъ исполнить Монаршую волю. При первомъ же докладѣ Императрица велѣла

Безбородку прочитать то, что онъ написалъ, по ея приказанію. *Безбородко*, нимало не смутясь, досталъ бумагу изъ своего портфеля, и твердымъ голосомъ, безъ малѣйшей запинки прочиталъ то, что слѣдовало изготовить. Императрица, выслушавъ докладъ, и изъявивъ свое согласіе, потребовала бумагу къ подпису. Но какъ же она изумилась и какъ смѣшался находчивый секретарь, когда она увидѣла чистый, неписаный листъ бумаги!... Великодушная Государыня, довольная такой рѣдкой способностью излагать легко и мгновенно важныя мысли во всей ихъ полнотѣ и съ краснорѣчіемъ, приличнымъ важности предмета, охотно простила виновнаго въ неумышленной неисправности. Случай этотъ, говорятъ, даже послужилъ къ его возвышенію, котораго впрочемъ виновникомъ былъ онъ самъ и неусыпные труды его.

Какъ бы то ни было, но *Безбородко* завѣдывалъ уже собственными дѣлами Государыни, которая пожаловала его первымъ своимъ секретаремъ. Съ этого-то времени собственно можно положить начало его дѣятельности на поприщѣ службы гражданской и дипломатической; тогда же занялась и заря той заслуженной славы, которая потомъ явилась въ яркомъ блескѣ и которой удивляется и долго будетъ удивляться позднѣйшее потомство, произнося имя *Безбородка*. Его обширный умъ, необыкновенная дѣятельность и огромное вліяніе на политическія событія того времени поставляютъ на одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитыми мужами вѣка Екатерины. Сколько Государыня уважала его высокія дарованія и заслуги, это видно изъ блестящихъ наградъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Въ самомъ дѣлѣ, кого не удивитъ, что *Безбородко* въ продолженіи какихъ нибудь семи лѣтъ изъ полковника возвысился до тайнаго совѣтника, графа, вицеканцлера, гофмейстера, имѣлъ ордена св. Владиміра 1 степ. св. Александра Невскаго и владѣлъ слишкомъ одиннадцатью тысячами душъ крестьянъ, полученныхъ въ тоже самое время отъ щедротъ Ве-

ликой Монархіи?... Спустя нѣсколько *Безбородко* награжденъ орденомъ св. Андрея первозваннаго, а во время торжества, по случаю Ясскаго мира, состоявшагося при непосредственномъ его содѣйствіи, получилъ похвальную грамату и масличную вѣтвь для ношенія на шляпѣ — награда, никогда не бывалая прежде и уже потомъ не повторявшаяся. Мы не говоримъ ужъ о денежныхъ награжденіяхъ, составлявшихъ огромныя суммы, которыя слѣдовали почти за всякимъ дѣломъ, счастливо оканчиваемымъ *Безбородкомъ*.

Неутомимо-дѣятельный, глубоко-проницательный, онъ пользовался неограниченной довѣренностью Государыни и имѣлъ важнѣйшій перевѣсъ надъ знаменитымъ вицеканцлеромъ графомъ Остерманомъ: но во время отлучки *Безбородка* въ Яссы, князь П. А. Зубовъ успѣлъ получить портфель его и удержалъ оный по самую кончину Екатерины II. Хотя *Безбородко* и видѣлъ себя устраненнымъ отъ участія въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, и лишеннымъ прежней довѣренности и силы: но усердіе его къ пользамъ отечества нимало не уменьшилось отъ этого; его все таки употребляли по дѣламъ дипломатическимъ, какъ министра опытнаго и дальновиднаго. Съ возшествіемъ на престолъ Императора Павла I, *Безбородко* 1797 года возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго канцлера. Кромѣ этого, Императоръ пожаловалъ ему для ношенія на шеѣ портретъ свой и большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпанные крупными бриліантами, орловскую вотчину, тридцать тысячъ десятинъ земли въ воронежской губерніи и шесть тысячъ душъ крестьянъ на его выборъ.

Такъ самодержавные Владыки русской земли искони награждали вѣрныхъ и усердныхъ слугъ своихъ! Такъ они цѣнили высокія заслуги вѣрноподданнаго, приносившаго имъ въ жертву всѣ силы и способности своего ума! Имъ ближе были

видны благодѣтельныя для престола и отечества послѣдствія неусыпныхъ трудовъ своихъ слугъ вѣрныхъ и то, что потомству осталось въ мертвыхъ актахъ и бумагахъ, говорило въ то время самымъ дѣломъ, живо и дѣйственно способствуя благосостоянію Россіи. Но и поверхностное разсматриваніе договоровъ и другихъ актовъ, въ заключеніи которыхъ участвовалъ *Безбородко* и подъ которыми находятся его собственноручныя подписи, можетъ свидѣтельствовать о томъ огромномъ вліяніи, какое имѣлъ онъ въ то время на политическія событія всей Европы. Передъ взволнованнымъ воображеніемъ проходятъ думы о дѣлахъ давно минувшихъ дней и историческія воспоминанія тѣснятся одно за другимъ, рисуя колоссальное величіе владычицы полъ-міра и мудрость ея министра[297].

Краснорѣчивое перо *Безбородка* видно и въ такихъ бумагахъ, которыя, по характеру своему, сухи бываютъ изложеніемъ. Но манифесты, имъ писанные, инструкціи посланникамъ и оффиціальныя донесенія въ этомъ отношеніи представляютъ образецъ дипломатическаго слога, особенно, если припомнимъ, какъ не близка къ намъ та эпоха, когда они выходили въ свѣтъ.

Рано сошелъ съ земнаго, блистательнаго поприща своего мужъ ума и силы. Отечество еще въ правѣ было ожидать отъ него услугъ великихъ и дѣлъ полезныхъ: но судьбы Божіи неисповѣдимы. Въ полномъ развитіи силъ и здоровья, переступивъ только полвѣка, князь *Александръ Андреевичъ Безбородко* скончался 6 апрѣля 1799 года. Все огромное имѣніе, пріобрѣтенное имъ отъ Высочайшихъ щедротъ, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ[298], онъ отказалъ брату своему графу Ильѣ Андреевичу, обязавъ его исполнить ту мысль, которою онъ самъ занятъ былъ долгое время и которую не успѣлъ осуществить при жизни своей. Это—основаніе въ Нѣжинѣ Лицея, который доселѣ носитъ имя князя *Александра Андреевича Безбородко*.

Безбородко обладалъ всеобъемлющимъ, проницательнымъ и необыкновенно гибкимъ умомъ. Отвсюду окруженный завистниками, имѣвшій въ Остерманѣ опаснаго себѣ соперника, онъ умѣлъ ловко отклонять отъ себя всякіе непріязненные удары и сохранилъ до конца жизни своей Высочайшее благоволеніе Екатерины II и Павла I. Съ необыкновенной легкостію и скоростію обдѣлывалъ онъ то, что приводило въ тревожное состояніе другихъ государственныхъ людей. Графъ Сегюръ такъ отзывался о немъ: »*Безбородко* въ тѣлѣ толстомъ скрываетъ умъ тончайшій«. Никакая головоломная работа не казалась ему тяжелою: быстро разрѣшалъ онъ затруднительнѣйшіе дипломатическіе вопросы. Не успѣвая слѣдить перомъ за тревожнымъ бѣгомъ развивающихся мыслей, *Безбородко* писалъ обыкновенно карандашомъ и такъ слитно и сокращенно, что не многіе изъ секретарей его могли разбирать такой почеркъ. Память у него была необъятная. Разсказываютъ, что въ бытность его въ Академіи товарищи дѣлали надъ нимъ странныя испытанія: лишь только онъ засыпалъ, они будили его и спрашивали: когда случилось такое-то или такое изъ давнишнихъ произшествій? — и *Безбородко* въ просонкахъ отвѣчалъ имъ безъ ошибки. Въ искуствѣ вести переговоры никто не могъ съ нимъ сравняться. Въ 1791 году, по смерти Потемкина, самъ вызвавшись окончить въ Яссахъ мирныя негоціаціи, онъ успѣлъ уговорить Юсуфъ-Пашу къ уплатѣ 15 милліоновъ піастровъ за военныя издержки, — статья, на которую болѣе всего не соглашался турецкій главнокомандующій. Когда уже трактатъ былъ подписанъ, *Безбородко*, разорвавъ бумагу, сказалъ: »Русская Императрица не имѣетъ »нужды въ турецкихъ деньгахъ; ей драгоцѣнны только права »ея и честь подданныхъ«. Великая Екатерина вполнѣ одобрила такой смѣлый и рѣшительный поступокъ своего полномочнаго, изумивъ безкорыстіемъ своимъ побѣжденную Турцію.

Находясь на скользкой стезѣ высокихъ почестей, *Безбородко*, подобно многимъ знаменитымъ людямъ, казался неуклю-

жимъ, неповоротливымъ: но это только предъ придворными. Въ собственномъ же кабинетѣ великой Государыни онъ являлся быстрымъ и смѣтливымъ исполнителемъ ея воли. »До него всякій часъ дѣло«, замѣчаетъ А. В. Храповицкій въ памятныхъ своихъ запискахъ[299]. И немудрено: на рукахъ *Безбородка* были всѣ дипломатическія дѣла Россіи съ иноземными державами, вся переписка съ предводителями морскихъ и сухопутныхъ силъ Россіи, всѣ домашнія, кабинетныя занятія самой Императрицы. Великая Государыня понимала своего вѣрнаго слугу, безпокоилась даже о томъ, »что въ сердцахъ худо приняла вице-канц»лера и съ нетерпѣніемъ слушала бумаги отъ графа А. А. *Без»бородка* присланныя«.

А помнилъ ли великій и государственный мужъ то священное мѣсто, гдѣ когда-то онъ получилъ образованіе? Нельзя думать, чтобъ забылъ; ибо милости, не въ примѣръ другимъ, изліянныя на Кіевскую Академію Екатериною Великой, явно свидѣтельствуютъ, что довѣренный и ближайшій ея сановникъ подавалъ и свой сильный голосъ въ пользу роднаго ему училища. За благодѣтельной рукой Вѣнценосной покровительницы отечественнаго просвѣщенія не замѣтенъ человѣкъ, которому такъ не чуждо Высочайше облагодѣтельствованное училище: но оно видитъ его, и съ благодарностію поминаетъ достойнѣйшаго своего питомца князя *Александра Андреевича Безбородка*[300].

Березовскій Максимъ Созонтовичъ, первый нашъ русскій композиторъ, получившій отъ знаменитыхъ европейскихъ маэстро званіе музикуса. Онъ родился въ г. Глуховѣ, черниговской губерніи, и происходилъ отъ малороссійской дворянской фамиліи. По странному предубѣжденію, отецъ не хотѣлъ отдавать его ни въ какое училище, думая удовольствоваться однимъ домашнимъ воспитаніемъ: но проживъ по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ около шести лѣтъ, онъ отмѣнилъ прежнее свое рѣшеніе, и тотчасъ по возвращеніи домой отослалъ сына сво-

его *Максима* въ Кіевскую Академію. Юный *Березовскій,* обладавшій отличнымъ голосомъ, немедленно поступилъ въ тамошнюю капеллю и сталъ особенно прилежать къ изученію музыкальнаго искуства. Какъ онъ успѣвалъ въ прочихъ предметахъ — неизвѣстно: по крайней мѣрѣ успѣлъ достигнуть реторическаго класса, и конечно вынесъ изъ школы столько свѣдѣній, что могъ не показатся невѣждою между просвѣщенными европейцами. Тревожимый глубоко положеннымъ въ душѣ его чувствомъ гармоніи, *Березовскій* безпрестанно упражнялся въ композиціяхъ на три и на четыре голоса. Пѣсни эти, распѣваемыя товарищами, обратили наконецъ на юнаго композитора вниманіе ближайшихъ начальниковъ, а отличный голосъ и пѣніе сдѣлали его извѣстнымъ Румянцеву, который взялъ его съ собою въ Петербургъ и опредѣлилъ въ придворную капеллу. Тутъ, подъ руководствомъ Цописа, онъ предался изученію генералъ-баса, и обнаружилъ рѣшительный талантъ и наклонность къ музыкѣ высшаго рода. Двадцати лѣтъ отъ роду, *Березовскій,* на счетъ казны, былъ отправленъ въ Болонью къ одному изъ отличнѣйшихъ тогда профессоровъ старинему Мартини. Около девяти лѣтъ *Березовскій* находился въ болонской академіи, изучая тайны музыкальнаго искуства, широко и величественно раскрытаго тогда ораторіями Генделя и Себастіана Баха. Онъ даже участвовалъ въ исполненіи оперъ, очаровывая публику отличнымъ голосомъ и восхитительною манерой. Дебюты его на ораніенбаумскомъ придворномъ театрѣ, гдѣ всегда давали русскому пѣвцу первыя роли, доставили *Березовскому* громкую извѣстность[301]. Теперь оставалось или получить должную награду, или возвратиться со стыдомъ въ свое отечество. Но день испытанія былъ для нашего композитора днемъ торжества. Глубокія познанія, свѣтлость мысли и чувства поразили членовъ болонскаго музыкальнаго общества и музыкальной академія. Это былъ еще первый примѣръ, что русскій явился претендентомъ на званіе музикуса. Безпристрастные цѣнители музыкальныхъ талантовъ съ восторгомъ отдали честь, принадлежавшую иноземцу, и привѣтствовали

его отъ имени музыкальнаго общества званіемъ капельмейстера, а отъ академіи — титломъ академика. Какбы въ благодарность за это, *Березовскій*, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Италіи, въ карнавалъ 1773 года, написалъ для ливонскаго театра св. Себастіана оперу: *Демофонтъ*, либретомъ для которой послужили слова Метастазія. Тогда и публика вмѣстѣ съ учеными музикусами увидѣла и признала высокій талантъ русскаго композитора. Съ блистательными надеждами *Березовскій* спѣшилъ въ свое отечество подъ побѣдоноснымъ флагомъ чесменскаго героя, графа Орлова. Имя его уже сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи: ибо нѣсколько концертовъ, присланныхъ имъ еще изъ Италіи, были приняты съ особенною похвалою при Высочайшемъ Дворѣ. Но съ другой стороны едва ли эта преждевременная слава и не была причиною тѣхъ козней, непріятностей и неудачъ, которыя довели потомъ нашего талантливаго соотечественника до горестной кончины. Тогда въ Петербургѣ придворною пѣвческою капелліею завѣдывали все иностранцы. *Березовскій* съ полнымъ правомъ надѣялся замѣнить кого либо изъ нихъ: но зависть и происки бездарнаго Сарти сдѣлали то, что его только причислили къ капелліи. Это былъ жестокій ударъ для *Березовскаго*. Онъ громко сталъ жаловаться на такую несправедливость, и успѣлъ обратить на себя вниманіе князя Потемкина-Таврическаго. Въ то время »великолѣпный князь Тавриды« предполагалъ основать въ Кременчугѣ музыкальную академію и назначилъ было туда *Березовскаго* директоромъ: но и это не состоялось. Планъ князя не осуществился и талантливый композиторъ остался по прежнему подъ командой ненавистнаго ему Сарти. Убитый такими неудачами, *Березовскій* предался употребленію горячихъ напитковъ, слѣдствіемъ чего была сначала ипохондрія, а потомъ бѣлая горячка. Въ припадкѣ безпамятства онъ окончилъ жизнь свою самоубійствомъ 24 марта 1777 года[302]. Простота, сильное чувство, удивительное согласіе музыки съ самымъ текстомъ, повсемѣстные слѣды могучаго таланта и глубокое знаніе науки — вотъ отличительныя черты

духовныхъ композицій *Березовскаго!* Ему первому принадлежитъ честь расположенія нашихъ церковныхъ концертовъ по плану концерто-гроссо и симфоніи въ томъ видѣ, въ какомъ потомъ писали уже всѣ наши духовные композиторы. До *Березовскаго* наша церковная музыка имѣла еще и тотъ недостатокъ, что въ ней вовсе или очень мало было обращаемо вниманіе на мысль самаго текста. Иностранцы—композиторы все посвящали заранѣе подготовленнымъ мотивамъ, не разбирая, согласны ли они съ текстомъ или нѣтъ, и жертвовали для этого даже самымъ слогоударенiемъ. *Березовскій* съ первыхъ же твореній своихъ показалъ, чѣмъ должна быть церковная музыка, и привелъ въ гармонію текстъ съ музыкальными тонами, обративъ строгое вниманіе на правильность слогоударенія[303].

Борковскій Константинъ. По указу св. Синода, онъ былъ вытребованъ въ московскую академію къ учительской должности и къ обязанности проповѣдника. Черезъ нѣсколько времени *Борковскій* былъ пожалованъ архимандритомъ боровскаго Пафнутіева монастыря, но вскорѣ переведенъ въ московскій Даниловъ, а отсюда въ Спасо-преображенскій, съ назначеніемъ ректоромъ казанской академіи и профессоромъ богословія. *Борковскій* скончался въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ[304].

Вольховскій Аѳанасій II былъ сынъ полтавскаго протоіерея. Преосвящ. Аѳанасій Вольховскій I, родной его дядя, отъѣзжая въ Тверь на епархію, взялъ съ собою и племянника, и опредѣлилъ его во вновь заведенную имъ тамъ семинарію. Отсюда вмѣстѣ съ дядею *Вольховскій* переѣхалъ въ Ярославль, гдѣ и продолжалъ учиться въ тамошней школѣ. По смерти же своего благодѣтеля, онъ отправился въ харьковскій коллегіумъ, откуда потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію, для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Окончивъ курсъ, *Вольховскій* поступилъ во священники къ полтавской Николаевской церкви: но въ 1769 году, лишившись супруги, постригся

въ монахи въ Троицкомъ Ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ, и въ память своего благодѣтеля принялъ имя *Аѳанасія.* Черезъ нѣсколько времени онъ назначенъ былъ намѣстникомъ того монастыря: но 1770 года оставивъ начальническую должность, поступилъ въ каѳедральный черниговскій соборъ, гдѣ пять лѣтъ проходилъ разныя службы и послушанія. Смирявшій себя человѣкъ Божій вызванъ былъ однакожъ на высшую чреду служенія: 1776 года онъ былъ возведенъ въ санъ игумена новгородскаго Кириллова монастыря, а черезъ пять лѣтъ опредѣленъ намѣстникомъ Александро-невской Лавры, потомъ, менѣе чѣмъ черезъ три года переведенъ въ Отенскій и того же 1783 года посвященъ въ архимандриты Вяжицкаго, а черезъ два года Юрьева монастыря. Въ 1788 году *Вольховскій* былъ хиротонисанъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородской митрополіи, и черезъ семь лѣтъ назначенъ епископомъ могилевскимъ. Въ это время онъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена св. Анны 1 степ.: но по разстроенному здоровью, не могъ долѣе продолжать службы, и по двухлѣтнемъ управленіи епархіей, испросивъ себѣ увольненіе, удалился на покой въ полтавскій лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 1 генваря 1801 года(305).

Германовскій Исаія, по окончаніи курса, вызванъ былъ, по указу св. Синода, къ должности учителя философіи въ александро-невскую академію. Въ 1766 году онъ былъ произведенъ въ архимандриты и назначенъ ректоромъ, а черезъ четыре года возвратился въ Кіевъ. Мѣсто и время кончины его неизвѣстны(306).

Голеневскій Иванъ былъ родомъ изъ Кіева и принадлежалъ къ сословію ремесленниковъ. Въ отроческихъ лѣтахъ поступивъ въ Братскія школы, онъ за превосходный голосъ принятъ былъ въ академическую капеллію. Продолжая здѣсь науки съ отличнымъ успѣхомъ, онъ не менѣе того обращалъ на себя вниманіе кіевлянъ чудным своимъ теноромъ: но при

всемъ томъ *Голѐневскій* чувствовалъ, что въ музыкальномъ дѣлѣ онъ далекъ еще отъ совершенства и что не достаетъ ему лучшей методы пѣнія. Сильно хотѣлось ему побывать въ Петербургѣ и поучиться у тамошнихъ придворныхъ капельмейстеровъ; но средствъ къ тому у него не было. Къ счастію, объ немъ какъ-то услышалъ графъ Разумовскій, бывшій страстнымъ охотникомъ до пѣнія и взялъ его съ собой въ столицу. По прибытіи туда, *Голеневскій* немедленно поступилъ въ придворную капеллію, гдѣ однакожъ оставался не долго, ибо приключившаяся ему жестокая чахотка, лишивъ сначала голоса, скоро и самаго его свела въ могилу. *Голеневскій* свободныя минуты отъ своей службы любилъ посвящать литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ было *Собраніе* его *сочиненій* съ переводами напечат. въ С.-П. 1777 и потомъ *Даръ Обществу* — 1779 г. Здѣсь помѣстилъ онъ всѣ свои стихотворенія, прежде того особо напечатанныя[307].

Ильицкій Іосифъ родился въ селѣ Бѣлоусовкѣ, полтавской губерніи, отъ тамошняго священника и при крещеніи нареченъ былъ Іоанномъ. Окончивъ курсъ высшихъ наукъ, онъ, какъ въ совершенствѣ обладавшій языками латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ по принятіи монашества, отправленъ въ Ютландію къ содержавшимся въ городѣ Гортензѣ, подъ датскимъ присмотромъ, дѣтямъ правительницы Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. *Іосифъ* былъ ихъ утѣшителемъ и отцомъ духовнымъ, и раздѣлялъ съ ними скорби заточенія; на его рукахъ принцъ Петръ и окончилъ горестную жизнь свою. Въ 1807 году *Ильицкій* возвратился въ Россію, и награжденный орденомъ св. Анны 2 степ. получилъ въ управленіе полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ и скончался 20 сентября 1824 года[308].

Колосовскій Аггей родился 1738 г., полтавскаго полку, въ м.

Бѣликахъ отъ простаго козака и при крещеніи нареченъ былъ *Антоніемъ.* Достигнувъ въ Кіевской Академіи философскаго класса, онъ поступилъ потомъ на послушаніе въ Лавру, гдѣ и принялъ монашество 8 апрѣля 1759 г. Болѣе десяти лѣтъ провелъ онъ во св. обители, проходя разныя должности: былъ справщикомъ печатаемыхъ книгъ, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ. Въ 1769 году, указомъ св. Синода отъ 14 мая, *Колосовскій* вызванъ былъ въ Петербургъ и опредѣленъ законоучителемъ Морскаго Шляхетнаго Корпуса, а въ 1774 рукоположенъ въ архимандрита Печерскаго нижегородскаго монастыря: но въ томъ же году хиротонисанъ въ епископа бѣлгородскаго, въ каковомъ санѣ и пробылъ ровно двѣнадцать лѣтъ. Въ 1786 году, по разстроенному здоровью, онъ былъ уволенъ на покой съ пенсіею въ переяславскій монастырь, гдѣ и скончался 24 октября 1792 года[309].

Леванда Иванъ Васильевичъ родился въ Кіевѣ 1736 года и принадлежалъ къ ремесленническому сословію. Отецъ его, Василій Сикачка, былъ сапожнымъ мастеромъ. Имѣя въ сынѣ ближайшаго себѣ помощника, онъ пріучалъ его къ своему ремеслу, и между прочимъ заставлялъ разносить по домамъ заказываемую работу. По этому поводу *Ивану Сикачкѣ* приходилось иногда бывать и у священника Кіево - воскресенской церкви Іоанна Леванды. Проворство и ловкость подмастерья, его жадное прислушиванье къ урокамъ, затверживаемымъ сыномъ Леванды, обучавшимся въ Академіи, наконецъ ребяческія связи между обоими дѣтьми сдѣлали *Сикачку* любимцемъ умнаго священника. Переговоривъ съ отцомъ его, Леванда опредѣлилъ *Сикачку* на свой счетъ въ Академію и позволилъ ему, въ знакъ признательности за это, принять свою фамилію *Леванды*[310]. Съ радостію увидѣлъ себя юный прозелитъ науки въ томъ мірѣ, котораго всегда алкала душа его; сознательно принялся онъ за изученіе всего, чѣмъ богата была школа, и въ 1759 году былъ уже самъ наставникомъ въ пріютившемъ его училищѣ. Но каѳедра учи-

теля инфимы была слишкомъ тѣсна для такого широкаго таланта, какимъ обладалъ *Леванда*. Пробывъ два года въ Академіи, онъ получилъ мѣсто священника при Успенскомъ соборѣ, что на Подолѣ. Съ первыхъ же дней вступленія своего на высокую степень іерейства, онъ заговорилъ къ народу тѣми рѣчами и бесѣдами, которыя потомъ доставили ему заслуженную славу христіанскаго оратора(311). Тѣсно было въ храмахъ, гдѣ проповѣдывалъ *Леванда*; оставлялись обычныя занятія, забывались житейскія заботы, — и старъ и младъ спѣшили въ церковь послушать чуднаго проповѣдника, говорившаго понятнымъ всякому языкомъ истиннаго, глубоко-христіанскаго чувства. Въ 1786 году, когда, по состоявшимся духовнымъ штатамъ, Кіевософійскій монастырь обращенъ былъ въ каѳедральный соборъ, *Леванда* назначенъ былъ туда (7 августа) первенствующимъ протоіереемъ. Но ревность его къ проповѣданію слова Божія нисколько не умалилась отъ прибавленія другихъ служебныхъ занятій. Не проходило литургіи, которую служилъ *Леванда*, чтобъ онъ не говорилъ къ народу хоть краткое поученіе, и кіевляне, еще на канунѣ праздничныхъ дней, разузнавали, гдѣ будетъ служить ихъ родной Златоустъ. Въ слѣдующемъ году, когда Кіевъ имѣлъ счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ Екатерину Великую, *Леванда* получилъ неожиданную, но вполнѣ заслуженную имъ Высочайшую награду. Во время преждеосвященной литургіи, совершенной въ Андреевской церкви, въ четвергъ на пятой недѣли Великаго поста, когда *Леванда* окончилъ чтеніе заамвонной молитвы и обратился съ поклономъ къ присутствовавшей здѣсь Императрицѣ, Екатерина подозвала его, и своими руками возложила на знаменитаго проповѣдника кабинетный крестъ на алой лентѣ, украшенный бриліантами, а чрезъ нѣсколько дней (15 марта) повелѣла употреблять ему при священнослуженіи палицу, присвоенную собственно архіереямъ и архимандритамъ. Въ 1798 году 7 октября Императоръ Павелъ I имяннымъ указомъ пожаловалъ *Леванду* митрой. И радовались кіевляне, видя своего учителя взыскиваемаго Монаршими ми-

лостями. На престолѣ всероссійскомъ былъ уже Александръ I. Ректоръ Академіи Ѳеофилактъ и протоіерей *Леванда*, по распоряженію митрополита Гавріила, отправлены были въ Москву для принесенія всеподданнѣйшаго поздравленія и для присутствованія при коронаціи Благословеннаго. Уступая мѣсто первосвятителямъ, привѣтствовавшимъ Вѣнчанныхъ Помазанниковъ царства русскаго, *Леванда* обратился съ рѣчію своею къ Державной Матери ихъ »Всемилостивѣйшая Государыня! говорилъ онъ. Ангелъ твой—Марія Магдалина написана Духомъ Божіимъ »въ числѣ тѣхъ, *иже хождаху по Іисусѣ и служаху Ему*. Великая въ терпѣніи и торжествующая надъ сердцемъ и собою, »Монархиня или единица въ царѣхъ! Что ты, по волѣ Бога »твоего, подражая Сыну Его, царскимъ сердцемъ перенесла, то »шествовала по Іисусѣ твоемъ, служа душею Ему. Если не »дано намъ видѣть въ жизни сей, то собравшись въ вѣчность, »увидимъ въ воздаяніи твоемъ, коль велика была вѣра и любовь »твоя ко Іисусу, коль велико было и достойно вѣчныя славы »терпѣніе твое. Но настоящая награда во Всеавгустѣйшемъ »сынѣ твоемъ, Царѣ, любимомъ на небѣ и землѣ, есть порукою »о всѣхъ отрадахъ грядущихъ«[312]. Въ 1806 году ноября 19 *Леванда* награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степ., а въ 1809, по ходатайству кіевскаго военнаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича, получилъ отъ щедротъ Монаршихъ тысячу рублей. Между тѣмъ, не смотря на преклонныя лѣта, онъ и не думалъ ослабѣвать въ богоугодныхъ трудахъ проповѣданія слова Божія. Все съ тою же силою слова, съ тѣмъ же святымъ воодушевленіемъ, съ тою же глубиною чувства, съ тѣмъ же яснымъ, открытымъ, но уже убѣленнымъ сѣдинами челомъ являлся онъ предъ обычными своими слушателями, изъ коихъ многіе и многіе отошли уже въ вѣчность, унесши съ собою доброе сѣмя, посѣянное другомъ и учителемъ ихъ. Памятуя свои высокія обязанности, *Леванда* не гонялся за почестями, а почести преслѣдовали его. Всѣ знаменитости Кіева, начиная отъ митрополита Серапіона и графа Милорадовича, не-

отступно стали ходатайствовать о награжденіи своего несравненнаго проповѣдника, и Императоръ Александръ I повелѣлъ сопричислить *Леванду* къ ордену Анны 1 степ., удостоивъ его слѣдующимъ рескриптомъ:

»Отецъ Іоаннъ, Протоіерей Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора! Христіанскія добродѣтели, украшающія жизнь »вашу и въ продолженіи многихъ лѣтъ неослабно подъемлемые »вами подвиги на пользу Церкви отличное заслуживаютъ вни»маніе. Желая удостовѣрить васъ въ Монаршемъ Моемъ бла»говоленіи, пожаловалъ Я вамъ орденъ св. Анны первой сте»пени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваю »возложить и носить по установленію. Пребываю къ вамъ »благосклонный«

Александръ.

12 Декабря 1810 года.
Санктъ-Петербургъ.

Св. Синодъ съ своей стороны въ тоже самое время поспѣшилъ наградить *Леванду* бархатной фіолетовой камилавкой. Въ памятную годину страшнаго пожара 1811 года, когда жители Кіево-Подола спасались отъ разрушительнаго пламени на отмеляхъ днѣпровскихъ, *Леванда* переплывалъ къ нимъ въ лодкѣ съ посильною помочью, съ словомъ утѣшенія и христіанскаго назиданія[313]. Съ горькимъ воплемъ тѣснились къ нему несчастные подоляне, обливая слезами благодѣтельствовавшую имъ руку, и подвигъ добраго пастыря не остался безъ награды еще и въ сей жизни. Государь Императоръ, соизволившій пожаловать на разореныхъ жителей двадцать четыре тысячи, повелѣлъ выдать изъ нихъ *Левандѣ* 1800 рублей. Но семидесятиосьмилѣтнему старцу пришла уже пора разстаться съ этимъ міромъ; 25 іюня 1814 года заунывный звонъ Софійскаго колокола повѣстилъ кіевлянамъ, что уже замкнулись медоточивыя уста ихъ славнаго проповѣдника, друга и учителя. Искреннія

слезы безчисленныхъ почитателей *Левавды* и облагодѣтельствованныхъ имъ, проводили его въ могилу, уготованную въ томъ храмѣ, въ которомъ прослужилъ онъ церкви почти три десятилѣтія[314]. Государь Императоръ, согласно докладу св. Синода, Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать дочери *Леванды* *Маріи* дожизненный пенсіонъ въ 600 рублей.

Леванда, обладавшій рѣдкимъ умомъ и сердцемъ, открытымъ для добра, оставилъ множество поученій, бесѣдъ, рѣчей и разнаго рода писемъ[315]: и вездѣ и во всемъ является онъ одинаково сладкоглаголивымъ витіею. При составленіи бесѣдъ своихъ, *Леванда* мало предавался спокойному размышленію и не много заботился о прочности доказательствъ; въ самомъ даже расположеніи частей нѣтъ у него нарочитой строгости. Поставивъ извѣстную мысль точкою бесѣдовательнаго отправленія, онъ шелъ потомъ, по водительству чувства, которое недостатокъ классической строгости и правильнаго изслѣдованія предмета превосходно замѣняло говоромъ истинной любви и горячаго участія во всѣхъ нравственныхъ нуждахъ своихъ слушателей. Обнаженіе дѣлъ человѣческихъ во всемъ постыдномъ ихъ безобразіи—вотъ источникъ назидательныхъ поученій *Леванды*, такъ что съ этой стороны характеръ ихъ есть не положительный а отрицательный. Глубокій знатокъ сердца человѣческаго, онъ умѣлъ проникать во всѣ извилины его, и освѣщать мракъ души свѣтомъ евангельскаго слова; въ этомъ случаѣ ему много помогало обширное знаніе свящ. писанія, такъ что нѣкоторыя изъ его проповѣдей представляются искуснымъ сочетаніемъ текстовъ, проникнутыхъ единствомъ мысли, избранной проповѣдникомъ. Владѣя особеннымъ даромъ употреблять искусные обороты и переходы въ рѣчи. *Леванда* иногда поражаетъ слушателя недоумѣніемъ и сильно возбуждаетъ его вниманіе. Притомъ отличный голосъ, благородная манера, необыкновенное искуство произношенія, умѣнье придать вѣсъ и значеніе каждому слову, наконецъ самая фигура проповѣдника невольно

приковывали къ нему вниманіе всякаго, и мгновенно воцарившаяся тишина въ храмѣ, какъ скоро *Леванда* устанавливался на каѳедру, ясно показывала, сколько благочестивые кіевляне дорожили каждымъ словомъ своего витіи. Въ рѣчахъ его видна удивительная ловкость и умѣнье иногда самой незатѣйливой мысли придать колоритъ изящества и вдохнуть въ нее жизнь и силу. Вотъ уже около ста лѣтъ прошло со времени первой его проповѣди, а и доселѣ онѣ читаются съ истиннымъ наслажденіемъ, ни малѣйше не оскорбляя самаго привязчиваго эстетическаго вкуса!

Въ быту общественномъ и семейномъ *Леванда* былъ необыкновенно скроменъ, тихъ и незлобивъ. Возведенный Монархами на высшую степень, до которой прежде его никто не доходилъ изъ бѣлаго духовенства, онъ сохранилъ туже дѣтскую, но благородную простоту своего характера. Въ разговорахъ и домашнихъ бесѣдахъ *Леванда* представлялся нѣсколько восторженнымъ, особенно если предметъ трогалъ его сердце и требовалъ свойственнаго себѣ углубленія: тогда *Леванда* становился ораторомъ, и рѣчь его блистала огнемъ того одушевленія, которымъ полны всѣ сочиненія его. При совершеніи же богослуженія, онъ бывалъ весь священнымъ восторгомъ, и часто обливался слезами, произнося великія слова божественной литургіи. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, *Леванда* также былъ бодръ духомъ, какъ и въ порѣ зрѣлаго мужества, и искренно любя просвѣщеніе, до конца жизни своей занимался науками, слѣдя за всемъ, что выходило въ тогдашней литературѣ замѣчательнаго.

Лехницкій Кассіанъ. По окончаніи курса въ Академіи, онъ началъ прохожденіе учительскихъ должностей съ нижнихъ классовъ и въ 1773 году былъ уже префектомъ и профессоромъ философіи. Спустя два года *Лехницкій* былъ посвященъ въ архимандрита съ назначеніемъ въ ректоры Академіи. За

тѣмъ онъ вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду, и по возвращеніи въ Кіевъ, скончался 11 іюня 1784 года въ Кудрявскомъ каѳедральномъ домѣ, принадлежавшемъ Кіевософійскому монастырю[316].

Любарскій Платонъ былъ сынъ священника. По окончаніи курса наукъ, онъ отправился къ родственнику своему преосвящ. Варѳоломею, епископу вятскому, который опредѣлилъ его учителемъ семинаріи, и вслѣдъ за тѣмъ постригъ въ монашество и поставилъ игуменомъ верхочепецкаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Въ 1772 году *Любарскій* былъ произведенъ въ архимандриты Старопреображенскаго монастыря; чрезъ три года переведенъ въ Богородицкую свіяжскую обитель и потомъ въ новоіерусалимскій Воскресенскій монастырь. Въ 1792 году, согласно желанію своему, онъ перемѣщенъ въ Донской, съ назначеніемъ въ члены синодальной конторы, а черезъ два года рукоположенъ въ епископа тамбовскаго: но на пути же въ сію епархію назначенъ въ Астрахань и пожалованъ за тѣмъ въ санъ архіепископа Въ 1800 году *Платонъ* награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; черезъ пять лѣтъ переведенъ въ Екатеринославъ, а въ 1809 году получилъ алмазный крестъ на черный клобукъ. *Платонъ Любарскій* скончался 20 октября 1811 года и погребенъ въ Самарскомъ Новомосковскомъ монастырѣ[317].

Никифоровичъ-Полонскій Іоанникій родился 1742 года, и по выслушаніи полнаго курса наукъ въ Академіи, поступилъ учителемъ въ смоленскую семинарію, откуда въ скоромъ времени вызванъ былъ въ Петербургъ къ должности законоучителя Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, и наконецъ назначенъ ректоромъ тамбовской семинаріи. Это было въ 1779 году, когда *Ѳеодосій Голосницкій*, епископъ тамбовскій, положилъ учредить училище для образованія священно-церковнослужительскихъ дѣтей[318]. Промыслу угодно было послать сему

ревнителю просвѣщенія дѣятельнѣйшаго помощника въ *Никифоровичь-Полонскомъ.* Пока архипастырь ходатайствовалъ о назначеніи штатнаго оклада на учреждаемое училище[319], *Іоанникій* неусыпно заботился о воздѣлываніи сего юнаго вертограда наукъ, и въ непродолжительномъ времени имѣлъ удовольствіе увидѣть плоды своихъ заботъ, образовавъ въ семинаріи тамбовской полный учебный курсъ. Въ тоже время *Іоанникій* произведенъ былъ въ архимандриты, съ правами настоятельства, въ нижнеломовскій Богородицкій монастырь, а черезъ пять лѣтъ переведенъ въ Троицкій Ильинскій, что въ Черниговѣ, по упраздненіи котораго снова возвратился въ нижнеломовскій, откуда 1789 года назначенъ настоятелемъ нижегородскаго Печерскаго и потомъ московскаго Донскаго монастыря съ званіемъ члена синодальной конторы. Въ 1795 году *Іоанникій* былъ хиротонисанъ въ епископа подольскаго и брацлавскаго, гдѣ и былъ первымъ архипастыремъ, по присоединеніи сего края къ державѣ всероссійской. Памятникомъ своего пребыванія въ этой странѣ, окруженной тогда католицизмомъ и уніатствомъ, кромѣ устройства епархіальныхъ дѣлъ, *Іоанникій* оставилъ семинарію, имъ же самимъ учрежденную и облагодѣтельствованную исходатайствованіемъ ежегоднаго оклада по 3,000 рублей. Какъ дорожилъ онъ этимъ залогомъ своей просвѣщенной ревности, это видно изъ того, что не задолго предъ кончиною своею онъ пожертвовалъ въ пользу устроеннаго имъ училища 5,000 рублей[320]. Служеніе *Іоанникія* на такомъ многотрудномъ посту, какимъ была первоначально подольская епархія, его архипастырское благоразуміе въ отношеніи къ жителямъ присоединеннаго края, не оставались безъ Высочайшаго вниманія: въ 1801 году онъ былъ пожалованъ архіепископомъ, а въ 1804 награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ. »Сей, сказано въ надгробной надписи, находящейся въ каѳедральномъ каменецъ-подольскомъ соборѣ, ревностный ко »благу паствы, дѣятельный пастырь, полезный отечеству и Цер»кви, достопамятный ревностію къ преобразованію въ право-

»славіе подольской епархіи, покровительствомъ сирыхъ и вдовъ, »благоучрежденіемъ семинаріи«, скончался 6-го февраля 1819 года[231].

Островскій Іоаннъ, по происхожденію, принадлежалъ къ мѣщанскому сословію, а по мѣсту рожденія — Кіеву. По окончаніи курса наукъ, *Островскій* проходилъ нѣсколько времени училищныя должности при самой Академіи. Монашество онъ принялъ въ Кіево-софійскомъ монастырѣ, и потомъ былъ поставленъ игуменомъ монастыря Петропавловскаго, откуда 1785 года переведенъ въ Харлампіевскій гамалѣевскій и рукоположенъ въ архимандрита. Въ 1789 году *Островскій* былъ переведенъ въ Богоявленскій голутвинъ монастырь, а черезъ три года опредѣленъ ректоромъ коломенской семинаріи. Отсюда 1795 года былъ назначенъ настоятелемъ новгородскаго Антоніева монастыря и ректоромъ новгородской семинаріи: но въ слѣдующемъ же году былъ переведенъ въ Юрьевъ и вызванъ на чреду въ С.-Петербургъ. Въ 1797 году онъ былъ посланъ въ новгородъ-сѣверскій Спасскій монастырь, но даже не посѣтивъ его, опредѣленъ въ Антоніевъ, съ правами и преимуществами юрьевской архимандріи, и потомъ 1798 назначенъ въ Колязинъ монастырь. Въ 1800 году *Іоаннъ* былъ хиротонисанъ епископомъ въ Пермь, гдѣ и скончался 24 декабря 1801 года[322].

Петровъ-Лавровскій Варлаамъ, родной братъ Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, родился 1729 года въ Москвѣ и при крещеніи нареченъ былъ *Василіемъ*. Отецъ его, бывшій иподіакономъ Синодальнаго Дома, отдалъ сына своего въ тамошнюю капеллію, откуда, по спаденіи съ голоса, *Петровъ-Лавровскій* былъ уволенъ для опредѣленія на священническое мѣсто. Но чувствуя себя недостаточно приготовленнымъ для такого высокаго сана, *Петровъ* отправился въ Кіевъ, и 1753 года поступилъ въ Печерскую Лавру въ число послушниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ позволеніе слушать

уроки въ Академіи. Шесть лѣтъ проходилъ онъ ученіе, и достигнувъ философскаго класса, принялъ въ Лаврѣ монашество и нареченъ *Варлаамомъ*. Въ 1761 году, по указу св. Синода, онъ былъ переведенъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, намѣстникомъ которой былъ тогда братъ его Гавріилъ. Въ непродолжительномъ времени *Варлаамъ* назначенъ былъ архимандритомъ Новоторжскаго монастыря, а въ 1768 г. хиротонисанъ въ епископа тобольскаго и сибирскаго; черезъ четыре года пожалованъ архіепископомъ, а въ декабрѣ 1802 г. скончался.

Садковскій Викторъ. Неизвѣстно, гдѣ началъ онъ проходить службу: но въ 1785 году *Садковскій* былъ уже епископомъ переяславскимъ, съ званіемъ коадъютора митрополіи кіевской и архимандрита слуцкаго монастыря. Время прибытія его на епархію было годиною страшныхъ гоненій на православіе, когда издыхавшее уніатство употребляло послѣднія силы своего ожесточенія и лютости. Не смотря на то, что *Садковскій* въ званіи епископа утвержденъ былъ самимъ Королемъ, фанатики неожиданно напали на него, заковали въ кандалы и отправили подъ стражею въ Варшаву. Тамъ томился онъ въ заключеніи около четырехъ лѣтъ, пока не послѣдовалъ *второй* раздѣлъ Польши. Освобожденный за тѣмъ пастырь немедленно нареченъ былъ архіепископомъ минскимъ, съ правомъ имѣть себѣ викарія въ епископѣ житомірскомъ, а въ 1796 году переведенъ въ Черниговъ, гдѣ по семилѣтнемъ управленіи скончался въ день своего ангела, 11 ноября 1803 года[323].

Синьковскій Варлаамъ. Въ 1761-мъ году онъ былъ префектомъ Троицко-сергіевой семинаріи, а потомъ и ректоромъ оной. Черезъ четыре года послѣ сего *Синьковскій* былъ переведенъ архимандритомъ Сергіевой Троицкой, что по петергофской дорогѣ, пустыни, гдѣ въ 1767 году скончался[324].

Слоницкій Ѳеофилактъ, сынъ священника черниговской епархіи, борзенскаго уѣзда, села Прохорова, Василія Павлова,

родился 1744 года и при крещеніи нареченъ *Θеодоромъ*. Первоначальнымъ образованіемъ своимъ онъ обязанъ черниговскимъ училищамъ, откуда потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію прямо въ риторическій классъ и по порядку выслушалъ уроки философіи и богословія. По окончаніи курса, *Слоницкій* опредѣлился въ Кіево-Печерскую Лавру въ званіи послушника и 1766 года постриженъ въ монашество; за тѣмъ онъ назначенъ былъ корректоромъ типографіи и проповѣдникомъ. Въ 1768 году *Θеофилактъ* произведенъ въ перводіакона и назначенъ регентомъ лаврской канцеляріи, соборнымъ іеромонахомъ и присутствующимъ, потомъ настоятелемъ больничнаго монастыря, состоящаго при Лаврѣ, блюстителемъ дальнихъ пещеръ и наконецъ въ 1792 году намѣстникомъ Лавры: въ 1793 *Слоницкій* былъ произведенъ въ архимандриты, а чрезъ два года переведенъ настоятелемъ Кіево-михайловскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Академіи. Въ 1803 году *Θеофилактъ* хиротонисанъ въ епископа вологодскаго: но черезъ пять лѣтъ уволенъ на пребываніе въ Кіево-печерскую Лавру съ пенсіею по 600 рублей въ годъ, гдѣ и скончался 13 августа 1827 года[325].

Тихорскій Θома Трофимовичъ, статскій совѣтникъ, докторъ-медицины, С.-Петербургской Академіи наукъ и медико-хирургической, медицинскаго совѣта и многихъ другихъ ученыхъ обществъ членъ, св. Анны 2 и Владиміра 4 степ. кавалеръ, родился въ г. Переяславѣ, и по окончаніи домашняго воспитанія, поступилъ въ Кіевскую Академію. Вь слѣдствіе требованія студентовъ въ медицинскую науку, *Тихорскій*, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ въ Петербургъ на казенное иждивеніе, гдѣ и началъ проходить ученіе при с.-петербургскихъ госпиталяхъ. Отличныя способности и быстрые успѣхи обратили на него особенное вниманіе начальства, которое въ 1762 году отправило его въ лейденскій университетъ, гдѣ, черезъ три года, *Тихорскій*, по надлежащемъ защищеніи диссертаціи[326], получилъ степень доктора медицины.

Возвратясь въ отечество, онъ началъ проходить разныя должности, по званію врача; скончался въ Петербургѣ 2 февраля 1814 года[327].

Шіяновъ Өеофанъ родился въ Кіевѣ и по происхожденію принадлежалъ къ духовному званію. По окончаніи въ Академіи курса наукъ, онъ поступилъ въ Лавру на послушаніе, и вскорѣ принялъ монашество. Послѣ прохожденія разныхъ должностей сначала урядоваго іеромонаха а потомъ соборнаго старца, *Өеофанъ* назначенъ былъ лаврскимъ типографомъ. Личныя достоинства и неусыпные труды поставили его на ряду съ извѣстнѣйшими двигателями кіевскаго книгопечатанія. Возобновленная и открытая, съ разрѣшенія св. Синода, типографія лаврская требовала въ то время особеннаго надзора и неутомимой дѣятельности; работы было множество; кромѣ большаго расхода на церковныя книги внутри Россіи, нужно было поставлять еще большее ихъ количество въ зарубежные приходы, еще состоявшіе подъ владычествомъ польскимъ и даже въ Палестину и другія земли православнаго востока. Очевидно, что начальнику типографіи, который обыкновенно бывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ корректоромъ печатаемыхъ книгъ, предстояло много трудовъ, особенно при повѣркѣ греческихъ изданій. На все это достало *Өеофана*. Мало того: онъ несъ кромѣ того, и обязанности проповѣдника. За тожъ и заслуги его не остались безъ должнаго вознагражденія. *Өеофанъ* имѣлъ счастіе обратить на себя Высочайшее вниманіе Императрицы Екатерины II, которая, въ бытность свою въ Кіевѣ, сама повелѣла посвятить его въ архимандрита нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря и лично изволила присутствовать, 11 апрѣля 1787 года, при рукоположеніи его въ Братскомъ монастырѣ. Здѣсь новопроизведенный архимандритъ привѣтствовалъ Державную свою Благодѣтельницу словомъ, исполненнымъ чувства глубочайшей благодарности. »Богу единому, говорилъ онъ между прочимъ, свойственно всякому созданію

»благотворить. Кто твоихъ матернихъ щедротъ не ощущаетъ? »Какое мѣсто осталось, коего бы лучи благотвореній тво»ихъ не освѣтили? Се и азъ, послѣднѣйшій изъ вѣрнопод»данныхъ твоихъ, паче всякаго моего чаянія, озаренъ, или »лучше рещи, оживотворенъ сладчайшимъ сіяніемъ милостей »твоихъ. Давидъ, возчувствовавъ всю силу Божіихъ къ себѣ »благодѣяній, воскликнулъ, *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже »воздаде ми?* Что я, толико пронзенный чувствованіями твоего »Монаршаго обо мнѣ благоволенія, воздамъ тебѣ? Желанія мои »безпредѣльны, но силы ограничены. Падъ убо ко священ»нѣйшимъ стопамъ твоимъ, молю Величество твое, да удостоиши »принять единое мое чистѣйшее усердіе во мѣсто всѣхъ подо»бающихъ отъ меня Монаршей особѣ твоей жертвъ благода»ренія. Отецъ небесный, въ лицѣ котораго благотвориши намъ, »да приложитъ тебѣ дни на дни и да продолжитъ благополучныя »лѣта твои до дне рода и рода«[328]. Спустя немного, *Ѳеофанъ* былъ переведенъ въ настоятели новгородъ-сѣверскаго монастыря; когда же указомъ 1799 года 16 октября повелѣно было быть особому викарію кіевской митрополіи, съ наименованіемъ епископомъ *чигиринскимъ,* и жить въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ, съ правами настоятельства въ ономъ: то *Ѳеофанъ* вызванъ былъ въ Кіевъ и 12 февраля 1800 года хиротонисанъ въ епископа. Памятникомъ сего викаріатства въ Кіевѣ и любви къ богомысленному уединенію осталась загородная дача съ прекрасно-устроенною церковію и нѣсколькими келліями, носящая по имени основателя своего, названіе *Ѳеофаніи.* Въ 1807 году 25 генваря *Ѳеофанъ* былъ переведенъ на епархію полтавскую, куда и прибылъ 31 марта, но не долго тамъ пробылъ маститый архипастырь: 24 генваря 1812 года онъ скончался, достигнувъ глубокой старости[329].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГАВРІИЛЪ КРЕМЕНЕЦКІЙ.

Назначеніе Гавріила митрополитомъ. Моровая язва въ Кіевѣ. Училище распущено. Легенда. Прибытіе Гавріила въ Кіевъ. Снисходительность Екатерины II къ католикамъ и уніатамъ. Коммиссія для уравненія правъ вѣроисповѣданій. Неблагодарность католиковъ и уніатовъ. Изгоняемые священнослужители прибѣгаютъ въ Кіевъ. Восточные іерархи въ Малороссіи. Россійскіе епископы на покоѣ въ Кіевѣ. Гавріилъ старается объ увеличеніи академическихъ доходовъ. Раздѣлъ Высочайше жалованной суммы. Выдача денегъ Академіи изъ кошельковаго сбора. Гавріилъ принимаетъ въ свое вѣдѣніе доходы монастыря и Академіи. Состояніе академической библіотеки. Пожертвованія. Отъѣздъ ректора Вербицкаго въ Петербургъ. Пожаръ 1775 года. Денежныя пожертвованія. Пожаръ 1780 года. Потери Академіи. Новыя пожертвованія въ ея библіотеку. Прибытіе въ Кіевъ Павла Петровича съ супругою. Приготовленія къ пріему ихъ. Пріемъ царственныхъ гостей. Посѣщеніе ими святыни Кіева. Ужинъ въ магистратѣ. Посѣщеніе Павломъ I Академіи. Отъѣздъ царственныхъ гостей. Кончина Гавріила. Академія въ упадкѣ. Воспитанники сей эпохи: Антонскій—Прокоповичъ Антоній. Аршеневскій Василій. Барсукъ—Моисеевъ Ѳома. Блонскій Іеронимъ. Грибовскій Софроній. Келембетъ Амвросій. Каждобрянскій Николай. Корчановъ Аѳанасій. Лебединскій Сильвестръ. Леонтовичъ Амфилохій. Миславскій Варлаамъ. Панкевичъ Михаилъ. Сохацкій Павелъ. Ставицкій Анатолій. Ставицкій Иннокентій. Терешкевичъ Аполлосъ. Трощинскій Димитрій. Устимовичъ Димитрій. Фальковскій Ириней. Шванскій Михаилъ. Ясвовскій Даніилъ.

1770—1783.

Съ полученіемъ извѣстія о кончинѣ Арсенія Могилянскаго, Государыня 22 сентября тогоже года указала быть кіевскимъ митрополитомъ с.-петербургскому архіепископу Гавріилу, пре-

доставивъ ему въ тоже время званіе члена св. Синода и пожаловавъ бѣлый клобукъ. Новоопредѣленный архипастырь уже собирался въ путь, какъ вдругъ получено было извѣстіе о страшномъ несчастіи, уже не въ первый разъ постигавшемъ Кіевъ.

Въ концѣ лѣта 1770 года открылась въ Малороссіи моровая язва, которая быстро приближалась къ Кіеву и окончательно появилась въ немъ 3 сентября Бывшій тогда генералъ-губернаторомъ кіевскимъ генералъ-аншефъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Воейковъ немедленно принялъ мѣры къ устраненію или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію этого бѣдствія. Заставы и рогатки всѣ были закрыты, и привозъ хлѣба изъ окольныхъ селеній строго воспрещенъ; только тѣ продукты позволялось ввозить въ городъ, которые, по освидѣтельствованіи, оказывались слѣдовавшими изъ благополучныхъ мѣстъ. Запрещенъ пріемъ въ дома пришлыхъ людей безъ надлежащихъ свидѣтельствъ и велѣно какъ можно избѣгать стѣснательности въ жильѣ.

Не смотря на такія мѣры, язва свирѣпствовала день ото дня съ большею силою; особенно страдали тѣ дома, гдѣ много было жильцовъ. Бурса академическая первая подверглась опустошительнымъ дѣйствіямъ заразы; такъ что начальство вынуждено было, 24 сентября, распустить школу ради того, что »по »причинѣ продолжающейся опасной болѣзни, въ Академіи учениковъ гораздо меншое число противо прежняго имѣется, да »и тѣмъ чрезъ непровозъ въ Кіевъ за затвореніемъ рогатокъ »хлѣба и за дороговизною онаго, пропитаніе получать крайне »трудно, почему и продолжать ученія свои имъ невозможно«. Объ оставшихся же и заболѣвавшихъ предписано было немедленно доносить магистрату[330].

Въ народѣ въ ту пору ходила легенда, которую еще и доселѣ повторяютъ кіевскіе старожилы. Говорятъ, что до появленія моровой язвы всякую ночь кто-то подходилъ къ Бурсѣ, одѣтый

въ длинный саванъ и съ плачемъ и съ стономъ испрашивалъ куска хлѣба. Въ теченіи осьми недѣль слышались эти умоляющіе вопли, исходившіе изъ внутреннихъ комнатъ бурсацкаго зданія, и во все это время проходящіе бросали къ дверямъ бурсы хлѣбъ, который изчезалъ незамѣтно. Наскучивъ такимъ безпокойствомъ, бурсаки задумали вызвать привидѣніе, и съ этою цѣлію начали шумно дѣлить между собою хлѣбъ передъ дверьми, за которыми слышались по ночамъ вопли и стоны. Привидѣніе, дѣйствительно, вышло, и съ мольбою протянуло руку за милостыней; тогда одинъ изъ шалуновъ ударилъ его бичемъ по рукѣ. Кровь хлынула, и привидѣніе съ проклятіями побѣжало по улицамъ, повсюду распространяя смерть и опустошеніе[331].

Получивъ извѣстіе о прекращеніи моровой язвы, митрополитъ Гавріилъ, въ 1771 году, выѣхалъ изъ Петербурга, и проживъ около года въ гамалѣевскомъ монастырѣ, прибылъ въ Кіевъ 4 марта 1772 года.

Православная церковь въ юго-западномъ краю оканчивала въ это время ожесточенную борьбу съ католицизмомъ и уніатствомъ. Вслѣдствіе перваго раздѣла Польши, Россія въ 1772 году получила на свою долю Бѣлоруссію съ милліономъ тремя стами шестидесятью тысячъ жителей. Въ трактатѣ по сему случаю, утвержденномъ и подписанномъ въ Варшавѣ (1773 г.) обезпечено, между прочимъ, исповѣданіе католическое въ областяхъ русскихъ, и православное во владѣніяхъ, остававшихся еще во власти Польши. Великая Екатерина, чтобъ подать собою примѣръ въ вѣрномъ соблюденіи трактатовъ и въ законной вѣротерпимости, тотчасъ же, по присоединеніи польскихъ провинцій къ своей державѣ, 14 декабря 1772 года, указала быть римско-католическому епископу съ подчиненіемъ ему всѣхъ костеловъ и кляшторовъ, находящихся въ Россіи. Тоже самое право надъ уніатскими церквами предоставлено было уніатскому архіепископу въ Бѣлоруссіи. Въ слѣдующемъ же году римскій епископъ

Сестренцевичъ-Богушъ представлялся Императрицѣ и получилъ отъ Державной руки ея дипломъ на ерекцію католической епархіи въ Россіи.

Но снисходительность и кротость Великой Повелительницы сѣвера не образумила непокорныхъ фанатиковъ: они злобствовали противъ Россіи, не смотря на то, что она начинала получать только проценты, не касаясь еще капитала, противозаконно удерживаемаго неспокойнымъ сосѣдомъ. Канцлеръ коронный, епископъ познанскій Млодзяновичъ, подалъ 1774 года отъ имени Сената жалобу на то, что будто несправедливо отобраны отъ уніатовъ тысяча двѣсти церквей и обращены въ православныя. Чтобъ прекратить эти споры, Государыня повелѣла назначить особую коммиссію: но предвидя, что пропаганда папской власти непремѣнно станетъ мѣшать составленію оной, и будетъ производить только смуты и нестроенія[332], Императрица другимъ прибавочнымъ актомъ того же года ограничила и опредѣлила права и преимущества всѣхъ диссидентовъ, находившихся въ Литвѣ и Польшѣ, и чтобы привязать къ себѣ новаго римско католическаго епископа, пожаловала ему (1776 г.) привиллегію на заведеніе типографіи въ Могилевѣ. Такимъ образомъ все было сдѣлано, чтобъ успокоить волненіе въ юго-западномъ краю древней Россіи.

Но католическое и уніатское духовенство не думало подражать кротости и снисходительности могущественной Монархини. Вскорѣ, по заключеніи трактатовъ, открылись кровавыя гоненія на православныхъ, усилившіяся къ концу 1776 года до того, что священники украинскіе, остававшіеся въ польскихъ провинціяхъ, принуждены были покидать свои приходы и уходить въ Кіевъ и Переяславль, прибѣгая къ защитѣ и покровительству митрополита. Гавріилъ ходатайствовалъ за нихъ у св. Синода, который предписалъ ему давать мѣста имъ въ малороссійскихъ епархіяхъ. Такимъ образомъ Кіевъ сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ

скорбящихъ и обремененныхъ неправеднымъ преслѣдованіемъ отъ враговъ истиннаго христіанства.

И не отъ домашнихъ только недруговъ протекали сюда страдальцы вѣры истинной. Востокъ православный, угнѣтенный поклонниками исламизма, являлся въ Кіевъ въ лицѣ многихъ архипастырей своихъ. Такъ въ вѣдомствѣ митрополита Гавріила жили въ Малороссіи *Анатолій*, епископъ морейскій, пребывавшій съ 1772 года въ глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ, отданномъ въ распоряженіе его[333]: *Серафимъ Аннинъ*, нареченный патріархъ константинопольскій, опредѣленный 1775 года въ Спасскій моксаковскій, а черезъ два года переведенный, по прошенію, въ лубенскій мгарскій монастырь[334]: *Серафимъ* митрополитъ лакедемонскій, живиій съ 1777 года въ Кіево-печерской Лаврѣ, и тамъ скончавшійся 30 апрѣля 1789 года; *Никодимъ*, архіепископъ реонскій, пребывавшій на покоѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ[335]. Кромѣ сихъ восточныхъ архипастырей въ Печерской Лаврѣ пребывали въ эту пору: *Павелъ Конюскевичъ*, митрополитъ тобольскій, *Θеофанъ Чарнуцкій*, епископъ нижегородскій, *Кириллъ*, епископъ сѣвскій, живиій съ 1778 года въ Михайловскомъ монастырѣ и въ 1795 году тамъ скончавшійся.

Митрополитъ Гавріилъ, вскорѣ по прибытіи на паству, озаботился увеличеніемъ прежде бывшихъ отъ каѳедры пособій учащимъ и учащимся въ Академіи. Высочайше жалованная сумма, поступавшая въ училищно-монастырскую кассу и состоявшая въ непосредственномъ распоряженіи ректора, была тотчасъ же раздѣлена имъ на учителей и учениковъ. Въ пользу послѣднихъ онъ велѣлъ отложить *двѣсти сорокъ два* рубля *пятдесятъ* копѣекъ, а остальные роздать учителямъ[336] Но видя, что всѣ такія пособія вмѣстѣ съ другими доходами училищнаго монастыря не могутъ, какъ самъ онъ выразился, »снабдить и »съ малымъ удовольствіемъ всѣхъ живущихъ въ Бурсѣ, яко въ »немаломъ числѣ находящихся«, Гавріилъ предприялъ въ 1773

году изобразить предъ св. Синодомъ бѣдственное состояніе Академіи, и просить разрѣшенія употреблять на нее ежегодно по крайней мѣрѣ половину кошельковаго сбора, незадолго предъ тѣмъ учрежденнаго для вспомоществованія монастырямъ и бѣднымъ церквамъ епархіи кіевской[337]. Хотя это представленіе и не имѣло желаемаго успѣха, по крайней мѣрѣ отъ Синода было повелѣно выдать Академіи единовременно изъ этого сбора *двѣсти* рублей. Съ этой поры митрополитъ Гавріилъ началъ самъ раздѣлять доходы между Академіей и монастыремъ, навсегда прекративъ такимъ образомъ причину неоднократно бывшихъ несогласій и споровъ между братіею и учеными. Для этого онъ составилъ первую письменную инструкцію о содержаніи учениковъ[338].

Академическая библіотека въ это время представлялась уже полною, бывъ умножена приношеніями какъ ближайшихъ своихъ протекторовъ — архипастырей, такъ и другихъ лицъ, большею частію получившихъ здѣсь образованіе. Өеофанъ Прокоповичъ, Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Іосифъ Ямницкій, Іоасафъ Миткевичъ и многіе другіе, вписавшіе имена свои на пожертвованныхъ ими книгахъ, были усердными вкладчиками академической библіотеки. Но главными фундаторами ея были митрополиты кіевскіе: Варлаамъ Ясинскій, Іоасафъ Кроковскій, Тимоѳей Щербацкій, Арсеній Могилянскій и болѣе всѣхъ Рафаилъ Заборовскій. Въ 1758 году *Иларіонъ*, епископъ сарскій и подонскій, пожертвовалъ Академіи всю свою библіотеку, заключавшую въ себѣ 151 латинскихъ и 36 русскихъ книгъ; а въ слѣдующемъ году митрополитъ Арсеній на свой счетъ сталъ выписывать для Академіи газеты французскія и нѣмецкія, а также »Трудолюбивую Пчелу«. Въ 1768 году въ самой Бурсѣ начала составляться особая библіотека. Н. Н. *Бантышъ-Каменскій*, при особомъ письмѣ[339], препроводилъ сюда 145 книгъ; Н. Н. *Мотонисъ* — 15; *Акимъ Семеновичъ Сулима* — 7; *Семенъ Ивановичъ Гамалья* — 16 книгъ, при слѣдующемъ

письмѣ въ Бурсу: »Почтеннѣйшіе господа, любезнѣйшая братія! »Я слышалъ, что въ Бурсѣ теперь заводится библіотека; прошу, »государи мои, удостоить и меня быть вкладчикомъ, и принять »книги... Не презирайте господа мои, сихъ малыхъ началъ.... »Прошу вмѣстить оныя въ вашъ каталогъ, и быть увѣренными, »что я есмь вашъ покорный слуга, жившій нѣкогда въ синтак. »поетиц. философ. и друголѣтней въ старой Бурсѣ«[310]. Сенатскій секретарь *Василій Крамаренковъ* пожертвовалъ 9 книгъ; *Василій Рубанъ*—5 книгъ; купецъ 2 гильдіи *Яковъ Добрынинъ* 11 книгу; *Василій Козицкій*—38; отъ разныхъ доброхотныхъ дателей 3 книги; намѣстникъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря іеромонахъ *Варлаамъ Виланскій* завѣщалъ въ Бурсу 35 книгъ и докторъ *К. И. Щепинъ* прислалъ 6 книгъ. Усердіе Бантышъ-Каменскаго къ родному своему училищу было такъ велико, что и за симъ онъ не оставилъ его безъ своихъ попеченій; онъ открылъ въ Петербургѣ подписку въ пользу бурсацкой библіотеки, и на собранныя деньги выслалъ нѣсколько учебныхъ, самыхъ необходимыхъ руководствъ, препроводивъ при этомъ книги пожертвованныя, по старанію Рубана, отъ *Александра Ильича Бибикова*, *И. И. Мотониса*, *Козельскаго*, автора Датской Исторіи, *Раича* и самаго Рубана. Но такъ какъ за бурсацкой библіотекой не было надлежащаго смотрѣнія, то митрополитъ приказалъ перевести ее въ Академію. Такимъ образомъ со включеніемъ книгъ, пожертвованныхъ архимандритомъ Варлаамомъ Лящевскимъ, библіотека академическая 1780 года заключала въ себѣ около *двѣнадцати тысячъ* томовъ.

Въ 1773 году послѣдовалъ Высочайшій указъ о вызовѣ въ С.-Петербургъ »для исправленія священно-служенія и проповѣди слова Божія« ректора Академіи Тарасія Вербицкаго. Мы не упомянули бы объ этомъ, довольно обыкновенномъ дѣлѣ, еслибъ при семъ не выразилась особенная привязанность не одного училища, но и всѣхъ кіевлянъ къ этому достойнѣйшему человѣку. Современная замѣтка лучше всего можетъ дать по-

нятіе объ этомъ: »1773 года февраля 24 въ недѣлю на Обрѣ»теніе честныя главы Предтечевы, съ великимъ всѣхъ студен»товъ и кіевлянъ сожалѣніемъ, кое они оказали собраніемъ »своимъ многочисленнымъ къ провожденію и полученію благо»словенія, архимандритъ Тарасій выѣхалъ въ С.-Петербургъ«, а митрополитъ Гавріилъ, на все время отсутствія его, подчинивъ Академію непосредственному своему управленію, повелѣлъ преподавателю богословія »неуклонно« держаться той системы, которую оставилъ ректоръ[341]. Вербицкій однакожъ не воротился къ училищной своей должности; по окончаніи срока пребыванію въ Петербургѣ, онъ былъ назначенъ въ новгородскій Антоніевъ, потомъ въ Хутынь, потомъ въ Иверскій и наконецъ въ 1778 году въ Кіево-михайловскій монастырь, откуда вскорѣ перешелъ на покой въ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ 24 февраля 1790 года и скончался.

Въ 1775 году вспыхнулъ на Подолѣ пожаръ, обратившій въ пепелъ такъ недавно устроенный пріютъ бѣдныхъ воспитанниковъ бурсы. И снова пошли они скитаться по тѣснымъ приходскимъ школамъ, да собирать подаяніе на пропитаніе себя. Благодареніе Богу, что питомцы Академіи имѣли такого протектора, каковъ былъ митрополитъ Гавріилъ! Ни мало не медля, онъ на свое собственное иждивеніе началъ постройку на томъ же мѣстѣ одноэтажной каменной бурсы, и не жалѣя никакихъ издержекъ, въ самое короткое время, успѣлъ собрать и пріютить разсѣянное стадо свое. А между тѣмъ отъ разновременныхъ вкладовъ скоплялась значительная академическая сумма составившая потомъ основной капиталъ училищный. Такъ еще въ 1779 году архимандритъ московскаго Златоустовскаго монастыря *Варлаамъ Барановичъ* внесъ въ кассу Императорскаго Воспитательнаго Дома, для обращенія изъ процентовъ въ пользу Академіи, *двѣ тысячи* рублей; въ тотъ же годъ архимандритъ донскаго монастыря *Варлаамъ Лящевскій* пожертвовалъ на содержаніе учителей еврейскаго и греческаго языковъ *четыре ты-*

сячи руб.; деньги эти въ послѣдствіи, съ согласія самаго жертвователя, обращены были на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ Академіи и положены въ Контору московскаго Государственнаго Банка, для каковой цѣли *Лящевскій* 1766 года присовокупилъ къ нимъ еще *три тысячи*. Въ 1775 году *Самуилъ Миславскій*, бывшій тогда архіепископомъ ростовскимъ и ярославскимъ, внесъ въ Банкъ для той же цѣли *тысячу* рублей. Кромѣ того сама Академія, отъ различныхъ вкладовъ и економіи, разновременно положила [312] въ Сохранную Казну *сорокъ шесть тысячъ* рублей, для обращенія процентовъ на содержаніе учителей и учениковъ. Но пожертвованіе самаго митрополита Гавріила Кременецкаго превысило всю сумму, какая только была въ запасѣ у Академіи: онъ въ одинъ разъ положилъ въ пользу ея *пятдесятъ восемь тысячъ четыреста двадцать пять* рублей серебромъ[314]. Какъ памятникъ истинно-отеческой заботливости его объ училищѣ, приводимъ сполна распоряженіе, сдѣланное имъ объ этой суммѣ, въ письмѣ отъ 4 сентября 1779 года къ ректору Академіи:

»Во извѣстіе вашей пречестности чрезъ сіе наше начертаніе »предлагаемъ, что по подражанію въ Бозѣ почившихъ преосвященныхъ антецессоровъ нашихъ, благодѣтельствовавшихъ »Академіи здѣшней, и наше намѣреніе, воля и завѣтъ есть, »чтобъ получаемые и впредь получитися имѣющіе изъ московскаго Императорскаго Воспитательнаго Дома, въ который от»дано нашихъ денегъ тридцать четыре тысячи для полученія »изъ онаго въ здѣшнюю Академію пяти процентовъ, яко тамо »одинъ оставаться имѣетъ, оные проценты такъ были употре»бляемы, а именно: на 50 студентовъ богословія 500 рублей, на »10 мѣсяцевъ учебныхъ по одному рублю на человѣка, и того »по десяти рублей на каждаго. На студентовъ философіи 50 »по 80 копѣекъ на мѣсяцъ на каждаго, а на всѣхъ на десять »мѣсяцевъ 400 р. На студентовъ и учениковъ риторическихъ 50 же по 60 копѣекъ на мѣсяцъ, а на 10 мѣсяцевъ 300 руб.

»На учениковъ піитики 50 жъ по 40 копѣекъ на мѣсяцъ, а на »10 мѣсяцевъ 200 рублей на всѣхъ. 100 рублей на каждый годъ »на нынѣ учащихся и впредь когда либо дѣйствительно учится »имѣющихъ отъ нашего рода по кровной линіи нисходящихъ, »а не по присвоенію и прозваніемъ родовитымъ праотеческимъ »нашимъ имяноватися имѣющимъ, когда кто своего достатка »имѣть не будетъ, и формально о снабдѣніи себя Академію про»сить станетъ, а наипаче сиротствующіе, и того на всѣ выше»показанные лица 1,500 р. отъ 30,000. Процентное же отъ »4,000—200 рублей на содержаніе богадѣльни Трехъ-святитель»ской верхне-кіевской, и въ ней находящихся мужеска и женска »пола престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ до двадцати чело»вѣкъ, каждому по 10 рублей на годъ, а когда ихъ больше »случится, то и поменьше раздѣлять по равной части, дабы »всѣмъ по чему либо стало.

»Производить же показанныя дачи на вышеписанныя уча»щіяся въ Академіи лица, которыя подлинно скудны и не имѣ»ютъ за чѣмъ ученій школьныхъ провожать, а не на таковыхъ, »которые снабдѣніе получать имѣютъ отъ инспекторей, или отъ »назначенія доходовъ отъ приходскихъ церквей или отъ иныхъ »каковыхъ либо способовъ, такожъ и на таковыхъ не произво»дить, которые школьныхъ наукъ теченія уже исполнились, ибо »сіи уже по мѣстамъ должны быть распредѣлены.

»Что же касается до данныхъ нынѣ отъ насъ десяти ты»сячъ рублей, то имѣющіяся быть въ полученіи 500 рублей про»центныхъ отъ нихъ употреблять на покупку книгъ, наипаче »вышедшихъ и впредь выходить имѣющихъ изъ типографій »санктъ-петербургскихъ и университетской московской или изъ »другихъ мѣстъ, полезныхъ для обученія юношества и умно»женія библіотеки академической, на покупку лѣкарствъ для »больныхъ и на заплату лѣкарямъ, на приходящихъ къ соеди»ненію православной нашей Церкви, на вспомоществованіе оныхъ

»наипаче одѣяніемъ, наконецъ и на другія случайныя академическія надобности.

»Однако все вышеписанное, пока Господь Богъ продолжитъ »нашу жизнь, съ нашего свѣдѣнія и позволенія чинить желаемъ, »повелѣваемъ и утверждаемъ симъ нашимъ собственноручнымъ »учрежденіемъ; а по насъ, съ вѣдомомъ же, благословеніемъ, »въ случаѣ воспослѣдовавшей надобности, яко ничтоже въ свѣтѣ »не бываетъ безъ перемѣны, и съ перемѣненіемъ и къ лучшему »распоряженію преосвященныхъ преемниковъ нашихъ, которыхъ »Вышняя Десница да благословитъ, умудритъ и да предводи»тельствуетъ на всякое благое дѣло Церкви святой и полезное »отечеству.

»Чтожь паки касается до остатковъ или недостатковъ, мо»гущихъ воспослѣдовать въ какой либо суммѣ, то все предо»ставляется за жизни нашей нашему, а потомъ ихъ преосвя»щенствъ распоряженію и опредѣленію; въ случаѣ достатковъ »съ пожалованіемъ въ годъ и на учителей до ста рублей. Для »вѣрности же приходовъ и расходовъ и для отчету законнаго »должно все быть записывано въ шнуропечатные книги. На»конецъ что ни пишется и опредѣляется здѣсь, все то пишется »для случая (отъ коего Боже всеблагій сохрани!) внезапныя »кончины жизни нашея, а въ благополучныхъ обстоятельствахъ »можетъ, когда того надобность усмотрится, перемѣна въ чѣмъ »либо воспослѣдовать.

»Въ прочемъ вашей пречестности и всей Академіи Божія »и нашего архіерео пастырскаго благословенія желая, есмь »вашей пречестности доброжелательнѣйшій пастырь и молитвен»никъ смиренный Гавріилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій. »*Изъ Кіевософійской каѳедры нашей*«.

Потеря библіотеки скоро была вознаграждена. Митро-

политъ Гавріилъ первый открылъ пожертвованія, прислав въ Академію множество богатыхъ книгъ. Знаменитые воспитанники сего училища соревновали ему въ этомъ благородномъ дѣлѣ, и отвсюду получала Академія огромные тюки съ рѣдкими книгами. Казанскій митрополитъ *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ*, *Самуилъ Миславскій*, архіепископъ ростовскій, *Димитрій Устимовичъ*, епископъ смоленскій, и многіе другіе въ самое непродолжительное время поставили академическую библіотеку въ цвѣтущее состояніе. Даже тѣ, которые не стояли на высокой степени служебной іерархіи, спѣшили своими приношеніями помочь бѣдствовавшему училищу. *Иванъ Самойловичъ*, долгое время бывшій здѣсь учителемъ, завѣщалъ, при смерти своей, Академіи до *двухъ тысячъ* книгъ; *Давидъ Нащинскій*, бывшій ректоръ этого училища, отказалъ ему всю свою библіотеку; *Іеронимъ*, іеромонахъ пустынно-Николаевскаго монастыря, пожертвовалъ *двѣсти тринадцать*, а *Іоакимъ Карпинскій сто девяносто одну* книгу. Сама Академія, по мѣрѣ силъ и возможности, старалась пріобрѣтать все нужное для составленія полной библіотеки,— покупала книги, географическія карты, глобусы и физическіе инструменты.

Около этого времени Кіевъ былъ осчастливленъ прибытіемъ Наслѣдника всероссійскаго престола Великаго Князя Павла Петровича съ супругою его Маріей Өеодоровной. 1781 года 31 іюня оповѣщено было объ этомъ магистрату ордеромъ графа П. А. Румянцева—Задунайскаго, »дабы наблюсти все подобающее, какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ »всѣхъ гражданъ въ разсужденіи приготовленія себе въ одѣяніи »и сбруи на лошадяхъ и пѣшо съ своими знаками, и притомъ воздвиженія торжественныхъ при въѣздѣ въ городъ »и выѣздѣ изъ онаго воротъ и иныхъ до украшенія города »служащихъ объектовъ. Получивъ въ такой силѣ ордеръ, пишетъ современный очевидецъ этого событія[310], тогожъ времени съѣхались къ преосвященному всѣ господа генералы,

»здѣсь находящіеся при командахъ, а именно: г. генералъ-по»ручикъ и кавалеръ кіевскій оберъ-комендантъ *Кохіусъ*, артил»леріи г. генералъ-маіоръ *Бѣгичевъ* и инженерный генералъ»маіоръ *Тучковъ*, г. генералъ-маіоръ *Мезенцовъ*, находящійся »при коммиссаріатѣ; также войтъ коллежскій совѣтникъ *Пи»воваровъ* и г. правящіе: бургомистръ и городовой голова *Да»видовскій*, райца *Рыбальскій*, и обще у преосвященнаго учиня »о приготовленіяхъ консиліумъ, и сколько и на якихъ мѣстахъ »быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмо»трѣть и назначить тѣ мѣста«. Въ слѣдствіе сего положено было первымъ воротамъ быть у Наводницкой пристани близъ самаго моста; вторымъ на выѣздѣ изъ пристани на горѣ у рогатки, третьимъ при въѣздѣ на Подолъ у крещатицкой рогатки, а четвертымъ на выѣздѣ изъ Кіева къ Василькову у рогатки Каменнаго Затону. Составивъ планы, генералъ Тучковъ отправилъ ихъ на утвержденіе къ графу Румянцову, и немедленно за симъ начались необходимыя работы. Между тѣмъ въ магистратѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ, разсуждаемо было о наилучшемъ украшеніи города и распоряженіяхъ къ пріему Августѣйшихъ гостей, и опредѣлено: 1) »предъ магистратомъ »иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу (каланчу) иллю»миновать разныхъ цвѣтовъ фонарями. 2) Внутрь и внѣ ма»гистрата очистивъ и обѣливъ пристойными меблями и укра»шеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ паника»дилахъ палату пріоздобить. 3) Реэстровой корогвѣ дать при»казъ о стройности какъ единокалиберпаго платья, такъ сбруи »и лошадей, для чего, на смотрѣ ихъ, которые бы въ семъ »неисправны оказались, исключить изъ параду. 4) Двѣнад»цати цехамъ пересмотръ учинить, и которые платьемъ, руж»жемъ (оружіемъ) и собою не сообразовали пригожеству, чтобъ »исключены были. 5) Во всемъ городѣ при воротахъ всякаго »двора отъ хозяевъ по два столба для фонарей выкрашенныхъ »поставить. 6) Всякое въ городѣ ветхое и безобразное строе»ніе иное сломать, а другое обновить. 7) Всѣ мостовыя вы-

»чистить, иныя починить, а другія вновь сдѣлать; въ томъ чи-
»слѣ и торговыя площади отъ навозу очиствъ, пескомъ бѣ-
»лымъ усыпать и соснами утыкать. 8) Всякого сорту безъ
»потребы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ
»города выслать или наказаніемъ унимать. 9) Дать приказъ
»чрезъ городничаго всѣмъ хозяевамъ, чтобы собакъ и свиней
»изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ
»убивать«.

Приводимъ всѣ эти распоряженія, какъ характеристическія черты тогдашняго состоянія Кіева и какъ доказательство усердія и вѣрноподданнической преданности кіевлянъ къ Наслѣднику великой Монархіи. Все время отъ 1 августа до конца сентября прошло въ приготовленіяхъ къ пріему Августѣйшихъ гостей, а 11 октября изволили прибыть и Ихъ Высочества. »Графъ встрѣтилъ и препровождалъ узъ (около) карету Ихъ »Высочествъ ѣдучи, и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту »сторону моста верстѣ, то тутъ данъ первый сигналъ ракетою »и на крѣпости выпалено изъ 51 пушки, доколѣ мостъ пере»ѣхали; переѣхавши же мостъ, изволили остановиться немного »предъ воротами въ каретѣ, а на сихъ воротахъ играла му»зыка. Тутъ подошли къ каретѣ г. войтъ съ членами и при»несли подданническое свое поздравленіе съ щастливымъ при»бытіемъ въ Кіевъ, а г. бургомистръ и городскій глава Дави»довскій поднесъ хлѣбъ ржаный ситный и соли на немъ ступ»ка, за что Ихъ Высочества поблагодаря изволили проѣхать »ворота и тамъ высѣдши изъ дорожной кареты своей, изво»лили сѣсть въ парадную графскую, и слѣдовать за передо»выми конвойными таковымъ порядкомъ: въ самомъ передѣ »магистратская реэстровая конница, подъ предводительствомъ »г. Райцы Копыстенскаго въ 130 человѣкъ въ единокалибер»ныхъ и единоформатныхъ тонкаго зеленаго сукна съ золо»тымъ балетомъ черкескахъ, а кафтанахъ красныхъ шелковыхъ, »шапки малиновыя бархатныя съ кистями сребренными, съ

»околицами сѣрыми крымскими, сабли на голо въ рукахъ держа »по четыри человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знамемъ и »прапоромъ, съ трубами и литаврами; за реэстровыми три эска»дрона перваго легкоконнаго кіевскаго, втораго легкоконнаго »сѣверскаго, третьяго ахтырскаго гусарскаго полковъ, ѣхали »подъ командою подполковника полку кіевскаго легкоконнаго »барона Л. Л. *Бенниксена*, и карета, въ которой изволили си»дѣть Ихъ Высочества, а графъ все узъ кареты съ боку вер»хомъ ѣхалъ. За сею другія кареты парадныя графскія ѣхали, »въ которыхъ сидѣла свита Ихъ Высочествъ, какъ то: гене»ралъ-аншефъ *Салтыковъ*, статсъ-дамы, фрейлины, камергеры »и прочіе, и какъ подъѣхали со взвозу къ верстѣ второй отъ »крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной »пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изо ста одной пушки »и начался колокольный звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, »при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ. Взъѣхавши же Ихъ Вы»сочества на гору къ другимъ тріумфальнымъ воротамъ, встрѣ»чены были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ ба»таліоннымъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка. Тутъ »неостанавливаясь проѣхали ворота[315]. Отъ тріумфальныхъ во»ротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги 12 це»ховъ въ ружьѣ (подъ ружьемъ) съ знаменами до тысячи че»ловѣкъ, между которыми въ срединѣ изволили ѣхать Ихъ Вы»сочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру кара»бинеровъ, ружьемъ, и въѣхавши въ крѣпость, отправились »прямо въ Лавру, гдѣ у Троицкихъ воротъ, за тѣ ворота вы»шедши, ожидалъ освященный соборъ, во всѣмъ богатѣйшемъ »облаченіи священномъ, состоящій изъ двухъ митрополитовъ »кіевскаго *Гавріила*, греческаго *Серафима*, едного архіеписко»па греческаго *Никодима* и едного епископа *Кирилла*, 12 ар»химандритовъ — печерскаго *Зосимы*, никольскаго *Епифанія*, »михайловскаго *Тарасія*, братскаго *Кассіана*, кириловскаго *Ки»рилла*, глуховскаго *Мелхиседека*, гамалѣевскаго, батуринскаго »*Владиміра*, густинскаго *Елисея*, мгарскаго . . . . . . *Волошина*

»и двухъ въ Лаврѣ живущихъ Сербина *Витковича* и *Варсоно-»фія* и многихъ игуменовъ и іеромонаховъ, протопоповъ и іе-»родіаконовъ. И какъ только изволили Ихъ Высочества изъ »кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ съ крестомъ »святымъ, къ которому изволили приложиться и проговоря крат-»кое привѣствіе впереди шествовалъ къ церкви сей соборъ«.

Послѣ обычнаго поклоненія мощамъ, почивающимъ въ великой церкви лаврской. Ихъ Высочества отправились во дворецъ, гдѣ Румянцевъ—Задунайскій представлялъ имъ всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ; а вечеромъ тогоже дня представлялись Великой Княгинѣ всѣ знатнѣйшія дамы города. »Сего »же вечера иллюминовано было во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева, »а во дворцѣ весь садъ разныхъ цвѣтовъ фонарями и плош-»ками, и особливою какъ въ саду, такъ и предъ дворцомъ на »площади холщевою, троечастною картиною, изображающею »на одной Платопа и Прозерпину съ другими символическими »знаками, которая въ прорѣзныхъ клѣтчатыхъ фигурахъ состо-»яла; на другой Нептунъ съ купидонами изображенъ. Печер-»ская же колокольня фигурою пирамиды иллюминована была«.

На другой день (12 октября) Павелъ Петровичъ осматривалъ печерскую крѣпость, и за тѣмъ покланялся мощамъ, почивающимъ въ обѣихъ пещерахъ и осматривалъ лаврскую ризницу. Отсюда Его Высочество съ супругою изволили отправиться на Старый Кіевъ и по цалованіи мощей св. Великомученицы Варвары въ монастырѣ Михайловскомъ, привѣтствованы были отъ архимандрита Тарасія рѣчью. Посѣтивъ Софійскій монастырь, Государь Наслѣдникъ съ супругою поѣхали крещатицкимъ взвозомъ на Подолъ, гдѣ у нарочно устроенныхъ тріумфальныхъ воротъ встрѣчены были войтомъ и всѣми знатнѣйшими гражданами Кіева съ хлѣбомъ—солью. За симъ Ихъ Высочества посѣтили Флоровскій женскій монастырь и обласкавъ нѣкоторыхъ монахинь изъ лучшихъ фамилій, отправились къ себѣ во дворецъ.

Здавіе магистрата, гдѣ Высочайшіе Гости располагались ужинать, въ этотъ вечеръ было освѣщено блистательно«. »Иллю»минація занимала мѣста на 14 сажепей длины, а высоты въ »срединѣ 6½, по концамъ же 3½. Въ верху красками изо»бражено было въ променахъ Ея Императорскаго Величества »подъ короною вензеловое имя; по сторонамъ Ихъ Высочествъ »Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; по срединѣ пониже »Ихъ Высочествъ Александра Павловича и Константина Пав»ловича; внизу во храмѣ жертвенникъ, а на немъ 13 сердецъ »пылающихъ, знаменующіе по числу чиновъ, въ магистратѣ »кіевскомъ присутствующихъ; по обѣимъ сторонамъ въ храмѣ »по шести человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два че»ловѣка между тумбами, а подъ ногами всякаго изъ нихъ ре»месла его знаки. Въ храмѣ выше жертвенника на тумбахъ »съ одной стороны направо книга Высочайшей граматы, жало»ванной городу Кіеву съ завѣсистою печатью и съ кистьми; »съ лѣвой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюмина»ціею снизу до верха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло; »вежа (колопча) иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фона»рями«.

Кіевляне, обласканные Ихъ Высочествами за ужиномъ, даннымъ въ магистратѣ, не помнили себя отъ восторга, и съ наивной искренностью изъявляли свою радость, завѣщавая потомкамъ хранить ту любовь и привязанность, какими полны были сердца ихъ въ ту незабвенную пору.

Октября 13 осчастливленъ былъ Высочайшимъ посѣщеніемъ и Братскій монастырь съ Академіей. Ихъ Высочества изволили прибыть сюда въ 11 часу утра. »Отецъ архиман»дритъ, разсказываетъ очевидецъ, и ректоръ Кассіанъ съ пре»фектомъ и учителями Академіи сей и другими того монастыря »іеромонахами въ священническомъ облаченіи, съ св. крестомъ »Ихъ Высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили и пре-

»проводили въ большую церковь, а студенты отъ вратъ къ цер- »кви стояли въ два ряда. Пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ ла- »врами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы по сторонамъ »шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь устланъ былъ »сукнами; въ церкви пѣто: *Достойно*, ектенія и многолѣтствіе. »Ихъ Высочества здѣсь изволили прикладываться чудотворной »Божіей Матери иконѣ; послѣ сего отецъ архимандритъ Кас- »сіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи »предшествовалъ архимандритъ съ іеромонахами и іеродіако- »нами изъ церкви средними дверми, а за ними Ихъ Высоче- »ства изволили пойти на верхнія школы, при пѣніи студентами »канта и начавъ отъ философской черезъ большую залу и шко- »лу богословскую до церкви студентской, называемой конгре- »гація. Изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ шко- »лы реторики въ монастырь и въ келліи префектовскія, понеже »новостроющіесь архимандричіи не были отдѣланы келліи. Тутъ »академисты мальчики привѣтствіе сказывали по единому сими »языки: по русску, по польску, по латыни, по нѣмецки, по фран- »цузску, по еллиногречески, по еврейску. По сказаніи сихъ рѣчей »отецъ архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя »оды въ тетрадяхъ обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмарша- »ламъ графу Понятовскому (его величества короля польскаго »племяннику) и графу Румянцову, и генералитету, тутъ быв- »шему, зеленою тафтою, и за симъ изволили отбыть изъ мо- »настыря въ провожаніи архимандрита съ соборомъ и съ пѣв- »чими«.

Октября 14 въ день рожденія Государыни Маріи Θеодо- ровны, Ихъ Высочества изволили слушать обѣдню въ Софій- скомъ монастырѣ, гдѣ проповѣдь говорилъ михайловскій архи- мандритъ Тарасій, а по окончаніи литургіи и молебствія при- вѣтствовалъ Ея Высочество самъ митрополитъ поздравительной рѣчью. Вечеромъ была иллюминація во всѣхъ частяхъ города, а передъ дворцомъ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ.

На другой день Высочайшіе Гости стали собираться въ дорогу, и поклонявшись въ послѣдній разъ святынѣ кіевопечерской Лавры[346], изволили выѣхать чрезъ васильковскую заставу, сопровождаемые митрополитомъ Гавріиломъ, епископомъ Кирилломъ, архимандритами и безчисленнымъ множествомъ народа[347]. »Когда сей день столь болѣе чувствителенъ былъ въ »скорби, говоритъ очевидецъ, сколь день пришествія Ихъ Им»ператорскихъ Высочествъ въ Кіевъ радостенъ, сего безъ слезъ »и печали описать не можно. Одиннадцатое октября былъ »праздникъ веселія, тріумфа и торжества, а пятнадцатое тогожъ »октября сдѣлалось печально, потому тогда мы увидѣли своего »Наслѣдного Государя и дражайшую Его Величества супругу, »ихъ же видѣть желала душа наша. Нынѣ увидѣвъ и дознавъ »высокія милости и любовь ихъ къ намъ, видимъ вмалѣ отлу»чающихся отъ насъ, но Богъ да пошлетъ имъ въ пути ангела »своего свята, хранителя мирна, и будемъ молити его, чтобъ »сподобилися и слыхать и видѣть впредъ Наслѣдного своего »Государя Великаго Князя Павла Петровича и дражайшую су»пругу его Государыню Великую Княгиню Марію Өеодоро»вну въ отечествіи своемъ здравыхъ и покрываемыхъ всякою »божескою благостынею[348].

9 Августа 1789 года Кіевъ услышалъ печальный звонъ софійскихъ колоколовъ, и спѣшилъ отдать послѣдній долгъ почившему архипастырю своему. Тридцать восемь дней усопшій іерархъ оставался непреданнымъ землѣ; наконецъ 17 сентября Өеофилъ, епископъ черниговскій съ Иларіономъ переяславскимъ, Серафимомъ, митрополитомъ лакедемонскимъ, Кирилломъ, епископомъ сѣвскимъ, предали погребенію останки въ Бозѣ почившаго святителя.

Академія Кіевская, не смотря на заботливость и попеченія просвѣщеннаго архипастыря, быстро начала клониться къ паденію. Ей предстояла слишкомъ неравная борьба съ за-

веденіями, снабженными и лучшимъ методомъ преподаванія, и отличными профессорами и ободрительнымъ вниманіемъ правительства и внѣшними выгодами. Духовныя училища, прежде отъ нея получавшія себѣ наставниковъ, теперь сами достаточно укрѣпились и уже рѣдко обращались къ ней съ прежними прошеніями. Медицинскія заведенія заимствовали отъ ней самыхъ лучшихъ воспитанниковъ, а указъ 1754 года 17 апрѣля[349] былъ причиною того, что немногіе изъ нихъ рѣшались оканчивать полный богословскій курсъ и спѣшили по большей части изъ риторическаго или философскаго класса поступать или въ общую гражданскую службу или по медицинской части.

Не должно однакожъ думать, что Академія совсѣмъ обѣднѣла въ это время отличными воспитанниками, дѣлающими честь ей. Она только потеряла многихъ изъ виду: но утѣшается той увѣренностью, что ихъ знаетъ отечество. Впрочемъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ хранитъ и Кіевская Академія.

Антонскій-Прокоповичъ Антонъ Антоновичъ происходилъ изъ дворянскаго сословія, хотя отецъ его и состоялъ въ духовномъ званіи, будучи священникомъ въ черниговской епархіи. Въ 1773 году *Антонскій* поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, »учился разнымъ языкамъ и наукамъ«. Въ 1782 году онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ перешелъ въ московскій университетъ и поступилъ въ ученіе на иждивеніе Дружескаго Ученаго Общества. Здѣсь онъ началъ слушать лекціи въ медицинскомъ и философскомъ факультетахъ, и черезъ два года получилъ серебряную медаль по предмету химіи и медицинской практики, и въ тоже время съ братомъ своимъ Михаиломъ, Полшиваловымъ, Сохацкимъ и другими издавалъ журналъ: *Покоющійся Трудолюбецъ*. Въ 1785 году *Антонскій* получилъ вторую такую же медаль по факультету философскому, а черезъ годъ по ме-

диципскому и еще первымъ между воспитанниками. Съ 1784 года начинается собственно ученая многополезнѣйшая служба *Антонскаго*. Въ тридцать четыре года своего возраста онъ отъ перваго чина дошелъ до дѣйствительнаго статскаго совѣтника; отъ баккалавра учительскаго института до заслуженнаго профессора университета[250]. Заслуги его отечественному просвѣщенію по достоинству были награждаемы, какъ Высочайшимъ вниманіемъ, такъ и честію, оказываемою *Антонскому* всѣми учеными обществами въ Россіи. Въ 1805 г. онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ; въ 1807 орденомъ св. Анны 2 класса; въ 1811 причисленъ къ ордену св. Владиміра 3 степ. и наконецъ въ 1846 году украшенъ орденомъ св. Станислава 1 степени.

Какъ русскій профессоръ, *Антонскій* первый началъ читать въ университетѣ Натуральную Исторію на русскомъ языкѣ. Постоянно вѣрный практическому направленію, онъ въ своихъ урокахъ, полныхъ глубокихъ думъ и многостороннихъ свѣдѣній, чуждался всѣхъ метафизическихъ умозрѣній, которыя всегда мало приносили человѣчеству существенной пользы. Какъ литераторъ, *Антонскій*, по всей справедливости, занимаетъ мѣсто въ ряду знаменитѣйшихъ образователей русскаго слова, отличаясь простотою, точностію и силой своего слога. Послушный генію Карамзина, онъ, подобно ему, избралъ себѣ цѣлію сближеніе литературной нашей рѣчи съ разговорною, упрощеніе языка и сообщеніе ему характера общежительной бесѣды. Занявъ мѣсто предсѣдателя въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, онъ сдѣлался душою и двигателемъ всѣхъ занятій членовъ онаго, и всегда открывая торжественныя засѣданія общества своими рѣчами, съ необыкновеннымъ вниманіемъ и снисходительностію ободрялъ юныя дарованія, появлявшіяся на этой литературной аренѣ. Но главное, чему посвящалъ онъ всѣ силы и способности своей прекрасной души, — это педагогика, понимаемая, не какъ глухая теорія, а какъ разумное примѣненіе высокихъ началъ христіанина

и человѣка русскаго къ юной дѣятельности питомцевъ своихъ. *Антонскій* употреблялъ всѣ средства, какія только могутъ быть въ рукахъ у воспитателя, чтобъ водворить въ сердцахъ юношей духъ вѣры Христовой. »Что наша мудрость и добродѣтель, пишетъ онъ въ своемъ разсужденіи о воспитаніи, если религія »не озаритъ ихъ, — религія, освящающая всѣ наши дѣла, же- »ланія, мысли,—религія, преобразующая, обновляющая внутрен- »няго человѣка, возносящая его надъ всемъ бреннымъ, ничтож- »нымъ и отверзающая предъ нимъ врата неба«! Недремлющій блюститель нравственной чистоты своихъ питомцевъ, *Антонскій* строго взыскивалъ, если заставалъ кого либо изъ нихъ за безполезною или запрещенною книгою. »Воспитатели и наставники, говорилъ онъ, — помыслите, какое сильное вліяніе имѣютъ на »умъ, сердце, нравы, характеръ, на самое счастіе и несчастіе »дѣтей первыя, получаемыя ими впечатлѣнія, первыя понятія, »первые уроки, и вы найдете, что нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ »позволять имъ читать безъ разбору всякую, попадающуюся въ »руки книгу, или говорить при нихъ все, что ни вздумается! »Сколько отъ одного сего погибло дарованій и сколько сердецъ »развратилось!« Ежедневно, послѣ утренней молитвы, отличные ученики поочередно должны были у него читать дневные Апостолъ и Евангеліе. »Мы узнали, пишетъ онъ въ предисловіи къ Дѣтскому Чтенію, похвальное обыкновеніе одного отца, »который всякое воскресенье давалъ дѣтямъ своимъ вытверж»вать по одному стиху изъ свящ. Писанія. Это обыкновеніе »намъ столько полюбилось, что мы также въ листахъ нашихъ »будемъ помѣщать по одному такому стиху, и совѣтуемъ вамъ »по воскресеньямъ выучивать ихъ наизустъ и никогда изъ па- »мяти не выпускать«. Какъ ощутительно во всемъ этомъ вліяніе того училища, которому *Антонскій* обязанъ основнымъ, прочнымъ своимъ образованіемъ! Послѣднее время жизни своей *Антонскій* посвятилъ Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства. *Антонъ Антоновичъ* не издавалъ въ эту пору сочиненій: но до самой кончины своей, послѣдовавшей

6 іюля 1848 года принималъ участіе въ изданіи Земледѣльческаго Журнала Общества, обращая особенное вниманіе на ясность и правильность слога въ хозяйственныхъ статьяхъ. Прахъ *Антонскаго* покоится въ донской обители въ Москвѣ.

Аршеневскій Василій Кондратьевичъ родился 1758 года въ Кіевѣ, гдѣ съ малыхъ лѣтъ отданъ былъ въ ученіе въ Кіевобратскую школу. Не кончивъ здѣсь полнаго курса наукъ, *Аршеневскій* 1774 года былъ записанъ въ гимназію, бывшую при московскомъ университетѣ, гдѣ особенно занялся математикой. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего онъ уже былъ въ должности преподавателя высшаго ариѳметическаго класса въ гимназіи, а по испытаніи (1785 г.) возведенъ въ званіе магистра философіи и свободныхъ наукъ. Послѣ училищной службы при университетѣ въ должности адъюнкта и э. профессора, *Аршеневскій* въ 1805 году за труды свои назначенъ орд. профессоромъ. Самостоятельность мышленія не позволяла ему быть только послушнымъ послѣдователемъ прежнихъ системъ. Внимательно слѣдя за ходомъ математическихъ наукъ въ Европѣ, *Аршеневскій* самъ создавалъ многое, благодаря строгому логическому своему уму. Кромѣ профессорской обязанности онъ исполнялъ еще важную должность эфора, соотвѣтствовавшую нынѣшней инспекторской; но усиленныя занятія сократили дни его многополезной жизни. 27 генваря 1808 г. онъ скончался, оплакиваемый благодарными воспитанниками гимназіи и университета[331].

Барсукъ-Моисеевъ Ѳома Ивановичъ, по достиженіи отроческихъ лѣтъ, былъ опредѣленъ родителемъ своимъ, священникомъ черниговской епархіи, въ Академію Кіевскую. Окончивъ философскій курсъ, *Барсукъ-Моисеевъ*, согласно Высочайшему указу 1787 года, поступилъ въ медико - хирургическую академію, и черезъ годъ получилъ званіе университетскаго студента. Каковы были успѣхи его на этомъ новомъ для него поприщѣ, — видно изъ того, что онъ первый изъ питомцевъ универси-

тетскихъ, въ силу данной 1793 года московскому университету привиллегіи, получилъ степень доктора медицины. Вслѣдъ за тѣмъ *Барсукъ-Моисеевъ* возведенъ въ званіе э. орд. профессора физіологіи и діэтетики, въ каковомъ и состоялъ по смерть свою, послѣдовавшую 1811 года[352].

Блонскій Іеронимъ родился во Львовѣ (Лембергѣ) отъ тамошняго священника, и по окончаніи академическаго курса, выѣхалъ въ Харьковъ къ одному изъ помѣщиковъ въ качествѣ домашняго учителя. Возвратясь оттуда, *Блонскій* поступилъ въ Братскій монастырь, въ которомъ, принявъ монашество, началъ проходить разныя послушанія; послѣ чего опредѣленъ былъ економомъ, а потомъ и намѣстникомъ онаго. Въ 1775 году *Блонскій* произведенъ въ каѳедральные писари, съ правомъ присутствующаго въ консисторіи, а черезъ четыре года въ игумена Петропавловскаго монастыря; 1782 назначенъ каѳедральнымъ намѣстникомъ и игуменомъ Выдубицкимъ, а въ 1790 посвященъ въ архимандриты Михайловскаго монастыря съ назначеніемъ ректоромъ Академіи. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего перемѣщенъ въ Кіево-николаевскій, въ которомъ и скончался 1697 года[353].

Грибовскій Софроній родился въ Малороссіи. Окончивъ курсъ философіи въ Кіевской Академіи, онъ въ 1782 году перешелъ въ Москву для изученія медицинскихъ наукъ и опредѣлился въ московскій госпиталь: но замѣтивъ въ себѣ нерасположенность къ врачебному искуству, вышелъ изъ госпиталя и поступилъ въ молчанскую Софроніеву пустынь, гдѣ и принялъ монашество. Жажда къ познаніямъ однакожъ не остановила его и по принятіи иночества: въ 1787 году онъ опять явился въ Москву и поступилъ въ тамошнюю духовную академію для выслушанія богословскаго курса. Черезъ три года *Грибовскій*, въ званіи іеродіакона, занималъ уже должность законоучителя при московскомъ университетѣ, а 1793 посвященъ въ архимандриты и назначенъ миссіонеромъ въ Пекинъ. Пробывъ тамъ

ровно тринадцать лѣтъ, онъ возвратился въ Россію, и по разстроенному здоровью опредѣленъ было пенсіонеромъ въ московскій Новоспасскій монастырь, гдѣ и скончался 17 мая 1814 г. *Грибовскій* описалъ обратное путешествіе свое отъ Пекина до Кяхты, нигдѣ впрочемъ не напечатанное, и собралъ довольно замѣчаній касательно духовныхъ нашихъ миссій въ Китаѣ[354].

Келембетъ Амвросій родился черниговской губерніи въ м. Чернухахъ отъ тамошняго діакона, принадлежавшаго однакожъ къ дворянскому сословію. Въ 1777 году постриженъ въ монашество въ каѳедральномъ Кіево-софійскомъ монастырѣ и опредѣленъ въ Академію учителемъ греческаго языка. Послѣ того *Келембетъ* преподавалъ тамъ реторику и философію, а 1793 года произведенъ въ архимандриты воронежскаго Акатова монастыря, откуда назначенъ въ новгородскій Антоніевъ, съ званіемъ ректора тамошней семинаріи. Въ 1797 году переведенъ въ Юрьевъ монастырь, а спустя два года хиротонисанъ въ епископа оренбургскаго; 1806 года получилъ указъ быть архіепископомъ тобольскимъ, откуда въ 1822 году удалился на покой въ лубенскій Мгарскій монастырь, гдѣ и скончался 4 іюля 1825 года. Во время архипастырской своей службы *Амвросій* былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени[355].

Киждобрянскій Николай, уроженецъ славяно-сербскій, сначала обучался въ западныхъ училищахъ, а послѣ поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ по окончаніи курса преподавалъ французскій языкъ и философію, не состоя однакожъ префектомъ. Посѣтивъ родину, онъ остался тамъ учителемъ въ школѣ, состоявшей при карловицкомъ митрополитѣ Павлѣ, откуда потомъ перешелъ въ Молдавію, гдѣ въ училищѣ, учрежденномъ при архіерейскомъ домѣ читалъ французскій языкъ, реторику и геометрію. Здѣсь же *Киждобрянскій* принялъ монашество отъ митрополита Викентія, а преемникомъ его Гавріиломъ возведенъ

въ санъ архимандрита. Не смотря однакожъ на благосклонность іерарха и на родственныя привязанности, *Киждобрянскій* стремился душою къ новому своему отечеству, и прибывъ въ Россію, опредѣленъ былъ 1781 года въ новгородскую семинарію учителемъ геометріи и ариѳметики; въ слѣдующемъ же году былъ вызванъ въ петербургскую семинарію для преподаванія, сверхъ сказанныхъ предметовъ, и философіи. Черезъ годъ онъ опять былъ переведенъ въ Новгородъ префектомъ и учителемъ философіи, а еще черезъ годъ снова вызванъ въ Петербургъ на каѳедру философіи, геометріи и нѣмецкаго языка. Въ 1788 году *Киждобрянскій* назначенъ былъ ректоромъ новгородской семинаріи и настоятелемъ Антоніева монастыря. Состоя въ этомъ званіи, онъ 1790 года вытребованъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и въ бытность свою тамъ преподавалъ въ семинаріи эксперментальную физику; послѣ чего назначенъ настоятелемъ Иверскаго монастыря. *Киждобрянскій* скончался 1795 года въ Новгородѣ и погребенъ въ Антоніевѣ монастырѣ(356).

Корчановъ Аѳанасій сначала проходилъ разныя училищныя должности въ черниговской, потомъ въ переяславской семинаріяхъ, и напослѣдокъ въ концѣ 1792 года опредѣленъ префектомъ Академіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ званіе вице-ректора, будучи въ тоже время настоятелемъ Выдубицкаго монастыря. Въ 1799 году *Корчановъ* былъ переведенъ въ черниговскій Елецкій монастырь съ назначеніемъ въ ректоры тамошней семинаріи, а 1811 рукоположенъ въ епископа пензенскаго. Разстроенное здоровье и болѣзни не позволили ему долго управлять епархіей. *Аѳанасій* испросилъ себѣ увольненіе отъ службы, и скончался въ Пензѣ на покоѣ(357).

Лебединскій Сильвестръ родился въ Малороссіи, и по окончаніи курса вызванъ былъ Антоніемъ Румовскимъ, епископомъ астраханскимъ, въ тамошнюю семинарію на учительскую

должность. Здѣсь же онъ принялъ монашество, и постепенно проходя классы, достигъ званія ректора и архимандрита Спасскаго монастыря. Въ 1794 году *Лебединскій* былъ переведенъ въ казанскій Свіяжскій монастырь, а черезъ три года опредѣленъ ректоромъ казанской академіи. По должности профессора богословскихъ наукъ онъ составилъ для своихъ слушателей учебникъ: Compendium Theologiae, имѣвшій два изданія въ самое непродолжительное время. Въ 1799 году *Лебединскій* былъ хиротонисанъ въ епископа полтавскаго, и чрезъ нѣсколько времени награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; 1807 года получилъ назначеніе быть архіепископомъ астраханскимъ: но черезъ годъ испросилъ себѣ увольненіе, по причинѣ разстройства здоровья, и на пути въ глуховскій монастырь скончался въ слободѣ Ровенькахъ, воронежской губерніи, 5 ноября 1808 года[358].

Леонтовичъ Амфилохій. Училищная служба его проходила по разнымъ семинаріямъ; послѣ чего онъ былъ назначенъ архимандритомъ Кіево-николаевскаго монастыря, а въ 1795 году рукоположенъ въ епископа переяславскаго, и въ семъ санѣ скончался 1 іюля 1799 года[359].

Миславскій Варлаамъ, уроженецъ города Кіева. Онъ прошелъ полный академическій курсъ, и въ 1775 году принявъ монашество, отправленъ былъ въ харьковскій коллегіумъ учителемъ реторики, гдѣ потомъ достигъ званія ректора и сана архимандритскаго. Послѣ онъ былъ переведенъ въ Ростовъ настоятелемъ Борисоглѣбскаго монастыря, съ званіемъ члена консисторіи, а въ 1784 году назначенъ ректоромъ Кіевской Академіи и профессоромъ богословія. Съ упраздненіемъ въ 1786 году Братскаго монастыря *Миславскому* предоставленъ Кіево-николаевскій, въ которомъ онъ и скончался 30 іюля 1791 г.[360]

Панкевичъ Михаилъ Ивановичъ, публичный ординарный профессоръ прикладной математики въ московскомъ университетѣ, по происхожденію своему принадлежалъ къ духовному

званію. Мѣстомъ рожденія его была Малороссія. Послѣ домашнихъ приготовительныхъ уроковъ, *Панкевичъ* былъ принятъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и кончилъ полный курсъ наукъ. Желаніе еще болѣе усовершенствовать себя повлекло его за другомъ своимъ Антонскимъ-Прокоповичемъ въ московскій университетъ. Поступивъ въ него 1780 года, *Панкевичъ* черезъ два года былъ опредѣленъ въ члены учительской семинаріи и избралъ для занятій своихъ математику и физику, изучая въ тоже время натуральную исторію, химію и анатомію. Въ 1787 году онъ былъ уже преподавателемъ въ высшемъ ариѳметическомъ классѣ университетскаго благороднаго пансіона, гдѣ, кромѣ прямаго своего предмета, читалъ артиллерію и фортификацію. Черезъ годъ послѣ сего онъ держалъ экзаменъ на степень магистра философіи и свободныхъ наукъ, написавъ диссертацію, которая едва ли была не первою въ Россіи по предмету тогда еще мало знакомому[361]. Въ 1791 году *Панкевичъ* получилъ каѳедру прикладной математики при московскомъ университетѣ, которую занималъ уже постоянно въ продолженіи двадцати одного года, проходя въ тоже время и другія училищныя должности. Разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, основательныя познанія въ физико-математическихъ наукахъ пріобрѣли *Панкевичу* славу мужа ученаго и глубокомысленнаго. Страдая припадками эпилепсіи, *Панкевичъ* скончался скоропостижно на 55 году своей жизни 1812 года[362].

Сохацкій Павелъ Аѳанасьевичъ, публичный ординарный профессоръ эстетики и древней словесности въ московскомъ университетѣ, родился 1765 года, полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда въ с. Свѣтличномъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родительскомъ, а по двѣнадцатому году поступилъ въ Кіевскую Академію, въ которой и дошелъ до философскаго класса. Въ числѣ отличнѣйшихъ студентовъ Академіи, *Сохацкій* вызванъ былъ въ Москву въ учрежденную 1782 года при московскомъ

университетѣ филантропическую семинарію. Вполнѣ знакомый съ языками греческимъ и латинскимъ, *Сохацкій* живо принялся за изученіе новѣйшихъ языковъ, слушая между тѣмъ въ московскомъ университетѣ уроки математики, натуральной исторіи и медицины. Скоро съ степенью магистра философіи и свободныхъ наукъ *Сохацкій* былъ назначенъ учителемъ риторическаго латинскаго и греческаго классовъ въ обѣихъ гимназіяхъ университета, и за тѣмъ переведенъ въ самый университетъ для преподаванія тѣхже предметовъ, а въ 1801 наименованъ ординарнымъ профессоромъ. Объясняя съ каѳедры образцовыя произведенія древности, *Сохацкій,* по замѣчанію Шевырева, »умѣлъ »открывать подлинныя красоты въ цѣломъ и частяхъ, силу въ »выраженіяхъ, простоту и ясность въ мысляхъ и чувствахъ«, и такимъ образомъ первый оживилъ въ московскомъ университетѣ преподаваніе древнихъ языковъ. Но занимаясь греческой и латинской словесностью, *Сохацкій,* по страсти къ отечественной литературѣ, рѣшился быть журналистомъ; съ этою цѣлію онъ вошелъ въ связи съ учеными тогдашней эпохи Подшиваловымъ и Гавриловымъ, и при пособіи перваго издавалъ въ продолженіи пяти лѣтъ (1793—1798) *Пріятное и полезное препровожденіе времени; Ипокрену или успѣхи любословія* (1799—1801) и *Новости Русской Литературы* (1802 г.). По предложенію куратора Мелиссино, *Сохацкій* вмѣстѣ съ Гавриловымъ началъ съ 1790 г. *Политическій журналъ*, который продолжаемъ былъ потомъ однимъ Гавриловымъ подъ именемъ *Историческаго, статистическаго и географическаго журнала.* Не чуждый современныхъ понятій о художественномъ, *Сохацкій* даже въ легкихъ произведеніяхъ своего пера является поклонникомъ классической древности, сильно возстаетъ противъ появившагося тогда романтизма въ литературѣ, и наставительнымъ эпическимъ твореніямъ отдаетъ полное преимущество предъ прочими произведеніями поэзіи. Сей честный и благонамѣренный труженикъ науки скончался на университетской службѣ 18 марта 1809 года[363].

Ставицкій Анатолій, уроженецъ черниговской губерніи, въ училищахъ которой онъ и началъ первоначальное свое образованіе. Съ реторики онъ уже слушалъ дальнѣйшіе уроки къ Кіевской Академіи, и по окончаніи курса отправился въ Умань, гдѣ тогда существовало знаменитое базиліанское училище; здѣсь изучилъ онъ польскій языкъ и выслушалъ снова курсъ философіи. Отсюда *Ставицкій* поѣхалъ въ Пресбургъ, гдѣ опять занимался уроками философскими и сверхъ того исторіею, географіей, математикой и нѣмецкимъ языкомъ. По возвращеніи въ Россію 1782 года, *Ставицкій* принялъ монашество, и тотчасъ же опредѣленъ былъ къ учительской должности въ Академію, гдѣ преподавалъ латинскую граматику, исторію, географію, и держалъ въ продолженіи года великую инструкцію. Въ 1786 году, по просьбѣ Парѳенія Собковскаго, епископа смоленскаго, перешелъ въ тамошнюю семинарію въ званіи префекта: но черезъ четыре года возвратился назадъ въ Академію и принялъ на себя преподаваніе нѣмецкаго языка. Съ 1793 года назначенъ префектомъ и профессоромъ богословія, и потомъ перемѣщенъ въ Кіево-печерскую Лавру; откуда 1801 года переведенъ въ санѣ архимандрита сначала въ галичскій монастырь костромской епархіи, потомъ въ ростовскій Яковлевскій, и наконецъ въ новгородскій Юрьевскій, гдѣ и скончался на покоѣ[364].

Ставицкій Иннокентій происходилъ изъ дворянъ польскихъ. Службу свою онъ началъ 1786 года въ переяславской семинаріи въ званіи учителя, откуда потомъ переведенъ былъ въ Кіевскую Академію на каѳедру высшаго класса латинской граматики, и постриженъ 1793 года въ монахи въ печерской Лаврѣ. Достигнувъ званія префекта, *Ставицкій* былъ произведенъ въ архимандрита, и назначенъ ректоромъ каменецъ-подольской семинаріи, съ управленіемъ шаргородскимъ монастыремъ, въ которомъ и скончался[365].

Терешкевичъ Аполлосъ служебное поприще началъ

съ учительскаго званія въ новгородской семинаріи, гдѣ и принялъ монашескій постригъ. Когда же митрополитъ Гавріилъ Петровъ 1786 года соединилъ означенную семинарію съ с.-петербургской, оставивъ въ первой только низшіе классы: то *Терешкевичъ* назначенъ былъ игуменомъ Александро-ошевенскаго монастыря, а въ 1790 году переведенъ въ архангельскій съ званіемъ ректора тамошней семинаріи. Черезъ три года получилъ архимандрію въ курскомъ Богородицко-Знаменскомъ монастырѣ, а въ 1813 пожалованъ епископомъ слободско-украинскимъ и рукоположенъ въ Кіевѣ. *Аполлосъ* скончался 12 февраля 1821 года[366].

Трощинскій Димитрій Прокофьевичъ родился 1754 года въ одномъ изъ селеній около Полтавы. Отецъ его, простой казакъ, Прокопъ Трощина, обучивъ сына своего грамотѣ у приходскаго дьячка и замѣтивъ въ немъ охоту къ дальнѣйшему ученію, отослалъ въ кіевскую бурсу. Двадцати лѣтъ отъ роду *Трощинскій* явился на родину съ академическимъ свидѣтельствомъ о своихъ успѣхахъ и знаніи разныхъ наукъ. Не долго думая, обрадованный отецъ порѣшилъ женить его; за сыномъ остановки не было. Ловкій, красивый, образованный юноша нашелъ уже себѣ по сердцу дѣвушку и отправился въ Полтаву къ бунчуковому товарищу и войту Петру Чарнышу просить позволенія на женитьбу и мѣста волостнаго писаря на открывшуюся въ селеніи ихъ вакансію. Поговоривъ съ просителемъ и разсмотрѣвъ документы его, Чарнышъ положилъ открыть молодому человѣку лучшую карьеру, и отказавъ ему въ первой просьбѣ, самъ отвезъ въ малороссійскую коллегію, сдавъ на руки другу своему генеральному писарю Василію Григорьевичу Туманскому[367]. Здѣсь *Трощинскій* сошелся съ своими сотоварищами по школѣ Безбородкомъ и Завадовскимъ, занимавшими уже тогда высокія степени при президентѣ коллегіи графѣ П. А. Румянцевѣ. Принятый ими подъ непосредственное покровительство, *Трощинскій* началъ трудиться на новомъ

для него поприщѣ, и не болѣе какъ черезъ три года самъ занялъ значительное мѣсто, поступивъ секретаремъ къ князю Н. В. Репнину, находившемуся тогда въ Константинополѣ. При усердіи къ занятіямъ, при отличныхъ дарованіяхъ, руководимый такимъ великимъ министромъ и утонченнымъ дипломатомъ, *Трощинскій* скоро достигъ полнаго совершенства въ письмоводствѣ и обнаружилъ особенное искуство въ дѣлахъ. Когда возгорѣлась война между Россіей и Турціей, то князь Репнинъ передалъ его Безбородку, и съ этой поры *Трощинскій* быстро пошелъ по степенямъ службы государственной. Въ самое короткое время онъ былъ пожалованъ членомъ главнаго почтоваго правленія, и въ 1793 году переведенъ въ званіи статсъ-секретаря къ самой Императрицѣ. Великая Государыня, уже имѣвшая при себѣ двухъ знаменитыхъ людей просвѣщенной Украйны, съ удовольствіемъ увидѣла, что и третій единоземецъ ихъ достоинъ Высочайшаго ея вниманія. Поручивъ ему дѣла по внутреннему управленію своей собственной канцеляріи, Императрица черезъ годъ возложила на *Трощинскаго* орденъ св. Владиміра 2 степ. и до конца жизни своей удостоивала его Монаршаго благоволенія. На престолъ всероссійскій вступилъ Павелъ I; многочисленныя перемѣны въ государственной бюрократіи не коснулись однакожъ *Трощинскаго*. Онъ удержался въ своемъ почетномъ званіи, и заслужилъ даже милости Императора, который въ самое короткое время пожаловалъ ему орденъ св. Анны 1 степ., св. Александра Невскаго, командорственный крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго и тысячу двѣсти душъ крестьянъ; наименовалъ сенаторомъ, присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училища св. Екатерины, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря. Императоръ Александръ I, оставивъ его въ сей же должности, возвелъ кромѣ того въ достоинство главнаго директора почтъ и члена государственнаго совѣта (1801), и въ томъ же году пожаловалъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а вслѣдъ за симъ министромъ удѣловъ.

Управленіе удѣльнымъ и почтовымъ департаментами доставило *Трощинскому* почетнѣйшее названіе истинно великаго государственнаго человѣка, ибо какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ (6 февраля 1806 года) по первому изъ нихъ, онъ »оказалъ соблюденіе хозяйственной бережливости и пользы казенной во всѣхъ оборотахъ денежныхъ суммъ и капиталовъ, »оному департаменту принадлежащихъ, рачительную дѣятельность въ управленіи подвѣдомыхъ оному крестьянъ, неусыпное попеченіе о ихъ благѣ, доброе устройство и полезные »успѣхи въ заведеніяхъ, оному подчиненныхъ; по второму знатное приращеніе противу прежнихъ лѣтъ почтоваго дохода и »неупустительную точность въ важномъ обращеніи суммъ, »переходящихъ на почтѣ и простирающихся на многіе милліоны«. *Трощинскій*, говоритъ П. В. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, »есть человѣкъ, отличною твердостію и рѣдкимъ въ »дѣлахъ государственныхъ искуствомъ одаренный«. Но многообразныя занятія и труды разстроили здоровье знаменитаго министра; онъ нашелъ себя вынужденнымъ просить увольненія отъ службы, и съ пенсіономъ полнаго жалованья, сверхъ получаемаго имъ оклада по званію главнаго директора почтъ и министра удѣловъ, *Трощинскій* отправился на родину. Полтавское дворянство, изъ признательности къ славному своему единоземцу, немедленно избрало его губернскимъ предводителемъ: но не долго однакожъ видѣло его на этомъ, хоть и почетномъ, но тѣсномъ для его геніальнаго ума посту. Въ 1814 году Государь снова пригласилъ *Димитрія Прокофьевича* въ столицу и вручилъ ему портфель министра юстиціи. Три года прослужилъ еще отечеству шестидесятилѣтній старецъ: но почувствовавъ изнеможеніе силъ, онъ опять заговорилъ объ отставкѣ, и 1817 года уволенъ былъ съ пенсіономъ по десяти тысячъ рублей въ годъ. Пять лѣтъ оставался онъ въ Петербургѣ въ кругу друзей, уважавшихъ его великій умъ и прекрасное сердце. Не скучно, казалось бы, было ему среди такихъ людей, каковъ знаменитый нашъ вождь князь М. И. Кун

тузовъ-смоленскій, привязанный когда-то къ нему крѣпкою дружбой и глубокимъ уваженіемъ, но упредившій друга своего отшествіемъ въ вѣчность Не ко многимъ писалъ побѣдитель Наполеона объ успѣхахъ своихъ на полѣ великой битвы народовъ, а *Трощинскій* былъ исключеніемъ; за тожъ немногіе и привѣтствованы такими словами, какими благословлялъ онъ побѣдоноснаго вождя-друга своего. »Помоги вамъ, Господи, писалъ онъ князю, истребить супостата вконецъ! Тогда съ от»радою я сниду во гробъ, и сею отрадою буду одолженъ вамъ. »Горестно жалѣете вы, что не могли отстоять первопрестоль»наго града нашего. Конечно, несказанно жаль: но кто мо»жетъ бороться противъ судьбы? И льзя ли было предполо»жить, чтобы врагъ, пощадившій столько столицъ, готовился »излить на Москву хладнокровно всю ярость свою? Таковъ былъ »ей назначенъ неминуемый и неотвратимый рокъ! Пожарскій »не могъ защитить матери русскихъ градовъ: онъ изгналъ изъ »нея врага, слабѣйшаго сто кратъ того, который бѣжитъ те»перь отъ лица вашего; судьба сравняла васъ съ симъ вели»кимъ мужемъ; оба вы въ памяти благодарнаго потомства оста»нетесь избавителями отечества. Пала Москва; но опершись »на васъ, устояла Россія«.

Въ 1822 году *Димитрій Прокофьевичъ* удалился въ с. Кибинцы, полтавской губерніи, миргородскаго уѣзда. Здѣсь знаменитый старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи, окруженный своими домашними и земляками, которые, забывая въ немъ великаго государственнаго человѣка, утѣшали его всемъ, что могла внушить имъ искренняя любовь и привязанность, чуждая холоднаго этикета и стѣснительныхъ приличій. Любимѣйшимъ собесѣдникомъ *Трощинскаго* въ эту пору былъ родственникъ и пріятель его Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, отецъ нашего несравненнаго писателя—поэта. Здѣсь-то разыгрывались тѣ комедіи, отрывки которыхъ мы видимъ только въ эпиграфахъ повѣстей Гоголя; среди этихъ-то сценъ разглаживалось много-

думное чело министра, вѣяло освѣжающее дыханіе давноминувшихъ дней юности и забывалось безконечное различіе между хозяиномъ и гостями, одинаково радушными[368].

Димитрій Прокофьевичъ уже приближался къ той чертѣ, за которою наступаютъ неизбѣжные »трудъ и болѣзнь«. »Вижу, писалъ онъ къ одному изъ пріятелей своихъ передъ самой кончиною, что борьба жизни моей съ смертію скоро кончится, »ибо послѣдней служитъ надежной помощницей моя старость«. За шесть дней до смерти онъ пріобщился св. таинъ; на другой день объявилъ собственноручно написанное имъ духовное завѣщаніе; черезъ два дни пожелалъ собороваться масломъ, и съ этого времени уже не отпускалъ отъ себя священника, упросивъ его попеременно читать то Евангеліе, то Псалтирь; наконецъ самъ приказалъ отправить отходныя молитвы, и 26 февраля 1829 года мирно скончался, сохранивъ до послѣдней минуты зрѣніе, слухъ, память и совершенное присутствіе разсудка[369].

Устимовичъ Димитрій, какъ одинъ изъ отличныхъ воспитанниковъ, тотчасъ, по окончаніи курса, опредѣленъ былъ учителемъ высшаго класса латинской граматики и греческаго языка, потомъ преподавателемъ піитики и риторики, отправляя въ тоже время великую инструкцію. Въ 1778 году *Устимовичъ* постриженъ въ монашество въ Братскомъ монастырѣ и продолжалъ проходить училищныя должности; достигнувъ званія префекта, онъ былъ произведенъ потомъ въ игумены Золотоношскаго монастыря, а въ 1785 году опредѣленъ ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія. За упраздненіемъ Кіево-братскаго монастыря, *Устимовичу* данъ былъ въ управленіе Выдубицкій, котораго онъ былъ однакожъ только игуменомъ. Въ 1791 году произведенъ въ архимандрита Вознесенскаго монастыря, что въ Переяславлѣ, и спустя два года посвященъ въ епископа переяславскаго, съ званіемъ коадъю-

тора кіевской митрополіи; въ 1795 переведенъ въ Смоленскъ, гдѣ 26 мая 1805 года и скончался[370].

Фальковскій Ириней родился 1762 года въ с. Бѣлоцерковкѣ близъ Кіева. Отецъ его, бывшій тамъ священникомъ, лишившись супруги, повезъ любимаго и единственнаго сына своего въ Кіевскую Академію, и постригшись въ Братскомъ монастырѣ въ монахи, самъ непосредственно сталъ наблюдать за успѣхами своего *Іоанна*. Въ 1775 году родитель *Фальковскаго* отправился въ Венгрію настоятелемъ русской церкви, находившейся въ Токаѣ; онъ взялъ съ собою сына, назначивъ его къ исправленію причетнической должности, а между тѣмъ опредѣлилъ его въ піарскую школу. Здѣсь *Фальковскій* окончательно изучилъ языки латинскій и нѣмецкій, и потомъ перешелъ въ презбургскую гимназію, гдѣ выслушалъ реторику. Въ 1779 году, по смерти отца своего, онъ отправился въ Пестъ и поступилъ въ цесарско-королевскую гимназію, въ которой, въ теченіи семи мѣсяцевъ, обучался философіи, исторіи и математикѣ, а въ 1780 перешелъ въ Офенскій университетъ, гдѣ слушалъ уроки физико-математическихъ наукъ. Въ слѣдующемъ году *Фальковскій* опредѣлился въ канцелярію Россійской Миссіи, находившейся въ Вѣнѣ: но черезъ мѣсяцъ перешелъ въ число канцелярскихъ служителей при Токайской Россійской Коммиссіи и продолжалъ заниматься уроками философскими. Въ 1783 году онъ былъ отпущенъ въ Россію и прибывъ въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, гдѣ изучалъ богословіе и языки французскій и еврейскій; въ томъ же году, будучи еще студентомъ, онъ опредѣленъ былъ учителемъ ариѳметическаго класса, а по окончаніи курса преподавалъ въ Академіи же латинскій и нѣмецкій языки, математику, архитектуру и философію. Вообще, *Фальковскій*, обладавшій многосторонней ученостью, былъ самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Академіи; его употребляли всюду, гдѣ не доставало профессора, и всякая наука выходила полною и совер-

шенною изъ художническихъ рукъ его. Среди такихъ занятій *Фальковскій* пожелалъ принять монашество, и въ 1786 году постриженъ и нареченъ *Иринеемъ*. Черезъ три года послѣ сего онъ назначенъ архимандритомъ Гамалѣевскаго монастыря, а въ 1803 переведенъ въ Кіево-братскій и принялъ ректуру Академіи; недолго однакожъ занималъ онъ эту должность, ибо въ 1807 году былъ пожалованъ въ епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, и на четвертомъ году своего служенія Высочайше удостоенъ ордена св. Анны I степ.; въ 1812 *Фальковскій* былъ переведенъ въ смоленскую епархію, но въ слѣдующемъ же году перепросился въ Кіевъ на прежнюю должность викарія. Здѣсь, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ, онъ все время посвящалъ тѣмъ занятіямъ, которыя такъ дороги были ему въ лучшую пору жизни. Доселѣ еще помнятъ кіевляне его рѣчи, полныя помазанія; доселѣ благодарное воспоминаніе о *Фальковскомъ*, какъ о наставникѣ, живо въ его воспитанникахъ, нынѣ уже посѣдѣвшихъ[371]. Многочисленныя его сочиненія, изъ которыхъ самая большая часть, къ сожалѣнію, доселѣ остается въ рукописяхъ, свидѣтельствуютъ о той ревности, которая не покидала его до послѣднихъ дней жизни[372]. *Фальковскій* скончался 29 апрѣля 1823 года и погребенъ въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ съ лѣвой стороны предѣла св. великомученицы Варвары[373].

Шванскій Михаилъ первоначальное образованіе получилъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, а курсъ высшихъ наукъ слушалъ въ Кіевской Академіи. По возвращеніи на родину, *Шванскій* вступилъ въ учительское званіе, и въ 1778 году былъ префектомъ и учителемъ богословія. Онъ скончался 10 іюня 1790 года въ санѣ протоіерея, оставивъ по себѣ память ревнителя просвѣщенія и проповѣдника слова Божія[374].

Ясновскій Даніилъ Емельяновичъ родился въ малороссіи и происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи кур-

са наукъ, онъ поступилъ на службу въ канцелярію графа Румянцева-Задунайскаго. Отличныя способности и усердіе скоро были замѣчены великимъ мужемъ, и *Ясновскій* назначенъ къ особѣ фельдмаршала въ генеральсъ-адъютанты. Въ этой должности онъ состоялъ до самой смерти героя, закрылъ ему глаза и потомъ былъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ при дѣлежѣ наслѣдства между тремя сыновьями усопшаго. Благодарные наслѣдники единодушно пожелали отблагодарить чѣмъ нибудь *Ясновскаго* за его честность и добросовѣстные труды; они подарили ему, на егоже родинѣ, на берегу Десны, село въ триста душъ крестьянъ. Обезпеченный такимъ образомъ, *Ясновскій* въ концѣ прошедшаго столѣтія поѣхалъ служить въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ директоры банка: но черезъ нѣсколько времени, отказавшись отъ всякой должности, вышелъ въ отставку, женился и началъ жить семейственною жизнію въ своей деревнѣ. Болѣе двадцати лѣтъ провелъ онъ въ своемъ мирномъ уединеніи; наконецъ въ 1827 году принялъ должность директора нѣжинскаго лицея. Современникъ и сослуживецъ его К. такъ отзывается о *Ясновскомъ;* »добрый, умный, красноречивый, онъ былъ живой исторіей XVIII вѣка. Чего »онъ не зналъ? Чего не видалъ? Съ кѣмъ изъ знаменитыхъ »людей не былъ въ сношеніяхъ? Нѣкоторые сановники нарочно пріѣзжали въ Нѣжинъ, чтобъ повидаться съ прежнимъ »своимъ товарищемъ, добрымъ Данилою Емельяновичемъ[375]«. *Ясновскій* умеръ 1829 года въ имѣніи своемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

САМУИЛЪ МИСЛАВСКІЙ.

Учреждение кіевскаго намѣстничества. Гербъ города Кіева. Неустройство въ городѣ отъ его мѣстоположенія. Учреждение управы благочинія. Раздѣление Кіева на части и кварталы. Планъ города. Біографія митрополита Самуила. Прибытіе его въ Кіевъ. Раздача книгъ и денегъ студентамъ. Преобразование Академіи по гимназической програмѣ. Заботы Самуила о преподаваніи русскаго языка. Возвышеніе каѳедры русской словесности. Отправка студентовъ въ московскій университетъ. Назначеніе репетитора въ Бурсу. Заботы митрополита о языкахъ новѣйшихъ. Преподаватели-иностранцы. Посылка студентовъ за границу. Упраздненіе каѳедры французскаго языка. Французъ Брульонъ, преподаватель математики. Надзоръ за иностранными учителями. Высылка студентовъ въ виленскій университетъ. Преподаваніе польскаго языка. Ириней Фальковскій, преподаватель математики. Классъ рисованія. Введеніе другихъ наукъ. Устройство библіотеки. Уничтоженіе сбора подаяній. Прибавка жалованья наставникамъ. Прибытіе въ Академію воспитанниковъ изъ-за границы. Отправка студентовъ въ медицинскія училища. Поступленіе академистовъ въ учители народныхъ училищъ. Отзывы графа Завадовскаго. Поступленіе академистовъ въ гражданскую службу. Требованія отъ разныхъ лицъ на счетъ студентовъ. Упраздненіе Братскаго монастыря. Указъ о переводѣ Академіи. Скорбь ея. Прибытіе Екатерины II въ Кіевъ. Торжества по сему случаю. Дары Императрицы Лаврѣ. Ходатайство Самуила объ Академіи. Государыня посѣщаетъ Академію. Рѣчь ректора Варлаама. Милости Государыни. Увеселенія въ Кіевѣ. Прощальная рѣчь митрополита Самуила. Отъѣздъ Государыни. Приношенія частныхъ лицъ въ пользу Академіи. Обновленіе конгрегаціонной церкви. Поправка академическихъ службъ. Дѣло съ магистратомъ. Наставники Академіи. Преобразованіе кіевской епархіи въ штатное положеніе. Принятіе отъ Печерской Лавры и монастырей принадлежавшихъ имъ имѣній. Митрополиту присвояется званіе священноархимандрита Кіево-печерской Лавры. Состояніе церкви православной на юго-западѣ. Гоненія отъ католиковъ и униатовъ на всѣхъ диссидентовъ. Послѣдній раздѣлъ Польши. Слѣдствія этого. Кончина митрополита

Самуила. Известнѣйшіе воспитанники сей эпохи: Андріевскій Иванъ. Ведель Артемій. Лагановскій Іакинфъ. Писнячевскій Меѳодій. Подолинскій Иванъ. Смирницкій Антоній.

1783—1796.

Царствованіемъ Императрицы Екатерины II началась истинная эра благосостоянія Россіи, преобразованной Великимъ Петромъ. Кіевъ, какъ уже совершенно вошедшій въ семейный составъ городовъ россійскихъ, неизбѣжно долженъ былъ участвовать во всѣхъ благодѣтельныхъ измѣненіяхъ, какія находила нужными мудрая Повелительница имперіи. Болѣе года прошло съ того времени, когда, въ слѣдствіе особаго учрежденія, Россія раздѣлилась на намѣстничества, со введеніемъ систематически правильнаго судопроизводства по всѣмъ отраслямъ гражданственной администраціи. Наконецъ 9 генваря 1782 года открыто и кіевское намѣстничество, заключившее въ себѣ уѣзды: кіевскій, голтвянскій, городисскій, золотоношскій, козелецкій, лубенскій, миргородскій, остерскій, переяславскій, пирятинскій, хорольскій.

Въ томъ же году (4 іюля) Высочайше утвержденъ гербъ города Кіева, представляющій въ голубомъ полѣ архангела Михаила съ обнаженною главой и съ мечемъ въ рукѣ, а также гербы и другихъ городовъ намѣстничества.

Но много еще нужно было заботъ и попеченій, чтобъ воздвигнуть Кіевъ въ красотѣ и славѣ изъ праха, покрывавшаго его столько вѣковъ, чтобъ установить удобное и безопасное сообщеніе между тремя частями города — Печерскомъ, Подоломъ и Старымъ Кіевомъ, раздѣленными между собой горами, оврагами и густыми лѣсами, въ которыхъ кое-гдѣ едва замѣтна была тропинка для путника. Пограничное положеніе Кіева съ польскими владѣніями много способствовало стеченію сюда всѣхъ бродягъ и дезертировъ, жившихъ среди самаго города грабе-

жомъ и даже убійствомъ. Разсказы старожиловъ объ этихъ происшествіяхъ полны ужасающихъ подробностей, такъ что невольно скажешь: »свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ«.

Очевидно, что учрежденіе управы благочинія и особенно правильной полиціи было для Кіева истиннымъ благодѣяніемъ. Въ осмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія народонаселенія больше всего было на Подолѣ, гдѣ, какъ видно изъ свѣдѣній, представленныхъ 1785 года графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ Императрицѣ, находилось купеческихъ домовъ 10, мѣщанскихъ 1,974, разночинческихъ 89, владѣльческихъ подданныхъ 37; а между тѣмъ на Печерскѣ купеческихъ 20, мѣщанскихъ 46, разночинческихъ 315, солдатскихъ 632, владѣльческихъ подданныхъ 172. Меньше всѣхъ была населена часть, называвшаяся Старо-кіевской крѣпостью, гдѣ купеческихъ домовъ былъ 1, мѣщанскихъ 54, разночинческихъ 222, солдатскихъ 305; всего значитъ *три тысячи восемьсотъ девяносто девять* домовъ. По штату, Высочайше утвержденному 7 октября 1785 года, положено быть на Подолѣ четыремъ частямъ, съ раздѣленіемъ каждой на пять кварталовъ; на Печерскѣ двумъ частямъ, съ раздѣленіемъ каждой на три квартала; въ Старо-кіевской крѣпости только три квартала[376]; а 1787 года 17 апрѣля утвержденъ и планъ Кіева, въ слѣдствіе чего повелѣно почитать главною частію города такъ названную Владимірову, и немедленно приступить къ переноскѣ нѣкоторыхъ зданій, вошедшихъ въ распланированныя улицы.

Кіевской іерархіи также готовилось преобразованіе. Съ кончиною митрополита Гавріила Кременецкаго суждено было окончиться прежнему порядку вещей, и все согласно и совокупно должно было пойти къ одной цѣли, указываемой Державною рукою.

Въ тотъ самый годъ, когда скончался Гавріилъ, Кіевъ 29

ноября увидѣлъ новаго архипастыря, бывшаго нѣкогда его питомцемъ и прошедшаго всѣ наставническія должности въ древнѣйшемъ его училищѣ. Это былъ тотъ самый Самуилъ Миславскій, который лучшую пору жизни своей провелъ въ стѣнахъ Кіево-братскаго монастыря. Сюда привезенъ былъ онъ отрокомъ изъ с. Полошекъ, глуховскаго полку, родителемъ своимъ, священникомъ Григоріемъ. Въ записи, представленной отцомъ академическому начальству, значилось, что сынъ его Симеонъ родился 24 мая 1731 года(377), что онъ обученъ нѣсколько славянской грамотѣ и умѣетъ пѣть на клиросѣ. Принятый въ школу, Миславскій началъ проходить всѣ классы отъ низшаго до самаго высшаго, и въ 1754 году, по окончаніи курса, принявъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, съ переименованіемъ въ Самуила, немедленно опредѣленъ былъ къ учительской должности въ Академію. Три года слишкомъ несъ онъ обязанности учителя низшихъ школъ, и потомъ 1757 года опредѣленъ былъ префектомъ и профессоромъ философіи, а черезъ два года и преподавателемъ богословія съ исправленіемъ ректорской должности. Въ 1761 году Самуилъ былъ посвященъ въ архимандриты Братскаго монастыря и утвержденъ въ званіи ректора Академіи и члена дикастеріи. Неусыпныя занятія по всѣмъ возложеннымъ на него должностямъ имѣли слишкомъ ощутительное вліяніе на здоровье Самуила, такъ что 1766 онъ нашелся вынужденнымъ оставить на время каѳедру богословія, и принять ее снова уже по двухлѣтнемъ отдохновеніи. Въ 1768 году, по указу св. Синода, онъ былъ переведенъ въ Кіево-николаевскій монастырь, а черезъ два мѣсяца вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ. Удостоенный Высочайшаго вниманія Великой Государыни, Самуилъ въ томъ же году былъ рукоположенъ епископомъ въ Бѣлгородъ, а черезъ три года переведенъ въ Москву на крутицкую епархію, съ пожалованіемъ въ члены Синодальной Конторы, и съ порученіемъ надзора за окончаніемъ обновленія московскихъ соборовъ. За сіи труды онъ удостоился получить отъ Императрицы титло

члена св. Синода и алмазную панагію[378]; послѣ чего 1776 года Самуилъ былъ переведенъ въ ростовскую епархію, и черезъ годъ пожалованъ саномъ архіепископа. По полученіи извѣстія о кончинѣ Гавріила Кременецкаго, Самуилъ 23 сентября того же года Высочайше пожалованъ митрополитомъ кіевскимъ, съ предоставленіемъ ему званія члена св. Синода и съ правомъ ношенія бѣлаго клобука.

Не безъ душевнаго, конечно, волненія вступалъ архипастырь въ знакомую ему священную обитель, гдѣ почти за три десятилѣтія онъ самъ произнесъ обѣтъ монашества; не безъ тайнаго удовольствія принималъ онъ потомъ привѣтствія отъ воспитанниковъ Академіи, вспоминая и свое давноминувшее. Опытно зная, какъ много значитъ для всякаго изъ нихъ архипастырское вниманіе, Самуилъ съ перваго же раза рѣшился привязать къ себѣ студентовъ, раздавъ поздравителямъ книги, а на всѣхъ прочихъ приказавъ раздѣлить изъ процентной академической суммы двѣсти рублей.

Академія прежде и главнѣе всего озабочивала просвѣщеннаго архипастыря. Объѣхавъ большую часть Россіи, побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ внимательно присматривался къ требованіямъ народнаго образованія, и къ прискорбію видѣлъ, что самыя младшія изъ училищъ уже начинали опережать родоначальницу свою—Академію Кіевскую, что въ ней недоставало именно того, что составляло первый параграфъ русской грамотности, то есть надлежащаго развитія словесныхъ наукъ, что за древними языками оставляются въ пренебреженіи новѣйшіе, и ученые академисты мало заботятся о чистотѣ и правильности рѣчи и самаго выговора, мѣшая съ словами русскими малороссійскія, польскія и даже латинскія, придавая имъ самыя несвойственныя ударенія. Самъ отличный латинистъ, Самуилъ первый возсталъ противъ деспотическаго владычества этого языка и тотчасъ же поставилъ его на второмъ планѣ преподавательной програмы.

Первымъ дѣломъ Самуила было введеніе преподаванія чисто русскаго языка. Для этого предписаніемъ отъ 13 февраля 1784 года онъ указалъ Академіи включить въ число наставниковъ студента богословія *Димитрія Сигиревича*[379], уроженца московской губерніи, повелѣвъ ему »быть учителемъ россійской »поэзіи и елоквенціи и производить оное ученіе по правиламъ »поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторію же по правиламъ »господина Ломоносова«. Заботливый протекторъ Академіи самъ даже составлялъ инструкцію для класса словесности, предписавъ читать уроки »во вторникъ, четвергъ и субботу по утру деся»таго и одинадцатаго часовъ, чего для ученіе латинской поэзіи »и ораторіи въ сіи дни оставить, а вмѣсто того всѣмъ учени»камъ латинской поэзіи и риторики учиться у него господина »Сигиревича въ одномъ мѣстѣ россійской поэзіи и элоквенціи«[380]. Вмѣстѣ съ этимъ на счетъ Академіи отправлены были три лучшихъ студента *Никита Соколовскій*, *Павелъ Логиновскій* и *Даніилъ Домонтовъ* въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобъ они какъ можно старались изучить великороссійскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса словесныхъ наукъ, они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для поступленія на учительскія должности. Наличные учители также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе, наблюдать сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ языкъ русскій. Такимъ образомъ іеродіакону *Анатолію*, назначенному преподавателемъ географіи и исторіи, строго указано было »изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ, съ наблюденіемъ »выговора, каковъ употребляется въ Великороссіи« Учителю высшаго класса французскаго языка *Лапкевичу* велѣно держаться русскаго руководства въ преподаваніи »съ наблюденіемъ тако»го же выговора, каковъ для географіи и исторіи предписанъ«; уроки же правильнаго чтенія и произношенія по французски предоставлены низшему классу, состоявшему въ завѣдываніи природнаго француза *Петра де Конвента*. Самые дѣти не оставлены безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ

учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (Бурсѣ) изъ монаховъ, для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему какъ можно стараться о правильнѣйшемъ выговорѣ. Настойчивость Самуила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему представленіемъ о своей неспособности строго исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора.

Покончивъ дѣло съ языкомъ русскимъ, Самуилъ обратился къ языкамъ новѣйшимъ, употребляемымъ въ тогдашнихъ лучшихъ обществахъ. Мы уже видѣли, какъ заботился онъ объ этомъ, будучи только ректоромъ Академіи; теперь ближе присмотрѣвшись къ потребностямъ вѣка, онъ усилилъ старанія, и въ первый же годъ своего архипастырства началъ отыскивать знатока въ языкѣ нѣмецкомъ. Митрополиту рекомендовали учителя граматики *Ивана Якимова Фальковскаго*, который немедленно и опредѣленъ былъ въ классъ нѣмецкій: но пробывъ тутъ всего только годъ, онъ уступилъ мѣсто это студенту *Александру Бутоличу*. Къ этому времени прибылъ въ Кіевъ иностранецъ *Фегенъ*, который тотчасъ, согласно прошенію, былъ назначенъ въ Академію учителемъ нѣмецкаго языка. Ему вмѣнено было въ обязанность преподавать граматическія правила »на »россійскомъ языкѣ, какъ должно, и наставлять учениковъ сак- »сонскому исправнѣйшему произношенію и правописанію; сверхъ »того читать и изъяснять разныя сочиненія, также домашніе »разговоры, продолжая ученіе порядочно, безъ всякаго упущенія, »а особливо стараться, чтобъ ученики могли говорить по нѣ- »мецки«. Фегена въ 1788 году смѣнилъ другой иностранецъ *Ремеръ*, поступившій въ Академію на тѣхже условіяхъ.

Съ отъѣздомъ въ Петербургъ Лапкевича, каѳедра французскаго языка въ высшемъ классѣ была поручена »впредь до усмотрѣнія«, одному изъ лучшихъ студентовъ. Къ тому же вре-

мени въ Академію явился Французъ *Іосифъ Форенель*, который, бывъ определенъ въ должность лектора, обязался особымъ контрактомъ обучать французскому языку »всѣхъ желающихъ уче»никовъ на такомъ основаніи, чтобъ они приходили къ нему въ »классъ въ определенные дни, по одному только назначенному »отъ Академіи часу въ день, и тотъ языкъ преподавать слѣдую»щимъ образомъ: учить прилежно хорошему произношенію, »правописанію, чтенію, разговаривать по французски, правила »граматическія на россійскомъ языкѣ, по граматикѣ, въ Акаде»міи употребляемой, преподавать; изъяснять переводы съ фран»цузскаго на россійскій, а паче съ россійскаго на французскій »языкъ дѣлать и сочинять письма на французскомъ языкѣ«. Сверхъ того *Форенель* обязался приватно, въ квартирѣ своей, обучать французскому языку двухъ студентовъ, которые, въ случаѣ его болѣзни, могли бы съ пользою замѣнить его.

А между тѣмъ, на основаніи Высочайшаго указа отъ 1787 года митрополитъ Самуилъ повелѣлъ выбрать изъ воспитанниковъ философіи и богословія двухъ благонадежныхъ студентовъ, имѣющихъ уже нѣкоторое понятіе о французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и отправить ихъ подъ ближайшій надзоръ Виктора, епископа переяславскаго, въ польскій городъ Слуцкъ въ тамошній реформатскій конвентъ, для усовершенствованія себя въ означенныхъ языкахъ. Снабженные всѣмъ нужнымъ отъ Академіи, воспитанники обязаны были одинъ учиться по французски, а другой по нѣмецки »съ такимъ раченіемъ, чтобъ могли на тѣхъ »языкахъ не только твердо разговаривать и право писать, но и »письма и краткія рѣчи сочинять по правиламъ елоквенціи«. При отпускѣ, ихъ также обязали подпискою въ томъ, что по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, они никуда не отлучатся безъ вѣдома и дозволенія Академіи, а »показавъ плоды своего ученія«, вступятъ въ соотвѣтствующія ихъ занятіямъ учительскія должности.

Точно такія же настоятельныя распоряженія о преподаваніи

живыхъ языковъ сдѣланы были митрополитомъ и по переяславской семинаріи, подвѣдомственной Академіи.

Но вдругъ среди такихъ усиленныхъ хлопотъ и занятій Самуилъ получаетъ (10 августа 1794 г.) письмо отъ Гавріила, митрополита новгородскаго, въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее: »Семинаристы ваши обучаются французскому языку: но »какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніе »сего языка злоупотребляютъ; мнѣ поручено вашему преосвя»щенству писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить«. Въ чемъ состояло это злоупотребленіе — не объяснено: но только немедленно по полученіи сего письма классъ французскаго языка закрытъ и въ Академіи и въ семинаріи переяславской.

Съ учрежденіемъ класса высшей математики (1788 г.) въ должность преподавателя введенъ былъ французъ *Брульонъ*, въ помощь которому для лучшаго объясненія, »поелику, какъ сказано въ предложеніи митрополита, самъ въ россійскомъ языкѣ нетвердъ«, — приказано было избрать одного изъ студентовъ, хорошо владѣющаго французскимъ языкомъ и знакомаго съ математикой. Въ такіе адъюнктъ-профессоры назначенъ былъ студентъ философіи *Иванъ Чернявскій*.

Но допуская иностранцевъ къ преподаванію наукъ въ Академіи, митрополитъ Самуилъ указалъ имѣть надъ ними самое строгое наблюденіе, »дабы, писалъ онъ въ своемъ предложеніи, »въ классахъ иностранныхъ языковъ и математическомъ ученіе »происходило съ хорошимъ и несомнительнымъ успѣхомъ, то »префектъ Академіи долженъ еженедѣльно и по крайней мѣрѣ »дважды въ мѣсяцъ, взявъ съ собою учителя поэзіи іеромонаха »Иринея, а для французскаго класса бывшаго учителя реторики »іеромонаха Аѳанасія (Корчанова) свидѣтельствовать оные классы »неотмѣнно и если какое сумнительство въ разсужденіи успѣха »или нераченіе о своей должности откроется, то доносить о

»томъ ему—митрополиту немедленно, прежде словесно, а потомъ »письменно«.

Не мудрено, что при такомъ ревностномъ и настойчивомъ попечителѣ Академія въ самое короткое время усовершенствовалась значительно противъ прежняго. Когда Императрица, бывшая въ Кіевѣ, указомъ 1787 года 15 марта позволила митрополиту на счетъ Академіи посылать студентовъ въ заграничные университеты, для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, дабы, какъ сказано въ указѣ, »Академія могла снабдить »себя искусными учителями«: то Самуилъ выслалъ двухъ студентовъ въ виленскій университетъ. Къ этому времени изъ Москвы возвратились прежде посланные отсюда академисты; по испытаніи, они признаны отлично успѣвшими, и двое изъ нихъ оставлены при Академіи въ качествѣ наставниковъ, а *Домонтовъ* назначенъ въ переяславскую семинарію въ званіи префекта. На ихъ мѣсто отправлены еще два студента для той же цѣли въ московскій университетъ.

Въ ряду живыхъ языковъ, съ 1775 года, еще при митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ, поставленъ и языкъ польскій, начинавшій тогда выходить изъ употребленія. Почитаемый однакожъ нужнымъ по частымъ сношеніямъ съ обитателями того края, онъ также имѣлъ здѣсь въ настоящее время свою каѳедру, и Самуилъ, отправляя студентовъ въ Слуцкъ, между прочимъ предписалъ имъ учиться тамъ и по польски, больше изъ практики, чѣмъ книжнымъ образомъ. До назначенія же особаго наставника, преподаваніе этого языка поручено было учителю исторіи и географіи *Максиму Сѣмигиновскому*, составившему одну изъ лучшихъ польскихъ граматикъ, служившую руководствомъ до окончательнаго упраздненія въ 1844 году польской каѳедры въ Кіевской Академіи.

Строгость надзора, учрежденнаго Самуиломъ, не слишкомъ

однакожъ нравилась пришлымъ наставникамъ. Математикъ *Брульонъ* первый и на слѣдующій же годъ отказался отъ должности, поступивъ къ кому-то въ домъ просто учителемъ французскаго языка. Академія не очень жалѣла объ немъ: ибо у ней былъ свой математикъ, страстно любившій эту науку. Это *Ириней Фальковскій*. Состоя преподавателемъ піитики, онъ не задумался въ тоже время взять на себя чтеніе и математическихъ уроковъ, и съ перваго же раза успѣлъ заохотить студентовъ къ этому предмету. Принявъ въ руководство по чистой математикѣ учебники, назначенные Коммиссіей Народнаго Просвѣщенія, *Ириней* для смѣшенной самъ составлялъ записки, обработавъ такимъ образомъ всеобщую математическую хронологію, гномонику и церковную пасхалію. Будучи потомъ даже профессоромъ богословія и ректоромъ Академіи, онъ не оставлялъ любимаго своего предмета, и въ свободные часы являлся самъ въ математическій классъ для чтенія уроковъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ *Фальковскій* содѣйствовалъ ученикамъ своимъ въ составленіи и изданіи календарей для всего малороссійскаго края.

Чтобы болѣе способствовать развитію изящнаго вкуса въ воспитанникахъ Академіи, митрополитъ Самуилъ повелѣлъ оффиціально открыть классъ рисовальный. Охотники до этого явились тотчасъ же: ибо любовь къ рисованью издавна была господствующею между студентами. Еще знаменитый нашъ путешественникъ Барскій отличался этимъ искуствомъ; онъ въ состояніи былъ снять до ста пятидесяти видовъ, плановъ и фасадовъ съ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ и зданій, и могъ отблагодарить своего благодѣтеля патріарха Сильвестра точнымъ снимкомъ всей Антіохіи и патріаршаго двора, а студенты Щирскій, Левицкій, Мигура, могли по справедливости назваться именемъ художниковъ. Самоучки живописцы любили разрисовывать такъ называемыя *конклюзіи*, любили отличаться составленіемъ виньетокъ и заглавныхъ листовъ къ книгамъ, подно-

симымъ обыкновенно во время диспутовъ почетнѣйшимъ изъ посѣтителей. Двадцатымъ пунктомъ инструкціи Рафаила Заборовскаго запрещено воспитанникамъ составлять рисунки (imagines) съ посвященіемъ знатнымъ особамъ,— знакъ, что дѣло это было имъ знакомо и искусниковъ такого ремесла было довольно. Самое назначеніе въ преподаватели рисовальнаго искуства въ настоящую пору воспитанника сей же Академіи *Якова Одинцова* показываетъ, что рисованье, еще до облеченія его въ оффиціальное званіе науки, не было между студентами какимъ нибудь малеваньемъ Гоголева кузнеца Вакулы, а подчинялось извѣстнымъ правиламъ и надлежащимъ пріемамъ.

Такимъ образомъ заботы просвѣщеннаго архипастыря видимо увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Кромѣ главныхъ изъ древле существовавшихъ наукъ, кромѣ усовершенствованія въ преподаваніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ Академіи читались алгебра, геометрія, механика, оптика, архитектура гражданская и рисовальное искуство.

Библіотека академическая, послѣ пожара 1780 года, находилась въ разстроенномъ положеніи. Хотя и умножалась она годъ отъ году отъ разныхъ пожертвованій любителей отечественнаго просвѣщенія: но надлежащаго порядка въ ней не было. Самуилъ не выпустилъ и этого изъ виду. Уволивъ отъ училищной должности іеромонаха *Амвросія* (Келембета), онъ 8 февраля 1784 года назначилъ его библіотекаремъ съ правомъ имѣть по прежнему заслуженное имъ мѣсто между учителями и пользоваться всѣми тѣми выгодами, какими пользовался доселѣ. Опредѣляя *Амвросія* на новую должность, митрополитъ предписалъ ему »принять всю библіотеку академическую въ свое »смотреніе, по описямъ, имѣющимся въ Академіи и стараться »привесть оную въ порядокъ наилучшій, и если описи книгамъ »окажутся неправильны, то сочинить новыя, показавъ особымъ »реэстромъ, въ чемъ открылась неисправность«. Въ помощь

новому библіотекарю Самуилъ велѣлъ назначить двухъ студентовъ богословія »прилежныхъ и способныхъ«. Такимъ образомъ и эта статья была очищена стараніемъ митрополита.

Оставалось теперь заняться должнымъ обеспеченіемъ студентовъ и наставниковъ. Имѣя подъ руками уже довольно значительныя средства къ содержанію воспитанниковъ, Самуилъ однажды навсегда уничтожилъ сборъ подаяній, вынуждаемый крайностію, но тѣмъ не менѣе бросавшій грустную и неблаговидную тѣнь на самое заведеніе. Наставники Академіи въ первый же годъ прибытія митрополита получили значительную по тому времени прибавку къ своему содержанію. Самуилъ съ 1784 года повелѣлъ отпускать изъ доходовъ Братскаго монастыря учителю философіи по 15 коп. на день; латинской реторики, русской словесности и поэзіи, равно и поэзіи латинской по 14 коп.; всѣмъ прочимъ по 13, предоставивъ имъ право получать эти деньги или понедѣльно или помѣсячно. Сверхъ этого велѣно было отпускать имъ »безъ всякаго удержанія«, дрова, хлѣбъ и огородные овощи, какіе заготовлены будутъ для братіи. Въ 1788 году нѣкоторые изъ учителей получили прибавочное жалованье[58], такъ что слѣдующаго года, благодаря щедротамъ Императрицы Екатерины II, наставники имѣли:

Профессоръ философіи, іеромонахъ *Амвросій*	250 р.
Учитель реторики, іеромонахъ *Викторъ*	200 —
и кромѣ того за библіотеку	50
Учитель піитики, іеромонахъ *Ириней*	160 —
да за математику	100 —
Учитель греческаго языка, іеромонахъ *Ааронъ* . . .	100 —
да за казначейство	50 —
Учитель латинской граматики, высшаго класса, *Ставицкій Иванъ*	130 —
Учитель латинской граматики, средняго класса, *Одинцовъ Яковъ*	120 —

да за ариөметику и рисовальный классъ. 50 р.
Учитель латинской граматики, низшаго класса, *Колтовскій Адамъ* . . . . 100 —
за еврейскій языкъ . . . . 50 —
да за французскій . . . . 100 —
Учитель нѣмецкаго языка, *Ремеръ* . . . . 200 —
Учитель исторіи, географіи и польскаго языка, *Сьмигиновскій Максимъ*. . . . . 150 —

Академія и въ это время не переставала находить между своими воспитанниками заграничныхъ выходцевъ. Сербія, Молдавія и Валахія, каждая въ свою очередь, высылали учениковъ, изъ которыхъ иные получали предварительное образованіе въ иноземныхъ школахъ и являлись въ кіевское училище, »яко процвѣтающее науками богословскими и иными знаніями«. Въ 1794 году поступилъ въ Академію съ Аөонской горы студентъ *Василій Папосъ*, обучавшійся прежде въ монастырѣ Зографѣ начаткамъ греческой и русской грамоты. Заботливый архипастырь обращалъ преимущественное вниманіе на этихъ прозелитовъ, понимая очень хорошо, что по выходѣ своемъ они далеко понесутъ добрую славу о пріютившемъ ихъ училищѣ.

Въ эту пору особенно много было требованій на студентовъ Академіи отъ разныхъ управленій. Сколько можно видѣть изъ скудныхъ остатковъ академическаго архива, то въ 1783 году вызваны были въ медикохирургическую академію *четыре* студента; въ 1788, по отношенію генералъ-фельдмаршала Потемкина, поступило въ елисаветградскій госпиталь *двадцать девять* человѣкъ; въ 1792 въ училища медицинскія *пятнадцать;* въ 1794 *четыре;* въ 1795—*тридцать*. Наконецъ требованія эти до того увеличились, что академическое начальство начало находить себя въ невозможности удовлетворять онымъ во всей силѣ; а студенты, имѣя въ виду другіе вызовы

въ общую гражданскую службу и на учительскія должности во вновь открываемыя народныя училища, неохотно поступали въ науку медицинскую. Въ 1795 году митрополитъ Самуилъ нашелся вынужденнымъ отвѣчать исправлявшему должность президента медицинской коллегіи В. П. Зиновьеву, что не только двадцати пяти вновь требуемыхъ студентовъ, но и одного желающаго не явилось, »а противъ воли и склонности ихъ, замѣчаетъ митрополитъ, убѣждать никакъ не можно«. Новозаводившіяся свѣтскія школы требовали неукоснительно наставниковъ; учрежденное для приготовленія ихъ Главное Народное Училище никакъ не могло поспѣшить выправкою и поставкою способныхъ преподавателей, и потому нужно было постоянно обращаться къ училищамъ духовнымъ и между прочимъ къ Кіевской Академіи съ просьбою о высылкѣ »честныхъ и способныхъ« воспитанниковъ. Не столько для изученія гимназическихъ наукъ, сколько для того, чтобъ присмотрѣться къ единообразному методу преподаванія, студенты поступали въ Главное Училище, и въ самое непродолжительное время выходили оттуда на службу. Тогдашній министръ графъ П. В. Завадовскій такъ отзывался о *сорока пяти* студентахъ Кіевской Академіи, высланныхъ въ Петербургъ 2 ноября 1786 года. »Между всѣми присланными къ должностямъ учительскимъ въ »коммиссію объ учрежденіи училищъ въ разныя времена и изъ »разныхъ духовныхъ семинарій, людьми наилучшими, способнѣйшими, а паче благонравнѣйшими оказывались всегда обу»чавшіеся въ Кіевской Духовной Академіи. Почему предпо»чтительно прочимъ и раздѣлены къ мѣстамъ, соотвѣтственно »пріобрѣтеннымъ и умноженнымъ здѣсь каждаго занятіямъ и спо»собностямъ. Отправляя настоящія свои должности съ приле»жаніемъ, искуствомъ и благоповеденіемъ, споспѣшествуютъ »они не мало народному къ симъ училищамъ довѣрію. Жи»тели губерніи с.-петербургской изъ числа тѣхъ, кои наиболѣе »пользу сихъ Монаршихъ заведеній возчувствовали, и потому »число училищъ по оной непрестанно возрастаетъ. Для до-

»ставленія сихъ учителей столько же благонравныхъ и спосо-»бныхъ прошу симъ ваше преосвященство, нѣтъ ли еще изъ »воспитывающихся или обучающихся подъ попечительнымъ »вашимъ призоромъ такихъ опять охотниковъ, кои бы къ сему »званію опредѣлить себя пожелали, имѣя впрочемъ потребныя »къ тому способности и довольные успѣхи въ наукахъ, у васъ »преподаваемыхъ. Если таковыхъ человѣкъ пятнадцать отьы-»щется, то ваше преосвященство много меня и училища здѣ-»шнія одолжите, когда ихъ ко мнѣ сюда отпустите«. Это было писано 4 октября 1789 года. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого Завадовскій снова писалъ къ митрополиту: »буде бы я небоялся »обременить вашу усердную преклонность, то еще просилъ бы »къ числу пятнадцати человѣкъ прибавить десять«. Въ слѣд-ствіе двухъ этихъ писемъ отправлены были въ Петербургъ *двадцать пять* человѣкъ, которые прибыли на мѣсто 1790 года, какъ это видно изъ благодарственнаго по сему случаю письма графа Завадовскаго къ митрополиту Самуилу[382]. Между тѣмъ въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, а потомъ и во всей Малороссіи, съ учрежденіемъ намѣстничества, были открываемы присутственныя мѣста по новымъ учрежденіямъ. Гражданское начальство немедленно обратилось преимущественно въ Кіевскую Академію съ требованіями о студентахъ, желающихъ поступить въ статскую службу. Свѣдавъ объ этомъ, воспитанники одни сами являлись къ мѣстному начальству съ просьбами о принятіи ихъ въ гражданское вѣдомство, другіе нарочно были командируемы отъ училища. Такъ въ 1784 году, по резолюціи Самуила, уволены изъ Академіи *двѣнадцать* человѣкъ, »какъ способные и склонные къ гражданской службѣ«; а въ 1795, по приглашенію генералъ-губернатора Т. И. Тутолмина, въ слѣдствіе сенатскаго указа, *тридцать* человѣкъ изъявили желаніе поступить въ статскую службу, и были раскомандированы къ разнымъ должностямъ въ минскую, изяславскую и брацлавскую губерніи. При открывшейся кампаніи съ турками и особенно поляками, студенты Академіи въ такомъ коли-

чествѣ свѣтскихъ поступать въ ряды воинскіе, что начальство вынуждено было ограничить ихъ стремленіе нарочитымъ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ формальностей.

Между тѣмъ поступали въ Академію и другія требованія со стороны военнаго и гражданскаго начальства. Въ 1785 году графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, по сообщенію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, требовалъ, чтобъ въ константинопольскую миссію, »по прежнему примѣру«, былъ отправленъ одинъ изъ здѣшнихъ студентовъ, »который бы имѣлъ въ себѣ потребныя качества, то есть, зналъ »бы граматики россійскаго и латинскаго языковъ«,— разумѣется, такихъ знатоковъ не трудно было найти и въ низшихъ школахъ Академіи; въ 1794, по требованію Румянцева же, назначены въ коммиссію военнаго суда, учрежденнаго надъ содержавшимися въ Кіевѣ поляками—арестантами »два ученыхъ и знающихъ« студента. Но слишкомъ повелительныя отношенія къ назначеннымъ академистамъ оберъ-коменданта Вигеля были причиною того, что митрополитъ едва не отозвалъ своихъ воспитанниковъ, и только по повторительному, неотступному прошенію согласился вновь отпустить ихъ съ довольно рѣзкимъ однакожь напоминаніемъ, чтобы судъ относился къ студентамъ »съ благопристойностію, которую заслуживаютъ просвѣщенные люди«. Приводимъ этотъ фактъ, какъ свидѣтельство отеческаго вниманія образованнаго архипастыря, и какъ доказательство того, что студенты тогдашней Академіи умѣли понимать себя и дорожили своей честью.

Апрѣля 10, 1786 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, которымъ повелѣно: при бывшемъ каѳедральномъ, кіево-софійскомъ монастырѣ помѣстить Главное Народное Училище кіевскаго намѣстничества, заводимое отъ коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ симъ предписано Академіи со всѣми принадлежащими къ ней заведеніями быть при

архіерейскомъ домѣ и Кіево-печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь обратить на главный госпиталь, по положенію[383].

Это была самая тяжелая пора для Академіи, справедливо предчувствовавшей конечное свое паденіе. Она напоминала ей ту пору, когда Петръ Могила хотѣлъ перевести ее въ Лавру. Двѣстѣ лѣтъ простояла она на томъ мѣстѣ, которое благословили патріархи Өеофанъ и Іеремія; двѣстѣ лѣтъ Кіево-подолъ украшался зданіями училищными. и жители его привыкли считать Братскій монастырь пантеономъ христіанскаго просвѣщенія,— и вдругъ должны увидѣть въ священныхъ стѣнахъ его уже не свѣжихъ, кипящихъ молодостью и жаждой къ познаніямъ юношей, а дряхлыхъ инвалидовъ или увѣчныхъ воиновъ, требующихъ только покоя и врачеванія. »Мы были подобны, пишетъ въ своихъ дневникахъ Ириней Фальковскій, онымъ сы»намъ Израиля, кои воспѣвали: *на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо »сѣдохомъ и плакахомъ«*. Всѣ имѣнія и угодья, принадлежавшія Братскому монастырю вмѣстѣ съ училищемъ, подаренныя ему и купленныя въ разныя времена, отобраны были въ казенное вѣдомство. Академія оставалась только при тѣхъ капиталахъ, которые имѣла отъ собственной економіи и отъ пожертвованій благодѣтелей... Впрочемъ тѣмъ же указомъ повелѣно было на содержаніе Академіи съ принадлежащими къ ней заведеніями отпускать ежегодно по *осьми тысячъ четыреста* рублей серебромъ, и потому въ 1789 году послѣдовалъ первый раздѣлъ между начальствующими жалованнаго оклада въ слѣдующемъ количествѣ:

За преподаваніе богословія	положено въ годъ . . .	300 р.
,, ,, философіи	,, ,, ...	250 —
,, ,, реторики	,, ,, ...	200 —
,, ,, піитики	,, ,, ...	160 —
,, ,, математики	,, ,, ...	100 —
,, ,, высшей граматики	,, ...	130 —

За преподаваніе	средней граматики	положено	въ годъ.		120 р.
,,	,,	низшей граматики	,,	,,	100 —
,,	,,	ариѳметики и рисованья	,,	,,	50 —
,,	,,	еврейскаго языка	,,	,,	50 —
,,	,,	французскаго языка	,,	,,	400 —
,,	,,	нѣмецкаго языка	,,	,,	200 —
,,	,,	польскаго языка	,,	,,	50 —
,,	,,	исторіи	,,	,,	50 —
,,	,,	географіи	,,	,,	50 —
,,	,,	библіотекарю . . .	,,	,,	50 —
,,	,,	казначею	,,	,,	50 —

Но все это мало утѣшало наставниковъ и питомцевъ Академіи. Съ трепетной надеждой ожидали они прибытія самой Государыни въ Кіевъ, положивъ вымолить у ней Высочайшую милость родному своему училищу. Наконецъ 28 генваря 1787 года услышали, что Державная Путешественница изволила прибыть въ г. Козелецъ, а на другой день имѣла обѣденный столъ въ Броварахъ. Въ четвертомъ часу по полудни Государыня переѣхала Днѣпръ и ступила на священную землю древле стольнаго града св. Владиміра. Но въ числѣ встрѣчавшихъ Императрицу сановниковъ не было главнаго, на котораго Академія полагала всю свою надежду. Митрополитъ Самуилъ былъ боленъ, и по этому мѣсто его занималъ Викторъ Садковскій, епископъ переяславскій[384].

Тѣмъ не менѣе посѣщеніе Великой было источникомъ общей радости и приснопамятнымъ событіемъ въ исторіи Кіева. Почти три мѣсяца Екатерина благоволила пробыть здѣсь, окруженная великолѣпіемъ, невиданнымъ со временъ равноапостольнаго Владиміра и мудраго Ярослава. Окруженная европейскими знаменитостями, она въ лучахъ славы и величія свѣтилась между всѣми, какъ солнце между планетами. Тутъ были сыновья Ираклія, царя грузинскаго, послы иноземныхъ дер-

жавъ, депутаты персидскіе, лезгинскіе и съ границъ Константинополя. »Боже мой! восклицаетъ принцъ де Линь, находившійся тогда въ свитѣ Императрицы. Какая суматоха! сколько »алмазовъ, золота, кавалерій и лентъ! Сколько цѣпей, чалмъ и »красныхъ колпаковъ, мѣхами обшитыхъ и остроконечныхъ! »Они принадлежатъ лезгинцамъ, которые пріѣхали депутатами, »такъ такъ и многіе другіе подданные границъ великой стѣны »Имперіи Китайской, также съ границъ Персіи и Византіи. Это, продолжаетъ де Линь съ свойственнымъ ему остроуміемъ: не »много важнѣе, чѣмъ нѣсколько депутатовъ отъ парламента, »или чины какого нибудь маленькаго городка, пріѣзжающіе за »двадцать миль въ почтовой каретѣ въ Версаль сдѣлать изъ »себя глупое представленіе. Людовикъ XIV позавидовалъ бы »сестрѣ своей Екатеринѣ II. Сыновья кавказскаго царя Ира»клія, которые находятся здѣсь, доставили бы ему больше удо»вольствія, нежели пять или шесть старыхъ кавалеровъ ордена »св. Людвика. Двадцать архіепископовъ (archévêques)[355] съ бо»родами почти до колѣнъ представляютъ видъ гораздо болѣе жи»вописный, нежели маленькій галстухъ съ лопастями гладко вы»бритаго милостынераздаятеля королевскаго[356]«. Царскій садъ, гдѣ на мѣстѣ сгорѣвшаго каменнаго построенъ былъ на этотъ случай деревянный дворецъ[357], въ которомъ изволила остановиться Августѣйшая Гостья[358], не смотря на зимнюю пору, сдѣлался тѣсенъ отъ прилива народа, который толпами провожалъ Державную свою повелительницу повсюду, послѣ того, какъ Она милостиво благоволила замѣтить пустоту на улицахъ[359].

Благочестивая Государыня въ самый день прибытія своего изволила присутствовать въ Лаврской соборной церкви, при совершеніи молебствія, и потомъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ тамъ почивающихъ угодниковъ. Въ трехмѣсячное свое пребываніе въ Кіевѣ, Екатерина II чаще и болѣе всѣхъ прочихъ мѣстъ благословеннаго града посѣщала святую Лавру,

и въ тоже время пожаловала парчевые, обложенные гасомъ и бахрамою съ кистями золотыми и серебряными покровы на мощи всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, почивающихъ въ обѣихъ пещерахъ и въ соборной церкви, а также напрестольный крестъ. Въ Софійскій соборъ принесены Ею въ даръ золотые сосуды: потиръ, дискосъ и пр. а въ Михайловскій монастырь золотая лампада съ богатой бриліантовой подвѣской къ ракѣ св. Великомученицы Варвары. Благоговѣя къ памяти родоначальника россійскихъ князей и государей, просвѣтителю русскаго народа, святому и равноапостольному князю Владиміру, Императрица Екатерина въ слѣдующемъ же году благоволила прислать въ Лавру золотую лампаду съ кистью, состоящую изъ бриліантовъ и жемчужныхъ зеренъ[390], находящуюся нынѣ предъ гробомъ, гдѣ хранится глава св. Владиміра. Кромѣ этого Государыня принесла въ даръ паникадило изъ чистаго серебра и самой высокой работы, занимающее теперь главное мѣсто въ соборной Лаврской церкви предъ царскими вратами[391].

Митрополитъ Самуилъ, оправившійся нѣсколько отъ болѣзни, не упустилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и вошелъ къ Государынѣ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ о любимомъ своемъ училищѣ. Ходатайство его имѣло полный успѣхъ. Имяннымъ указомъ отъ 15 марта 1787 года, послѣдовавшимъ на имя митрополита Самуила, повелѣно 1) оставить Академію навсегда на прежнемъ мѣстѣ, исправить всѣ находящіяся тамъ строенія, а о необходимыхъ въ послѣдствіи постройкахъ имѣть попеченіе между прочимъ и генералъ-губернатору. 2) Такъ какъ монастырь Братскій оставался все еще упраздненнымъ, то повелѣно, для служенія въ академической Богоявленской церкви, брать по очереди и по разсмотрѣнію митрополита изъ монаховъ Кіево-печерской Лавры. 3) Для академическихъ разнаго званія служителей оставить при Академіи конюшенный бывшаго Братскаго монастыря домъ, а для выгрузки изъ воды и храненія дровъ и прочаго находящійся при Днѣпрѣ такъ на-

зываемый *броварный домъ*, освободя ихъ отъ постоя; равнымъ образомъ приказано отвести къ Академіи загородній дворъ и выгонную землю противъ второкласныхъ монастырей. 4) Оставшееся подлѣ каменной колокольни бывшаго Братскаго монастыря каменное строеніе, ему принадлежавшее, оставить въ пользу Академіи съ починкою его на академическую сумму и для обращенія въ прибыль оной отдачею въ наймы; что же касается до означенія мѣста Академіи на всѣ ея строенія и до очищенія отъ соляныхъ лавокъ: то это распоряженіе оставлено до общаго плана всѣмъ частямъ города Кіева. 5) Повелѣно построить на академическую сумму при студентскомъ каменномъ домѣ каменную больницу, и для этого распространить тотъ домъ по мѣрѣ надобности и сдѣлать каменную около всего зданія ограду. 6) При Академіи завесть типографію для печатанія книгъ, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, учредивъ ее въ Кіево-печерской Лаврѣ, съ строгимъ однакожъ наблюденіемъ, чтобъ изъ оной не выходили книги, противныя православной вѣрѣ, или наполненныя нелѣпыми заблужденіями, просвѣщенію и добрымъ нравамъ несходственными. 7) Священническихъ и діаконскихъ дѣтей, обучающихся въ Академіи и достигшихъ въ высшихъ классахъ ученія съ добрымъ успѣхомъ и поведеніемъ, отпускать въ народныя училища, для помѣщенія по ихъ способности въ учители, въ медицинскую науку и въ университеты, смотря на склонность ихъ. 8) На содержаніе Академіи и ея пансіонеровъ, сверхъ получаемой суммы, прибавлено еще по *шестисотъ* рублей въ годъ. 9) Находящаяся въ Переяславѣ семинарія оставлена въ полной зависимости отъ Академіи. 10) Повелѣно на счетъ академической суммы, по разсмотрѣнію митрополита, посылать студентовъ въ иностранные университеты для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, дабы Академія могла снабдить себя искусными учителями. 11) Такъ какъ въ указѣ отъ 10 апрѣля 1786 года повелѣно держать въ Кіево-печерской Лаврѣ, въ числѣ монашествующихъ, половину ученыхъ, приготовляемыхъ для высшихъ степеней: то ми-

трополиту предоставлено изъ остатковъ суммы, положенной на Лавру, удѣлять на прибавку окладовъ монашествующимъ, кои будутъ отличаться особенными успѣхами[392].

Съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ Академія Державную свою Благотворительницу, чтобъ повергнуть къ стопамъ Ея чувства глубочайшей признательности, — и ожиданіе ученаго Братства осуществилось. Апрѣля 11 Государыня изволила присутствовать въ академической Богоявленской церкви, осыпаемая благословеніями ликовствовавшихъ юношей. Ректоръ Академіи *Варлаамъ* привѣтствовалъ Монархиню слѣдующею рѣчью:

»Всемилостивѣйшая Государыня! Виноградъ сей, Высочайшаго Вашего посѣщенія удостоенный, есть насажденъ благословенною десницею великаго и святаго князя Владиміра. »Первыя его вѣтви были слабы и малочисленны. Но любомудріе и ревность къ просвѣщенію великаго Ярослава подкрѣпили и распространили ихъ. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ »онѣ увяли; но при возсіяніи радостныхъ дней оживотворились »и процвѣли.

»Безсмертный Петръ I росою обильныхъ своихъ щедротъ »напоилъ, а возрастить и сладчайшими плодами, отъ нихъ прозябающими, Церковь Христову обогатить премудрыми судьбами »Вышняго предоставлено Вашему Императорскому Величеству. »И такъ со благоговѣніемъ мы признать и воскликнуть должны:

»Владиміръ насади, Ярославъ распространи, Петръ напои, »а премудрая Екатерина II возрасти и утверди.

»Толь милосердый и попечительный Вашего Императорскаго Величества о семъ виноградѣ промыслъ, толь высокое »покровительство содѣлали, что вѣтви въ немъ произрастающія »со дня на день умножаютъ свои плоды.

»Сердца ихъ нынѣ пылаютъ открыть нѣкоторые хотя са-»мые малѣйшіе знаки своей безпредѣльной благодарности.

»Удостойте, Благоутробнѣйшая Матерь! милостиваго Вашего »благоволенія, великодушія и снисхожденія«[393].

Изъявивъ Всемилостивѣйшее свое благоволеніе ректору, Государыня изволила слушать за тѣмъ студентовъ и учениковъ, произносившихъ на разныхъ языкахъ рѣчи и оды. Слѣдствіемъ сего Монаршаго посѣщенія были новыя благодѣянія, излитыя на училище Екатериною II. Ректоръ Академіи получилъ тогда 1,000 рублей; префектъ съ учителями 2,250 руб., а казенные воспитанники 1,200 рублей.

А между тѣмъ городъ кипѣлъ и шумѣлъ отъ торжествъ и увеселеній. Пиры слѣдовали за пирами, праздники за празд-никами; потѣшные огни и иллюминаціи озаряли горы и удоліи Кіева невиданнымъ дотолѣ блескомъ.

Древній градъ, гдѣ Первозваннымъ
Крестъ спасенья водруженъ,
Вновь явился увѣнчаннымъ,
Вновь явился озаренъ.
Днѣпръ средь прочихъ рѣкъ счастливый,
Днѣпръ струями горделивый
Въ берегахъ своихъ взыгралъ,
Восхищался въ изумленьи,
Что планеты сей теченье
Онъ собою провождалъ[394].

По увѣренію принца де Линь, одинъ изъ фейерверковъ, сожженныхъ въ это время, стоилъ *сорокъ тысячъ* рублей[395]. Такъ Державная Повелительница сѣвера показывала сіяніе славы и могущества своего предъ окружавшими Ее представителями царствъ иноземныхъ!

Но »протекли нечувствительно тѣ пріятнѣйшіе, тѣ восхи»тительнѣйшіе часы и минуты,« въ которые кіевляне наслаждались свѣтомъ Матерняго и Монаршаго лицезрѣнія Екатерины II. »Нынѣ, говорилъ митрополитъ Самуилъ въ прощальной рѣчи своей »Государынѣ, Великое свѣтило дня счастія нашего вѣка и грядущихъ времянъ возженное обращаетъ свои благотворные лучи »на другіе благословенные своего владычества предѣлы. Коль »сіе для насъ горестно и поразительно! Чувствуемъ совершенно, »но изобразить ничѣмъ не можемъ. Апостолъ Павелъ желалъ »закрыть очи свои отъ дневнаго свѣта, какъ только облисталъ »его невечерній свѣтъ, отъ явленія Христа Спасителя нашего »возсіявшій. Мы толикое время лучами Августѣйшія Помазанницы Вышняго озаряемые, нынѣ лишаясь сего счастія, »восхощемъ ли съ пріятностію взирать на солнечное сіяніе? »Едино то услаждаетъ нашу горесть, что божественный Твой »зракъ, живо въ сердцахъ и душахъ нашихъ начертанный, »пребудетъ съ нами неотъемлемо; что лучи Твоего Монаршаго »вниманія проницаютъ во всѣ внутренности и самыхъ отдаленнѣйшихъ Твоея державы концевъ; что Матернее Твое чело»вѣколюбіе не ограничивается никакими предѣлами. Праведный »Симеонъ, узрѣвъ во храмѣ Господнемъ Творца своего, съ ми»ромъ окончилъ жизнь свою. Мы, сподобившіеся созерцать въ »сихъ предѣлахъ священнѣйшее лице Виновницы всѣхъ нашихъ »благъ, будемъ провождать остальные дни наши въ спокойствіи »и тишинѣ; воспоемъ милости Твоя во вѣкъ; возвѣстимъ ще»дроты Твоя, преизобильно на насъ изліянныя, всему роду грядущему; пролiемъ горячія молитвы къ Всевышнему, да со»провождая благословеніемъ своимъ священныя Твои стопы въ »путехъ Ему угодныхъ, хотя многотрудныхъ, ведущихъ къ от»верзенію вратъ благополучія нашего, сохранитъ Тебя въ во»жделеннѣйшемъ здравіи всесильною своею десницею. Токмо »со всеглубочайшимъ смиреніемъ молимъ Тебя, благоутробнѣй»шая Матерь отечества, ублажившая благоволеніемъ своимъ

»градъ сей, *да будутъ очи твои на него отверсты и сердце »твое въ немъ, во вся дни живота твоего*«[396].

»Отецъ небесный, говорилъ другой ораторъ, типографъ Кіево-печерской Лавры, соборный старецъ *Θеофанъ*, въ кото»раго лицѣ благотвориши намъ, да приложитъ Тебѣ дни на дни, »и да продолжитъ благополучныя лѣта твои до дне рода и »рода«[397].

Наконецъ пушечною пальбою возвѣщено было вскрытіе Днѣпра. Въ нѣсколько дней онъ совсѣмъ очистился отъ льдовъ, покрывавшихъ его свѣтлыя воды, и 22 апрѣля толпы народа покрывали высокіе берега его. На Днѣпрѣ, прямо противъ нынѣшней бурсы, стояло восемьдесятъ судовъ съ тремя тысячами экипажа: но вниманіе всѣхъ обращено было на богатыя галеры, назначенныя для Государыни и блистательной ея свиты. Каюты на этихъ галерахъ были убраны китайскою тафтой съ диванами; на палубахъ виднѣлось по двѣнадцати человѣкъ музыкантовъ, и Императорскій флагъ игралъ по волѣ вѣтра на мачтѣ великолѣпнѣйшей изъ галеръ[398]. Вдругъ все пришло въ движеніе. За блестящей колесницей, вмѣщавшей въ себѣ Державную Путешественницу, слѣдовали длинной вереницей экипажи, въ которыхъ помѣщалась свита Ея Величества. Было за полдень. Монархиня, одѣтая въ распашное платье голубаго цвѣта съ серебряными шнурками, взошла на одну изъ галеръ, стоявшихъ посреди Днѣпра, гдѣ изволила имѣть обѣденный столъ, и въ два часа по полудни священныя воды древняго Борисѳена вспѣнились, унося Державную Гостью далеко отъ Кіева. Безчисленное множество челноковъ и лодокъ, украшенныхъ красными флагами, громкое *ура* народа, стоявшаго на всѣхъ возвышеніяхъ, сопровождали обожаемую Монархиню[399].

Облагодѣтельствованная Государынею Академія съ радостію увидѣла умноженіе своего благосостоянія. Въ 1783 году въ

пользу ея положилъ въ Государственный Заемный Банкъ Симоновскаго монастыря архимандритъ *Амвросій Андріевскій* 1,800 рублей, и кромѣ того 1,000 въ Сохранную казну для обращенія изъ процентовъ; придворный протодіяконъ *Михаилъ Алексѣевъ* внесъ 1,000 рублей; ректоръ Кіевской Академіи архимандритъ *Іеронимъ Блонскій* 2,000.

Какъ добрый домохозяинъ, имѣвшій въ непосредственномъ своемъ завѣдываніи всю академическую економію, Самуилъ немедленно приступилъ, согласно Высочайшему повелѣнію, къ обновленію и перестройкѣ нѣкоторыхъ училищныхъ зданій. Еще въ 1784 году донесено было ему, что глава на конгрегаціонной церкви отъ бури тронулась съ мѣста болѣе чѣмъ на аршинъ и клонится къ паденію. Тогда же Самуилъ приказалъ разобрать обветшалую главу и приступить къ перестройкѣ: но дѣло это такъ и оставалось до 1787 года. Въ настоящее же время конгрегаціонная церковь обновлена и возстановлена была вполнѣ. Въ томъ же году поправлены всѣ академическія службы: людскія жилыя комнаты, сараи, конюшни и проч.; сломаны прежнія деревянныя поварни и вмѣсто ихъ поставлены каменныя; построены учительскія комнаты и передѣлана каменная монастырская ограда по западной сторонѣ.

Но въ то самое время, когда митрополитъ и академическое начальство такъ заботились о благосостояніи училища, кіевскій магистратъ не переставалъ дѣйствовать во вредъ и къ ущербу Академіи. Не смотря на Высочайшее повелѣніе, по которому, какъ мы уже видѣли, каменное зданіе, находившееся близъ Братской колокольни, обращено въ число доходныхъ статей училища, магистратъ, въ слѣдующемъ же 1788 году, началъ постройку соляныхъ лавокъ какъ разъ насупротивъ академическаго зданія. По сношенію митрополита съ генералъ-губернаторомъ С. Е. Ширковымъ, магистрату тогда же было воспрещено это. »Но »чѣмъ меньше съ того времени, говорится въ докладѣ, Акаде-

»мія отъ онаго магистрата поверхно или наружно стала быть »утѣсняема, тѣмъ вящшую начала чувствовать скрытную для »себя обиду и разореніе«. Магистратъ распорядился провести подземный каналъ для стока дождевой воды подъ самымъ тѣмъ строеніемъ и Братской колокольней, направивъ тудаже воду изъ Фелиціановскаго канала. Очевидно, что кромѣ постоянной сырости и неудобства отдать въ наймы обыкновенно подъ складъ соли, означенныя строенія и колокольня подвергались крайней опасности. Академія относилась объ этомъ въ магистратъ, съ просьбою отвести каналъ на другую сторону улицы: но магистратъ отозвался, что въ погребахъ тѣхъ строеній накопляется вода не отъ стока, а поднимается изъ подъ земли. Вычерпывая не разъ воду, академическое начальство снова входило въ магистратъ съ тою же претензіей: но и на сей разъ не получало надлежащаго удовлетворенія. Тогда вступился въ это дѣло самъ митрополитъ, и по распоряженію генералъ-губернатора Ширкова каналъ отведенъ »на другую сторону мостовой улицы мимо »Житнаго торга въ таковой же, что по Духовской улицѣ«.

Такъ трудился высокій протекторъ для пользы воспитавшаго его училища, и не безплодны были труды его. Академія быстро двинулась къ совершенству и пошла рядомъ съ лучшими заведеніями въ нашемъ отечествѣ.

Въ послѣдній годъ жизни митрополита Самуила сотрудниками его, по образованію юношества и наставниками Академіи были слѣдующіе:

Слоницкій Ѳеофилактъ, ректоръ и профессоръ богословія.

Корчановъ Аѳанасій, вице-ректоръ, профессоръ философіи.

Фальковскій Ириней, помощникъ ректора по каѳедрѣ профессорской, и сверхъ того преподаватель смѣшенной математики.

Ставицкій Иннокентій, помощникъ вице-ректора по каѳедрѣ философіи и префектъ.

Лагановскій Іакинѳъ, учитель латинской реторики и библіотекарь.

Соколовскій Никита, учитель высшаго краснорѣчія, исторіи и географіи.

Логвиновъ Павелъ, учитель россійскаго нижняго краснорѣчія, нѣмецкаго языка и чистой математики.

Семеновскій Михаилъ, учитель латинской поэзіи.

Козачковскій Осипъ, учитель высшаго класса граматики.

Шехновскій Григорій, учитель средняго класса граматики и ариѳметики.

Иванишевъ Димитрій, учитель нижняго класса граматики и еврейскаго языка.

Бѣловольскій Иванъ, студентъ богословія, учитель рисовальнаго искуства.

Семяновскій Стефанъ, студентъ богословія, учитель еллиногреческаго языка.

Невяровскій Иванъ, студентъ богословія, учитель польскаго языка.

Должность медика отправлялъ іеромонахъ *Ипатій*, обучившійся врачебной наукѣ въ московской медико-хирургической академіи.

Число воспитанниковъ, значительно уменьшившееся въ послѣдніе годы архипастырства Гавріилова, быстро начало возрастать, и къ концу сей эпохи въ Академіи считалось уже *девятсотъ пятдесятъ* учениковъ, изъ коихъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей было *четыреста двадцать шесть*, а разночинческихъ *пятьсотъ двадцать четыре*.

Эпоха архипастырства митрополита Самуила достопамятна для Кіева и въ іерархическомъ отношеніи. При немъ послѣдовало преобразованіе кіевской епархіи въ штатное положеніе; ибо хотя еще до учрежденія св. Синода, она, по отношенію

къ іерархическому управленію, время отъ времени подводима была подъ общія правила и законы съ духовенствомъ великороссійскимъ, и хотя указомъ 1722 года положено и въ ней штатное число бѣлаго духовенства: но малороссійскіе архіереи удерживали еще свои древнія вольности и обычаи какъ въ распоряженіи духовенствомъ, такъ и въ способахъ управленія и содержанія онаго. Самое духовенство, имъ подвѣдомственное, пользовалось еще отличными правами и преимуществами, жалованными ему отъ литовскихъ князей и польскихъ королей, какихъ не имѣло духовенство великороссійское[400].

Не касалось досслѣ малороссійскихъ епархій и Высочайшее распоряженіе, послѣдовавшее еще 29 февраля 1764 года, объ отобраніи имѣній отъ монастырей и архіерейскихъ домовъ. Уже въ 1786 году 10 апрѣля состоялся Высочайшій указъ, которымъ повелѣно всѣ находящіяся въ намѣстничествахъ кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ за архіерейскими домами, Кіево-печерской Лаврой и прочими монастырями земли и угодья принять въ вѣдомство директоровъ домоводства тѣхъ намѣстничествъ и оными управлять на такомъ же основаніи, какъ и прочія въ вѣдѣніи помянутыхъ директоровъ деревни управляются[401]. Въ слѣдствіе сего, какъ оказалось по тогдашнимъ вѣдомостямъ, отошло отъ малороссійскихъ монастырей кіевской епархіи и митрополитскаго дома 42086 душъ мужеска пола крестьянъ и слугъ въ одной кіевской губерніи[402], и 20396 душъ въ новгородъ-сѣверской Вслѣдъ за симъ по послѣдовавшему указу[403], кіевскій митрополитъ сравненъ жалованнымъ окладомъ съ московскимъ, а Кіево-печерская Лавра съ Троицко-сергіевскою, при чемъ повелѣно распорядить такъ число монашествующихъ, чтобъ одна половина ихъ была изъ ученыхъ, приготовляемыхъ къ высшимъ духовнымъ степенямъ, а другая для служенія по монастырю и архіерейскому дому; каѳедральный Софійскій монастырь переименовать Кіевскимъ Софійскимъ соборомъ, опредѣливъ къ нему протопопа и про-

чихъ священноцерковнослужителей, съ окладомъ на равнѣ съ московскимъ Архангельскимъ соборомъ. Печерская Лавра также подчинена митрополиту, которому повелѣно именоваться *священноархимандритомъ* оной съ правомъ непосредственнаго управленія и полученія извѣстнаго архимандритскаго оклада. Вмѣстѣ съ этимъ Самуилъ отмѣнилъ прежнее титулованье малороссійскихъ архіереевъ: *ясне въ Богу преосвященство* на обыкновенное, употребляемое въ великой Россіи, и согласно Высочайшей волѣ переименовалъ кіевскую консисторію въ дикастерію.

Православіе, успокоенное подъ державою могущественнѣйшей Монархини и подъ управленіемъ ревностнаго архипастыря, все еще продолжало быть предметомъ гоненій въ томъ краю Малороссіи, который оставался подъ владычествомъ польскимъ. Гидра изувѣрства, лишенная уже многихъ своихъ главъ, все еще имѣла довольно ихъ, чтобъ изрыгать біпеный ядъ свой на беззащитныхъ сыновъ церкви восточной; снисхожденіе русской Императрицы какъ будто ободряло вѣроломное правительство Польши. Коммиссія 1774 года не только ничего не сдѣлала въ пользу диссидентовъ, но даже не была открыта. Напрасно Государыня истощала миролюбивыя мѣры, чтобъ успокоить волнуемый гоненіями край; съ согласія польскаго короля, она въ 1785 году опредѣлила туда особаго епископа, съ званіемъ коадъютора кіевской митрополіи, »для удобнѣйшаго, какъ сказано въ указѣ, охраненія исповѣдающихъ законъ нашъ бла»гочестивый въ Польшѣ«; позволила ему даже дать присягу королю польскому, что и было исполнено епископомъ нашимъ въ Тульчинѣ при послахъ иностранныхъ и россійскомъ; исходатайствовала для него привиллегіи, утвержденныя королемъ 7 мая 1787 года; повелѣла снабдить епископа копіями со всѣхъ договорныхъ актовъ между Россіей и Польшей, выпискою всѣхъ правъ и привиллегій, издревле жалованныхъ православнымъ отъ тамошняго правительства и справкою о всѣхъ церквахъ и монастыряхъ съ 1717 года захваченныхъ уніатами; уполномо-

чила его сноситься со всѣми тамошними духовными и гражданскими начальствами и съ русскимъ посломъ въ Варшавѣ о всякихъ обидахъ и притѣсненіяхъ; позволила вмѣстѣ съ нимъ являться на сеймы и въ нужныхъ случаяхъ требовать наставленія отъ своего митрополита; въ духѣ вѣротерпимости и миролюбія повелѣла укрощать православное духовенство, не допуская его до состязаній, а для распространенія просвѣщенія учреждать училища; къ спорнымъ съ уніатами церквамъ не производить до времени священниковъ[104]: но всѣ сіи кроткія и миролюбивыя мѣры оставались безуспѣшны. Жалобы не прекращались, а удовлетворенія по нимъ не было никакого. Закоренѣлая неприязнь была удерживаема только страхомъ русскаго оружія. Но когда къ осени 1787 года Турція, а въ слѣдующемъ году и Швеція объявили войну Россіи: то въ Польшѣ и Литвѣ открылись уже явныя притѣсненія православнымъ. Въ октябрѣ 1788 года состоялся четырехлѣтній сеймъ, и сеймовая конфедерація издала самыя враждебныя постановленія, подъ тѣмъ предлогомъ, что будтобы православное духовенство поджигаетъ народъ къ бунту, и само приготовляетъ для возмутителей копья, ножи и другое оружіе. Начались обыски по всѣмъ монастырямъ, по церквамъ, по домамъ; не щадили святыни могилъ, въ которыхъ думали найти какое-то оружіе; наложили тяжкую подать на монастыри, потребовали новой присяги отъ всего духовенства; запретили угнѣтеннымъ писать письма къ Россію и даже къ своему епископу Виктору; не велѣли поминать въ молитвахъ церковныхъ кого бы то ни было изъ заграничныхъ государей, и насильно вторгались въ монастыри, которые по какой либо надобности оставляемы были на самый краткій срокъ своими настоятелями. Къ довершенію всего, схватили на дорогѣ епископа Виктора со всѣми членами консисторіи, заковали въ кандалы и отправили въ несвижскую крѣпость подъ стражу[105]. Ужасъ объялъ тогда всѣхъ православныхъ; священники покидали свои приходы, и Кіевъ снова увидѣлъ въ предѣлахъ своихъ разоренныхъ и ограблен-

ныхъ служителей алтаря, испрашивающихъ себѣ насущнаго пропитанія.

Не легче было и другимъ диссидентамъ, жившимъ тогда въ тѣхъ краяхъ; оскорбленія, имъ причиняемыя, возбудили наконецъ негодованіе всѣхъ сосѣднихъ государей. Король прусскій 1788 года издалъ противъ Польши декларацію, и тогда же занялъ своими войсками Торунь и Данцигъ, принадлежавшіе коронѣ польской. Грозная туча приближалась, и мятежная Польша, предчувствуя свою гибель, старалась оградить себя то новыми конфедераціями, то установленіемъ конституціи, посѣявшей раздоръ между самыми представителями правительства[406], то избраніемъ въ короли саксонскаго курфирста вмѣсто Станислава Августа, то просьбами пособія отъ французовъ, уже поднявшихъ кровавое знамя страшной революціи. На погибель Польши, Россія въ 1790 году заключила миръ съ Швеціей, а черезъ годъ и съ Турціей. Тогда побѣдоносное оружіе Екатерины II все сполна обратилось для унятія мятежнаго сосѣда; русскія войска вступили въ Польшу съ одной стороны, а прусскія съ другой, и въ непродолжительномъ времени Россія возвратила себѣ древнія свои области: подольскую, половину волынской и минскую.

Слѣдствіемъ пріобрѣтенія означенныхъ областей было то, что не только угнѣтенные православные получили полную свободу и защиту: но и многіе уніаты изъявили желаніе присоединиться къ церкви восточной. Для этой цѣли, по имянному указу 16 мая 1794 года, Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о снабженіи минскаго архіепископа Виктора духовными людьми, способными исполнять святое дѣло присоединенія совращенныхъ съ пути праваго обманомъ и насиліемъ,— и черезъ годъ болѣе милліона людей вступили въ нѣдра церкви истинной, и болѣе двухъ тысячъ трехсотъ церквей возвращено православію.

Но кроткая и противъ ожесточенныхъ враговъ Россіи Екатерина Великая не желала стѣснять свободу совѣсти. Еще въ гродненскомъ трактатѣ 11 іюля 1793 года съ польскимъ сеймомъ седьмою статьею Императрица предоставила »обоихъ церковныхъ обрядовъ католикамъ пользоваться во всей имперіи россійской полнымъ и свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, при спокойной принадлежности преимуществъ, собственностей и церквей и при всѣхъ правахъ, принадлежащихъ къ свободному отправленію Богослуженія и церковнаго порядка. Указомъ 12 декабря того же года Она даже предоставила уніатскому духовенству полное распоряженіе по своему вѣдомству наравнѣ съ римско-католическимъ.

Но и такое снисхожденіе Монархини не было понято мятежнымъ народомъ. Разсѣевая возмутительныя идеи даже между жителями присоединенныхъ областей, карбонары и пропаганда открыли страшный бунтъ въ самой Варшавѣ, грозившій обнять собою всѣ уже отшедшіе отъ короны города. Но явился непобѣдимый Суворовъ,—и облитыя кровью Прага и Варшава были послѣдней жертвой изчезнувшей самостоятельности королевства. Двѣ тысячи сто восемдесятъ квадратныхъ миль съ тремя стами тридцатью двумя городами и мѣстечками, съ тысячью тремя стами двадцатью двумя селеніями и почти двумя милліонами жителей поступили во владѣніе древнихъ своихъ владыкъ—царей русскихъ. Польскій король Станиславъ Августъ выѣхалъ въ Гродно, и тамъ сложилъ съ себя корону 1795 года; а непокорные и мятежные остатки войскъ перешли въ службу къ Наполеону, который въ награду за такое ихъ усердіе большую часть изъ нихъ отправилъ въ Америку на островъ Сенъ-Доминго, гдѣ они почти всѣ погибли.

Исполнилась наконецъ мѣра долготерпѣнія Божія. Кровь столькихъ невинныхъ жертвъ, вопіявшая на небо, отомщена, и гнѣздо крамолъ и мятежей разорено. Римско-католическое

и уніатское духовенство, не умѣвшее пользоваться снисходительностію и кротостію русскихъ монарховъ, должно было испытать справедливое наказаніе за свое изувѣрство и жестокость. По присоединеніи къ Россіи всей Литвы и по образованіи въ ней православныхъ каѳедръ, уніатскія епархіи волынская, пинская и литовская были упразднены, монастыри уніатскіе повелѣно уменьшить и запрещено уніатамъ постригать монаховъ; уніатскаго же митрополита Ѳеодосія Ростоцкаго, равно какъ и прочихъ епископовъ указано отрѣшить отъ должностей съ назначеніемъ имъ пенсіоновъ. Такимъ образомъ вся уніатская іерархія дождалась своего разрушенія и въ теченіи пятнадцати лѣтъ послѣ сего уже не имѣла своего митрополита.

Мудрый и многодѣятельный архипастырь Самуилъ не увидѣлъ однакожъ окончанія великихъ дѣлъ, ознаменовавшихъ его служеніе. Онъ скончался 8 генваря 1796 года. Черезъ пять дней надъ гробомъ его знаменитый нашъ витія Леванда, при общемъ рыданіи всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ св. Софіи, восклицалъ: »Пріидите, учащіеся сироты! отдайте послѣднее »цѣлованіе вашему руководителю, просвѣтителю, покровителю! »Послѣдній разъ вы видѣли его усердіе, его милосердіе къ »вамъ; мысли и попеченія его о васъ скрываются съ нимъ во »гробъ. Пріидите нищіе, меньшая братія Христова! отдайте »послѣднее цѣлованіе вашему сострадателю, человѣколюбцу, »миловатслю. Онъ въ послѣднее простиралъ руки свои на об»легченіе вашего тягостнаго жребія, щедрота его вселяется »съ нимъ во гробъ. Пріидите невинные, оправданные на судѣ! »отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣши»телю, вашей невинности оправдателю, избавителю: готовность »сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите, »наслаждавшіеся въ паствѣ сей правленіемъ кроткимъ, немздо»имнымъ, нелицепріятнымъ, отдайте послѣднее цѣлованіе ва»шему пастырю! Кротость и благость сія познала западъ свой, »удаляется съ пастыремъ во гробъ. Пріидите, вѣры побор-

»ники, истины Христовой ревнители, добродѣтелей Христовыхъ »подражатели! отдайте послѣднее цѣлованіе сему рѣдкому любителю Христа, рачителю истины Его, вѣры, терпѣнія, благотворенія, правилъ его послѣдователю: все сіе сокровище »сердца его сокрывается отъ очей нашихъ въ сей мрачный »гробъ. Свѣтильникъ, возженный для свѣта, горѣвшій и свѣтившій доселѣ, нынѣ для наведенія мрака, полагается подъ »спудъ; остается имя любимое и память благъ, пресѣкшихся »съ жизнію[107]«. Такъ говорилъ краснорѣчивый витія, и слово его было истинно, ибо всѣ изчисленныя имъ достоинства во всей полнотѣ украшали приснопамятнаго іерарха кіевскаго, и память его донынѣ живетъ съ похвалами, какъ память праведнаго. Но и съ жизнію не угасла благотворительность высокаго протектора къ воспитавшему его самаго училищу. Черезъ восемь мѣсяцевъ, по кончинѣ его, когда вскрыто было духовное завѣщаніе, то нашли, что онъ жертвуетъ на Академію *двѣ тысячи* рублей. Истинны и нелестны слова Рубана о Самуилѣ:

И кіевскій Парнассъ, возобновленъ тобою,
Блаженствовалъ, хвалясь, ведя счастливы дни,
Монаршихъ и твоихъ щедротъ цвѣтя въ тѣни[108].

Извѣстнѣйшіе воспитанники, вышедшіе изъ школы Самуила Миславскаго, суть слѣдующіе:

Андріевскій Иванъ Самойловичъ. Онъ былъ сынъ священника, и по поступленіи въ Академію, постепенно проходилъ всѣ низшіе классы. Достигнувъ философіи, *Андріевскій* посланъ былъ въ Москву, и какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ, уже достаточно приготовленный въ самыхъ необходимыхъ для дальнѣйшаго образованія наукахъ, вызвался держать экзаменъ на студента университета и въ 1792 году принятъ былъ на медицинскій факультетъ. Черезъ четыре года

послѣ сего онъ удостоенъ былъ званія лекаря и опредѣленъ прозекторомъ анатоміи при томъ же университетѣ, а въ 1803 году, по экзамену, получилъ степень доктора медицины, публично защитивъ сочиненіе свое: Dissertatio inauguralis medica, sistens observationes anatomicas, susceptionem intestinorum verminosam illustrantes, и черезъ два года утвержденъ адъюнктомъ и экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ветеринарныхъ наукъ. Это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ профессоровъ московскаго университета. Къ сожалѣнію, онъ скончался слишкомъ рано для науки и отечественнаго просвѣщенія (1809 г.). Не смотря однакожъ на кратковременное служеніе свое въ должности наставника, онъ успѣлъ издать для слушателей своихъ нѣсколько полезныхъ сочиненій[409].

Ведель Артемій Лукьяновичъ, нашъ самородный, русскій композиторъ, по достоинству долженствующій раздѣлять славу Березовскаго и Бортнянскаго. Онъ родился въ Кіевѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и принадлежалъ къ мѣщанскому сословію. Въ юныхъ лѣтахъ *Ведель* отданъ былъ родителями своими въ кіевское училище, и за отличный голосъ было немедленно принятъ въ академическій хоръ. Такимъ образомъ *Ведель* съ перваго же раза попалъ въ тотъ кругъ, изъ котораго не суждено было ему выходить до конца своей жизни. Достигнувъ философскаго класса, *Ведель* принялъ въ управленіе академическую капеллію; отличная манера, глубокія свѣдѣнія, полный и превосходно выработанный голосъ привлекли къ нему общее вниманіе кіевлянъ. Тогдашній московскій генералъ-губернаторъ П. Д. Еропкинъ просилъ митрополита Самуила прислать къ нему знатока въ церковномъ пѣніи. Выборъ палъ на *Веделя;* съ тремя мальчиками изъ академическаго хора онъ отправился въ Москву, и вступилъ тамъ въ управленіе капелліей Еропкина, состоя между тѣмъ на службѣ въ Сенатской Канцеляріи. Въ 1790 году, по увольненіи Ероп-

кина отъ службы, *Ведель* возвратился въ Кіевъ съ чиномъ губернскаго секретаря, и прямо явился къ любимицѣ своей Академіи съ камертономъ регента. Квартировавшій въ ту пору на Подолѣ корпусный генералъ А. Я. Леванидовъ полюбилъ его и уговорилъ перейти къ себѣ, исходатайствовавъ ему чинъ поручика. *Ведель* тотчасъ же занялся составленіемъ пѣвческаго хора изъ солдатскихъ дѣтей и вольныхъ людей. Въ короткое время пѣвческая Леванидова, стараніемъ *Веделя*, стала одною изъ лучшихъ въ Кіевѣ.

Это была самая цвѣтущая пора его необыкновеннаго таланта, и къ этому-то времени относятся почти всѣ концерты его и самое пѣніе, доселѣ остающееся въ памяти кіевскихъ старожиловъ. Въ партитурѣ всѣхъ концертовъ *Веделя*, писанной имъ самимъ 1796 года[410], нельзя не обратить съ перваго же взгляда особеннаго вниманія на разныя музыкальныя украшенія, которыми убиралъ онъ преимущественно партицію тенора и выполненіе которыхъ врядъ ли и было кому доступно, кромѣ его самаго. Надъ такой партиціей призадумались бы и Рубини и Маріо: труднѣйшія рулады, быстрые переходы изъ полутона въ полутонъ, смѣлость и нарочитая витіеватость оборотовъ показываютъ, что голосъ *Веделя* былъ обработанъ въ высшей степени и не боялся никакихъ трудностей. Конечно, отъ этихъ свѣтскихъ украшеній, щедро имъ разсыпаемыхъ, церковное пѣніе нѣкоторымъ образомъ утрачивало характеръ простоты и молитвеннаго спокойствія: но *Веделя* слишкомъ строго винить въ этомъ нельзя, — таковъ былъ вкусъ и требованія духа времени. По крайней мѣрѣ у *Веделя* самыя хитрыя рулады и фіоритуры никогда не затемняли главной мысли и не были предметомъ особенныхъ и намѣренныхъ его усилій, а выходили сами собою; это не тѣ скачки и рулады, которыми щеголяли въ свое время концерты Алейникова, Пичугина и особенно Дехтярева, походившіе болѣе на италіянскія оперетки. Замѣчательно, что концерты *Веделя* и безъ тѣхъ украшеній, какими

усыпалъ онъ партицію тенора, нисколько не теряютъ своихъ достоинствъ, и даже, можно сказать, больше нравятся строго-эстетически образованному вкусу.

Въ 1792 году, когда Леванидовъ былъ переведенъ изъ Кіева генералъ-губернаторомъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній въ Россіи, *Ведель*, лишившись въ немъ своего покровителя, бросилъ все, и соскучившись безъ любимаго своего занятія, сложилъ съ себя званіе поручика и поступилъ въ Кіево-печерскую Лавру въ число послушниковъ. Здѣсь онъ обратилъ всю энергію пылкой души своей къ иноческимъ подвигамъ, усердно исправляя должность чтеца и клиросианина. Братія находили въ немъ образецъ кротости, терпѣнія и послушанія, и скоро надѣялись видѣть его въ санѣ служителя алтаря Господня: но къ удивленію всѣхъ, *Ведель* въ одну ночь тайно бѣжалъ изъ Лавры. Въ нищенскомъ видѣ, съ признаками нѣкотораго помѣшательства, бродилъ онъ по полтавской, черниговской и харьковской губерніямъ. Между тѣмъ на *Веделя* пало неблаговидное подозрѣніе въ сочиненіи какихъ-то записокъ, относившихся къ современнымъ политическимъ событіямъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ кіевскій М. Н. Кречетниковъ немедленно распорядился объ отысканіи бѣглеца. Не зная ни о чемъ и ничего не подозрѣвая, *Ведель* воротился въ Кіевъ и явился прямо въ Лавру, откуда былъ представленъ за карауломъ гражданскому начальству. Это обстоятельство сильно потрясло его; однакожъ онъ не потерялъ присутствія духа и успѣлъ оправдаться въ возникшемъ подозрѣніи. Но за бродяжество все таки посадили его въ Смирительный Домъ. Тутъ онъ уже явно и совсѣмъ помѣшался; глубокая задумчивость и исканіе уединенныхъ мѣстъ были признаками уже не нормальнаго состоянія его умственныхъ способностей. Многочисленные почитатели его таланта не переставали навѣщать его въ горькомъ заключеніи: но уходили, часто не могши добиться отъ него какого либо слова. Въ 1806 году *Артемій Лукьяновичъ Ведель* окончилъ горемычную

жизнь свою въ томъ же Смирительномъ Домѣ. Знаменитый витія П. В. Леванда, напутствовавшій его св. тайнами, испросилъ позволеніе у начальства проводить *Ведели* съ приличною церемоніей. Тѣло *Ведели* было несено попеременно то воспитанниками Академіи, то частными лицами, его почитателями. Прахъ его покоится въ бывшемъ Кирилловскомъ монастырѣ: но гдѣ именно его могила,—неизвѣстно.

Ведель былъ красивъ собою и прекрасно сложенъ. Нравомъ тихъ, кротокъ, привѣтливъ и всему предпочиталъ уединеніе. Послѣднее обстоятельство было причиною того, что товарищи по училищу считали его духовидцемъ и подходили къ нему съ нѣкоторою боязнію. Молитва не сходила съ устъ *Ведели;* что бы онъ ни дѣлалъ, куда бы ни шелъ, всегда шепталъ про себя Псалтирь, который зналъ наизусть, и часто заливался слезами, декламируя на распѣвъ вдохновенныя пѣсни Царя-псалмопѣвца. Генералъ Леванидовъ, въ домѣ котораго онъ жилъ и съ которымъ былъ потомъ въ дружескихъ сношеніяхъ, пожелалъ однажды узнать, чѣмъ занимается *Ведель* въ свободное время; для этого онъ тихонько подошелъ къ его комнатѣ: но услышавъ его поющаго и завидѣвъ въ полу-отворенную дверь, что *Ведель* стоитъ передъ иконами на колѣняхъ, отошелъ прочь, не желая мѣшать религіозному вдохновенію благочестиваго человѣка.

Ведель превосходно игралъ на скрыпкѣ, и былъ первымъ солистомъ въ оркестрѣ академическомъ. Управляя хоромъ, онъ никогда не сердился, и вывести его изъ терпѣнія не было никакой возможности; ошибку онъ встрѣчалъ улыбкою и ласково поправлялъ ее. Въ дни Великаго поста онъ иногда выходилъ пѣть одинъ: *да исправится молитва моя*, импровизируя музыку удивительнымъ образомъ[411]. Сказываютъ, что въ эти минуты лицо его какбы просвѣтлялось и слезы ручьемъ лились изъ глазъ его. Въ разговорахъ онъ былъ весьма умѣренъ; больше молчалъ и почти всегда былъ задумчивъ. Любимымъ развлеченіемъ

его было пѣніе священныхъ гимновъ и кантовъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи между студентами Академіи[412]. Для этого онъ приглашалъ къ себѣ малютокъ-пѣвчихъ, при чемъ, какъ замѣчаетъ сказатель жизни *Веделя*, самъ не разъ исполнявшій при немъ тѣ пѣсни, онъ всегда »погружался въ меланхолію«.

Концерты *Веделя* есть двухорные и однохорные для четырехъ голосовъ. Двухорныхъ впрочемъ только два: *Проповѣдника вѣры*, въ день св. апостола Андрея, и *Господь пасетъ мя*[413]. Оба эти концерта написаны, какъ видно, изъ подражанія извѣстному Сарти и слабѣе прочихъ композицій *Веделя*, хоть далеко выше музыкально-церковныхъ произведеній этого итальянца-капельмейстера. Въ adagio и solo этихъ двухорныхъ концертовъ *Веделя* является тоже молитвенное чувство, какимъ всегда одушевляемъ былъ нашъ отечественный композиторъ; тутъ какъ будто онъ чувствуетъ себя дома, и поетъ своимъ, а не подражательнымъ голосомъ. Хоровыя переклички въ allegro видимо сбивали его съ своеродной колеи и заставляли прибѣгать къ общимъ музыкальнымъ мѣстамъ, которыми такъ богаты современные ему композиторы. Во всѣхъ четырехголосныхъ концертахъ *Веделя* самая лучшая партиція — теноровая; въ adagio всѣ прочіе голоса служатъ ему какъ будто аккомпаниманомъ. Но за то, что за богатство инструментовки въ хорахъ! Что за широкое, необъятное море звуковъ, какбы волнующихся плавной, мѣрной зыбью! Ни одного педантическаго скачка изъ тона въ тонъ, ни одного не натуральнаго перехода, ни одной ноты, поставленной наудачу или для пополненія музыкальныхъ пробѣловъ; легкость, особенная мелодичность, чистота, ясность и, такъ сказать, сердечность (sincerité)—вотъ неотъемлемыя достоинства произведеній *Веделя*.

Строгіе контрапунктисты упрекнутъ, можетъ быть, его въ нѣкоторомъ однообразіи и повтореніи любимаго мотива: но это отъ того, что они не понимаютъ, какъ должно, характера на-

шей церковной музыки. Мнимое однообразіе можетъ быть почтено даже однимъ изъ первыхъ достоинствъ композицій *Веделя;* оно показываетъ непрерывность, естественность, постоянство и единичность молитвенно-религіознаго чувства, обдержащаго душу до конца пѣсни и можетъ быть повторяющаго иногда себя, какъ повторяется одна и таже молитва въ »умномъ дѣланіи« высокихъ подвижниковъ жизни пустынной. Возьмите хоть концертъ *Веделя: Доколѣ, Господи, забудеши мя;*—отъ начала до конца цѣлаго псалма онъ весь проникнутъ однимъ, ни на одну секунду не прерывающимся чувствомъ скорби, изливаемой предъ Утѣшителемъ всѣхъ скорбящихъ. Тутъ нѣтъ общихъ музыкальныхъ мѣстъ; нѣтъ, пожалуй, и педантическаго разграниченія, указываемаго контрапунктомъ: за то во всякой нотѣ, во всякой фразѣ видна душа, любящая—христіанская душа. Сказатель жизни *Веделя* говоритъ, что по исполненіи въ Михайловскомъ монастырѣ этого концерта капелліей Леванидова, подъ дирекціей самаго композитора, князь Дашковъ, проживавшій на ту пору временно въ Кіевѣ, снялъ съ себя золотой шарфъ и подарилъ его *Веделю,* присовокупивъ къ тому 50 червонцевъ. Концертъ: *Спаси мя Боже* нельзя слушать безъ слезъ; концертъ: *Помилуй мя Господи,* обошелъ всю Русь православную; его пѣли вездѣ, приписывая то тому, то другому композитору. Ужъ одна эта популярность много говоритъ въ пользу высокаго таланта *Веделя.*

Превосходной манерѣ *Веделя* подражали всѣ пѣвческіе хоры, которыхъ въ ту пору въ Кіевѣ было очень много. Малороссійскіе помѣщики дорого платили за каждую его пьесу, переписываемую для нхъ домашнихъ капеллій. Министръ Юстиціи Д. П. Трощинскій заплатилъ за двѣ полныя службы *Веделя* 300 рублей—цѣна, по тогдашнему времени, высокая. Самъ Бортнянскій, не любившій себѣ соперниковъ, не разъ письменно просилъ *Веделя* не оставлять музыкальныхъ занятій.

Изъ мелкихъ сочиненій *Веделя* особенно замѣчательно тріо:

Покаянія отверзи ми двери. Его знаетъ и поетъ вся православная Русь, и ни одна изъ извѣстнѣйшихъ композицій этой покаянной пѣсни не выражаетъ столько мысли, столько глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, какъ это произведеніе *Веделя.* Ужасъ объемлетъ душу при восклицаніи баритона: *окаянный трепещу,* — восклицаніи, прямо вырывающимся изъ подъ сердца, тѣсно сжатаго благодатною скорбію. Есть и другія его сочиненія: *Единородный; Пѣсни херувимскія; Егда славніи ученицы; Милость мира жертву; Отче нашъ; Достойно есть* и проч. но всѣ онѣ, нося въ себѣ печать его могучаго таланта, какъ будто не договорены, какъ будто показываютъ, что геніальному композитору негдѣ было развернуться полетомъ творческой своей фантазіи[414].

Когда объятый вдохновеніемъ *Ведель* написалъ первую строку своего концерта: *Пою Богу моему дондеже есмь,* — думалъ ли онъ, что не допоетъ до конца прекрасныхъ пѣсней своихъ, что его же звуки будутъ потомъ казаться ему темной сказкой, давно когда-то слышанной и уже позабытой?... Непостижимы судьбы Божіи!...

Лагановскій Іакинѳъ родился въ Кіевѣ и принадлежалъ къ сословію дворянъ. Такъ какъ родитель его, по бѣдности, занимался портняжествомъ, то и сына своего *Ивана* пріучалъ къ тому же. Послушный отцовской волѣ, *Лагановскій* усердно принялся за ремесленное дѣло: но съ завистію слушалъ сверстниковъ своихъ, разсуждавшихъ о предметахъ, недоступныхъ его понятію. Изучивъ дома грамоту, онъ началъ просматривать записки учениковъ, квартировавшихъ въ домѣ его родителя, и жажда къ познаніямъ разгоралась въ немъ болѣе и болѣе. Родитель не соглашался на просьбы сына, желавшаго поступить въ Академію, а время между тѣмъ уходило; наконецъ уже шестнадцати лѣтъ отъ роду *Лагановскій* вступилъ въ училище (1779 г.) и по окончаніи курса, въ 1792 году, опредѣленъ былъ учи-

телемъ въ переяславскую семинарію высшаго класса граматики и греческаго языка; черезъ годъ онъ переведенъ въ Академію преподавателемъ математики въ среднемъ классѣ и граматики въ высшемъ, а въ 1795 принялъ монашество съ именемъ *Іакинѳа*. Продолжая проходить различныя училищныя должности, *Лагановскій* въ 1800 году достигъ степени префекта и въ семъ званіи произведенъ въ архимандриты Братскаго монастыря, а по выбытіи Фальковскаго, принялъ ректуру Академіи. По девятилѣтнемъ управленіи воспитавшимъ его училищемъ, *Лагановскій* былъ переведенъ въ курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и скончался 1817 года[415].

Писпячевскій Меѳодій родился 1774 года въ с. Остролучьѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, и при крещеніи нареченъ *Михаиломъ*. Поступивъ по десятому году въ Кіевскую Академію, *Писпячевскій*, по окончаніи курса, отправленъ былъ въ московскій университетъ для изученія собственно словесныхъ наукъ. Отличные успѣхи и рѣдкое прилежаніе доставили ему уваженіе отъ профессоровъ и серебряную медаль за латинскую диссертацію. Въ 1800 году, согласно обязательству, имъ данному, *Писпячевскій* возвратился въ Кіевъ и поступилъ въ Академію учителемъ поэзіи и высшаго класса чистой математики, а черезъ три года принялъ монашество и переименованъ *Меѳодіемъ*. Въ званіи соборнаго старца Кіево-печерской Лавры *Писпячевскій* 1804 года назначенъ префектомъ Академіи, и черезъ пять лѣтъ указомъ св. Синода вытребованъ былъ въ с.-петербургскую семинарію для преподаванія философскихъ наукъ. Въ 1810 году, по опредѣленіи Коммиссіи духовныхъ училищъ, онъ былъ наименованъ баккалавромъ, и продолжая преподавать философію, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность инспектора семинаріи, а потомъ былъ ректоромъ Александро невскаго уѣзднаго училища. Въ 1811 году *Меѳодій* произведенъ въ санъ архимандрита и въ званіе ординарнаго профессора философскихъ наукъ, а черезъ годъ опредѣленъ ректоромъ петербургской се-

минаріи и профессоромъ богословія, съ назначеніемъ въ настоятели Троицко-сергіевой пустыни. Многополезные труды его удостоились Высочайшаго воззрѣнія: 1813 года *Меθодій* пожалованъ былъ крестомъ и тогда же рукоположенъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородской митрополіи; отсюда 1816 былъ переведенъ въ полтавскую епархію; 1824 въ Астрахань, а черезъ годъ во Псковъ архіепископомъ: но потеря зрѣнія побудила его оставить службу и переселиться на покой въ лубенскій монастырь, гдѣ онъ и скончался 1844 года[116].

Подолинскій Иванъ Наумовичъ родился 1779 г. отъ дворянской фамиліи. Въ 1787 году онъ отданъ былъ родителями своими въ Кіевскую Академію, и по совершеніи въ оной, 1795 года, полнаго курса, поступилъ на службу въ духовную дикастерію подканцеляристомъ. Черезъ пять лѣтъ *Подолинскій* перешелъ въ кіевское Губернское Правленіе экспедиторомъ, и съ этихъ-то поръ началась болѣе видная и самостоятельная служба его. Какъ одинъ изъ лучшихъ чиновниковъ, онъ преимущественно предъ другими командируемъ бывалъ по важнымъ порученіямъ, всегда оканчиваемымъ имъ съ полнымъ успѣхомъ и одобреніемъ со стороны начальства. Въ 1813 году *Подолинскій* назначенъ въ Почтовый Департаментъ секретаремъ при директорѣ: но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переведенъ къ той же должности къ кіевскому гражданскому губернатору, а вслѣдъ за тѣмъ назначенъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія. Дѣйствія его въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ случаяхъ обратили на себя Высочайшее вниманіе, и *Подолинскій*, имѣя чинъ только титулярнаго совѣтника, награжденъ 1817 года орденомъ св. Владиміра 4 степ. а 1819 св. Анны 3 степ. Начальство, дорожившее такимъ усерднымъ и дѣятельнымъ чиновникомъ, поручало ему такія дѣла, которыя съ одной стороны показывали особенное довѣріе правительства, а съ другой опытность его и отличныя способности. Въ 1826 году *Подолинскій* награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степ. и произведенъ въ чинъ

коллежскаго ассессора. Въ томъ же году, за расторопность, усердіе и совершенное усмиреніе крестьянъ графини Потоцкой онъ Всемилостивѣйше награжденъ подаркомъ въ 1,000 рублей. Въ 1832 году *Подолинскій* переведенъ былъ совѣтникомъ въ волынское Губернское Правленіе, а въ слѣдующемъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 2 степ. и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ кіевскому военному подольскому и волынскому генералъ-губернатору. Въ 1834 году опредѣленъ предсѣдателемъ Уголовной Палаты, въ каковой должности и оставался до 1847 года, когда по разстроенному здоровью и по старости лѣтъ вынужденъ былъ взять отставку. За годъ передъ тѣмъ, по засвидѣтельствованію начальства, объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ, *Подолинскій*, согласно удостоенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. *Иванъ Наумовичъ*, бывъ живою энциклопедіей всѣхъ существующихъ въ имперіи узаконеній, изумлялъ сослуживцевъ своихъ необыкновенно-твердымъ и отчетливымъ знаніемъ указовъ и постановленій, еще не приведенныхъ тогда въ строгую систему незабвеннымъ нашимъ законовѣдомъ графомъ Сперанскимъ. Въ высшей степени честный, благородный и безкорыстный, онъ отличался прямотою характера, рѣдкимъ добродушіемъ и привѣтливостью, будучи всегда готовъ, при ограниченномъ своемъ состояніи, помогать ближнимъ. *Подолинскій* скончался какъ истинный христіанинъ, благословляемый и чтимый всѣми, знавшими прекрасную его душу[417].

Смирницкій Антоній родился 1773 года 29 октября въ с. Повстинѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, отъ тамошняго священника Гавріила, который и самъ получилъ воспитаніе въ Кіевской Академіи. Послѣ приготовительнаго домашняго ученія *Авраамій* (мірское имя *Антонія*) по девятому году отвезенъ былъ отцомъ своимъ въ Кіевъ и поступилъ въ училище. Преуспѣвая въ ученіи, *Авраамій* обращалъ на себя особенное вниманіе своимъ благочестивымъ и тихимъ нравомъ.

Каждый день онъ начиналъ тѣмъ, что выслушивалъ раннюю обѣдню въ Братской церкви и потомъ уже отправлялся въ классы, все свободное отъ ученія время посвящая чтенію писанія св. отцовъ и церковныхъ поученій. По окончаніи курса, *Смирницкому* предлагали вступить въ бракъ, но не благословленный на то митрополитомъ Самуиломъ, *Авраамій* поступилъ въ монашество, и въ 1797 году принялъ постригъ съ именемъ *Антонія*. Вскорѣ въ санѣ іеромонаха, онъ началъ завѣдывать лаврской библіотекой, потомъ типографіей, а въ 1814 былъ назначенъ начальникомъ ближнихъ пещеръ и вслѣдъ за тѣмъ намѣстникомъ Кіево-печерской Лавры. Пребываніе свое въ этой должности *Антоній* ознаменовалъ на вѣки тѣмъ, что, съ благословенія митрополита Серапіона, установилъ по средамъ передъ поздней обѣдней торжественное чтеніе акаѳиста Успенію Богоматери. По случаю посѣщенія св. Лавры Императоромъ Александромъ I, намѣстникъ оной удостоился получить, въ знакъ Высочайшаго къ нему благоволенія, драгоцѣнный бриліантовый крестъ. Но доселѣ *Антоній* былъ только іеромонахомъ. Въ 1817 году, по указу св Синода, онъ былъ произведенъ въ архимандриты и вскорѣ за тѣмъ причисленъ къ ордену св. Анны 2 степ. Въ годъ кончины своей Императоръ Александръ I изволилъ назначить *Антонія* епископомъ въ Воронежскую епархію, что было утверждено потомъ и Державнымъ Братомъ Благословеннаго. Пастырская ревность и глубокое благочестіе скоро стяжали *Антонію* извѣстность и званіе архіепископа. Высочайшія награды быстро послѣдовали одна за другой: въ 1830 году *Антоній* получилъ орденъ св. Анны 1 степ.; въ 1837 Владиміра 2 степ. и алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ; въ 1840 св. Александра Невскаго, а въ 1846 алмазные знаки сего ордена. Но самое величайшее счастье и награда ниспосланы были ему свыше открытіемъ мощей святителя Митрофана. Заботливость и усердіе *Антонія* къ сему святому дѣлу увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и 6 августа 1832 года онъ имѣлъ счастіе своими руками поднять изъ склепа не-

тлѣнныя мощи угодника, прославленнаго Господомъ. Ревнуя о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, *Антоній* возобновилъ обветшавшій архангельскій соборъ, надстроилъ третій этажъ соборной колокольни и своими совѣтами подвигъ воронежское купечество создать новоявленному святителю богатѣйшую серебрянную раку, а въ 1836 году, съ Высочайшаго соизволенія торжественно открылъ первокласный Митрофановъ Благовѣщенскій монастырь, учредивъ каѳедральный соборъ въ бывшей приходской смоленской церкви. Въ тяжкія годины губительной эпидеміи и ужаснаго голода, постигшихъ воронежскую губернію, *Антоній* явился истиннымъ отцомъ и благодѣтелемъ своей паствы, не словомъ только, но и самымъ дѣломъ укрѣпляя и поддерживая страдавшихъ отъ страшныхъ бичей праведнаго гнѣва Божія. Справедливо почитая образованіе духовнаго юношества одною изъ первѣйшихъ своихъ обязанностей, *Антоній* заботился, какъ объ усовершенствованіи въ духѣ христіанскомъ преподаванія наукъ, такъ и объ обезпеченіи учащихся. Стараніемъ его въ 1837 году открыты въ г. Задонскѣ, а въ 1838 въ г. Павловскѣ уѣздныя духовныя училища, на которыя, при его содѣйствіи, собрано 1347 рубл. да принесено въ даръ графинею Орловою-Чесменскою 500 р. Въ 1845 году исходатайствовано *Антоніемъ* на содержаніе бѣдныхъ учениковъ воронежской семинаріи 2081 р. и на поправку училищнаго зданія 3569 р. а въ слѣдующемъ году на тотъ же предметъ 4278 р. и сверхъ того еще 990 р. Преосвященный *Антоній Смирницкій*, заслуживъ Высочайшее благоволеніе двухъ великихъ Монарховъ и ихъ царственныхъ семействъ, благословляемый всею воронежскою паствою, мирно скончался 20 декабря 1846 года и погребенъ въ великой церкви Митрофановскаго монастыря[418].

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ІЕРОѲЕЙ МАЛИЦКІЙ.

Краткая біографія Іероѳея. 26 мая 1796 года. Кончина Екатерины II. Возвращеніе прежнихъ правъ Малороссіи. Контракты въ Кіевѣ. Заботы Павла I о православіи. Путешествіе его по ново-пріобрѣтеннымъ губерніямъ. Высочайшія распоряженія. Заботы Іероѳея объ Академіи. Содержаніе учителей. Внѣшнее состояніе училища. Возстановленіе Кіево-братскаго монастыря. Подтвержденіе о своевременномъ прибытіи студентовъ въ Академію. Учрежденіе академическаго правленія. Высылка студентовъ въ разныя училища. Открытіе въ Академіи новыхъ классовъ. Учебное росписаніе. Распорядокъ учебныхъ часовъ. Академія принимаетъ характеръ собственно духовнаго училища. Ректоры. Кончина митрополита Іероѳея. Характеръ его. Число воспитанниковъ Академіи. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Белланскій Даніилъ. Визерскій Іеронимъ. Галинскій Авксентій. Данилевскій Алексѣй. Ризенко Василій. Тимковскій Романъ.

1796—1799.

»Пастырь нашъ изъ мертвыхъ возсталъ«! восклицалъ дивный словомъ и мыслію Леванда, срѣтая въ древнемъ храмѣ св. Софіи митрополита Іероѳея. Блестящи были надежды всей паствы на сего іерарха: но не успѣли онѣ осуществиться за преждевременною его кончиною.

Іероѳей Малицкій родился 1727 года въ Черниговѣ и въ тамошней семинаріи получилъ полное воспитаніе[413]. Кириллъ Ляшевецкій, епископъ воронежскій, знавшій Малицкаго еще на

родинѣ, вызвалъ его въ 1758 году въ Воронежъ учителемъ въ тамошнюю семинарію, и тогда же постригъ его въ монашество. Іерооей преподавалъ тамъ поэзію и реторику, и возведенъ былъ наконецъ въ званіе префекта. Когда же Кириллъ былъ переведенъ въ Черниговъ, то взялъ съ собою и Малицкаго, и по прибытіи на паству посвятилъ его въ игумена черниговскаго Домницкаго Рождественскаго монастыря. Въ 1774 году онъ былъ произведенъ епископомъ Ѳеофиломъ въ архимандрита Успенскаго Елецкаго черниговскаго монастыря, и опредѣленъ ректоромъ семинаріи, а 1778 года, по кончинѣ Ѳеофила, Высочайше назначенъ преемникомъ его архипастырства. Послѣ митрополита Самуила Іерооей прямо изъ епископовъ черниговскихъ возведенъ въ кіевскіе митрополиты, съ званіемъ священно-архимандрита Кіево-печерской Лавры и члена св. Синода.

День 26 мая 1796 года былъ праздничнымъ днемъ для всего Кіева. Онъ срѣталъ своего архипастыря. »Радуйтеся! возглашалъ Леванда. Отецъ нашъ возвращается! Чада, цѣ»луйте руки его! Не Самуилъ ли? Имя другое, но сердце тожъ, »любовь и кротость, истина и милость, вся добродѣтель таже[120]«. Академія также спѣшила къ своему Богомъ данному протектору съ изъявленіемъ искренняго восторга, изливая его въ »радостныхъ чувствованіяхъ музъ«. Оды, рондо, акростихоны, сонеты, мадригалы сыпались градомъ.

Простри, о пастырь, свѣтлы взоры
На музъ, блаженнѣйшихъ тобой!
Онѣ, составивъ нѣжны хоры,
Свой воспѣваютъ вѣкъ златой.
Пермесскимъ жаромъ пламенѣютъ
Сердца питомцевъ нѣжныхъ музъ;
Къ тебѣ, къ тебѣ, благоговѣютъ,
Отецъ, безсмертный славой мужъ!

Они усердья строятъ лиру
И днесь всему вѣщаютъ міру:
»Приспѣли къ намъ златые дни,
»Течетъ нынѣ то пріятно время,
»Когда отрясши скорбей бремя,
»Вкушаемъ радости одни[421]«.

Не прошло и полгода послѣ сего, какъ кіевляне увидѣли архипастыря своего въ черныхъ ризахъ, возглашавшаго вѣчную память Величайшей изъ Монархинь Екатеринѣ II. Плакала Россія по своей царственной Благодѣтельницѣ: но не смѣлъ торжествовать врагъ царства русскаго, ибо на престолѣ былъ Павелъ I.

Въ томъ же году Малороссія увидѣла замѣчательную перемѣну въ судопроизводствѣ, до сей поры уравниваемомъ общими учрежденіями, касавшимися всѣхъ частей имперіи. Имяннымъ указомъ отъ 30 ноября 1796 года повелѣно было возстановить въ Малороссіи правленіе и судопроизводство, сообразно тому, какъ оно существовало тамъ прежде, по давнимъ правамъ и обрядамъ. Въ слѣдствіе сего Кіевъ получилъ званіе губернскаго города съ причисленіемъ къ нему всѣхъ земель, возвращенныхъ отъ Польши[422]. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, кіевскій градскій глава Рыбальскій, отъ имени всего общества, всеподданнѣйше просилъ Императора, чтобъ сохранены были ненарушимо всѣ права, вольности, преимущества, городскіе доходы и выгоды, присвоенныя городу по жалованнымъ граматамъ Самодержцевъ Всероссійскихъ и прежними привилегіями. Все это было подтверждено имяннымъ указомъ, данымъ 16 сентября 1797 года[423]. Такимъ образомъ Кіевъ вовсе неожиданно увидѣлъ себя въ положеніи, о которомъ, благодаря поступательному движенію жизни гражданственной, сталъ было уже забывать, и снова взялъ въ руки Магдебургское право, уже покрывшееся пылью.

Издавна въ г. Дубнѣ, вскорѣ послѣ праздника Богоявленія Господня, ежегодно открываема была ярмарка, обыкновенно извѣстная въ этомъ краю подъ именемъ *контрактовъ,* гдѣ кромѣ внутренней торговли происходили разныя хозяйственныя сдѣлки между помѣщиками. Значительныя выгоды, которыми пользовался уѣздный городъ волынской губерніи, обратили на себя Высочайшее вниманіе, и 27 сентября 1797 года ярмарка эта, по имянному указу, переведена была въ Кіевъ, »по выгодѣ, какъ сказано, и удобности внутренней »торговли[121]«.

Въ слѣдствіе новаго установленія границъ кіевской губерніи, имяннымъ указомъ 7 сентября 1797 года повелѣно и кіевскую епархію составить изъ тѣхъ только частей, которыя лежатъ по правую сторону Днѣпра, а въ прочихъ, за Днѣпромъ, отшедшихъ отъ Кіева къ малороссійской губерніи, учредить особую епархію подъ управленіемъ коадъютора кіевской митрополіи, епископа переяславскаго. Въ замѣнъ этого повелѣно принять въ кіевскую епархію изъ екатеринославской губерніи города Умань, Екатеринополь, Чигиринъ и Черкасы съ ихъ уѣздами; изъ брацлавской Махновку, Липовецъ, Пятигоры и Сквиру; изъ волынской Радомысль.

Императоръ Павелъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, занялся подданными своими, обращенными отъ уніи къ православію въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, и въ манифестѣ, изданномъ на русскомъ и польскомъ языкахъ 18 марта 1797 года изъяснилъ, что »обезпечивая въ своей державѣ каж»дому свободу исповѣданія своей вѣры, онъ увѣдомился одна»кожъ, что въ нѣкоторыхъ, присоединенныхъ отъ Польши гу»берніяхъ, духовенство и помѣщики римско-католическаго испо»вѣданія, обращая во зло данную свободу исповѣданія вѣры, »явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей правосла»вныя греко-россійскія церкви, и не токмо тайно внушеніями,

»но даже и насильственно отторгают отъ церкви сей людей, »добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству. Почему и повелѣлъ, дабы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско-»католическое исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свободою исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно со-»вѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно всякаго »рода вѣрноподданныхъ, одну съ нами православную греко-»россійскую вѣру исповѣдающихъ, но даже и не стѣсняли бы »свободы тѣмъ, кои по добровольному руководству совѣсти са-»ми отъ другихъ исповѣданій къ православной церкви присое-»диниться возжелаютъ, не дѣлая отнюдъ и самомалѣйшаго по-»мѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на олтаряхъ »сей церкви и не оскорбляя ничѣмъ священныхъ и церков-»ныхъ ея служителей подъ опасеніемъ за преслушаніе нака-»занія по всей строгости законовъ«. Какое дѣйствіе имѣлъ этотъ манифестъ на католиковъ и уніатовъ, сейчасъ увидимъ.

Между тѣмъ Павелъ I въ томъ же году предпринялъ путешествіе по новопріобрѣтеннымъ губерніямъ. Ему предстояло много заботъ по дѣлу усмиренія волнуемой страны; дѣйствуя въ этомъ случаѣ кротостію и снисхожденіемъ, Государь употреблялъ все, что только могло успокоить разновѣрцевъ, видѣвшихъ въ обращеніи уніатовъ посягательство на свободу совѣсти[425]. Но ни манифестъ царскій, ни мудрая терпимость Императора не могли образумить фанатиковъ католицизма и уніатства. Опять начались поруганія надъ церковію православною, притѣсненія ея служителей и открытыя гоненія на присоединявшихся отъ уніи. Оставалось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и 13 генваря 1799 года Павелъ I издалъ строгое постановленіе—судить духовныхъ, которые дерзнутъ совращать изъ господствующаго исповѣданія въ римско-католи-

ческое; а поелику этому содѣйствовала болѣе верховная власть западной іерархіи, то указомъ 17 марта тогоже года повелѣно римско-католическому митрополиту управлять въ Россіи подвѣдомственными ему церквами безъ всякаго сообщенія съ Ватиканомъ; вскорѣ послѣ сего 20 апрѣля и 5 мая изданы указы объ уничтоженіи юрисдикціи папскаго нунція въ Россіи, и наконецъ указомъ 31 августа Высочайше повелѣно съ 1800 года по литовской губерніи не слѣдовать болѣе римскому календарю, а старому греко-россійскому. Митрополитъ Іероѳей, какъ одинъ изъ ближайшихъ дѣятелей въ дѣлѣ умиротворенія извнѣ напаствуемой церкви, Всемилостивѣйше пожалованъ былъ 6 ноября 1798 года орденомъ св. Андрея первозваннаго.

Пока Державный Повелитель Россіи успокоивалъ силою ума и власти своей мятущіяся страны роднаго нашего юга, митрополитъ Іероѳей, какъ протекторъ училища, долженствовавшаго быть разсадникомъ блюстителей тишины и спокойствія церкви и отечества, съ перваго же мѣсяца прибытія своего на паству вошелъ въ ближайшее усмотрѣніе нуждъ училищныхъ. Прошеніе іеромонаха *Ипатія* было поводомъ къ точнѣйшему распредѣленію жалованья между учащими. Въ слѣдствіе чего сдѣлано было на 1797 годъ такое распоряженіе:

Третьекласнаго Кіево-Выдубицкаго монастыря игумену *Аѳанасію* быть по прежнему вицеректоромъ и смотрѣніе имѣть надъ всѣми классами съ жалованьемъ. . 100 р.

Іеромонаху *Иринею* быть профессоромъ богословія и смѣшанной математики, а также наблюдать надъ классами нѣмецкаго языка, чистой математики и ариѳметики. 330 —

Префекту іеромонаху *Иннокентію* преподавать философію и содержать по прежнему казну академическую. 300 —

Іеромонаху *Іакинѳу* читать латинскую реторику и завѣдывать библіотекой . . . . 170 —

Іерею *Семеновскому Михаилу* учить латинской поэзіи. 120 —

Соколовскому Никитѣ, быть преподавателемъ нижняго и высшаго краснорѣчія, исторіи и географіи . 340 р.

Козачинскому Осипу, учить въ высшемъ классѣ граматики . . . . 150 —

Шехновскому Григорію, быть наставникомъ средняго класса граматики и нѣмецкаго языка . . . . 220 —

Иванишеву Димитрію, быть учителемъ нижняго класса граматики и еврейскаго языка . . . . 170 —

Семяновскому Стефану, преподавать греческій языкъ. . . . . 120 —

Максимовскому Тимофею, учить рисованію и чистой математикѣ . . . . 160 —

Гловацкому Игнатію, студенту богословія, быть учителемъ ариѳметики . . . . 50 —

Стрѣлецкому Саввѣ, священнику, опредѣленному по словесному его высокопреосвященства приказанію, быть преподавателемъ польскаго языка . . . . . . 50 —

Ипатію іеромонаху продолжать служить въ должности лекаря при академической больницѣ съ жалованьемъ . . . . 50 —

Всматриваясь ближе въ такое содержаніе училищнаго начальства, нельзя не замѣтить, что академическіе ученые въ собственномъ смыслѣ тогда благоденствовали, особенно это можно сказать о тѣхъ, которые жили въ самомъ корпусѣ. Имъ, кромѣ квартиры, отпускалось отопленіе, освѣщеніе и нѣкоторые съѣстные припасы изъ общей столовой. За тожъ и не оставались они неблагодарными къ истиннымъ своимъ попечителямъ. »Щедроты, писалъ іеромонахъ *Ипатій* къ митрополиту Іероѳею, обильною рукою вашего высоко-преосвященства »изливаемыя, вѣчными чертами напечатлѣны на сердцѣ на»шемъ. Время не можетъ ихъ изгладить; онѣ и въ вѣчности »останутся. Сердце наше есть жертвенникъ, на коемъ чи»стѣйшій ѳиміамъ благодарности всеминутно курится«. Въ томъ

же году, по состоявшимся новымъ духовнымъ штатамъ, положено на Академію вмѣсто прежняго жалованья ежегоднаго оклада по 12000 рублей. Сумму эту, указомъ св. Синода 1798 года 31 октября, повелѣно было распредѣлить такъ, »чтобы »изъ оной не болѣе, какъ третья часть употреблена была на »жалованье и на все содержаніе ректору, префекту, учителямъ, »лекарю съ однимъ ученикомъ, на академическое правленіе съ »коммиссаромъ и писцами«. Но это до времени оставалось только проэктомъ, и митрополитъ Іероѳей не дождался осуществленія его.

За то порадовалось сердце архипастыря, когда, согласно представленію его, Кіево-братскій училищный монастырь возстановленъ былъ въ штатное положеніе 2 класса. Вмѣстѣ съ этимъ, указомъ св. Синода отъ 2 іюня 1799 года переведенъ сюда штатъ упраздненнаго гамалѣевскаго харлампіева монастыря съ утварью и ризницей.

Выше сего было упомянуто, что въ непосредственномъ завѣдываніи Академіи находилась переяславская семинарія. Многіе изъ обучавшихся въ оной, поступая въ Академію, и находя потомъ обременительнымъ для себя прохожденіе высшихъ наукъ, утруждали самаго протектора просьбами объ увольненіи ихъ отъ ученія подъ тѣмъ предлогомъ. что они могутъ проходить его и на родинѣ. Также нѣкоторые и изъ туземныхъ студентовъ, среди самаго курса, по разнымъ, существенно неуважительнымъ причинамъ, просили себѣ аттестатовъ, и выходили въ свѣтъ недоучками. Митрополитъ Іероѳей рѣшился разъ на всегда прекратить такой безпорядокъ, и указомъ отъ 11 ноября 1797 г. повелѣлъ: »Академіи префекту, равно и всѣмъ безъизъятно студентамъ и ученикамъ оной священно-служительскимъ дѣтямъ »новоучрежденной переяславской епархіи подтвердить строжайше, »чтобъ они не прося безвременно увольненія отъ ученія, продолжали оное до окончанія непремѣнно, а какъ изъ просьбъ

»ихъ видѣть можно, что нѣкоторые изъ нихъ къ безвременному »отъ такого ученія увольненію просятся, по резону отшествія »изъ кіевской въ переяславскую епархію тѣхъ мѣстъ, откуда »они вступили въ ученіе, и посему будто уже отъ ученія въ »Кіевской Академіи они изъяты, каково мнѣніе даетъ имъ спо- »собъ къ развратнымъ мыслямъ, уклонности отъ ученія и не- »радѣнію объ ономъ, не разсуждая, что переяславская епархія, »яко коадъюторская, состоитъ въ главномъ начальствѣ его вы- »сокопреосвященства, и что въ переяславской семинаріи выс- »шихъ классовъ ученія, а также и преподаванія другихъ язы- »ковъ нѣтъ, слѣдственно, хотя бы кто изъ нихъ подъ видомъ »желанія продолжать въ той семинаріи ученіе и имѣлъ намѣ- »реніе уволиться отъ Академіи: то таково намѣреніе будетъ »тщетно и вмѣсто мнимаго ученія позабудетъ и то, чему въ Ака- »деміи обучался съ потеряніемъ невозвратно употребленнаго на то »кошту и времени; для того всѣмъ тѣмъ студентамъ и ученикамъ »внушать, что ежели кто изъ нихъ станетъ безвременно, къ »одному отвлеченію только отъ ученія подавать просьбы о у- »вольненіи отъ онаго, то будетъ наказанъ безъ послабленія«.

До сихъ поръ все канцелярское дѣлопроизводство было лишь кабинетнымъ занятіемъ ректора и префекта Академіи: ибо особаго присутственнаго мѣста не существовало. Чтобы правильнѣе организировать учебную администрацію, митрополитъ Іероѳей указомъ 1798 года 17 сентября повелѣлъ учредить, подъ личнымъ предсѣдательствомъ ректора, академическое правленіе, членами котораго назначены префектъ, казначей и библіотекарь, а дѣлопроизводителемъ служившій въ губернскомъ магистратѣ губернскій регистраторъ *Алексѣй Колодѣевъ,* коему особой резолюціей митрополита повелѣно было вести канцелярскій порядокъ такой, какой заведенъ въ дикастеріи. Съ этого времени вся отчетность по училищному управленію, состоявшая прежде въ зависимости отъ членовъ дикастерскихъ, сосредоточилась, какъ и слѣдовало, въ своемъ надлежащемъ мѣстѣ. Всѣ поста-

новленія и рѣшенія присутствія утверждаемы были самимъ митрополитомъ.

Требованія о высылкѣ студентовъ не прекращались и въ это время. Такъ 1796 года отправлены были въ медико-хирургическое училище студенты философіи: *Кошаровскій Аѳанасій,* сынъ священника, *Пекалицкій Павелъ* тоже и *Велланскій Даніилъ,* изъ кіевскихъ дворянъ; ученики риторики: *Германъ Иванъ* изъ дворянъ, *Морашкинъ Игнатъ,* изъ священническихъ дѣтей и *Гловацкій Леонтій,* протоіерейскій сынъ. Въ 1798 г., по Высочайшему повелѣнію, выслано туда же еще столько же: *Хмельницкій Иванъ, Словицкій Харитонъ* — оба изъ дворянъ; *Родецкій Игнатъ, Бажуловскій Григорій, Августиновичъ Ѳедоръ* изъ священническихъ дѣтей и *Ивановъ Матвей,* сынъ отставнаго сержанта. Въ томъ же году, въ слѣдствіе отношенія кіевскаго гражданскаго губернатора В. И. Милашевича, отправленъ студентъ *Абрагамовичъ Варѳоломей* въ уманское училище преподавателемъ русскаго языка. Въ 1799 году мая 6, по распоряженію академическаго правленія вновь высланы въ медицинское училище два студента: *Ясневичъ Ѳедоръ,* священническій сынъ и *Головашенко Михаилъ* изъ мѣщанъ; а 12 августа того же года отправились туда же еще пять человѣкъ: *Бѣлявскій Павелъ, Петровъ Артемій, Левицкій Иванъ* — дѣти священническіе, *Кайдановъ Яковъ* и *Сиротинскій Григорій* — дьячковскіе. Мы не говоримъ уже о семинаріяхъ и низшихъ духовныхъ училищахъ, постоянно пользовавшихся наставниками изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. Она жила еще той славою, какую пріобрѣла отъ лѣтъ древнихъ, и отпуская лучшихъ своихъ питомцевъ, сама принимала въ свои стѣны приходившихъ даже издалеча. »Я родомъ изъ Венгріи, писалъ въ прошеніи своемъ митрополиту *Марко Реличъ.* Не находя тамъ »ни одного училища, въ которомъ по крайнему желанію своему могъ бы научиться богословію греко-россійскаго исповѣданія, оставилъ мое отечество для сего единственно предмета.

»Въ академіи вашего высокопреосвященства въ цвѣтущемъ на»ходится состояніи сія богословія«. Такъ твердо и незыблемо то основаніе, на которомъ единственно можетъ и должно процвѣтать истинно-русское училище!

Вопросы, возбужденные академическимъ начальствомъ, по предмету открытія класса французскаго языка и новаго распредѣленія учебныхъ часовъ по математикѣ, возродили и нѣкоторые другіе, касавшіеся преподаванія наукъ, признанныхъ необходимыми для полнаго академическаго образованія. Согласно представленію митрополита Іероѳея, указомъ 18 декабря 1798 года повелѣно, кромѣ французскаго языка, ввести публичное толкованіе по воскреснымъ днямъ апостольскихъ посланій, чтеніе высшаго краснорѣчія, сельской и домашней економіи, »избравъ къ тому людей, испытанныхъ въ наукахъ, и для пре»подаванія всѣхъ вообще прежнихъ и въ указѣ вновь положен»ныхъ предметовъ назначить особые часы«. Въ слѣдствіе сего академическое начальство представило своему протектору новое росписаніе, которымъ въ училищную програму включены и вводимые предметы. Такимъ образомъ іеромонаху *Иринею Фальковскому* положено, кромѣ занятій богословскими уроками, объяснять публично, по воскреснымъ днямъ, апостольскія посланія передъ поздней литургіей, и при этомъ изъясненіи бывать ученикамъ реторики, философіи и богословія. Академіи префекту іеромонаху *Иннокентію* читать философію; іеромонаху *Іакинѳу*— высшее краснорѣчіе, и въ высшемъ классѣ чистую математику, а также сельскую и домашнюю економію. *Соколовскому Никитѣ* учить латинской и россійской реторикѣ, а равно и французскому языку; кромѣ того поручено было ему по воскреснымъ днямъ изъяснять послѣ ранней литургіи пространный и сокращенный катихизисъ для учениковъ поэзіи и низшихъ классовъ. *Шехновскому Григорію* преподавать латинскую и россійскую поэзію и нѣмецкій языкъ въ нижнемъ классѣ. *Иванишеву Димитрію* быть учителемъ высшаго класса граматики, еврейскаго

языка и высшаго класса ариөметики. *Семяновскому Стефану*—средняго класса граматики и греческаго языка высшаго класса; *Зущинскому Ивану* преподавать въ нижнемъ классѣ граматику и ариөметику; *Храпанову Самуилу*—нѣмецкій языкъ въ высшемъ классѣ; *Ляшкову Трофиму*, священнику — смѣшанную математику; *Стрѣлецкому Саввѣ*, священнику—польскій языкъ; *Максимовскому Тимоөею* преподавать математику въ нижнемъ классѣ и кромѣ того рисовальное искуство »по правиламъ«; *Гловацкому Игнату*—исторію и географію; *Денеговскому Калистрату*—греческій языкъ въ нижнемъ классѣ.

Естественно, что въ слѣдствіе увеличенія предметовъ долженъ былъ установиться и особый распорядокъ учебныхъ часовъ, и потому митрополитомъ Іероөеемъ утверждена была слѣдующая програма:

Въ *понедѣльникъ* по утру въ 8 и 9 часу исторія и географія; въ 10 и 11 граматика россійская и латинская, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни 1 и 2 часть ариөметики, чистая и смѣшанная математика; въ 3 и 4 французскій языкъ; въ 5 и 6 нѣмецкій обоихъ классовъ.

Во *вторникъ* въ 8 и 9 утра греческій языкъ обоихъ классовъ; въ 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни: еврейскій и польскій языки, а также и рисовальное искуство; въ 3 и 4 высшее краснорѣчіе; въ 5 сельская и домашняя економія; въ 6 часу положено быть академическому засѣданію »для слушанія авторскихъ рѣчей и диссертацій«.

Въ *среду* въ 8 и 9 часу исторія и географія; въ 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни: 1 и 2 часть ариөметики, а также математика чистая и смѣшанная; въ 3 и 4 французскій языкъ; въ 5 и 6 нѣмецкій въ обоихъ классахъ.

Въ *четвергъ* поутру: 8 и 9 часъ греческій языкъ въ обоихъ классахъ; 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни: еврейскій и польскій языки, а также и рисовальное искуство; въ 3 и 4 высшее краснорѣчіе; въ 5 сельская и домашняя економія.

Въ *пятницу* утромъ: въ 8 и 9 часу исторія и географія; въ 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе; во 2 часу по полудни: ариѳметики обѣ части, а также математика чистая и смѣшанная; въ 3 и 4 французскій языкъ; въ 5 и 6 нѣмецкій въ обоихъ классахъ.

Въ *субботу:* 8 и 9 часъ греческій языкъ въ обоихъ классахъ; 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе Во 2 часу по полудни: еврейскій и польскій языки, а также рисовальное искуство; въ 3 и 4 высшее краснорѣчіе; въ 5 сельская и домашняя економія.

Такая програма по необходимости должна была измѣнить и ходъ преподаванія наукъ по всѣмъ классамъ, и потому постановлено:

I. Въ *нижнемъ граматическомъ классѣ* обучать a) сокращенному катихизису; b) чистописанію; c) правописанію; d) правиламъ для учащихся; e) россійской граматикѣ; f) первоначальнымъ латинскимъ словамъ; g) 1 и 2 части граматики латинской.

II. Въ *среднемъ граматическомъ классѣ:* a) повторить сокращенный катихизисъ; b) учить правописанію; c) граматикѣ латинской; d) священной исторіи; e) домашнимъ разговорамъ съ граматическимъ разборомъ; f) 1, 2 и 3 части латинской граматики.

III. Въ *высшемъ граматическомъ классѣ:* a) повторить со-

кращенный катихизисъ; b) учиться школьнымъ разговорамъ съ граматическимъ разборомъ; c) Гибнеровой исторіи на латинскомъ языкѣ тоже съ граматическимъ разборомъ; d) россійской граматикѣ; e) правописанію; f) всей латинской граматикѣ. При чемъ преподавателямъ вмѣнено въ обязанность »имѣть прилеж»ное смотрѣніе въ семъ классѣ за учениками, чтобъ они начи»нали разговаривать латинскимъ языкомъ, чего самаго и въ по»слѣдующихъ высшихъ классахъ неослабно наблюдать«.

IV. Въ *поэзіи:* a) читать пространный катихизисъ; b) книгу о должностяхъ; c) поэзію россійскую; d) поэзію латинскую и e) заниматься чтеніемъ и переводомъ авторовъ на россійскій и латинскій языки.

V. Въ *реторикѣ:* a) изъяснять евангелія воскресныя и праздничныя, изъ коихъ воскресныя по субботамъ, а праздничныя на канунѣ праздника; b) учить реторикѣ россійской; c) учить реторикѣ латинской, »которая указомъ предписана« и d) заниматься чтеніемъ авторовъ россійскихъ и латинскихъ по правиламъ реторическимъ.

VI. Въ *классѣ высшаго краснорѣчія:* a) читать рѣчи лучшихъ авторовъ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ; b) дѣлать онымъ логическія и реторическія резолюціи, и по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи; c) обучать исправнѣйшему на россійскомъ языкѣ переводу.

VII. Въ *классѣ философскомъ:* a) преподавать краткую исторію философіи; b) логику, метафизику и нравоученіе по Баумейстеру; c) натуральную исторію и физику, по руководствамъ, изданнымъ для народныхъ училищъ; d) занимать изъясненіемъ евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, а между тѣмъ »кромѣ »диссертацій студентамъ упражняться въ сочиненіи и сказываніи »по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ проповѣдей, по пре»жнему порядку, какъ въ семъ, такъ и въ богословскомъ классѣ »введенному«.

VIII. Въ *богословскомъ классѣ:* a) преподавать краткую церковную исторію съ показаніемъ главныхъ эпохъ; b) герменевтику; c) систему догматико-полемическаго и нравственнаго богословія Ѳ. Прокоповича; d) Пасхалію; e) читать свящ. Писаніе съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ; f) книгу Кормчую; g) книгу о должностяхъ приходскаго священника; h) толковать публично по воскреснымъ днямъ предъ литургіею по правиламъ герменевтики, съ присоединеніемъ правоученій, апостольскія посланія.

Кромѣ всего этого особою статьею опредѣлялось, »какихъ »классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обу»чаться«. Нижняго граматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, »яко въ сей и другихъ къ ней сосѣдственныхъ »губерніяхъ употребляемому. Средняго класса ученикамъ про»должать польскій и начинать ариѳметику. Ученикамъ высшаго »граматическаго класса продолжать ариѳметику и польскій языкъ, »начинать нѣмецкій или французскій языкъ, смотря по способ»ности и расположенію учениковъ. Ученикамъ поэзіи продол»жать начатые языки и начинать исторію и географію. Свя»щенно-церковническимъ дѣтямъ всѣмъ безъ исключенія начи»нать греческій языкъ. Студентамъ реторики продолжать на»чатые языки и начинать математику; священническимъ же »дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ. Студенты фило»софіи, изъ коихъ можетъ всякій избирать для себя новыя на»уки или языки; священно-церковническимъ же дѣтямъ про»должать греческій и еврейскій языки. Въ классахъ высшаго »краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и бого»словія. Симъ самымъ студентамъ въ особые часы, выше по»казанные, обучаться сельской и домашней економіи. Рисо»вальному искуству обучаться по произволенію ученикамъ всѣхъ »классовъ, имѣющихъ къ оному охоту и способность, однакожъ »по правиламъ. Учредить для наблюденія за поведеніемъ всѣхъ »учениковъ, какъ въ студентскомъ сиротскомъ домѣ, такъ и по

»квартирамъ жительство имѣющихъ инспекторовъ, которымъ и »навѣдываться почасту на квартиры, и въ случаѣ замѣчанія въ »комъ изъ учащихся предосудительныхъ поступковъ доносить »неопустительно академическому начальству для поступленія съ »виновными по XIX пункту Синодальнаго указа. Имѣть не»дремлемое смотреніе учрежденнымъ инспекторамъ, дабы уче»ники всѣхъ классовъ по воскреснымъ, праздничнымъ и высоко»торжественнымъ днямъ, ходя на вечерни, заутрени и литургіи »въ академическую или приходскія церкви, читали въ оныхъ »по очереди церковныя книги, упражнялися въ пѣніи и пріо»бучалися уставу церковнаго круга«.

Програма эта, заключающая въ себѣ преподаваніе правилъ высшаго, то есть, церковнаго краснорѣчія, герменевтики, кормчей и книги о должностяхъ приходскаго священника, а также предписаніе воспитанникамъ Академіи заниматься въ храмахъ чтеніемъ, пѣніемъ и уставомъ церковнымъ, ясно показываетъ, что древнѣйшее въ нашемъ отечествѣ училище, уступивъ распространеніе другихъ наукъ вновь созидаемымъ свѣтскимъ школамъ, вполнѣ приняло характеръ духовнаго, не вмѣняя однакожъ тѣснѣе опредѣляемыхъ правилъ тѣмъ воспитанникамъ, которые поставили себѣ другое назначеніе въ общественной жизни. Такимъ образомъ до конца сохранивъ высокое титло распространительницы христіанскаго, истинно-русскаго просвѣщенія, Академія, среди возникшаго шума европейскаго совершенствованія, беретъ на свою долю то, что завѣщано ей великими ея основателями, хранить, то есть »непорушно вызнаня »вѣры и догматъ св. Вселенскими седми соборами Церкви во»сточной установленныхъ«.

Бремя ближайшаго управленія Академіей, въ званіи вицеректора, несъ Кіево-михайловскій, а потомъ Кіево-николаевскій архимандритъ *Ѳеофилактъ Слоницкій*. Должность эту онъ принялъ въ 1795 году, и не отправляя наставническихъ обязан-

ностей, завѣдывалъ только внѣшней училищной администраціей. Императоръ Павелъ I, »во изъявленіе Высочайшаго своего бла»говоленія къ ревностнымъ трудамъ и усердной службѣ его«, 8 генваря 1799 года пожаловалъ *Өеофилакта* кавалеромъ ордена св. Анны 2 степ. Это былъ первый примѣръ Монаршаго награжденія ректоровъ Академіи и первый архимандритъ въ Кіевѣ съ орденомъ на груди. Вслѣдъ за симъ указомъ св. Синода отъ 17 генваря того же года повелѣно было произвести въ архимандриты соборнаго іеромонаха гамалѣевскаго монастыря *Иринея Фальковскаго*, съ оставленіемъ его по прежнему наставникомъ Академіи. Такимъ образомъ, не нося оффиціально званія ректора, Ириней и по сану своему и по занятіямъ и по вліянію на дѣла училищныя былъ ближайшимъ блюстителемъ кіевскихъ школъ. Уваженіе къ нему всей Академіи отъ профессоровъ до послѣдняго воспитанника было безгранично; а любовь къ нему кіевлянъ перешла и за предѣлы его гроба. Братскій монастырь почиталъ его своимъ архимандритомъ, забывая, что онъ состоитъ въ штатѣ монастыря гамалѣевскаго. И дѣйствительно, такихъ людей, какъ *Фальковскій*, Академія имѣла немного: и богословъ, и философъ, и математикъ и лингвистъ и ораторъ и поэтъ, и вдобавокъ, другъ наставниковъ и студентовъ! Не мудрено послѣ этого, что имя его доселѣ сливается съ воспоминаніемъ о прекрасныхъ дняхъ уже отжившей свой славный вѣкъ старой Академіи.

Въ 1797 году 18 декабря послѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи, по образцу кіевской и московской, еще двухъ духовныхъ академій въ С. Петербургѣ и Казани, и вмѣстѣ съ симъ предписано всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ войти въ соображеніе объ обезпеченіи православнаго бѣлаго духовенства. Въ слѣдствіе указа объ этомъ св. Синода отъ 17 февраля 1798 года митрополитъ Іероөей немедленно приступилъ къ собранію необходимыхъ свѣдѣній: но кончина сего архипастыря, послѣ-

довавшая 2 сентября 1799 г., прекратила дальнѣйшее его служеніе Церкви, престолу и отечественному просвѣщенію.

»Уже и сей пастырь нашъ въ вѣчности, возглашалъ надъ гробомъ усопшаго знаменитый Леванда. Онъ не замедлилъ у »насъ. Не успѣлъ оглядѣться съ стадомъ Христовымъ, не успѣлъ всѣхъ добротъ души своея открыть намъ; уже и позванъ »въ вѣчность. О вѣчность заемлющая и не возвращающая! »Мало было отнять у насъ Самуила; отнять у сердецъ нашихъ »и Іероѳей. Мы, видно, осуждены пастырей погребать. Едва »отерты слезы при погребеніи первомъ, поспѣло второе«[126].

Дѣйствительно, кратковременно было служеніе Іероѳея на каѳедрѣ кіевскаго первосвятительства: но и въ этотъ срокъ онъ успѣлъ раскрыть высокія черты своей превосходной души. Мудрость и попечительность его испытала вся паства, а смиренномудріе и кротость видны были всякому, кто стоялъ къ нему въ ближайшихъ отношеніяхъ. Поразительный примѣръ истинно-христіанскаго смиренія и отеческой снисходительности представилъ Іероѳей въ такомъ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ лично оскорбленъ и гдѣ оскорбитель отданъ былъ въ его руки. *Ириней Фальковскій*, вступившись за одного изъ студентовъ, подалъ митрополиту объясненіе, наполненное обидными выраженіями и такими пунктами, которые прямо подвергали его архипастырскому запрещенію. Іероѳей, не желая принимать на себя должность судьи по своему же собственному дѣлу, представилъ о томъ св. Синоду. Всѣ обстоятельства говорили противъ виновнаго, и *Фальковскій* былъ въ опасности лишиться сана и всѣхъ должностей, имъ занимаемыхъ. Синодъ потребовалъ чрезъ митрополита объясненіе отъ Иринея, предавая его суду церковному; но архипастырь не согласился погубить человѣка, увлеченнаго пылкостію характера, и мѣрами кротости рѣшился привести его къ раскаянію. Тронутый такимъ отеческимъ снисхожденіемъ, *Фальковскій* письменно признался въ »безразсудности своего до-

»ношенія и смиреннѣйше просилъ милостивѣйшаго отпущенія своей вины«. Тогда митрополитъ сдѣлался ходатаемъ предъ св. Синодомъ за того, кто оскорбилъ его такъ чувствительно, и старанія христіанина-пастыря увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Иринею указомъ св. Синода отъ 2 іюня 1799 года повелѣно было въ присутствіи дикастеріи сдѣлать строжайшій выговоръ и принять отъ него росписку въ томъ, что впредь не будетъ онъ нарушать правилъ законной подчиненности. Но вмѣстѣ съ этимъ Синодъ предписывалъ, »дабы болѣе не могло произойти »отъ него Иринея въ Кіевской Академіи какихъ либо неустройствъ »и неудовольствій, то, отрѣша его отъ исправленія въ той Ака»деміи должности богословія учителя, а равно и отъ управленія »гамалѣевскимъ монастыремъ, опредѣлить въ учрежденную въ »Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и »переводимыхъ книгъ до Церкви и ученій церковныхъ касаю»щихся коммиссію членомъ въ число назначенныхъ въ помощь »предсѣдательствующему въ ней чиновъ«. Такимъ образомъ Академія лишалась одного изъ лучшихъ и любимѣйшихъ своихъ наставниковъ, и конечно, лишилась бы, еслибъ протекторомъ ея не былъ человѣкъ, который готовъ былъ забыть себя для пользы тысячъ. Тотчасъ же по полученіи сего указа, митрополитъ, приказавъ дикастеріи воздержаться исполненіемъ статьи объ отрѣшеніи Иринея, а ему продолжать училищную службу, горячо сталъ ходатайствовать объ оставленіи Фальковскаго при Академіи со всѣми правами гамалѣевскаго архимандрита, и 27 іюля того же года полученъ былъ указъ св. Синода къ преосв. Іероѳею, гдѣ положена была слѣдующая резолюція: »Во ува»женіе представленій вашего преосвященства, что архимандритъ »Ириней въ учиненномъ имъ проступкѣ принесъ раскаяніе и »испросилъ у васъ подобающее прощеніе, обѣщаясь заслужить »вину свою ревностными трудами и добрымъ поведеніемъ, так»же уважая и описываемую вами надобность въ немъ архиман»дритѣ, яко искусномъ въ ученіи для пользы тамошней Ака»деміи, св. Синодъ оставляетъ его по прежнему при той Ака-

»деміи съ исправленіемъ должности богословія учителя потому »наипаче, что и штатъ гамалѣевскаго монастыря, гдѣ онъ Ириней былъ архимандритомъ, перенесенъ на Кіево-братскій, въ »разсужденіи чего, согласно представленію вашего преосвященства, быть ему архимандриту и настоятелемъ въ томъ Кіево-»братскомъ второкласномъ училищномъ монастырѣ, поручивъ »оный ему въ управленіе по надлежащему; а за симъ уже не »отправляя его Иринея въ учрежденную въ Москвѣ для раз-»сматриванія книгъ и сочиненій Духовную Коммиссію, куда онъ »опредѣленъ былъ членомъ, не дѣлать по прежнему о семъ изъ »св. Синода предписанію«[127]. Такъ истинный христіанинъ и другъ человѣчества умѣетъ мстить своимъ оскорбителямъ!..

Какбы на прощанье съ Академіей, высокій протекторъ ея словесно повелѣлъ всѣмъ живущимъ по приходскимъ школамъ священно-церковно-служительскимъ дѣтямъ, круглымъ сиротамъ, выдавать изъ процентной академической суммы на пропитаніе по *три* копѣйки въ день или по *девяносто* копѣекъ въ мѣсяцъ.

Число воспитанниковъ Академіи въ 1798 году простиралось до 950, а въ 1799 до 1086 человѣкъ.

Еще блюдетъ и хранитъ Господь Богъ многихъ изъ тѣхъ питомцевъ эпохи Іероѳея, имена которыхъ внесутся потомъ въ скрижали церковной іерархіи и отечественнаго просвѣщенія: но есть уже и такіе, которые окончили свой вѣкъ и заслужили себѣ вѣчную память въ потомствѣ.

Велланскій Даніилъ Михайловичъ, заслуженный профессоръ с.-петербургской медико-хирургической академіи, статскій совѣтникъ, родился 1773 года въ Кіевѣ и принадлежалъ къ дворянскому сословію. Достигнувъ философскаго класса въ Кіевской Академіи, онъ въ 1797 году поступилъ въ с.-петербургское медико-хирургическое училище, а черезъ три года утвержденъ былъ кандидатомъ медицины и хирургіи, и вы-

державъ экзаменъ на званіе лекаря, былъ отправленъ для дальнѣйшаго образованія въ чужіе края. Занимаясь тамъ оффиціально уроками медицинскими, *Велланскій*, покаряясь данному ему въ началѣ образованія направленію, всей душой привязался къ философіи, которая въ ту пору представителями своими за границей имѣла знаменитыхъ Фихта, Окена и пылкаго умомъ и воображеніемъ Шеллинга. Черезъ два года нашъ медикъ-философъ воротился въ свое отечество и получилъ мѣсто въ с.-петербургской медико-хирургической академіи адъюнкта физіологіи, патологіи и гигіены. Съ этой поры началась ученая служба и литературная извѣстность *Велланскаго*. Занявъ въ 1809 году каѳедру ордин. профессора анатоміи и физіологіи, онъ никакъ не могъ удержать ума своего въ предѣлахъ близкой существенности и постоянно порывался въ область метафизики. Его разсужденія, полагаемыя въ основу медицинскихъ сочиненій, рѣшительно отзывались духомъ мечтательной философіи Шеллинга. Убѣжденный, что »Шеллингово огненное перо должно пожечь бренныя селенія дряхлой учености«, *Велланскій* смѣло приступилъ къ задуманному дѣлу введенія въ Россію того ученія, какое процвѣтало тогда во всѣхъ европейскихъ университетахъ и пустилъ въ свѣтъ: *Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естественнаго познанія*, и потомъ: *Опытную, наблюдательную и умозрительную физику*. Но не смотря на всю выспренность мечтательной философіи *Велланскаго*, очаровывавшаго нѣкогда современниковъ и теперь еще имѣющаго своихъ поклонниковъ, аксіомы и положенія его, давно уже отвергнутыя самимъ учителемъ его Шеллингомъ, никогда не могли привиться къ русскому уму, всегда спокойному и точному въ дѣлѣ мышленія. тѣмъ болѣе, что и самый языкъ огерманившагося мыслителя былъ труденъ къ уразумѣнію, и шелъ вопреки русскому складу рѣчи. Въ 1838 году *Велланскій*, по случаю потери зрѣнія, уволенъ былъ отъ должности съ пенсіономъ по 5500 р. въ годъ и скончался 1842 года въ Петербургѣ[426].

Визерскій Іеронимъ родился 1769 года и при св. крещеніи нареченъ былъ Игнатіемъ. Отецъ его былъ полковымъ священникомъ въ козловскомъ полку, состоявшемъ подъ начальствомъ Суворова. Юный Игнатій отданъ былъ родителемъ своимъ въ каневскія польскія училища, и послѣ переведенъ въ Кіевскую Академію, гдѣ, начавъ съ инфимы, кончилъ полный курсъ наукъ, отличившись особенно страстію къ лингвистикѣ и знаніемъ нѣмецкаго языка. Будучи вызванъ въ волынскую семинарію на каѳедру философіи, *Визерскій* 1808 года принялъ тамъ монашество, а въ слѣдующемъ году назначенъ настоятелемъ Загаецкаго монастыря и за тѣмъ, по указу св. Синода, произведенъ въ архимандрита. Спустя нѣсколько времени онъ сдѣланъ былъ ректоромъ той же семинаріи, а по преобразованіи кіевскаго учебнаго округа переведенъ къ той же должности въ Черниговъ, гдѣ и служилъ до 1830 года, бывъ награжденъ въ продолженіе этого времени орденами св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 степ. Въ томъ же году *Іеронимъ* вытребованъ былъ въ Петербургъ на чреду, и по окончаніи положеннаго срока назначенъ настоятелемъ первокласнаго свіяжскаго Богородицкаго монастыря, въ которомъ и скончался 1837 года, оставивъ по себѣ добрую память между людьми, близко знавшими его[429].

Галинскій Авксентій родился 1782 года въ м. Обуховѣ, повѣта кіевскаго, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ и при крещеніи нареченъ былъ Аѳанасіемъ; по окончаніи полнаго курса наукъ въ Академіи, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, онъ оставленъ былъ тамже учителемъ русскаго языка во второмъ классѣ, при чемъ поручено было ему и преподаваніе языка греческаго въ низшемъ отдѣленіи. Въ теченіи 14 лѣтъ Академія видѣла его въ школахъ своихъ проходившаго разныя училищныя должности. Пожелавъ оставить свѣтское званіе, *Галинскій* въ 1814 году принялъ монашество, продолжая трудиться на пользу воспитавшаго его училища. По преобразо-

ванія кіевскаго учебнаго округа *Авксентій* 1817 года переведенъ былъ въ воронежскую семинарію къ должности инспектора и учителя богословскихъ наукъ, гдѣ, по опредѣленію Коммиссіи народныхъ училищъ, утвержденъ былъ черезъ два года и ректоромъ. Но неблагопріятныя отношенія къ бывшему префекту семинаріи и тогдашнему профессору философіи, знаменитому своей ученостью, протоіерею каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора, П. Я. Зацѣпину, были причиною того, что *Авксентій* указомъ св. Синода переведенъ былъ въ Кіево-печерскую Лавру съ препорученіемъ проповѣдывать слово Божіе. Проходя разныя должности, *Галинскій* въ 1826 году назначенъ былъ намѣстникомъ Лавры и тогда же произведенъ въ санъ архимандрита. Черезъ восемь лѣтъ онъ получилъ въ управленіе Кіево-николаевскій монастырь съ опредѣленіемъ въ члены кіевской консисторіи. Въ тоже время поручена была ему должность благочиннаго надъ штатными кіевскими, а вскорѣ за тѣмъ и надъ заштатными монастырями, находящимися внѣ Кіева. За пониженіемъ въ 1842 году Кіево-николаевскаго монастыря во второй классъ, *Авксентію* предоставлено было указомъ св. Синода лично пользоваться правами первокласнаго настоятеля. *Галинскій* имѣлъ счастіе присутствовать при коронаціи Императора Николая Павловича, въ память чего и получилъ серебряную медаль; въ 1827 году онъ былъ причисленъ къ ордену св. Анны 2 степ., а въ 1838 получилъ корону къ оному; въ 1841 награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. Добрый и любимый всѣми за свою простоту и дѣтское незлобіе, *Авксентій* скончался въ Кіевѣ 1 апрѣля 1844 года[130].

Данилевскій Алексѣй Ивановичъ, экстр. профессоръ повивальнаго искуства въ московскомъ университетѣ, родился 1770 года. Окончивъ курсъ наукъ въ 1799 году, *Данилевскій* рѣшился было поступить въ духовное званіе: но по прошествіи одного года, послушавшись нѣкоторыхъ изъ прежнихъ сотоварищей своихъ, отправился съ ними въ московскій универ-

ситетъ, гдѣ въ 1805 году удостоенъ былъ степени доктора медицины. Будучи съ 1804 года прозекторомъ, онъ послѣ того получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ повивальнаго искуства, а въ 1813 году возведенъ въ званіе экстраорд. профессора. По отзыву наставника и потомъ сотоварища его по службѣ В. М. Рихтера, *Данилевскій* отличался ученостью, неутомимымъ трудолюбіемъ, опытностью и человѣколюбіемъ. Онъ скончался въ Москвѣ 10 мая 1815 г.[131].

Ризенко Василій Павловичъ, ордин. профессоръ повивальнаго искуства въ московскомъ университетѣ, докторъ медицины, сынъ ратсгера кіевскаго магистрата, родился 27 декабря 1784 года. Поступивъ въ Академію, онъ продолжалъ здѣсь ученіе до шестнадцатилѣтняго возраста и оказалъ особенную наклонность къ поэзіи[132]. Въ 1800 году *Ризенко* перешелъ въ бывшую при университетѣ академическую гимназію, откуда поступилъ въ университетъ, и по окончаніи курса наукъ во врачебномъ отдѣленіи, началъ дѣйствительную службу въ званіи вольнопрактикующаго врача. Съ 1810 года *Ризенко* является уже собственно на ученомъ поприщѣ и въ званіи доктора медицины трудится въ томъ мѣстѣ, которому былъ обязанъ окончательнымъ своимъ образованіемъ. Тяжкая болѣзнь скоро однакожъ привела его къ могилѣ. *Ризенко* скончался 11 генваря 1826 года, оплаканный облагодѣтельствованными имъ бѣдными людьми, помогать которымъ считалъ онъ святою потребностію своей прекрасной души[133].

Тимковскій Романъ Ѳедоровичъ, публичный ордин. профессоръ римской и греческой словесности, докторъ философіи и словесности греческой и латинской, родился 1785 года въ деревнѣ Згарѣ, полтавской губерніи, золотоношскаго повѣта. Отецъ его, служившій тамъ въ чинѣ коллежскаго ассессора, не имѣя достаточнаго состоянія, чтобъ содержать сына на своемъ иждивеніи, отдалъ его въ ученіе къ брату своему, пребывавшему

на обѣщаніи въ Кіево-печерской Лаврѣ. Выучившись здѣсь русской грамотѣ, *Тимковскій*, по милости своего дяди, опредѣленъ былъ въ Кіевскую Академію, гдѣ, не смотря на юныя лѣта, отличился предъ всѣми неутомимымъ трудолюбіемъ и быстрыми успѣхами въ наукахъ. Въ 1797 году онъ уже окончилъ школу поэзіи, и самъ изъявилъ желаніе поступить въ гимназію при московскомъ университетѣ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, *Тимковскій* имѣлъ уже серебряную медаль и званіе студента университета, а съ небольшимъ двадцати степень доктора философіи. Въ 1806 году *Тимковскій*, по назначенію университетскаго начальства, отправленъ былъ въ чужіе краи для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ древней словесности. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, *Тимковскій* вступилъ въ ученую службу, которую и продолжалъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1820 году. »Съ глубокими свѣдѣніями, въ »греческой и римской словесности, говоритъ его біографъ въ III томѣ рѣчей профессоровъ московск. универс. *Романъ Өедо»ровичъ* соединялъ основательное знаніе древностей и исторіи. »Кромѣ древнихъ языковъ, ему были извѣстны нѣмецкій, фран»цузскій, англійскій и польскій. Философія также была люби»мымъ его занятіемъ. Какъ искусный критикъ, *Тимковскій* »умѣлъ тонко раздроблять предметъ и глубоко проникать въ »оный; порядокъ и точность были средствомъ и цѣлію его из»слѣдованій, какія онъ посвящалъ и на разсмотрѣніе историче»ской истины, и на опредѣленіе происхожденія и значеніе од»ного слова. Въ послѣднее время жизни своей *Романъ Өедо»ровичъ* примѣтно охладѣвалъ сердцемъ и дѣлался равнодушнымъ »къ ученымъ занятіямъ; болѣзни, изнурявшія его тѣло, наво»дили уныніе на душу. Сіе-то чувство, отдаляя отъ друзей и »товарищей, влекло его въ уединеніе, въ коемъ онъ часто за»ключалъ себя«. Важнѣйшая заслуга *Тимковскаго* отечественной литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый подвергъ критикѣ установленное на шаткихъ основаніяхъ въ XVIII вѣкѣ мнѣніе о сочиненіи препод. Нестора. Изданіе Несторовой лѣ-

тописи, по лаврентьевскому списку, начатое *Тимковскимъ*, до сихъ поръ считается образцовымъ[134].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГАВРІИЛЪ БАНУЛЕСКО.

Біографія Гавріила. Устройство экономической части въ Академіи. Содержаніе студента. Распредѣленіе жалованья учителямъ. Прочие хозяйственные расходы. Введеніе въ Академію преподаванія врачебной науки. Открытіе класса нотнаго пѣнія. Отчетъ Фальковскаго о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Академіи. Инструкція суперъ-интендентамъ. Инструкція инспекторская. Высылка студентовъ въ разныя училища. Отбытіе Гавріила.

1799—1803.

Въ 1799 году на мѣсто усопшаго Іероѳея назначенъ новороссійскій митрополитъ Гавріилъ Банулеско. Императоръ Павелъ I назначеніемъ симъ желалъ успокоить старца и оказать ему Монаршее вниманіе за тѣ испытанія, какія понесъ онъ изъ любви и преданности престолу и новому своему отечеству.

Гавріилъ Банулеско родился 1746 года въ Трансильваніи въ г. Быстрицѣ отъ тамошняго дворянина и при крещеніи былъ наименованъ Григоріемъ. Окончивъ курсъ наукъ въ седмиградскихъ училищахъ, Банулеско прибылъ въ Кіевскую Академію для выслушанія уроковъ богословскихъ, и послѣ сего отправился путешествовать по Греціи съ цѣлію окончательнаго образованія себя въ духовной жизни. Возвратясь изъ путешествія, онъ опять началъ учиться въ разныхъ австрійскихъ училищахъ; наконецъ опредѣлился въ должность учителя латин-

скаго языка въ Яссахъ: но черезъ два года отказался отъ нея и уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ 1779 года принялъ монашество. Въ 1781 году Банулеско прибылъ въ Россію, и обласканный архіепископомъ славенскимъ Никифоромъ Ѳеотоки, поступилъ въ переяславскую семинарію учителемъ греческаго языка, гдѣ потомъ получилъ и званіе префекта. Черезъ три года онъ однакожъ оставилъ эту должность и возвратился въ Молдавію: но въ 1788 году опять прибылъ въ Полтаву уже въ санѣ архимандрита и получилъ мѣсто ректора семинаріи. Во время войны Россіи съ Турціей Гавріилъ былъ вызванъ въ молдавскую армію, и по ходатайству князя Г. А. Потемкина, посвященъ 1791 года въ Яссахъ въ епископа бендерскаго и аккерманскаго, а по окончаніи турецкой войны былъ пожалованъ митрополитомъ молдовлахійскимъ. Когда же войска наши вышли изъ Молдавіи: то ни Порта, ни опредѣленный отъ нея господарь молдавскій не захотѣли признать Гавріила въ санѣ, пожалованномъ ему отъ русской Императрицы. Въ ночь съ 19 на 20 іюня 1792 года Банулеско былъ схваченъ Арнаутами и отвезенъ подъ стражею въ Константинополь. Тамъ потребовали отъ него отреченія отъ покровительства Россійскаго Двора: но Гавріилъ не согласился измѣнить чести и присягѣ, и за то былъ посаженъ въ темницу. Свѣдавъ объ этомъ, Государыня употребила всѣ мѣры, чтобъ освободить вѣрнаго слугу Церкви и отечества, и благодаря Монаршему заступленію, Гавріилъ снова увидѣлъ благословенную Россію. По прибытіи въ Николаевъ, онъ опредѣленъ былъ указомъ 10 мая 1793 года на упраздненное мѣсто архипастыря екатеринославскаго и херсониео-таврическаго, а по воцареніи Императора Павла переведенъ въ Новомиргородъ въ званіи митрополита новороссійскаго и днѣпровскаго. Въ царствованіе Александра Благословеннаго Гавріилъ былъ пожалованъ въ члены св. Синода и награжденъ орденомъ св. Андрея первозваннаго.

»Тебя ждала юность и науки; ты желанія ихъ свершишь«!

говорилъ въ привѣтственной своей рѣчи Леванда, и не обманулся, а вмѣстѣ съ нимъ не обманулась и Академія въ своихъ ожиданіяхъ. Тотчасъ же по прибытіи на паству, Гавріилъ занялся распредѣленіемъ той суммы, которая положена была еще при предмѣстникѣ его новыми духовными штатами. Для приведенія въ лучшій порядокъ економической части по училищу, онъ 14 декабря 1799 года назначилъ особаго казначея или економа, опредѣливъ къ этой должности находившагося при домѣ архіерейскомъ монаха *Вавилу* и снабдилъ его надлежащею къ тому инструкціей[135]. Вслѣдъ за симъ митрополитъ далъ предложеніе академическому правленію о приведеніи въ ясность расходовъ, требуемыхъ собственно на содержаніе учениковъ и на устройство вновь проэктируемой больницы, чтобы за тѣмъ учинить, примѣняясь къ синодальному 1798 года указу, точное распоряженіе о назначеніи жалованья преподавателямъ. Во исполненіе такого предложенія академическое правленіе рапортомъ отъ 9 марта 1800 года донесло митрополиту, что воспитанники казеннокоштные, по причинѣ накопленія совершенно безпомощныхъ сиротъ, пользующихся изъ милости столомъ академическимъ, чувствуютъ во многомъ крайнюю нужду; для устраненія чего оно полагаетъ, не лишая бѣдныхъ учениковъ насущнаго пропитанія, 1) пересортировать тѣхъ изъ нихъ, которые пользуются казеннымъ содержаніемъ, и мало способныхъ вовсе устранить отъ Академіи или для опредѣленія въ причетническія должности или для избранія себѣ другаго какого либо образа жизни и »мастерства«; 2) пріостановиться на время постройкою новаго платья; 3) обязать подпискою тѣхъ родителей, которые въ состояніи помогать своимъ дѣтямъ, »чтобъ они »обязательства, возложенныя на нихъ природою, выполняли«; 4) замѣчательныхъ въ нерадѣніи къ наукамъ или »вдающихся »въ распутную для соблазна своихъ сотоварищей жизнь« немедленно исключить изъ Академіи; и 5) велѣть економу составить подробную опись имуществу каждаго казеннокоштнаго воспитанника и вести оному надлежащую отмѣтку про-

чности или обветшалости одежды, по личном удостоверенiи въ томъ.

Ко всему этому присоединилось и то обстоятельство, что въ это время предположено было вытребованiе изъ сосѣднихъ семинарiй учениковъ, которыхъ слѣдовало снабжать всѣмъ, что нужно для казеннаго воспитанника, да кромѣ того слѣдовало отпустить дополнительную сумму (1281 р. 11 коп.) на окончательное устройство академической больницы, воздвигнутой на подворьѣ, называемомъ *броварнымъ*.

Оставалось еще привести въ ясность, чего стоитъ Академiи содержанiе студента. Для этого представлена была митрополиту подробная роспись, изъ которой оказалось, что студентовъ и учениковъ можно содержать въ Бурсѣ не болѣе 200 человѣкъ, изъ коихъ 50-ти можно строить чуйку, шубу, халатъ, шапку, шляпу и проч. три пары рубахъ, двѣ пары сапоговъ и третьи *пришвы*, а также и приличную постелю, на что требовалось:

a) на *чуйку* въ 12 р. каждая—пятидесяти человѣкамъ—600 р. Но поелику чуйка должна служить три года, то всякiй годъ поставляется въ расходъ 200 р., а 400 должно считать запмообразными.

b) на *шубу* въ 9 р.—450 р.; а какъ всякой шубѣ полагается трехгодичный срокъ: то въ расходъ ежегодно выводится 150 р. а 300 считаются запмообразными.

c) на *шапку* въ 1 р. цѣною въ годъ	50 р.
d) на *шляпы* лѣтнiя, по 60 коп	30 —
e) на *халаты* каждый по 2 р. 50 коп.	125 —
f) на три *рубахи* по 1 рублю каждая	150 —
g) *нижняго платья* по три штуки, каждая по 48 к.	72 —
h) За постройку двухъ послѣднихъ статей, полагая за каждую пару по 20 коп.	30 —

i) *Сапоговъ* по двѣ пары—каждая по 1 рублю . . 100 р.
k) и за 50 *пришвъ* по 80 коп. . . . . 40 —
l) *Постелей* на 50 человѣкъ по 6 р. . . . . . . 300 —
Но такъ какъ онѣ дѣлаются навсегда и требуютъ только ремонту, то для сего полагается только . . . 100 —
m) на *харчи* для 200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ считается 50 казеннокоштныхъ и 32 человѣка ожидаемыхъ изъ другихъ семинарій, а также разного рода служителей,— нужно ржаной муки три тысячи пудовъ; полагая каждый пудъ по 45 коп. выходитъ . . . . 1350 —
n) *пшена и крупъ гречневыхъ* 50 четвертей каждая по 7 р. . . . . 350 —
o) *Соли* 100 пудовъ по 40 коп. . . . . . . 40 —
p) *Сала свинаго* 50 пудовъ по 3 р. . . . . . 150 —
q) на *говядину* »въ нарочитые дни«. . . . . . 50 —
r) *конопляного масла* 50 пудовъ по 3 р. . . . 150 —
s) на *варево* разнаго рода . . . . 80 —

Итого собственно для стола студентскаго слѣдуетъ 2170 р. а прибавивъ къ этому жалованье тридцати двумъ иногороднимъ студентамъ по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ— 576 р. выйдетъ росхода . . . . 3993 —

Остатокъ (7 рубл.) отъ израсходованія предполагаемой третьей части суммы, положенной указомъ 1798 года, очевидно ни къ чему не могъ послужить; по крайней мѣрѣ теперь представлялась возможность распредѣлить остальныя двѣ части надлежащимъ образомъ, и потому назначено было:

I. *Учителямъ ординарныхъ классовъ:*

1) Ректору и учителю богословія . . . . . . 350 р.
2) Префекту и учителю философіи . . . . . . 300 —
3) Учителю латинской и россійской реторики . . 200 —

4)	Учителю латинской и россійской поэзіи . . .	180 р.
5)	Учителю высшаго класса граматики	150 —
6)	Учителю средняго класса граматики	130 —
7)	Учителю нижняго класса граматики	110 —

II. *Учителямъ экстра ординарныхъ классовъ:*

1)	Учителю высшаго краснорѣчія	200 р.
2)	Учителю высшаго класса французскаго языка.	150 —
3)	Учителю нижняго класса французскаго языка.	100 —
4)	Учителю высшаго греческаго класса	150 —
5)	Учителю нижняго греческаго класса	100 —
6)	Учителю высшаго класса нѣмецкаго языка .	150 —
7)	Учителю нижняго класса нѣмецкаго языка. .	100 —
8)	Учителю еврейскаго языка	100 —
9)	Учителю смѣшенной математики	100 —
10)	Учителю чистой математики высшаго класса .	100 —
11)	Учителю чистой математики нижняго класса .	100 —
12)	Учителю польскаго языка.	80 —
13)	Учителю географіи и исторіи	120 —
14)	Учителю рисовальнаго класса	50 —
15)	Учителю економіи	50 —
16)	Учителю ариѳметики 1 части	50 —
17)	Учителю ариѳметики 2 и 3 части	50 —
	Штабъ-лекарю	300
	Помощнику его	60 —
	Коммиссару[436].	120 —
	Писцамъ.	60 —

На бумагу, сургучъ и другія канцелярскія надобности . . . . 50 —

Всего 3740 р. слѣдовательно отъ этой части въ остаткѣ . . . . 260 р.

Такимъ же порядкомъ распредѣлена была и вторая часть ассигнованной суммы.

1) На содержаніе больныхъ	200 р.
2) На медикаменты и травы.	400 —
3) На починку учительскихъ покоевъ, школъ и студентскаго дома	500 —
4) На мѣдную, желѣзную и другую поваренную посуду въ студентскомъ домѣ	100 —
5) На деревянную посуду	120 —
6) На дрова съ выгрузкою и порѣзкою для отопленія студентскаго дома и печей въ классахъ . . .	900 —
7) На 30 пудовъ свѣчей для учениковъ въ студентскомъ домѣ, полагая каждый пудъ по 5 рублей .	150 —
8) На разныхъ служителей, какъ то: двухъ конюховъ, одного для классовъ, одного для академическаго правленія, двухъ хлѣбниковъ, двухъ поваровъ, двухъ сторожей для студентскаго дома, трехъ сторожей для больницы, полагая каждому по 35 рубл. въ годъ . .	455 —
9) На овесъ лошадямъ и конюшенную сбрую. .	150 —
10) На умноженіе библіотеки	200 —
11) На покупку учебныхъ книгъ	100 —
Слѣдовательно, за расходомъ 3430 рублей остается въ економіи.	570 —

Изъ сравненія этой отчетности съ отчетностію, взятою за сто лѣтъ назадъ, нельзя не видѣть, что Академія, со стороны содержанія наставниковъ и воспитанниковъ, совсѣмъ не та, что была тогда, когда имѣла свои собственные источники доходовъ, пріобрѣтенные или отъ благотворителей или законною покупкой, когда обогащали ее взносами и угодьями. Конечно, численность суммы, приходящейся на каждаго наставника и воспитанника, далеко выше противъ прежняго: но за то уже не отпускается никому ничего изъ жизненныхъ припасовъ, которые Академія и всякій наставникъ должны покупать на свой счетъ, а между тѣмъ все подорожало и цѣнность монеты упала въ своемъ значеніи. Благодареніе Богу, что еще не оставляля Ака-

демію благородные ея благотворители. Такъ 1803 года 3 генваря получила она отъ миргородскаго архимандрита *Гавріила* билетъ на 4000 рублей. Конечно, это не много, по крайней мѣрѣ такое пожертвованіе вѣрно и можетъ навсегда сохранить свойство неприкосновенности.

Императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи на прародительскій престолъ, указомъ, даннымъ св. Синоду 17 іюля 1802 года, повелѣлъ, дабы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ открыто было преподаваніе врачебной науки. »Извѣстно, сказано въ указѣ, что въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ врачей, по невѣ»жеству, закоренѣлому обычаю и по пріемамъ пользованія бо»лѣзней, противнымъ естеству и здравому разуму, часто самые »легкіе припадки дѣлаются смертоносны. Желая открыть по»селянамъ по сей части нужную и столько же простую, какъ »и близкую къ образу ихъ жизни помощь, я призналъ за благо »возложить сіи обязанности на духовенство, доставивъ ему спо»собы съ познаніями, сану его свойственными, соединять нѣко»торое понятіе и о врачебной наукѣ«. Для исполненія этого благотворнаго предначертанія Кіевская Академія, по сношенію съ инспекторомъ врачебной управы, докторомъ медицины *Масловскимъ*[137], 27 августа того же года сдѣлали слѣдующія распоряженія: 1) начать преподаваніе первыхъ началъ врачебной науки тотчасъ по окончаніи вакацій; 2) съ разными требованіями, по части доставки необходимыхъ инструментовъ, обращаться въ кіевскую врачебную управу; 3) на лекціяхъ бывать студентамъ богословія, философіи, реторики и никакъ не ниже учениковъ поэзіи; 4) лекціи читать на латинскомъ языкѣ, съ поясненіями на русскомъ; 5) что касается до числа уроковъ, то »поелику учащіеся занимаются языками каждый не меньше »двухъ, а притомъ занимаются и другими свободныхъ наукъ »предметами, то дабы очень частыми лекціями не обременить »до безполезности память, а многодѣяніемъ не ослабить благо»родныхъ склонностей«,— было положено на первый разъ, до

полученія отъ главнаго начальства повелѣній, въ каждую недѣлю давать по двѣ лекціи, на каждую по два часа.

Въ тоже время (1799 года) открытъ въ Братскомъ монастырѣ классъ нотнаго пѣнія, преподавателемъ котораго избранъ одинъ изъ академическихъ пѣвчихъ, студентъ философіи *Осипъ Моховъ* съ жалованьемъ по 50 рублей въ годъ: но поелику онъ принадлежалъ къ переяславской епархіи, то по выбытіи его, мѣсто это занялъ регентъ академическаго студентскаго хора *Георгій Барановичъ.* Цѣль этого класса была приготовить чтецовъ и пѣвцовъ собственно для монастыря; но это однакожъ не мѣшало и студентамъ, по ихъ желанію, брать уроки пѣнія. Для этого положено было по три часа въ недѣлю, а классъ назначенъ въ церкви. находившейся при настоятельскихъ келліяхъ.

Въ 1802 году 30 октября послѣдовало отъ министра народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго требованіе о доставленіи подробнѣйшихъ свѣдѣній о состояніи Кіевской Академіи. Во исполненіе сего предписанія тогдашній ректоръ Ириней Фальковскій собственноручно написалъ объ Академіи записку, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія:

I. О числѣ учителей, состоящихъ при должностяхъ.

Учителей въ Академіи состоитъ нынѣ при должностяхъ *девятнадцать,* изъ коихъ монашествующихъ *пять:*

Учитель богословія, второкласнаго Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ *Ириней.*

Учитель философіи, Академіи префектъ, Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ *Іакинѳъ.*

Учитель высшаго класса латинской граматики, Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ *Іоанникій.*

Учитель средняго класса латинской граматики, средняго

ариөметическаго и втораго историческаго и географическаго Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ *Серафимъ.*

Учитель русской школы іеродіаконъ *Өеодосій.*

Бѣлаго духовенства трое:

Учитель еврейскаго языка и нижняго нѣмецкаго класса кіевской Рождественской церкви священникъ *Шехновскій Григорій.*

Учитель еллино-греческаго языка высшаго класса Кіево-софійскаго собора священникъ *Семяновскій Стефанъ.*

Учитель смѣшенной математики, Фроловскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря протоіерей *Ляшковъ Трофимъ.*

Свѣтскихъ одиннадцать:

Учитель первоначальныхъ правилъ врачебной науки докторъ медицины, надворный совѣтникъ, кіевской врачебной управы инспекторъ *Масловскій Аөанасій*

Учитель практическаго французскаго языка и рисовальнаго искуства отставной капитанъ *Компаньонъ Карлъ.*

Учитель высшаго россійскаго и латинскаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса, московскаго Императорскаго университета студентъ, по окончаніи здѣшняго академическаго ученія, нарочно посыланный въ университетъ отъ Академіи. *Соколовскій Никита.*

Учитель латинской и россійской реторики, сельской и домашней економіи, окончившій въ здѣшней Академіи ученіе *Иванишевъ Димитрій.*

Учитель латинской и россійской поэзіи и высшаго класса чистой математики, московскаго Императорскаго университета студентъ, по окончаніи въ здѣшней Академіи ученія, нарочно посыланный въ университетъ отъ Академіи *Писпячевскій Михаилъ.*

Учитель нижняго латинской граматики, нижняго греческа-

го, нижняго ариѳметическаго, перваго историческаго и географическаго классовъ, окончившій въ здѣшней Академіи ученіе, *Соколовскій Каллистратъ.*

Учитель высшаго нѣмецкаго класса, уроженецъ области цесарской, окончившій ученіе въ Пресбургѣ, *Храпановъ Самуилъ.*

Учитель польскаго языка, четвертаго историческаго и географическаго и нижняго чистой математики классовъ, окончившій ученіе въ здѣшней Академіи, *Гловацкій Игнатъ.*

Учитель нижняго французскаго класса и нотнаго ирмолойнаго пѣнія, окончившій ученіе въ здѣшней Академіи *Барановичъ Георгій.*

Учитель третьяго географическаго и высшаго ариѳметическаго класса, окончившій въ здѣшней Академіи ученіе, *Посковъ Иванъ.*

Учитель простаго греческаго языка (*ἁπλᾶ*) студентъ философіи *Гедарульскій Иванъ.*

Второй пунктъ этой записки содержитъ показанія »о жалованьѣ наставникамъ и прочихъ выгодахъ, соединенныхъ съ ихъ должностями«. Особенностей, противъ изложеннаго выше, нѣтъ никакихъ, кромѣ развѣ того, что въ примѣчаніи къ этому пункту упомянуто: 1) что учитель богословія имѣетъ второклассный монастырь; 2) соборные іеромонахи получаютъ соборноіеромонашеское жалованье, не участвуя ни въ чемъ монастырскомъ; 3) священники имѣютъ приходы въ Кіевѣ, а свѣтскіе живутъ съ монашествующими »въ избахъ при Академіи, для »учителей построенныхъ, пользуясь дровами и свѣчми на ака»демическую сумму доставляемыми«.

III. О числѣ и возрастѣ учениковъ, занимающихся ученіемъ.

Студентовъ и учениковъ священно-церковно-служительскихъ кіевской и другихъ епархій, дворянскихъ и разночинческихъ

дѣтей, занимающихся въ Академіи ученьемъ 1146. Они принимаются въ Академію обучаться отъ началъ латинскаго языка—священно-церковно-служительскіе дѣти отъ 7 до 14 лѣтъ, а оканчиваютъ ученіе съ окончаніемъ трехлѣтняго курса богословія. Разночинцы же вступаютъ въ Академію разныхъ лѣтъ, и выбываютъ, по ихъ намѣреніямъ, изъ разныхъ классовъ.

Въ *четвертомъ* пунктѣ »о учебныхъ предметахъ въ училищѣ преподаваемыхъ«, показано таже самое, что и выше, съ присовокупленіемъ только врачебной науки и нотнаго ирмолойнаго пѣнія.

Пятый пунктъ, касающійся »образа введеннаго въ Академіи ученія«, содержитъ пространнѣйшее изложеніе того, о чемъ упомянуто нами прежде: но подробности эти такъ занимательны, что жаль было бы пропустить ихъ. *Принєй* пишетъ:

»На основаніи послѣдовавшаго изъ св. Прав. Синода 1798 года указа, образъ ученія въ Академіи слѣдующій:

»1. Въ *нижнемъ граматическомъ* классѣ учатся съ поясненіями на русскомъ языкѣ сокращенному катихизису, чистописанію, правописанію и россійской граматикѣ. По предметамъ латинскаго языка первоначалію латинскаго языка, 1 и 2 части латинской граматики, заставляя какъ въ семъ, такъ и въ прочихъ классахъ прочитанное выучивать наизусть, назначаются упражненія въ классѣ и въ домѣ съ россійскаго на латинскій языкъ.

»2. Въ *среднемъ граматическомъ* классѣ повторяется сокращенный катихизисъ, правописаніе, россійская граматика, учатъ свящ. исторіи. По предметамъ латинскаго языка: домашнимъ разговорамъ съ граматическимъ разборомъ; I, II и III части латинской граматики; назначаются упражненія въ

классѣ и въ домѣ съ начала года съ россійскаго на латинскій, а къ окончанію съ латинскаго на россійскій языкъ попеременно.

»3. Въ *высшемъ граматическомъ* классѣ учатъ пространному катихизису, правописанію, россійской граматикѣ, а по предметамъ латинскаго языка: школьнымъ разговорамъ и Гибнеровой исторіи съ граматическимъ разборомъ, латинской граматикѣ всѣхъ частей съ примѣчаніями; означаютъ упражненія въ классѣ и въ домѣ съ россійскаго на латинскій, и съ латинскаго на россійскій языкъ; притомъ пріучаются ученики разговаривать на латинскомъ языкѣ и при окончаніи года читаютъ правила просодіи.

»4. Въ *поэтическомъ* классѣ: пространному катихизису съ переводомъ латинскимъ, латинской просодіи количественной въ стихахъ, поэзіи россійской и латинской, періодологіи, тропологіи; о изобрѣтеніи и украшеніи изъ Ломоносовой реторики, читаютъ книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, двустишія Катона о правахъ, а для примѣра и подражанія, лучшихъ латинскихъ и россійскихъ стихотворцевъ; притомъ сочиняютъ ученики какъ россійскіе, такъ и латинскіе разныхъ родовъ стихи, и продолжаютъ разговаривать по латински.

»5. Въ *реторическомъ* классѣ читаютъ изъясненіе евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, изъ коихъ воскресныя по пяткамъ, а праздничныя на канунѣ каждаго праздника; учатъ россійской и латинской реторикѣ, съ объясненіемъ на обоихъ языкахъ; для подражанія и перевода читаются лучшіе россійскіе и латинскіе авторы съ риторическимъ разборомъ; притомъ сочиняютъ ученики періоды, хріи, письма и большія россійскія и латинскія рѣчи, которыя и говорятъ въ классѣ.

»6. Въ классѣ *высшаго россійскаго и латинскаго краснорѣ-*

чія читаютъ лучшихъ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ авторовъ рѣчи съ реторическимъ и логическимъ разборомъ, сочиняютъ на оныя имитаціи, и какъ рѣчи авторскія, такъ и имитаціи выучиваютъ наизустъ и говорятъ въ академическомъ собраніи. Въ семъ классѣ обучаются всѣ студенты богословіи и философіи.

»7. Въ *философскомъ* классѣ преподается съ объясненіемъ на латинскомъ языкѣ латинская краткая исторія философіи, логика, метафизика, нравственная философія, россійская естественная исторія, опытная физика и изъясненіе евангелій воскресныхъ и праздничныхъ. Между тѣмъ студенты занимаются сочиненіемъ и сказываніемъ наизустъ диссертацій, также приватными и публичными диспутами на латинскомъ языкѣ.

»8. Въ *богословскомъ* классѣ преподаются на латинскомъ языкѣ: краткая церковная исторія съ показаніемъ главныхъ эпохъ, герменевтика, система догматико-полемической и нравственной богословіи. На россійскомъ: пасхалія, свящ. писаніе съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, книга кормчая, книга о должностяхъ приходскаго священника, бываетъ толкованіе апостольскихъ посланій публично по воскресньмъ днямъ предъ литургіею по правиламъ герменевтики съ присоединеніемъ нравоученій. Студенты богословія кромѣ сего занимаются сочиненіемъ и сказываніемъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ проповѣдей, также диспутами приватными и публичными.

»9. Въ *еврейскомъ* классѣ учатъ еврейской граматикѣ съ подробнымъ разборомъ положенныхъ при каждомъ правилѣ примѣровъ; читаютъ ветхій завѣтъ съ разборомъ каждаго слова и письма еврейскихъ писателей тоже съ разборомъ. Въ семъ классѣ обучаются студенты философіи и богословіи.

»10. Въ *нижнемъ греческомъ* классѣ обучаютъ исправному

чтенію, выговору, правописанію, словопроизведенію, синтаксису и разговорамъ; означаются для упражненія съ россійскаго на преподаваемый языкъ переводы. Въ семъ классѣ обучаются ученики поэзіи и реторики.

»11. Въ *высшемъ греческомъ* классѣ повторяютъ синтаксисъ, обучаютъ разговорамъ, читаютъ рѣчи, письма и другія сочиненія лучшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ, съ показаніемъ свойствъ, выраженій и красоты преподаваемаго языка и заставляютъ студентовъ и учениковъ учить оныя наизустъ; для упражненія означается переводъ съ преподаваемаго на россійскій языкъ, а съ россійскаго на преподаваемый, сочиняютъ притомъ студенты рѣчи, письма и другія сочиненія. Въ сей классъ поступаютъ успѣвшіе въ нижнемъ классѣ студенты и ученики.

»12. Въ классѣ *простаго греческаго языка* (ἀλλὰ) обучаются простому разговорному языку. Въ семъ классѣ читаютъ краткое начертаніе греческихъ правилъ, простаго или общенароднаго, нынѣ употребляемаго Греками языка разговоры и притомъ занимаетъ учитель студентовъ и учениковъ разговорами на греческомъ языкѣ и переводами съ простаго греческаго на россійскій языкъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики и студенты высшаго и низшаго греческихъ классовъ.

»13. Въ *нижнемъ французскомъ* классѣ обучаютъ исправному чтенію, выговору, правописанію, словопроизведенію, синтаксису и разговорамъ; означаются для упражненія съ россійскаго на преподаваемый языкъ переводы. Въ семъ классѣ обучаются студенты и ученики разныхъ классовъ по произволенію и способностямъ.

»14. Въ *высшемъ французскомъ* классѣ повторяютъ синтаксисъ, обучаютъ разговорамъ, читаютъ рѣчи, письма и другія

сочиненія лучшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ, съ показаніями свойства, выраженій и красоты преподаваемаго языка, и заставляютъ студентовъ и учениковъ учить оные наизустъ; для упражненія означаются переводы съ преподаваемаго на россійскій и съ россійскаго на преподаваемый; сочиняютъ притомъ студенты рѣчи, письма и другія сочиненія. Въ сей классъ поступаютъ успѣвшіе въ нижнемъ классѣ студенты и ученики.

»15. Въ *практическомъ французскомъ* классѣ чрезъ все время класса учитель занимаетъ учениковъ разговорами. Въ сей классъ ходятъ студенты и ученики нижняго и высшаго французскихъ классовъ.

»16. Въ *нижнемъ нѣмецкомъ* классѣ обучаютъ исправному чтенію, выговору, правописанію, словопроизведенію, синтаксису и разговорамъ. Означаются для упражненій съ россійскаго на преподаваемый языкъ переводы. Въ семъ классѣ обучаются ученики разныхъ классовъ по произволенію и способности.

»17. Въ *высшемъ нѣмецкомъ* классѣ повторяютъ синтаксисъ, обучаютъ разговорамъ, читаютъ рѣчи, письма и другія сочиненія лучшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ и съ показаніемъ свойства, выраженій и красоты преподаваемаго языка, и заставляютъ студентовъ и учениковъ учить оныя наизустъ; для упражненія означаются переводы съ преподаваемаго на россійскій языкъ и съ россійскаго на преподаваемый, сочиняютъ притомъ студенты рѣчи, письма и другія сочиненія. Въ сей классъ поступаютъ успѣвшіе въ нижнемъ классѣ студенты и ученики.

»18. Въ *польскомъ* классѣ преподается польская граматика, назначаются притомъ упражненія съ россійскаго на польскій и съ польскаго на россійскій; также ученики обучаются говорить

по польски. Въ семъ классѣ обучаются ученики латинскихъ граматическихъ классовъ.

»19. Въ *нижнемъ ариѳметическомъ* классѣ преподаются начала ариѳметики, о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія: сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія. Въ семъ классѣ обучаются ученики нижняго класса латинской граматики.

»20. Въ *среднемъ ариѳметическомъ* классѣ преподаются правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики средняго класса латинской граматики, успѣвшіе въ нижнемъ классѣ.

»21. Въ *высшемъ ариѳметическомъ* преподаются правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также правила тройное, товарищества и проч. Въ семъ классѣ обучаются ученики высшаго класса латинской граматики, успѣвшіе въ среднемъ классѣ.

»22. Въ *нижнемъ классѣ чистой математики* преподается изъ геометріи: лонгиметрія и планометрія; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики, успѣвшіе въ ариѳметикѣ.

»23. Въ *высшемъ классѣ чистой математики* преподается изъ геометріи: стереометрія; изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи сравненій, о конструкціи до окончанія всей алгебры и плоская тригонометрія. Въ семъ классѣ обучаются ученики, успѣвшіе въ нижнемъ классѣ.

»24. Въ классѣ *смѣшенной математики* преподается гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, ареометрія, гидравлика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспек-

тива, тригонометрія сферическая, начала астрономіи, географія, гидрографія, гномоника и математическая хронологія. Въ семъ классѣ обучаются ученики реторики и студенты философіи и богословіи, успѣвшіе въ чистой математикѣ.

»25. Въ *первомъ* классѣ *историческомъ и географическомъ* познаніе исторіи вообще; о раздѣленіи времени по періодамъ или эпохамъ; библейская исторія. Вообще, которое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное изчисленіе россійскихъ государей. Введеніе въ географію, какъ то: познаніе географіи, положеніе земли, познаніе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ; познаніе предѣловъ и раздѣленіе россійскаго государства, пространство и раздѣленіе онаго по губерніямъ, познаніе горъ, морей, озеръ и рѣкъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики нижняго класса граматики.

»26. Во *второмъ историческомъ и географическомъ* классѣ: главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то: по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпима вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей; какъ титулуютъ государя; сколько во всемъ государствѣ жителей и военной силы; какія горы, рѣки и озера. Познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійскаго государства и раздѣленіи по уѣздамъ. Первая часть всемірной исторіи, то есть, исторія древняя, также россійской исторіи три періода. Въ семъ классѣ обучаются успѣвшіе въ первомъ классѣ ученики средняго класса граматики.

»27. Въ *третьемъ историческомъ и географическомъ* классѣ: вторая часть всемірной исторіи, то есть: первая часть новой исторіи и россійской исторіи четвертый и пятый періодъ, чѣмъ россійская исторія и оканчивается. Первая часть всеобщаго

землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими; также объ обывателяхъ россійскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ Пространномъ Землеописаніи Россійскаго Государства. Въ семъ классѣ обучаются успѣвшіе во второмъ классѣ ученики высшаго класса граматики.

»28. Въ *четвертомъ историческомъ и географическомъ* классѣ преподаются: послѣдняя часть всемірной исторіи, вторая часть всеобщаго землеописанія съ описаніями, принадлежащими имъ, и математическая географія. Въ семъ классѣ обучаются успѣвшіе въ третьемъ классѣ ученики класса поэзіи.

»29. Въ *экономическомъ* классѣ читаютъ Флорина экономію. Въ семъ классѣ обучаются студенты философіи и богословіи.

»30. Въ *медицинскомъ* классѣ обучаютъ анатоміи съ предположеніемъ преподавать и другія части врачебной науки до имѣющаго воспослѣдовать по сему предмету изъ св. Прав. Синода предписанія. Въ семъ классѣ обучаются студенты богословіи и философіи и ученики реторики священно-церковно-служительскіе дѣти всѣ безъ изъятія, а разночинческіе опредѣляются въ сей классъ по произволенію.

»31. Въ классѣ *рисовальномъ* обучаются рисовальному искуству съ показаніемъ правилъ.

»32. Въ классѣ *нотнаго ирмолойнаго пѣнія* обучаютъ правиламъ нотнаго пѣнія. Въ семъ классѣ обучаются ученики русской школы и латинскихъ классовъ, не изучившіеся оному прежде вступленія въ латинскій классъ священно-церковно-служительскіе дѣти.

»33. Въ *русской* школѣ обучаютъ пространному катихизису,

краткой свящ. исторіи, уставу церковнаго круга, читать и писать. Въ семъ классѣ обучаются ученики, неимѣющіе способности къ познанію другихъ предметовъ и языковъ«.

Кромѣ сего учрежденъ былъ, по словесному приказанію митрополита Гавріила, особый классъ инструментальной музыки. въ капельмейстеры и учители которой 1801 года договоренъ дворянинъ кіевскаго уѣзда *Савелій Цесарскій*.

VI. О руководствахъ.

Исключая руководствъ, составленныхъ самой Академіей, нѣкоторыя были приняты отъ народныхъ училищъ, другія заимствованы отъ иностранцевъ и отъ отечественныхъ педагоговъ. Такимъ образомъ свящ. исторія читалась по руководству, изданному для народныхъ училищъ; польская граматика и просодія количественная по руководству *Семигиновскаго;* латинская граматика и греческая — *Бантышъ Каменскаго;* французская — *Соколовскаго;* нѣмецкая—*Гольтергофа;* еврейская, а также разговоры домашніе и школьные—*Христоф. Целлярія;* греческіе—*Поселлія;* французскіе и нѣмецкіе—*Вегелина;* россійская поэзія—*Аполлоса;* латинская—*Ѳеофана Прокоповича;* россійская реторика —*Ломоносова;* латинская—*Лежаева* и *Бургія;* домашняя економія—*Флорина;* философія—*Баумейстера;* исторія естественная и опытная физика по руководствамъ, изданнымъ для народныхъ училищъ; богословіе—*Ѳеофана Прокоповича;* математическія науки по руководству *Аничкова*, *Вейдлера* и *Волфія*; уставъ церковнаго круга, по руководству, напечатанному въ Москвѣ; ирмологіонъ по печерскому напѣву, по правиламъ составленнымъ для нотнаго ирмолойнаго пѣнія учителемъ *Георгіемъ Барановичемъ;* анатомію—по *Шаршмидту*.

Въ *седьмомъ* пунктѣ указаны часы для недѣльныхъ занятій. Показанія эти отличаются отъ прежнихъ только тѣмъ, что въ составъ занятныхъ часовъ вошли новые предметы, изъ которыхъ

для уроковъ врачебной науки положенъ 8 и 9 часъ въ среду и пятницу, а для нотнаго пѣнія 3 часъ по полудни во вторникъ и четвергъ.

VIII. О числѣ учащихся въ каждомъ классѣ.

Въ нижнемъ граматическомъ классѣ	489
— среднемъ граматическомъ	159
— высшемъ граматическомъ	81
— поэтическомъ	91
— реторическомъ	164
— классѣ высшаго краснорѣчія	131
— философскомъ классѣ	75
— богословскомъ	56
— еврейскомъ	20
— греческомъ всшнемъ	41
— греческомъ нижнемъ	243
— простомъ греческомъ	37
— высшемъ французскомъ	23
— низшемъ французскомъ	34
— практическомъ французскомъ	57
— высшемъ нѣмецкомъ	28
— нижнемъ нѣмецкомъ	130
— польскомъ классѣ	25
— классѣ врачебной науки	140
— економическомъ классѣ	25
— нижнемъ ариѳметическомъ	215
— среднемъ ариѳметическомъ	179
— высшемъ ариѳметическомъ	86
— первомъ историческомъ и географическомъ	214
— второмъ историческомъ и географическомъ	170
— третьемъ историческомъ и географическомъ	97
— четвертомъ историческомъ и географическомъ	98
— нижнемъ чистой математики	108
— высшемъ чистой математики	18

Въ классѣ смѣшенной математики	55
— рисовальномъ классѣ.	150
— нотномъ ирмолойномъ	146
— русской школѣ.	33
— классѣ инструментальной музыки	99

IX. О пособіяхъ учебныхъ.

Пособія академическія: библіотека, въ которой находятся богословскія, философскія, реторическія, толкованія свящ. писанія, проповѣдническія и другихъ содержаній книги; физическіе инструменты: воздушный насосъ съ принадлежащимъ къ нему приборомъ, электрическая машина съ приборомъ, телескопъ, барометръ и термометръ; математическіе: астролябія, мензула и прочіе инструменты, географическіе: глобусы земные и небесные, сфера Коперникова.

Въ *десятомъ* пунктѣ »о капиталахъ на содержаніе Академіи и ея воспитанниковъ«, упомянуто только о раздѣлѣ 12 тысячъ, отпущенныхъ въ 1798 году; о прочихъ же капиталахъ не говорится ни слова.

Одинадцатымъ пунктомъ министръ спрашивалъ: какую плату получаютъ учители отъ учениковъ за каждый курсъ наукп? Академическое начальство отвѣчало на это что учители, кромѣ положеннаго жалованья, отъ учениковъ ничего за свои уроки не получаютъ, а студенты, опредѣляемые къ ученикамъ, живущимъ по квартирамъ, для присмотра за ними въ ученіи и поведеніи, получаютъ плату различно, по договору съ учениками.

XII. Объ экзаменахъ.

Экзамены въ Академіи производятся публичные каждаго мѣсяца, въ опредѣленный на то день въ академической залѣ Это бываетъ по утру въ 9, 10 и 11 часу: послѣ обѣда же во

2, 3 и 4 часу въ присутствіи ректора, всѣхъ учителей и учащихся слѣдующимъ порядкомъ: учитель другаго класса экзаменуетъ учениковъ по предметамъ, пройденнымъ въ теченіи мѣсяца, вызывая каждаго ученика предъ собраніе, послѣ чего спрашиваются тѣ, которые въ этотъ періодъ успѣли въ чемъ нибудь сверхъ положеннаго въ классѣ Другой экзаменъ бываетъ годичный въ той же залѣ; онъ начинается съ 1 и продолжается до 15 іюля по предметамъ латинскимъ и другихъ языковъ, а также поэзіи и реторики. Для сего экзамена назначаются учители другихъ классовъ; они даютъ ученикамъ темы для упражненій, и когда всѣ онѣ будутъ окончены и собраны, учитель вводитъ учениковъ въ залу, гдѣ ректоръ и прочіе наставники пересматриваютъ задачи; за тѣмъ всякій изъ разсматривающихъ подзываетъ къ себѣ того ученика, чье упражненіе имѣетъ онъ въ рукахъ и испытываетъ его по всѣмъ предметамъ извѣстнаго класса. Хорошо отвѣтившій на всѣ вопросы и подавшій одобрительную задачу удостоивается перевода въ высшій классъ, а не оказавшіе успѣховъ оставляются до исправленія въ прежнемъ. Кромѣ этого поутру въ каждую субботу бываетъ полное собраніе всего академическаго начальства, продолжающееся два часа Здѣсь студенты богословія и философіи говорятъ наизусть авторскія рѣчи и на оныя имитаціи, а также представляютъ къ слѣдующему засѣданію новыя диссертаціи Такихъ студентовъ записываютъ въ журналъ съ означеніемъ ихъ сочиненій, и въ наступающую субботу слушаютъ диссертацію, обыкновенно заучиваемую наизустъ.

Въ *тринадцатомъ* пунктѣ заключается вопросъ »о награжденіяхъ послѣ экзаменовъ и въ чемъ онѣ состоятъ« Отвѣтъ на это данъ слѣдующій: »Поелику въ разсужденіи множества »въ сиротскомъ домѣ питомцевъ для сихъ случаевъ суммы не »остается: то награжденій ученикамъ не бываетъ другихъ, »кромѣ того что успѣвающіе бываютъ похваляемы въ публикѣ, »а лѣнивцы терпятъ выговоръ«. Впрочемъ иногда прилежнѣй-

шимъ изъ студентовъ и учениковъ раздаваемы бывали въ награду книги, съ означенiемъ ихъ успѣховъ и добраго поведенiя[438].

Надзоръ за поведенiемъ воспитанниковъ, живущихъ какъ въ сиротскомъ домѣ, такъ и по квартирамъ былъ поручаемъ особо на то учрежденнымъ суперъ-интендентамъ и инспекторамъ изъ числа своихъ же студентовъ, которые для этого снабжаемы были нарочными инструкцiями изъ академическаго правленiя. Для точнѣйшаго уразумѣнiя порядка въ надзорѣ предлагаются здѣсь инструкцiи *суперъ-интендентская* и *инспекторская*.

Инструкцiя суперъ-интендентская.

»По указу Его Императорскаго Величества, Академическое Правленiе, по учиненному въ немъ опредѣленiю, для благонамѣреннаго смотрѣнiя и наблюденiя по предметамъ образованiя въ ученiи и благонравiи, также и выгодъ за живущими въ сиротскомъ домѣ и приходскихъ школахъ студентами и учениками, и за учрежденными въ пособiе съ симъ же намѣренiемъ инспекторами избраны вы суперъ-интендентомъ. По сей должности поступать вамъ по нижеслѣдующему:

1. Въ сиротскомъ домѣ бывать на экспликацiи и еженедѣльно не менѣе двухъ разъ, кромѣ особливаго обозрѣнiя всѣхъ порядковъ онаго дома. По приходскимъ же школамъ исполнять сiе по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ, поколику пособiе смотрѣнiя школъ дополняютъ инспектора.

2. Всякiй день, отобравъ отъ сенiора рапортъ, представлять въ Академическое Правленiе и рапортовать о благополучiи всѣхъ подчиненныхъ, вашему смотрѣнiю ввѣренныхъ.

3. Имѣть наблюденiе, чтобъ всѣ ученики въ надлежащее время, свободное отъ классовъ, находились въ домѣ и изъ до-

ма сиротскаго, кромѣ необходимыхъ нуждъ и причинъ, и то завѣдомомъ сеніора и на короткое время никакъ не отлучались; въ надлежащее время учились бы, а по утру вставъ и въ вечеру ложась читали бы молитвы, ходили бы въ означенное время въ церковь и наблюдали въ избахъ чистоту, въ одѣяніи опрятность, сохраняли бы въ обхожденіи скромность, благонравіе, благочестіе и благопристойность; береглись бы отъ всего соблазнительнаго и противнаго благовоспитанію.

4. Въ противномъ же случаѣ, за малыя преступленія взыскивать вамъ самимъ; а о большихъ доносить Правленію, безъ особаго на то приказанія, словесно, а о побѣгахъ всегда письменно.

5. Имѣть вѣрные списки, кто какого состоянія, кто на чьемъ содержаніи въ приходскихъ школахъ и въ сиротскомъ домѣ и кто на всемъ казенномъ коштѣ, и кто на одной пищѣ и одѣяніи; вообще, о всѣхъ, кто когда прибылъ или выбылъ.

6. Вносить въ списки, кто когда прибылъ въ сиротскій домъ, съ какимъ одѣяніемъ, кто имѣетъ въ одѣяніи нужду, кто когда получилъ и какое. Тоже самое разумѣется о книгахъ, о бумагѣ и другихъ надобностяхъ. Если и на собственномъ одѣяніи кто проживаетъ не одѣтъ, непремѣнно рапортовать, и безъ одѣянія являющихся въ Академію въ сиротскій домъ и въ школы не принимать, а доносить Академическому Правленію.

7. Кромѣ всего того имѣть вамъ смотрѣніе о вокальной и инструментальной музыкѣ, наблюденіе за регентомъ и капельмейстеромъ: по надлежащему и сходственно ли капельмейстеръ поступаетъ въ обученіи музыкѣ, какъ контрактомъ обовязался? О томъ подавать рапортъ еженедѣльно письменный въ Правленіе съ изъясненіемъ, чему кто изъ вновь опредѣленныхъ и изъ

старыхъ музыкантовъ чрезъ недѣлю научился; сколько разовъ въ недѣлю исправляема была музыка, кто изъ учащихся оной вновь принятъ, и если усмотрите недостатокъ въ учащихся музыкѣ, докладывать предварительно и благовременно сему Правленію. При всемъ томъ имѣть въ спискахъ, сколько отъ уконтрактованія капельмейстера выучено и каковыхъ хоровъ или каковыя вновь искуплены музыкальныя штуки; рапортовать, сколько на лицо находится инструментовъ, сочиненій и всѣ ли въ цѣлости и притверждать учащимся, чтобы все въ цѣлости было сохраняемо, на что безъ умедленія сдѣлать обстоятельную вдвойнѣ вѣдомость; одну при рапортѣ представлять въ Правленіе, а другую оставить у себя. а къ непремѣнному исполненію всего вышеписаннаго сія инструкція за подписомъ присутствующихъ въ Академическомъ Правленіи вамъ дана 1803 года мая 26 дня[139].

Инструкція инспекторская.

»По указу Его Императорскаго Величества, въ кіевскомъ Академическомъ Правленіи опредѣлили: для наблюденія за живущими по порученнымъ вамъ приходскимъ школамъ и въ тѣхъ приходахъ и по квартирамъ студентами и учениками, быть вамъ инспекторомъ, и по сей должности поступать по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1. Знать и имѣть на бумагѣ, сколько подъ чьимъ смотрѣніемъ, какъ по школамъ, такъ и по квартирамъ живущихъ и вновь поступающихъ въ распредѣленныхъ вамъ приходахъ студентовъ и учениковъ, гдѣ кто на квартирѣ или въ школѣ живетъ, какого кто званія: ежели священническіе нашей епархіи, то записаны ли въ Академическомъ Правленіи; ежели иноепархіальные, то имѣютъ ли позволеніе отъ епархіальнаго архіерея здѣсь обучаться; ежели разночинческіе, то имѣютъ ли позволительные къ продолженію въ здѣшней Академіи наукъ урядовые письменные виды; кто у кого изъ учениковъ инспе-

кторомъ; всѣ ли ученики имѣютъ инспекторовъ и за вѣдомомъ ли академическимъ имѣютъ оныхъ, или безъ присмотру сами находятся, будучи высшихъ классовъ, и всѣ ли вообще явились въ Академическомъ Правленіи: ежели являлись, то должны имѣть къ удостовѣренію о себѣ изъ сего Правленія письменные виды; буде же не явились, то о всѣхъ таковыхъ безъ всякаго послабленія непремѣнно доставлять на письменныхъ прошеніяхъ о принятіи въ Академію; буде же откроются чрезъ кого либо со стороны находящихся въ вѣдѣніи вашемъ не явившіеся въ Академическомъ Правленіи и у Академіи ректора: то за недоставку и пропущеніе таковыхъ, въ случаѣ какого либо худаго послѣдствія, подвергнете себя неминуемому отвѣту и истязанію.

2. Смотрѣть и наблюдать за всѣхъ поведеніемъ и вникать, всякъ ли *директоръ* можетъ довольствовать должнымъ изъясненіемъ и руководствомъ порученныхъ ему учениковъ, почему и ходить на экспликаціи ради усмотрѣнія способностей и прилежанія учащихъ и учащихся, такъ и добраго поведенія; и въ другія времена, приноравливаясь времени, обстоятельствамъ, навѣдываться въ школы и на квартиры, и примѣчать: наблюдаются ли между хозяиномъ и академистами, по договору, выгоды; согласно ли живутъ, спокойно и въ честныхъ мѣстахъ.

3. Какъ относительно находящихся въ школахъ изъ получаемаго девяностокопѣечнаго жалованья, для удобнѣйшаго содержанія пищею и другихъ надобностей, должны быть артели: то знать, кому для распоряженія вручаются деньги, вникать въ разсчеты и замѣчать, не долженъ ли ради сего опредѣленный и не дѣлаетъ ли какихъ излишнихъ издержекъ, утаекъ или притяженій; такъ и директоры съ получающихъ девяностокопѣечное жалованье не требуютъ ли награжденія, котораго и требовать никакъ не должны, поелику таковые по бѣдности своей вспомоществуются казеннымъ содержаніемъ и ученіемъ.

4. Если же бы кто изъ студентовъ и учениковъ въ дру-

гую какую либо школу отлучился или въ другой приходъ на квартиру перешелъ, надобно знать и замѣчать, по какимъ причинамъ; также если кто вновь явится или прибудетъ. А буде кто изъ учащихся учинитъ побѣгъ, о томъ тогожъ самаго дня неопустительно письменно Академическому Правленію и словесно Академіи префекту рапортовать; также объ живущихъ по квартирамъ къ Академіи префекту, а о живущихъ по школамъ къ суперъ-интенденту, а особожъ всего того для донесенія о благосостояніи студентовъ и учениковъ, или каковыхъ либо другихъ пройзшествіяхъ и случаяхъ являться всякой недѣли въ Правленіи въ понедѣльникъ по полудни въ 1 часу, также въ среду и пятокъ.

5. Наблюдать: ходятъ ли безопустительно всѣ въ классы, и въ назначенные дни въ церковь и во всемъ исполняютъ ли должность свою директоры примѣрною честностію, а ученики должнымъ повиновеніемъ и уваженіемъ къ руководствующимъ ихъ. Буде же въ противность честнаго поведенія, должныхъ успѣховъ и вышеписаннаго порядка въ содержаніи воспослѣдуетъ какая неблагопристойность, безвременныя отлучки, въ неблагопристойныхъ мѣстахъ и подозрительныхъ обращенія, неопустительно, безъ замедлѣнія, куда слѣдуетъ, по вышеписанному доносить, и всякій день о благосостояніи, такъ и о случающихся произшествіяхъ непремѣнно рапортовать, стараясь во всемъ по должности вашей тщательно и добросовѣстно, и преимущественно отличая себя честностію и благоразумнымъ обхожденіемъ. Для того изъ Академическаго Правленія за подписомъ присутствующихъ сія инструкція вамъ дана 1803 г. октября 6 дня[440]«.

Свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Академіи нужны были министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому между прочимъ для того, что въ это время приводимо имъ было въ исполненіе предначертаніе Государя Императора о распростра-

ненія наукъ по всей имперіи; съ каковою цѣлію въ С.-Петербургѣ учреждалось особое училище для приготовленія ста учителей по разнымъ предметамъ. Академія Кіевская, въ числѣ прочихъ духовныхъ заведеній, также получила указъ о высылкѣ въ столицу осьми человѣкъ своихъ воспитанниковъ; а между тѣмъ и медико-хирургическая академія требовала студентовъ. Но замѣчательно, что сколь охотно приняли академисты приглашеніе знаменитаго своего совоспитанника, столь же упорно отказывались отъ науки медицинской, такъ что по нѣскольку разъ нужно было возобновлять требованія, чтобъ собрать самое ограниченное число охотниковъ до медицины. При всемъ томъ Академія однакожъ не оставила безъ надлежащаго исполненія требованій высшаго начальства, и въ педагогическое училище выслала *десять*[441], а въ медицинское *трехъ* человѣкъ[442].

Но кіевская паства и Академія должны были проститься съ своимъ пастыремъ. Удрученный болѣзнями, митрополитъ Гавріилъ испросилъ себѣ увольненіе, и осыпанный щедротами Монаршими, 22 сентября 1803 года удалился на пребываніе въ Одессу. »Прости, о милый пастырь! говорилъ на прощанье Леванда, и помолись объ огорченныхъ и унывающихъ! »Прости все, что видѣлъ ты здѣсь достойное сего наказанія, »достойное сихъ слезъ. Ты умѣлъ гробъ для тебя изъ нашихъ »сердецъ составить; тутъ онѣ, пока дышатъ, будутъ возглашать вѣчную благости твоей память[443]«.

Не долго однакожъ пробылъ знаменитый архипастырь на покоѣ. Когда открылась новая война съ турками: то въ занятыя русскими войсками Молдавію, Валахію и Бессарабію, митрополитъ Гавріилъ, какъ отлично знакомый со всѣми правами этого края, пожалованъ былъ, по именному указу 1808 г. екзархомъ съ пребываніемъ въ означенныхъ областяхъ и съ правомъ присутствующаго члена въ молдавскомъ ди-

ванѣ. Здѣсь Гавріилъ явился истиннымъ патріотомъ: будучи правителемъ молдовлахійскаго духовенства и имѣя посему вліяніе на весь народъ, онъ много способствовалъ къ облегченію содержанія русской арміи, за что въ 1809 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 степ. и бархатною зеленою мантіей. Будучи за тѣмъ (1811 г.) вызванъ въ Петербургъ для совѣщаній о завоеванныхъ у Турціи провинціяхъ, Гавріилъ находился тамъ въ числѣ государственныхъ чиновниковъ членомъ комитета, учрежденнаго для устроенія молдовлахійскихъ дѣлъ. По упраздненіи комитета, Гавріилъ награжденъ былъ алмазными знаками св. Андрея первозваннаго и собольею шубою. Но такъ какъ, по случаю заключенія мира съ Турками, уступлены были имъ всѣ завоеванныя Россіей земли, кромѣ Бессарабіи; то Гавріилъ выѣхалъ изъ Молдавіи къ Кишиневъ, гдѣ, по его собственному предначертанію и по представленію св. Синода, имяннымъ указомъ 1813 г. учреждена была новая епархія, подъ названіемъ кишиневской и хотинской, въ которую онъ и опредѣленъ былъ епархіальнымъ митрополитомъ, съ предоставленіемъ лично званія кіевской митрополіи, и по смерть степени екзарха св. Синода. За устроеніе новой епархіи и за понесенные въ многолѣтнюю службу свою труды Гавріилъ получилъ отъ Государя Императора алмазную панагію и скончался въ Кишиневѣ 30 марта 1821 года[411].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СЕРАПІОНЪ АЛЕКСАНДРОВСКІЙ.

Безпокойства отъ уніатовъ. Прибытіе Серапіона. Увольненіе Фальковскаго. Перемѣны между наставниками Академіи. Нѣкоторыя распоряженія по училищу. Митрополитъ Платонъ въ Кіевѣ. Переписка его съ Серапіономъ о преобразованіи духовныхъ училищъ. Проэктъ Серапіона. Постройки въ Академіи. Награжденіе студентовъ книгами. Увеличеніе оклада академическаго. Пожертвованія частныхъ лицъ. Комплектъ наставниковъ Академіи. Закрытіе класса медицины. Высылка студентовъ въ разныя мѣста. Пожаръ 1811 года. Приношенія въ пользу погорѣвшаго училища. Обновленіе Академіи. Росписаніе жалованья. 1812 годъ. Студенты поступаютъ въ ополченіе. Учебный отчетъ Академіи за 1814 годъ. Выписка журналовъ и газетъ. Прибытіе Александра I въ Кіевъ Онъ посѣщаетъ Академію. Ода августѣйшему посѣтителю. Указъ 1817 года. Академія Кіевская обращена въ семинарію. Приведеніе въ порядокъ библіотеки. Требованіе списковъ о дѣтяхъ священно-церковно-служительскихъ. Проэктъ ректора Мелетія. Составъ преподавателей въ послѣднее время. Прежніе учители оставляютъ Академію. Общій взглядъ на исторію Кіевской Академіи.

1803—1819.

Безъ малаго шесть мѣсяцевъ сиротствовала кіевская паства безъ своего архипастыря: ибо Серапіонъ, Высочайше назначенный сюда 11 декабря 1803 года, прибылъ въ Кіевъ уже 4 февраля. А между тѣмъ въ это время снова начались пронырства уніатовъ въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ; вмѣшиваясь въ исправленіе церковныхъ требъ у обратившихся къ православію прихожанъ, уніатскіе священники опять начали

совращать ихъ въ унію. Но все это окончилось, какъ скоро жезлъ іерархическаго правленія принятъ былъ Серапіономъ. Немедленно отнесся онъ объ этомъ въ св. Синодъ, и власть гражданская приняла свои мѣры противъ тѣхъ, кто не хотѣлъ повиноваться тихому ученію Церкви Христовой[415].

Послѣ сего Серапіонъ обратился къ другой не менѣе существеннѣйшей своей обязанности. Въ правахъ протектора Академіи, онъ потребовалъ прежде всего отвѣта отъ Иринея Фальковскаго: не мѣшаетъ ли ректорская и профессорская должность его занятіямъ, столько полезнымъ для всей церкви? Фальковскій, писавшій тогда толкованія свои на посланія св. апостола Павла, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ отъ всѣхъ училищныхъ должностей. Въ слѣдствіе сего митрополитъ тотчасъ же приступилъ къ организированію другаго состава учителей Академіи, поручивъ 30 марта 1804 года ректуру архимандриту *Іакинѳу Лагановскому* съ обязательствомъ преподавать богословіе. За тѣмъ послѣдовали и другія перемѣны въ порядкѣ наставниковъ; нѣкоторые изъ нихъ повышены въ классахъ, другіе вновь назначены; а нѣкоторые удалены[416]. Сдѣлано также распоряженіе о порученіи должности капельмейстерской одному изъ студентовъ, знающихъ инструментальную музыку и имѣющихъ охоту заниматься ею; сравнены въ содержаніи съ туземными студентами и кандидаты, поступившіе, по требованію, изъ иноепархіальныхъ семинарій.

Въ этомъ же году посѣтилъ святыню Кіева и училище его знаменитый іерархъ Церкви русской, московскій митрополитъ Платонъ. Два высокихъ представителя духовнаго просвѣщенія обдумали и рѣшили въ эту пору дѣло, которому суждено было осуществиться преобразованіемъ главнѣйшихъ духовныхъ училищъ въ Россіи. »Просвѣщенія слишкомъ много, писалъ потомъ іерархъ московскій къ кіевскому; разумѣю, мнимаго, а начало »премудрости, страхъ Господень уменьшается и порча нравовъ

»усиливается по мѣрѣ, какъ возрастаетъ оное просвѣщеніе мнимое«[447]. Чтобы поставить преграду распространенію этого зла, митрополитъ Платонъ задумалъ возвести Академіи духовныя на степень всеучилищъ, справедливо убѣжденный въ томъ, что внѣ ученія Церкви православной для Россіи нѣтъ и быть не можетъ истиннаго просвѣщенія. Онъ представилъ митрополиту Серапіону »на разсужденіе« проэктъ свой о реформѣ, какую намѣревался произвести въ подвѣдомственной ему московской академіи, и просилъ совокупнаго его участія въ этомъ истинно-полезномъ для отечества и святомъ дѣлѣ. Серапіонъ въ слѣдующемъ же году (16 февраля) составилъ свой проэктъ для Кіевской Академіи, который долженъ сохраниться навсегда, какъ памятникъ его просвѣщенной заботливости о древнѣйшемъ въ нашемъ отечествѣ училищѣ.

»На основаніи Высочайшаго благоволенія о положеніи сей Академіи въ разсужденіи предметовъ и порядка въ ученіи, такъ и въ разсужденіи суммы, достаточной къ приличному ея содержанію и къ достиженію лучшаго успѣха въ воспитаніи и обученіи юношества, приготовляемаго въ ней къ духовному званію и въ учительскія по семинаріямъ должности, важнымъ предметомъ признается возвесть содержаніе и отличіе до таковой степени, чтобы опредѣлившіе себя въ учительскія должности, довольствуясь оными, не были удобно отвлекаемы видомъ другихъ выгодныхъ состояній и не устремляли бы мыслей къ избранію другихъ родовъ жизни, но имѣли бы въ виду возвышенія по степенямъ своихъ предметовъ; также нуждаясь недостаткомъ выгодъ, не истощали бы воодушевляющей къ симъ предметамъ ихъ ревности на постороннія занятія, а для сего

»I. Въ воздаяніе всѣмъ занимающимъ профессорскія и учительскія должности, какого бы кто состоянія ни былъ, слѣдуетъ назначить отличныя достоинства какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ.

2. Но какъ образованіе въ семъ училищѣ относится преимущественно къ духовному роду состояній, гдѣ правое и чистое нравоученіе и благонравіе посѣваемо и возрождаемо быть должно, равно и способность преподаванія слова Божія, которая, кромѣ такихъ свѣдѣній умозрительныхъ, особливое оживотвореніе и дѣйствіе ощутительнымъ образомъ пріемлетъ отъ истинной ревности ко благочестію: то нужно взять возможныя мѣры, чтобъ латинскіе ординарные классы занимали учители изъ монашествующихъ, паче же непремѣнно высшіе изъ сихъ классовъ, поколику образованіе въ нравственности и наблюденіе за поведеніемъ ввѣряется учителямъ сихъ классовъ, и они не имѣя посторонихъ занятій и убѣжденій, бывъ безсемейственны, какъ и всегда ревность доказывала похвальными успѣхами важность рвенія ихъ въ воспитаніи, не упустятъ должнаго о семъ предметѣ попеченія.

»3. Дабы занявшіеся воспитаніемъ юношества, развлекаясь домостроительствомъ, времени и дарованій не дѣлили на постороннія занятія, слѣдуетъ всѣмъ учащимъ имѣть пребываніе въ академическомъ зданіи, и на сей предметъ нужно соорудить вновь выгодное строеніе, и какъ Всемилостивѣйшая Государыня блаженныя памяти Екатерина II удостоила сію Академію Высокомонаршаго своего посѣщенія 1787 г. марта 5 дня, благоволила въ данномъ покойному преосвященному митрополиту Самуилу рескриптѣ утвердить существованіе Академіи навсегда въ Братскомъ монастырѣ и повелѣть о предусматриваемой надобности въ постройкѣ для пользы Академіи сноситься съ генералъ-губернаторомъ для представленія Ея Императорскому Величеству; имѣющіяся же въ оной Академіи строенія содержать въ исправности изъ суммы, на ту Академію опредѣленной, исключая, что вновь для пользы нужно построить, о томъ сноситься съ генералъ-губернаторомъ, дабы отъ него по порядку посредствомъ сената Ея Величеству представлено быть могло. А въ IV пунктѣ изображено: что же касается до означенія мѣста

Академіи на всѣ ея строенія и до очищенія отъ соляныхъ лавокъ и тому подобнаго, оное распоряжено будетъ при сдѣланіи плана всѣмъ частямъ города Кіева. Также и въ V построить на академическую сумму при студентскомъ каменномъ домѣ каменную больницу, и для того оный домъ распространить сколько потребно, о чемъ на новомъ планѣ означено будетъ и сдѣлать около всего зданія каменную ограду. Но какъ сей священный обѣтъ Всемилостивѣйшія Монархини не достигъ совершенія, то нынѣ, по предположенію необходимости для всѣхъ академическихъ надобностей умноженія вновь зданій, законныя выгоды требуютъ сего распространенія.

»4. Воспитанниковъ, отличающихся въ успѣхахъ при экзаменахъ, также въ особенныхъ сочиненіяхъ и переводахъ полезно ободрять отличіемъ и награжденіями; для образованія кандидатовъ нужно положить не менѣе шести лѣтъ; ради сего являться имъ въ Академію для поступленія въ реторическій классъ, и ежели бы кто изъ нихъ пожелалъ и сверхъ означеннаго времени продолжать усовершеніе себя,—таковой ревности не преграждать, или кто изъ нихъ отъ Академіи призванъ будетъ въ случаѣ надобности достойнымъ занять въ оной учительское мѣсто, таковую обширнѣйшую пользу предоставлять частнымъ.

»5. Для снабденія учебными книгами и картами, какъ Академію, такъ и окрестныя, ей прикосновенныя семинаріи, также и для отпечатанія имѣющихъ выходить сочиненій и переводовъ отъ учителей и воспитанниковъ, а особливо касающихся къ учебнымъ предметамъ, необходимо имѣть достаточную типографію внутрь Академіи.

»6. Учебные предметы въ Академіи нужными признаются слѣдующіе и порядкомъ слѣдующимъ:

»1. *Богословскій классъ*. Въ ономъ предметы: догматико-

полемическая богословія, герменевтика, церковная исторія, чтеніе св. писанія съ краткими объясненіями, нравственная богословія, пасхалія. Студенты должны по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сказывать проповѣди. Быть два раза въ годъ публичнымъ диспутамъ. Курсъ сего класса имѣетъ оканчиваться въ три года.

Профессору положить жалованья . . . . 1200 р.

»2. *Философскій классъ.* Повторяется логика, прочитанная въ реторикѣ, метафизика, нравственная философія, опытная физика, естественная исторія, сельская и домашняя економія. Въ субботу, за окончаніемъ лекцій, читается изъясненіе воскресныхъ евангелій. Въ семъ классѣ студенты должны заниматься сочиненіемъ диссертацій и говорить оныя въ собраніи и быть два раза въ годъ публичнымъ диспутамъ. Курсъ всего класса оканчивается въ два года.

Профессору жалованья . . . . 1000 р.

»3. *Высшее краснорѣчіе.* Ученіе о штилѣ и родахъ краснорѣчія вообще; чтеніе авторовъ латинскихъ и россійскихъ съ критикою и разборомъ по правиламъ логики и реторики. Студенты въ семъ классѣ сочиняютъ имитаціи и сказываютъ какъ авторскія рѣчи, такъ и имитаціи на оныя въ собраніи. Въ ономъ обучаются студенты философіи и богословіи.

Профессору высшаго краснорѣчія жалованья . . . 800 р.

»4. *Реторика.* Правила латинской и россійской реторики, логика, книга о должностяхъ человѣка, чтеніе отличныхъ авторовъ латинскихъ и россійскихъ съ переводомъ и съ изъясненіемъ. Въ субботу за окончаніемъ лекцій читается изъясненіе воскресныхъ евангелій. На правила же реторическія занимаются сочиненіями на латинскомъ и россійскомъ языкахъ.

Учителю реторики жалованья . . . . 700 р.

»5. *Поэзія.* Правила латинской и россійской поэзіи; чтеніе

отборныхъ сочиненій латинскихъ и россійскихъ стихотворцевъ; повтореніе словоударенія Въ субботу подъ конецъ лекцій читать пространный катихизисъ.

Учителю поэзіи жалованья . . . . 600 р.

»6. *Высшій граматическій классъ.* Россійская граматика Соколовскаго, сочиненіе словъ и словоудареніе, Distincta Catonis, вторая часть школьныхъ разговоровъ, переводы съ россійскаго на латинскій и съ латинскаго на россійскій языкъ. Исторія Гибнерова съ переводомъ и выучиваніемъ наизустъ. Въ субботу пространный катихизисъ. Въ семъ классѣ ученики начинаютъ говорить по латинѣ. Сверхъ сего сей же учитель имѣетъ по полудни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ обучать учениковъ своихъ ариѳметикѣ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу — исторіи и географіи.

Жалованья сему учителю. . . . . 650 р.

Примѣчаніе. Ему же назначаются классы ариѳметическій и географическій подъ №№ 13 и 21 показанные.

»7. *Средній граматическій классъ.* Повтореніе первой части граматики, сочиненіе словъ, первая часть школьныхъ разговоровъ, и небольшіе переводы съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языкъ, краткая свящ. исторія. россійская граматика и особо сочиненное россійское правописаніе; въ субботу сокращенный катихизисъ. Сверхъ сего, сей же учитель имѣетъ по полудни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ обучать учениковъ своихъ ариѳметикѣ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу исторія и географіи.

Жалованья учителю. . . . . 600 р.

Примѣчаніе. Въ томъ числѣ ему полагается здѣсь за классы ариѳметическій, историческій и географическій подъ №№ 12 и 20 показанные.

»8 *Нижній граматическій классъ.* Начальная часть латинской граматики, правописаніе, словопроизведеніе, чистописаніе

и правописаніе россійское, первоначаліе латинскаго языка, правила для учащихся и сокращенный катихизисъ. Сей же учитель имѣетъ по полудни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ обучать учениковъ своихъ ариѳметикѣ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу исторіи и географіи.

Жалованья учителю . . . . 500 р.

Примѣчаніе. Въ томъ числѣ полагается ему здѣсь и за классы ариѳметическій, историческій и географическій подъ №№ 11 и 19.

»9. *Классъ законоискуства.* Юридическая граматика, чтеніе генеральнаго и духовнаго регламента, Уложеніе царя Алексія Михайловича, Наказъ Императрицы Екатерины II, указы, Театръ судовѣденія и другія къ сему предмету относящіяся книги. Сей классъ нужнымъ признается особенно потому, что по большой части и нынѣ во всѣ Духовныя Правленія присутствующими опредѣляются изъ ученыхъ священниковъ, кои мало или на первый случай и совсѣмъ не имѣя о семъ предметѣ свѣдѣнія, много дѣлаютъ затрудненія въ сохраненіи нужнаго законнаго порядка, все по нуждѣ отдая на разсмотрѣніе или и рѣшеніе писаря своего, иногда и того мало свѣдущаго. Обучаться въ семъ классѣ студентамъ богословія.

Жалованья учителю. . . . . 500 р.

»10. *Классъ медицинскій.* Предметы онаго преподаются, сообразно указному предписанію.

Учитель медицины, онъ же и лекарь академической больницы, получаетъ 800 р.

»Поколику математическое, географическое и историческое ученіе должно восходить постепенно, то оное и раздѣлено на классы, съ тѣмъ, чтобы отъ первоначалій восходили питомцы, начиная отъ первыхъ лѣтъ вступленія въ Академію къ высшимъ познаніямъ. Почему ученіе ариѳметики и раздѣлить на три класса:

»11. *Первый ариѳметическій.* Изчисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе простое.

»12. *Второй ариѳметическій.* Раздробленіе и превращеніе, правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадраты, кубы и логариѳмы.

»13. *Третій ариѳметическій.* (Ничего не показано).

»Чистая математика также раздѣляется на три части.

»14. *Первый классъ чистой математики.* Изъ геометріи: лонгиметрія и планиметрія. Изъ алгебры: первыя части алгебраическія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, дроби и квадраты. Въ семъ классѣ обучаются ученики поэзіи, успѣвшіе въ ариѳметикѣ. Сего класса учитель имѣетъ обучать исторіи, географіи и миѳологіи, какъ въ четвертомъ географическомъ классѣ показано.

Учитель перваго класса чистой математики, онъ же и четвертаго историческаго и географическаго классовъ подъ № 22 показанныхъ, получаетъ жалованья . . . . 500 р.

»15. *Второй классъ чистой математики.* Изъ геометріи: стереометрія и тригонометрія плоская. Изъ алгебры: сравненіе, употребленіе сравненій при рѣшеніи геометрическихъ и тригонометрическихъ задачъ и первоначальныя познанія о свойствѣ кривыхъ линій. Въ сей классъ поступаютъ ученики реторики.

Жалованья учителю . . . . 450 р.

»16. *Третій классъ чистой математики.* Высшая геометрія. Въ сей классъ поступаютъ ученики реторики и философіи.

Учителю жалованья . . . . 500 р.

»17. *Первый классъ смѣшенной математики:* механика ги-

дростатика, ареометрія, гидравлика, военная и гражданская архитектура, гномоника. Въ семъ классѣ обучаются студенты философіи.

Учителю полагается жалованья . . . . 500 р.

»18. *Второй классъ смѣшенной математики.* Оптика, перспектива, катоптрика, діоптрика, сферическая тригонометрія, астрономія и хронологія, географія и гидрографія.

Учителю жалованья . . . . 500 р.

Ученіе исторіи и географіи преподаются въ четырехъ классахъ: предметы преподаванія, изложенные въ этомъ проэктѣ тѣже самые, какіе показаны въ отчетѣ Приnея Фальковскаго для сихъ четырехъ классовъ съ прибавленіемъ только миѳологіи и чтенія разныхъ сочиненій о всеобщей исторіи.

Классы греческаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ раздѣляются на два. Проэктъ этотъ ничѣмъ не разнится отъ отчета Фальковскаго. Тоже самое видно и въ классахъ языковъ еврейскаго и польскаго и рисовальнаго искуства. По проэкту Серапіона, каждому учителю нижнихъ классовъ французскаго, нѣмецкаго и греческаго языковъ должно положить по 400 р. жалованья, а учителямъ высшихъ классовъ по 500. Учителямъ: еврейскаго языка 400, а польскаго 300 р.

Подъ № 28, 29 и 30 положены русскіе классы, учрежденные для неспособныхъ продолжать дальнѣйшія науки. Въ *первомъ* изъ этихъ классовъ, по намѣренію Серапіона, должно быть преподаваемо: чтеніе славянской печати, чтеніе россійской гражданской печати, чистописаніе россійское, нотное пѣніе обиходное и краткая россійская граматика. Жалованья учителю 100 р. Во *второмъ:* краткая свящ. исторія, краткая исторія и географія всеобщая и россійская, ариѳметика и пасхалія. Жалованья учителю 150 р. Въ третьемъ классѣ: краткая ло-

гика и риторика россійская, о должностяхъ человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, руководство къ чтенію свящ. писанія, уставъ церковный съ практикою въ церкви. Учителю жалованья 200 р.

Сверхъ сего проэктомъ симъ учреждались и другія особыя должности:

1. *Экзекуторъ* для наблюденія всеобщаго порядка, какъ то: за хожденіемъ учителей и учениковъ въ классы и за всѣми отправляющими академическія должности, въ пособіе ректору и префекту съ жалованьемъ по . . . . 250 р.

2. Два *суперъ-интендента* или инспектора за всѣми питомцами, находящимися на казенномъ содержаніи, съ жалованьемъ каждому по 150 р. . . . . 300 р.

3. При нихъ четыре *помощника*, или меньшіе инспектора изъ студентовъ, которые должны обозрѣвать всѣхъ вообще питомцевъ по раздѣленнымъ имъ частямъ, живущихъ по наемнымъ квартирамъ, кромѣ 300 питомцевъ казенныхъ, каждому изъ помощниковъ по 50 р. . . . . 200 р.

4. *Библіотекарь*, онъ же и катихизаторъ. Жалованья ему. . . . . 300 —
5. При немъ для библіотеки два *помощника* съ жалованьемъ по 50 р. . . . . 100 —
6. *Казначей* или содержатель академической суммы. 200 —
7. Къ нему *писецъ* съ жалованьемъ . . . . . 50 —
8. Отправляющій всю економическую должность. 150 —
9. При немъ *помощникъ* . . . . 70 —
10. *Смотритель* всего казеннаго дома, гдѣ живутъ казенные студенты, съ жалованьемъ . . . . 130 —

11. Триста тридцать два питомца, находящіеся на казенномъ содержаніи, изъ коихъ 240 учениковъ, 60 студентовъ, 32 кандидата прикосновенныхъ къ Академіи семинаріи. Изъ

нихъ на каждаго ученика съ пищею, одеждою, бѣльемъ, столовою и поваренною посудою по 60 р. — на всѣхъ 14400 р. да на кандидатовъ, 32 человѣка, на каждаго по 120 р. всѣмъ 3840 р. и на 60 студентовъ по 80 р. на каждаго—всѣмъ 4800 р. изъ коихъ 24 студента имѣютъ смотрѣніе за учениками по предмету ихъ ученія и поведенія, называющіеся домашними учителями, изъ нихъ же и камернымъ смотрителямъ, коимъ по 20 р. всего 480 р. а всего на содержаніе питомцевъ 23520 р.

12. Имъ же всѣмъ вообще на бумагу, перья, чернила, карандаши, краски и другія надобности . . 500 р.
13. *Правитель дѣлъ* въ Академическомъ Правленіи 150 —
14. При немъ два *писца*, каждому по 50 р. . . 100 —
15. На канцелярскіе расходы . . . . 200 —
16. На умноженіе библіотеки книгами и инструментами математическими, физическими, также на журналы, газеты и разныя періодическія, особливо ученыя изданія . . . . 2000 —
17. На отопленіе и освѣщеніе всего академическаго зданія . . . . 2500 —
18. На содержаніе больницы, какъ то: на пищу больнымъ, медикаменты, постели и посуду . . . . 1500 —
19. Двумъ *лекарямъ* помощникамъ, каждому по 60 р. . . . . 120 —
20. На двадцать человѣкъ *сторожей*, поваровъ и прочихъ служителей академическихъ, каждому по 50 р. 1000 —
21. На заведеніе типографіи, кромѣ постройки . 2000 —
22. На починку всѣхъ академическихъ строеній. 3000 —
23. На содержаніе конюшенъ и лошадей . . . 500 —
24. На проѣзды, если указано будетъ, для обозрѣнія семинарій . . . . 1500 —
Прибавивъ къ этому жалованье ректору Академіи. 500 —
и префекту. . . . . . 350 —
Въ итогѣ оказывается. . . . 54,240 —

О собраніяхъ академическихъ и распредѣленіи учебныхъ часовъ Серапіонъ разсуждаетъ почти также, какъ и Фальковскій[148]. За симъ излагаются обязанности ректора[149] и префекта[150].

Изъ сравненія сего проэкта съ проэктомъ митрополита Платона открывается, что іерархъ кіевскій желалъ дать обширнѣйшее значеніе своей Академіи, упрочивъ за нею навсегда степень перваго и по времени и по характеру училища въ Россіи. На сколько осуществилось это прекрасное желаніе просвѣщеннаго архипастыря, мы увидимъ скоро; а покамѣстъ дѣйствительныя нужды академическія требовали немедленныхъ распоряженій со стороны ревностнаго попечителя. Такъ какъ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ значительно умножилось противъ прежняго, то Академическое Правленіе, съ утвержденія митрополита, 28 августа 1805 года начало каменную пристройку при общей столовой академическаго бурсацкаго дома, по смѣтѣ, составленной за годъ передъ тѣмъ; а въ слѣдующемъ 1806 году (марта 5) заключенъ съ подрядчикомъ Абакумовымъ контрактъ на обновленіе иконостаса въ академической конгрегаціонной церкви. Ограниченность суммы, отпускаемой на содержаніе многочисленныхъ воспитанниковъ училища, не позволяла употреблять остатковъ оной на награжденіе отличнѣйшихъ изъ нихъ. Серапіонъ изобрѣлъ другой къ тому способъ: онъ повелѣлъ изъ постоянной академической библіотеки отбирать дублеты сочиненій, жертвуемыхъ авторами или усердными приносителями, и раздавать оные студентамъ, съ отмѣткою ихъ успѣховъ и прилежанія. Такимъ образомъ 1806 года, послѣ публичныхъ экзаменовъ, были награждены 124 человѣка. Правило это принято было потомъ за неизмѣнное, и всякій курсъ лучшіе воспитанники выходили изъ академической залы съ непререкаемымъ свидѣтельствомъ своихъ благородныхъ стараній.

Въ это время въ Россіи началось всеобщее движеніе въ

пользу народнаго просвѣщенія; достойный исполнитель Монаршей воли, графъ Завадовскій употреблялъ всѣ усилія своего ума, всю неистощимую свою дѣятельность къ исполненію мудрыхъ предначертаній Благословеннаго. Но основывая и обезпечивая существованіе новыхъ школъ, Державный Благодѣтель Россіи не забылъ и тѣхъ училищъ, которымъ младшія по рожденію обязаны были своими педагогами. Въ 1807 году Академія Кіевская, въ ряду прочихъ духовныхъ училищъ, получила двойной годовой окладъ. Частныя лица, соревнуя Высочайшимъ милостямъ, по мѣрѣ силъ своихъ, обогащали воспитавшую ихъ Академію. Въ 1805 году коллежскій ассессоръ *Павелъ Филиповъ*, сынъ священника Кіево-рождественской церкви, »изъ добраго своего подвига« внесъ въ Сохранную казну на имя Академіи 1450 р. Митрополитъ Серапіонъ положилъ по сему случаю (31 марта 1805 г.) такую резолюцію: »деньги »сіи отослать чрезъ дикастерію надлежащимъ порядкомъ въ Со»хранную казну, а деньги процентные съ оныхъ получаемые »70 рублей употреблять на содержаніе двухъ самобѣднѣйшихъ »учениковъ ученія и поведенія хорошаго, полагая на каждаго »по 35 р. въ годъ, и состоять имъ сверхъ штатнаго казенныхъ »учениковъ числа и называться симъ двумъ ученикамъ *Фили»повыми* сверхъ своего прозванія«. Въ 1808 епископъ тамбовскій *Ѳеофилъ Раевъ* положилъ для нея 2000 р.; нѣкто *Александръ Якушкинъ* подарилъ Академіи камеръ-обскуру, телескопъ Рамсдена и два глобуса—одинъ земной, а другой небесный Гемелія.

Полный комплектъ наставниковъ Академіи въ 1808 году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Ректоръ Кіево-братскаго училищнаго монастыря, архимандритъ и св. Анны 2 класса кавалеръ, *Іакинѳъ Лагановскій*.

Префектъ Академіи, философіи и высшаго класса чистой

математики учитель, Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ, *Меѳодій Писнячевскій.*

Высшаго латинскаго и россійскаго краснорѣчія и высшаго французскаго языка учитель, губернскій секретарь, *Соколовскій Никита.*

Учитель латинской и россійской реторики и высшаго греческаго класса, Кіево-софійскаго каѳедральнаго собора священникъ, *Стефанъ Семяновскій.*

Учитель латинской и россійской поэзіи и нижняго класса французскаго языка, іеромонахъ *Кандидъ.*

Учитель высшаго класса латинской граматики, высшаго ариѳметическаго и третьяго историческаго и географическаго классовъ, *Соколовскій Каллистратъ.*

Учитель средняго класса латинской граматики, средняго ариѳметическаго, втораго историческаго, географическаго и высшаго нѣмецкаго языка, *Носковъ Иванъ.*

Учитель нижняго класса латинской граматики, нижняго ариѳметическаго, перваго историческаго и географическаго классовъ, *Галинскій Аѳанасій.*

Учитель смѣшенной математики, первокласнаго Фроловскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря протоіерей, *Ляшковъ Трофимъ.*

Учитель первоначальныхъ правилъ врачебной науки, кіевской Врачебной Управы операторъ, коллежскій ассессоръ, *Гординскій Петръ.*

Учитель практическаго французскаго языка, отставной капитанъ, *Компаньонъ Карлъ.*

Учитель институтнаго историческаго и географическаго класса, коллежскій ассессоръ, *Берлинскій Максимъ.*

Учитель польскаго языка, нижняго чистой математики, четвертаго историческаго и географическаго классовъ, коллежскій регистраторъ, *Гловацкій Игнатъ.*

Учитель сельской и домашней економіи, *Дейнекинъ Григорій.*

Учитель нижняго класса нѣмецкаго языка, *Нестеровичъ Иванъ.*

Учитель нижняго класса греческаго языка, *Куницкій Діонисій.*

Учитель еврейскаго языка, студентъ богословія, *Гогоцкій Сильвестръ*[451], а по увольненіи его 28 августа 1808 года въ епархіальное вѣдомство мѣсто сіе занялъ, студентъ же богословія, *Игнатовичъ Іоакимъ.*

Учитель рисовальнаго искуства, студентъ богословія, *Петрусевичъ Иванъ.*

Учитель нотнаго пѣнія, студентъ богословія, *Сербжинскій Василій,* а потомъ *Августиновичъ Георгій.*

Изъ этого состава академическихъ педагоговъ вскорѣ былъ исключенъ преподаватель медицины. Имяннымъ указомъ, даннымъ св. Синоду 18 іюля 1808 года, повелѣно было закрыть при академіяхъ и вообще при всѣхъ духовныхъ училищахъ классъ врачебной науки на томъ основаніи, что »во многихъ »семинаріяхъ совсѣмъ не преподаются врачебныя лекціи, за »недостаткомъ медицинскихъ чиновниковъ, да и въ начертаніи »правилъ о образованіи впредь духовныхъ училищъ классъ вра»чебной науки по семинаріямъ болѣе не полагается«. Въ слѣдствіе сего повелѣно воспитанниковъ, отправленныхъ Академіею въ медицинское училище для образованія изъ нихъ на будущее время наставниковъ, обратить въ вѣдомство министра Внутреннихъ Дѣлъ. А такъ какъ въ эту пору состоялось постановленіе Коммиссіи духовныхъ училищъ о устройствѣ ихъ по новому плану: то и отъ Академіи Кіевской истребованы три лучшихъ воспитанника для формируемаго вновь Педагогическаго Института. Во исполненіе чего высланы были: *Сербжинскій Василій*[452], *Рогаля-Левицкій Григорій* и *Бѣлявскій Яковъ.*

Кромѣ сего Академія постоянно отправляла своихъ питомцевъ въ разныя мѣста или въ качествѣ педагоговъ, или для

приготовленія къ тому по новому плану народнаго просвѣщенія. Такъ въ 1810 г. отправленъ въ Молдавію студентъ *Пестеровичъ* учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи и *три* человѣка въ медико-хирургическую академію[453]; въ 1811—*четыре*[454]; въ 1812 еще *шесть*[455]; въ 1813 *трое*[456]; въ 1815 вытребованы въ с.-петербургскую духовную академію *двое*[457], и въ медицинскую *шестеро*[458]; въ 1816 въ педагогическій институтъ *пять* человѣкъ[459], и въ медицинскую академію столько же[460]. Такимъ образомъ Академія Кіевская продолжала быть разсадникомъ молодыхъ лѣторослей великаго древа, насажденнаго незабвенными ея основателями.

Казалось бы, Академіи предстояло долгоденственное и мирное существованіе, подъ руководствомъ такого ревностнаго и просвѣщеннаго покровителя, какимъ былъ Серапіонъ: но Промыслу угодно было искусить ее страшнымъ испытаніемъ. 8 іюля 1811 года, въ день Казанскія Божія Матери, около полудня, на спасской улицѣ, что на Подолѣ, вспыхнуло пламя въ домѣ столяра. Бывшій на ту пору жестокій вѣтеръ мгновенно разнесъ пламя по сосѣднимъ домамъ: черезъ четверть часа вся населеннѣйшая часть Кіева, начиная отъ канавы вплоть до Андреевской горы, объята была огнемъ. Не болѣе, какъ черезъ три часа на всемъ Подолѣ тлѣли только уголья отъ сгорѣвшихъ до послѣдняго бревна строеній, курилась малая часть каменныхъ зданій, да густо дымили обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви, заваленныя разной домашней рухлядью, снесенною туда для сохраненія отъ пламени. Изъ всѣхъ, существовавшихъ на Подолѣ церквей и публичныхъ зданій не было почти ни одного, которое не потерпѣло бы отъ этого страшнаго пожара. Церковь Спасская, находившаяся на нынѣшней спасской улицѣ, церковь Вознесенская, стоявшая вблизи Флоровскаго монастыря, церковь Святодуховская, бывшая на берегу Днѣпра, сдѣлались жертвой огня — и слѣдовъ ихъ не осталось. Братскій монастырь и Академія дымились долѣе всѣхъ, потому

что обширный монастырскій дворъ, церковь, колокольня и училищныя зданія загромождены были имуществомъ воспитанниковъ и пожитками окрестныхъ обывателей; рѣзной, отличной работы иконостасъ былъ истребленъ до тла; академическая библіотека, сохранявшая въ себѣ книги еще Петра Могилы, также сгорѣла; отъ большаго академическаго корпуса оставались однѣ только стѣны. »И ты, восклицалъ съ глубокою скорбію современный этому событію поэтъ, —,

И ты, о Братская обитель,
Наставница гражданъ тьмы темъ,
Гдѣ первый мой руководитель
Повелъ меня наукъ путемъ, —
И ты вторично[461] испытала
Въ теченіи немногихъ лѣтъ
Уронъ сокровищъ, чѣмъ питала
Умъ юношей; угасъ ихъ свѣтъ!
Твой вертоградъ опустошенный
Когда, когда возстанетъ вновь,
Оплота и сѣменъ лишенный?
О ужасъ! въ жилахъ стынетъ кровь,
Представивъ образъ сей ужасный
Всѣхъ бѣдствій сей постигшій градъ,
Сей ветхій деньми и прекрасный,
Съ Царьградомъ споривщій посадъ[462].

Прочія церкви: Флоровская, Петропавловская, Притиско-николаевская, Успенскій соборъ, Покровская, Николая Добраго, Рожественская, Николая Набережнаго, Ильинская, Борисо-глѣбская, Введенская, Воскресенская также пострадали, или бывъ уничтожены до конца, или лишившись всей принадлежавшей имъ утвари. Уцѣлѣлъ только одинъ греческій Екатерининскій монастырь, обязанный своимъ спасеніемъ желѣзнымъ дверямъ и ставнямъ, и благоразумной осторожности, не позволявшей

принимать въ церковь вещей, таскаемыхъ изъ горѣвшихъ домовъ[463].

Такимъ образомъ на пепелищѣ драгоцѣннаго училища не было уже видно живыхъ и веселыхъ юношей; всѣ плакали и тужили о погибшихъ сокровищахъ желаннаго просвѣщенія. Но ревность къ ученію не оскудѣла отъ этого; снова собрались питомцы вокругъ своего ректора, который одинъ только оставался среди обгорѣвшаго училища[464].

Митрополитъ Серапіонъ немедленно приступилъ къ приведенію въ порядокъ дѣлъ, разстроенныхъ симъ страшнымъ пожаромъ. Онъ далъ предписаніе (16 октября) освидѣтельствовать академическую библіотеку, покрыть корпусъ листовымъ желѣзомъ и заняться очищеніемъ студентскихъ комнатъ къ грядущей зимѣ. А между тѣмъ со всѣхъ сторонъ посыпались приношенія на пользу пострадавшаго училища Государь Императоръ повелѣлъ (1812) отпустить на построеніе и поновленіе Братскаго монастыря и Академіи 162,602 р.; архимандритъ *Варлаамъ Барановичъ* (1814 г.) внесъ 1,320 р.; уманскій протоіерей *Іоаннъ Гвоздіевскій* (1817 г.) завѣщалъ на Академію 500 р.; статскій совѣтникъ *Семенъ Спѣшницкій*, въ знакъ признательности своей къ воспитавшему его училищу отказалъ »всю свою греко-ла»тинскую и на другихъ языкахъ напечатанную и рукописную, »и кромѣ философическихъ, историческихъ и другихъ, большею »частію рѣдкими богословскими книгами изобилующую библіо»теку. Обнося, говоритъ онъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ, »въ свѣжей памяти неоцѣненное богатство стяжаннаго мною въ »Академіи Кіевской христіанскаго ученія, имже обратился я отъ »тьмы въ свѣтъ и области сатанины къ Богу и увлекаясь чув»ствованіемъ оставшейся во мнѣ достодолжныя за безсмертное »сіе и неоплатимое благотвореніе признательности, дабы оныя »хотя слабый залогъ, въ доказательство истины и пространства »ея и въ пользу моихъ соотчичовъ, желаю оную въ помянутой

»Академіи оставить«[165]. Помѣщикъ полтавской губерніи, роменскаго уѣзда, с. Засулья *Іосифъ Марковичъ Марковичъ* въ 1811 году также завѣщалъ всю свою библіотеку Академіи Кіевской »на пользу совоспитанниковъ своихъ школьныхъ, яко многое »отъ оныя пріялъ неразсѣянное по дебрямъ міра сего«[166]. Также поступили надворный совѣтникъ *Скоропышницкій* и соборный старецъ Кіево-печерской Лавры *Іеровей Пащинскій.*

Отрадно видѣть такую искреннюю, предсмертную благодарность благородныхъ воспитанниковъ училищу, которое осталось для нихъ незамѣнимымъ: но еще отраднѣе знать и быть увѣреннымъ въ томъ, что оно всегда умѣетъ свято исполнять то великое назначеніе, которое поставлено ей издревле къ славѣ и благоденствію православной Россіи!

Благодаря Монаршимъ щедротамъ, ревности своего архипастыря и благородному вспомоществованію своихъ же питомцевъ, Кіевская Академія, какъ фениксъ, возродилась изъ своего пепелища. Потекли къ ней жаждущіе ученія отовсюду, и никому не отказывала она въ благодѣтельномъ пристанищѣ. Стѣсняя себя, сколько возможно, она приняла на тяжелыхъ, по тому времени, условіяхъ иностранца *Петра Грекко*, для преподаванія французскаго языка, и аккуратно выплачивала наставникамъ и всѣмъ служащимъ при училищѣ слѣдовавшее имъ содержаніе.

Въ 1813 году получили:

1. Ректоръ Академіи, архимандритъ *Іакинөъ*. . 550 р.
2. Префектъ Академіи, іеромонахъ *Іоасафъ* . . 300 —
3. Учитель, соборный іеромонахъ, *Мелетій*, за высшее краснорѣчіе и за высшій нѣмецкій классъ . . 325 —
4. Учитель, соборный іеромонахъ, *Кандидъ*, за низшій французскій классъ и за содержаніе библіотеки 175 —

5. Учитель *Семяновскій Стефанъ*, за латинскую и россійскую реторику и за высшій греческій классъ. 300 р.

6. Учитель, чиновникъ XII класса, *Соколовскій Каллистратъ*, за поэзію, высшій ариѳметическій классъ, третій историческій и географическій, а также за економію . . . . 300 —

7. Учитель *Галинскій Аѳанасій*, за высшій граматическій классъ, за второй историческій, ариѳметическій и географическій . . . . 210 —

8. Учитель *Куницкій Діонисій*, за средній граматическій, за высшій классъ французскаго языка, за нижній классъ греческаго языка, за суперъ-интендентскую должность . . . . 462 р. 50 к.

9. Учитель *Августиновичъ Георгій*, за нижній граматическій классъ, за нижній ариѳметическій, за первый историческій и географическій . . . . 160 р.

10. Учитель еврейскаго языка, священникъ *Игнатовичъ Іоакимъ* . . . . 50 —

11. Учитель нижняго класса нѣмецкаго языка, священникъ *Дейнекинъ Георгій* . . . . 75 —

12. Учитель институтнаго историческаго и географическаго классовъ, коллежскій ассессоръ, *Берлинскій Максимъ* . . . . 150 —

13. Учитель смѣшенной математики, титулярный совѣтникъ, *Куницкій Николай* . . . . 100 —

14. Учитель высшаго класса чистой математики, четвертаго историческаго и географическаго и польскаго языка, *Гловацкій Игнатъ* . . . . 265 —

15. Учитель нижняго класса чистой математики и рисовальнаго искуства, *Петрусевичъ Иванъ* . . . . . 95 —

16. Учитель ирмолойнаго пѣнія, студентъ богословія, *Лободовскій Симеонъ* . . . . 25 —

17. Учитель россійскаго класса, студентъ богословія, *Пелехинъ Петръ*. . . . . 50 —

18. Академическій економъ, протоіерей *Россовскій Матвей* . . . . 150 р.
19. Академическій штабъ лекарь *Бунге Христіанъ* 225 —
20. Лекарскій помощникъ, студентъ богословія, *Родецкій Өедоръ* . . . . 25 —
21. Письмоводитель, студентъ богословія, *Колтоновскій Онуфрій* 50
22. Помощникъ его, студентъ богословія, *Завадскій Яковъ* . . . . 40 —
23. Писецъ, студентъ философіи, *Григоровичъ Кириллъ* 20
24. Сеніоръ бурсы, студентъ философіи, *Салимановскій Василій* . . . . 30 —
25. Одиннадцать инспекторовъ, дѣлающіе въ бурсѣ изъясненія и надсматривающіе за учениками нижнихъ классовъ . . . . 66 —
26. Регентъ академической вокальной музыки, студентъ богословія *Махновичъ Іосифъ* . . . . 12 р. 50 к.
27. Другой регентъ хора академической конгрегаціонной церкви, студентъ философіи, *Калиновскій Стефанъ* . . . . 12 р. 50 к.
28. Смотритель конгрегаціонной церкви, студентъ богословія, *Янчуковскій Павелъ* . . . . 12 р. 50 к.

А между тѣмъ не далеко отъ благословенныхъ мѣстъ Украины подымалась страшная туча, несшаяся ураганомъ на Русь святую. »Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ« вставали дѣти на защиту оскорбляемой своей матери, и имя Наполеона летало изъ устъ въ уста, какъ нарушителя европейскаго спокойствія. Царь Русскій воззвалъ къ своимъ подданнымъ и пошли они тьмочисленными сонмами на защиту Дома Божія, трона и отечества. Не отстала и Академія отъ приношенія общей жертвы; и ея воспитанники стали въ рядахъ христолюбиваго воинства. Въ теченіи 1812 и 1813 годовъ Ака-

демическое Правленіе безпрерывно вызавало разрѣшенія студентамъ поступать въ полки, а іерархъ кіевскій напутствовалъ ихъ архипастырскимъ благословеніемъ. Такимъ образомъ Академія Кіевская, отъ начала своего существованія никогда не видѣвшая въ святыхъ стѣнахъ своихъ ни увлеченія духомъ лжи, ни постыднаго равнодушія ко благу отечества, кровію своихъ питомцевъ платила за тѣ благодѣянія, какія изливаемы были на нее отъ вѣнценосныхъ Помазанниковъ Россіи.

Въ 1815 году 1 марта представлена была митрополиту Серапіону полнѣйшая вѣдомость, написанная рукою каждаго изъ преподавателей по своему предмету. Въ ней, кромѣ показанія всего прочитаннаго въ минувшемъ 1814 году, означалось, сколько было и слушателей въ каждомъ классѣ.

Въ богословскомъ классѣ.

»Прочитано: 1) изъ догматической богословіи преосвящ. Θеофила и сокращенной преосвящ. Иринея XII книга о таинствахъ ветхаго и новаго завѣта. Такъ прочтена изъ сокращенной богословіи преосвящ. Иринея десятая книга о церкви прежде закона и въ законѣ; XIV книга о церкви въ благодати; XV книга о Церкви, что касается до частей, или о тройственной іерархіи: церковной, политической и економической; XVI книга о соборахъ, съ дополненіемъ, гдѣ потребно было, изъ кормчей книги; XVII о врагахъ церкви, еретикахъ и проч. и наконецъ XVIII книга о шести послѣднихъ (de sex novissimis). 2) Изъ церковной исторіи новаго завѣта отъ VIII до XII столѣтія. 3) Прочтена изъ священ. писанія книга пророка Даніила. 4) Публичные богословскіе диспуты были одинъ разъ. 5) Студенты богословіи въ церкви Кіево-братскаго монастыря и въ домовой его высокопреосвященства, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, сказываютъ собственнаго сочиненія проповѣди; также во время публичныхъ мѣсячныхъ академическихъ собраній изъ богословскихъ матерій сказываютъ собственнаго

сочинения разсуждения и дѣлаютъ подражанія на сочиненія лучшихъ духовныхъ россійскихъ и латинскихъ писателей.

Студентовъ въ семъ классѣ было 157.

Въ философскомъ классѣ.

»Прочитана съ объясненіемъ на латинскомъ языкѣ 1) краткая исторія философская. 2) Изъ философіи Баумейстера прочитана логика и метафизика. 3) Воскресныя и праздничныя евангелія были изъясняемы. 4) Студенты сего класса упражнялись въ сочиненіи и сказываніи диссертацій на латинскомъ и россійскомъ языкахъ, также церковныхъ проповѣдей. 5) Въ настоящемъ году публичные диспуты были іюля 16 дня.

Студентовъ въ семъ классѣ было 116.

Въ классѣ высшаго латинскаго краснорѣчія.

»1) Прочитано изъ круга словесности Лагарпа объ ораторахъ, прежде Димосѳена бывшихъ и о свойствѣ ихъ краснорѣчія. 2) Прочитано объ ораторѣ цицероновомъ. 3) Показано различіе между Димосѳеномъ и Цицерономъ. 4) Разсмотрѣны превосходные писатели латинскаго языка, процвѣтавшіе въ златомъ, сребренномъ и мѣдномъ вѣкѣ. 5) Прочитаны съ преложеніемъ на россійскій языкъ и аналитическимъ разборомъ Цицероновы рѣчи защитительныя за Манилiевъ законъ, за Милона, также двѣ рѣчи противу Верреса и нѣкоторыя противу Катилины. 6) Читаны были съ преложеніемъ на латинскій языкъ и аналитическимъ разборомъ проповѣди нѣкоторыхъ пастырей россійской Церкви, также и Масильоновы. 7) Прочитано изъ руководства къ церковному краснорѣчію о доводахъ, о расположеніи проповѣдей, о числѣ слога. 8) Студенты сочиняли имитаціи, диссертаціи и въ собраніяхъ мѣсячныхъ сказывали наизусть; сверхъ того нѣкоторые выучивали и авторскія проповѣди.

Студентовъ было 168.

Въ реторическомъ классѣ.

»1) Прочитана и выучена первая часть латинской Бургіевой реторики и второй—теоретическія правила о изобрѣтеніи и расположеніи. 2) Прочитана и выучена россійская реторика Ломоносова. 3) Читано было съ поясненіемъ, по субботамъ, изъясненіе воскресныхъ евангелій. 4) Прочитана съ разборомъ и переводомъ на россійскій языкъ и выучена латинская Цицеронова рѣчь по возвращеніи въ сенатъ и изъ Корнелія Непота жизнь Помпонія Аттика. 5) Прочитано съ разборомъ и выучено похвальное слово Петру I Ломоносова 6) Ученики упражняемы были задачами, состоящими въ переводахъ съ латинскаго языка на россійскій, въ сочиненіи періодовъ и хрій латинскихъ, также и на россійскомъ языкѣ разныхъ разсужденій и описаній. 7) Нѣкоторыми учениками были сочиняемы и сказываемы наизусть въ классѣ проповѣди и другаго рода декламаціи.

Учениковъ было 281.

Въ поэтическомъ классѣ.

»1) Прочитанъ съ объясненіемъ пространный катихизисъ, выученъ и переведенъ на латинскій языкъ. 2) Выучена латинская просодія. 3) Выучена съ разборомъ большая половина піитическихъ сентенцій. 4) Прочитаны съ разборомъ и выучены двустишія Діонисія Катона о правахъ къ сыну. 5) Выучены всѣ вопросы изъ латинской поэзіи. 6) Прочитана и переведена на россійскій языкъ латинская поэзія преосвящ. Өеофана Прокоповича. 7) Прочитаны на латинскомъ языкѣ съ переводомъ на россійскій и выучены изъ рукописной книги, сочиненной преосвящ. Иринеемъ, правила о простыхъ и сложныхъ періодахъ, также о тропахъ и фигурахъ, и представлены на оные правила свои примѣры. 8) Прочитана изъ той же книги на латинскомъ языкѣ статья, подъ названіемъ: Artis variandi praecepta, переведена и выучена. Сверхъ сего учени-

камъ были задаваемы свои особыя предложенія для перемѣны по симъ правиламъ. 9) Изъ реторики русской Ломоносова прочитаны четыре главы первой части, съ изъясненіемъ, примѣрами и выучены. 10) Прочитана, изъяснена и выучена вся русская поэзія, и на всѣ правила оной приведены и выучены примѣры разныхъ лучшихъ россійскихъ стихотворцевъ. 11) Прочитаны съ переводомъ на россійскій языкъ съ разборомъ по правиламъ просодіи и выучены a) отроческое наставленіе, взятое изъ Мурета; b) изъ Овидія Назона три элегіи; c) изъ Виргилія двѣ эклоги и d) изъ Горація четыре оды. 12) Выучено десять одъ Ломоносова, двѣнадцать Державина, двѣ Карамзина; гимнъ Богу, освобожденная Москва и нѣкоторыя нравоучительныя басни Дмитріева. 13) Прочитаны нѣкоторыя нужнѣйшія статьи изъ миѳологіи. 14) Назначаемы были ученикамъ упражненія съ россійскаго на латинскій языкъ и на оборотъ, въ прозѣ и стихахъ. Сверхъ того занимаемы были ученики сочиненіемъ періодовъ, краткихъ разсужденій о разныхъ матеріяхъ въ прозѣ и стихахъ.

Учениковъ было 87.

Въ высшемъ граматическомъ классѣ.

1) Прочитанъ съ объясненіемъ пространный катихизисъ, переведенъ на латинскій языкъ и выученъ. 2) Прочитаны изъ Гибнера сто четыре свящ. исторіи, собранныя изъ свящ. писанія, переведены на россійскій языкъ и выучены. 3) Прочитаны съ объясненіемъ и выучены всѣ четыре части латинской граматики и переведены на россійскій языкъ Praecepta morum. 4) Прочитаны съ граматическимъ разборомъ и выучены сто школьныхъ разговоровъ, изданныхъ въ Москвѣ въ университетской типографіи у Н. Новикова 1785 г. 5) Прочитана съ объясненіемъ и выучена россійская граматика и правописаніе. 6) Кромѣ сего означаемы были еженедѣльно ученикамъ одно въ домѣ, а другое въ классѣ упражненія, какъ

съ россійскаго на латинскій, такъ и обратно; а при окончаніи года, для приведенія въ порядокъ, означаемы были латинскіе *ламанные* стихи.

Учениковъ было 99.

Въ среднемъ граматическомъ классѣ.

»1) Читаны съ объясненіемъ и выучены первыя три части латинской граматики, выключая сочиненіе фигурическое и съ украшеніемъ. 2) Прочитано съ разборомъ, по правиламъ граматики, и выучено 39 разговоровъ изъ книги: *Новые латинскіе разговоры.* 3) Повторяема была россійская граматика и правописаніе и катихизисъ сокращенный изъясненъ и выученъ. 4) Ученикамъ назначаемы были упражненія при началѣ года съ россійскаго на латинскій языкъ, а при окончаніи года, какъ съ россійскаго на латинскій, такъ и съ латинскаго на россійскій языкъ.

Учениковъ было 87.

Въ нижнемъ граматическомъ классѣ.

»1) Прочитана съ объясненіемъ и выучена первая и вторая часть латинской граматики. 2) Выучена и пояснена россійская граматика. 3) Прочитано и пояснено правописаніе россійскаго языка. 4) Прочитаны и выучены начальныя правила сочиненія латинскаго, изданныя для начинающихъ обучаться латинскому языку и напечатанныя въ типографіи Академіи Кіевской при Кіево-печерской Лаврѣ. 5) прочитанъ съ объясненіемъ и выученъ сокращенный катихизисъ. 6) Ученикамъ назначаемы были каждой недѣли упражненія съ россійскаго языка на латинскій одно въ домъ, а другое въ классѣ.

Учениковъ было 77.

Въ еврейскомъ классѣ.

»1) Прочитана съ нужнымъ объясненіемъ вся еврейская

граматика Генриха Михаэлиса. 2) Прочитаны, съ разборомъ и показаніемъ свойства и правилъ еврейскаго языка и съ переводомъ на латинскій языкъ двѣ, то есть: XXI и XXII главы Бытія и другія мѣста свящ. писанія. 3) Учащимся сему языку назначаемы были упражненія то съ еврейскаго на латинскій, то съ латинскаго на еврейскій языкъ.

Учащихся сему языку было 11.

Въ высшемъ греческомъ классѣ.

»1) Повторено краткимъ образомъ все принадлежащее къ сему классу, и тѣмъ студенты приготовлены къ чтенію высшихъ лекцій. 2) Прочтено все сочиненіе греческой граматики съ должнымъ объясненіемъ и приведеніемъ на правила лучшихъ примѣровъ изъ авторовъ; также представлены были примѣры изустные свои съ россійскаго на греческомъ и съ греческаго на россійскомъ языкѣ, сообразные правиламъ. 3) Прочитаны съ разборомъ и съ показаніемъ свойства и красоты и съ переводомъ на россійскій языкъ четыре рѣчи Іоанна Златоустаго. 4) Выбираемы были разныя письма изъ лучшихъ авторовъ, также лучшія Езоповы басни и читаны въ классѣ съ разборомъ и съ переводомъ на россійскій языкъ. 5) Учащимся въ семъ классѣ назначаемы были упражненія, приспособительныя правиламъ, то съ россійскаго на греческій, то съ греческаго на россійскій языкъ. 6) Учащіеся въ семъ классѣ сочиняли малыя на разные случаи на греческомъ языкѣ рѣчи.

Учащихся было 57.

Въ нижнемъ греческомъ классѣ.

»1) Прочитана съ нужнымъ объясненіемъ и выучена вся первая часть греческой граматики. 2) Прочитана съ разборомъ граматическимъ и выучена вся свящ. исторія на греческомъ языкѣ, изданная по вопросамъ и отвѣтамъ для малолѣ-

тнихъ дѣтей. 3) Переведена вся хрестоматія, также письма, при граматикѣ положенныя. 4) Выучено 25 школьныхъ разговоровъ на греческомъ языкѣ съ разборомъ. 5) Переводимы были съ греческаго языка воскресныя, недѣльныя и праздничныя евангелія. 6) Кромѣ приведенія на правила читанныя краткихъ изустныхъ съ россійскаго на греческій языкъ примѣровъ, задаваемы были учащимся въ семъ классѣ домашнія упражненія: въ первой года половинѣ съ россійскаго на греческій, а во второй попеременно.

Учениковъ въ семъ классѣ было 83.

Въ высшемъ французскомъ классѣ:

»1) Пройдены вкратцѣ первыя двѣ части французской граматики, и тѣмъ студенты пріуготовлены къ слушанію сочиненія. 2) Прочитано съ изъясненіемъ все сочиненіе и выучено, и на правила онаго были приводимы краткіе изустные въ классѣ примѣры. 3) Разговоры выучены въ сей граматикѣ положенные, также переведены письма. 4) Изъ разговоровъ Вегелина выучена большая половина. 5) Прочитаны съ разборомъ и переведены на россійскій языкъ рѣчи Массильона: a) о ревности пастырей ко спасенію душъ; b) о ревности противъ соблазновъ міра. Изъ книги: *Духъ Юнга* прочитаны статьи: умирающій вольнодумецъ и страшный судъ. Изъ книги: Amusemens philologiques прочитана съ переводомъ статья о жизни и смерти философа Сократа и многіе другіе отрывки изъ лучшихъ французскихъ авторовъ съ показаніемъ красоты слога. 6) Задаваемы были небольшія нравоучительныя піэсы въ классѣ на россійскомъ языкѣ, и тутъ же переводились на языкъ французскій. 7) Означаемы были еженедѣльно въ домъ упражненія то съ россійскаго на французскій, то на оборотъ. Кромѣ сего студенты занимаемы были практикою и разговорами на семъ языкѣ, также сочиняли краткія на разные случаи рѣчи.

Учащихся было 34.

Въ нижнемъ французскомъ классѣ.

»1) Прочитаны и выучены изъ первой части граматики всѣ правила и всѣ примѣры о произношеніи и выговорѣ всѣхъ буквъ и реченій и о правописаніи. 2) Изъ второй части прочитаны и выучены всѣ правила и примѣры склоненія именъ существительныхъ съ прилагательными, и другія по порядку части рѣчи. 3) Изъ синтаксиса прочитаны и выучены нужнѣйшія правила съ примѣрами для познанія правильнаго сочиненія въ разговорахъ и переводахъ. 4) Разговоры всѣ прочитаны съ разборомъ и показаніемъ правильнаго ихъ употребленія. 5) Всѣ напечатанныя въ граматикѣ превосходныя письма переведены на россійскій языкъ, а прилежнѣйшіе ученики, вмѣсто упражненій, переписывали для изученія по французски письма.

Учениковъ было 172.

Въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ.

»1) Повторено сочиненіе. 2) Упражняемы студенты и ученики были въ разговорахъ. 3) Читаны были рѣчи, письма и другія сочиненія лучшихъ новѣйшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ и съ показаніемъ свойства, выраженій и красоты нѣмецкаго языка. Всѣ сіи рѣчи, письма и прочія сочиненія студенты и ученики учили наизусть. 4) Для упражненія назначаемы были переводы съ нѣмецкаго на россійскій и обратно. 5) Притомъ студенты сочиняли рѣчи, письма и другія сочиненія.

Учащихся было 35.

Въ нижнемъ нѣмецкомъ классѣ.

»1) Прочитаны съ нужнымъ объясненіемъ и выучены первыя двѣ части нѣмецкой граматики. 2) Изъ третьей части прочитаны съ граматическимъ разборомъ и приведеніемъ на правила примѣровъ три главы. 3) Изъ разговоровъ Вегелина выучены съ должнымъ разборомъ сорокъ разговоровъ. 4) Учащимся въ

семъ классѣ назначаемы были то съ россійскаго на нѣмецкій, то съ нѣмецкаго на россійскій упражненія.

Учащихся было 112.

Въ польскомъ классѣ.

»1) Прочитана и изъяснена польская граматика Семигиновскаго. 2) Для переводовъ съ россійскаго на польскій и обратно были означаемы въ домы упражненія и въ классы. 3) Для лучшаго успѣха въ семъ языкѣ были прочитываемы отборнѣйшія мѣста изъ новѣйшихъ польскихъ авторовъ.

Учащихся было 74.

Въ классѣ смѣшенной математики.

»1) Прочитаны въ сокращенномъ изложеніи: a) механика; b) идростатика; c) ареометрія; d) идравлика; e) пиротехнія, какъ часть, относящаяся къ архитектурѣ военной и f) военная архитектура. По всѣмъ симъ предметамъ, сверхъ изъясненій, въ требовавшихъ того мѣстахъ, задачи и примѣры для рѣшеній, какъ въ классѣ, такъ и въ домѣ, означаемы и удовлетворяемы были.

Учащихся въ семъ классѣ было 42.

Въ классѣ чистой математики высшей.

»1) Изъ алгебры Аничкова, повторивъ вкратцѣ начальныя основанія алгебры по главу шестую, пройдены главы шестая и седьмая съ разрѣшеніемъ и поясненіемъ положенныхъ въ нихъ задачъ, а для лучшаго успѣха на всѣ разрѣшаемыя задачи были означаемы примѣры. 2) Изъ геометріи, повторивъ планиметрію, прочтена тригонометрія, съ показаніемъ на инструментахъ практическихъ задачъ.

Учащихся было 42.

Въ классѣ нижней чистой математики.

Тоже, что и въ отчетѣ Фальковскаго.

Учениковъ было 92.

Въ высшемъ ариѳметическомъ классѣ.

Тоже, что и у Фальковскаго.

Учениковъ было 89.

Въ среднемъ ариѳметическомъ классѣ.

Тоже, что и у Фальковскаго.

Учениковъ было 115.

Въ нижнемъ ариѳметическомъ классѣ.

Тоже, что у Фальковскаго.

Учениковъ было 198.

Въ институтномъ историческомъ и географическомъ классѣ.

»1) Общія обозрѣнія о началѣ и происхожденіи народовъ, составляющихъ европейскія государства. 2) Исторія народовъ сѣверныхъ: россійская до конца; о Датчанахъ, Норвежцахъ и Шведахъ, объ Англіи до конца. Исторія прочихъ европейскихъ народовъ, какъ то: Нѣмцевъ, Французовъ, Испанцевъ и Португальцевъ. Исторія Италіи и Польши, и вообще о разныхъ частяхъ сихъ земель, исторія Венгріи. 3) Исторія восточныхъ народовъ: объ Аравитянахъ вообще и о разныхъ царствахъ, составившихся по раздѣленіи калифатства, исторія о Туркахъ, Монголахъ, Китайцахъ и Японцахъ. 4) Причины могущества, паденія восточныхъ народовъ и состояніе ихъ.

Учащихся было 75.

Въ четвертомъ историческомъ и географическомъ клаассѣ.

Тоже самое, что означено въ програмѣ Фальковскаго.

Учащихся было 163.

Въ третьемъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже, что у Фальковскаго.

Учениковъ было 56.

Во второмъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже, что у Фальковскаго.

Учениковъ было 135.

Въ первомъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже, что въ програмѣ Фальковскаго.

Учениковъ было 94.

Въ классѣ нотнаго ирмолойнаго пѣнія.

Преподаватель указалъ на нѣкоторыя статьи изъ Ирмологія и Обихода, выученныя воспитанниками.

Учащихся было 184.

Въ рисовальномъ классѣ.

»1) Прочитаны и пояснены краткія правила рисовальнаго искуства. 2) Ученики, занимаясь въ копированіи, свои картины красками и карандашомъ чертили и рисовали, по даннымъ для сего образцамъ, красками или карандашомъ изображеннымъ.

Учениковъ было 43.

Въ классѣ сельской и домашней економіи.

Прочитано о домоводствѣ, землепашествѣ, садоводствѣ и пчеловодствѣ.

Учениковъ было 31.

Въ такомъ же точно видѣ составлены и прочіе училищные отчеты за послѣдующіе годы, съ тою только отмѣною, что въ

классахъ реторическихъ, сообразно появленію новѣйшихъ писателей, поставляемо было ученикамъ въ обязанность изучать ихъ произведенія, слѣдя такимъ образомъ за ходомъ русской литературы. Для успѣшнѣйшаго содѣйствія этому, Академія, не смотря на едва поправляющееся свое состояніе, распорядилась выпискою разныхъ періодическихъ изданій и вѣдомостей. Въ 1816 году она получала:

1. Московскія Вѣдомости.
2. Сѣверную Почту.
3. Вѣстникъ Европы.
4. Историческій, Географическій и Статистическій Журналъ.
5. Инвалидъ.
6. Сынъ Отечества.
7. Русскій Вѣстникъ.
8. Нравственно-христіанскій Журналъ.
9. Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова.

Въ 1816 году Кіевъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Государя Императора Александра Павловича, возвращавшагося со славою умиротворителя Европы съ знаменитаго вѣнскаго конгресса. Древняя столица Владыкъ Россіи снова облеклась въ праздничную одежду, дабы достойно встрѣтить желаннаго Гостя. Дворянство поспѣшило дать великолѣпный балъ[467] и городъ горѣлъ въ торжественныхъ иллюминаціяхъ. Но это мало занимало Благословеннаго Вѣнценосца; Онъ проводилъ время въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ Кіева, и молился Богу, даровавшему Ему побѣду надъ исполиномъ, приведшимъ съ собою двадесять языкъ на Русь святую[468].

День 2 сентября навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ Кіевской Академіи. Государь Императоръ, поклонившись чудотворной иконѣ Братской Богоматери, изволилъ посѣщать

залу, классы и даже осматривалъ скудную библіотеку[469]. Облагодѣтельствованная Высочайшимъ вниманіемъ Академія тогда же поднесла Державному своему Благодѣтелю печатную оду, привѣтствуя Его »со всевождѣленнымъ и всерадостнымъ пребытіемъ въ древ-»нѣйшій и первыхъ россійскихъ Великихъ Князей престольный »градъ Кіевъ«, и всеподданнѣйше испрашивая продолженія Высочайшихъ милостей:

Воззри, Монархъ, съ благопризрѣньемъ
На градъ сей, сѣдиной покрытъ,
Гдѣ время самое съ почтеньемъ
На древности его глядитъ!
Свой благодатный взоръ склоняя,
Щедротъ десницу простирая,
Воззри на древній храмъ наукъ,
Твоимъ глаголомъ обновленный,
Какбы изъ праха извлеченный,
Воззри Екатеринин Внукъ!...

Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преобразованіи третьяго духовно-учебнаго округа, и вслѣдъ за доставленіемъ требуемыхъ отъ митрополита Серапіона и мѣстныхъ архіереевъ свѣдѣній, 14 августа 1817 г. состоялся указъ св. Синода, что »такъ какъ существующія уже семинаріи, въ »которыхъ великое число юношества съ каждымъ днемъ или »пріобрѣтаетъ образованіе, или теряетъ время отъ несовер-»шенства наставниковъ, требуютъ ближайшей и неукоснительной »помощи: то и настоитъ необходимость предварить образованіе »Кіевской Академіи образованіемъ семинарій кіевскаго округа; »а до того всѣ училища кіевскаго округа подчинить вѣдомству »С.-Петербургскаго Академическаго Правленія«.

Кіевская Академія, впредь до предполагаемаго преобразованія, обращена въ семинарію[470].

Такое положеніе Академіи, вновь придаваемый ей характеръ строго спеціальнаго училища, наконецъ свои домашнія нужды требовали особенныхъ заботъ со стороны мѣстнаго начальства. Академическая библіотека, значительно увеличившаяся пріобрѣтеніемъ книгъ въ большомъ количествѣ отъ разныхъ частныхъ лицъ[171], находилась въ крайнемъ разстройствѣ, какъ по случаю пожара, такъ и нѣкоторыхъ безпорядковъ при пріемѣ и раздачѣ книгъ. Протоіерей *Павелъ Алышевскій*, назначенный для завѣдыванія библіотекой, доносилъ митрополиту Серапіону, что »болѣе двухъ тысячъ книгъ находится, коимъ ни описей, а »другимъ ни описей, ни нумеровъ вовсе означенныхъ нѣтъ, при»томъ и учители не доставляютъ своевременно взятыхъ ими »книгъ безъ всякихъ росписокъ и квитанцій, а что касается до »книгъ, полученныхъ за прежніе годы чрезъ дикастерію, тѣхъ »послѣ пожара не оказалось ни одного экземпляра«. Такіе безпорядки заставили Серапіона принять рѣшительныя мѣры; онъ приказалъ 1) не выдавать учителямъ жалованья до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не внесетъ въ библіотеку всѣхъ взятыхъ имъ книгъ по роспискамъ и безъ росписокъ, а буде которыя окажутся у кого послѣ, то таковой подлежать будетъ удаленію отъ должности, и строгому взысканію по законамъ; 2) составить подробный каталогъ всѣмъ книгамъ, находящимся въ библіотекѣ. Все это въ скоромъ времени было исполнено; учители возвратили взятыя ими книги, каталоги составлены и въ академической библіотекѣ водворился желаемый порядокъ.

Такъ какъ проэктомъ о преобразованіи третьяго духовно-учебнаго округа предположено было допускать въ уѣздныя училища, семинаріи и академіи только дѣтей священно-церковнослужительскихъ: то немедленно разосланы были указы ко всѣмъ властямъ духовнымъ о доставленіи имянныхъ списковъ о сыновьяхъ отъ шести до десяти-лѣтняго возраста и далѣе, находящихся въ домашнемъ воспитаніи у своихъ родителей. Во исполненіе сего каждый благочинный представилъ подробныя вѣ-

домости съ показаніемъ, кто изъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, какихъ лѣтъ и чему обучается. Равно предписано было и Академическому Правленію доставить въ Коммиссію духовныхъ училищъ конспекты отъ учителей въ тѣхъ наукахъ, »къ преподаванію коихъ они чувствуютъ себя съ несомнѣнною »пользою и по преобразованіи училищъ способными«. Всѣ наличные наставники росписались въ чтеніи этого указа и обѣщались учинить по оному исполненіе.

А между тѣмъ исправлявшій должность ректора архимандритъ *Мелетій Посковъ* вступилъ въ дикастерію съ докладомъ, что »соображаясь съ очевидностію обстоятельствъ и намѣреніемъ »Коммиссіи духовныхъ училищъ, Академическое Правленіе признаетъ довольнымъ на первый разъ устроить при кіевской се»минаріи одно уѣздное и одно приходское училища, предпо»ложивъ потомъ оныя распространить, по мѣрѣ имѣющихъ от»крываться неудобствъ и пособій«. Что же касается до вопроса: достаточно ли занимаемое Академіей зданіе для помѣщенія будущей Академіи, семинаріи и предполагаемыхъ при ней нижнихъ училищъ, — то *Мелетій* находилъ, что судя по пространству и количеству комнатъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ этажѣ академическаго корпуса можно почесть его достаточнымъ для преподаванія лекцій академическихъ и семинарскихъ. »А дабы, продолжалъ *Мелетій* въ своемъ донесеніи, и уѣздное и приход»ское училища не были отдѣлены отъ семинаріи, предметы »ихъ ученія на первый разъ можно вмѣстить въ комнатахъ »академическаго сиротскаго дома, если въ ономъ число казен»ныхъ и половинно-казенныхъ воспитанниковъ противу числа нынѣ »находящихся гораздо ограничить«. А такъ какъ не было никакой возможности весь штатъ предполагаема́го къ преобразованію училища помѣстить въ сиротскомъ домѣ, то Правленіе находило нужнымъ или распространить мѣсто, занимаемое Академіей, пристроивъ къ старымъ зданіямъ новыя обширнѣйшія, или учредить будущую Академію въ упраздненномъ Кіево-кя-

риллОвскомъ Троицкомъ монастырѣ, »мѣстѣ, по замѣчанію *Мелетія,* во многихъ отношеніяхъ выгодномъ для наукъ, любящихъ уединенныя мѣста«; семинарію же съ уѣздными и приходскими училищами оставить въ нынѣшней Академіи и спротскомъ домѣ.

Такимъ образомъ въ другой разъ приходилось Кіево-братскому училищу покидать мѣсто, укрѣпленное за нимъ болѣе чѣмъ двухсотлѣтнею давностію! Къ счастію, проэктъ Мелетія остался только на бумагѣ, и Академія не оставила святаго своего пристанища, осѣняемаго чудотворнымъ знаменіемъ Братской Богоматери.

Наличный составъ преподавателей въ послѣднее время существованія древней Академіи слагался изъ слѣдующихъ лицъ.

Іоасафъ Моховъ, ректоръ и архимандритъ. Марта 1817 г. онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей и опредѣленъ въ Кіево-печерскую Лавру на пребываніе, гдѣ и скончался.

Мелетій Носковъ, префектъ и архимандритъ. По увольненіи Іоасафа, онъ преподавалъ богословіе съ исправленіемъ ректорской должности и настоятельства въ Братскомъ монастырѣ. Въ 1817 году *Мелетій* былъ переведенъ въ черниговскую семинарію инспекторомъ и учителемъ богословія съ званіемъ настоятеля Домницкаго монастыря, а потомъ былъ ректоромъ полтавской семинаріи. Въ послѣдствіи онъ жилъ въ Кіево-печерской Лаврѣ на покоѣ, и скончался 1851 года.

Соколовскій Каллистратъ, коллежскій секретарь, учитель высшаго латинскаго и россійскаго краснорѣчія, высшаго ариѳметическаго класса, третьяго историческаго и географическаго, сельской и домашней economіи. Оставшись за штатомъ *Соколовскій* поступилъ во священника Притиско-Николаевской церкви, и потомъ былъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-софій-

скаго собора; имѣлъ камилавку, наперсный крестъ, ордена: св. Анны 2 степ. Императорскою короною украшенный и св. Владиміра 3 степ. Скончался 9 марта 1849 года.

Галинскій Авксентій, (іеромонахъ) учитель реторическаго класса и нижняго французскаго.

Августиновичъ Георгій, учитель высшаго граматическаго класса, средняго ариѳметическаго, втораго историческаго и географическаго. Умеръ 1842 года 16 декабря протоіереемъ Воскресенской церкви, что въ кіевской цитадели: имѣлъ камилавку и наперсный крестъ.

Пелехинъ Петръ, учитель средняго граматическаго класса; статскій совѣтникъ, заслуженный профессоръ судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены, докторъ медицины и хирургіи, разныхъ ученыхъ россійскихъ и иностранныхъ обществъ членъ и орденовъ св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 класса кавалеръ; имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV; нынѣ штатный врачъ Кіевской Академіи.

Петрусевичъ Иванъ, учитель нижняго граматическаго класса, нижней чистой математики и рисовальнаго искуства. Отказавшись принять мѣсто учителя низшаго отдѣленія семинаріи, *Петрусевичъ* перешелъ въ гражданскую службу и былъ долго Землемѣромъ въ Кіевѣ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Это, по свидѣтельству современниковъ, былъ истый малороссъ съ предобродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ и отличный рисовальщикъ.

Игнатовичъ Іоакимъ, учитель еврейскаго языка; нынѣ протоіерей первокласнаго Кіево-фроловскаго дѣвичьяго монастыря, членъ консисторіи и кавалеръ св. Анны 2 ст. Императ. корон. украш. имѣетъ камилавку и наперсный крестъ.

Семяновскій Стефанъ, учитель высшаго греческаго класса; въ послѣдствіи былъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-софійскаго собора, имѣлъ камилавку, наперсный крестъ; умеръ 27

генваря 1827 года. Ему прислана была митра для употребленія при священнослуженіи, но не застала его въ живыхъ.

Дейнекинъ Георгій, учитель нижняго нѣмецкаго класса скончался 1832 г. протоіереемъ Кіево-софійскаго собора; имѣлъ камилавку и наперсный крестъ.

Гловацкій Игнатъ, учитель высшей чистой математики, четвертаго историческаго и географическаго класса и польскаго языка. Онъ скончался 1830 года во время холеры.

Куницкій Николай, титулярный совѣтникъ, учитель смѣшенной математики; по преобразованіи Академіи выбылъ неизвѣстно куда.

Веледницкій Іосифъ, учитель нижняго ариѳметическаго, перваго историческаго и географическаго классовъ; умеръ 1848 г. священникомъ с. Стаекъ, кіевскаго уѣзда; имѣлъ камилавку.

Алышевскій Павелъ, учитель философіи (временно) и библіотекарь; былъ потомъ протоіереемъ и ключаремъ Кіево-софійскаго собора, имѣлъ камилавку и наперсный крестъ.

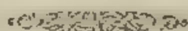
Берлинскій Максимъ, учитель институтнаго историческаго класса. Онъ былъ изъ числа кандидатовъ, присланныхъ отъ курской семинаріи; по окончаніи академическаго курса, *Берлинскій* учился еще въ московскомъ университетѣ и потомъ назначенъ былъ учителемъ въ кіевскую гимназію. Вмѣстѣ съ этой должностью, онъ служилъ и Академіи въ званіи преподавателя. Это былъ человѣкъ весьма умный и ученый съ физіономіей чисто нѣмецкаго гелертера. Въ литературномъ отношеніи *Берлинскій* извѣстенъ своимъ *Описаніемъ Кіева.* Онъ скончался 1847 года пенсіонеромъ въ глубокой старости.

Лободовскій Симеонъ, учитель россійскаго класса и нотнаго ирмолойнаго пѣнія, умеръ 1855 года протоіереемъ Кіево-софійскаго собора; имѣлъ наперсный крестъ и камилавку.

Хотя согласно второму пункту указа, Академическое Пра-

вленіе и извѣщало дикастерію, что оно не замедлитъ представленіемъ конспектовъ, требуемыхъ отъ учителей: но это не состоялось. Наличные наставники, бывъ замѣняемы вновь присланными изъ с.-петербургской академіи во временную семинарію, не сочли нужнымъ удерживать за собой каѳедры, для коихъ назначенъ былъ такой конкурсъ, и почти всѣ, какъ мы видѣли, разошлись по мѣстамъ, большею частію, епархіальнаго вѣдомства.

Новый составъ семинарско-академическаго начальства образовался изъ слѣдующихъ лицъ: ректоръ архимандритъ *Моисей Антиповъ*, инспекторъ *Леонтовичъ Михаилъ Ивановичъ;* профессоры: *Скворцовъ Иванъ Михайловичъ* и *Максимовичъ Александръ Андреевичъ*. Изъ прежнихъ наставниковъ остались на это время: *Куницкій Кириллъ* преподавателемъ словесности; *Пелехинъ Петръ Павловичъ* учителемъ греческаго и французскаго языковъ; *Гловацкій Игнатъ Ивановичъ*, читавшій математику.

Остановимся на минуту и оглянемъ все прожитое время древнѣйшимъ въ нашемъ отечествѣ училищемъ. Два съ половиною столѣтія—какой длинный, необъятный періодъ! Какая должна быть сила и энергія у этого старѣйшины всѣхъ училищъ въ Россіи! Не въ тишинѣ мира и спокойствія, а при шумѣ брани и нестроеній зачалась Академія, подъ скромнымъ названіемъ школы; не при благодѣтельныхъ пособіяхъ мудраго правительства, а своими крайне скудными и убогими средствами воздвигла она великій храмъ христіанскаго просвѣщенія; не благожелатели и други окружали младенческую колыбель ея, а фаланги и тарантулы, проползавшіе къ ней въ темнотѣ ночной, и прогоняемые при свѣтѣ Христова ученія благородными пѣстунами ея. Скромно идетъ она, за благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ православнаго востока, къ метѣ, седьмыю

вселенскими соборами поставленной, и въ дѣтской, еще не укрѣпившейся рукѣ держитъ грозную пращу, которою побѣдоносно разитъ голіафовъ современнаго просвѣщенія. Искушаемая огнемъ тяжкихъ испытаній, и зарываемая въ прахъ и пепелъ пожигаемыхъ своихъ зданій, она возстаетъ и ратуетъ съ большею ревностію за святое дѣло православія, приводя въ отчаяніе самихъ враговъ его. По слову величайшаго изъ своихъ протекторовъ, незабвеннаго Петра Могилы, она высылаетъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ въ западныя училища, заповѣдуя имъ извлекать оттуда все прекрасное и полезное, и остерегаться яда, скрытаго подъ цвѣтами мнимаго просвѣщенія,— и свято исполняютъ завѣтъ своей питательницы избранные дѣти христіанскаго, истинно-русскаго училища. Быстро возрастаетъ потомъ слава ея, и изъ за предѣловъ Россіи спѣшатъ въ кіевскія школы угнѣтаемые сыны православія, чтобъ напоить жаждущія души свои чистой водою ученія вѣры, соблюдаемой здѣсь »непорушно«. И становится Академія душою цѣлаго края, срастается со нимъ единосущно и нераздѣльно, идетъ рядомъ съ современными политическими событіями, и отпускаетъ питомцевъ своихъ на дѣятельное и великое служеніе отечеству. Святые мужи, герои брани, пастыри церкви, государственные люди, глубокомысленные ученые, какъ звѣзды на ясномъ небѣ, свѣтятся на скрижаляхъ Академіи. Она видитъ въ стѣнахъ своихъ цвѣтъ юношества знатнѣйшихъ малороссійскихъ родовъ, и сама потомъ становится подъ защиту ихъ, когда они являются на высокихъ степеняхъ службы государственной. Хмельницкіе, Конашевичи, Самуйловичи, Петрижицкіе, Апостолы то силою оружія, то предстательствомъ своимъ у царственныхъ престоловъ блюдутъ ее отъ внѣшнихъ бѣдъ и напастей. Роды древнихъ дворянъ Лизогубовъ, Гамалѣевъ, Полуботковъ, Кулябокъ, Чарнышей, Марковичей, Горленковъ и многихъ другихъ отпускаютъ въ Академію дѣтей своихъ, возвышая ее собою въ глазахъ недовѣрчивыхъ простолюдиновъ, и заставляя этимъ сыновъ ихъ тѣсниться потомъ въ стѣны училищныя, чтобъ до-

быть себѣ путемъ образованія честь и славу. Прежде другихъ сознаетъ она благодѣтельную необходимость подчиненія угнѣтаемаго края могучему скипетру царей русскихъ, и въ лицѣ своихъ представителей содѣйствуетъ сему великому дѣлу; прежде другихъ изливаются на нее благодѣянія отъ престола всероссійскаго. Цари Өеодоръ, Іоаннъ, Петръ I привѣтствуютъ ее славнымъ именемъ, властію Державною ограждаютъ существованіе ея, и руководимая мудрыми и попечительными архипастырями, она спѣшно идетъ отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству. Рафаилы, Арсеніи, Гавріилы, Самуилы, какъ ангелы Божіи, парятъ надъ нею, укрывая подъ кровомъ крилъ своихъ. Ничто не въ силахъ остановить ихъ ревности—ни пламя пожаровъ, ни внѣшнія тревоги, ни внутреннія нестроенія; сама смерть какъ будто притупила жало свое о крѣпости, какими эти великіе протекторы окружили святилище христіанской науки. Какъ лучи отъ солнца, идутъ отъ Кіевской Академіи во всѣ концы обширнѣйшей въ мірѣ имперіи новыя училища, наполняемыя ея же воспитанниками, которые становятся на чреду воспитателей юношества. Нѣтъ ни одной семинаріи въ Россіи, которая не была бы обязана основаніемъ своемъ Кіевской Академіи; питомцы ея, на степеняхъ высокаго іерархическаго служенія, первымъ долгомъ поставляютъ тотчасъ же давать христіанское образованіе своей паствѣ, и начиная съ ближайшихъ себѣ лицъ духовнаго званія, разливаютъ потомъ свѣтъ просвѣщенія на всѣ сословія. Сотни воспитанниковъ Академіи принимаются за врачебную науку, честно и добросовѣстно служа потомъ страждущему человѣчеству. Является на Руси новое училище, созданное »по примѣру европейскихъ университетовъ«, Кіевская Академія поставляетъ туда »многихъ отличныхъ профессоровъ[172]«, и чуждая гордости и самолюбія въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія, сама посылаетъ туда лучшихъ своихъ воспитанниковъ для наученія, заповѣдуя имъ возвратиться домой и принести съ собою плодъ добрый для воспитавшаго ихъ училища. Съ радостію видитъ

она въ эту эпоху своей жизни »по всей Россіи знаменитыхъ »просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ »чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ[473]«. Въ аудиторіяхъ ея становится тѣсно отъ безчисленнаго множества юношей, которые то входятъ съ жаждою просвѣщенія, то выходятъ упитанные въ сытость и сладость зрѣлыми и здоровыми плодами науки, взрощенной на родной почвѣ подъ теплотою Христовой вѣры и живительнымъ дождемъ православія. Просто, но свѣтло и ясно понята была основателями и протекторами Академіи система истинно-русскаго образованія. Вопреки господствовавшему на западѣ направленію, поставивъ во главѣ просвѣщенія богословіе, то есть Законъ Божій, она справедливо почитала все прочее только додаточнымъ предметомъ къ доставленію полнаго воспитанія народнаго. Не извнѣ, не по требованію господствующаго духа времени, а изъ вопіющихъ нуждъ Церкви и благосостоянія отечества родилась она, сдѣлавшись крѣпкою хранительницею тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается характеръ русскаго народа. Вся Академія въ совокупности была полная, строго организованная система; питомецъ вращался въ знакомомъ ему кругу, и постепенно шелъ отъ низшаго класса къ высшему; съ начала до конца онъ былъ *студентъ* въ буквальномъ и точномъ значеніи сего слова. Воля Державныхъ Вѣнценосцевъ предписываетъ быть на Руси еще тремъ такимъ же училищамъ,— и Кіевская Академія становится матерію академій московской, казанской и с.-петербургской, безъ удержанія и охотно отпуская въ нихъ ректоровъ, префектовъ и неизчислимое множество воспитателей юношества[474]. Не думая уступать ни въ чемъ вновь образуемымъ въ нашемъ отечествѣ европейскимъ училищамъ, она употребляетъ всѣ зависящія отъ нея усилія, чтобы поддержать двухсотлѣтнюю свою славу. Устроивъ имѣнія, ею пріобрѣтенныя, Академія, при царскомъ жалованьѣ, видитъ великое вспоможеніе отъ своихъ ближайшихъ протекторовъ, которые нещадятъ ни трудовъ, ни стараній, ни капиталовъ своихъ для ея

благосостоянія; съ благодарностію принимаетъ приношенія отъ высокихъ покровителей наукъ, уважающихъ истинныя заслуги ея, утѣшается памятію своихъ же воспитанниковъ, которые отдаютъ ей свое достояніе, библіотеки и полное глубочайшей признательности сыновнее слово. Разумовскіе, Румянцовы, Бантышъ-Каменскіе, Козицкіе и многіе другіе записываютъ имена свои въ синодикъ братства, какъ благодѣтели славнаго училища. Проходитъ болѣе двухъ вѣковъ, а она и въ планѣ послѣдняго своего протектора все держится на свойственной себѣ ступени первѣйшаго училища въ Россіи преподавая науки, входящія въ кругъ всесторонняго образованія, и считая у себя даже въ последнее время болѣе тысячи воспитанниковъ[475].

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Три древнѣйшихъ оттиска въ разныхъ видахъ изображеній Варлаама Яснискаго находятся въ Альбомѣ Кіевской Академіи. Подъ однимъ изъ оныхъ находится еще такая подпись:

Отъ созданія чудна видимаго свѣта
Седмь тысящъ двѣстѣ въ пятнадесять ветха лѣта,
Августа въ день пятничный двадесятый вторый.
Егда Марія поиде на небесны горы,
Пастиръ въ вечеръ плоть свою оставлши мертвенну,
Преиде духомъ въ храмину нерукотворенну.
Варлаамъ званъ Ясински яснилъ въ словѣ дѣлѣ
Въ правленіи престола первый по Могилѣ
Сей бо изъ младыхъ ногтей мудрихъ бѣ любитель,
Кіевской Академіи Ректоръ и Учитель (лѣтъ 7)
Монастира Николска Ігуменъ всечестны, (лѣта 3)
Проповѣдникъ Божія слова бысть нелестный.
Потомъ святыя Лаври онъ Архимандрита (лѣтъ 7)
Седмь лѣтъ, седмьнадесятъ же бысть митрополита (17)
Кіевскій, седмостолпну церковь воздвигъ ясно
Софію, въ ней предѣлы вообразивъ красно.
Многихъ въ архіерейскі степень устроивы
Подвиговъ духовныхъ, столпъ Вѣры, образъ жывы.
Іспранивъ многи кніги, пісавъ, утрудіся,
Въ осмдесятолѣтной старости скончіся.
Въ тисящъ седмсотъ семы, седми ангелами
Въ горняя провожденъ есть горними силами
Убо ангельскимъ вси ликомъ при гласѣ люди:
Варлааме, вѣчная память тебѣ буди!

На третьемъ портретѣ, представляющемъ, въ образѣ Ясинскаго, св. Варлаама, находится слѣдующая подпись:

Милостини податель, Варлаамъ блаженный.
Будетъ и ти милостивъ, тезоимените,
Притяза ню въ чертозѣ вѣнецъ торжественный
Увѣнчаетъ тя Господь при лѣтехъ обфите

fecit Hilarion Migura S. Nicolai Batur. Krupic. Egumen. 1702.

2. Описаніе Кіевософ. Собора. Прибавл. 34 стран. 163--174.

3. Также, подъ № 36, есть грамата Іоасафу Кроковскому отъ 1708 года: но она едвали была ему посылаема, ибо въ ней даже не означено ни дня, ни мѣсяца, и опять объ ней было бы упомянуто въ другой граматѣ, данной митрополиту 29 генваря 1710 года: но этого нѣтъ.

4. Также стран. 190. Прибавл 37.

5. Исторія Малороссіи Маркевича Част. II стран. 462.

6. См. описаніе книгъ и рукописей графа Ѳ. А. Толстова. Въ каталогѣ Толстова Andreas Chmarny по русски переведенъ *Андрей Шморни*, и такимъ образомъ изъ кореннаго Русскаго вышелъ какой-то иностранецъ.

7. Двѣ жертвы коварной лютости Мазепиной Искра и Кочубей, обезглавленные имъ, послѣ многихъ истязаній, въ с. Борщаговкѣ, покоятся въ Кіевопечерской Лаврѣ у входа въ Трапезную церковь. Надъ могилою ихъ положенъ камень, на которомъ высѣчено надгробіе, почти уже стершееся отъ времени:

Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положенны сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испийлисмо чашу
Злу даяньемъ Мазепы, все вѣчно правы
Посѣчены зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычни,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

8. Исторія Малороссіи Част. II. стран. 282, 483.

9. Описаніе Кіевософ. Собора стран. 213.

10. Исторія Малороссіи тамже стран. 483.

11. Предисловіе къ акаѳисту св. великомучен. Варвары.

12. Кондакъ XII.

13. Исторія Малороссіи Част. II. стран. 538.

14. Тамже стран. 534.

15. Въ Актахъ Академическихъ уцѣлѣла одна опись того времени, въ которой показаны вещи, оставшіяся послѣ умершаго студента изъ малороссійскихъ дворянъ.

16. Это видно изъ самаго заглавія читанной Прокоповичемъ философской системы, которое гласитъ такъ: Philosophia Aristotelico-Scholastica an. 1708 per Th. Procopowicz.

17. Словарь Историч. стран. 299.

18. Стефанъ Яворскій написалъ цѣлое *обличеніе* на богословскую систему Прокоповича, состоящее изъ 18 пунктовъ. Онъ послалъ оное къ епископамъ Алексію сарскому и Варлааму тверскому, вызваннымъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ для посвященія Ѳеофана въ епископа псковскаго, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ Государю, и формально потребовали бы отъ Ѳеофана, предъ посвященіемъ, отреченія отъ указанныхъ пунктовъ и публичнаго оглашенія, что лекціи его были неправильны; въ случаѣ же отказа Ѳеофанова, Яворскій требовалъ, чтобы *обличеніе* его было представлено Вселенскимъ Патріархамъ. Но протестъ этотъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, въ нѣкоторыхъ статьяхъ дѣйствительно привязчивый только, не былъ уваженъ, и, къ сожалѣнію, послужилъ лишь поводомъ къ распрѣ между сими двумя іерархами. Словарь Историч. Част. II. стран. 261.

19. Вотъ ея заглавіе: Regia sublimibus Eloquentiae alta columnis nobili Roxolanae iuventuti extructa 1711. Эта Regia состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной говорится о построеніи рѣчи вообще, а въ другой о рѣчахъ въ частности, и между прочимъ о поученіяхъ и бесѣдахъ церковныхъ.

20. Система философіи *Томиловича* озаглавлена такъ: Philosophia tripartita, dictrinam Aristotelis de rebus dialecticis, physicis et metaphysicis comprehendens. 1715.

21. Система *Пиновскаго* носитъ слѣдующее названіе: Tractatus Theologici diversi.

22. Гетманъ Скоропадскій отвѣчалъ слѣдующее: »Не имѣю власти

»судить сына съ отцемъ и Государемъ своимъ; въ подобномъ дѣлѣ »нельзя быть безпристрастнымъ«. Исторія Малорос. Част. II стран. 548.

23. Дѣянія Петра В. Част. VI стран. 96 и 244. Голиковъ даже говоритъ, что Кроковскій умеръ »отъ отравы«, и въ то самое время, когда дошла до Твери вѣсть, что не стало несчастнаго царевича; но самъ ли онъ отравился, или его отравили, дѣеписатель не сказываетъ. Кажется, во всѣхъ этихъ показаніяхъ Голиковъ слишкомъ много вѣритъ Ѳеофану Прокоповичу, который приписывалъ даже возвышеніе Іоасафа въ митрополиты ходатайству Мазепы, и почти сдѣлалъ его сообщникомъ измѣнника. См Словарь достопам. людей Русской земли Част. II. стран. 437 и 438.

24. Исторія Малор. Част. II стран. 549.

25. Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій погребенъ 24 августа въ тверскомъ соборѣ.

26. Портретъ этотъ хранится въ Кіевософійскомъ соборѣ.

27. Съ возможною полнотою списана эта надпись въ »Описаніи Кіевософійскаго собора по обновленіи его въ 1845—53 годахъ«. стран. 80—82.

28. Описаніе Кіевософ. собора стран. 215.

29. Пожаръ этотъ случился отъ недосмотра намѣстника, оставившаго въ своей кельѣ зажженную свѣчку. Такъ пишетъ Конисскій. См. Исторію Малорос. Част. II. стран. 549.

30. Въ 1691 году Государь Петръ I пожаловалъ Кіевопечерской Лаврѣ большое Евангеліе въ сребропозлащенномъ окладѣ.

31. Исторія объ уніи, Бантышъ-Каменскаго стран. 173—178.

32. Словарь Историч. Част. II. стран. 300.

33. Росс. Исторія Татищева Част. I. стран. 578.

34. Въ Тихвинѣ дѣйствительно нѣсколько разъ заводимы были училища; такъ онѣ существовали въ 1706, 1758, 1779 и 1788 годахъ: но скоро упразднялись, по недостатку учителей. Исторія Росс. іерархіи Част. I. стран. 589, 608 и 610.

35. Описаніе Кіевософ. собора стран. 218.

36. Полное собраніе законовъ Том. VII. № 4717.

37. Впрочемъ Епифаній успѣлъ убѣжать изъ Соловецкаго въ 1729 г. пойманный, онъ былъ наказанъ батогами и сосланъ въ Сибирь въ горные заводы: но съ дороги опять бѣжалъ и скрывался у раскольниковъ

на Веткѣ. Въ 1735 году онъ былъ схваченъ и заключенъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ и умеръ. Къ сожалѣнію, прахъ этого святотатца недостойно почиваетъ на святой землѣ Кіевопечерской Лавры. Епифаній погребенъ близъ крѣпостной церкви препод. Θеодосія. Историч. извѣст. о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ соч. Іоаннова стран. 228—243.

38. Тамъ нынѣ теплая церковь во имя Рождества Христова.

39. Въ этомъ зданіи помѣщается теперь Кіевософійское духовное училище.

40. Тамъ была и церковь во имя страстотерпцевъ Бориса и Глѣба Въ 1847 году все это мѣсто уступлено казнѣ, и нынѣ возвышается тамъ огромное зданіе Владимірскаго кадетскаго корпуса.

41. Главою въ Магистратѣ былъ Войтъ, остававшійся безсмѣннымъ градоправителемъ и получавшій назначеніе или отъ Государей, или отъ Гетмановъ, или отъ тѣхъ, кто занималъ ихъ мѣсто. Сотрудниками его были четыре Бургомистра, избираемые мѣщанами также на всю жизнь, и четыре Райца, смѣняемые ежегодно. Дѣлопроизводителемъ былъ магистратскій писарь. Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ: Соч. Успенскаго издан. 1818 г. стран. 726.

42. Полкъ составлялъ цѣлую область или губернію, состоявшую изъ полковаго города, мѣстечекъ и множества селъ и деревень. По главному городу носилъ онъ и названіе. Такихъ полковъ въ послѣднее время было десять: кіевскій, черниговскій, стародубскій, нѣжинскій, переяславскій, прилуцкій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. Тамже. стран. 716 и 725.

43. Старшина раздѣлялась на три степени: войсковая генеральная Старшина, находившаяся всегда при гетманѣ; полковая при полковникѣ и сотенная—при своей сотнѣ, подъ распоряженіемъ сотника. первые были назначаемы отъ самихъ Государей, вторые—отъ гетмановъ, а третьи отъ полковниковъ. Тамже стран. 746.

44. Сотникъ въ своей сотнѣ былъ тоже, что въ полку полковникъ. Онъ словесно разбиралъ между козаками земскія и маловажныя уголовныя дѣла, и наблюдалъ за благочиніемъ своей сотни. Тамже стран 757.

45. Городовые начальники или городничіе въ полковыхъ городахъ и сотенныхъ мѣстечкахъ отправляли должность нынѣшнихъ городничихъ. Тамже стран. 761.

46. *Правомъ Магдебургскимъ* называется то самое, которое король Оттонъ въ 947 году далъ городу Магдебургу. Генрихъ Бродатый, князь Силезскій, бывшій опекуномъ Болеслава Стыдливаго, приказалъ ввести оное въ Польшѣ не только по большимъ городамъ, но и по мѣстечкамъ. Впрочемъ апелляція изъ судовъ, по правиламъ отъ него учрежденнымъ, шла по прежнему въ Магдебургъ, не смотря на то, что этотъ городъ былъ внѣ Польши. Право это называлось также *Тевтоническимъ* ради того, что братство крестоносцевъ. образовавшееся 1194 года въ Палестинѣ, окрестивъ около 1230 года герцога мазовецкаго, пребывавшаго дотолѣ въ язычествѣ, распространило оное какъ между мазовшанами, такъ и въ другихъ странахъ, ими завоеванныхъ. Но королю польскому Казиміру Великому не понравился переносъ апелляцій изъ судовъ польскихъ въ Магдебургъ: по этому въ 1356 году онъ назначилъ сеймъ въ Краковѣ, гдѣ положено было суды магдебургскіе перевести въ Краковъ и во всѣ тѣ города, гдѣ были магистраты. Книгъ, составлявшихъ такъ называемое право Магдебургское, было четыре; къ нимъ въ послѣдствіи присоединено *Зерцало Саксонское*, и все это введено въ руководство при рѣшеніи дѣлъ судебныхъ. Когда Кіевъ состоялъ подъ владычествомъ Польши, въ то время и онъ пріобрѣлъ себѣ право Магдебургское, которое однакожъ члены магистрата понимали очень мало, ибо оно было напечатано (сначала 1559 а потомъ 1567 г.) на малоизвѣстныхъ тогда языкахъ—нѣмецкомъ и латинскомъ, и только въ 1760 году переведено на Польскій.

47. См. Грамату Петра Великаго въ Памятник. Том. II. стр. 327.

48. Описаніе Кіевософ. соб. стран. 219, 220

49. Истор. Малорос. Част. II стран. 608 и 609.

50. Вообще лѣтописью, извѣстною подъ именемъ Конисскаго, надобно пользоваться съ осторожностью Она развѣ въ малыхъ только частяхъ принадлежитъ перу его. Новѣйшія изслѣдованія показали, что это есть сборникъ всякаго рода замѣтокъ, ходившихъ по рукамъ частныхъ лицъ, лишенный хронологической точности и критической повѣрки. Самый поверхностный взглядъ на сообщаемыя этой лѣтописью извѣстія можетъ убѣдить всякаго, что такой ученый мужъ, какимъ былъ Конисскій, никогда не допустилъ бы такихъ анахронизмовъ, историческихъ и даже логическихъ несообразностей, какія почти на каждомъ шагу встрѣчаются въ этой лѣтописи.

51. Словарь Историч. Част. I. стран. 51 и 54.

52. Указъ этотъ послѣдовалъ 22 августа 1728 года.

53. Исторія Русск. Церкви. Синод Управл. стран. 76. Неизвѣстный черниговскій лѣтописецъ замѣчаетъ подъ 1729 годомъ слѣдующее: »тогожъ года архирей киевскій Варлаамъ Ванатовичъ, будучи у вели»комъ гнѣву и сорѣ изъ Печерскимъ монастыремъ и войтомъ киевскимъ »Димитріемъ полоцкимъ и княземъ Іваномъ Юревичемъ Трубецкимъ въ »Петербухъ взятъ«. (Южнорусскія лѣтописи собр. и издан. Бѣлозерскимъ 1856 г. Том. I. стран. 43) Въ этомъ свидѣтельствѣ лѣтописца, кромѣ невѣрности въ означеніе года (ибо указъ о Вонатовичѣ состоялся 2 августа 1730 г) и показаніи мѣстъ (ибо онъ вытребованъ былъ не въ Петербургъ, а въ Москву) и все остальное, кромѣ ссоры съ войтомъ, ни на чемъ не основано. Все это не болѣе, какъ слухи и толки, записанные неизвѣстнымъ собирателемъ, безъ всякой повѣрки.

54 Вотъ заглавіе двухъ такихъ системъ: 1) Theologia Scholastica in Academia Kiiovo-mohileana dictata, concretisque disputationibus illustrata. an. 25—29 2) Cursus quadriennis Theologiae Christianae orthodoxae pro varietate materiarum in varios tractatus divisus. an. 29—33.

55. Это видно изъ самаго заглавія системы, читанной въ 1719 году: Philosophia ad mentem principis philosophorum principis Aristotelis Stagiritae tradita et explicata.

56. Вотъ содержаніе одного учебника, относящагося къ 1729 году: Tabella 1 continet omnia principia poëseos, s. quae tractant de nomine, origine, natura, definitione, de causis ejusdem, materia, forma, utilitate, praestantia et fine. Tabula 2 de prosodia, de variis generibus carminum, de inventione et fictione, de subsidiis poëticis, de arte metrica et de epistolis.

57. Изъ эпитафіи, сочиненной Рубаномъ, находящейся до нынѣ на чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну Великой Богоявленской церкви Братскаго монастыря надъ могилой Барскаго.

58. У Григоровича, кромѣ придуманнаго имъ себѣ прозванія: *Барскій* *), было и еще два: *Плаки* и *Албовъ*. Первое онъ самъ употребилъ въ первый разъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Резиденту Россій-

---

*) Оно придумано имъ еще тогда когда онъ опредѣлялся въ іезуитсую коллегію. Выдавъ себя за уроженца польскаго мѣстечка Бара, онъ назвался *Барскимъ*.

скаго Двора въ Константинополѣ А. А. Вѣшнякову, а потомъ тоже слово встрѣчается въ свидѣтельствѣ, данномъ *Барскому* отъ Ватопедскаго монастыря. Прозваніе *Албовъ* находимъ въ первый разъ въ фирманѣ султана Махмута, выданномъ *Барскому*, по паспорту Вѣшнякова, гдѣ онъ названъ просто *Василіемъ Кіевскимъ*. Всѣ эти прозванія нашъ путешественникъ употреблялъ безъ разбора: въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ себя *Василіемъ Плакою*, въ другомъ просто *Василіемъ Кіевскимъ*, а индѣ *Албовымъ:* но нигдѣ не видно, чтобъ онъ во время продолжительнаго путешествія своего гдѣ нибудь назвалъ себя родовой фамиліей *Григоровичевыхъ*. Непонятно, съ чего онъ вздумалъ приложить къ себѣ прозваніе *Плаки* и *Албовъ*. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что слова эти въ переводѣ съ греческаго и латинскаго означаютъ фамилію *Бѣляевыхъ* (Слов. Историч. Часть I. стран. 69): но съ какой же стати *Барскій* рѣшился приписать себѣ эту фамилію, хоть бы даже и въ иностранномъ переводѣ, когда и въ роднѣ у него не было Бѣляевыхъ, и когда на это нѣтъ никакого указанія въ біографіи, составленной роднымъ его братомъ? Болѣе не къ чему это отнести, какъ къ капризу нашего путешественника: замѣтно только, что онъ вездѣ отдаетъ преимущество счастливо придуманному имъ прозванію: *Барскій*, подъ которымъ въ послѣдствіи онъ и сдѣлался извѣстнымъ всей Россіи. Такъ какъ онъ самъ соединилъ это прозваніе съ родовой своей фамиліей съ нѣкоторой законностью, то и долженъ оставаться при немъ, безъ прибавленія словъ: *Плаки* и *Албовъ*, употребленныхъ имъ безъ всякаго на то права и точнаго значенія.

59. Завѣдывавшій редакціей этого изданія В. Г. Рубанъ собралъ изъ разныхъ мѣстъ списки, для сличенія и выбора вѣрнѣйшаго изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ особенно руководствовался онъ спискомъ Самуила, архіепископа ярославскаго, спискомъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, которому онъ достался изъ библіотеки убіеннаго дяди его Амвросія Зертисъ-Каменскаго, и наконецъ спискомъ архимандрита полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Θеоктиста Мочульскаго, доставшимся ему изъ библіотеки кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго. Подлинныя свидѣтельства и разныя граматы, данныя *Барскому* во время его странствованія отъ разныхъ лицъ, сообщены Рубану вмѣстѣ съ краткою біографіей роднымъ братомъ знаменитаго путешественника Иваномъ, жившимъ тогда въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, редакторъ слишкомъ самоуправно

распоряжался въ этомъ дѣлѣ; онъ выбросилъ много историческихъ разсказовъ въ томъ убѣжденіи, что ихъ можно найти въ другихъ книгахъ, а въ замѣнъ того вставлялъ свои собственныя дополненія, которыхъ не находилъ у *Барскаго.* Кромѣ этого, онъ счелъ нужнымъ дѣлать ссылки на разныя русскія книги, неразумно придавая такимъ образомъ искренней исповѣди нашего путешественника характеръ заблаговременной обдуманности и кабинетнаго занятія. Рисунки и чертежи также отложены редакторомъ до другаго времени на томъ основаніи, что »всѣ видѣнныя »сочинителемъ мѣста столь обстоятельно и живо описаны, что и безъ »рисунковъ читатель совершенное понятіе пріобрѣсть можетъ«.

60. Чтобъ увѣриться въ этомъ, стоитъ только прочитать разсужденіе его, напримѣръ, о Лоретскомъ домѣ Пресв. Богородицы, или о камнѣ, показываемомъ на вершинѣ горы Троодоса въ Кипрѣ, выброшенномъ будто бы изъ Ноева ковчега.

61 На чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну, находится эпитафія, которая гласитъ слѣдующее:

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень
И лучъ премудрости снисшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему:
Онъ вдохновеніямъ божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла многа претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ во области небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

62. Исторія Росс. Іерархіи Част. І. стран. 171.

63. Тамже стран. 165, 429 и 555. Исторія Русск. Церкви Синод. Упр. стран. 75. Примѣч 29. Исторія Моск. Академіи. Переписка его съ митрополитомъ Рафаиломъ хранится въ Актахъ Академіи Кіевской.

64. Исторія Росс. Іерархіи стран. 149.

65. Тамже стран 91, 149.

66. Тамже стран. 106, 134, 191, 252, 435. Часть II. стран. 352. Изъ дѣлъ Кіево-выдубицкаго монастыря

67. Къ сожалѣнію, доселѣ нѣтъ полной и хорошо составленной біографіи сего святителя. Есть только *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Іоасафа Горленка*, принадлежащее перу нашего извѣстнаго литератора *Квитки* (Основьяненка) и изданное въ Кіевѣ 1836 года.

68. Исторія Росс. іерархіи. Часть І стран. 239.

69. Тамже стран. 154 Часть II стран. 181. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. стран. 299.

70. Словарь достопамятн. людей Русской земли. Б. Каменскаго. Изд. 1836 г. Часть І. стран. 30—37.

71. Подробное перечисленіе сочиненій Амвросія см. въ Словарѣ Историч. Часть І. стран. 23.

72. Библіограф. Сопикова Том. І. №№ 1154—1164.

73. Исторія Росс іерарх. Часть І стран. 82, 128, 556, 607, 608. Часть II. стран 204. Христ. Чтеніе 1853 г. Часть II. стран 486

74. Біографія эта большею частію заимствована изъ собственноручнаго прошенія Козачинскаго къ митрополиту Рафаилу Заборовскому, хранящагося въ Актахъ Кіевской Академіи.

75. На портретѣ Козачинскаго, находящемся нынѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ гербомъ его, изображающимъ въ голубомъ полѣ разгнутую неписанную книгу, поперегъ которой лежитъ обнаженная шпага, начертаны слѣдующіе стихи:

Книга сія отверста, внутрь неначертанна,
Знать, что самъ Богъ напишетъ мужа преизбранна;
Шабля бо обнаженна тое знаменуетъ,
Что тотъ мужъ сему свѣту ни въ чемъ не голдуетъ.
Было то, что въ Кіевѣ чрезъ седмь лѣтъ учитель,
Филъ-Богословіи префектъ, а потомъ строитель,
Із Кіево Братскаго въ Гадячъ монастиру

Игуменомъ поставленъ по другихъ примѣру.
Въ Сербіи, Кроаціи, Цесаріи бывый,
Санктъ-Петербургъ и Москву сей мужъ посѣтивый,
Здеся въ своемъ образѣ стоитъ начертанный,
Михаилъ Козачинскій такъ з дѣда названный.

Странно послѣ всего этого читать о такомъ человѣкѣ отзывъ Историка Малороссіи, который называетъ его »какимъ-то« Козачинскимъ, и панегирикъ, написанный имъ гетману Разумовскому, приписываетъ »глупости и подлости«. См. Истор. Малоросс. Часть II. стран. 636.

76. Выписываемъ полное заглавіе этого панегирика, которое можетъ быть образцемъ вычурности: »Філософіа Арістотелева по умствованію Періпатетиковъ изданная Ея Императорскаго Священнѣйшаго Величества природныя нашея Великія Государины, Всеавгустѣйшія Імператрицы Елисаветы Петровны всея Россіи. Вѣрному подданному священныхъ, Россійскаго и Римскаго, Імперіи сіятельнѣйшому Рейсъ Графу, высокопревосходителнѣйшому Государственному Ягеръ Мейстеру, дѣйствительному Ея жъ Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Оберъ Камеръ Геру, »Лейбъ Компаніи порутчику и многихъординовъ кавалеру его высоко-»Рейсъ-Графскому Сіятельству Алексію Григориевичу Розумовскому, въ »лѣтный славнаго его тезоименитства день, приписанная на щировѣрной »виписѣ из печатныхъ латинскихъ и полскихъ книгъ о шляхетной енеалогіи благородныхъ господъ Розумовскихъ утвержденная въ четиры »доводы раздѣленная, и публѣчними въ Академіи Могило-Заборовской »Кіевской диспутами освидѣтельствованная чрезъ всенижайшаго ихъ слугу »и богомолца, Академіи Кіевскія префекта и тояжде философіи троекурсного учителя іеромонаха Михаила Козачинскаго поднесенная. Отвѣтствовалъ же сеяжь философіи слышатель, Греческаго, Еврейскаго и »Нѣмецкаго діалектовъ ученикъ, благородный господинъ Григорій Щербацкій при учительствѣ помянутого префекта Михаила. Въ Кіевѣ. 1745 »года марта 17 дня«. Весь секретъ этого, такъ обманчиваго по заглавію, сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ старается доказать не столько дрeвность рода Розумовскихъ, сколько то, что истинное благородство человѣка составляютъ заслуги отечеству и любовь къ добродѣтели. На этихъ тезисахъ вертится и весь диспутъ.

77. Словарь Историч. Часть II. стран. 75.

78. Букву ѣ въ этихъ стихахъ надобно произносить то какъ *и*, то какъ мягкое *е*, примѣняясь къ рифмѣ.

79. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей Том. I. стран. 299. Изд. 1845. Также подробно изчислены всѣ его переводы и сочиненія.

80 Исторія Росс. iерархіи Часть I стран. 194, 432 и 555, а также Исторія Моск. Академіи.

81. Въ Архивѣ Кіевопечерской Лавры сохранилась любопытная вѣдомость объ этомъ.

82. Исторія Росс. iерарх. Часть VI. Томъ II стран. 748, 749.

83. Таже Часть I. стран. 443.

84. Подлинное письмо Сильвестра хранится при дѣлахъ Лаврскаго Кіевопечерскаго архива.

85. Историч. Обозрѣніе Сибири *Словцова* кн. II. стран. 14. изд. 1844 г. Большая часть біографическихъ свѣдѣній о митроп. Павлѣ заимствованы изъ бумагъ, хранящихся въ лаврскомъ архивѣ

86. Описаніе Кіевософ. собора стран. 234.

87. Исторія Росс. iерархіи Часть I стран. 555. Часть II стран. 301, 547.

88. Въ Словарѣ историч. митроп. Евгенія сказано, что Кулябка родился 1701 г., а въ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Кіевопеч. Лавры, проставленъ 1704 годъ.

89. Іоасафъ Горленко приходился Кулябкѣ двоюроднымъ братомъ по матери.

90. Письма Даніила Апостола и Петра Кулябки напечатаны мною въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1856 г. № 20 стран 91—94. Подлинники находятся въ архивѣ Кіевопеч. Лавры.

91. Словарь Историч. Часть II. стран. 206.

92. Изъ актовъ Кіевск. Академіи. Истор. Росс. iерархіи Часть I стран. 187, 447.

93. Исторія Моск. Академіи стран. 198.

94. Описаніе Кіевософ. собора. Прибавл. стран. 230.

95. Исторія Росс. iерархіи Часть I. стран. 91, 239, 555, 641. Исторія Моск. Акад. стр. 208. Описаніе Кіевопеч. Лавры. 1847. стр. 148

96. Полн. Собран. законовъ. Указъ 1744 г. № 9046.

97. Истор. Росс. iерархіи Часть I. Стран. 446.

98. Рукоп. въ библіотекѣ Толстаго 4, 58, въ музеѣ Румянцева № 467, въ библ. Демидова № 628.

99. Словарь историч. Часть I. стран. 56 и 57.

100. Исторія Моск. Академіи стран. 197.

101. Панагія, пожалованная Арсенію Могилянскому хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры, а крестъ въ Кіевософійскомъ соборѣ.

102 Описаніе Кіевософ. собора стран. 225.

103. Акты Кіевской Академіи. Истор. Росс. іерарх. Часть I. стр. 201. Исторія Моск. Акад. стран 208. Обозрѣніе Сибири *Словцова* кн. II. стран. 17. Справочный Энциклоп. Словарь *Крайя* томъ X. стран. 496, 497.

104. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стран. 182, 417. Часть II. стран. 534.

105. Тамже Часть I. стран. 569. Часть III. стран. 676. Часть VI. Томъ II. стран. 813.

106. Тамже Часть I. стран. 191, 251. Часть II. стран. 548.

107. Тамже Часть I. старн. 95, 154, 211. Часть II. стран. 264.

108. Исторія Моск. Академіи стран. 198.

109 Тамже стр. 201. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 86. Томъ II Часть VI. стран. 812. Въ бытность свою въ Камчаткѣ *Іоасафъ* отъ 16 мая 1746 года представлялъ св. Синоду *первое* о построеніи еще трехъ церквей по берегу Пеиженской губы—Вознесенской на рѣкѣ Ичѣ въ Ичевскомъ острогѣ,—Христорождественской на рѣкѣ Тигилѣ въ Тигильской крѣпости и третьей на берегу рѣки Уки; *второе* объ опредѣленіи къ тѣмъ церквамъ священноцерковнослужителей изъ Иркутской епархіи съ положеніемъ имъ жалованья по прежнему окладу. Все это утверждено было св Синодомъ 3 марта 1748 года Кромѣ сего *Хотунцевскій* учредилъ въ Камчаткѣ въ разныхъ тамошнихъ мѣстахъ для обученія новокрещенныхъ дѣтей три школы, въ коихъ обучалось тогда 203 человѣка, а крещеніемъ просвѣтилъ онъ 4,719 душъ. Извѣстіе о Камчатской Духовной Миссіи стран. 11 – 13.

110. Описаніе Кіевософ. собора стран. 225.

111. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 95. Часть II стр. 264.

112. Исторія Малороссіи Часть II. стран. 610.

113. См. Исторію объ Уніи Б. Каменскаго стран. 264 и далѣе а также Исторію Русск. Церкви Синод. Управл. стран. 94—98.

114. Въ 1732 году Рафаилъ испросилъ у св. Синода архимандріи монастырю Николаевскому; въ 1734 — Кіевомихайловскому; въ 1743 Гамалѣевскому, а въ 1744 Глуховскому, Петропавловскому (въ Кіевѣ) и Лубенскому Мгарскому. До того времени архимандритами были только настоятели Кіевопечерской Лавры.

115. А не »Карниловскій«, какъ напечатано въ Исторіи Кіевской Академіи стран. 112

116. Тамъ же сказано: »за Карниловскую гать« — во первыхъ, какъ уже замѣчено, не Карниловскую а Карпиловскую, и во вторыхъ — *гута* по малороссійски означаетъ не гать, а стекольный заводъ.

117. Тамъ же сказано только: »съ мельницъ«—это не точно.

118. Экстрактъ этотъ скрѣпленъ собственноручными подписями: *Амвросія Дубневича,* ректора Академіи; *Кипріана Пясецкаго,* намѣстника Братскаго; *Парѳенія Шадумы,* економа; *Серапіона Латушевича,* ключника и *Іоасафа Горленка,* екклесіарха.

119. Отлично сохранившійся оттискъ этой картины находится нынѣ въ Альбомѣ Кіевской Академіи.

120. *Заграничнымъ* тогда называемъ былъ всякій, кто приходилъ изъ-за черты, опредѣляемой дипломатическими договорами. По этому и собственно иностранцы и жители Польской Украйны все назывались *заграничными.*

121. При отношеніи кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева къ митрополиту Рафаилу, 1746 года препровождены были »студенты »новгородской семинаріи поповскіе дѣти Ѳедоръ да Василій«. Документы о всѣхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ хранятся въ Актахъ Кіевской Академіи.

122. »Въ Кіевѣ, пишетъ *Погодинъ* въ своей рѣчи, по случаю юбилея московскаго университета: господствовали однѣ словопрѣнія изъ »непонятой Аристотелевой философіи«. См. прибавл. къ № 9 Москов. Вѣдомост. за 1855 г. »Свѣжая голова его (Ломоносова), говоритъ и »*Мизко,* не помирилась съ схоластическими умствованіями, встрѣченными »имъ тамъ«. Столѣт. Русск. Словесности стран. 26. Даже авторъ Исторіи Московской славено-греко-латинской академіи отзывается на этотъ счетъ такъ: »Неизвѣстно, почему Ломоносовъ рѣшился перейти въ Кіевъ для »слушанія лекцій философскихъ; могло быть, что ему много наговорили »о процвѣтаніи философіи въ Кіевской Академіи« стран. 251

123. Исторія Моск. Акад стран. 81. Жаль, что списокъ этотъ не напечатанъ авторомъ при своемъ сочиненіи.

124. Вся эта переписка хранится въ Актахъ Кіевской Академіи.

125. Вотъ образчикъ такого свидѣтельства: »Объявитель сего ученикъ Академіи Кіевскія слышатель школы философіи *Іаковъ Росовскій* обритался при оной Академіи съ времени рекомендаціи своей до школъ латинскихъ чрезъ все свое ученіе во всякой честности и постоянствѣ всегда тщаливо безъ жадного (безъ всякаго) подозрительства пребывалъ и на вѣрность Ея Императорскому Величеству Великой Государынѣ Імператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской, такожъ и опредѣленному отъ Ея Імператорскаго Величества Наслѣднику Всероссійскаго Імператорскаго Престола Его Императорскому Высочеству Внуку Петра Великаго Благовѣрному Государю Великому Князю Петру Өедоровичу въ церквѣ Кіевобрацкаго Богоявленского училищнаго монастира присягалъ, а приводимъ былъ онъ *Іаковъ Росовскій* къ первой присягѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку прапорщикомъ Димитріемъ Добровскимъ 1741 года декабря 10 дня, а къ другой присягѣ оній же *Іаковъ Росовскій* приводимъ былъ глуховского гарнизонного полку прапорщикомъ Петромъ Кириловичемъ Озеровымъ 1742 года ноября 28 дня, и на присяжныхъ листахъ съ прочіими учениками своеручно подписался, а поневе нынѣ отъ оной Академіи пожелалъ отыти ради полученія себѣ мѣста, гдѣ случится: того ради, какъ свободный человѣкъ, свободно съ упомянутой Академіи и отпущенъ; въ чемъ ему *Іакову Росовскому*, какъ честному и неподозрительному ученику, при обыкновенной печати Академѣйской за подписомъ руки моей дано сіе свидѣтельство 1746 года октября 28 дня«. Подписалъ: »Священнаго богословія и еврейскаго языка учитель Академіи »Кіевскія префектъ іеромонахъ Варлаамъ Лащевскій«. Къ свидѣтельству приложена академическая печать на воску, подъ кустодіею.

126. Цѣлое дѣло объ этомъ, въ высшей степени любопытное. какъ образецъ тогдашняго судопроизводства, хранится въ Актахъ Кіевской Академіи.

127. Путешествіе ко св. мѣстамъ Григоровича-Барскаго стран. 2. Изд 1778 г. — Дивно-хороши Гоголевскія описанія стариннаго быта студентовъ Академіи: но онѣ окаррикатурены до послѣдней степени Всѣ продѣлки, какія онъ приписываетъ своему богослову Халявѣ, философу Хомѣ Бруту и ритору Горобцу едва ли гармонируютъ съ тѣми

недостатками, въ какихъ упрекаетъ современникъ ученую братію. Гдѣ есть »гордость и славолюбіе«: тамъ на врядъ ли будетъ мѣсто такимъ грубымъ порокамъ, какія нашъ геніальный писатель рисуетъ въ своемъ Віѣ и даже Тарасѣ Бульбѣ. Говоримъ объ этомъ потому, что люди, не читающіе ничего серьезнаго, съ голоса Гоголева преважно повторяютъ то, о чемъ онъ писалъ только какъ юмористъ.

128. Въ дѣлѣ о убитомъ мѣщанами студентѣ *Маковецкомъ* представлены сильныя возраженія Магистрату не только со стороны академическаго начальства, но и отъ студентовъ. Бурсацкій сеньоръ *Александровичъ* даже формально требовалъ назначенія изъ среды воспитанниковъ двухъ депутатовъ по сему дѣлу. Къ этому протесту руку приложили: »Слышателіе богословіи: *Тимоѳей Александровичъ, Петръ Надуновскій, Іоаннъ Миткевичъ* и »прочіи всѣ«. Слышателіе философіи: *Іванъ Акридскій, Павелъ Сонковскій, Василій Гѣдоцкій.* Слышателіе реторики: *Ѳеодоръ Люшевецкій, Михаилъ Заря, Иванъ Кремянскій.* Слышателіе поэтики: *Алексѣй Сутницкій, Моисей Андріевскій, Михаилъ Максимовичъ.* Слышателіе синтаксимы: *Григорій Творинскій, Іоаннъ Богаевскій, Григорій Корсунъ.* Слышателіе граматики: *Ѳеодоръ Артасіевичъ. Павелъ Малиновскій, Іаковъ Дьяковскій.* Слышателіе инфимы: *Филипъ Томашевскій, Симонъ Соколовскій.* Слышателіе аналогіи: *Петръ Щербина, Іоаннъ Савицкій.*

129. Памятник. Томъ II. стран. 363—367.

130. *Лавникъ, лавныкъ* значитъ присяжный членъ судебнаго мѣста, присяжный засѣдатель.

131. Полное собраніе законовъ Росс. Имп. Томъ XI. № 8803.

132. Опытъ повѣствов. о древност. Русскихъ стран. 743.

133. Въ это же время надъ архимандритскими, а нынѣ митрополитскими покоями водруженъ двуглавый орелъ, существующій донынѣ.

134. Генералъ-губернаторъ Леонтьевъ требовалъ, чтобы Лавра приготовила муки пеклеванной 343 пуда, капусты кислой бѣлой 257 ведеръ, свѣтлосѣрой 112 ведеръ, шенкованной 133 ведра, бураковъ 105 ведеръ, да для ста конюшенныхъ лошадей сѣна 400 пудъ. Въ тоже время прислано изъ Москвы съ курьеромъ въ 6 бочкахъ 500 бутылокъ англійскаго пива для собственнаго употребленія Государыни. Кромѣ всего того, Леонтьевъ требовалъ заготовить еще бѣлыхъ восковыхъ свѣчь 435, желтыхъ 765, ночныхъ 87 и факеловъ ручныхъ 105: но Лавра не могла

исполнить это послѣднее требованіе, по неимѣнію достаточнаго количества воска. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

135. Оттудаже.

136. Свита Ея Величества и Ихъ Высочествъ состояла изъ 230 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ архіепископовъ крутицкаго *Платона Малиновскаго* и переславскаго—*Арсенія Могилянскаго*.

137. Исторія Малоросс. Часть II. стран. 627.

138. Таже стран. 628.

139. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

140. На Литургіи ректоръ Академіи *Сильвестръ Думницкій* произнесъ приличное торжеству слово.

141. Слово и рѣчь *Думницкаго* 14 декабря того же года были напечатаны въ Петербургѣ при Академіи Наукъ.

142. Разумѣется: Подолъ, Старый городъ и Печерскъ.

143 Стихи эти составили *Рѳмъ четвертый* въ Панегирикѣ Козачинскаго, напечатанномъ въ Кіевопечерской типографіи 1744 года. Полное заглавіе сего панегирика слѣдующее: »Августѣйшей непобѣдимой Императрицѣ Ея священнѣйшему Цесарскому Величеству Елисаветъ Петровнѣ »Самодержицѣ Всероссійской, Природной своей Всемилостивѣйшей Государынѣ благополучнѣйшаго отъ давнихъ лѣтъ всѣмъ превожделеннаго »въ прародителную свою отчину богоспасаемый градъ Кіевъ съ любезнѣйшимъ Ея Племянникомъ и Наслѣдникомъ, Внукомъ Петра Перваго »Его Імператорскимъ Высочествомъ Благовѣрнымъ Государемъ Великимъ »Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ купно со обрученною Невѣстою Его »Ея Імператорскимъ Высочествомъ Благовѣрною Государынею Великою »Княжною Екатериною Алексіевною пришествія со всеподданнѣйшимъ »и ревностнѣйшимъ долголѣтственнаго благополучнаго самодержавствія »желаніемъ, трегубымъ діалектомъ сложенными рѳми привѣтствуетъ и »тыжде всеподданнѣйше приноситъ православная Академія Кіевская«. Для любопытствующихъ приводимъ эти же самые стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ:

Avrea sola fluant verbi nunc flumina nostri;
Vere novo Rossis avrea saecla micant.
Gemment purpurei flores venerabile sertum,
Virgo, decus Patriae, murice Cincta venit,

Solis in exortu qualitur nubecula densa,
Totaque de celsis montibus umbra cadit.
Ite procul tandem nostris de montibus umbrae,
Solicitans homines nubila tristis abi.
Sol novus, Elisabeth, toti laetissimus orbi
Illuxit, Secum gaudia cuncta ferens.
Mos erat Athenis, primos dum detegit ortus
Avrea lux Phoebi, nectere serta sibi.
Tu tribus en sitibus pollens Kijovia prisca,
Occiduis residens urbs celebranda plagis,
Tot, quot in orbe poli stellae, nunc serta parato,
Instat ab Evo Gloria Prima tibi.
Vitis ut arboribus, segetes ut pingvibus arvis,
Sol mundo, nobis Elisabetha decus.
Rumpimus inde moras subito, quo gratius Ipsi
Vocibus innumeris talia vota fluant:
Salve Magna Parens, Chari Genitoris Imago,
Salve post multas una serena dies.
Instar enim veris vultus ubi lumina spargis,
Aether adest laetus, laetior illa dies.
Inspice, quanta virum funduntur nomina circum,
Magnatum series quánta decora fluit.
Pascitur aspectu florens juventilibus annis
Exundat niveis cana senecta comis.
Rara Tuos adeunt vultus, nunc non secus, ac si
Aggeribus ruptis, spumeus amnis agros:
Tota oculis gereris, suberas Quae mentibus olim,
Ramus olivae, Quo saecula nostra vigent;
Ipsi urbis cuperent (si non natura negaret)
Xerolophi Dominam Te celebrare suam.
Ergo quibus jam presto Tuae Te, Mater, Athenae
Lavdibus extollent? munera quanta dabunt?
In Tua centenas fundi praeconia laudes
Solicitant; sed quid parvula gutta mari?
Auri quidve ferant? cum sis pretiosior avro,
Baccis nobilior, suavis imago Petri.

Evenit, ut cujus multas laus pervolat oras,
Terreat haud paucos talis honore suo.
Hic ne Tuo quidquam Parnassia Najas honori
Addet, cum totus mundus adoret eum?
Purpureae sedes laeta Te fronte salutant,
Exaltat Procerum fama sonora Ducum:
Terra Tuam quaevis resonat celebratque coronam,
Russia tum sceptro floret ubique Tuo.
O decus! o patriae fulcrum! quoque gloria summa!
Vivat in aeternum nomen honosque Tuum!
Non Te tristis hyems infestet frigore saevo,
Arvis Te croceis, veris imago colat.
Sanciat innumeris pingvis Te messibus aestas,
Autumnusque Tibi fructifer omnis eat.
Laude sua quaevis aetas Te, quilibet ordo,
Ut veniente die, sic abeunte, canat.
Esther, ames istam (licet est paucissima) Musam:
Floribus exiguis saepe vireta vigent.

Стихи эти далеко выше русскихъ и польскихъ: но они были бы еще лучше, еслибъ авторъ не стѣснилъ себя акростихомъ, который изъ заглавныхъ буквъ составляетъ слѣдующее: Augustissima totius Russiae Imperatrix Elisabetha Petrovna salve.

Złotemi usta nasze płyną rżeki,
Złote nam teraz nowa wiosna rodzi wieki:
Sliczne kwiaty niech rosną Pannie w diadymy,
Która idzie w purpurze y byssonie s tymy.
Wielkiey gdy Phoebus wschodzi w swym polorze złoty,
Precz ustępuią chmury z gór, smutku przymioty,
Niechże i z gór Kijowskich ustąpuią złe chmury,
Ktore tesknoty ludzióm rodzą z swey natury.
Elżbieta nowe słońce dzisiay zaiaśniała,
Dzień iasny y wesele wielkie nam podała.
Swiadczy to starożytność, że w Ateńskiey stronie
Wszyscy na wschod słoneczny zdobili swe skronie.
Wieńcami trzema miasty, niby to perłami,
Na zachodzie w twę sławę ty Kijowie samy

Upstrzy, iako gwiazdami wszystkich wiencem głowy,
Oto całey Rossyiey Febus wzeyść gotowy.
Gałąź drzewu, kłos polu, co iutrzęka Febu,
To wcale iest Elżbieta Rossiyskiemu niebu.
Nie omieszkuy Kijowie, ile iest ochoty,
Spiesz się przynieść swe wota, teraz masz czas złoty.
Witay Naylitościwsza Imperatorowa,
Sławo nasza, a piękna Latorośl Piotrowa.
Iak wiosna, gdzie obrocisz tylo wzrok swóy hoyny,
Weselszy dzień przynosisz y aer przystoyny,
Weyrży, iak wiele stoi przed Twoią Osobą
Przełożonych we wszystkich urzędach z ozdobą:
Weyzrzy, iak w różnych leciech, w starości doyrzały
Chętnie młody stanął, a wraz z onemi mały.
Prędzey niż rzeki płyną z gór ciasnym potokiem,
Wsi, miasta, na adwent Twóy zbieżali się skokiem.
Ktorę przed tym słyszeli, Te dzisiay winszuią,
Jak latorośl oliwną widząc, triumfuią.
O gdyby nie natura tego zabraniała,
Kamienie by y ziemia wesoło wołała.
Tedyć Akademiey iak winszować trzeba
Matkę Łaskawszą w cnotach iaśnieyszą od Feba?
Niechay Cię chwalą usta dość Tullioszowe:
Lecz morzu nie pomogą nic krople deszczowe.
Chociay by przynosili kruszce złotolite,
Jednak kto Piotra nosi imie znamienite,
Nie każdy może, owszem będąc w podłey stymie
Wychwalić Tego zadość Nayiaśnieysze Imie,
Iak też może Apollo z swojemy Muzami
Elżbieto dość wychwalić, gdy krolowie sami
Ciebie już Samowładżą wszyscy przyznawaią,
Xiażętą, Wodzy Imie Twoie w stymie maią:
Obronę Twego Państwa swiat w radości miewa;
A Rossya Twe sceptry całuiąc, opiewa:
O ozdobo! o sławo! nasza iasna zoro,
Twa władza Imperyiey, o Piotrowa Coro!

Niech będzie długoletna y spokoyna wszędzie,
Sama śnieżysta zima niech Ci latem będzie,
Wiosna kwiatki wesołe, lato niech też żniwnę
Obfitość rodzi, iesien niechay frukty dziwne.
Każdy stan, wzrost, kto tylko Rossyię wynosi,
Rano i w wieczor niechay Twoię sławę głosi.
Esther, przyiąć prosimy Rythmy lub też małe:
Kwiat bo y mały pola przyozdobia całe.

»Протчіими же, говорить въ своемъ предисловіи *Козачинскій*, яко »то, священнымъ еврейскимъ и премудрымъ греческимъ, ктому и нѣ»мецкимъ языками, не за неискуствомъ учителей, но за неимуществомъ »тѣхъ діалектовъ печати, издати здѣсь невозможно«.

144. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

145. *Столованьемъ* въ древности назывался церковный обрядъ, состоявшій въ томъ, что митрополитъ или архіепископъ возводилъ новопосвященнаго епископа, на другой или на третій день по посвященіи, на каѳедру, а клиръ и народъ возглашали новому пастырю многолѣтіе.

146. Государыня, пишетъ г. Маркевичъ, прожила въ Кіевѣ нѣсколько недѣль. (Исторія Малоросс. Часть II. стран. 627): а въ Краткомъ Лѣтоизобразительномъ дѣйствъ и случаевъ Описаніи сказано: »при»была Ея Величество въ Кіевъ августа 25 а отъѣхала сентября 12 чи»селъ«. Южнорусскія лѣтописи Томъ I. стран. 99.

147. Сорокъ одна сажень и два аршина надъ уровнемъ Днѣпра.

148. Митрополитъ Рафаилъ обнесъ въ 1746 году весь Софійскій соборъ каменною стѣной, на мѣсто прежней деревянной и устроилъ колокольню, получившую названіе *тріумфальной*. Кромѣ этого онъ построилъ въ западной части ограды огромныя двухъярусныя въѣзжія ворота съ жилыми по обѣимъ сторонамъ покоями и украсилъ ихъ разными штукатурными арабесками.

149. Подлинникъ, написанный собственною рукою митрополита Рафаила на языкѣ латинскомъ, хранится въ Актахъ Кіевской Академіи.

150. Одна изъ нравственно-богословскихъ системъ, читанныхъ съ 1733 по 1737 годъ озаглавлена такъ: Tractatus Theologicus, tum positive, tum controverse praecedens de daecalogo cum casibus ac de lege Evangelica, respiciente ad decalogum, caeterisque reducendis ad eum, ad mentem interpretum s. scripturae expositus, in alma Kiioviensi Academia dictatus.

151. См. Исторію Акад. Кіевской стран. 139.

152. Исторія Уніи стран. 313,314, 410.

153. Изъ богословскаго конспекта Кулябки это видно ясно.

Praefatio. Disputatio prooemialis: a) quid quoad nomen et quid quoad rem Theologia; b) quinam ejus objectum: causa, finis; c) divisiones ejus; d) principia et e) an Theologia sit necessaria ad salutem?

Tractatus de Deo, tum quoad essentiam, tum quoad personas spectato. Pars I. De Deo uno in essentia et attributis Dei. Solita in hac parte Theologiae disputatio a) de essentia et existentia Dei; b) simplicitate Dei; c) attributis Dei in communi; d) de attributis Dei; e) de objecto visionis beatificae in Deo; f) de scientia Dei; g) voluntate Dei; h) providentia Dei; i) de praedestinatione; k) reprobatione et libro vita; l) de omnipotentia Dei. Pars II. De Deo trino in personis. Disputationes a) de processionibus Divinarum personarum; b) de relationibus Divinis; c) de Personis Divinis; d) de notionibus personarum in Divinis; e) de aequalitate, prioritate et ordine personarum; f) de cognoscibilitate mysterii Trinitatis; g) de Persona Patris; h) De persona Filii; i) de persona Spiritus S. et de processione Ipsius; k) de missionibus Personarum in Divinis.

Tractatus Theologicus de incarnatione Disputationes a) de possibilitate et existentia incarnationis; b) necessitate ejus; c) de unione hypostatica; d) de Persona assumente; e) de natura assumpta; f) de toto composito hypostatico per se existente s. de persona Christi; g) de scientia Christi; h) de communione idiomatum; i) de gratia Christi; k) de potentia humanitatis Christi; l) de defectibus humanitatis ejus; m) de voluntate ejus; n) merito; o) satisfactione ejus; p) subjectione; q) oratione; r) adoptione; s) praedestinatione; t) variis titulis et officiis; u) de adoratione Christi; v) de antichristo; x) de Beatissima Virgine.

Tractatus Theologicus de Angelis. Disputationes a) de natura angelorum; b) intellectu et voluntate; c) de gratia angelorum; d) de gloria; e) de peccato et poena malorum angelorum; f) de custodio angelorum.

Tractatus Theologicus de homine in statu innocentiae. Disputationes. a) de creatione hominis et b) de justitia originali, immortalitate aliisque donis supranaturalibus primorum parentum.

154. Это можно видѣть даже изъ оглавленія философской системы, читанной въ 1739 году и 1740 Михаиломъ Козачинскимъ: Cursus philosophicus per quaestiones philosophicas ad sequens cosnvetumque trienii tempus juxta usum in scholis Peripateticorum praeceptum ingenuo auditori Roxo-

lano in alma et orthodoxa Academia K. M. Z-na expositus et explicatus, sub reverendo patre M. Kozaczinsky.

155. Нѣсколько конспектовъ по реторикѣ и поэзіи, относящихся къ этому времени, можно видѣть въ Исторіи Акад. Кіевск. стран. 148—150.

156. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран 204.

157. Погребенъ въ Лазаревской церкви, имъ самимъ устроенной. Описаніе костромскаго Ипатьевскаго монастыря стран. 63. Изъ дѣлъ лаврскаго архива. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 205, 618. Часть IV стран. 28, 284. Часть VI томъ II стран. 643.

158. Словарь историч Часть I. стран. 217—220. Къ сожалѣнію, ни одно изъ сочиненій и переводовъ Блонницкаго не напечатано.

159. Исторія Моск. Акад. стран. 209.

160. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 122, 140, 628. Часть II. стран. 182.

161. Таже Часть I. стран. 155, 424, 581. Часть V. стран. 638.

162. Таже Часть I. стран. 192. Часть II. стран. 302.

163. Таже Часть II. стран. 817. Словарь Историч. Часть I. стр. 215—217.

164. Исторія Моск. Акад. стран. 209. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 211, 556. Часть II. стран. 378.

165. Таже Часть I. стран. 154

166. Самъ это слышалъ я отъ одного изъ внуковъ священника (И. Ѳ. Шост....го), бывшаго свидѣтелемъ всему этому и возившаго на себѣ воду въ одной упряжкѣ съ лошадью.

167. О всѣхъ этихъ ужасахъ Конисскій всенародно и небоязненно говорилъ въ церквахъ, окруженныхъ мучителями и гонителями вѣры православной. См. соч. Георгія Конисскаго и особенно его слова и поученія. См. также Исторію Уніи и Исторію Малороссіи Часть II. стран 658, 659.

168 Объ этомъ тогда же доносилъ самъ Георгій св. Синоду (Исторія Уніи стран. 369), и Синодъ передалъ донесеніе его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ того же года. Тоже подтверждаетъ и Пригоровскій въ надгробномъ словѣ своемъ Конисскому (см. Христ. Чтеніе 1843 г. Часть IV. стран. 405, 406).

169. И объ этомъ доносилъ Георгій Синоду. См. Исторію Уніи стран. 451.

170. Сочин. Конисскаго Часть I. стран. 186.

171. Рѣчь эта, написанная на языкѣ латинскомъ, еще поразительнѣе въ подлинникѣ см. соч. Конисскаго Часть I. стран. 120

172. Рукопись Григоровича: Reflexye na Kommyssya naznaczona w Warszawie z okazyi qurae desunitorum 1768.

173. Исторія Уніи стран. 371 и 388.

174. Исторія Русской Церкви и Синод. Управленіе стран. 106. Примѣч. 175.

175. Это извѣстная рѣчь: »Оставимъ астрономамъ доказывать«, сказанная Конисскимъ при встрѣчѣ Государыни въ Мстиславлѣ 19 генваря 1787. Она переведена была на разные языки. Императорская Академія Наукъ издала оную съ критическимъ разборомъ въ 1-й части своихъ сочиненій и переводовъ, за 1805 г.

176. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 447.

177. Исторія Русс. Церкви. Синод. Управл. стран. 112.

178. Въ бытность свою при Академіи учителемъ піитики, онъ составилъ нѣсколько драмъ духовныхъ, изъ которыхъ одна была представлена студентами 1747 года. Заглавіе этой драмы слѣдующее: *Воскресеніе мертвыхъ, обще всѣмъ будущее, но страждущимъ неповинно въ вѣчъ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ, въ пользу чающихъ онаго.* Списокъ оной находится въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго.

179. Вотъ эпитафія, написанная *Конисскимъ* самому себѣ:

Градъ Нѣжинъ колыбель, градъ Кіевъ мой учитель;
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святитель;
Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками,
И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепископомъ и Членомъ сталъ Синоду
Георгій имя мнѣ; я изъ Конисскихъ дому,
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.
Сея-то падали закрылъ здѣсь грѣшны кости
Семьсотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый.

180. Словарь Историч Часть I. стран. 92—96. Исторія Русс. Церкви Синод. Управл. стран. 100—112.

181. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 192.

182. Словарь Историч. Часть I. стран. 336.

183. Сочиненія Сумарокова Томъ VI. стран. 281. Изд. 1787 г

184. Словарь историч. Часть I. стран. 63—65.

185. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 172, 605 и 618

186. Словарь историч. Часть I. стран. 164.

187. Тамже стран. 104

188. Акты Кіевской Академіи. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 570 Часть VI. стран. 138.

189. Нѣкоторые придаютъ *Сковородѣ* еще названіе *Варсава*, считая это слово, какъ видно, именемъ или придачею къ его фамиліи, тогда какъ оно не значитъ ни то ни другое. *Вар-Сава* значитъ тоже, что *Савичъ*, ибо *варъ*, на языкѣ сирскомъ, означаетъ сына; прибавляемое къ собственному имени, оно не измѣняло его въ падежѣ, какъ это видно изъ словъ евангельскихъ: *блаженъ еси Симоне варъ Іона* Матѳ. XVI. 17. Въ такомъ же значеніи приписалъ себѣ слово: *вар-сава* и нашъ философъ въ одномъ изъ большихъ своихъ сочиненій.

190. Я имѣю у себя сказаніе о жизни *Сковороды*, составленное симъ самымъ Ковалинскимъ. Подлинная рукопись, подаренная мною М. П. Погодину въ 1850 году, хранится нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ

191. Оба эти сочиненія, писанныя рукою самаго *Сковороды*, довелось мнѣ читать въ 1845 году—изъ библіотеки помѣщика кіевской губерніи П. М. Тамары. Онѣ составляютъ *пять* большихъ томовъ in fol. писанныхъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ.

192. Кромѣ этого надъ могилой *Сковороды* имѣется еще слѣдующая надпись:

Ревнитель истины духовный, богочтецъ,
И словомъ, и умомъ и жизнію мудрецъ,
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всемъ всегда:
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

193 Кромѣ поименованной рукописи Ковалинскаго, довольное число матеріаловъ для біографіи *Сковороды* разбросано по разнымъ періодическимъ изданіямъ: въ *Молодикѣ* за 1843 годъ статья Срезневскаго; въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина двадцатыхъ годовъ статья

Снегирева: въ *Телескопѣ*—статья Гиждеу. Въ *Исторіи Русской Философіи* архимандрита Гавріила также находится довольно подробная и вѣрная біографія *Сковороды* съ показаніемъ духа и характера его философствованія.

194. Описаніе Кіевософ. Собора Прибавл. стран. 230 Словарь историч. Часть I. стран. 64. Исторія Росс іерархіи Часть I. стран. 557, 628. Исторія Моск. Академіи стран. 202.

195. Исторія Росс іерархіи Часть I стран. 140, 641.

196. Тамже Часть I стран. 87, 165, 430, 618. Часть III. стран. 253. Исторія Русск Церкви Синод. Управ. стран. 179. Словарь историч. Часть I. стран. 94.

197. Всѣ онѣ, по смерти его, взяты въ Императорскую Библіотеку.

198. Словарь историч. Часть II. стран. 223.

199. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 642.

200. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

201. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран 168.

202. Диссертація Щепина напечатана подъ заглавіемъ: Schediasma chemico-medicum inaugurale de acido vegetabili. in 4-o Lugduni Batavorum 1758 г

203. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей Томъ II. стран. 276. Многочисленная библіотека и гербарій *Щепина* достались московскому университету.

204. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 605.

205. Описаніе Кіевософ. Собора. Прибавл. стран. 194.

206. Исторія Малороссіи Часть II. стран. 632.

207. Акты Кіевской Академіи. Томъ I № 37.

208. Тамже.

209. Тамже № 40. Ляскоронскій подъ праздникъ Зачатія св Анны (9 декабря) не пустилъ къ себѣ на ночлегъ митрополита, даже не встрѣтилъ и не проводилъ его съ подобающею честію.

210. Вотъ полная отчетность о содержаніи академическихъ наставниковъ, заимствуемая изъ отвѣтнаго донесенія ректора Давида Нащинскаго: »Префекту рыбы свѣжой дается по четыре порціи завсегда »только въ одной стравѣ; рыбы вяленой столько же, если нѣтъ, свѣ»жой; кромѣ этого дается борщъ, каша и другія стравы; хлѣба дается

»два на день, одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другій братер-»скій во столько же фунтовъ, а въ праздники кромѣ того еще по »четыри булки: пива по семи квартъ на день: олѣи отпускаются въ сре-»ду и пятокъ по полукартѣ, а масла въ скоромные дни по полуфунту; »водка и ликеры даются по требованію префекта, невозбранно: меду »по квартѣ; соли пять гусокъ (столбиковъ) на недѣлю; сыра и яицъ, »смотря по количеству наличному въ монастырской трапезѣ. Учителю »реторики свѣжой рыбы по двѣ порціи, а когда нѣтъ свѣжой, то столь-»ко же вяленой и другія стравы, предлагаемыя соборной братіи. Хлѣбъ »ситный соборный въ 8 фунтовъ на день. а въ праздники и воскре-»сные дни кромѣ того по двѣ булки: пива по двѣ кварты, водки столь-»коже, сколько и префекту; яицъ, сыру, масла, сала, пшена, крупъ, »мяса, дровъ и проч. по востребованію. Прочимъ учителямъ отпускается »свѣжей рыбы по одной порціи—свѣжей или вяленой и все, что пред-»лагается въ братской трапезѣ; хлѣба по двѣ порціи большихъ и по »булкѣ въ праздничные дни. Все прочее выдается имъ по востребо-»ванію. Отопленіе на счетъ монастырскій; свѣчей отпускается префе-»кту въ годъ 300; учителю реторики столько же: піитики 250; синта-»ксимы 200: граматики и греческаго языка 300; учителямъ инфимы, фа-»ры и языка нѣмецкаго по 150 свѣчей«. Столъ воспитанниковъ Ака-деміи въ постные дни составляли всякая рыба. овощи, каша, борщъ съ фасолью и галушки, а въ скоромные: всякая тука (жирное) мясо коровье, баранье, свиное. индѣйки, гуси, утки, куры и прочая живность полевая; къ этому по большимъ праздникамъ подавалось пиво и медъ. Для прислуги было отпускаемо: сало. бураки (свекла) капуста, огурцы, разное варево, а также по временамъ порція водки и пива. Акты К. Акад. Томъ II. № 21.

211. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ наставниковъ, живиихъ внѣ Академіи, были отпускаемы. кромѣ слѣдующей имъ дачи натурою. и квартирныя деньги. Такъ священ Крижановскій. преподаватель французскаго языка, получалъ въ годъ десять рублей.

212. Такой случай былъ и при Щербацкомъ, когда всѣ наставники отъ реторическаго до аналогическаго класса включительно отказались было отъ своихъ должностей Митрополитъ умнымъ и ловкимъ предложеніемъ заставилъ всѣхъ ихъ обратиться къ своимъ обязанностямъ.

213. Современная копія съ грамоты, данной Конисскому, хранится въ Актахъ Кіевской Академіи. Здѣсь она представляется сполна.

»Божіею милостію Тимоѳей Щербацкій, православный архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и малыя Россіи

»Всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитиметь, особливо же всечестнымъ Академіи нашея Кіевскія учителемъ и честной Кіевобратскоучилищнаго монастыря братіи, Божія благословенія, при нашемъ архіерейскомъ, желающе, извѣстно чинимъ Понеже мы пастырь, на мѣсто бываго въ ономъ Кіевобратскоучилищномъ монастырѣ архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго, по усмотренію нашему, Академіи нашея Кіевскія префекта и священныя богословіи учителя, іеромонаха Георгія Конисскаго, за его тщательное и добропорядочное Академіи нашея управленіе и учительство, данною намъ отъ Всевышняго Бога архіерейскою властію, настоящаго 752 года августа 1 въ Кіевобратскоучилищной Богоявленія Господня церкви, въ оной монастырь произвели во архимандрита, и какъ святаго Братскоучилищнаго монастыря правленіе, такъ и Академіи нашея Кіевскія полную дирекцію его превелебности вручили. Того ради въ началѣ долженствуетъ онъ превелебнѣйшій архимандритъ и ректоръ Георгій, въ церкви того Кіевобратскоучилищнаго монастыря, по чиноположенію церковному, ко Всеблагому Господу Богу обыкновенныя творити молитвы и содержать оную церковь въ надлежащемъ благолѣпіи: такожъ въ правленіи всѣхъ дѣлъ монастырскихъ тщательный и неусыпный имѣти присмотръ, аки добрый домостроитель, братію же смиреннѣ, благоугодно и по чину монашескому жительствующихъ въ пристойной любви, аки отецъ чада, содержать; противно же дѣлающихъ съ приговоромъ письменнымъ начальнѣйшей братіи и своею децизіею правильно наказывать и смирять духомъ кротости; о развращенныхъ же и по наказаніи неисправныхъ намъ доносить и прилѣжное смотрѣніе имѣть, дабы всѣ того Кіевобратскоучилищнаго монастыря братія церковнаго ко Господу Богу моленія не оставляли, и безъ вѣдома с монастыря не исходили, и по мирскимъ домамъ не скиталисябъ. Особливо же въ Академіи нашей, дабы преподаваніе ученія къ пользѣ церквы святой доброй успѣхъ могло имѣть, по долгу своему ректорскому, какъ надъ учащимы, такъ и учащимися рачительный надсмотръ имѣть: и для того успѣха о устроеніи в ученіяхъ порядковъ во всемъ поступать по данному отъ насъ о томъ особливому его превелебности

указу. В протчемъ же во всемъ ему превелебнѣйшему архимандриту и ректору Георгію, за силу учиненной его превелебностію въ катедральной нашей церкви присяги исправлятся по закону Божію, правиламъ святыхъ Апостолъ, Богоносныхъ отецъ, Регламенту Духовному, указамъ Ея Императорскаго Величества, нашимъ пастырскимъ предложеніямъ и по силѣ сей данной ему отъ насъ грамматы непремѣнно. И быть ему образомъ добродѣтельнаго житія, да тако за труды своя вѣнецъ блаженства отъ руки Господнія купно со всею о Христѣ братіею восприіметъ, глаголющи: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ.* О чемъ будучи извѣстни какъ всечестніи Академіи нашея учители, такъ и честніи Братскоучилищнаго монастыря братія должны ему превелебнѣйшему архимандриту и ректору Георгію всякое при подобающей чести отдавать послушаніе безъ роптанія и вся по благому его совѣту дѣйствовать. Въ знаменіе же того нашего пастырскаго опредѣленія сія его превелебности граммата за подписаніемъ руки нашея Архіерейскія, при печати кафедральной, дана въ кафедрѣ нашей митрополитанской кіевской 1752 года августа 14 дня«.

214 Подлинникъ, за собственноручною скрѣпою митрополита, находится въ Актахъ Кіевской Академіи Томъ 1. № 42.

215 Представляемъ сполна *мнѣніе* Кониского, »чего въ которой школѣ учить: I. Въ *Аналогіи:* 1) учить, въ русской бы рѣчи умѣлъ дитина разобрать между частьми рѣчи; 2) оттуду вести къ латинскому языку; 3) латинскаго языка наклоненій и спряженій правилныхъ ясно читая учить. 4) Малую, что нарицаютъ Syntaxin, показать. 5) Генералныи регулы de partibus orationis, de generibus nominum, de declinatione, de praeteritis et supinis показывать. Можно совокуплять и латвѣйшіи speciales тіиж регулы, толко читать на латинскомъ языкѣ, для экзерциціи въ чтеніи велѣть и ради мѣстной памяти надлежитъ: а силу русскимъ языкомъ внушать. 6) Наклоненія и спряженія читать з формованными цѣлими рѣчми. В сію школу годится Comenii vestibulum latinitatis, что можетъ служить ради такъ нарыцаемыхъ оккупацій и экзерцицій. 7) Между всѣмъ тѣмъ прилѣжно привычать къ правописанію. II. Въ *Инфимѣ:* 1) Вся реченная промовить поскоряе. 2) De partibus orationis, de generibus nominum, de declinatione, de praeteritis, регули всѣ и изъемныи показать. 3) Регулы генералныи, самонужнѣйшіи з великаго, какъ называютъ, Алвара протолковать. 4) Здѣ годится Orbis pictus. III. Въ *Гра-*

матикѣ. 1) Вышеписанная скоряе промовлять. 2) Регулы великаго Алвара употребленія частаго. хотя бы и pro suprema classe были, толковать. 3) И в сей уже школѣ можно регулы на латинскомъ языкѣ разбирать по разуму и по регуламъ 4) Переводъ назначать изъ Евангелія Castellionis ово изъ латинскаго на русскій, ово изъ русскаго на латинскій. 5) Можно и Colloquia напримѣръ Лангіевы присовокуплять; »въ добавку 6) »очень хорошо Sebastiani Castellionis sacros Dialogos изъяснять и переводить и выучивать сентенціи наизустъ«.—*(добавлено рукою митрополита)* IV. Въ *Синтаксичѣ:* 1) Реченная промовлять. 2) такъ чтобы ничего въ Алварѣ неразумѣваемо не оставалось. совокупляя и рѣдкаго употребленія регулы. 3) Sintaxin figuratam учить. 4) Читать исторію. напримѣръ Sulpitii и удобнѣйшіи Цицероновы епистолы наизустъ, прежде росказавши вкратцѣ науку о періодахъ и о силѣ партикулъ. Въ сихъ школахъ, какъ и вездѣ, хорошо не оставлять чтенія Евангелія на латинскомъ и русскомъ языкѣ. V. Въ *Поэтикѣ:* 1) Sintaxim ornatam промовить и Цицероновы епистолы и науку о періодахъ и ихъ разборѣ. 2) Промовлять просодію,. тутъ представляя и причины всякихъ обыкновенныхъ удареній. 3) Предложить науку о хріи и читать епистоли, мало труднѣйшіи 4) Предложить науку de generibus carminum и читать на примѣръ на русскомъ Ѳеофановы или Ломоносовы, на латинскомъ Бухановы или Sannazarii или ex Fascicuło Freyeri избранные стихи и роди стиховъ. 5) Тропи и фигуры протолковать. VI. Въ *Риторикѣ.* 1) Елемента риторическія и по наукѣ оныхъ praxin показать. 2) Цицероновы епистоли читать врядъ и сколко возможно переводить на русскій языкъ разумно и чисто При такомъ чтеніи показать ихъ artificium и расположеніе. Какіе тамъ періоды, тропи и фигуры объявить. Какіе въ нихъ phrases elegantiores, acumina rariora, res notatu digniores, что примѣчанія достойное 3) Послѣ прочтенія нѣсколько епистоль означить имитацію на россійскомъ языкѣ. которую бы ученики verbis et phrasibus Ciceroni usitatis изобразили. 4) Horatii poëmata (exceptis nonnullis obscaeniorihus) на россійскій языкъ переводить то стихомъ. то прозою. 5) Тѣже poëmata переводить in prosam orationem по латинѣ. 6) Показать, какое artificium такихъ поэмъ, какимъ способомъ они распространены и чимъ они красивы: также какая разность есть solutae et ligatae orationis. 7) Дошедши чтеніемъ до изобрѣтенія и расположенія и еліокуцій большихъ орацій, нѣсколько Муретовыхъ рѣчей вичучить, а прежде оныя разобрать по ди-

спозиціи и елокуціи, и оныя велѣть ученикамъ изъ катедры виговорить, чтобы научиться можно было, что есть пристойная пронунціяція. 8) При такомъ чтеніи внушать, какъ надлежитъ авторовъ читать и имитовать. 9) Понеже, nemo est rhetor nisi philosophus, Dialecticam вкратцѣ предложить. VII. Въ *Греческой школѣ:* 1) Первую часть синтаксеосъ промовить и послѣднюю протолковать. 2) О діалектахъ и просодіи прочитать. 3) Посселліевы colloquia читать. 4) Евангеліе читать. 5) Епиграмы назначать. 6) Исократово увѣщаніе перевесть«.— Подлинникъ, писанный рукою Конисскаго и скрѣпленный митрополитомъ Щербацкимъ, находится въ Актахъ Кіевской Академіи № 46.

216. Програма составлена на языкѣ латинскомъ. Подлинникъ хранится въ Альбомѣ Кіевской Академіи.

217. Програмъ подобнаго рода, относящихся впрочемъ къ позднѣйшему времени, сохранилось довольное число.

218. Такъ въ 1750 году прибыли изъ Сербіи іеромонахъ *Исаія Новаковичъ* и свѣтскій *Павелъ Вучъ;* 1752 изъ турецкихъ владѣній монахи Козійскаго монастыря *Софроній и Діонисій* и многіе другіе. Впрочемъ всѣ они не отличились постоянствомъ въ ученіи и скоро возвратились во свояси.

219. Иностранцы, не понимавшіе значенія диспутовъ, выводили изъ этого весьма невыгодныя для православнаго училища заключенія. Іосифъ Леонардъ Рюнфъ, ссылаясь на одинъ нѣмецкій журналъ, прямо говоритъ: Porro adhuc abservandum, quod recentissime ann. 1784 in Academia Kioviensi a Graecis publice propugnata sit sequens propositio: verosimile est, quod Spiritus sanctus etiam a Filio procedat. Lineae Historico-Theologicae Pars II. pag. 184.

220. Полный конспектъ богословской системы Конисскаго можно видѣть въ Исторіи Кіевск. Акад. стран. 141 и 142.

221. Конспектъ философскій Конисскаго сполна помѣщенъ въ Исторіи Кіевск. Акад. стран. 145—148.

222. Граматы Петра Великаго и Елисаветы Петровны. См. Памятники Кіевск. Коммис. Томъ II. стран. 329 и 365.

223. Рѣчь о значеніи русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи. См. Московск. Вѣдомости 1849 года стран. 339.

224. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи Том. XIV стр. 285.

225. Моск. Вѣдом. 1849 г. стран. 337.

226. Исторія Моск. Универс. стран. 12.

227. Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ стран. 544.

228. Описаніе Кіевософ. собора. Прибавл. стран 200.

229. Грамата эта напечатана въ Прибавл. къ Описанію Кіевософ собора № 39.

230. Изъ старинной описи вещамъ, находившимся въ конгрегаціонной академической церкви, открывается, что митрополитъ Тимоѳей дѣлалъ много и другихъ пожертвованій въ храмъ училищный Такъ въ 1748 году подаренъ имъ бархатный епитрахиль красный шитый золотомъ и серебромъ съ изображеніемъ 12 апостоловъ: въ 1755 большой воздухъ краснаго бархата, шитый золотомъ и серебромъ съ изображеніемъ Вознесенія Господня и при ономъ два малыхъ, обложенныхъ только сѣткою; а также Евангеліе, покрытое свѣтло-краснымъ бархатомъ, украшенное сребропозлащенными изваяніями, на углахъ одной стороны 4 Евангелистовъ и посрединѣ—Благовѣщенія, а на другой—Распятія. Въ 1759 г. будучи уже московскимъ митрополитомъ, Тимоѳей прислалъ въ Конгрегацію Евангеліе въ листъ, съ сребропозлащенными круговыми съ обѣихъ сторонъ досками и чеканью; на одной сторонѣ вычеканено Воскресеніе Христово, по угламъ Евангелисты, а на другой сребропозлащенное древо съ пророкомъ Іессеемъ.

231. Впрочемъ окончательно она достроена при митрополитѣ Іероѳеѣ (1796 г.) подрядчикомъ, кіевскимъ купцомъ *Ѳедоромъ Рябчиковымъ*

232. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран 548.

233. Митрополитъ Тимоѳей погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ

234. Описаніе Кіевософ собора стран. 226.

235. »Буди, писалъ митрополитъ Тимоѳей въ своемъ предложеніи, »кто съ васъ чувствуетъ *въ себѣ въ чемъ недостаточество*, или чрезъ тое »какое поврежденіе *внутреннему* и внѣшнему здравію. то таковаго же»ланіе за *совѣстный* резонъ признать мощно Ежели же кто таковаго »препятствія къ тому не имѣетъ, и *можетъ* какъ въ ученіи учениковъ нале»жаще, сколко званіе учительское требуетъ, такъ и въ наставленіи оныхъ »къ добродѣтельному житію и богоугоднымъ нравамъ достаточно удовле»творить: то таковому не надлежитъ, сокривая свыщше (свыше) дарованій »ко славѣ Божіей и къ ползѣ ближнему талантъ, отъ таковаго бого»угоднаго званія удалятся«. Предложеніе это, скрѣпленное собственно-

ручной подписью митрополита, дано было всѣмъ учителямъ, начиная отъ реторическаго класса до аналогическаго. Всѣ наставники, согласно сему предложенію, подписали каждый противу имени своего: *желаю*.

236. Изъ многочисленныхъ сочиненій и переводовъ *Амбодика*, кромѣ диссертаціи: de hepate humano, извѣстны слѣдующія: *Врачебное Веществословіе*, снабженное рисунками. 1782 г. *Анатомикофизіологическій Словарь* на русскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ. 1783 г. *Искуство Повиванія* или *Наука о Бабичьемъ дѣлѣ* 1784. *Физіологія* или *Естественная Исторія о человѣкѣ* 1787 г. *Ботаники первоначальныя основанія* съ рисунками въ двухъ частяхъ. 1796 г. и *Новый Ботаническій Словарь* на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Важнѣйшіе изъ его переводовъ указаны въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ изд. Плюшара подъ статьею *Амбодикъ*

237. Словарь достопамят. людей Русской земли. Издан. 1836 г. Часть I. стран. 38. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Томъ I стран. 3.

238. Не указываемъ этихъ сочиненій, по чрезвычайной ихъ многочисленности. Любопытные могутъ видѣть въ Словарѣ Достоп. людей Русской земли. Изд. 1836 г.

239. Подлинникъ находится въ Актахъ Кіевск. Акад. Томъ III. № 31.

240. Обширнѣйшая біографія Н. Н. Бантышъ-Каменскаго изложена въ Словарѣ Достопамятн. людей Русск. земли Часть I. стран. 42.

241. Также.

242. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 187, 557.

243. Во всякомъ малороссійскомъ повѣтѣ находился Подкоморскій Судъ, завѣдывавшій собственно дѣлами о размежеваніи земель. Предсѣдательствовавшій въ этомъ Судѣ назывался подкоморіемъ, а помощникъ его коморникомъ. Опытъ повѣств. о древностяхъ Русскихъ стран. 736.

244 *Повѣтчикъ, новитчикъ, повытчикъ*, отъ слова *повѣтъ*, по малороссійски: *повитъ* — уѣздъ.

245. Обширнѣйшая біографія графа П. В. Завадовскаго помѣщена въ Сынѣ Отечества за 1831 годъ. Томъ XIX.

246. Сочиненія Золотницкаго слѣдующія: *Состояніе человѣческой жизни, заключенное въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ примѣчаніяхъ, касающихся до натуральныхъ человѣческихъ склонностей* 1763 г. *Новыя нравоучительныя басни* 1763 г. *Сокращеніе Естественнаго Права*, вы-

бранное изъ разныхъ авторовъ. 1764 г. *Общество разновидныхъ лицъ* 1766 г. Разсужденіе *о безсмертіи человѣческой души* 1768 г. Переводы: съ французскаго — *Духъ Сенеки* или правоучительныя разсужденія сего великаго философа 1765 г Съ нѣмецкаго: *Исторія разныхъ героинь и другихъ славныхъ женъ* въ 2 част 1767 и 1768 г.

247. Словарь Русскихъ свѣтск. писателей. Томъ I. стран. 232.

248. Исторія Моск. Академіи стран. 209.

249. Словарь достопамятн. лицъ Русской земли. Часть II. стран 163.

250. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Томъ I стран. 296

251. Тамже.

252. Исторія Росс. іерархіи. Часть I стран 212, 255. Часть IV. стран 611.

253. Славенскою епархіей названа въ годъ своего учрежденія (1775) епархія екатеринославская, архипастыремъ которой въ эту пору былъ Евгеній Булгаръ.

254. Словарь историч. Часть II. стран. 291—294.

255. Тамже Часть II. стран. 23.

256. Словарь Русск. свѣтскихъ писателей Часть II. стран 151.

257. Тамже стран 163.

258. Акты Кіевской Академіи а также Исторія Кіевской Академіи стран. 157.

259. Изъ напечатанныхъ переводовъ Сѣчкарева особенно замѣчательны слѣдующія: *Златоустовы Бесѣды* къ антіохійскому народу 1778 г. *Василія Великаго Шестодневъ* 1785 и нѣсколько мелкихъ статей съ греческаго. *Физика* для народныхъ училищъ и *Натуральная Исторія* съ нѣмецкаго. *Забавный Философъ* 1762. *О прививаніи оспы* 1786. *Описаніе европейскихъ темницъ* 1771 *Изслѣдованіе христіанства* 1790, съ англійскаго. Остающіеся въ рукописяхъ переводы Сѣчкарева показаны въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей. Часть II. стран. 165.

260. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 447.

261. Словарь историч. Часть I. стран. 10

262. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 183, 582.

263. Тамже стран. 582.

264. Сочиненія Н. Хмельницкаго суть слѣдующія: *Разсужденіе объ основаніяхъ философскихъ* на лат. яз. напеч. въ Кенигсбергѣ 1762 г.

Разсуждеціе о рабствѣ по законамъ естественнымъ и праву всенародному. Переводы его изчислены въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей. Часть II. стран. 240.

265. Исторія Росс. іерархіи Часть II. стран. 181. 489. О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній съ Китаемъ и о заведеніи въ Пекинѣ Россійской Церкви и Духовной миссіи. Стран. 188. Нѣкоторые пишутъ, что онъ былъ настоятелемъ Кіевокирилловскаго монастыря и тамъ скончался.

266. Тамже стран. 188. О началѣ торговыхъ и проч. стран. 189.

267. Изъ вызванныхъ Тихономъ студентовъ Академіи извѣстны: *Петръ Өедоровъ, Яковъ Костенскій* и *Владиміръ Доримендовскій.*

268. Воронежск. Губ. Вѣдом. 1848 г. № 30. Послѣ *Тихона Якубовскаго* епархія суздальская соединена съ владимірской. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 93, 183.

269. Въ Опытѣ Историческаго Словаря Новикова говорится, что *Эминъ* учился у іезуитовъ, потомъ какъ-то попалъ къ Туркамъ, принялъ магометанскую вѣру, наконецъ бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ явился въ русское посольство и, принявъ крещеніе, прибылъ въ Петербургъ. Такой же разсказъ съ немногими измѣненіями напечатанъ и при изданіи книги *Эмина: Путь ко спасенію.* Въ собственной же просьбѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ *Эминъ* о своемъ родѣ и похожденіяхъ разсказываетъ цѣлый романъ, мало сходный съ прежними показаніями и даже съ паспортомъ, выданнымъ ему отъ князя Голицына и приложеннымъ при прошеніи. О всемъ этомъ см. подробнѣе въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей Часть II. стран. 214—220. Всѣ толки эти повторяются до сихъ поръ историками нашей литературы. См. учебную книгу Росс. Словесн. *Греча* Часть IV. стран. 491. Издан. 1822 г. Столѣтіе Русской Словесн. *П. Мизко* стран. 147. Представляемая нами біографія есть сводъ фактовъ, критически повѣряемыхъ и приводимыхъ подъ правила логической вѣроятности.

270. Не Щепинъ ли, долженствовавшій быть товарищемъ Эмина?

271. »Замѣчательно, говоритъ митрополитъ Евгеній, что *Эминъ*, »по пріѣздѣ въ Петербургъ, почти невѣроятно скоро выучился по рус- »ски, черезъ два года сдѣлался русскимъ писателемъ, и въ 9 лѣтъ сво- »его въ Россіи пребыванія издалъ болѣе 25 книгъ переводовъ и сочи- »неній въ разныхъ родахъ«. Можно ли даже предположить, скажемъ

мы, чтобъ этого могъ достигнуть человѣкъ, родившійся отъ венгерца, проживавшій съ дѣтства до зрѣлаго возраста у Турокъ, носившій даже имя Магомета или Мехмета Эминя и только развѣ изрѣдка имѣвшій возможность и случай слышать русскую рѣчь? Положительно можно сказать, что *Эминъ* нарочно роспускалъ о себѣ подобные толки для придапія своей особѣ большей занимательности и съ хитрой цѣлію играть роль повыше той, какую обѣщало ему незнатное его происхожденіе.

272. Обстоятельство это приводитъ къ той мысли, не выдавалъ ли себя *Эминъ*, еще при поступленіи въ Академію, принадлежащимъ къ грекороссійской церкви, тогда какъ онъ по рожденію былъ можетъ быть римскокатолическаго закона? Судя по страсти его къ ученію, это очень легко могло быть. Такая, по іезуитской логикѣ, pia fraus случилась и съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, выдавшимъ себя за католика, чтобъ слушать уроки въ Римѣ. Изъ всѣхъ показаній *Эмина* во всемъ разнорѣчивыхъ, одно только неизмѣняемо, что родители его не были православнаго исповѣданія. Въ такомъ случаѣ *Эминъ* принималъ только повторительное крещеніе, нисколько не зазрѣвая себя въ совѣсти: ибо примѣровъ этому онъ могъ видѣть великое множество между Греками, обыкновенно перекрещивавшими приступающихъ къ православію.

273. Шлецеръ говорилъ объ Исторіи *Эмина*, что »она стыдъ дѣлаетъ вѣку и Русской литературѣ. Это, замѣчаетъ митрополитъ Евгеній, можетъ быть слишкомъ уже строго«.

274. Изъ переводовъ *Эмина* напечатаны: *Безщастный Флоридоръ* или *Исторія о принцѣ Ракальгутскомъ*, романъ политическій и нравоучительный—съ итальянскаго 1763 г. *Любовный вертоградъ* или *непреоборимое постоянство* 1763 и въ другой разъ 1780. *Горестная любовь маркиза де Толедо*. 1765. *Польская Исторія* Солиньяка въ двухъ томахъ 1768 съ французскаго.

275. Въ указѣ повелѣно было Арсенію объявить себя митрополитомъ при народномъ собраніи въ Соборѣ. Описаніе Кіевософ. Собора стран. 228.

276. Акты Академіи Кіевской.

277. Объ этомъ написано было цѣлое »Разсужденіе на примѣча- »нія противъ мнѣнія Академическаго, Его Преосвященству митрополиту »Арсенію представленныя 1763 года сентября 26 въ Академіи учиненнаго«. Не видно, кто былъ авторомъ этого сочиненія: но судя по

мысли, по прежнимъ представленіямъ Нащинскаго, даже по манерѣ выраженія, безошибочно можно приписать это ему. Особое мнѣніе Академіи, противное этому пункту, показываетъ, что Нащинскій, въ бытность свою ректоромъ, дѣйствовалъ именно такъ, какъ тутъ написано, и что послѣ него преподаватели богословія опять хотѣли возвратиться къ прежнему порядку. Умный и горячій ревнитель просвѣщенія—онъ, конечно, слѣдилъ за этимъ, и изъ своего Гамалѣевскаго монастыря присылалъ митрополиту замѣтки, оправдывавшія прежній образъ его дѣйствованія.

278. Всякое представленіе сеніора митрополитамъ прежде утверждалось скрѣпою ректора или префекта, и потомъ уже шло по своему назначенію.

279 Прежняя Бурса была близъ Братской Богоявленской церкви съ южной стороны между улицами, идущею мимо монастыря и Духовскою, которая шла отъ Свято-Духовской церкви, стоявшей на самомъ берегу Днѣпра, тамъ гдѣ недавно былъ домъ дворянина Ходоловскаго.

280. Акты Кіевск. Акад. Том. II. № 26.

281. Штрафныя деньги были взыскиваемы съ священноцерковнослужителей за разныя неисправности и упущенія по службѣ. Деньги эти, состоявшія въ вѣдѣніи Консисторіи, до учрежденія въ 1823 году попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, обращаемы были на содержаніе Академіи.

282. Въ 1766 году мая 17 послѣдовало отъ сеніора великой бурсы *Луки Стеблинскаго* »съ прочими товарищи такое *доношеніе* къ игумену Кіевовыдубицкаго монастыря Сеоу: »мы нижайшіе, обучающіеся »въ Академіи, живучіе въ Студентскомъ Сиротинномъ Домѣ, всегда въ »нашихъ необходимыхъ нуждахъ по высокомилостивому вашего высо»копреподобія благопризрѣнію снабдѣваеми были; а особливо того по»лучали мы нижайшіе ежегодно на покупку для отопливанія въ зимное »время ізбъ дровяныхъ плитовъ денги. А понеже и нынѣ совершено »уже приспѣло такое время, въ которое и на слѣдующую зиму дро»вяніе плити покупкою заготовлять удобно: того ради вашего высоко»преподобія всенижайше просимъ на покупку оныхъ плитовъ не оста»вить видать намъ нижайшимъ и нынѣ по своему высокомилостивому »разсмотрѣнію денегъ« Подлинникъ находится въ Архивѣ Кіевовыдубицкаго монастыря.

283. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Кіевовыдубицкаго монастыря.

284. Напередъ замѣчаемъ, что оба эти диспута, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ студенту богословія *Алексѣю Ожаровскому*, а другой студенту философіи *Евфимію Черниховскому*, относятся уже къ позднѣйшему времени: но по тону, выбору предметовъ и характеру своему они нимало не разнятся отъ древнихъ, исключая слога, который здѣсь правильнѣй и слѣдовательно понятнѣй будетъ для читателя.

285. Подобныхъ опытовъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ сохранилось очень много въ библіотекѣ Кіевской Академіи.

286. *Маргасту* получалъ отъ митрополита Гавріила Кременецкаго 100 р. отъ Самуила Миславскаго, тогда уже епископа Бѣлградскаго, 50 р. и столько же отъ благодѣтеля своего Амвросія Зертисъ-Каменскаго.

287. Обязанности этихъ проповѣдниковъ состояли собственно въ преподаваніи уроковъ нравственности и истолкованіи слова Божія, »для народной въ тѣхъ мѣстахъ пользы«. Права, имъ предоставленныя, были слѣдующія: 1) быть соборными и первыми по намѣстникамъ; 2) получать порцію, опредѣленную соборному іеромонаху: 3) монастырь обязывался ежегодно выдавать своему проповѣднику 50 рубл. на одежду. Проповѣди, сказываемыя по монастырямъ, черезъ каждые три года, были представляемы митрополиту.

288. Приводимъ проповѣдь эту съ строжайшимъ соблюденіемъ правописанія, точно такъ какъ есть въ подлинникѣ, исключая знаковъ препинанія

289. Съ преобразованіемъ Академіи оркестровъ не стало: за то вокальное церковное пѣніе, преемственно переходящее отъ лѣтъ древнихъ къ позднѣйшимъ воспитанникамъ сего училища, донынѣ остается единственнымъ въ своемъ родѣ. Стекаясь изъ разныхъ мѣстъ обширнѣйшаго нашего отечества, студенты каждаго академическаго курса, не смотря на крайнюю малочисленность его, образуютъ сами собою пѣвческій хоръ, замѣняя иногда недостатокъ голосовъ всегда разумнымъ пониманіемъ дѣла и искренностью христіанскаго чувства. При нынѣшней Академіи, уже не составляющей, по прежнему, одного съ семинаріей и бурсой, содержатся нѣсколько мальчиковъ для пѣвческаго хора, выбираемыхъ изъ воспитанниковъ низшихъ духовныхъ училищъ.

Извѣстность и слава студентской капелліи такъ велики, что рѣдкій изъ посѣщающихъ святыню Кіева упуститъ случай послушать прекрасное пѣніе »Братскихъ пѣвчихъ«.

290. Исторія Малой Россіи Б. Каменскаго. Часть I. стран. 133—136.

291. На этомъ мѣстѣ построенъ теперь новый Кадетскій Корпусъ.

292. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 211, 642.

293. Также стран. 192, 620. Часть VI. Том. II. стран. 644.

294. Генеральный писарь было лицо знатное въ малороссійской администраціи. Онъ считался четвертымъ между генеральною старшиною, а въ засѣданіяхъ генеральной войсковой канцеляріи третьимъ. Онъ не былъ чѣмъ либо въ родѣ секретаря, а только тогда, и то по важнѣйшимъ дѣламъ, докладывалъ и принималъ на себя должность прокурора, когда самъ гетманъ присутствовалъ въ канцеляріи; въ другое же время равнялся прочей генеральной старшинѣ, и по генеральномъ обозномъ былъ вторымъ членомъ. Исполненіе всѣхъ гетманскихъ рѣшеній по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ принадлежало исключительно обязанности генеральнаго писаря. Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ стран. 747.

295. Судья генеральный былъ первымъ между статскими чиновниками и предсѣдательствовалъ въ генеральномъ судѣ. Также.

296. Въ Опытѣ повѣств. стран. 752 находится слѣдующее описаніе Бунчуковыхъ Товарищей: »Гетманъ Мазепа, дабы придать болѣе чести, великолѣпія и защиты своей гетманской корогвѣ и бунчукамъ, учредилъ въ малороссійскомъ войскѣ новый и до того небывалый чинъ Бунчуковыхъ Товарищей, написавъ въ оные молодыхъ людей изъ сыновъ Генеральной Старшины, Полковниковъ и знатнѣйшаго шляхетства, которые во время походовъ должны были безотлучно находиться при Гетманѣ, при его корогвѣ и бунчукахъ, подъ предводительствомъ Генеральнаго Бунчужнаго, а въ мирное время или жили дома, или при Гетманѣ попеременно находились и поручаемыя отъ него дѣла и коммиссіи исправляли. При всемъ томъ чинъ Бунчуковыхъ и при немъ Мазепѣ всегда почитаемъ былъ ниже Знатныхъ Войсковыхъ Товарищей. Можетъ быть, сверхъ вышеписанной причины, они и съ тѣмъ намѣреніемъ учреждены были, что таковые молодые люди, яко неиспытанные въ войскѣ своею службою и дѣлами, и не заслуживали наименованія

Войсковаго, а кольми паче Знатнаго Войсковаго Товарища; со всѣмъ тѣмъ, при бывшихъ послѣ Мазены гетманахъ, сего чина люди, какъ непрестанно при гетманахъ и при дѣлахъ ихъ находившіеся, столько усилились, что предпочтены были Войсковымъ Товарищамъ, и имя и чинъ Знатнаго Войсковаго Товарища вовсе сдѣлалось неизвѣстнымъ до учрежденія Подкоморскихъ Судовъ. Они по Полковникѣ, а по учрежденіи оныхъ Судовъ, по Подкоморіи, почитались первыми, не имѣли никакой опредѣленной должности, а въ потребныхъ случаяхъ употребляемы были къ военнымъ и гражданскимъ дѣламъ; въ отсутствіе Полковниковъ командовали полками, предсѣдательствовали въ полковыхъ канцеляріяхъ, по гражданскимъ дѣламъ присутствовали въ генеральномъ Судѣ и въ особыхъ Коммиссіяхъ, и ихъ отчасти къ военнымъ, а отчасти къ статскимъ чиновникамъ причислять можно«.

297. Вотъ номинальное перечисленіе договоровъ и актовъ, въ которыхъ участвовалъ Безбородко, какъ непосредственный дѣятель и даже творецъ весьма многихъ изъ нихъ:

I. Актъ, которымъ Генеральные Штаты соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій приступили къ морскимъ конвенціямъ, заключенный съ Королями Датскимъ и Шведскимъ. С.-Петербургъ 24 декабря 1780 г.

II. Актъ для сохраненія свободы торговли и мореплаванія нейтральныхъ народовъ, заключенный съ Королемъ Прусскимъ въ С.-Петербургѣ $^{8}/_{19}$ мая 1781.

III. Морская конвенція для охраненія свободы нейтральнаго торговаго мореплаванія, заключенная съ Королевою Португальскою въ С.-Петербургѣ $^{2}/_{13}$ іюля 1782.

IV. Трактатъ о дружбѣ и торговлѣ къ короною Датскою, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{8}/_{19}$ октября 1782.

V. Актъ, которымъ Король обѣихъ Сицилій приступилъ къ системѣ морскаго нейтралитета, въ С.-Петербургѣ $^{10}/_{21}$ февраля 1782.

VI. Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія, заключенный съ Королемъ Французскимъ въ С.-Петербургѣ 31 декабря 1786.

VII. Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія, заключенный съ Королемъ обѣихъ Сицилій въ Царскомъ Селѣ $^{6}/_{17}$ генваря 1787.

VIII. Договоръ дружбы, плаванія и торговли, заключенный съ Королевою Португальскою въ С.-Петербургѣ $^{9}/_{20}$ декабря 1787.

IX. Трактатъ вѣчнаго мира съ Портою Оттоманскою, заключенный въ Яссахъ 29 декабря 1791 г.

X. Оборонительный союзный договоръ съ Королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{3}/_{14}$ іюля 1792.

XI. Союзный и оборонительный договоръ съ Королемъ Прусскимъ, заключенный въ С. Петербургѣ 27 іюля 1792.

XII. Союзный и оборонительный договоръ съ Королемъ Великобританскимъ, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{7}/_{18}$ февраля 1795.

XIII. Конвенція съ державнымъ орденомъ Мальтійскимъ и Гроссмейстеромъ, заключенная въ С.-Петербургѣ $^{4}/_{15}$ генваря 1797 г. объ учрежденіи въ Россіи Великаго Россійскаго пріорства.

XIV. Сепаратныя статьи къ тойже Конвенціи, заключенныя $^{4}/_{15}$ генваря 1797.

XV. Прибавочныя статьи къ тойже Конвенціи, заключенныя $\frac{\text{28 ноября}}{\text{9 декабря}}$ 1797 г.

XVI. Конвенція между Императоромъ Всероссійскимъ и королемъ Прусскимъ, за приступленіемъ къ оной Императора Римскаго, объ окончательномъ раздѣлѣ Польши между взаимными ихъ державами, заключенная въ С. Петербургѣ $^{15}/_{26}$ генваря 1797 г.

XVII. Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи съ Королевою Великобританскою, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{10}/_{21}$ февраля 1797.

XVIII. Договоръ дружбы, мореплаванія и торговли съ королевою Португальскою, возобновленный въ С.-Петербургѣ $^{16}/_{27}$ февраля 1798 г.

298. Князь А. А. Безбородко женатъ не былъ.

299. Отечеств. Записки 1822 г. Изд. Свиньина Часть X. стран. 99.

300. Энциклоп. Лексиконъ. Изд. Плюшара. Словарь достопамятн. людей Русск. земли. Часть I. стран. 28.

301. С.-Петербургск. Вѣдомости 1835 г. № 63.

302. Энциклоп. Лексик. Словарь достопамятн. люд. Русск. земли Часть I. стран. 86. Словарь Русскихъ свѣтск. Писат. Том. I. стран. 35.

303. Изъ многочисленныхъ твореній *Березовскаго*, сохранились слѣдующія, четырехголосныя: a) полная литургія b) *Хвалите Господа съ небесъ*, въ трехъ номерахъ. c) *Творяй ангелы своя духи.* d) *Въ память вѣчную.* e) *Чашу спасенія приму.* f) *Во всю землю изыде.* g) *Знаменася на насъ.* h) *Радуйтеся праведніи.* i) *Блажени, яже избра.* Все это, такъ называемые, причастны. Концерты же его суть:

a) *Тебе Бога хвалимъ.* b) *Не отвержи мене во время старости.* c) *Слава въ вышнихъ Богу.* d) *Вси языцы восплещите руками* — два номера. e) *Пріидите и видите дѣла Божія.* f) *Отрыгну сердце мое.* g) *Милость и судъ воспою.* h) *Богъ ста въ сонмѣ боговъ.* i) *Не имамы иныя помощи.* Двухорные: *Вкусите и видите* — причастенъ; *Внемлите, людіе мои* и осмиголосный концертъ: *Не отвержи мене во время старости.*

304. Исторія Росс. іерархіи Часть V. стран. 639.

305. Таже Часть I. стран. 150. Часть VI. Том. II. стран. 815.

306. Таже Часть I. стран. 570.

307. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Том. I. стран. 144. Частнѣйшія свѣдѣнія о *Голеневскомъ* сообщены мнѣ еще въ 1836 году престарѣлымъ мѣщаниномъ *Середою*, который однакожъ по преданію лишь восхищался пѣніемъ *Голеня* (такъ называлъ его) и утверждалъ, что Ведель только подражалъ ему.

308. Словарь достопамят. людей Русск. земли Часть II. стран. 456.

309. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 173. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

310. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены мнѣ кіевскими старожилами, у которыхъ и въ санѣ протоіерейскомъ и на прославленной имъ каѳедрѣ проповѣдничества *Леванда* все слылъ подъ именемъ *Сикачки.*

311. Въ собраніи словъ и рѣчей *Леванды* первое относится къ 12 февраля 1761 года.

312. Слова и рѣчи Леванды Част. III. стран. 197.

213. Тоже изъ преданій старожиловъ.

314. *Иванъ Васильевичъ Леванда* погребенъ въ Софійскомъ Соборѣ въ придѣлѣ Благовѣщенскомъ въ углу при южной стѣнѣ.

315. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ доселѣ остаются не напечатанными. Изданныя же въ трехъ томахъ въ С.-Петербургѣ 1821 года въ типографіи Императорскаго театра очень неисправны. »Издатель, говоритъ митрополитъ Евгеній, не имѣлъ вѣрнаго и полнаго списка, и потому не достаетъ и въ семъ изданіи весьма многихъ поученій и рѣчей, а находящіяся въ ономъ во многомъ несходны съ подлинниками сочинителя, а еще неисправнѣе напечатаны. Есть еще собраніе его писемъ разнаго содержанія, готовыхъ уже къ изданію«: по

къ крайнему сожалѣнію, доселѣ еще не изданныхъ. Словарь Историч. Часть I. стран. 289.

316. Акты Кіевск. Акад. Том. II.

317. Исторія Росс. іерархіи. Часть V. стран. 639. Часть VI. Том. II. стран. 905.

318. *Ѳеодосій Голосницкій* самъ былъ воспитанникомъ Кіевской Академіи. Въ 1761 году онъ былъ хиротонисанъ изъ архимандритовъ Псковскаго Святогорскаго монастыря въ епископа Великоустюжскаго, а 1766 переведенъ въ Тамбовъ, гдѣ и скончался 23 декабря 1786 года. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стр. 207.

319. Въ томъ же 1779 году, по ходатайству Ѳеодосія, положено было на тамбовскую семинарію жалованья по 2,000 р. Таже стран. 450.

320. Акты Кіевской Академіи.

321. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 157, 452. Часть II. стран. 380. Часть V. стран. 179. Часть VI. Том. II. стран. 906.

322. Таже Часть I. стран. 216, 624. 625. Часть VI. Томъ II. стран. 820.

323. Таже Часть I. стран. 628, 630. Часть V. стран. 89.

324. Таже Часть I. стран. 155. 156, 212. Исторія Русс. Церкви Синод. Управл. стран. 110.

325. Акты Кіевск. Акад. Том. III. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива и надгробной надписи, находящейся въ Кіевопечерской Лаврѣ съ правой наружной стороны великой Успенской церкви.

326. Сочиненіе *Тихорскаго* называется такъ: Dissertatio pathologico-medica inauguralis de vera s. proxima causa Podagrae. Оно въ томъ же году было напечатано въ Лейденѣ.

327. Словарь Русскихъ свѣтск. писателей Том. II. стран. 209.

328. Рѣчь эта напечатана въ Зеркалѣ свѣта № 71 стран. 343

329. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 169 издан. 1827 г. и изъ записокъ священника *Ивана Евсевскаго.*

330. Акты Кіевск. Акад. Том. III. № 36.

331. Легенда эта послужила сюжетомъ для одной изъ Украинскихъ мелодій Н. *Маркевича.* Издан. 1831 г. стран. 31. Очевидно, что эта легенда есть композиція тѣхъ же невѣждъ, которые постоянно оказывали нерасположенность свою къ училищу.

332. Изъ указа 1785 года видно, что Коммиссія, долженствовавшая начать свои дѣйствія въ іюнѣ 1755 года, не была еще составлена и въ 1785 году.

333. *Анатолій* тамъ и скончался 2 февраля 1775 года.

334. *Серафимъ Анинъ* умеръ 7 декабря 1779 года въ томъ же Лубенскомъ монастырѣ.

335. Въ 1788 году во время войны съ Шведами, *Никодимъ* испросилъ себѣ отъ Императрицы дозволеніе быть главнымъ начальникомъ духовенства Русскаго сѣвернаго флота, и во время одного сраженія получилъ смертельную рану, отъ которой и скончался.

336. По этому раздѣлу 1773 года получили:

Ректоръ и профессоръ богословія – – – – –	50 р.
Префектъ и профессоръ философіи – – – –	41 р. 33 к.
Учитель реторики и нѣмецкаго языка – – – –	21 р. 67 к.
Учитель піитики – – – – – – – – – – – –	16 р.
Учитель синтаксимы и инфимы – – – – – –	15 р.
Учитель граматики и аналогіи – – – – – –	25 р.
Учитель польскаго языка и ариѳметики – – –	12 р. 50 к.
Учитель еврейскаго и греческаго языковъ – –	37 р.
Учитель французскаго языка – – – – – – –	15 р.
За великую инструкцію – – – – – – – –	7 р.
За малую инструкцію – – – – – – – – –	5 р.
	И того 245 р. 40 к.

337. Въ 1773 году сборъ этотъ простирался до 6,231 р. съ копѣйками.

338. Въ представленіи св. Синоду съ точностію обозначены и количество тогдашнихъ училищно-монастырскихъ доходовъ и мѣра участія въ нихъ наставниковъ. Изъ этого отчета видно, что въ 1772 и 1773 годахъ Кіевобратское училище имѣло доходовъ: 1,344 двойницъ и двѣ четвертки хлѣба да 4,363 рубля и 30 коп. деньгами.

339. Письмо это приведено нами въ біографіи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго см. стран. 186.

340. Акты Кіевск. Акад. Томъ III. № 31.

341. Тамже № 40.

342. Академія 1777 года положила въ Сохранную Казну 10,000:

1778 — 22,000: въ іюлѣ того же года 2,000; въ сентябрѣ столько же, и въ 1779 году 10,000.

343. Деньги эти, по размѣнѣ въ 1814 году на ассигнаціи, равнялись уже 228,441 рублю. (Каждый рубль сер. былъ размѣненъ на три рубля 91 коп. ассигн.).

344. Копія съ обширной рукописи неизвѣстнаго очевидца имѣется у меня. *Авторъ.*

345. Здѣсь не достаетъ описанія Тріумфальныхъ воротъ: въ подлинникѣ оставлено пустое мѣсто.

346. Государыня Марія Ѳеодоровна въ этотъ разъ изволила пожаловать въ Лавру для украшенія церкви Печерской икону въ четверть листа въ драгоцѣнномъ окладѣ въ бриліантахъ и дорогихъ каменьяхъ, изображающую Христа Спасителя, изцѣляющаго больнаго. Напутственную рѣчь Ихъ Высочествамъ говорилъ типографъ и проповѣдникъ лаврскій *Ѳеофанъ.*

347. Любопытна замѣтка современнаго лѣтописца о пребываніи въ эту пору въ Васильковѣ Павла Петровича. »Въ Васильковъ пріѣхали »въ пятомъ часу по полудни. Тамъ Его Высочество прохаживаясь въ »въ ономъ городку и отлучась одинъ съ придворнымъ лакеемъ взошелъ »въ одинъ убогій домишокъ, гдѣ церковный паламаръ (пономарь) жи»ветъ, изволилъ тому паламару сказать: »поведи-де мене къ самимъ »бѣднымъ у васъ живущимъ людямъ«. Паламаръ, вѣдая своихъ убогшихъ »людей, къ нимъ и повелъ, и перваго мужичка застали хижину свою »накрывающаго соломою, котораго Его Высочество изволилъ спросить: »чій онъ подданный? — отвѣтствовалъ: Печерского монастыря. »Хорошо »ли вамъ жить? — отвѣтствовалъ: добре, пане. И сему пожаловалъ им»періала. Отсюду къ другому мужику, и сему пожаловалъ полъимперіала. »Назадъ воротясь, изволилъ зайти опять къ паламару, которому пожа»ловалъ имперіала. На выѣздѣ изъ Василькова старой отставной солдатъ »купилъ на базарѣ на двѣ копейки ржаной хлебъ и ступку соли, под»неслъ Ихъ Высочествамъ на пути уже ѣхавшимъ, за что оному сол»дату пожаловали имперіала«.

348. Подлинникъ, написанный старинымъ почеркомъ, скрѣпленъ подписью какого-то *Никиты Яковлевича Старова;* а между тѣмъ нѣкоторые утверждаютъ, что эта рукопись принадлежитъ бургомистру *Димитрію Александровичу.* Судя по подробностямъ, которыхъ здѣсь много

выпущено и по ближайшему знанію всѣхъ обстоятельствъ этого событія, сказаніе это скорѣе можно и должно приписать *Александровичу*, а не *Старову*, который, вѣроятно, былъ только переписчикомъ.

349. Полное Собр. Законовъ № 10,216.

350. Подробности о переходѣ *Антонскаго* по степенямъ училищной службы можно видѣть въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ московскаго университета Часть I. стран. 13 и 14. Изъ этого же Словаря заимствована и предлагаемая біографическая статья.

351. Тамже Часть I. стран. 39—42. Словарь Русск. свѣтск. писат. Томъ I. стран. 6. Изъ сочиненій *Аршеневскаго* напечатаны два торжественныя слова, говоренныя имъ въ публичныхъ собраніяхъ Московскаго Университета: 1) *О началѣ связи и взаимномъ пособіи математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ* (1794 г.). 2) *О связи чистой математики съ физикою* (1808 г.).

352. Энциклоп. Лексиконъ изд. Плюшара. Словарь Русскихъ свѣт. писат. Томъ I. стран. 25. Тамже исчислены всѣ его сочиненія и переводы.

353. Акты Кіевск. Акад. Томъ III. № 41.

354. О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ стран. 189 и 190.

355. Исторія Росс. Іерархіи Часть VI. Том. II стран. 821.

356. Тамже Часть IV. стран. 285. Христ. Чт. 1854 г. Часть II. стран. 79.

357. Описаніе Кіевософ. собора стран. 232.

358. *Лебединскій* перевелъ и дополнилъ книги: *Нетлѣнная пища* и *Приточникъ Евангельскій*, изъ коихъ первая имѣла два изданія. Словарь Историч. Часть II. стран. 208.

359. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 212.

360. Акты Кіевск. Акад. Томъ III. № 41.

361. *Панкевичъ* въ своей диссертаціи разсмотрѣлъ вопросъ: De praecipuis machinis hydraulicis, quibus elasticorum ferventis aquae vaporum ponderisque athmospherae ope, a qua ad insignem altitudinem elevari potest. Все это объяснено надлежащими чертежами. Кромѣ этого напечатаны еще двѣ рѣчи его по случаю торжественныхъ собраній университета.

362. Біографіи проф. Моск. Универс. Часть II стран. 202—208.

363. Тамже стран. 435 и дал. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Томъ II. стран. 174. Тамже изчислены сочиненія и переводы его.

364. Акты Кіевск. Акад.

365. Тамже.

366. Исторія Росс. іерархіи Часть V. стран. 427. Часть VI. Том. I стран. 189. Том. II стран. 914.

367. Слышалъ отъ В. И. Л—ба и Н. Л. М—аго.

368. См. Опытъ біографіи Н. В. Гоголя стран. 10.

369. Словарь достопамятн. людей Русск. земли Часть V. стран. 150—156.

370. Акты Кіевск. Акад. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стран. 165.

371. Замѣчательно, что почти всякій изъ воспитанниковъ *Фальковскаго* непремѣнно отличный знатокъ математики.

372. Напечатанныя сочиненія *Фальковскаго* суть слѣдующія: 1) Christianae Orthodoxae Dogmatico-polemicae Theologiae Compendium. 2) Толкованіе на посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ и Галатамъ. 3) Сокращеніе церковной хронологіи. 4) Два Календаря съ историческими статьями. Рукописи его хранятся частію въ Библіотекѣ Софійскаго собора, частію въ Лаврѣ, а частію въ монастырѣ Михайловскомъ.

373. Словарь Историч. Часть I. стран. 208 и далѣе.

374. Тамже Часть II. стран. 75.

375. Москвитянинъ 1855 г.

376. Полн. Собран. законовъ Томъ XLIV стран. 190.

377. Показанный годъ рожденія Самуила Миславскаго значится въ подписи, находящейся на портретѣ его, хранимомъ въ Софійскомъ соборѣ. Въ рукописи же, составленной 1803, года говорится, что онъ родился въ 1727 году. Первое гораздо вѣрнѣе.

378. Панагія эта донынѣ хранится въ ризницѣ Кіевософійскаго собора.

379. Въ послѣдствіи *Сигиревичъ* былъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіевософійскаго собора, вторымъ послѣ Леванды, имѣлъ камилавку, наперсный крестъ, орденъ св Анны 2 степ. и право употреблять при служеніи митру; скончался 11 генваря 1824 года

380. Въ Исторіи Кіевской Академіи на стран. 129 представлено росписаніе, какимъ образомъ часы въ Академіи распредѣлены, взятое

будтобы изъ Инструкціи Самуила Миславскаго. Имѣвъ въ рукахъ самый подлинникъ, считаю нужнымъ объяснить, 1) что это росписаніе отнюдь не есть какая либо инструкція, а просто замѣтка ученика, сдѣланная имъ себѣ для того, чтобъ знать, какой классъ за какимъ слѣдуетъ и 2) оно относится не къ эпохѣ Миславскаго, а къ эпохѣ Щербацкаго или по крайней мѣрѣ Могилянскаго: ибо состоитъ въ явномъ противорѣчіи съ распоряженіями митрополита Самуила.

381. Прибавлено жалованья:

Учителю исторіи, географіи и польскаго языка Семигиновскому – 50 р.

Учителю французскаго языка *Форенелю* полнаго жалованья 400 р

Учителю нѣмецкаго языка – – – – – – – – – – – 60 р.

Учителю математики *Брульону* годоваго жалованья – 200 р.

382. Такіе отзывы просвѣщеннѣйшаго министра о воспитанникахъ какъ будто немного несогласны съ тѣмъ аподиктически высказываемымъ положеніемъ, какое мы находимъ въ Исторіи Русской Церкви (Синод. Управл. стран. 50) якобы »Московская Академія съ половины XVIII вѣка »по успѣхамъ своимъ стояла уже выше Кіевской«, положеніемъ, которое повторяетъ и авторъ Исторіи Кіевской Академіи (стран. 170) и авторъ Исторіи Московской славяно-греко-латинской Академіи (стран. 191). Факты—великая вещь!...

383 Полное собр. Закон. Томъ XXII. № 16,375.

384. За всѣ эти свѣдѣнія я обязанъ благодарностію старшему учителю нѣжинской гимназіи *Н. Н. Евсевскому*, который заимствовалъ ихъ изъ рукописныхъ замѣтокъ роднаго дѣда своего протоіерея Стефана Гречины, родившагося 1738, а умершаго 1812 года 20 генваря.

385. Иностранцу и архимандриты показались архіепископами.

386. Письма и мысли Принца де Линь Часть I. стран. 75—77.

387. Фундаментомъ для дворца служило нынѣшнее зданіе Минеральныхъ водъ.

388. Князь Потемкинъ въ это время останавливался въ Лаврѣ.

389. Тотчасъ по пріѣздѣ Императрицы въ Кіевъ, тогдашняя полиція распорядилась, чтобы жители сидѣли смирно по домамъ и не смѣли собираться передъ дворцемъ или во время выѣздовъ Государыни. Замѣтивъ пустоту на улицахъ, Она, какъ говорятъ, сказала: »вѣрно, здѣшній »народъ меня не любитъ, что я не вижу его предъ собою«. Къ счастію,

кто-то изъ приближенныхъ доложилъ Императрицѣ настоящую причину этого. Государыня сдѣлала строгій выговоръ полиціи и послѣ сего народъ уже всюду провожалъ ее несмѣтными толпами.

390. Вѣсу въ этой лампадѣ, кромѣ кисти, 6 фунтовъ, 12 золотниковъ.

391. Серебра въ паникадилѣ 7 пудовъ и 33 фунта съ нѣсколькими золотниками.

392. Полн. собр. Закон. Томъ XXII. № 16,517.

393. Зеркало свѣта № 87. стран. 561.

394. Современное стихотвореніе. См. Зеркало свѣта № 80. стр. 474.

395. Письма и мысли принца де Линь Част. I стран. 77.

396. Зеркало свѣта № 74. стран. 355.

397. Тамже № 71. стран. 344.

398. Письма и мысли принца де Линь. Часть I. стран. 79, 84.

399. Всѣ подробности этого достопамятнаго событія сообщены мнѣ письменно почтеннѣйшимъ о. протоіереемъ Кіевоподольскаго Успенскаго собора *Петромъ Максимовичемъ*, который былъ очевидцемъ всему этому.

400. О древнихъ правахъ и преимуществахъ малороссійскаго духовенства находится полнѣйшее и превосходнѣйшее сказаніе въ Описаніи Кіевософ. собора стран. 242—267.

401. Полное собр. Закон. Томъ XXII. № 16,374.

402. Впрочемъ Кіевопечерская Лавра имѣла крестьянъ и въ другихъ губерніяхъ.

403. Полное собр. Законовъ Томъ XXII. № 16,375.

404. Всѣ эти пункты означены въ Инструкціи, данной по указу св. Синода, митрополиту Самуилу отъ 4 іюля 1785 года.

405. Все это прописано въ синодальномъ указѣ митрополиту Самуилу отъ 31 мая и другихъ указахъ 1789 года.

406. Одинъ братъ Потоцкій сочинялъ и защищалъ конституцію, а другой былъ непримиримымъ врагомъ ея. Слѣдствіемъ этого была такъ называемая Тарговицкая конфедерація, вышедшая на кровавую борьбу съ ненавистной конституціей.

407. Слова и рѣчи I. Леванды Томъ III. стран. 9.

408. Стихотвореніе Рубана имѣется въ Библіотекѣ Академической.

409. См. Энциклопед. Лексиконъ Плюшара и Біографіи професс. Моск. Универс. Часть I. стран. 4. Также изчислены и сочиненія *Андріевскаго.*

410. Она пожертвована мною Кіевской Академіи и хранится нынѣ въ тамошней библіотекѣ.

411. *Ведель* доказывалъ, что тріо въ этомъ случаѣ было прямымъ нарушеніемъ церковнаго устава, гдѣ ясно сказано, что пѣвецъ поетъ *одинъ*, а квартетъ допускается только въ хорахъ.

412 Двѣ любимѣйшихъ пѣсни *Ведеся*, изъ которыхъ одна, напечатанная однакожъ не вполнѣ, принадлежитъ Г. С. Сковородѣ, помѣщены мною въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1854 г. № 10 стран. 65.

413. Концерты *Ведеся* для четырехъ голосовъ суть слѣдующіе: a) *Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу*. b) *Спаси мя, Боже, яко внидоша воды*, c) *Доколѣ, Господи, забудеши мя*, d) *Пою Богу моему, дондеже есмь* e) *Блаженъ разумѣваяй на нища и убога.* f) *Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь.* g) *Воскресни, Господи, да судятся языцы предъ тобою.* h) *Услыши, Господи, гласъ мой.* i) *Боже, законопреступницы возсташа на мя* и k) *ко Господу внегда скорбѣти ми.*

414. Всѣ біографическія свѣдѣнія собраны мною изъ разсказовъ старожиловъ кіевскихъ, знавшихъ *Ведеся* лично и заимствованы изъ рукописи, сообщенной мнѣ въ 1843 году іеромонахомъ Кіевопечерской Лавры *Варлаамомъ*, который подписался »пѣвчимъ и ученикомъ *Ведеся Василіемъ Зубовскимъ*«.

415. Акты Кіевск. Акад. Том. III.

416. Также. Описан. Кіевософ. Собора стран. 233. Истор. Росс. іерарх. Часть VI. стран. 93.

417. Біографическія свѣдѣнія о *Подолинскомъ* заимствованы изъ послужнаго его списка. Отецъ *Подолинскаго*, бывшій изъ дворянскаго сословія, служилъ священникомъ въ с. Зазимьи, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

418. Извлечено изъ сочиненія В. Савостьянова: *Жизнь преосвящ. Антонія, архіепископа Воронежскаго и Задонскаго.* С.-Петербургъ. 1852 г.

419. Авторъ Исторіи Кіевской Академіи относитъ Іероѳея Малицкаго къ числу воспитанниковъ кіевскихъ (стран. 173). Это напра-

сно. Въ этомъ случаѣ мы больше соглашаемся вѣрить митрополиту Евгенію. См. Описан. Кіевософ. Собора стран. 278.

420. Слова и рѣчи Левапды. Часть III. стран. 13.

421. Такихъ стихотвореній поднесено было воспитанниками Академіи *сорокъ четыре*, изъ коихъ есть нѣсколько на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Всѣ онѣ напечатаны въ типографіи Академіи Кіевской при Кіевопечерской Лаврѣ.

422. Полное Собр. Закон. Том. XXIV. № 17,594.

423. Тамже № 18,142.

424. Тамже № 18,166.

425. О всемъ этомъ пространно изложено въ Описаніи Кіевософ. Собора стран. 281—283.

426. Слова и рѣчи Левапды. Часть III. стран. 40.

427. Акты Кіевск. Акад. Том. III. № 112.

428. Исторія Русс. Философіи архим. Гавріила стран. 98.

429. Сообщено роднымъ братомъ его, протоіереемъ П. Г. Визерскимъ.

430. Изъ послужнаго списка.

431. Біографіи проф. Моск. Универс. Часть I. стран. 286 и Акты Кіевск. Акад. Тамже изчислены и сочиненія его.

432. Въ одномъ изъ Академическихъ Сборниковъ помѣщено много печатныхъ его стихотвореній въ честь митрополита Іероѳея.

433. Біограф. професс. Моск. Университ. Часть II. стран. 350.

434. Тамже стран. 486—514.

435. Подлинная Инструкція економу *Вавилѣ* хранится въ Актахъ Кіевской Академіи Том. IV. № 1. По сдачѣ ему академической кассы, оказалось въ наличности: a) штатной суммы 2,818 руб. 5 коп. b) процентной 12,444 р. 25 к. и въ долгахъ c) въ продажѣ книгъ 1,368 р. 6 к. d) отправленныхъ въ Москву къ Бантышъ-Каменскому 204 р. e) на кіевскомъ городовомъ Магистратѣ 8,000 руб.

436. Такъ назывался правитель Канцеляріи Академическаго Правленія.

437. *Масловскій* тоже воспитанникъ здѣшняго училища, окончившій образованіе въ Московской медико-хирургической Академіи.

438. Акты Кіевск Акад. Том. IV. № 7.

439. Инструкція эта дана Академической Бурсы учителю *Соколовскому Каллистрату*.

440. Инструкція эта дана студенту богословія и инспектору приходовъ Воздвиженскаго, Василіевскаго и Притиско-Николаевскаго *Михаилу Волюховичу*.

441. Въ педагогическое училище поступили: *Новицкій Василій*, протоіерейскій сынъ; *Вороньковъ Николай* изъ дворянъ, *Малецкій Иванъ*, *Кульматицкій Иванъ*, *Шаргородскій Даніилъ*, *Козачковскій Ананія*, *Петрушевскій Θома*, *Левандовскій Прокопій*, *Гурскій Антонъ* — священническія дѣти; *Дичинскій Филиппъ*—изъ мѣщанъ.

442. Поступили въ Медицину священническія дѣти: *Карпинскій Василій*, *Сингалевичъ Яковъ* и *Швабичъ Андрей*.

443. Слова и рѣчи I. Леванды Часть III. стран. 79.

444. Описаніе Кіевософ. Собора стран. 287.

445. Полное біографическое извѣстіе о митрополитѣ Серапіонѣ см. въ Описаніи Кіевософ. Собора стран. 288.

446. Повышены: *Іоанникій*, іеромонахъ, въ преподаватели поэзіи, *Серафимъ*, іеромонахъ, учителемъ высшаго класса латинской граматики; *Соколовскій Каллистратъ* учителемъ средняго класса. Вновь опредѣлены: учителемъ перваго россійскаго класса, діаконъ Андреевской церкви, *Чапскій Иванъ* и учителемъ втораго россійскаго класса, студентъ богословія, *Галинскій Аθанасій;* удаленъ учитель третьяго россійскаго класса, іеромонахъ *Θеодосій*, за небреженіе къ своей должности.

447. Акты Кіевск. Академіи Том. IV. № 16.

448. Тамже № 17.

449. *Должность ректора.* 1) Ректору ввѣряется правленіе всей Академіей по всѣмъ ея частямъ, и получать ему непосредственно о всѣхъ распоряженіяхъ важныхъ и нужныхъ и по намѣреніямъ благоизобрѣтеній повелѣнія отъ архипастыря. 2) Онъ же по воскреснымъ днямъ имѣетъ изъяснять Апостольскія посланія. 3) По учебнымъ предметамъ имѣть ему всевозможное стараніе, чтобы учители, занимающіеся оными, рачительно исполняли свою должность, и къ поступленію въ оную вновь избирать съ испытаніемъ и представлять на архипастырское утвержденіе самыхъ способнѣйшихъ и преимущественно успѣвшихъ въ проповѣданіи слова Божія, въ латинскомъ языкѣ и въ другихъ предметахъ, къ преподаванію которыхъ избираются. 4) Всѣ учители должны пода-

вать ему, равно какъ и прочими академическими должностями занятые ежемѣсячные о сихъ предметахъ рапорты. 5) Всѣ академическія распоряженія, производимыя съ доклада архипастырскаго и съ утвержденныхъ имъ положеній, должны быть исполняемы за его ректора вѣдомствомъ и письменнымъ приказаніемъ. 6) Ходить, когда важность дѣла укажетъ, во всякое время и для вѣдѣнія порядковъ въ ученіи и во всемъ снабдѣніи питомцевъ, въ Бурсацкій академическій домъ и больницу по послѣдней мѣрѣ однажды въ каждую недѣлю. 7) Ходить еженедѣльно по классамъ, слушать лекціи и экзаменовать учениковъ такъ, чтобы въ двѣ недѣли обозрѣвалъ всѣ предметы и порядки преподаваемыхъ предметовъ и присутствовать всегда на мѣсячныхъ и полугодичныхъ экзаменахъ. 8) Поступающіе вновь въ Академію, какъ священническіе, такъ и разночинческіе дѣти должны принимаемы быть за разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ ректора. 9) Учители во всѣхъ своихъ надобностяхъ должны относиться къ ректору, и живущіе въ Академіи безъ вѣдома его никуда не отлучаться и самимъ собою ни жильевъ не занимать, ни къ себѣ никого не принимать, ни экипажей академическихъ не употреблять: но изъ города отпущать въ случаѣ надобности съ доклада архипастырю. 10) Въ случаѣ усмотрѣнія какихъ недостатковъ со стороны ученія и поведенія учителей всемѣрно ректору стараться оныя отдалять во первыхъ благоразумнымъ внушеніемъ и напоминаніемъ; во вторыхъ благопристойнымъ выговоромъ. Если же сіи средства не воздѣйствуютъ, не терпя никакихъ противныхъ благовоспитанію и успѣхамъ происхожденій, представлять архипастырю. 11) Студентовъ, замѣченныхъ въ небреженіи о своей должности или въ худомъ поведеніи, если они послѣ напоминаній учительскихъ и префектовскихъ не исправились, во первыхъ также наставленіями, а потомъ выговоромъ исправлять ему; буде же не воздѣйствуютъ таковыя и его внушенія, взыскивать указными истязаніями и штрафами, призывая въ Правленіе, и самыя взысканія записывать въ журналы: за не исправленіемъ же потомъ и послѣдняго наказанія имѣетъ быть представляемъ архипастырю къ исключенію таковаго изъ Академіи. 12) Ректоръ о благосостояніи Академіи словесно имѣетъ докладывать архипастырю два раза въ недѣлю, а о всѣхъ порядкахъ главные подавать рапорты каждый мѣсяцъ. 13) Особенный долгъ его есть смотрѣть, чтобы во всѣ посты студенты и ученики, такъ какъ и самые учители всенепремѣнно говѣли, и по исповѣди св.

таин приобщались, и наблюдать, дабы въ сіе говѣнія время всѣ безъ изъятія ходили въ церковь Божію и стояли въ оной порядочно и благоговѣйно.

450. *Должность Префекта.* 1) Префекту со всякимъ раченіемъ надсматривать за учителями, суперъ-интендентами и всѣми исполняющими учительскія и економическія должности въ Академіи, стараться подробно знать о всемъ, что у нихъ ни происходитъ. 2) Имѣть въ виду ревность учителей въ преподаваніи классовъ, а студентовъ и учениковъ исправность хожденія въ оные, исправленіе своихъ должностей, и всѣхъ вообще благонравіе, благопристойное обращеніе, учтивство, человѣколюбіе, скромность, къ начальству покорность и послушаніе; а потому 3) какъ по собственному своему примѣчанію, такъ чрезъ учителей и надсматривателей стараться ему сколько возможно прозорливѣе знать учениковъ какъ успѣхи, такъ и поведеніе, и какъ въ классахъ, такъ и домашнее занятіе, и обращеніе. 4) Стараться, чтобъ въ ученіи никакое не было упущеніе, а для сего какъ съ ректоромъ ходить въ классы для усмотрѣнія учащихъ и учащихся порядковъ, способностей и успѣховъ, такъ и самому коль можно чаще посѣщать классы. 5) Знать всегда о состояніи учителей, чтобы въ случаѣ главной какой вины и невозможности быть учителю въ классѣ, предварительно докладывать ректору, чтобы за вѣдомомъ и приказаніемъ ректора другой учитель или кандидатъ могъ за отсутствіемъ учителя исправить оную должность. 6) Во время свободы отъ ученія отпущать учениковъ духовнаго и свѣтскаго состоянія, и всѣмъ вообще, кто будетъ отпущенъ, давать билеты, и за возвращеніемъ и явкою ихъ оные отбирать, и мѣстопребыванію ихъ въ Академіи дѣлать распоряженіе и опредѣлять для оныхъ домашнихъ учителей. Но на казенномъ содержаніи находящихся никуда, а на своемъ какъ духовныхъ, такъ свѣтскихъ во время учебное, безъ вѣдома ректора, не отпущать. 7) Буде усмотритъ префектъ учителей или смотрителей въ должностяхъ или поступкахъ неисправными, таковымъ во первыхъ имѣетъ сдѣлать напоминаніе ихъ долга, а когда то не подѣйствуетъ, о таковыхъ представлять ректору. 8) Студентовъ, замѣченныхъ въ упущеніи своей должности или въ худомъ поведеніи исправлять наставленіями, потомъ выговорами, а въ случаѣ дальнѣйшей ихъ неисправности представлять ректору. 9) Смотрѣть, чтобы всѣ студенты и ученики всегда вообще довольствуемы были всемъ надлежа-

щимъ содержаніемъ, сколько можно исправно, имѣли по распоряженію опредѣленную выгодную пищу, надлежащее одѣяніе и бѣлье и наблюдали, опрятность и чистоту как въ одѣяніи, такъ и въ жильѣ, и для того были бы завременныя всего нужнаго заготовленія, и въ чемъ надобность, о всемъ томъ представлять ректору. 10) Для присматриванія и вниканія съ крайнею тщательностію въ образованіе и содержаніе и поведеніе находящихся на казенномъ иждивеніи питомцевъ, ходить въ академическій бурсацкій домъ и въ больницу съ ректоромъ кромѣ самому еженедѣльно осматривать всѣ порядки. 11) О всемъ благосостояніи получать отъ смотрителей ежедневные словесные рапорты, а самъ имѣетъ, кромѣ другихъ произшествій, о семъ словесно рапортовать ректору три раза въ недѣлю. 12) Покупка всѣхъ вещей для Академіи съ вѣдома ректора должна быть производима подъ присмотромъ его — префекта, а потому, чтобы искупленное все принимаемо было самое лучшее, а худаго ничего бы не было, его особенному смотрѣнію препоручается. 13) Вся денежная академическая сумма въ его смотрѣніи и обереженіи состоять имѣетъ, но съ тѣмъ притомъ, чтобъ оная была хранима за его ключемъ и за печатью ректора, такъ что оба и ректоръ и префектъ за цѣлостію оныя отвѣтствовать обязаны.

451. Скончался 1852 года каѳедральнымъ протоіереемъ Каменецъ-подольскаго собора: имѣлъ камилавку, наперсный крестъ и орденъ Анны 3 степ. былъ присутствующимъ тамошней консисторіи и членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ.

452. *Сербжинскій* сдѣлался извѣстнымъ потомъ, какъ составитель книги: *Начальныя основанія Алгебры*, доселѣ остающейся въ употребленіи въ нашихъ духовныхъ училищахъ.

453. *Біантовскій Иванъ*, *Волощановскій Варѳоломей* и *Козловскій Михаилъ*.

454. *Гловацкій Василій*, *Петрушевскій Григорій*, *Сорокинъ Павелъ* и *Рыбчевскій Семенъ*.

455. *Заруднацкій Ѳедоръ*, *Базилевичъ Елевферій*, *Ефремовъ Иванъ*, *Ольховскій Тимофей*, *Кондрацкій Лука* и *Яроцкій Яковъ*.

456. *Каминскій Іосифъ*, *Гулевскій Кириллъ* и *Княгницкій Иванъ*.

457. *Понятовскій Андрей* и *Крыжановскій Александръ*

458. *Войцеховскій Іосифъ*, *Гловацкій Иванъ*, *Волянскій Викторъ*, *Левандовскій Антонъ*, *Семперовичъ Андрей* и *Волосьвичъ Василій*.

459. *Корбала Григорій, Сциславскій Петръ, Мазюкевичъ Василій, Войцеховскій Иванъ* и *Семеновскій Димитрій.*

460. *Забудовичъ Матвей, Кондрацкій Семенъ, Левицкій Іоасафъ, Топачевскій Стефанъ* и *Щербацкій Іосифъ.*

461. Разумѣется пожаръ 1780 г.

462. Улей 1811 г. № VII. Часть II стран. 146.

463. Подробнѣе объ этомъ изложено мною въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1854 г. № 4; стран. 23 и д.

464. Монахи Братскаго монастыря и учители до времени были помѣщены въ митрополитскомъ домѣ.

465. *Семенъ Ивановичъ Сплшницкій*, родомъ изъ дворянъ, по окончаніи курса въ Кіевской Академіи, былъ потомъ въ Московскомъ Университетѣ, и по выходѣ изъ училища несъ государственную службу въ Государственной Адмиральтействъ-Коллегіи до 1809 года. Акты Кіевск. Академіи Том. IV. № 34.

466. Тамже.

467. На этомъ балѣ, одна изъ дамъ, кажется, графиня Браницкая, просила у Государя позволенія взять одно перо изъ султана его шляпы. Когда получено было на это Высочайшее согласіе, то минуты черезъ двѣ не осталось у шляпы ни одного пера. *Сообщено П. И Рушковскимъ, который былъ тогда секретаремъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія.*

468. Въ память сего событія, Александръ I въ слѣдующемъ же году изволилъ прислать великолѣпную икону, отличнѣйшей живописи и осыпанную бриліантами и другими драгоцѣнными камнями, находящуюся нынѣ въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ. »Образъ сей, сказано въ надписи,— святаго Архистратига Михаила Его Императорское Величе»ство, Государь Императоръ Александръ Павловичъ Высочайше соиз»волилъ принести въ даръ сему первокласному Кіевозлатоверхомихай»ловскому монастырю, который несенъ былъ торжественно изъ каѳе»дральнаго Кіевософійскаго Собора съ крестнымъ ходомъ его высоко»преосвященствомъ Серапіономъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, »священно-архимандритомъ Кіевопечерскія Лавры и разныхъ орденовъ »кавалеромъ, и по отправленіи благодарственнаго молебствія, вмѣстѣ съ »настоятелемъ сея обители, преосвященнымъ Иринеемъ, коадъюторомъ

»митрополіи Кіевскія, епископомъ Чигиринскимъ и Анны 1 степ. кавалеромъ на семъ мѣстѣ поставленъ. Апріля 29 дня 1817 года«.

469. Она помѣщалась тогда надъ нынѣшней теплой Братской церковію. Комната, въ которой была библіотека, недавно обращена въ верхній ярусъ храма.

470. Впрочемъ она осталась въ тѣхже самыхъ зданіяхъ, какія занимала и прежде; въ старомъ академическомъ корпусѣ были классы, а въ бурсѣ жили казеннокоштные воспитанники и находилась больница. Классы были размѣщены слѣдующимъ порядкомъ: тамъ гдѣ недавно была столовая, учредили классъ словесности; противоположная камера (№ 2), за уничтоженіемъ бывшаго тамъ класса поэзіи, обращена въ аудиторію для лингвистики. Въ среднихъ камерахъ (№№ 3 и 4), изъ коихъ въ первой помѣщался прежде Синтаксисъ, назначенъ для высшаго отдѣленія уѣзднаго училища, а вторая, гдѣ учили граматикѣ, занята нижнимъ греческимъ классомъ Въ двухъ крайнихъ камерахъ (№№ 5 и 6) изъ коихъ въ пятомъ въ давнее время была *Фара,* опредѣленъ для приходскаго класса, а въ шестомъ, гдѣ была прежде *Инфима,* учреждено Низшее уѣздное училище. Въ верхнемъ этажѣ этого корпуса помѣщались классы философіи и богословія. *Сообщено Н. Н. Максимовичемъ, орд. проф. Кіевской Академіи.*

471. Въ 1815 году куплено Академіей у протоіерея І. Леванды 570 книгъ; кромѣ того весьма много прибыло въ нее отъ другихъ лицъ, или воспитывавшихся нѣкогда въ Академіи или питавшихъ къ ней особенное уваженіе.

472. »Академія доставила Московскому Университету многихъ отличныхъ профессоровъ« — сказано въ жизнеописаніи Панкевича. См. Рѣчи професс. Моск. Универс. 1820 г. изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности.

473. См. эпиграфъ къ 1 части сего сочиненія.

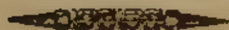
474. Одна Московская славено-греко-латинская Академія, кромѣ изчисленныхъ нами знаменитыхъ лицъ, приносившихъ ей въ свое время силы и способности своего ума, имѣла слѣдующихъ учителей и проповѣдниковъ изъ воспитанниковъ Кіевскихъ. Эпохи митрополита Тукальскаго: *Прибыловичъ Стефанъ,* префектъ Московской Академіи; *Томиловичъ Іоасафъ* тоже. Эпохи Кроковскаго: *Грембецкій Гедеонъ,* префектъ: *Колпецкій Іеронимъ,* проповѣдникъ; *Виговскій Василій,* преподаватель

философіи; *Скалуба Давидъ*, учитель піитики; *Арежницкій Іосифъ*, учитель граматики; *Стацьевичъ Адамъ*, учитель фары; *Рудзинскій Іустинъ*, учитель реторики. Эпохи Вонатовича: *Селецкій Викторъ*, проповѣдникъ; *Райковскій Діонисій*, тоже; *Хмарный Исаакій*, учитель синтаксимы; *Тыньовскій Паисій*, учитель граматики; *Плилевичъ Серапіонъ*, учитель инфимы; *Яновичъ Парѳеній*, учитель піитики; *Іосифовичъ Іероѳей*, учитель граматики; *Шумскій Стефанъ*, учитель реторики; *Квятницкій Ѳеофилактъ*, учитель синтаксимы; *Конашевичъ Германъ*, учитель граматики; *Лещинскій Іона*, тоже; *Кувичинскій Антоній*, ректоръ. Эпохи Заборовскаго: *Данилевичъ Давидъ*, проповѣдникъ; *Русичевскій Іустъ*, тоже; *Шмигельскій Симеонъ*, тоже; *Борецкій Симеонъ*, тоже; *Завалевичъ Иларіонъ*, учитель піитики и проповѣдникъ; *Зеленскій Владимиръ*, проповѣдникъ; *Ясинскій Лаврентій*, тоже; *Сулима Ѳеофанъ*, сначала проповѣдникъ, а потомъ архимандритъ костромскаго монастыря; *Земинскій Софроній*, учитель реторики; *Рубчановскій Самуилъ*, учитель піитики; *Врубльовскій Іоиль*, учитель синтаксимы; *Бенклевскій Ѳеофилъ*, учитель граматики; *Григоровичъ Кириллъ*, учитель реторики. Эпохи Щербацкаго: *Борковскій Константинъ*, учитель реторики, потомъ архимандритъ въ Казани; *Щербацкій Георгій*, префектъ и наставникъ богословія; *Моисей*.... учитель греческаго и еврейскаго языковъ. Эпохи Могилянскаго: *Исаевичъ Савватій*, проповѣдникъ; *Сильвестръ*.... сначала учитель реторики и поэзіи, а потомъ проповѣдникъ; *Лавровскій Игнатій*, учитель граматики; *Ярошевскій Іоасафъ*, наставникъ философіи и проповѣдникъ; *Гловацкій Варлаамъ*, преподаватель философіи, и множество другихъ, имена которыхъ въ Исторіи Московской славено-греко-латинской Академіи г. *Смирнова* скрываются подъ скромными названіями »уроженцевъ Мало»россіи, постриженцевъ Кіевопечерской Лавры, Софійскаго или Братскаго »монастырей, а также выходцевъ изъ Кіева«. Казанская и С.-Петербургская Академіи, имѣвшія въ самомъ началѣ своего основанія ректоровъ, префектовъ и наставниковъ изъ воспитанниковъ Кіевскихъ, стали наконецъ довольствоваться или учителями, получаемыми ими изъ семинарій, образовавшихся подъ вліяніемъ сей же Академіи, или своими воспитанниками. Вообще, не смотря на тщательныя розысканія, нѣтъ никакой возможности указать *всѣхъ* знаменитыхъ лицъ іерархіи церковной и службы гражданственной, которые или первоначальнымъ, или окончательнымъ образованіемъ своимъ обязаны Кіевской Академіи. Съ грустію повторишь

слова историка С.-Петербургской Духовной Академіи: »къ сожалѣ-
»нію, у насъ нѣтъ доселѣ полной исторіи іерархіи, а біографіи по-
»лезныхъ отечеству лицъ изъ духовенства у насъ не вошли еще въ
»обычай«. Христ. Чт. 1854 г. Часть II. стран. 92.

175. Оставляя въ сторонѣ жалкія нападки на Кіевскую Академію
нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ, мы упомянемъ только объ одномъ, нѣ-
когда даже пользовавшемся короткое время ея уроками, издателѣ *Ко-
рифея, Галинковскомъ.* Произнося постыдныя хулы противъ принятаго
ею метода воспитанія юношества, *Галинковскій* между прочимъ говоритъ:
»Академія, при всей своей худой системѣ, производила великихъ пре-
»латовъ, знаменитыхъ ученыхъ: но она не вывела на сцену ни одного
»великаго гражданина«. (Корифей 802 г. Часть I. стран. 149 и 150).
А будто прелаты, или по православному, святители, не граждане на-
шего великаго отечества? А развѣ знаменитые ученые составляютъ что
нибудь status in statu въ цѣлостномъ организмѣ государства? А Безбо-
родко, Завадовскій, Бантышъ-Каменскіе, Трощинскій, Козицкій и другіе
развѣ не великіе граждане, хоть бы даже и по понятію *Галинковскаго?*
Впрочемъ, можетъ быть, авторъ Корифея подъ вліяніемъ европейскаго
прогресса девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ понятіемъ о гра-
жданахъ соединялъ что нибудь другое: тогда дѣйствительно, Кіевская
Академія виновата: она не производила никогда и ничего похожаго на
тѣхъ публицистовъ и мнимоученыхъ говоруновъ, отъ которыхъ страдало
и страдаетъ благосостояніе государствъ и гражданскихъ обществъ. »Сей
»методистъ, говоритъ преосвященный *Амвросій* о *Галинковскомъ,* —самъ
»немного въ Кіевской Академіи учившійся, сердится на старинную мо-
»нашескую систему ученія (дѣйствительно не похожую на новомодныя,
»ежегодно почти перемѣняющіяся) и требуетъ, чтобы Академія сія во-
»спитала правдивыхъ законовѣдцевъ, добрыхъ судей, хорошихъ полко-
»водцевъ,—можно бы прибавить еще: купцовъ, промышленниковъ, ре-
»месленниковъ и проч. и проч. Умствовать такимъ образомъ значитъ
»не знать круга наукъ, приличныхъ каждому званію. Послѣ этого про-
должаетъ *Амвросій,* нельзя не удивиться антипатріотическому ли духу
»или не менѣе того постыдному своего отечества незнанію нѣкоторыхъ
»нашихъ писателей, изъ коихъ одинъ въ публичной рѣчи (см. Вѣстникъ
»Европы 1807 г. Часть X. стран. 45), выговорилъ, что труды и жертвы
»Конашевичей и Могилъ для отечества не приносятъ нынѣ плодовъ сво-

»нихъ, что насажденія ихъ не возродили между нами ни Кодровъ, ни »Леонидовъ, ни Фокіоновъ въ любви къ отечеству, ни Гомеровъ, ни »Димосфеновъ, ни Цицероновъ въ талантахъ, ни Невтоновъ ни Бюфо»новъ въ учености. Сей декламаторъ вѣрно не зналъ, что геніи не »обязаны бываютъ собою никакому училищу, или по крайней мѣрѣ не »зналъ, что Яворскіе, Прокоповичи, Конисскіе, Козицкіе и многіе другіе »геніи наши, въ живыхъ еще находящіеся, воспитывались въ Кіевской »Академіи«. (Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 497 и 498). Пусть раздѣляющіе мнѣніе *Галинковскаго* припомнятъ еще себѣ и отзывъ митрополита Евгенія о семъ училищѣ, взятый нами эпиграфомъ къ сему сочиненію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Іоасафъ Кроковскій.

1707—1718.

ГЛАВА II.

Варлаамъ Вонатовичъ.

1722—1730.

ГЛАВА III.

Рафаилъ Заборовскій.

1731—1747.

ГЛАВА IV.

Тимоѳей Щербацкій.

1747—1757.

ГЛАВА VII.

Самуилъ Миславскій.

1783—1796.

ГЛАВА X.

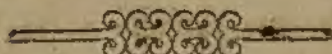
Серапіонъ Александровскій.

1803—1819.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

знаменитѣйшихъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, помѣщенныхъ въ первомъ и второмъ томѣ сей книги.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Почтительно кланяясь всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ моимъ, усерднѣйше прошу сообщать мнѣ всевозможныя свѣдѣнія о лицахъ, когда либо воспитывавшихся въ Кіевской Академіи и стяжавшихъ себѣ вѣчную память дѣлами, касающимися Церкви православной, отечества и просвѣщенія народнаго. Грустно подумать, какъ мало мы знаемъ о людяхъ, ознаменовавшихъ жизнь свою христіанскими, многополезными дѣяніями. Былъ такой-то, умеръ тамъ-то — вотъ и все! Грѣхъ передъ Богомъ и передъ Отечествомъ за такую холодность нашу къ тѣмъ, которые подвигомъ добрымъ подвизались и теченіе свое скончали во св. Вѣрѣ и прекрасной дѣятельности!.. Христомъ Богомъ умоляю всѣхъ и каждаго сообщать мнѣ всякаго рода свѣдѣнія объ іерархахъ нашей Церкви и другихъ знаменитыхъ лицахъ, воспитывавшихся въ древнѣйшемъ нашемъ училищѣ. Не нужно мнѣ ни хитростей витійства, ни даже строгой разборчивости въ фактахъ,— все пожалуйте, за все буду благодаренъ. Буде кто отзовется на мой просительный голосъ: тотъ пусть посылаетъ свои драгоцѣнныя замѣтки *въ Кіевъ, въ Редакцію Воскреснаго Чтенія*, на имя *Коллежскаго Совѣтника В. И. Аскоченскаго*.

Авторъ.

2007051311